

1. СИСТЕМА ЧАСТНЫХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ И ТЕНДЕНЦИИ ЕЕ РАЗВИТИЯ

1.1. Общая характеристика системы частных криминалистических теорий

Система частных криминалистических теорий, взятая в целом и составляющая в этом качестве основное содержание общей теории криминалистики, характеризуется рядом признаков как в философском и науковедческом, так и в собственно криминалистическом аспектах. Анализ этих признаков должен предшествовать рассмотрению конкретных элементов системы, ибо позволяет получить представление о роли каждого элемента, внутрисистемных связях, зависимостях и тенденциях развития отдельных частных теорий, обусловленных общими для всей системы процессами изменения и развития.

В философском аспекте система «есть специфически выделенное из окружающей среды целостное множество элементов, объединенных между собой совокупностью внутренних связей или отношений»¹, и обладающее интегративными свойствами, отсутствующими у ее составляющих. Система частных криминалистических теорий обладает всеми этими признаками. Это, несомненно, целостное множество элементов, роль которых играют отдельные частные теории. Целостность данного множества обусловлена относимостью всех его элементов к единому предмету познания, разные стороны которого частные криминалистические теории отражают. Поскольку все эти теории — элементы системы — относятся к определенной предметной области, специфически выделенной из окружающей среды, постольку и сами теории выделены в

¹ *Кравец А. С.* Методологические проблемы понятий «система» и «структура». — В кн.: Категории диалектики и методология современной науки. Воронеж, 1970, с. 58.

своей системе из множества других теоретических построений, являясь теориями криминалистическими, то есть частями специфически выделенной из всех областей научного знания самостоятельной науки — криминалистики.

Частные криминалистические теории связаны между собой множеством связей, отношений, взаимопереходов. Этот признак системы — внутренние связи ее элементов — легко обнаружить при рассмотрении любых частных криминалистических теорий. Так, например, учение о криминалистической регистрации тесно связано с криминалистическим учением о признаках, поскольку последние лежат в основе классификации регистрационных данных; учение о признаках содержит ряд исходных посылок для теории криминалистической идентификации; учение о способе совершения преступлений связано с учением о механизмах слеодообразования как общностью одного из объектов познания — навыков человека, так и взаимным использованием ряда своих выводов. В свою очередь, учение о способе совершения преступлений связано с учением о криминалистической регистрации, так как служит теоретической основой одного из видов криминалистических учетов, и т. д.

Понятие «связь» является общенаучным понятием. Философское значение этого понятия заключается в том, что оно «концентрированно выражает содержательную, имеющую мировоззренческое значение форму мышления о мире»². Конкретные понятия связи — это понятие о конкретных вещественных или предметных связях, то есть о конкретных количественных или качественных, материальных или идеальных связях, связях данного содержания с данной формой, определенного качества с определенным количеством и т. д.³

Связи, существующие между частными криминалистическими теориями, весьма многообразны. Это может быть объемная связь, когда предмет одной частной криминалистической теории входит в качестве элемента в содержание множества, составляющего предмет другой теории, более высокого по сравнению с первой уровня. Примером такой связи служит связь между теорией криминалистической идентификации и теорией судебно-графической идентификации, где предмет второй входит в качестве элемента в предмет первой. Это может быть функциональная связь, как, например, связь, существующая между криминалистическим учением о способе совершения преступления и учением о регистрации, и любая другая форма связи. Как следует из сказанного, наличие связи не зависит от уровня частной криминалистической тео-

² Чернов В. И. Анализ философских понятий. М., 1966, с. 130.

³ Там же. См. также Философский энциклопедический словарь. М., 1983, с. 598.

рии, а вид связи может зависеть от этого уровня, от места теории в системе теорий данной предметной области. В то же время А. А. Эйсман справедливо отмечает, что “отдельные формы связи вместе с тем являются не более чем формами всеобщей мировой связи, что различие между ними не абсолютно, а относительно, и за различием нужно видеть их единство, общность более высокого уровня. Это, в свою очередь, означает, что в конкретной обстановке не всегда возможно очень жестко, формально указать пределы действия одной какой-либо формы связи, полностью отвлекаясь от всех других форм”⁴.

Система частных криминалистических теорий есть система знания. Подчеркивая значение системы и системности в познании, П. В. Копнин пишет: “Объективная конкретная истина выражена не в отдельно взятых суждениях или понятиях, а в их системе. Только в системе достигается всесторонний охват предмета, процесс его развития... Необходимо, чтобы эта система знания давала описание и объяснение явлению или группе явлений, вскрывала закономерные связи, знание которых необходимо для практической и теоретической деятельности человека”⁵. Объединение теорий в систему обусловлено общностью, “родственностью” изучаемых ими закономерностей объективной действительности. Частные криминалистические теории потому и образуют систему, что их предметом является также система объективных закономерностей — закономерностей возникновения доказательств и судебного следования. Система познается системой.

Характеризуя функциональную сторону системы частных криминалистических теорий, нельзя не коснуться ее значения для практической деятельности по борьбе с преступностью.

Прикладной, практический характер криминалистической науки, ее функциональная направленность на обслуживание нужд практики раскрытия, расследования и предотвращения преступлений, о чем мы подробно писали в первом томе Курса, вовсе не означают принижения криминалистики как теоретического знания, как системы теорий разных уровней. Несомненно, что структура отдельной частной криминалистической теории и их системы зависит от структуры и содержания практической деятельности. Однако, как правильно указывает В. Н. Голованов, “теория не может зависеть от утилитарного эффекта, сведенного к дис-

⁴ Эйсман А. А. Заключение эксперта. Структура и научное обоснование. М., 1967, сс. 6-7.

⁵ Копнин П. В. Гносеологические и логические основы науки. М., 1974. с. 504; Антонов А. Н. Преемственность и возникновение нового знания в науке. М., 1985, с. 90.

кретному акту деятельности, она зависит от практики в ее наиболее общих характеристиках как ее конечный результат. Утилитарный эффект есть принцип организации производства, а не науки. Принципом организации теории служат не узкопрактические интересы, а законы и категории. Для того чтобы теория была истинной, она должна отвлечься от принципа утилитарной пользы”⁶. Было бы неверным поэтому оценивать истинность и нужность той или иной частной криминалистической теории исключительно под углом зрения ее сиюминутного практического эффекта, упрощенно понимая потребности практики борьбы с преступностью только как потребность в новых средствах и методах этой борьбы.

“Потребности производства, — пишет В. Н. Столетов, — безусловно, являются движущей силой развития науки. В этом нет сомнений. Вся суть в научном ответе на вопрос: что понимать под потребностями. Именно в ответе и скрыта опасность вульгарных представлений о потребности производства как движущей силе. Потребности производства не исчерпываются только материальной, так сказать, вещественной стороной производства (в подобном ограничении и заключено начало вульгаризации). В потребности обязательно включается и теоретическая деятельность. В современную эпоху потребность в теоретической деятельности — одна из важнейших потребностей материального производства”⁷. И эта теоретическая деятельность не сводится к простому моделированию, воспроизведению структуры и содержания практики. Отражение действительности в теории является процессом творчески преобразующим⁸. Теория именно потому и обладает творчески преобразующей силой, что включает в себя помимо представления об актуальном состоянии объекта и представления о возможных его преобразованиях в результате практической человеческой деятельности⁹.

В криминалистическом аспекте система частных криминалистических теорий характеризуется следующими положениями.

- I. Частные криминалистические теории в своей совокупности представляют теоретическую основу разработки и применения средств и методов расследования и предотвращения преступлений. Как таковые, они могут относиться к одному, двум или трем разделам крими-

⁶ Голованов В. Н. Законы в системе научного знания. М., 1974, с. 96.

⁷ Столетов В. Н. Послесловие к книге “Наука о науке”. М., 1966, с. 408.

⁸ Подробнее об этом см. Коршунов А. Ленинская теория отражения и активность познания. — Коммунист, 1975, № 11.

⁹ См. Швырев В. С. Научное познание как деятельность. М., 1984, сс. 15-16.

налистики (речь идет о технике, тактике и методике). Сфера применения теории определяется ее содержанием, уровнем и местом в системе частных криминалистических теорий.

- II.** Система частных криминалистических теорий соответствует основным направлениям теоретической деятельности, потребность в которой испытывает практика борьбы с преступностью; эта теоретическая деятельность осуществляется комплексом наук, частные криминалистические теории выражают ее результаты в области криминалистики.
- III.** Изменение системы частных криминалистических теорий обусловливается:
- ◆ а) возникновением в практике борьбы с преступностью потребности в новых теоретических обобщениях и объяснениях тех или иных сторон объективной действительности, связанных с преступностью как социальным явлением, в новых средствах и методах борьбы с нею;
 - ◆ б) развитием смежных областей знания, приводящим в результате интеграции знания к возникновению новых частных криминалистических теорий или в результате дифференциации знания — к отказу от разработки тех или иных проблем, “отошедших” от криминалистики к новым наукам;
 - ◆ в) развитием общей теории криминалистики как результатом дальнейшего проникновения в сущность предмета этой науки, что может повлечь за собой возникновение новых частных криминалистических теорий и пересмотр существующих;
 - ◆ г) развитием самих частных криминалистических теорий, изменением связей и зависимостей между ними, их уровней и сферы практического применения.

Перечисленные факторы определяют основные тенденции развития как системы частных криминалистических теорий, так и составляющих ее элементов.

- IV.** Для системы частных криминалистических теорий, объединенных в конечном счете единым предметом познания — предметом криминалистики, характерна комплексность в изучении одних и тех же объектов, явлений разными частными теориями, включение в содержание последних одних и тех же отдельных теоретических построений, рассматриваемых и используемых в различных аспектах применительно к направленности данной частной теории.
- V.** По степени разработанности, научной и практической значимости элементы рассматриваемой системы неоднородны. Наряду с разви-

тыми частными криминалистическими теориями, такими, например, как теория криминалистической идентификации, учение о криминалистической версии, учение о механизмах слепообразования и др., система включает менее разработанные — криминалистическое учение о способах совершения и сокрытия преступлений, криминалистическое учение о навыках; практически еще только обозначенные — криминалистическую теорию причинности, теорию криминалистического прогнозирования и др. “Резерв” системы составляют отдельные теоретические построения или некоторые совокупности таких построений, степень консолидации которых может оцениваться различно тем или иным исследователем. От этой оценки зависит признание подобной совокупности частной криминалистической теорией или отрицание такого качества. Эту область научного знания можно условно назвать спорными частными криминалистическими теориями. К таким теориям, по нашему мнению, относятся криминалистическое учение о личности¹⁰, теория криминалистической профилактики, учение о криминалистической реконструкции¹¹, криминалистическое учение о следственных действиях¹² и некоторые другие. Включение их в систему частных криминалистических теорий представляется в настоящее время весьма проблематичным.

1.2. Тенденции развития системы частных криминалистических теорий

Система частных криминалистических теорий, как и любая система научного знания, находится в состоянии непрерывного развития и изменения как количественно, так и качественно. Тенденциями этого процесса, с нашей точки зрения, являются: пополнение системы,

¹⁰ Идея создания подобной теории принадлежит Ф. В. Глазырину (См. *Глазырин Ф. В.* Криминалистическое изучение личности обвиняемого. Дисс. ... докт. юрид. наук. Свердловск, 1973).

¹¹ Вопрос о криминалистической реконструкции, ее теоретическом и практическом значении подробно рассмотрен нами в первом томе Курса.

¹² Предложение И. Ф. Герасимова (см. *Герасимов И. Ф.* Некоторые проблемы криминалистической тактики. — В кн.: Ленинский принцип неотвратимости наказания и задачи советской криминалистики. Свердловск, 1972).

расширение круга ее элементов за счет возникновения новых частных криминалистических теорий; обновление (модернизация) системы, связанное как с изменением связей между ее элементами, уровней составляющих ее теорий, так и (главным образом) с развитием представлений о предмете криминалистики, ее методологических основах; формализация элементов системы, развивающаяся на базе математизации и кибернетизации отдельных посылок, аргументов, выводов и иных положений частных криминалистических теорий, развития новых методов научных исследований, языка науки, ее систематики: адаптация системы как ее реакция на изменение окружающей среды. Рассмотрим подробнее проявление этих тенденций.

1.2.1. Пополнение системы частных криминалистических теорий.

Эта тенденция является наиболее заметной, поскольку в ней непосредственно отражается количественный рост криминалистических знаний, включение в сферу криминалистических научных исследований новых объектов и результатов их познания, увеличивающих общую сумму криминалистических знаний. Действие рассматриваемой тенденции отражает динамичность системы частных криминалистических теорий.

Однако прежде чем констатировать пополнение системы новым элементом — новой частной криминалистической теорией, — необходимо оценить такое теоретическое построение с точки зрения наличия у него признаков теории: общего начала и обоснования. Именно с этих позиций целесообразно рассмотреть высказываемые в литературе мнения о конституировании новых частных криминалистических теорий.

Личность человека — участника уголовного процесса — издавна привлекала внимание криминалистов. Уже в первых советских работах по криминалистике мы встречаемся как с данными о биологических (соматических) свойствах личности (черты внешности, папиллярные узоры, различного рода следы-отображения и др.), так и с данными о психологических ее особенностях и путях их использования в процессе розыска и следствия¹³. В дальнейшем положения, относящиеся к соматическим свойствам личности, легли в основу ряда разделов криминалистической

¹³ См., например, **Якимов И. Н.** Практическое руководство к расследованию преступлений. М., 1924; **Громов Вл.** Методика расследования преступлений. М., 1929; Криминалистика. М., 1935 и другие работы.

техники и стали учитываться при разработке тактики отдельных следственных действий, например, тактики осмотра места происшествия, тактики следственного эксперимента, тактики предъявления для опознания и т. д. Учет же психологических особенностей личности был признан необходимым при разработке всех вопросов криминалистической тактики: от построения версий до тактики любого следственного действия — и при решении многих организационных проблем расследования. Наконец, в последние 15-20 лет данные о личности преступника, а в некоторых случаях и свидетеля, потерпевшего, вспомогательного участника следственного действия стали включаться в качестве органического элемента в содержание различных частных криминалистических теорий. Так, на этих данных в значительной степени базируется криминалистическое учение о навыках¹⁴, учение о способе совершения преступления¹⁵ и другие теории.

С возрождением в нашей стране криминологии она, естественно, обратилась к изучению личности преступника своими методами и в своих целях¹⁶. Детальное исследование личности стало центральной задачей и судебной психологии еще в тот период, когда она только стала формироваться как самостоятельная наука¹⁷. Развитие этих наук потребовало определенной переориентации криминалистов, ибо отпала необходимость в проведении таких исследований по рассматриваемой проблеме, которые ранее, кроме них, никем не проводились, а теперь оказались в центре внимания и криминологов и судебных психологов.

Однако, несмотря на сужение сферы изучения личности криминалистами и использование данных о ее свойствах в рамках существующих частных криминалистических теорий, в начале 70-х годов предпринимаются попытки формирования криминалистического учения о личности как самостоятельной частной криминалистической теории.

Авторы одной из первых работ об изучении личности обвиняемого на предварительном следствии М. Г. Коршик и С. С. Степичев указывали, что сведения о личности обвиняемого нужны следователю для решения таких криминалистических вопросов, как успешное выдвижение и про-

¹⁴ **Самойлов Г. А.** Основы криминалистического учения о навыках. М., 1968.

¹⁵ **Зуйков Г. Г.** Криминалистическое учение о способе совершения преступления. Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1970.

¹⁶ **Сахаров А. Б.** О личности преступника и причинах преступности в СССР. М., 1961; **Степичев С. С.** Формы и методы изучения личности преступника. — Социалистическая законность, 1960, № 8; **Герцензон А. А.** Введение в советскую криминологию. М., 1965 и другие работы.

¹⁷ **Рапинов А. Р.** Судебная психология для следователей. М., 1967 и др.

верка версии о причастности определенного лица к совершению расследуемого преступления, правильный выбор тактических приемов его допроса, очной ставки, обыска, розыскных мероприятий, для раскрытия других преступлений, совершенных обвиняемым, и установления всех соучастников преступления¹⁸, то есть для решения практических задач следствия. Однако они не касались путей научного исследования этих данных, не высказывали мнения о том, какая наука должна заниматься этой проблематикой, и вели речь об изучении личности конкретного обвиняемого в процессе конкретного акта расследования.

В 1968 г. Г. А. Самойлов выступил с предложением положить данные о личности преступника в основу криминалистического учения о навыках, исходя из того, что «природа материально фиксирующихся свойств личности человека, совершившего преступление, может быть выяснена полностью только на основе научного понимания личности вообще и в частности на основе познания соматических (телесных), психических, отдельных социальных ее свойств и тех общих закономерностей, которые определяют особенности отображения этих свойств в материальных следах преступления»¹⁹. Г. А. Самойлов ограничил пределы криминалистического изучения личности только теми ее свойствами, которые при взаимодействии с окружающей средой фиксированно отображаются на предметах и в сознании людей, и не касался тактического аспекта изучения свойств личности. Позднее Г. Г. Зуйков²⁰ пришел к выводу о необходимости изучения некоторых свойств личности преступника в связи с их влиянием на выбор способа совершения преступления. Таким образом, данные о личности преступника стали учитываться и в криминалистическом учении о способе совершения преступления.

В более поздних работах говорилось преимущественно об исследовании личности в процессе практической деятельности по раскрытию и расследованию преступлений.

Так, А. С. Кривошеев, говоря о криминалистическом аспекте изучения личности обвиняемого, указывал, что он служит целям выбора пра-

¹⁸ *Коршик М. Г., Степичев С. С.* Изучение личности обвиняемого на предварительном следствии. М., 1969, с. 13.

¹⁹ *Самойлов Г. А.* Основы криминалистического учения о навыках, с. 3.

²⁰ *Зуйков Г. Г.* Криминалистическое учение о способе совершения преступления. — Соц. законность, 1971, № 11.

вильной тактики в процессе расследования и определял, какие свойства личности обвиняемого должны изучаться следователем²¹.

Исследованию личности обвиняемого на следствии и в суде посвящена обстоятельная монография П. П. Цветкова, который определил свое исследование как попытку "сравнительно широкого и комплексного анализа вопросов исследования информации об обвиняемом как человеке и личности в процессе предварительного расследования и рассмотрения в суде первой инстанции конкретного уголовного дела (главным образом в аспектах уголовного процесса, криминалистики, уголовного права)"²², то есть опять-таки в плане практического использования данных о личности. По его мнению, задачей теоретической разработки вопроса об объеме исследования личности обвиняемого является "выработка... такой классификации данных об обвиняемом, придерживаясь которой следователь, суд, прокурор могли бы с большим успехом и объективностью идентифицировать личность преступника, направить правильно розыск скрывшегося обвиняемого, избрать меру пресечения, тактику производства отдельных следственных действий и определить некоторые моменты методики расследования конкретного преступления, установить момент допущения защитника, наметить тактику ведения судебного следствия, уяснить причину совершения преступления, представить сведения, которые способствовали бы избранию оптимальных, соразмерных содеянному, мер наказания, исправления и перевоспитания преступника в исправительно-трудовом учреждении и т. д."²³

За два месяца до монографии П. П. Цветкова вышла в свет работа Ф. В. Глазырина "Изучение личности обвиняемого и тактика следственных действий". В аннотации к работе говорилось: "В настоящее время наряду с криминологическим, уголовно-правовым, судебно-психологическим, пенитенциарным начинает складываться и криминалистическое учение о личности преступника"²⁴. Правда, в самой работе говорилось лишь о криминалистическом направлении, или о криминалистическом аспекте изучения личности преступника²⁵, но в представленной к защите в том же году диссертации Ф. В. Глазырин уже конструирует само-

²¹ *Кривошеев А. С.* Изучение личности обвиняемого в процессе расследования. М., 1971, с. 7.

²² *Цветков П. П.* Исследование личности обвиняемого. Л., 1973, с. 4.

²³ *Цветков П. П.* Исследование личности обвиняемого, с. 16.

²⁴ *Глазырин Ф. В.* Изучение личности обвиняемого и тактика следственных действий. Свердловск, 1973, с. 2.

²⁵ Там же, сс. 12-13.

стоятельное криминалистическое учение о личности преступника, теоретической основой которого, по его мнению, является теория отражения, система философских, социологических, психологических, правовых знаний о личности²⁶. Судя по более поздней работе И. А. Матусевич²⁷, эта концепция Ф. В. Глазырина не получила отклика у криминалистов.

Разделяя взгляды В. Ф. Глазырина, П. П. Цветкова, Н. М. Ведерникова²⁸ и других авторов на важность исследования личности преступника (а по нашему мнению, и личности некоторых других участников процесса), считая криминалистический аспект такого изучения актуальным и перспективным направлением в научных криминалистических исследованиях²⁹, мы в то же время не можем согласиться с декларированием факта возникновения криминалистического учения о личности как новой частной криминалистической теории.

Нам представляется, что проблема изучения личности под углом зрения интересов уголовной политики и отправления правосудия — это преимущественно область криминологии и судебной психологии. По мнению И. И. Карпеца, криминологов должна интересовать социальная сущность, социальное лицо преступника, они должны «найти научно обоснованные критерии классификации преступников, дать социально-психологическую характеристику различных их групп и решить ряд других подобных вопросов. Анализируя виды преступлений, криминологи всегда должны устанавливать, кто совершает эти преступления, наиболее характерные обстоятельства, приведшие этих людей на скамью подсудимых»³⁰. Он четко разграничил пределы изучения личности в научном и практическом планах, отметив, что «практический аспект изучения личности преступника уже по своим конечным целям, но входит составной частью в те широкие обобщения, которые вырабатываются на основе анализа конкретных проявлений преступности»³¹.

²⁶ **Глазырин Ф. В.** Криминалистическое изучение личности обвиняемого. Дисс. ... докт. юрид. наук. Свердловск, 1973, с. 35.

²⁷ **Матусевич И. М.** Изучение личности обвиняемого в процессе предварительного расследования преступлений. Минск, 1975.

²⁸ **Ведерников Н. М.** Изучение личности преступника в процессе расследования. Томск, 1968.

²⁹ См. гл. 1 первого тома настоящего Курса.

³⁰ **Карпец И.** Пределы криминологических исследований. — Соц. законность, 1968, № 9, с. 23.

³¹ **Карпец И. И.** Проблема преступности. М., 1969, с. 104.

С точки зрения В. Н. Кудрявцева, криминологи должны “во-первых, создать типологию личности преступников, т. е. классификацию преступников по типу их социально- и индивидуально-психологических черт, связанных с преступным поведением... Во-вторых, выявить механизм формирования различных типов личности преступника. И, в-третьих, разработать комплексы предупредительных мер, в том числе мер индивидуального психологического воздействия, рассчитанных на применение к преступникам различных типов”³². К основным чертам криминологической характеристики личности преступника А. Б. Сахаров³³ относит три группы признаков: социально-демографические и уголовно-правовые; социальные роли и проявления в различных сферах общественной практики; нравственно-психологические качества и ценностные ориентации, полагая, что исследование этих признаков составляет задачу криминологии. К аналогичному выводу приходит и В. В. Клочков³⁴.

Касаясь проблемы изучения личности участников процесса, судебные психологи относят к компетенции своей науки “пути и средства формирования и направления психической деятельности участников уголовного процесса”³⁵; их психологические особенности, знание которых необходимо для выбора правильной тактики следственных действий³⁶, связи между отдельными особенностями личности³⁷, психические процессы, протекающие у участников следственных действий³⁸, и т. д.

Если суммировать свойства личности, являющиеся объектом исследования криминологии, судебной психологии, в известной степени наук уголовного и уголовно-процессуального права, то окажется, что на долю криминалистики остается исследование:

- ◆ а) соматических и психофизиологических свойств личности, данные о которых используются в целях розыска и идентификации;

³² **Кудрявцев В.** Борьба с преступностью и задачи криминологической науки. — Соц. законность, 1973, № 2, с. 19.

³³ **Сахаров А.** Личность преступника и типология преступников. — Соц. законность, 1973, № 3.

³⁴ **Клочков В.** Основные направления научных исследований по проблемам борьбы с преступностью. — Соц. законность, 1974, № 5.

³⁵ **Ратинов А. Р.** Судебная психология для следователей. М., 1967, с. 10.

³⁶ Там же, с. 15.

³⁷ **Дулов А. В.** Основы психологического анализа на предварительном следствии. М., 1973, с. 16.

³⁸ **Дулов А. В.** Судебная психология. Минск, 1970, с. 27.

- ◆ б) соматических и психофизиологических свойств личности, определяющих и проявляющихся в способе совершения преступления;
- ◆ в) методики изучения личности участников процесса следователем и судом, т. е. методов и правил изучения личности в практических целях уголовного судопроизводства.

Данные о других свойствах личности, о путях их использования на следствии и в суде, для квалификации преступлений, в процессе доказывания и т. п. разрабатываются (или, во всяком случае, должны разрабатываться) смежными с криминалистикой науками, и поэтому могут быть заимствованы ею у них.

Изложенное ни в какой степени не умаляет значения данных о личности участников процесса для криминалистической науки и разрабатываемых ею рекомендаций по борьбе с преступностью, но позволяет сделать следующие выводы:

- ◆ в настоящее время нет оснований для конструирования самостоятельного криминалистического учения о личности, ибо большая часть положений, которые предлагается включить в его содержание, относится не к криминалистике, а к криминологии, судебной психологии, уголовному праву и другим наукам;
- ◆ соматические и психофизиологические свойства личности, представляющие интерес для криминалистики и не изучаемые в нужном для нее аспекте другими науками, давно являются объектом исследования существующих частных криминалистических теорий: криминалистического учения о навыках, криминалистического учения о способе совершения преступлений, учения о криминалистической регистрации и других;
- ◆ разработка методики изучения личности участников процесса следователем и судом действительно необходима; подобная методика должна разрабатываться в теоретическом аспекте в рамках такой частной криминалистической теории, как общие принципы организации деятельности по собиранию, исследованию, оценке и использованию доказательств, а в практическом аспекте — входить в содержание криминалистической методики.

Таким образом, как нам представляется, нет достаточных оснований считать, что система частных криминалистических теорий пополнилась еще одним элементом — криминалистическим учением о личности: ни целесообразность конструирования такой криминалистической теории, ни сам факт ее возникновения еще нельзя считать признанными.

В криминалистической литературе 70-80 годов нередко встречаются упоминания еще о двух спорных частных криминалистических теориях: о

теории криминалистической профилактики и учении о следственных действиях.

Предложение о конструировании теории криминалистической профилактики имеет свою историю. После того, как новое уголовно-процессуальное законодательство акцентировало внимание юристов — ученых и практиков — на проблеме предотвращения преступлений, в криминалистике, как и в юридических науках, активизировались исследования в области разработки средств и методов предупреждения преступлений. Подчеркивая значение проблемы профилактики, В. П. Колмаков³⁹ в 1961 г. предложил выделить в криминалистике, наряду с техникой, тактикой и методикой, самостоятельный раздел и сосредоточить в нем все, относящееся к профилактике в криминалистической науке. Этот раздел криминалистики он назвал криминалистической профилактикой. У В. П. Колмакова не нашлось сторонников. Г. Г. Зуйков писал в 1967 г.: “Криминалистические средства, приемы и методы предотвращения и раскрытия преступлений находятся в неразрывном единстве... Разработка криминалистических средств предотвращения преступлений в каждом из разделов советской криминалистики рассматривается в настоящее время криминалистами как важнейшая и неотложная задача криминалистики”⁴⁰.

И. Я. Фридман, также возражавший против предложения В. П. Колмакова, писал: “Правильнее не выделять вопросы профилактики в самостоятельную часть криминалистики... Это, однако, не исключает термина “криминалистическая профилактика”, предполагающего совокупность таких основанных на данных криминалистики и судебной экспертизы научных приемов и средств, которые разрабатываются, совершенствуются в каждом из упомянутых разделов советской криминалистики (в необходимых случаях совместно с представителями других областей науки и техники) и используются криминалистами”⁴¹. Позднее он писал, что “выделение всех вопросов криминалистической профилактики преступлений в самостоятельную часть криминалистики было бы искусственным, поскольку одни и те же приемы и методы могут быть

³⁹ Колмаков В. П. Некоторые вопросы криминалистической профилактики преступлений. — Сов. государство и право, 1961, № 12.

⁴⁰ Зуйков Г. Г. Предупреждение преступлений средствами криминалистики. — В кн.: Выявление причин преступности и предупреждение преступлений. М., 1967, сс. 107, 109. Нашу критику предложения В. П. Колмакова см. в работе Белкин Р. С. Роль криминалистики в предупреждении преступлений. — В кн.: Наука на службе милиции. Алма-Ата, 1963.

⁴¹ Фридман И. Я. Вопросы профилактики преступлений при криминалистическом исследовании документов. Киев, 1968, с. 18.

использованы как в расследовании преступлений, так и в их предупреждении”⁴².

Вопрос можно было бы считать исчерпанным, если бы не неожиданный “поворот темы” в работах И. Я. Фридмана. Отказав криминалистической профилактике в праве на существование в качестве структурной части криминалистики, он пришел к выводу, что “перечень частных криминалистических теорий нельзя признать полным без включения в него учения о криминалистической профилактике, являющегося методологической базой исследования и разработки средств, приемов и методик предупреждения преступлений. Составляя совместно с другими частными криминалистическими теориями часть предмета криминалистики, раздел ее общей научной теории, криминалистическое учение о профилактике изучает закономерности возникновения обстоятельств, способствующих правонарушениям, их обнаружения, исследования, оценки и использования в предупредительных целях”⁴³. Видимо, такое “оживление” криминалистической профилактики теперь уже под флагом частной криминалистической теории дало основание В. П. Колмакову в 1973 г. снова поставить вопрос о признании криминалистической профилактики самостоятельным разделом криминалистики, требующим дальнейших теоретических исследований⁴⁴.

Содержание учения о криминалистической профилактике И. Я. Фридман представляет себе следующим образом. Первая часть учения — ее общие положения, т. е. основы криминалистической профилактики, касающиеся всех составных частей криминалистики. Вторая часть — криминалистические средства, приемы и методики профилактики, общие для всех категорий преступлений. Они включаются соответственно в состав общих положений техники, тактики и методики. Третья часть учения — приемы, средства и методики профилактики только конкретных видов преступлений. Они излагаются вместе с другими вопросами конкретных криминалистических методик⁴⁵.

Конструкция И. Я. Фридмана вызывает ряд принципиальных возражений. Начнем с того, что он допускает методологическую ошибку, объ-

⁴² **Фридман И. Я.** Вопросы профилактики преступлений в системе криминалистики. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 8. Киев, 1971, сс. 101-102.

⁴³ Там же, с. 102.

⁴⁴ **Колмаков В. П.** Введение в курс науки советской криминалистики. Одесса, 1973, сс. 13-14.

⁴⁵ **Фридман И. Я.** Судебная экспертиза и вопросы предупреждения преступлений. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1974, с. 13.

являя предлагаемую им теорию, с одной стороны, частью предмета криминалистики, а с другой, — разделом ее общей теории. Если криминалистическая профилактика является частной теорией и, как таковая, — элементом общей теории криминалистики, то она не может быть частью предмета науки, поскольку теория — это отражение предмета, а не его часть. В предмет криминалистики должны входить изучаемые этой теорией объективные закономерности действительности. Однако названные И. Я. Фридманом закономерности, которые якобы исследует учение о криминалистической профилактике, относятся не к предмету криминалистики, а составляют часть другой науки — криминологии. Уже одно это, как нам кажется, решает вопрос о существовании рассматриваемой теории как теории криминалистической.

Несостоятельность предложения И. Я. Фридмана становится очевидной и при рассмотрении содержания основ криминалистической профилактики, составляющих, по его мнению, общие положения этой теории. К их числу он относит: понятие и предмет криминалистической профилактики, ее место в системе криминалистики, проблему предупреждения преступлений в науке криминалистике и в других науках, формы отражения и внедрения рекомендаций профилактического характера⁴⁶. Но, как было показано, предмет этой теории, даже если согласиться с тем, что она существует, не относится к криминалистике, а значит, она не входит в состав этой науки. Сама проблема предупреждения преступлений никакой криминалистической специфики не имеет (специфический характер носят лишь некоторые криминалистические средства профилактики). Неясно, что имел в виду автор под “формами отражения” рекомендаций профилактического характера. Если он имел в виду форму тех документов, в которых выражаются эти рекомендации (представление, частное определение, заключение эксперта, публикация результатов обобщения следственной или экспертной практики и т. п.), то едва ли можно найти в ней что-либо “криминалистическое”. Что же касается форм внедрения профилактических рекомендаций (поскольку речь идет о криминалистике, очевидно, это средства и приемы), то и они ничем не отличаются от форм внедрения иных криминалистических рекомендаций. Таким образом, никаких оснований для выделения неких общих положений криминалистической профилактики, на наш взгляд, не усматривается.

⁴⁶ **Фридман И. Я.** Вопросы профилактики преступлений в советской криминалистике. — В кн.: Материалы пятой расширенной научной конференции Киевского отделения УНОСМик. Киев, 1964, с. 14-17; **Фридман И. Я.** Использование данных судебной экспертизы для предупреждения правонарушений. Киев, 1972, с. 14.

Для того чтобы завершить рассмотрение данного вопроса, нужно принять во внимание еще одно обстоятельство. Несомненная актуальность и важность проблемы профилактики преступлений побудили некоторых криминалистов, к числу которых мы бы отнесли и И. Я. Фридмана, несколько переоценить возможности криминалистики в обеспечении профилактической деятельности. Мы полностью разделяем мнение А. Н. Васильева, что роль криминалистики как одной из научных основ этой деятельности «порой понимается слишком широко и неконкретно. Например, выявление в процессе расследования причин и условий, способствовавших совершению преступления, и принятие мер для их устранения почему-то целиком относят к задачам криминалистики. Рекомендации о том, чтобы при допросе выяснять обстоятельства, способствовавшие преступлению, или при осмотре места происшествия обращать внимание на признаки, указывающие на условия, облегчившие преступление, и т. п. почему-то полностью считают криминалистическими»⁴⁷. Конструирование учения о криминалистической профилактике является примером подобной переоценки роли и значения криминалистики.

После 1974 г. И. Я. Фридман не возвращался к идее конструирования самостоятельной частной криминалистической теории профилактики. Его многочисленные статьи посвящались главным образом различным практическим проблемам экспертной профилактики. Однако идея формирования подобной теории профилактики обрела «вторую жизнь» в трудах И. А. Алиева.

В 1989 г. И. А. Алиев защищает диссертацию по проблемам экспертной профилактики⁴⁸, а в 1991 г. выходит его монография «Проблемы экспертной профилактики» (Баку), открывающаяся изложением его взглядов на содержание и структуру общей теории судебной экспертизы. Пятый блок этой теории носит название «Частные теории судебной экспертизы», и в нем среди других теорий называется теория экспертной профилактики⁴⁹. Обоснование существования такой теории содержится и в последующих работах И. А. Алиева⁵⁰. Т. В. Аверьянова в своей структуре общей теории судебной экспертизы такую теорию не выделяет, а

⁴⁷ **Васильев А. Н.** Проблемы советской криминалистики. — Соц. законность, 1973, № 3, с. 30.

⁴⁸ **Алиев И. А.** Проблемы судебно-экспертной профилактики. Дисс. ... докт. юрид. наук. Киев, 1989, сс. 54-56.

⁴⁹ **Алиев И. А.** Проблемы экспертной профилактики. Баку, 1991, с. 33.

⁵⁰ **Алиев И. А., Аверьянова Т. В.** Концептуальные основы общей теории судебной экспертизы. Баку, 1992, с. 64.

рассматривает вопрос об объединении подобных ей частных теорий (экспертной идентификации, экспертной диагностики и др.) в рамках одной теории процессов, отношений и целей экспертной деятельности⁵¹.

Если применительно к криминалистике по изложенным соображениям не следует вести речь о некоей теории криминалистической профилактики, то в контексте общей теории судебной экспертизы, объектом которой служит практическая экспертная деятельность, такая частная теория имеет, на наш взгляд, право на существование, поскольку отражает самостоятельное, и, к тому же, весьма существенное направление экспертной практики, которое с полным правом можно назвать экспертной профилактикой.

Несколько замечаний по поводу предложения о создании такой частной криминалистической теории, как учение о следственных действиях. Это предложение было выдвинуто И. Ф. Герасимовым на Свердловской научной конференции криминалистов в 1970 г. Аргументировал он его следующим образом.

1. В процессуальной и криминалистической литературе нет четкого определения понятий следственного действия, системы следственных действий, их видов и разновидностей, участников следственных действий.
2. Отсутствие четкого представления о том, какие действия относятся к числу следственных, приводит к игнорированию проблемы разработки тактики таких действий, как, например, предъявление обвинения, избрание меры пресечения, ознакомление обвиняемого с материалами дела, составление обвинительного заключения.
3. Создание учения о следственных действиях позволит не только ликвидировать эти пробелы в науке и тем оказать помощь практике, но и будет способствовать повышению эффективности следственных действий⁵².

“Думается, что учение о следственных действиях, — писал далее в той же работе И. Ф. Герасимов, — должно формулировать наиболее общие закономерности, черты и условия их производства, наметить пути и определить содержание развития новых следственных действий, обратить особое внимание на вопросы повышения эффективности

⁵¹ Там же, с. 97.

⁵² **Герасимов И. Ф.** Некоторые проблемы криминалистической тактики. — В кн.: Ленинский принцип неотвратимости наказания и задачи советской криминалистики. Материалы научной конференции. Свердловск, 1972.

следственных действий вообще и по отдельным категориям расследуемых преступлений в частности. Требуется более широкое изучение и вопрос о значении и роли различных следственных действий в предупреждении и предотвращении преступлений”⁵³.

Нам кажется, что И. Ф. Герасимов, аргументируя свое предложение, несколько сгустил краски. И в криминалистической, и в процессуальной литературе есть четкие понятия следственного действия, их системы, видов и разновидностей и пр. Чтобы в этом убедиться, достаточно обратиться к работам И. Е. Быховского⁵⁴, А. И. Михайлова⁵⁵, С. А. Шейфера⁵⁶ и ряда других авторов. Господствующим в криминалистике и уголовно-процессуальной науке является мнение, что к числу следственных относятся те действия, которые направлены на обнаружение, восприятие и закрепление фактических данных, то есть на работу с доказательствами. Поскольку в соответствии со своим предметом криминалистика “обслуживает” именно эти процессуальные действия, постольку и разрабатывается тактика их производства. Как и А. Н. Васильев⁵⁷, мы считаем, что ни о какой тактике не может идти речь, когда рассматривается такая процессуальная процедура, как, например, предъявление обвинения или составление обвинительного заключения.

Отрицание необходимости создания криминалистического учения о следственных действиях вовсе не означает непризнания важности комплексного исследования системы следственных действий криминалистами, процессуалистами, криминологами, специалистами в области НОТ следователя, психологами. Такое комплексное исследование, несомненно, обогатит криминалистику данными, которые с успехом будут использованы во всех ее существующих разделах.

Наряду с попытками создать криминалистическое учение о следственных действиях, екатеринбургские криминалисты выдвинули идею

⁵³ Там же, с. 28.

⁵⁴ **Быховский И. Е.** Развитие процессуальной регламентации предварительного расследования. — Сов. государство и право, 1972, № 1; **Быховский И. Е.** Процессуальные и тактические вопросы системы следственных действий. Дисс. ... докт. юрид. наук. Л., 1975 и другие работы.

⁵⁵ **Михайлов А.** Рецензия на книгу А. М. Ларина “Расследование по уголовному делу. Планирование, организация”. — Соц. законность, 1971, № 1.

⁵⁶ **Шейфер С. А.** Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. М., 1972.

⁵⁷ **Васильев А. Н.** Проблемы советской криминалистики, с. 28.

формирования “общей теории раскрытия преступлений”⁵⁸. По мысли Л.Я. Драпкина, содержание этой теории включает основы преодоления проблемных ситуаций в расследовании, эвристический процесс построения и проверки версий, логико-информационные этапы раскрытия преступления⁵⁹. В 1991 г. И. Ф. Герасимов предложил структурную схему этой теории, включив в нее: 1) криминалистическое понятие раскрытия преступлений; 2) следственные и тактические ситуации; 3) систему деятельности по раскрытию преступлений; 4) организационные и тактические основы деятельности по раскрытию преступлений. В курсе криминалистики раздел, посвященный этой теории, должен, по мнению И. Ф. Герасимова, находиться между тактикой следственных действий и методикой расследования отдельных видов преступлений⁶⁰. В 1992 г. идею создания подобной теории в рамках общей теории криминалистики поддержал И. Р. Искандеров⁶¹.

Детальное рассмотрение предложений названных авторов показывает, что ничего принципиально нового содержание предлагаемой теории не содержит: все ее структурные элементы наличествуют в существующих криминалистических теориях либо служат базой для теорий формирующихся, например учения о следственных ситуациях.

Возникают вопросы и по существу. Например, правомерно ли в содержание одной общей теории (криминалистики) включать другую общую теорию (раскрытия преступлений)? Не является ли “система деятельности по раскрытию преступлений” просто-напросто аналогом доказывания — в процессуальном плане, а в плане криминалистики иным названием всего ее содержания? Существуют ли наряду со следственными некие “тактические ситуации”?

Подобные вопросы возникают и в связи с предложением сформировать частную криминалистическую теорию классификации преступлений. Намек на нее содержался в статье В. Г. Танасевича и В. А. Образ-

⁵⁸ **И. Ф. Герасимов.** Проблемы общей теории раскрытия преступлений. — В кн.: Актуальные проблемы советской криминалистики, М., 1979, с. 51.

⁵⁹ **Драпкин Л. Я.** Проблемы общей теории раскрытия преступлений и криминалистическая тактика. — В кн.: Теоретические проблемы криминалистической тактики. Свердловск, 1981, сс. 31-39.

⁶⁰ **Герасимов И. Ф.** О перспективах развития и структуре криминалистики. — В кн.: Перспективы развития криминалистики. Свердловск, 1991, с. 12.

⁶¹ **Искандеров И. Р.** Содержание общей теории криминалистики. — В кн.: Актуальные проблемы борьбы с правонарушениями. Екатеринбург, 1992, с. 4.

цова⁶², а развернутое обоснование — в монографии В. А. Образцова⁶³. Нам представляется, что в подобной самостоятельной теории просто нет необходимости, поскольку ее предмет — составная часть криминалистической систематики.

1.2.2. Обновление (модернизация) системы частных криминалистических теорий.

Эта тенденция изменения системы, как уже указывалось, связана с изменением содержания отдельных частных теорий, главным образом, под влиянием развития представлений о предмете криминалистики и ее методологических основ, что влечет за собой изменение связей между элементами системы и их уровнями. Примером проявления этой тенденции является модернизация системы частных криминалистических теорий, вызванная развитием таких ее элементов, как криминалистическое учение о навыках, о способе совершения преступления, теория криминалистической идентификации.

Теория навыков до определенного времени занимала подчиненное положение по отношению к теории криминалистической идентификации и разрабатывалась в значительной степени лишь применительно к потребностям криминалистического исследования письма⁶⁴. Исследование проблемы закономерностей возникновения доказательственной информации, т.е. общего, устойчивого в материально-фиксированных отражениях различных навыков человека, привело к изменению уровня этой теории, расширению ее содержания и связей с другими частными криминалистическими теориями, например, с учением о криминалистической версии, учением о механизмах слепообразования, общими принципами организации деятельности по собиранию, исследованию, оценке и использованию доказательств и другими. Стало возможным говорить

⁶² *Танасевич В. Г., Образцов В. А.* Методика расследования и криминалистическая классификация преступлений. — В кн.: Криминалистические характеристики в методике расследования преступлений. Свердловск, 1978.

⁶³ *Образцов В. А.* Криминалистическая классификация преступлений. Красноярск, 1988.

⁶⁴ См., например, *Винберг А. И.* Криминалистическая экспертиза письма. М., 1940; *Винберг А. И.* Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе, М., 1956 и другие работы.

о закономерностях материально-фиксированного проявления навыков⁶⁵.

Изменение представлений о предмете криминалистики привело к пересмотру исходных посылок учения о способе совершения преступления. Касаясь этого вопроса, Г. Г. Зуйков писал: «Криминалистика как наука о закономерностях возникновения, выявления, исследования и использования доказательств в целях разработки на их основе и познания средств, приемов и методов расследования и предупреждения преступлений включает способ совершения преступлений в предмет своего исследования в качестве одной из закономерностей процесса возникновения доказательств. Криминалистика изучает способ совершения преступления, по существу, как содержательное явление действительности, и на основе познания закономерностей его формирования, причин и форм повторяемости разрабатывает средства, приемы и методы обнаружения, собирания, исследования и оценки судебных доказательств»⁶⁶. Такой подход к сущности способа совершения преступления обусловил возникновение новых связей между учением о способе и теорией навыков, учением о регистрации криминалистических объектов и т. п. Расширилась сфера применения данных о способе совершения преступления, и само это применение получило должную научную основу.

Интенсивная разработка теории криминалистической идентификации привела не только к изменению ее связей с другими частными теориями, но и к образованию в ее составе подсистем — теорий более низкого уровня. И здесь не обошлось без решающего влияния изменения представлений о предмете криминалистики.

После того, как М. Я. Сегай, опираясь на предложенное нами определение предмета криминалистики, по-новому определил предмет теории идентификации («закономерности возникновения, обнаружения, исследования и использования идентификационных связей, обусловленных взаимодействием и взаимным отображением свойств отождествляемого объекта и материальной среды события преступления»⁶⁷), стало более четко просматриваться значение общих положений этой теории для развития, так сказать, отраслевых теорий идентификации. В области графической идентификации такая «отраслевая» теория получила свое развитие в трудах В. Ф. Орловой. Именно ей принадлежит новое

⁶⁵ **Самойлов Г. А.** Основы криминалистического учения о навыках, с. 30.

⁶⁶ **Зуйков Г. Г.** Установление способа совершения преступления. М, 1970, сс. 11-12.

⁶⁷ **Сегай М. Я.** Методология судебной идентификации. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Киев, 1970, сс. 7-8.

определение теории судебно-почерковедческой идентификации, предметом которой она считает “закономерности, определяющие природу почерка как объекта идентификации (его идентификационные качества — индивидуальность и устойчивость, а также выражающие эти качества свойства и признаки), основанные на знаниях о ней принципы идентификационного исследования почерка в целях разработки методики экспертизы, необходимой для получения научно обоснованного заключения эксперта-почерковеда, являющегося источником доказательств при расследовании преступлений и судебном разбирательстве уголовных и гражданских дел”⁶⁸. В. Ф. Орлова пишет о связях теории графической идентификации с общей теорией криминалистической идентификации, общими принципами методики криминалистических экспертных исследований, которые она называет теорией экспертизы, криминалистическим учением о навыках. По ее мнению, в отношении каждой из этих частных криминалистических теорий теория графической идентификации “выступает как частная конкретная реализация более общих для нее научных данных”⁶⁹, то есть как теория более низкого уровня. Разделяя взгляды В. Ф. Орловой, мы можем констатировать изменение системы частных криминалистических теорий вследствие появления в ней элементов второго порядка.

Аналогичные изменения претерпела и другая “отраслевая” теория идентификации — теория судебно-баллистической идентификации, предметом которой, по определению Б. М. Комаринца, следует считать “закономерности выстрела и действия огнестрельного оружия в связи с совершением посредством него преступлений и возникновением судебных доказательств”⁷⁰. Эта теория также вошла в число частных криминалистических теорий “второго порядка”, образовав новые связи в системе частных криминалистических теорий.

Еще более дробное деление теории криминалистической идентификации, образование “отраслевых” теорий идентификации “третьего порядка” можно наблюдать в трасологии.

Один из ведущих ученых-трасологов — Г. Л. Грановский, подразделяющий эту отрасль криминалистики на теоретическую (общую) и специальные части, отмечает, что “в теоретической части трасологии рассматриваются общие закономерности возникновения, обнаружения,

⁶⁸ Орлова В. Ф. Теория судебно-почерковедческой идентификации в советской криминалистике. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1973, с. 17.

⁶⁹ Там же, с. 18.

⁷⁰ Комаринец Б. М. Судебно-баллистическая экспертиза огнестрельного оружия. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1975, с. 7.

фиксации и исследования следов. Эти общие закономерности специфическим образом проявляются в методике исследования каждого из видов следов... Ленинская теория отражения лежит в основе представлений теории идентификации, в том числе положений теории трасологической идентификации о соотношении ее объектов”⁷¹. Развивая эту мысль, Б. И. Шевченко в своей последней работе писал, что одна из главных, наиболее существенных проблем трасологии — это “открытие таких закономерностей, которые могли бы явиться общими для всех объектов трасологической идентификации и которые возможно было бы затем специализировать для предметов той или иной природы”⁷². Таким образом, на базе теории трасологической идентификации как “отраслевой” теории “второго порядка” формулируются теории механископической идентификации, гомеоскопической идентификации и т. п. — “отраслевые” теории уже “третьего порядка”. Разумеется, их возникновение сопровождается изменением внутрисистемных связей, которое в конечном счете касается всей системы частных криминалистических теорий.

Поскольку зашла речь об “отраслевых” теориях криминалистической идентификации, уместно подробнее рассказать о тех ученых-криминалистах, которых по праву можно назвать их творцами.

Борис Максимович Комаринец (1910 —1979) родился в Славянске (Донбасс) и начал свою трудовую деятельность в 1929 г. с должности секретаря научно-технического подотдела отдела уголовного розыска НКВД РСФСР. В 1930 г. он поступает на учебу на факультет работников уголовного розыска и научно-технических отделов института административного строительства НКВД РСФСР. В 1932 г. институт реорганизуется в Высшую школу милиции, которую Борис Максимович в том же году окончил в числе первого выпуска экспертов-криминалистов. В 1942 г. он окончил ВЮЗИ.

С 1932 по 1943 гг. Б. М. Комаринец работает в научно-техническом отделе Главного управления милиции — экспертом, старшим экспертом, заместителем начальника и начальником отделения. В последующие годы он заместитель начальника оперативного отдела ГУМ, куда входил и НТО.

После организации в 1946 г. НИИ криминалистики ГУМ МВД СССР Б. М. Комаринец назначается его начальником до увольнения в отставку в 1959 г. Он ведет интенсивную научную работу в Центральной криминалистической лаборатории МЮ СССР, а после ее преобразования — во Всесоюзном НИИ судебных экспертиз. В 1970 г. ему присваивают почетное звание заслуженного юриста РСФСР, в 1976 он защищает докторскую диссертацию.

⁷¹ Грановский Г. Л. Основы трасологии. М., 1974, сс. 4, 9.

⁷² Шевченко Б. И. Теоретические основы трасологической идентификации в криминалистике. М., 1975, с. 22.

Работы Б. М. Комаринца легли в основу теории судебно-баллистической идентификации.

Еще в 1938 г. возник творческий союз Б. М. Комаринца с другим ведущим ученым-криминалистом — Борисом Ивановичем Шевченко, с которым они написали уникальную для того времени книгу — “Руководство по осмотру места преступления”.

Борис Иванович Шевченко (1904 —1975) родился во Владикавказе и после получения среднего образования ушел добровольцем в Красную Армию (1920 — 1923). С 1923 по 1942 гг. он сотрудник органов внутренних дел, до 1930 г. на оперативной работе, а затем в научно-технических подразделениях милиции.

С 1942 по 1946 гг. Б. И. Шевченко работает в Центральной криминалистической лаборатории и некоторое время возглавляет это учреждение. В 1944 г. окончил вечернее отделение МЮИ, куда в 1946 г. переходит на преподавательскую работу. После слияния МЮИ с юридическим факультетом МГУ назначается доцентом, а затем на должность профессора кафедры криминалистики (1966).

В 1947 г. увидела свет книга Шевченко “Научные основы современной трасеологии”, сделавшая его имя широко известным в кругах криминалистов — ученых и практиков. В вышедшей уже после его смерти монографии “Теоретические основы трасологической идентификации в криминалистике” эта теория была представлена с исчерпывающей полнотой.

Завершая рассмотрение тенденции модернизации системы частных криминалистических теорий необходимо заметить, что от этой тенденции следует отличать предложения о принципиально ином построении системы частных криминалистических теорий. Здесь уже речь идет об ином понимании структуры общей теории криминалистики и составляющих ее элементов, по существу, не об обновлении системы частных теорий, а о ее замене иной системой с иным содержанием⁷³.

⁷³ С подобным предложением выступил В. С. Митричев, который предложил различать в теории криминалистики две группы учений: “общие учения, т.е. являющиеся теоретическим фундаментом науки в целом или отдельных ее разделов, и частные учения, составляющие научный базис существующих направлений криминалистической деятельности”. К общим учениям он отнес криминалистическую методологию, общие положения техники, тактики и методики, к частным учениям — теорию идентификации, учение о навыках, учение о морфологии, криминалистическую трасологию, криминалистическую субстанциологию (**Митричев В. С.** Теория советской криминалистики (дискуссионная постановка вопроса о так называемых криминалистических учениях). М., ВНИИСЭ, 1976. Реферат научного сообщения на X криминалистических чтениях.

Мы уже высказывались по поводу теоретической значимости общих положений отдельных разделов криминалистики (см. гл. 1 т. I Курса). Что же касается системы частных теорий, названных В. С. Митричевым, то нам она представляется далеко не полной, а ряд ее элементов — весьма проблематичным. Отсут-

см. след. стр.

1.2.3. Формализация системы частных криминалистических теорий.

Эта тенденция развития системы тесно связана с тенденциями развития языка криминалистики, математизацией науки и формализацией описания ею объектов исследования. Необходимо, однако, заметить, что применение математических методов исследования, приводящих к проявлению рассматриваемой тенденции, наталкивается на определенные сложности. На них справедливо обращает внимание Г. Л. Грановский, который пишет: «Математика содержит ряд готовых математических структур, которые способны отразить признаки криминалистических объектов. В ряде случаев достаточно просто отобрать структуру, подходящую для криминалистических целей. Однако к такому отбору надлежит относиться достаточно вдумчиво. Особая осторожность требуется в подборе математических структур, призванных отразить основные закономерности криминалистических явлений», ибо «криминалистика... требует в ряде случаев особых методов математики. Таких «криминалистических разделов» математика пока не имеет. Надо, однако, думать, что в процессе взаимодействия криминалистики с прикладной математикой эти задачи будут решены. Достаточно упомянуть, что ряд математических исследований в области распознавания образов уже сейчас выполняется применительно к требованиям криминалистической практики»⁷⁴.

Элементы системы частных криминалистических теорий, как знание теоретическое, представляют собой ряд идеализированных моделей или образов. Именно поэтому разработка знаковых систем в криминалистике, функционирующих в качестве материального воплощения этих идеальных образов, не может не отразиться на их системе. В. Лекторский и С. Мелюхин совершенно правы, когда пишут, что «в настоящее время особое значение имеет... понимание места знаковых систем в теоретическом научном исследовании. Такая задача представляется особенно актуальной, если учесть некоторые важные особенности современного научного знания: возрастание роли теоретических методов, тенденцию к разработке исследовательских программ (еще одно проявление тенденции формализации системы — **Р. Б.**), планированию научных экспериментов, возрастание роли философских категорий и прин-

ствие развернутой ее характеристики не позволило вступить в дискуссию с автором.

⁷⁴ Грановский Г. Л. Основы трасологии, сс. 13-14, 15.

ципов в научном познании и т. д.”⁷⁵ Кроме того, формализация является необходимым условием создания криминалистических информационно-поисковых систем, теоретической основой разработки и функционирования которых является содержание ряда частных криминалистических теорий. Интересы создания таких ИПС диктуют необходимость развития этих теорий в определенном аспекте: развитие теорий влечет за собой изменение их системы.

1.2.4. Адаптация системы частных криминалистических теорий.

Система частных криминалистических теорий является открытой системой, поскольку между ней и окружающей средой (другие системы теоретического знания, практика борьбы с преступностью) существует постоянный обмен информацией. Результатом такого обмена является адаптация системы, т.е. такая ее реакция на окружающую среду, которая преследует цель получения благоприятных последствий для деятельности системы⁷⁶.

Существуя в системе научного знания, криминалистика черпает необходимую информацию из различных областей науки, творчески используя эту информацию в своих целях. В то же время содержание и направленность криминалистических рекомендаций как “продукта” функционирования криминалистической науки обусловлены потребностями и запросами практики борьбы с преступностью. Об этих законах развития криминалистики уже шла речь в первом томе (гл. 4) нашего Курса. Их действие проявляется в рассматриваемом нами аспекте как раз в том, что система частных криминалистических теорий адаптируется, приспосабливается к переработке и использованию информации, поступающей от смежных наук и практики, с тем, чтобы полнее реализовывать служебную функцию криминалистики — ее содействие практике борьбы с преступностью.

Строго говоря, адаптация, как тенденция развития системы частных криминалистических теорий, проявляется через другие тенденции: и обновление системы, и ее модернизация, и формализация есть не что иное, как приспособление, ответная реакция системы на изменения

⁷⁵ Лекторский В., Мелюхин А. О некоторых тенденциях развития материалистической диалектики. — Коммунист, 1976, № 1, с. 58.

⁷⁶ Холл Л. Д., Фейджин Р. Е. Определение понятия системы. — В кн.: Исследования по общей теории систем. М., 1969, с. 267.

среды, то есть ее адаптация. Аналогия с живым организмом, применительно к которому рассматривали адаптивные системы Л. Д. Холл и Р. Е. Фейджин в упоминавшейся работе, здесь, как нам представляется, весьма уместна. Но эта аналогия наталкивает нас на вопрос о пределах адаптации системы теорий. Иными словами: можно ли сложившуюся сейчас систему частных криминалистических теорий, обладающую высокой степенью адаптации, считать постоянной системой теоретического знания в криминалистике, которой не может грозить смена иной теоретической системой именно в силу способности адаптироваться и самоусовершенствоваться?

На этот вопрос можно ответить словами П. В. Копнина: «Сама теория не является чем-то абсолютным, она относительно завершенная система знания, меняющаяся в ходе развития науки. Эти изменения вначале происходят в рамках данной теории и ее принципа путем включения новых и некоторого изменения прежних входящих в нее положений. Однако наступает такой момент, который обозначается пределом развития теории, то есть в теоретическом построении при включении в него новых фактов обнаруживаются противоречия, неразрешимые в рамках данной системы знаний. Решение этих противоречий предполагает существенное изменение принципов, лежащих в основе данной теории, поскольку новые факты вступают в противоречие с этими принципами. Определить момент, когда теория в своем развитии достигнет предела, можно только путем конкретного анализа сложившейся вокруг этой теории познавательной структуры»⁷⁷.

Однако после достижения предела в своем развитии теоретическая система может обрести новое качество в рамках заменившей ее более новой теории. Будучи достоверным знанием, она выступит как предельная форма и частный случай новой теории. «В этом и заключается гносеологическое содержание так называемого принципа соответствия, впервые выдвинутого применительно к физике Н. Бором, но применяемого сейчас для очень большого круга теорий»⁷⁸. В криминалистической теории этот принцип проявляется в действии такого закона развития криминалистики, как закон связи и преемственности между существующими и возникающими криминалистическими концепциями⁷⁹.

⁷⁷ Копнин П. В. Гносеологические и логические основы науки. М., 1974, с. 240.

⁷⁸ Там же, с. 241.

⁷⁹ См. гл. 4 первого тома Курса.

2. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О МЕХАНИЗМАХ СЛЕДООБРАЗОВАНИЯ

2.1. Развитие научных представлений о механизмах следообразования

Формирование и развитие в криминалистике научных представлений о механизмах следообразования исторически прошло несколько этапов.

На первом этапе внимание криминалистов привлекали только сами следы как источник информации преимущественно о личности преступника и некоторых его действиях при совершении преступления. Понятие следа не формулировалось, механизм следообразования детально не анализировался; следы классифицировались в основном по следообразующим объектам. Так, И. Н. Якимов делил все следы, обнаруживаемые на месте преступления, на две группы: следы человека и разные следы. К первым он относил следы ног, пальцев рук, зубов, ногтей, кровяные и семенные пятна, экскременты; ко вторым — следы от ног животных, от колес, от орудий взлома, от оружия, от горючих веществ и зажигательных приборов, следы подделок и подлогов¹. Впоследствии он изменил эту классификацию, разделив “разные следы” на две группы: следы животных и следы орудий и средств преступления. Следы человека были пополнены им еще тремя подгруппами (отделения, паразиты, живущие на человеческом теле и в нем, следы от носимой одежды). Из числа следов он исключил следы подделок и подлога, но зато добавил пыль, грязь, остатки пищи, следы свечи, жир и сало, краску, ржавчину, пепел².

¹ **Якимов И. Н.** Практическое руководство к расследованию преступлений. М., 1924, сс. 78-116; **Якимов И. Н.** Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. М., 1925, сс. 108-178.

² **Якимов И. Н.** Осмотр. М., 1935, с. 47.

Авторы учебника криминалистики 1935 г. различают следы человека (ног, пальцев рук, зубов, пятна крови, спермы, волосы), следы действия огнестрельного оружия, следы орудий взлома, транспортных средств и другие виды следов (следы одежды, пыль и грязь, табачный пепел и окурки, пятна от различных веществ)³. С. М. Потапов, рассматривая объекты масштабной съемки на месте преступления, называет такие виды следов, как следы пальцев рук, ног и иных частей тела, пятна крови, повреждения на теле, следы орудий и следы иного происхождения (копыт, колес, ног животных, полозьев)⁴. Подобные классификации с большей или меньшей детализацией приводятся также и в других работах того времени⁵.

Первое известное нам определение следа предложил И. Н. Якимов. Он писал: «следом называется отпечаток на чем-нибудь предмета, позволяющий судить об его форме или об его назначении»⁶. От следа он отличает пятно, которое «позволяет судить только об оставившем его веществе, так как оно само является частицей этого вещества»⁷. Однако, как уже отмечалось, это различие между следом и пятном И. Н. Якимов в своей классификации следов не учитывал.

В 1935 г. впервые в литературе был употреблен термин «учение о следах»⁸, а в 1936 г. — термин «трассеология»⁹. Но ни определения этого понятия, ни содержания учения о следах не давалось. Появление новых терминов не означало появления новой теории и на этом этапе существенного значения для науки не имело.

Второй этап развития научных представлений о механизмах слеодообразования мы связываем с появлением работ С. М. Потапова по теории криминалистической идентификации, Б. И. Шевченко о научных основах учения о следах, которое он тогда именовал трассеологией, А. И. Винберга об основных принципах криминалистической экспертизы.

³ Криминалистика. М., 1935, сс. 62-93.

⁴ **Потапов С. М.** Судебная фотография. М., 1936, сс. 54-62.

⁵ Криминалистика. М., 1938; **Комаринец Б. М., Шевченко Б. И.** Руководство по осмотру места преступления. М., 1938; **Евгеньев М. Е.** Методика и техника расследования преступлений. М., 1940; **Шавер Б. М., Винберг А. И.** Криминалистика. М., 1940 и другие работы.

⁶ **Якимов И. Н.** Осмотр, с. 44.

⁷ Там же, с. 44.

⁸ Криминалистика. М., 1935, с. 23.

⁹ Систематический библиографический указатель литературы по криминалистике. Составитель М. Н. Гернет. Минск, 1936. Затем этот термин употребил И. Н. Якимов (см. Криминалистика. М., 1938, с. 124).

Уже в своей первой работе о принципах криминалистической идентификации С. М. Потапов подразделил все объекты, участвующие в процессе идентификации, на идентифицируемые и идентифицирующие. Эту классификацию он неоднократно иллюстрирует на примере различных следов и оставивших их объектов¹⁰.

Выделение следов в самостоятельную категорию объектов акта идентификации послужило посылкой для создания таких их классификаций, в которых основанием являлся бы не вид слеодообразующего объекта, а свойства самого следа или механизм его образования. Для решения этой проблемы необходимо было определить, что следует понимать под следом в криминалистике. Такое определение сформулировал в 1945 г. С. М. Потапов. «Следы, — писал он, — отражения на материальных предметах признаков явлений, причинно связанных с расследуемым событием. Следы могут возникать от людей, отдельных предметов и от действия сил природы»¹¹. Это определение впоследствии Б. И. Шевченко оценил как впервые предпринятую попытку раскрыть значение слова «след» в качестве криминалистического термина¹². Нам кажется, что такая оценка была ошибочной.

Мы уже указывали, что первое определение следа было предложено И. Н. Якимовым на 10 лет раньше, в 1935 г. Правда, оно было, может быть, более примитивным, более «обиходным». Но, строго говоря, оно точнее характеризовало след именно в криминалистическом значении этого термина. Еще точнее оно соответствовало пониманию следа как объекта трасологических исследований. В этом нетрудно убедиться, если обратиться к комментариям определения С. М. Потапова.

Б. И. Шевченко писал, что одну из основных особенностей определения С. М. Потапова «составляет ограничение понятия «след» только отражениями на предметах»¹³. Но именно на это качество следа и указывал И. Н. Якимов, лишь называя отражение отпечатком. Таким образом, и из его определения вытекало, что «ни сами предметы, ни их части и частицы специальным значением слова «след» не охватываются»¹⁴. Не подвергая далее прямой критике определение С. М. Потапова, Б. И. Шевченко вынужден был его существенно сузить, отметив, что «от при-

¹⁰ **Потапов С. М.** Принципы криминалистической идентификации. — Сов. государство и право, 1940, № 1.

¹¹ Краткий юридический словарь. М., 1945.

¹² **Шевченко Б. И.** Научные основы современной трасеологии. М, 1947, с. 12.

¹³ Там же, с. 12.

¹⁴ Там же.

роды явления зависит и характер его отображения на окружающих материальных предметах. Далеко не все из этих отражений исследуются методами трасеологии. Из всего разнообразия отражений, которые могут быть вызваны различными явлениями, трасеология изучает лишь те, которые способны вызвать отображение на данном материальном объекте внешнего строения другого материального объекта... Указанные отображения и являются следами в трасеологическом значении данного криминалистического термина¹⁵. Это мнение разделил и А. И. Винберг¹⁶. Но именно это и выразил И. Н. Якимов, когда называл следом отпечаток предмета, позволяющий судить о его форме.

Определение С. М. Потапова характеризовалось как криминалистическое, в сущности, только потому, что в нем речь шла о явлениях, «причинно связанных с расследуемым событием». Но как раз это, по нашему мнению, не способствовало его точности. Как показало дальнейшее развитие криминалистики, объекты ее исследования, в том числе и следы, не обязательно связаны с преступлением причинно. Кроме того, это определение никак не отграничивало следы от других доказательств, которые с гносеологической точки зрения все являются отражением события в окружающей среде, а часть из которых, к тому же, и отражением на материальных предметах (например, подложные документы). Нам кажется, что как раз в силу того, что определение С. М. Потапова было весьма общим, оно косвенно способствовало укоренению в криминалистике двух понятий следа — в широком (по существу, бытовом) и узком (трасеологическом) смысле.

Из трасеологического понимания следа как отображения внешнего строения и исходил Б. И. Шевченко при разработке научных основ трасеологии.¹⁷ Положения, которые он сформулировал, вкратце сводились к следующему.

- I. В слеодообразовании участвуют два объекта. Объект, который вызывает свое отображение на другом, был назван Б. И. Шевченко

¹⁵ Там же, с. 13.

¹⁶ **Винберг А. И.** Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе. М., 1956, с. 174.

¹⁷ Понятие следа в узком (трасеологическом) значении этого термина зачастую стали рассматривать как понятие следа в криминалистике вообще. Такое определение термина «следы» дано, например, в «Юридическом словаре»: «Следы — в криминалистике отображения внешнего строения объектов, их оставивших, с целью идентификации» (М., 1953, с. 607). Заметим, что в последующих изданиях словарей такого рода (М., 1965; М., 1984) понятие следа не приводится.

“образующим”, а получающий отображение — “воспринимающим”.

- II. В следе отображается только часть поверхности образующего объекта, которая вошла в соприкосновение, а при расположении объектов на расстоянии — была обращена к воспринимающему объекту. Эту часть поверхности образующего объекта и противостоящую ей поверхность воспринимающего объекта автор предложил называть “контактными поверхностями”.
- III. Изменения на воспринимающем объекте могут возникать в пределах его контактной поверхности и за ее пределами. Следы, образующиеся в первом случае, Б. И. Шевченко назвал следами локального воздействия, во втором — следами периферического воздействия.
- IV. Б. И. Шевченко ввел понятие следового контакта — статического и динамического. Как разновидность статического контакта он рассматривал контакт качения.
- V. Следовой контакт приводит к изменениям воспринимающего объекта двух видов — объемному или поверхностному¹⁸.

С учетом всех указанных факторов, влияющих на механизм следообразования, Б. И. Шевченко и построил классификацию следов, уделив особое внимание следам локального механического воздействия, с которыми чаще всего сталкивается практика. Объемные следы такого воздействия он разделил на оттиски (статические и динамические; последние — на одиночные, линейные и плоскостные; особо выделены следы качения), разрезы и пробоины. Поверхностные следы локального механического воздействия также подразделялись на статические и динамические, а обе эти группы — на отпечатки (наслоения) и отслоения¹⁹.

Из изложенного видно, что Б. И. Шевченко подошел к характеристике следов и их классификации с позиции изучения механизма следообразования. Научность и плодотворность такого подхода не замедлили сказаться: сформулированные им принципы легли, по сути, в основу трасологии как научной теории и оказали решающее влияние на ее развитие²⁰.

¹⁸ Шевченко Б. И. Указ. работа, сс. 13-18.

¹⁹ Там же, сс. 19-50; Шевченко Б. И. Научные основы трасологии. — В кн.: Вопросы советской криминалистики. М., 1951.

²⁰ По этому поводу И. Ф. Крылов писал: “Характеризуя начальный этап развития трасологии, Б. И. Шевченко отмечал три существенных ее недостатка: 1) отсутствие точного объема и границ трасологии; 2) слабую разработанность ме-
см. след. стр.

Но значение работы Б. И. Шевченко этим не ограничивается. Предложенная им классификация следов, основывающаяся на механизмах их образования, оказалась пригодной и для судебной баллистики. Исследуя механизм образования следов на стреляных пулях, Г. А. Глассон отмечал, что следы от стенок канала ствола “по классификации, разработанной Б. И. Шевченко в его работе “Научные основы современной трасологии”, относятся к “динамическим оттискам”, то есть к той группе объемных следов, которые характеризуются... главным условием — образованием их в процессе контактного движения воспринимающего следа объекта по образующему эти следы объекту”²¹. На общий характер разработанной Б. И. Шевченко классификации указывали впоследствии и другие авторы²².

Третий, современный, этап развития учения о следах начался с уточнения некоторых понятий и терминов. Объекты, участвующие в процессе следообразования, получили название **следообразующих и следовоспринимающих**²³. Их перечень был дополнен еще одним объектом — веществом следа²⁴. Уточняется и развивается понятие следа. Вносятся предложения об изменении классификации следов. Так, например, Л. К. Литвиненко предложил дополнить следы механического воздействия следами разрыва-разлома, а подгруппу объемных следов — следами скольжения, распила и сверления²⁵.

Углубленное исследование механизмов следообразования привело к постановке вопроса о перестройке особенной части учения о следах,

тодики и техники исследования следов; 3) применение неверной классификации следов. На устранение этих недостатков были направлены усилия самого Б. И. Шевченко. Разработка научных основ трасологии обусловила успехи развития отдельных видов трасологической экспертизы” (Крылов И. Ф. Очерки истории криминалистики и криминалистической экспертизы. Л., 1975, с. 46).

²¹ **Глассон Г. А.** К вопросу о механизме образования следов на стреляных пулях. — В кн.: Вопросы советской криминалистики. М., 1951, с. 59.

²² **Комаринец Б. М.** Идентификация огнестрельного оружия по выстреленным пулям. — В кн.: Методика криминалистической экспертизы. Вып. 3. М., 1962, с. 127; **Комаринец Б. М.** Судебно-баллистическая экспертиза. Вып. 1. М., 1974, с. 12.

²³ Шевченко Б. И. Трасология. В кн.: Криминалистика. М., 1959, с. 78; Селиванов Н. А. Общие сведения о следах. — В кн.: Криминалистическая техника. М., 1959, с. 179.

²⁴ Грановский Г. Л. Основы трасологии. М., 1965, с. 16.

²⁵ Литвиненко Л. К. Понятие и классификация следов в трасологии. — В кн.: Материалы третьей расширенной научной конференции, посвященной памяти М. И. Райского. Киев, 1958, с. 97.

выделении таких его разделов, как гомеоскопия и механогомическая трасология²⁶, механоскопическая часть трасологии²⁷, транспортная трасология²⁸, неидентификационная трасология²⁹.

По-прежнему продолжается детальное изучение следов в зависимости от видов слеодообразующих и следовоспринимающих объектов и механизмов слеодообразования.

Исследованию следов рук посвящены работы В. А. Андриановой, многочисленные статьи Г. Л. Грановского, работы Е. И. Зуева, Г. А. Самойлова, А. И. Миронова, Л. Г. Эджунова и других авторов. Следы ног особенно детально рассматривались Е. И. Зуевым, зубов — А. И. Мионовым, следы орудий взлома и инструментов — С. И. Поташником и Ю. П. Голдованским, следы транспортных средств — М. Г. Богатыревым и Ф. П. Совой. Изучение процессов слеодообразования при трасологической экспертизе повреждений на одежде предпринял Х. М. Тахо-Годи.

В судебной баллистике механизмы слеодообразования освещены в работах Б. М. Комаринца, А. И. Устинова, Б. Н. Ермоленко и др. авторов.

Анализ современной криминалистической литературы в области криминалистической техники показывает, что независимо от рода и вида слеодообразующих объектов, качественных особенностей следовоспринимающих поверхностей, различий в ситуациях, при которых возникают следы, есть нечто общее, объединяющее все элементы процесса слеодообразования, нечто устойчивое в этом явлении и в то же время отражающее динамику процесса, позволяющее проникнуть в сущность следа как объекта познания, выявить его генезис и, следовательно, объяснить его, то есть решить задачу науки. Этим общим является механизм слеодообразования. Именно на базе познания механизма слеодообразования развивается практика исследования следов, безразлично, идет ли речь о следах ног, саней, огнестрельного оружия или отпечатках печатей и штампов. Совершенно прав И. И. Пророков, когда пишет, что «знание механизма образования следов, их классификации позволя-

²⁶ Грановский Г. Л. Некоторые теоретические положения трасологической идентификации личности. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. I. Киев, 1964.

²⁷ Термин «механоскопия» был заимствован у зарубежных авторов (см., например, «Učebnice křiminalistiky». Praha, 1959. Т. I, ч. 1).

²⁸ Богатырев М. Г. О транспортной трасологии, ее предмете, системе. — В кн.: рефераты докладов 2-й научной конференции Ташкентского НИИСЭ. Ташкент, 1961.

²⁹ Термин предложен Г. Л. Грановским (Основы трасологии, 1965).

ет судить о способе совершения определенных действий, результатом которых данные следы являются, и об особенностях объектов, образовавших эти следы”³⁰, то есть, иными словами, является необходимой предпосылкой получения заключающейся в следе доказательственной информации. В механизме следообразования проявляются закономерности возникновения такой информации, являющиеся базовыми закономерностями процесса доказывания. На познании этих закономерностей в первую очередь, а затем уже закономерностей обнаружения, исследования, оценки и использования следов основываются средства и методы работы со следами, идентификации следообразующего объекта, решения диагностических трасологических, баллистических и иных вопросов практики. Теоретические положения, относящиеся к механизмам следообразования, в равной степени относятся к трасологии, баллистике и другим системам средств и приемов криминалистической техники, так или иначе имеющим дело со следами-отражениями. Основываясь на сказанном, мы приходим к выводу, что общей, теоретической частью всех этих отраслей криминалистической науки является **криминалистическое учение о механизмах следообразования** — одна из частных криминалистических теорий.

Структуру этого учения можно представить следующим образом:

- ◆ а) понятийная часть: характеристика (гносеологическая, криминалистическая) таких основных понятий, как след, механизм (процесс) следообразования, элементы процесса следообразования и др.;
- ◆ б) классификационная часть;
- ◆ в) функциональная часть: следообразующие воздействия и их результаты, информативность последних; моделирование следообразующих воздействий, экспериментирование с ними и т. п.

Эта теория вовсе не заменяет трасологии, судебной баллистики и других отраслей криминалистической техники **как систем соответствующих криминалистических средств, приемов и методик работы с доказательствами**. Являясь частью общей теории криминалистики, учение о механизмах следообразования есть элемент теоретических основ разработки и применения этих средств, приемов и методик. В своей большей части это учение уже фактически разработано отечественными криминалистами; его положения нуждаются лишь в известном обобщении и систематизации.

³⁰ Пророков И. И. Общие положения трасологии. — В кн.: Криминалистическая экспертиза. Вып. 6, разд. 8. М., 1968, с. 7.

2.2. Понятийная часть учения о механизмах следообразования

2.2.1. Понятие следа

Нам представляется, что понятия “следы в широком смысле” и “следы в узком смысле” как ничего фактически не обозначающие и не наполненные конкретным однозначно понимаемым содержанием следует исключить из языка криминалистики и заменить терминами “следы преступления” и “следы отображения” (как один из видов следов преступления).

С гносеологической точки зрения следами преступления являются любые изменения среды, возникшие в результате совершения в этой среде преступления. По нашей классификации, эти изменения могут быть двух видов: идеальные (“отпечатки” события в сознании людей) и материальные (“отпечатки” события на предметах, изменения обстановки события). Механизм возникновения идеальных изменений и сами эти изменения, как мысленные образы в сознании людей — участников или посторонних наблюдателей события, являются объектом исследования криминалистики лишь отчасти, поскольку криминалистика черпает основные данные об этих процессах из психологии (общей и судебной), физиологии и других наук о человеке. В полном объеме криминалистическими объектами являются материальные изменения среды, и именно они составляют содержание понятия “следы преступления”.

Следы преступления в большинстве случаев и понимаются криминалистами как любые материально-фиксированные изменения среды. И.Ф. Крылов пишет о них как “об изменениях, появляющихся на месте преступления, на жертве или на самом преступнике в результате воздействия последнего”³¹. В. С. Сорокин подразумевает под ними “все-возможные материальные изменения в окружающей обстановке, связанные с совершенным преступлением. Эти изменения могут выражаться в перемещении предметов или веществ, отсутствии или наличии их в определенном месте, потере или приобретении каких-либо свойств”³². В общей форме термин “следы преступления” раскрывается

³¹ *Крылов И. Ф.* Следы на месте преступления. Л., 1961, с. 7.

³² *Сорокин В. С.* Обнаружение и фиксация следов на месте происшествия. М., 1966, с. 3; Г. Л. Грановский также считает, что “все материально-фиксированные изменения, вызванные преступлением, являются его следами” (*Основы трасологии*. М., 1965, с. 6).

Б. И. Шевченко: “Для обозначения всех самых разнообразных материальных изменений, которые обязаны своим происхождением тем или иным действиям преступника, связанным с совершением преступления во всех его стадиях, пользуются в криминалистике обобщающим и охватывающим все эти изменения названием — следы преступления”³³. По мнению И. И. Пророкова, следы преступления могут выражаться в виде исчезновения имевшихся ранее предметов или изменения их положения, появления новых предметов или веществ, изменения состояния отдельных предметов или их поверхностей в результате внешних воздействий³⁴.

Следы преступления могут быть классифицированы по различным основаниям. Поскольку их источником является преступление (отражаемый объект), состав которого служит основой для классификации в уголовном праве, нам представляется, что та же основа может быть избрана и для классификации следов преступления в криминалистике: следы кражи, следы убийства, следы разбоя и т. д. Более дробная классификация может быть осуществлена по способу совершения применительно к каждому виду преступления.

Содержание термина “след-отображение” раскрывается в литературе, в основном, однозначно. След-отображение — это отображение на одном материальном объекте внешнего строения другого материального объекта³⁵. Несколько более расширенное понятие следа-отображения предлагает Г. Л. Грановский, который считает, что следы-отображения — это “явившиеся результатом действий и контактов, связанных с событиями преступления, материальные отображения признаков внешнего строения и иных свойств объектов, имеющих устойчивые внешние границы”³⁶. С нашей точки зрения, особой необходимости в таком расширительном толковании данного термина нет, ибо “иные свойства объектов”, о которых говорит Г. Л. Грановский, в конечном счете отображаются в среде через признаки внешнего строения, разумеется, влияя на механизм слеодообразования и через него на форму отображения признаков. Но след в этом понимании всегда остается отображением признаков внешнего строения, а каким отображением —

³³ Шевченко Б. И. Теоретические основы трасологической идентификации в криминалистике. М., 1975, с. 4.

³⁴ Криминалистика. Том I. М., 1969, с. 213.

³⁵ Шевченко Б. И. Научные основы современной трасеологии. М., 1947, с. 13 и другие работы.

³⁶ Грановский Г. Л. Основы трасологии. М., 1965, с. 7.

адекватным или не адекватным оригиналу — не имеет значения для определения понятия.

Уточнение Г. Л. Грановского справедливо, если подходить к следоотображению как к результату процесса отражения, то есть с гносеологической точки зрения, либо под углом зрения механизма слеодообразования, а не чисто терминологически. Действительно, если рассматривать след как конечный результат процесса отражения, то нельзя игнорировать механизм отражения, то есть те факторы, которые влияют на полноту, форму, особенности отражения в следе признаков внешнего строения объекта и определяют содержание и степень искажения отражения по сравнению с оригиналом. И. И. Пророков, поддерживая Г. Л. Грановского, отмечал, что «наряду с внешним строением в... следах находят известное отображение и некоторые иные свойства слеодообразующего объекта, а также условия и механизм самого слеодообразования»³⁷, однако тоже не указывал, что внешнее строение объекта играет роль средства отражения всех этих свойств и процессов³⁸.

С понятиями следов преступления и следов-отображений связан вопрос об объектах судебного следоведения, или трасологии. В литературе существуют две точки зрения по этому вопросу. Одна заключается в том, что объектами следоведения являются только следы-отображения. Такой позиции придерживались Г. Л. Грановский, Б. И. Шевченко и ряд других авторов³⁹. «Не вызывает сомнений, — писал Г. Л. Грановский, — что к трасологии могут быть отнесены только те следы, в которых в той или иной мере отобразились признаки внешнего строения объекта. Следы, в которых отображаются другие свойства объектов (химический состав, температура и др.), к трасологии не относятся»⁴⁰. По мнению Б. И. Шевченко, указание именно на эти следы позволяет определить трасологию «как отрасль криминалистической техники, изучающую процессы формирования следов, отображающих внешнее строение предметов

³⁷ Криминалистика. Том I. М., 1969, с. 214.

³⁸ О процессе отражения как механизме возникновения доказательств, элементах этого процесса, в том числе и средствах отражения, см. **Белкин Р.С.** Ленинская теория отражения и методологические проблемы криминалистики. М., 1970, а также гл. 2 т. I Курса.

³⁹ **Грановский Г. Л.** Основы трасологии, с. 7; **Шевченко Б. И.** Теоретические основы трасологической идентификации в криминалистике, сс. 11-12 и другие работы.

⁴⁰ **Грановский Г. Л.** Основы трасологии, с. 7.

живой и мертвой природы”⁴¹. Аналогичны взгляды на объекты трасологии Н. А. Селиванова и М. В. Салтевского⁴².

И. Ф. Крылов, сторонник другой точки зрения, считал, что “ограничение содержания учения о следах лишь следами-отпечатками может повредить практике” и что учение о следах “должно включать в себя как учение собственно о следах (отображениях), так и учение об изменениях, проявляющихся на месте преступления, на жертве или на самом преступнике в результате воздействия последнего”⁴³, т. е. фактически усматривал различие между объектами следоведения и трасологии.

Аналогичную в основе позицию занимал И. И. Пророков. Он писал: “В учебниках криминалистики последних лет рассмотрение следов ограничивается только следами-отображениями, а соответствующая часть криминалистической техники называется трасологией. Исключение из числа изучаемых криминалистикой многих других следов, возникающих в связи с событием преступления, имеющих важное значение для его раскрытия и требующих для работы с ними применения средств и методов криминалистической техники, не может быть оправдано. Содержание судебного следоведения значительно шире трасологии. Охватывая сведения как о всех следах, относящихся к области трасологии, так и о ряде других, судебное следоведение в большей степени отвечает задачам раскрытия и расследования преступлений”⁴⁴.

Нам представляется, что нет необходимости усматривать различие между следоведением и трасологией по кругу изучаемых объектов. И. И. Пророков расширял этот круг применительно к следоведению за счет слеодообразующих объектов и предметов-носителей следов. Но и те и другие представляют интерес лишь с точки зрения изучения следов-отображений и в этом плане, естественно, изучаются трасологией, как ее понимают Г. Л. Грановский, Б. И. Шевченко и другие сторонники изложенной позиции. Когда мы говорим, что объектами трасологии являются не все следы преступления, а лишь следы-отображения, мы делаем

⁴¹ Шевченко Б. И. Теоретические основы..., с. 18.

⁴² Селиванов Н. А. Научно-технические средства расследования преступлений. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1965, с. 32; Салтевский М. В. Теоретические основы установления групповой принадлежности в судебной экспертизе. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Харьков, 1969, с. 16.

⁴³ Крылов И. Ф. Следы на месте преступления Л., 1961, с. 7. Позднее И. Ф. Крылов пришел к выводу, что “учение о следах должно включать в себя два самостоятельных раздела: 1) учение о следах-отображениях (отпечатках, оттисках) и 2) учение о следах — остаточных явлениях” (Крылов И. Ф. Криминалистическое учение о следах. Л., 1976, с. 51).

⁴⁴ Криминалистика. Том I. М., 1969, с. 215.

акцент на главном, ибо предмет-носитель следа и следообразующий объект служат лишь средством познания следа-отображения и механизма его возникновения, а при решении экспертных задач — это объекты не научного познания, а практической деятельности, в которой их роль зависит от содержания экспертного задания. Понимание трасологии как отрасли криминалистики, объектами которой являются следы-отображения, вовсе не означает, иными словами, исключения из ее сферы предметов, субстанционально или причинно связанных с этими следами. Нам кажется, что это обстоятельство не дает оснований усматривать различия между содержанием терминов “следоведение” и “трасология”, что может породить только путаницу как в науке, так и в практике. На наш взгляд, эти термины по содержанию идентичны.

Изложенное не позволяет нам согласиться с позицией И. И. Пророкова, который считал объектами следоведения все предметы и вещества, являющиеся следами преступления, по тому признаку, что “первичная работа с этими следами на месте преступления составляет задачу криминалиста, и потому они включаются в предмет судебного следоведения”⁴⁵. При таком понимании объектов следоведения последнее, по существу, должно поглотить всю криминалистическую технику и, пожалуй, значительную часть тактики, которой, как известно, также не чужда работа со следами преступления.

2.2.2. Механизм следообразования

Под механизмом следообразования понимается процесс, конечная фаза которого представляет собой образование следа-отображения. Элементами этого процесса являются объекты следообразования — следообразующий, следовоспринимающий и вещество следа, следовой контакт как результат взаимодействия между ними вследствие приложения энергии к объектам следообразования. Мы уже отмечали, что все элементы механизма следообразования были впервые названы и охарактеризованы Б. И. Шевченко в его работе “Научные основы современной трасеологии”. Что касается видов энергии или воздействий, в результате которых образуется след, то их подробную характеристику дал Г. Л. Грановский, различающий физическое, химическое и биологическое воздействие⁴⁶.

В общей форме механизм следообразования выглядит следующим образом. воздействие на объекты следообразования приводит к их

⁴⁵ Там же, с. 214.

⁴⁶ Основы трасологии. М., 1965, с. 17.

взаимодействию, в результате чего возникает следовой контакт. Следовой контакт вызывает формирование следа, обусловленное системой сил, определяющих направления взаимных перемещений объектов слепообразования. Следовой контакт является своеобразной кульминацией процесса слепообразования. Это — момент взаимодействия поверхностей слепообразующего и следовоспринимающего объектов, которые Б. И. Шевченко назвал контактными. Им же дана классификация и характеристика видов следового контакта.

Б. И. Шевченко различал следовые контакты: активные и пассивные, непосредственные и дистанционные, однослойные и многослойные, односторонние и обоюдные. По его мнению, “каждый конкретный следовой контакт совмещает в себе те или другие условия из числа перечисленных в указанных выше категориях”⁴⁷. Основанием для деления контактов на активные и пассивные является источник энергии, вызвавший образование следа: в первом случае энергия исходит от самих объектов, а ее действие не побуждает их к самостоятельному контакту. При непосредственном контакте объекты слепообразования прилегают друг к другу, при дистанционном находятся друг от друга на расстоянии. При однослойном следовом контакте отображение образуется только на одном следовоспринимающем объекте, при многослойном — на нескольких, расположенных один за другим⁴⁸. Наконец, при одностороннем контакте отображение образуется на одном из объектов слепообразования, при обоюдном — на обоих⁴⁹.

Понятие обоюдного следового контакта стало с некоторого времени трактоваться отдельными криминалистами гораздо шире, нежели это имел в виду автор термина. Инициатором подобного расширительного толкования выступил М. Я. Сегай, в трактовке которого это понятие приобрело общеметодологический характер. В 1966 г. в статье “Сущность судебной идентификации как способа доказывания тождества по

⁴⁷ Шевченко Б. И. Теоретические основы трасологической идентификации в криминалистике. М., 1975, с. 77.

⁴⁸ По классификации Б. И. Шевченко, разновидностями многослойного контакта являются промежуточные и аппликационные контакты. “Промежуточные контакты характеризуются тем, что отображение образуется на последующих слоях и не возникает на первом... В ряде случаев на последующих слоях отображается не только внешнее строение слепообразующего объекта, но и самих следовоспринимающих, например, второго на третьем и т. д. Происходит как бы наложение одного отображения на другое. Такие многослойные контакты мы относим к аппликационным” (Теоретические основы трасологической идентификации в криминалистике, сс. 78-79).

⁴⁹ Шевченко Б. И. Теоретические основы трасологической идентификации в криминалистике, сс. 78-79.

взаимному отображению свойств” М. Я. Сегай выдвинул идею нового подхода “к сущности судебной идентификации как процессу установления тождества предметов материального мира, основанному на познании свойств не только искомого, но и взаимодействовавших с ним идентифицирующих объектов”⁵⁰. На этом основании он разделил идентификационные связи между контактирующими объектами на прямые и обратные и отметил, что “в благоприятном случае взаимного отражения свойств взаимодействовавших объектов идентификация возможна путем суммарного использования как прямой, так и обратной идентификационной связи. Именно в одновременном использовании всех форм идентификационных связей, — подчеркнул М. Я. Сегай, — наиболее полно осуществляется принцип доказывания тождества в уголовном судопроизводстве на основе совокупной оценки неповторимого комплекса свойств всех взаимодействовавших объектов”⁵¹. Позднее он писал, что “к данному случаю применима универсальная гносеологическая модель судебной идентификации, где искомый и контактировавший с ним объекты соединены механизмом взаимодействия в единый идентификационный блок”⁵². Такие идентификационные связи между контактирующими объектами М. Я. Сегай назвал встречными⁵³.

Возражая М. Я. Сегаю, А. И. Винберг писал: “Конечно, в процессе контактирования идентифицирующий объект также оставляет свои признаки на искомом (идентифицируемом) объекте. Но равноценно ли значение данного процесса принципу идентификации по формуле проф. С. М. Потапова о том, что отождествление искомого объекта основывается на индивидуальности и относительной устойчивости именно его собственных свойств? Думается, что в этой случае М. Я. Сегай производное понятие принимает за первоисточник”⁵⁴.

В. Я. Колдин детально проанализировал предложение М. Я. Сегай и пришел к следующим выводам:

⁵⁰ **Сегай М. Я.** Сущность судебной идентификации как способа доказывания тождества по взаимному отображению свойств. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 3. Киев, 1966, с. 103.

⁵¹ Там же, с. 105.

⁵² **Сегай М. Я.** Ленинская теория отражения и методологические проблемы судебной идентификации. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 6. Киев, 1969, с. 42.

⁵³ **Сегай М. Я.** Методология судебной идентификации. Киев, 1970, с. 113.

⁵⁴ **Винберг А. И.** О спорных вопросах идентификации в свете теории отражения. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 5. Киев, 1968, с. 107. См. также **Белкин Р. С., Винберг А. И.** Криминалистика и доказывание. М., 1969, сс. 99-103.

- 1) М. Я. Сегай неправомерно применил при рассмотрении встречного взаимодействия объектов понятия идентифицируемого и идентифицирующего объектов, имеющие смысл лишь при анализе элементарного одностороннего отражательного процесса;
- 2) выражения “взаимное отображение”, “встречные отображения” условны, так как задача идентификации как раз и состоит в том, чтобы проверить предположение о взаимодействии объектов и наличии “встречных” отображений;
- 3) основания суммирования информации при исследовании встречных отображений следует искать за пределами идентификационного исследования; таким основанием является единство механизма слепообразования, экспериментальное исследование с целью определения контактирующих поверхностей⁵⁵.

Справедливость соображения В. Я. Колдина о том, что основания суммирования информации при исследовании встречных отображений лежат за пределами идентификационного исследования подтверждается следственной практикой, и в особенности практикой расследования дорожно-транспортных происшествий. Единство механизма слепообразования устанавливается в процессе следственного осмотра или, чаще, производством следственного эксперимента⁵⁶.

Свое несогласие с предложением М. Я. Сегай выразил и В. С. Митричев. По его мнению, во всех описанных М. Я. Сегаем и схожих случаях речь идет не об одном, а о нескольких самостоятельных идентифицируемых объектах. М. Я. Сегай смешивает идентификационные признаки каждого из взаимодействующих объектов с признаками механизма их взаимодействия. Между тем нельзя “считать собственными признаками предмета, используемыми экспертом в качестве идентификационных, факты взаимодействия этого предмета с объектом-носителем, факты нахождения обоих объектов в одном месте и т. д.”⁵⁷.

Нет сомнения, что М. Я. Сегай справедливо обратил внимание на возможность возникновения при следовом контакте на слепообразующем объекте встречного отображения следовоспринимающего объекта,

⁵⁵ **Колдин В. Я.** Идентификация и ее роль в установлении истины по уголовным делам. М., 1969, сс. 26, 93, 129-130.

⁵⁶ **Богатырев М. Г.** Неотложные следственные действия при дорожно-транспортных происшествиях. Киев, 1967, с. 54, 58, 60 и др.; **Белкин Р. С.** Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике. М., 1964, сс. 58, 59 и другие работы.

⁵⁷ **Митричев В. С.** К вопросу о прямой и обратной формах идентификационных связей. — Труды ВНИИСЭ. Вып. 3. М., 1971, сс. 149, 151.

хотя, справедливости ради, следует отметить, что о подобных “встречных отображениях” и ранее имелись упоминания в литературе, правда, без столь далеко идущих выводов. Так, еще в 1956 г. Г. Б. Карнович писал: “Внимательное наблюдение за окружающей действительностью приводит нас к выводу, что и передающий объект воспринимает воздействие воспринимающего, а на нем образуются те или иные следы этого воздействия... Хорошо известно, что все инструменты, к какой бы отрасли производства или бытового обслуживания они ни относились, одновременно и образуют определенные следы на обрабатываемом объекте и воспринимают следы, образуемые обрабатываемым объектом. Иногда следы на обоих объектах оказываются настолько определенными, что можно придти к точным выводам о том, в результате какого взаимодействия определенных объектов они образовались”⁵⁸.

Однако мы солидарны с критиками М. Я. Сегая в том, что он несколько переоценивает значение таких встречных отображений в криминалистическом (не в гносеологическом) аспекте, рассматривая их возникновение как проявление универсальной закономерности, а их использование — как самостоятельную форму идентификации. Оснований для таких выводов мы не усматриваем, и, видимо, не случайно их не привел и З. М. Соколовский, поддержавший концепцию М. Я. Сегая⁵⁹.

В то же время можно полностью согласиться с Б. И. Шевченко, который, признавая известное криминалистическое значение обоюдных изменений объектов слеодообразования, оговаривается, что “двусторонняя индивидуальная идентификация возможна при таких явлениях и процессах слеодообразования, когда оба объекта или вовсе ничего не теряют в своем внешнем строении, или же теряют в небольшой мере, то есть до пределов индивидуального минимума каждого из них”⁶⁰. Решающим условием при этом Б. И. Шевченко считает существенно различный уровень рельефа контактных поверхностей и достаточную площадь следового контакта. В этой связи он обоснованно критикует Е. М. Светлакова за попытку решить вопрос о возможности образования встречных отображений, достаточных для идентификации обоих объек-

⁵⁸ Карнович Г. Б. К вопросу о классификации вещественных доказательств. — Советская криминалистика на службе следствия. Вып. 8. М., 1956, сс. 21, 23.

⁵⁹ Соколовский З. М. Рецензия на книгу М. Я. Сегая “Методология судебной идентификации”. — Соц. законность, 1972, № 5; с. 95.

⁶⁰ Шевченко Б. И. Теоретические основы..., с. 79.

тов, без учета уровней их рельефа и размеров площади контакта⁶¹, и в конечном счете приходит к выводу, что практически типичным для индивидуальной идентификации является односторонний следовой контакт⁶².

Сказанное нуждается в коррективах, когда речь заходит об идентификации по чувственным отражениям (мысленным образам). Когда в сознании опознающего формируется мысленный образ человека, который, в свою очередь, воспринимал опознающего в момент расследуемого события, налицо, несомненно, встречные отображения, по которым могут быть идентифицированы оба субъекта. Но здесь уже нельзя говорить о следовом контакте в трасологическом смысле этого понятия.

При непосредственном следовом контакте контактирующие поверхности располагаются под определенным углом друг к другу. Характеристика **различных углов**, определяющих взаимное положение следообразующего и следовоспринимающего объектов, — **рабочего, фронтального, встречного** — также относится к понятийной части учения о механизмах следообразования⁶³.

В последнее время предпринимаются попытки расширить понятийную часть учения о механизмах следообразования за счет интерпретации терминов наук, методы которых стали использоваться в трасологии. Например, Г. Л. Грановский считал необходимым включение таких понятий, как “поле следа”, “предельный переход” и др.⁶⁴ Разумеется, такое расширение возможно (мы не рассматриваем сейчас вопрос об указанных конкретных понятиях), однако, по нашему убеждению, только при соблюдении тех условий, которые характерны для тенденций развития языка криминалистики в целом⁶⁵.

⁶¹ Е. М. Светлаков писал, что “когда контактирующие объекты изготовлены из одинакового по твердости материала и в момент следообразования находятся в одинаковых условиях, то оба они будут следообразующими и следовоспринимающими” (*Светлаков Е. М.* Криминалистическое исследование разрушенных преград при расследовании краж. Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. Харьков, 1971, сс. 14-15). На это Б. И. Шевченко резонно заметил: “Приводя как исходное главное физическое свойство — твердость, можно с той же степенью убедительности сделать вывод и прямо противоположный: если объекты одинаковы по твердости, то отображение внешнего строения одного на другом вообще не образуется. И в это можно скорее поверить”.

⁶² *Шевченко Б. И.* Теоретические основы..., с. 80.

⁶³ *Шевченко Б. И.* Научные основы современной трасеологии. М., 1947, сс. 27, 28; *Грановский Г. Л.* Основы трасологии. М., 1965, сс. 32, 33 и другие работы.

⁶⁴ *Грановский Г. Л.* Основы трасологии. Особенная часть. М., 1974, сс. 24-25, 28.

⁶⁵ См. настоящий Курс, т. I, гл. 5.

2.3. Классификационная часть учения о механизмах слепообразования

Основное содержание этой части учения о механизмах слепообразования — классификация следов и слепообразующих воздействий, составляющих сущность механизма слепообразования.

Классификация следов Б. И. Шевченко. Предложена автором в 1947 г. в работе “Научные основы современной трасеологии” и усовершенствована в 1975 г.⁶⁶ Названа им общей классификацией следов, наряду с которой существуют частные классификации, приспособленные к определенным слепообразующим объектам и условиям слепообразования.

По рассматриваемой классификации следы подразделяются на:

- ◆ объемные и поверхностные;
- ◆ статические и динамические;
- ◆ локальные и периферические.

К объемным автор отнес следы, отображающие внешнее строение объемного слепообразующего объекта в объеме, то есть во всех трех его измерениях; поверхностные следы представляют собой преобразованное отображение слепообразующего объекта, представляющее трехмерный объект в двух измерениях.

В основу деления следов на статические и динамические Б. И. Шевченко положил связь механического состояния объектов с возникновением отображения внешнего строения одного из них на другом.

Наконец, основанием для деления следов на локальные и периферические послужило размещение на следовоспринимающем объекте тех изменений, за счет которых возник след как отображение внешнего строения слепообразующего объекта в пределах границ его проекции на следовоспринимающий (локальный след) или за этими границами (периферический след).

Предложенная Б. И. Шевченко общая классификация следов отражала последовательно отстаиваемый им тезис: для трасологии содержанием основания классификации следов может быть только одно — “формирование в том или ином виде отображения внешнего строения слепообразующего предмета в его следе, не образование следа как изменения вообще под воздействием слепообразующего объекта, а имен-

⁶⁶ Приводится по работе: **Шевченко Б. И.** Теоретические основы трасологической идентификации в криминалистике. М., 1975, гл. 5.

но характер, механизм построения в нем отображения внешнего строения этого предмета”⁶⁷.

Классификация Б. И. Шевченко получила широкое распространение и признание. Среди трасологов она пользуется, пожалуй, наибольшей популярностью. Попытки отдельных криминалистов внести в нее частные изменения успеха, как правило, не имели. Так, в 1956 г. Г. Б. Карнович подверг критике деление следов на статические и динамические. Он писал: “Всякое слепообразование, вызванное воздействием одного объекта на другой, является не чем иным, как результатом взаимодействия различных объектов. А если это так, то говорить о наличии следов, образуемых статическим контактом, у нас нет никаких оснований”⁶⁸. Однако возражения Г. Б. Карновича основывались на буквальном толковании терминов “статический” и “динамический”, тогда как Б. И. Шевченко придавал им условное значение, говоря вовсе не о том, что статический контакт есть результат отсутствия всякого перемещения объектов слепообразования, а о том, что это результат такого взаимодействия, при котором “оба объекта сохраняют относительно расположение постоянным во все время слепообразования”⁶⁹.

В том же 1956 г. В. И. Попов, не отрицая классификацию Б. И. Шевченко, выдвинул тезис о том, что “для целей розыскных и следственных требуется иное деление, рассматривающее следы не только с точки зрения механизма (давления, удара, скольжения, качения), но главным образом с точки зрения разнообразной деятельности преступника или потерпевшего на месте происшествия”⁷⁰. В этом аспекте он разделил следы на следы действия и следы перемещения.

Оценивая предложение В. И. Попова, Г. Л. Грановский резонно замечал позднее, что передвижение — одна из форм действия, что в зависимости от обстоятельств один и тот же след может быть и “следом действия” и “следом передвижения”⁷¹.

В 1958 г. со своей классификацией следов выступил Л. К. Литвиненко, положивший в ее основу сущность явления, вызвавшего образование следа (механическое, термическое, химическое, биологическое воздействие), и фактически лишь ухудшивший классификацию Б. И. Шевчен-

⁶⁷ Шевченко Б. И. Теоретические основы..., с. 94.

⁶⁸ Карнович Г. Б. К вопросу о классификации вещественных доказательств. — Советская криминалистика на службе следствия. Вып. 3. М., 1956, с. 24.

⁶⁹ Шевченко Б. И. Научные основы современной трасеологии. М., 1947, с. 16.

⁷⁰ Попов В. И. Осмотр места происшествия. Алма-Ата, 1956, с. 43.

⁷¹ Грановский Г. Л. Основы трасологии. М., 1965, с. 38.

ко⁷². Правда, справедливость требует отметить, что впервые названные Л. К. Литвиненко некоторые виды следов, например следы скольжения, распила, сверления, получили признание у авторов последующих работ и в экспертной практике.

Классификация следов Г. Л. Грановского. Предложена автором в развернутом виде в 1965 г. в работе “Основы трасологии. Общая часть”. Конструируя классификацию, автор исходил из следующих посылок:

1. Нельзя строить классификацию, придерживаясь только одного основания — механизма образования следов. Основание классификации следов обусловлено задачами, которые должны быть решены с ее помощью; в то же время нельзя строить одну и ту же классификацию по нескольким различным основаниям. Поэтому следует отказаться от попыток найти единое основание “универсальной” классификации следов.
2. Классификации следов и отобразившихся в них признаков должны соответствовать задачам трасологических исследований, которыми являются:
 - ◆ а) обнаружение и фиксация следов;
 - ◆ б) идентификация;
 - ◆ в) установление механизма слепообразования (неидентификационные исследования).
3. В каждом следе могут быть выделены:
 - ◆ а) собственные признаки самого следа;
 - ◆ б) признаки образующего объекта;
 - ◆ в) признаки, свидетельствующие о том, в каком виде отобразились свойства образующего объекта;
 - ◆ г) признаки механизма слепообразования⁷³.

Руководствуясь изложенными соображениями, Г. Л. Грановский предложил четыре взаимосвязанных классификации признаков в следе⁷⁴. В этих классификациях он частично использовал и классификацию Б. И. Шевченко, но, на наш взгляд, добился большей строгости и обоснованности. Б. И. Шевченко в своей последней работе обходит молчанием классификации Г. Л. Грановского и только замечает, что

⁷² Литвиненко Л. К. Понятие и классификация следов в трасологии. — В кн.: Материалы третьей расширенной научной конференции памяти проф. М. И. Райского. Киев, 1958, с. 97.

⁷³ Грановский Г. Л. Основы трасологии, сс. 38-40.

⁷⁴ Там же, с. 37.

понятия “следы давления” и “следы качения” не противостоят друг другу, ибо качение не обходится без давления⁷⁵.

Нам представляется, что концепция Г. Л. Грановского и основанные на ней классификации предпочтительнее классификации Б. И. Шевченко. Хотя последняя и более проста по форме, однако фактически действительно не имеет единого основания (Г. Л. Грановский деликатно обходит этот вопрос в своей критике классификации Б. И. Шевченко). В самом деле, при делении следов на локальные и периферические в основе классификации лежит механизм следообразования, при делении следов на вдавленные и поверхностные — собственные признаки следа, а при делении на статические и динамические — и механизм следообразования, и собственные признаки следа. Таким образом, строго говоря, классификация Б. И. Шевченко — это не универсальная единая классификация, а сумма классификаций самого общего характера. В то же время такое единое начало наличествует в классификациях Г. Л. Грановского, хотя сам автор не говорит об этом. Таким началом является отображение признаков в следе, и это объединяет все четыре классификации в единую систему. Изложенное побуждает нас к тому, чтобы в целом присоединиться к концепции Г. Л. Грановского как, с нашей точки зрения, наиболее точной и полной.

Частные трасологические классификации представляют собой преимущественно классификации признаков отдельных следообразующих объектов, отобразившихся в следе. Зачастую эти объекты перечисляются вне системы и в произвольной последовательности: следы рук, ног человека и животных, транспортных средств, орудий и инструментов, зубов и т. д. На этом фоне весьма выгодно выделяется классификация по признакам следообразующего объекта Г. Л. Грановского. Он подразделяет эти признаки на четыре группы:

- 1) гомеоскопические⁷⁶ — отражающие в следе непосредственно свойства человеческого тела в целом и его отдельных частей;

⁷⁵ Шевченко Б. И. Теоретические основы..., с. 94.

⁷⁶ Употребляя по примеру некоторых зарубежных авторов термины “гомеоскопия”, “гомеоскопический”, Г. Л. Грановский, как и его предшественники, ведет их происхождение, очевидно, от латинского *homo* — человек. Между тем в современной научной терминологии приставка “гомео” является производной от греческого *homoios* — подобный (ср.: гомеостат, гомеостатический, гомеопатия). Неясным оказался бы и термин “гомоскопический”, поскольку в современном представлении приставка “гомо” ведет происхождение от греческого *homos* — равный, одинаковый (ср.: гомоморфизм, гомоморфный). Видимо, в указанном Г. Л. Грановским смысле наиболее точными оказались бы термины

см. след. стр.

- 2) механогомические — отражающие свойства человеческого тела и в то же время различных предметов (обуви, одежды), надетых на тело, или предметов, заменяющих части человеческого тела и выполняющих в определенной мере их функции (протезы, костыли);
- 3) механоскопические — отражающие свойства орудий и механизмов;
- 4) признаки животных⁷⁷.

Каждая группа делится на ряд подгрупп. Так, первая группа содержит признаки рук, зубов, ног, ногтей, других частей тела; вторая — обуви, одежды, протезов и т. п. Отдельная подгруппа — это целая система признаков, классификацией которых занимается соответствующий раздел трасологии.

Процессы унификации частных трасологических классификаций достигли различных уровней в различных системах признаков. Если, например, в системе признаков, отображающихся в следах рук, такая унификация практически достигнута и существующие классификации либо не отличаются друг от друга, либо отличаются незначительно, то классификации признаков орудий нередко противоречивы и терминологически неясны, причем зачастую их именуют классификациями следов взлома и рассматривают лишь в связи с противоправными действиями по преодолению преград. Так, из упоминавшейся классификации Л. К. Литвиненко к таким следам относят оттиски, следы скольжения, разрезы, распилы, следы сверления⁷⁸. По классификации Е. Ф. Толмачева следы от орудий взлома и инструментов делятся на вдавленные (следы нажима), трения и разреза. В свою очередь следы трения он подразделяет на одиночные, линейные и плоскостные⁷⁹.

П. Н. Аленичев в соответствии с классификацией Б. И. Шевченко делил следы орудий взлома на локальные и периферические; локальные — на объемные и поверхностные; объемные — на следы давления (следы нажима или удара), следы трения (скольжения) и следы разреза⁸⁰. А. Н. Василевский подразделял следы орудий и инструментов на стати-

“антропоскопия”, “антропоскопический”, “антропомеханоскопия” — от греческого *anthropos* — человек, на что и обращал внимание Д. Я. Мирский.

⁷⁷ Грановский Г. Л. Основы трасологии, сс. 27, 28.

⁷⁸ Литвиненко Л. К. Понятие и классификация следов в трасологии, с. 97.

⁷⁹ Толмачев Е. Ф. Следы орудий взлома и инструментов. Лекция. М., 1957, сс. 8, 9; Толмачев Е. Ф. Исследование следов орудий взлома. — В кн.: Криминалистическая экспертиза. Вып. 6. М., 1968, сс. 167, 168.

⁸⁰ Аленичев П. Н. Следы орудий взлома. М., 1962, с. 6.

ческие (вдавленные, наслоения и отслоения) и динамические (царапаны, соскабливания, резания, перерезания, сверления, пиления)⁸¹.

Такой классификационный разнотой отрицательно сказывается в первую очередь на экспертной практике; не способствует он, разумеется, и теоретическим исследованиям в области учения о механизмах слепообразования⁸².

2.4. Функциональная часть учения о механизмах слепообразования

Слепообразующие воздействия. Мы понимаем под слепообразующими воздействиями те явления, которые непосредственно или опосредованно приводят к возникновению следов-отображений. По своей природе они могут быть физическими (механическими или тепловыми), химическими или биологическими. Поскольку химические и биологические воздействия приводят, как правило, к возникновению следов, не пригодных для трасологического исследования из-за недостаточно полного или нечеткого отображения в них признаков слепообразующего объекта, в криминалистике изучаются преимущественно слепообразующие воздействия физического (механического) характера.

В литературе упоминаются следующие механические воздействия, приводящие к образованию следа:

- ◆ давление (нажим, удар);
- ◆ скольжение (трение);
- ◆ качение;
- ◆ отделение⁸³.

Чаще всего в механизме слепообразования наблюдается сочетание этих воздействий, в результате чего след формируется как сложный комплекс деформаций⁸⁴. В то же время каждое слепообразующее воз-

⁸¹ **Василевский А. Н.** Экспертиза следов орудий и инструментов. — В кн.: Судебно-трасологическая экспертиза. Вып. 4. М., 1973, с. 11.

⁸² Аналогичные примеры можно встретить и в зарубежной литературе. См. **Недков Д.** Следы от оръдия за взлом. София, 1975.

⁸³ **Шевченко Б. И.** Научные основы современной трасеологии. М., 1947.

⁸⁴ **Шевченко Б. И.** Теоретические основы..., с. 95.

действие и его результаты в научном плане могут быть рассмотрены изолированно от других для более глубокого понимания механизма следообразования в целом. Это же относится и к деформациям как результатам следообразующих воздействий.

Иногда в литературе мы встречаемся со смешением следообразующих воздействий и тех актов, в процессе которых эти воздействия проявляются, например давления и отжима и др. В некоторых случаях следообразующие воздействия вообще не называются, а перечисляются именно эти акты, именуемые обычно по применяемому средству воздействия (сверление, пиление и др.). Между тем даже в разноименных актах могут проявляться одни и те же следообразующие воздействия, специфическое сочетание или условия проявления которых вызывает возникновение разного рода следов.

Следообразующие воздействия представляют собой частный случай взаимодействия объектов судебной экспертизы. Как и следообразующие воздействия, взаимодействие может быть непосредственным и опосредованным. Криминалистическая экспертиза имеет дело преимущественно с непосредственным взаимодействием материальных объектов, которое характеризуется «единством их пространственно-временного континуума, общностью механизма и условий взаимодействия, прямой взаимообусловленностью изменений взаимодействующих объектов. Количество непосредственно взаимодействующих объектов определяется их способностью участвовать одновременно в нескольких актах взаимодействия и ситуационной характеристикой данного процесса»⁸⁵. При этом невозможно «никакими логическими операциями выработать представление о таком непосредственном взаимодействии, при котором один из объектов действовал на другой объект и в то же время не испытывал бы на себе действие этого второго объекта»⁸⁶. Именно это мы наблюдаем при возникновении обратных идентификационных связей. Механизм следообразования — пример реального взаимодействия, а «структура реального взаимодействия материальных объектов многомерна и представляет собой систему взаимодействий различных видов и типов, объединяющих в единое целое объекты самой различной природы. Чем всестороннее и глубже в процессе криминалистического исследования изучается система взаимодействий объектов, тем полнее и достовернее будет получаемая о них информация»⁸⁷. Г. В. Прохоров-

⁸⁵ Прохоров-Лукин Г. В. Криминалистические аспекты типологии взаимодействия. — Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 41, Киев, 1990, с. 12.

⁸⁶ Украинцев Б. С. Отображение в неживой природе. М., 1969, с. 33.

⁸⁷ Прохоров-Лукин Г. В. Указ. раб., с. 13.

Лукин совершенно прав, указывая, что “в информационном аспекте механизм взаимодействия является каналом передачи информации об имевшем место процессе взаимодействия между объектами, а его отражение в форме следов — ее источником”⁸⁸.

Н. С. Романов, исследуя механизм следообразования, с которым приходится иметь дело при производстве транспортно-трасологических экспертиз, пришел к выводу, что структурно-функциональный механизм следообразования бывает трех разновидностей: элементарный (бинарный), интегративный и ситуалогический. Первый характеризует связь следообразующего и следовоспринимающего объектов как отражаемого и отражающего; второй представляет собой комплекс взаимосвязей контактно взаимодействующих объектов как единого целого, а также этого целого с каким-либо из взаимодействующих объектов или с их совокупностью. Когда на характер следов, “их информационное содержание большое влияние оказывает не только непосредственное взаимодействие следообразующих и следовоспринимающих объектов, но и связи и отношения названных объектов с предметами, условиями дорожно-транспортной обстановки, сложившейся к моменту следообразования”, механизм следообразования можно назвать ситуалогическим⁸⁹.

Информативность следов как результатов следообразующих воздействий. Изучение механизмов следообразования, участвующих в них следообразующих воздействий и их результатов преследует цель получения доказательственной информации о следообразующем объекте, его действиях (когда речь идет о человеке или животном) или действиях с ним, приведших к образованию следа. Природа информации, носителями которой являются объекты следообразования, различна. Следообразующий объект является носителем непосредственной, первичной информации, выражающейся в совокупности присущих ему индивидуальных и устойчивых свойств и признаков. Следовоспринимающий объект — носитель отраженной от первого объекта информации, возникшей вследствие контакта между ними, то есть вследствие взаимодействия объектов. В результате устанавливается причинно-следственная связь между этими объектами на основе их связи с происшедшим событием. Но следовоспринимающий объект несет не только информацию об об-

⁸⁸ Прохоров-Лукин Г. В. Методологические аспекты судебно-экспертного исследования механизма взаимодействия материальных объектов. — Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 45, Киев, 1992, с. 19.

⁸⁹ Романов Н. С. Исследование механизма следообразования судебной транспортно-трасологической экспертизой. — Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 34, Киев, 1987, сс. 104-105.

разующем объекте. Он является также носителем информации о механизме следообразования, то есть о действиях образующего объекта или с образующим объектом. В этом случае образующий объект является средством передачи информации о способе действия, а через него — о субъекте действия.

Резюмируя сказанное, можно разделить информацию, носителем которой является след, на личностную (информация о человеке как объекте или субъекте процесса следообразования), вещную (информация о предмете — следообразующем и следовоспринимающем объектах) и операционную (информация об операции, приведшей к возникновению следа, то есть о механизме следообразования). Последняя может содержать в себе элементы личностной информации индивидуально определенного или группового характера.

Г. А. Самойлов, исследовавший содержание личностной информации, считает, что сигналы личностной информации можно подразделить на три основные группы в зависимости от их физической природы:

- 1) различные отражения, возникающие от механических воздействий;
- 2) часть, отделившаяся от общей массы вещества;
- 3) состояния, характеризующиеся наличием определенных внешних признаков⁹⁰.

В плане рассматриваемой нами проблемы представляет интерес содержание первой и третьей групп сигналов. В числе сигналов первой группы Г. А. Самойлов называет информацию, характеризующую личность со стороны:

- ◆ отдельных физических свойств человеческого тела, обладающего определенными формами, размерами, морфологическими особенностями рельефа и т. п.;
- ◆ анатомических особенностей (размеры конечностей, позволяющие опосредованно судить о росте и возрасте человека);
- ◆ морфологического строения рельефа кожного покрова;
- ◆ навыков особенностей, проявляющихся в рисунке, метрике и иных характеристиках движения тела (рук, ног) при ходьбе, беге, фиксации профессиональных навыков на изготавливаемой продукции и др.

Среди сигналов как определенных состояний, характеризующихся совокупностью присущих им признаков, Г. А. Самойлов назвал информацию о способах действия преступника при совершении преступления⁹¹.

⁹⁰ **Самойлов Г. А.** Личностная информация, фиксирующаяся в материальных следах преступления. — Труды ВШ МВД СССР, № 34, М., 1972, с. 27.

⁹¹ Там же, сс. 27, 28.

Думается, что в предложенную Г. А. Самойловым классификацию сигналов личностной информации следует внести некоторые коррективы. Так, едва ли следует выделять в самостоятельную подгруппу информационных сигналов наряду с отнесением ее к сигналам информации об отдельных физических свойствах человеческого тела. Информация о навыковых особенностях содержится и в сведениях о способе совершения преступления. В то же время информация о способе совершения преступления содержится не только в состоянии предметов, имеющих отношение к расследуемому преступлению, но и в информационных сигналах, отнесенных Г. А. Самойловым к первой группе, и даже в известной степени в сигналах второй группы.

Вопрос о содержании вещной информации, носителем которой является след-отображение, на протяжении длительного времени является предметом оживленной дискуссии. Определились две точки зрения на решение этого вопроса. Б. И. Шевченко последовательно утверждал в своих работах, что содержанием вещной информации в трасологии является информация о внешнем строении слеодообразующего объекта. До известного времени этот тезис не оспаривался и использовался как аксиома при исследовании проблем трасологической идентификации различных видов слеодообразующих объектов.

Г. Л. Грановский в 1965 г. поставил под сомнение этот тезис. Не оспаривая положения Б. И. Шевченко о том, что в трасологии источником информации о слеодообразующем объекте являются только те следы, в которых отобразились признаки внешнего строения объектов, он в то же время высказал мнение, что вещная информация, заключающаяся в следе, не ограничивается только информацией о признаках внешнего строения объекта, оставившего след. «Достаточно напомнить, — писал он, — что внешнее строение любого объекта связано с его внутренними свойствами, что механизм слеодообразования, определяющий характер отображения признаков внешнего строения в следах, зависит от всего комплекса свойств объектов, участвующих в слеодообразовании (например, форма профиля следов ног отображает подвижность и другие признаки ступни; расположение следов ног — особенности походки человека). Игнорирование таких признаков ограничивает возможности трасологии и препятствует разрешению многих вопросов, имеющих большое значение для следствия»⁹².

Ранее мы уже выразили свое отношение к сформулированному Г. Л. Грановским на основе этих положений определению следа в трасоло-

⁹² Грановский Г. Л. Основы трасологии. М., 1965, с. 7.

гии⁹³. Здесь же следует отметить, что, по нашему мнению, Г. Л. Грановский прав в своей трактовке содержания вещной информации, заключенной в следе. Помимо информации о внешнем строении слеодообразующего объекта и иных его свойствах (выражающихся, когда мы говорим о следе, через внешнее строение объекта), она включает информацию о механизме слеодообразования, (а через него — навыковую информацию) и непосредственную информацию о самом следовоспринимающем объекте, могущую иметь значение для установления и характеристики как слеодообразующего объекта, так и механизма слеодообразования. Операционная информация заключается в информации о действиях субъекта слеодообразования, проявляющихся в них навыках, последовательности выполнения операций, связи между операциями и используемыми средствами.

Доказательственное значение перечисленных видов информации, как нам представляется, в общей форме определить невозможно, как нельзя отдать априори преимущество какому-либо виду перед другими. В этой связи вызывают возражения замечания Г. А. Самойлова об оценке личностной информации с точки зрения ее доказательственного значения. Он считает, что заключения эксперта, “даваемые в связи с установлением групповой принадлежности тех или иных свойств личности человека, следы которого были обнаружены, являются, как правило, конечной целью такого рода исследований и служат источниками судебных доказательств по тем обстоятельствам уголовного дела, которые с их помощью устанавливаются... Иное доказательственное значение имеют результаты криминалистических идентификационных экспертиз. Устанавливаемое с их помощью тождество материальных объектов по той информации, которая содержится в материальных следах преступления, самостоятельного доказательственного значения обычно не имеет. При экспертной идентификации, например, личности преступника устанавливаемое тождество его личности... сравнительно редко выступает в качестве предмета доказывания. Не являясь конечной целью исследования обстоятельств дела, факт тождества служит опосредствующим звеном и необходимым условием для познания других, еще не известных обстоятельств расследуемого преступления”⁹⁴.

Противоречия и неточности, содержащиеся в приведенных положениях, очевидны. Ни установление групповой принадлежности, ни установление тождества не являются “конечной целью исследования об-

⁹³ См. раздел 2.2 настоящей главы.

⁹⁴ **Самойлов Г. А.** Личностная информация, фиксирующаяся в материальных следах преступления, с. 33.

стоятельств дела”. Такой целью является установление объективной истины. В то же время и факт установления групповой принадлежности, и факт установления тождества имеют “самостоятельное доказательственное значение”, хотя, разумеется, это значение они приобретают не изолированно от других доказательств, а в системе с ними. Тождество личности никогда не выступает в качестве предмета доказывания, который, как известно, определен законом как система подлежащих установлению обстоятельств; в этой системе тождество личности может играть роль одного из элементов. Не только факт тождества, но и факт групповой принадлежности служит целям познания иных обстоятельств события. Смысл рассуждений Г. А. Самойлова не становится яснее от употребления им изобретенных терминов “главный информационный факт” и “производные информационные факты”. Факт — дискретный кусок действительности, источник информации. Сказать “информационный факт” — это все равно, что сказать “информационный источник информации” или что-нибудь в этом роде. Говорить же о “производных информационных фактах” вообще нелогично, так как в этом случае мы будем вынуждены считать источником информации... информацию.

Познание содержащейся в следе доказательственной информации часто требует моделирования объектов и механизмов слеодообразования. Не случайно поэтому эксперимент — как средство получения и исследований моделей — играет такую значительную роль в трасологических, баллистических и других криминалистических исследованиях, связанных со следами-отображениями. Целями эксперимента в этих случаях являются:

- ◆ а) установление конкретного факта и причинной связи между фактами, явлениями;
- ◆ б) выяснение механизма слеодообразования;
- ◆ в) получение образцов для сравнительного исследования;
- ◆ г) установление подлежащих учету при экспертизе дефектов исследуемых объектов;
- ◆ д) исследование свойств самого следа⁹⁵.

В. Ф. Берзин ограничивает цели данного эксперимента только изучением особенностей механизма образования исследуемого отображения. В этом плане конкретными задачами эксперимента, по его мнению, являются: установление величины усилия в момент образования следов; определение распределения усилия в момент образования следов; оп-

⁹⁵ Подробнее об этом см.: **Белкин Р. С.** Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике. М., 1964, гл. 4.

ределение скорости движения следообразующего объекта, величины встречного и фронтального углов; установление величины давления пороховых газов в канале ствола в момент выстрела; решение вопросов, связанных с взаимодействием частей механизма оружия, с определением механизма действия пули и факторов, сопровождавших выстрел; определение величины усилия и характера его распределения в момент образования исследуемого оттиска печати или штампа; определение силы удара по клавишам пишущей машинки при печатании исследуемого текста⁹⁶. **Х. Салимов** упоминает об эксперименте, направленном на обнаружение соответствующего участка инструмента, которым могли быть оставлены исследуемые следы, и признает экспериментальные действия, осуществляемые с целью получения образцов для сравнительного исследования⁹⁷. **В. М. Прищепа** говорит об экспериментальном воспроизведении следов и экспериментальном уяснении механизма и условий отображения признаков искомого объекта⁹⁸.

Несмотря на различия в позициях упомянутых авторов, их объединяет признание роли эксперимента в моделировании механизма следообразования, а если учесть, что **В. Ф. Берзин** не отрицает возможности получения в процессе эксперимента моделей следа, то и в моделировании объектов следообразования. Важность эксперимента для установления механизма следообразования была подтверждена еще работами **Б. М. Комаринца** по судебной баллистике⁹⁹.

В литературе подробно описаны условия проведения экспериментов для получения моделей следов и установления механизма следообразования¹⁰⁰, поэтому в их изложении нет необходимости. Заметим лишь,

⁹⁶ **Берзин В. Ф.** Эксперимент при проведении криминалистических экспертиз. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Киев, 1964, сс. 4, 13, 14.

⁹⁷ **Салимов Х.** Научные основы и методика эксперимента при производстве трасологических экспертиз. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1965, с. 9, 18; **Салимов Х.** Научные основы и методика экспертного эксперимента. Душанбе, 1967, с. 36.

⁹⁸ **Прищепа В.М.** Теория и практика трасологической идентификации предметов массового изготовления. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Киев, 1970, с. 18.

⁹⁹ **Комаринец Б. М.** Криминалистическое отождествление огнестрельного оружия по стреляным гильзам. М., 1955 и другие работы.

¹⁰⁰ **Берзин В. Ф.** Указ. автореферат; **Салимов Х.** Указ. работы; **Грановский Г. Л.** Основы трасологии. М., 1965; М., 1974; **Голдованский Ю. П.** Криминалистическая экспертиза следов орудий взлома. М., 1966; **Белкин Р. С.** Эксперимент в следственной, экспертной и судебной практике. М., 1964; **Винберг А. И.** Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе. М., 1956; Криминалистическая экспертиза. Вып. 6, разд. 8. М., 1968; **Шевченко Б. И.** Судебно-трасологическая экспертиза. Вып. 1. М., 1972; **Тахо-Годи Х. М.** Крим. след. стр.

что от соблюдения условий эксперимента зависит познавательная функция модели и возможность переноса знания, полученного исследованием модели, на оригинал. Мы разделяем мнение И. М. Лузгина, считающего, что условиями переноса логических отношений с модели на прототип являются: “1) выделение существенных с точки зрения доказывания по делу признаков оригинала и модели; 2) достоверность данных о содержании этих признаков; 3) установление значимости (ценности) этих признаков с точки зрения задач исследования; 4) достижение по этим признакам подобия между моделью и оригиналом”¹⁰¹. И. М. Лузгин совершенно прав, отметив, что поскольку перенос логических отношений с модели на оригинал осуществляется с помощью модельного эксперимента, для правомерности переноса необходимы научная безупречность опытов и достижение при их многократности одинакового результата”¹⁰².

С расширением сферы применения в криминалистике математических методов возрастает роль математических моделей при исследовании механизмов слепообразования. Как правильно указывает Г. Л. Грановский, “важным толчком для внедрения математического моделирования являются все возрастающие запросы практики. В последнее время возрастают требования, предъявляемые к научной обоснованности и убедительности выводов экспертов. Использование математических методов (статистическая обработка результатов измерений признаков, вероятностная оценка частоты, их встречаемости) и математических моделей, несомненно, повышает надежность выводов, делает более убедительными заключения экспертов”¹⁰³. При этом он делает существенную оговорку, что “лишь изоморфные математические модели могут служить полноценными “заместителями” доказательств в процессе их экспертного исследования; результатами исследования именно таких моделей можно обосновывать выводы экспертов”¹⁰⁴.

Выступая за активное использование физических и математических моделей в целях познания механизмов слепообразования, мы в то же время считаем необходимым подчеркнуть отнюдь не универсальный

миналистическое исследование одежды. М., 1971; **Кучеров И. Д.** Трасология огнестрельных отверстий на одежде. Минск, 1965; **Жбанков В. А.** Образцы для сравнительного исследования в уголовном судопроизводстве. М., 1969 и другие работы.

¹⁰¹ **Лузгин И. М.** Теоретические проблемы моделирования в криминалистике. — В кн.: Вопросы моделирования в экспертных исследованиях. М., 1973, с. 7.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ **Грановский Г. Л.** Основы трасологии. М., 1974, сс. 21-22.

¹⁰⁴ Там же, с. 24.

характер моделирования как метода познания. Для создания модели необходимо иметь значительную исходную информацию о предполагаемом течении исследуемых процессов, то есть практически обладать определенным алгоритмом решения задачи. Вместе с тем в практике исследования механизмов слепообразования весьма часто возникают нетипичные ситуации, требующие эвристических решений. Отчасти это связано с появлением новых разновидностей объектов слепообразования, отчасти с изменениями способов совершения преступления¹⁰⁵. Поэтому совершенно обоснованно ставится вопрос о развитии эвристической деятельности криминалистов, об исследовании проблем экспертной эвристики.

Значительным шагом на пути решения подобной проблематики явился выход в свет «Криминалистической эвристики» в двух томах Г. А. Зорина¹⁰⁶. И хотя эта работа, на содержании которой мы остановимся подробнее далее, посвящена, в основном, эвристическим методам расследования преступлений, ряд ее положений, несомненно, может быть использован в экспертной практике.

¹⁰⁵ Грановский Г. Л. Эвристические методы в производстве судебных экспертиз. М., 1975, с. 5.

¹⁰⁶ Зорин Г. А. Криминалистическая эвристика. Тт. 1-2. Гродно, 1994.

3. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О ПРИЗНАКАХ

3.1. Понятие признака в криминалистике

Понятие признака является одним из фундаментальных понятий криминалистической теории. Его значение обусловлено той ролью, которую играют признаки вещей, явлений, событий в научных криминалистических исследованиях и в доказывании, в установлении истины в процессе судопроизводства. Сфера использования этого понятия охватывает как мыслительные процедуры (построение версий, анализ и оценку доказательственной информации и т. п.), так и действия (розыск, экспертное исследование, следственные действия и др.)

Уяснение криминалистического значения понятия признака требует рассмотрения этого понятия в философском, семиотическом и информационном аспектах.

Философское понятие признака неразрывно связано с понятиями **вещи** и **свойства**.

С пространственно-количественной точки зрения вещь — это всякое материальное тело, занимающее определенное пространство. Однако только такое понимание вещи приводит к серьезным противоречиям и логическим парадоксам, имеющим существенное значение для криминалистики, в чем можно убедиться на примере парадокса Гоббса. Рассматривая пространственно-количественное понимание вещи, Т. Гоббс рассуждает: «Если в этом корабле (имеется в виду корабль Тезея — **Р. Б.**) все доски будут постепенно заменены новыми, то корабль останется численно тем же самым, но если кто-нибудь сохранил бы вынутые старые доски и, соединив их наконец в прежнем порядке, построил бы из них корабль, то и этот корабль был бы несомненно количественно тем

же самым, что первоначальный. Мы имели бы в этом случае два численно идентичных корабля, что является абсурдом”¹.

А. И. Уемов формулирует этот парадокс в общей форме: “...останется ли вещь той же самой, если последовательно изменить все свойства, отличающие ее от других вещей”². Для того чтобы разрешить этот парадокс, необходимо сочетать пространственно-количественный подход к определению вещи с качественным ее пониманием: вещь представляет собой систему качеств. Вещь остается той же самой вещью, пока не изменится вся система качеств.

Вещь обладает определенными свойствами. Свойства вещи — это то, что характеризует какую-либо ее сторону и что выявляется в ее взаимоотношениях с другими вещами или явлениями. Как указывает А. И. Уемов, свойства в их отношении к вещам подразделяются на две группы. Свойства одной группы образуют границу данной вещи, ибо с исчезновением их данная вещь превращается в другую; их А. И. Уемов именует качествами вещи. Таким образом, качество — это существенное свойство. Свойства другой группы, не определяющие границ данной вещи, он называет просто свойствами.³

Свойства вещи существуют объективно, независимо от сознания субъекта. Они не могут быть отождествлены с ощущениями, ибо “ощущение есть результат воздействия материи на наши органы чувств”⁴. Свойства могут быть внешними, поверхностными, отражающими явление данной вещи, т.е. внешность, форму обнаружения сущности; свойства могут относиться и к внутреннему содержанию вещи, его сущности, внутренним связям его элементов. Качество выражается и во внешних, и во внутренних свойствах вещи, и в ее сущности, и в ее явлениях. “В этом смысле, — справедливо замечает Н. К. Вахтомин, — качество и есть та незримая граница, которая всей совокупностью свойств, которыми обладает предмет, отличает его от других предметов”⁵.

Качественная определенность вещи заключается в том, что она обладает свойствами, позволяющими ей проявлять себя в отношении других вещей своеобразно. “Обладание свойствами есть неотъемлемый

¹ Гоббс Т. Учение о теле. Избр. соч. М.-Л., 1926, с. 97.

² Уемов А. И. Вещи, свойства и отношения. М., 1963, с. 11.

³ Там же, с. 39.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 52.

⁵ Вахтомин Н. К. О роли категорий “сущность” и “явление” в познании. М., 1963, с. 47.

момент самого существования какой бы то ни было вещи. Вещей, не обладающих свойствами, не существует”⁶.

Мы уже отмечали, что когда мы говорим о вещах как источниках доказательств, то подразумеваем, что эти вещи обладают такими свойствами, которые служат фактическими данными, имеющими значение для дела, т.е. доказательствами. Доказательством, таким образом, строго говоря, является не сама вещь, а ее свойства. Однако, если эти “свойства-доказательства” составляют сущность вещи, ее качество, то они неотделимы от вещи и сама вещь выступает как носитель этих фактических данных, доказательств. Если же “свойства-доказательства” не относятся к числу существенных свойств, не определяют качества вещи, могут быть отделены от нее без изменения ее сущности, а будучи отделены, образуют сущность новой вещи, тогда в качестве носителя доказательства выступит эта новая вещь.⁷

Предложенная нами концепция вещественного доказательства и его источника позволяет объяснить и возможность получения производных вещественных доказательств.

Производное вещественное доказательство может быть получено только в том случае, если требуется копия, слепок “свойств-доказательств”, относящихся к категории внешних, поверхностных, поддающихся воспроизведению в силу своего содержания, ибо нельзя получить адекватную копию вещи, тождественной только самой себе, но можно воспроизвести некоторые ее свойства как элементы общности нескольких материальных тел. Логически это выглядит следующим образом: есть вещь А со свойством Б, имеющим доказательственное значение, и есть вещь В тоже со свойством Б. Совпадение двух свойств вовсе не означает тождественности вещи А вещи В. Но так как у А и В имеется одинаковое свойство, то достаточно изучить это свойство у одной вещи, чтобы иметь о нем представление и применительно к другой. Если мы можем создать вещь В, обладающую таким же свойством Б, что и вещь А, являющаяся первоначальным вещественным доказательством, то это будет означать, что мы создали производное вещественное доказательство, не повторяющее самой вещи А, но дающее возможность исследовать опосредствованно ее свойства.

⁶ *Панцхава И. Д., Пахомов Д. Я.* Диалектический материализм в свете современной науки. М., 1971, с. 79.

⁷ *Белкин Р. С.* Собрание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М., 1966, с. 16.

Еще Гегель отмечал, что вещь может в известных пределах варьировать свои свойства, оставаясь той же самой вещью⁸. Но причиной изменения свойств является изменение качества. Возникает логическое противоречие: изменение свойств есть следствие изменения качества и в то же время не всякое изменение свойств означает изменение качества вещи. Нам представляется правильным путь разрешения этого противоречия, предложенный И. Д. Панцхава и Д. Я. Пахомовым. В этих целях они вводят понятия качественного превращения вещи и качественного изменения состояния вещи. Они пишут: «Качественное превращение есть особый случай изменения вещи, при котором данная определенная вещь становится другой вещью во всех отношениях (кроме, может быть, незначительной части менее существенных с некоторой определенной точки зрения отношений). Качественное изменение состояния вещи означает, что мы имеем дело с той же самой вещью, испытывающей, однако, качественные изменения, не затрагивающие ту инвариантную часть качественной определенности (или инвариантную часть совокупности свойств), которая делает эту вещь данной вещью»⁹. Мы полагаем, что различие между качественным превращением вещи и качественным изменением состояния вещи и лежит в основе обоснования возможности ее идентификации в тех пространственно-временных границах, с которыми обычно приходится иметь дело в процессе доказывания.

Свойства выражаются в признаках; признак есть проявление свойства. Каждая вещь обладает множеством свойств, каждое свойство может выражаться во множестве признаков. В логике признак — это «все то, в чем предметы, явления сходны друг с другом или в чем они отличаются друг от друга; показатель, сторона предмета или явление»¹⁰.

В системе «свойство — признак» свойство играет роль сущности, признак — явления. Являясь выражением свойства, признак, как и свойство, объективен по своей природе. Несмотря на то, что одни и те же признаки могут выражать разные свойства, в конкретной системе «свойство — признак» признак неотделим от свойства. В силу этого мы считаем, что признак именно выражает, а не отражает свойство.

Между терминами «выражение свойства» и «отражение свойства» мы усматриваем существенное различие. Когда мы говорим, что признак

⁸ Гегель Г.. Соч., т. 1. М.-Л., 1929, с. 216.

⁹ Панцхава И. Д., Пахомов Д. Я. Указ. соч., с. 80.

¹⁰ Кондаков Н. И. Введение в логику. М., 1967, сс. 290-291; Кондаков Н. И. Логический словарь. М., 1971, с. 416.

есть выражение свойства, мы тем самым подчеркиваем его репрезентативность по отношению к выражаемому свойству, их неразрывную связь. Свойство проявляется вовне через признаки, самовыражается в них, не может существовать без них.

Считая признак отражением свойства, мы неизбежно вступаем в противоречие с этими положениями. Если признак — отражение свойства, то следует допустить, что:

- ◆ а) признак может неадекватно отражать свойство и, как таковой, не будет служить “показателем, стороной предмета или явления”;
- ◆ б) свойство может существовать без признаков и независимо от них (вспомним ленинское положение о независимости отражаемого от отражения);
- ◆ в) признак может быть отделен от свойства, ибо отражение в принципе может быть отделено от отражаемого. Но в этом случае возникает по крайней мере два вопроса: каким образом будет выражаться свойство, от которого отделены признаки, и чем оно будет отличаться при этом от других свойств.

Этот перечень допущений, противоречащих природе и свойства и признака, можно было бы продолжить, но, на наш взгляд, сказанного достаточно, чтобы отдать предпочтение определению признака как выражения или проявления свойства. Между тем в большинстве криминалистических источников этой внутренней противоречивости определения признака как отражения свойства не отмечается. Так, В. Я. Колдин пишет, что “под признаком в криминалистике следует понимать объективное отражение свойства объекта, являющееся первоначальным материалом исследования”¹¹. Аналогично определяют признак А. Р. Шляхов¹² и Р. А. Алимова¹³. На основе такого общего определения признака конструируются определения признаков отдельных свойств криминалистических объектов.¹⁴

¹¹ Колдин В. Я. Идентификация при производстве криминалистических экспертиз. М., 1957, с. 13.

¹² Шляхов А. Р. Организация и производство криминалистической экспертизы в СССР. — В кн.: Теория и практика криминалистической экспертизы, № 9-10. М., 1962, с. 118.

¹³ Алимова Р. А. К вопросу о понятии признаков почерка и их классификации. — Сборник научных трудов, вып. 5. Ташкент, 1963, с. 136.

¹⁴ Например, А. П. Rogozin следующим образом определяет признак почерка: “Под признаком почерка следует понимать искусственно выделяемые для целей почерковедения материально-фиксируемые особенности отображения свойства (или группы свойств) письменно-двигательного навыка, обладающие

см. след. стр.

Не усмотрев различия между отражением и выражением свойства, И.М. Лузгин в своем определении признака употребляет оба эти термина как равнозначные. Он пишет: "Под признаком в криминалистике понимают объективное отражение свойств предмета, выражение его реальных свойств, позволяющих отличить данный предмет от всех других"¹⁵. Из числа известных нам авторов лишь М. Я. Сегай определяет признак как выражение реальных свойств объекта.¹⁶

Определение признака как выражения (или отражения) свойства не является единственным в криминалистике. Ему предшествовало разделяемое до сих пор некоторыми криминалистами мнение о том, что признак и свойство суть понятия идентичные, что признак является свойством объекта.

С определением признака как свойства объекта мы встречаемся уже в первых работах по теории криминалистической идентификации. Так, в 1940 г. С. М. Потапов писал: "Свойства объекта являются его объективными признаками, устойчивостью которых определяется "устойчивое наличие" и самого объекта"¹⁷. В 1946 г. он повторил это положение¹⁸.

На ошибочность подобного понимания признака указал А. И. Винберг, который отметил, что "данное проф. С. М. Потаповым определение признаков является весьма широким и в то же время неточным... Здесь смешивается понятие свойства предмета с понятием признака

относительной устойчивостью, независимые от других особенностей почерка пишущего и содержащие информацию, полезную для решения задачи исследования" (*Рогозин А. П.* О понятии признака почерка и его качественных и количественных характеристиках. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 11. Киев, 1975, с. 219.).

¹⁵ *Лузгин И. М.* Криминалистическая идентификационная экспертиза. — В кн.: Основы советской криминалистической экспертизы. М., 1975, с. 69.

¹⁶ *Сегай М. Я.* Методология судебной идентификации. Киев, 1970, с. 168. Ранее М. Я. Сегай придерживался мнения о том, что признаки и свойства — это одно и то же (см. *Сегай М. Я.* Идентификационные признаки письма и принципы их классификации. — В кн.: рефераты докладов объединенной научной конференции. Киев, 1956, с. 38). Занимая позже правильную, на наш взгляд, позицию по этому вопросу, он в то же время проявлял непоследовательность, допуская употребление вместо термина "свойство" — "идентификационный признак" (Методология судебной идентификации, с. 92) без необходимой оговорки.

¹⁷ *Потапов С. М.* Принципы криминалистической идентификации. — Сов. государство и право, 1940, № 1, с. 76.

¹⁸ *Потапов С. М.* Введение в криминалистику. М., 1946, с. 10.

предмета¹⁹. Однако это замечание было воспринято не всеми. Н. В. Терзиев продолжал считать, что «слово «признак» тоже обозначает свойство, но рассматриваемое под углом зрения узнавания с предмета²⁰, а Н. А. Новоселова прямо называла свойства идентификационными признаками²¹. И. М. Лузгин в своем первом определении признака писал: «В криминалистике признаком надо считать выделение следователем сообразно целям расследования тех свойств предмета, явления, которые объективно возникли в результате преступления или присущи предметам независимо от преступления и использование которых способствует установлению истины по делу²². Если не обращать внимания на имеющуюся редакционную погрешность этого определения, в силу которой, строго говоря, получается, что признак — это выделение свойства, то можно сделать вывод, что автор имел в виду под признаком свойства, выделенные следователем, т.е. ставил знак равенства между понятиями признака и свойства²³. Наконец, А. А. Эйсман попытался обосновать определение признака как свойства различием между онтологическим и гносеологическим понятиями. По мнению А. А. Эйсмана, понятие свойства «является онтологическим понятием, т.е. понятием, характеризующим вещи, явления сами по себе, с отвлечением от способа их познания, от их «мысленной обработки»... Напротив, признак — понятие, которым оперирует логика — наука о законах и формах мышления. Это и подобные ему логические понятия формируются с учетом способов и средств познания действительности... Поскольку вещам «самим по себе» присущи свойства и только через них они взаимодействуют между собой и с изучающим их человеком, то признаками могут быть только свойства вещей²⁴.

¹⁹ **Винберг А. И.** Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе. М., 1956, с. 34.

²⁰ **Терзиев Н. В.** Идентификация и определение родовой (групповой) принадлежности. М., 1961, с. 26.

²¹ **Новоселова Н. А.** Криминалистическая идентификационная экспертиза. Минск, 1966, с. 12.

²² **Лузгин И. М.** Расследование как процесс познания. М., 1969, с. 37.

²³ Впоследствии И. М. Лузгин не повторял этого определения признака, хотя и продолжал настаивать на зависимости признака от субъекта, о чем мы скажем далее.

²⁴ **Эйсман А. А.** Заключение эксперта. Структура и научное обоснование. М., 1967, сс. 35-36. В 1978 г. он писал: «Высказано мнение, что идентификационными признаками являются те свойства предметов и живых существ, которые используются для их узнавания.» А. А. Эйсман, сославшись на упомянутую *на-см. след. стр.*

Начнем с того, что неправомерно делить понятия на онтологические и логические, поскольку, во-первых, само определение понятия есть логическая операция²⁵, а, во-вторых, применительно к предмету нашего рассмотрения следует принять во внимание, что логика оперирует не только понятием признака, но и понятием свойства²⁶. Далее, и это, пожалуй, главное, нельзя рассматривать признак как категорию только гносеологическую, лишенную онтологической основы. Как и свойство, признак существует объективно, независимо от познающего субъекта. Связь признака с процессом познания, на которую ссылается А. А. Эйсман в доказательство его логической природы, вовсе не означает зависимости признака от познавательной деятельности. В противном случае следует признать, что признаки существуют лишь постольку, поскольку они наличествуют в наших представлениях, а если признаки — это свойства, то и свойства существуют только тогда, когда они являются предметом нашей мысли.

Не следует смешивать онтологической сущности признака с его функциональным значением в логике, семиотике, теории информации. Там признак — это знак, метка, “показатель” или “примета” вещи, по которым ее можно узнать и т. п. Действительно, неизвестный, хотя и существующий объективно, признак не может играть этой роли. Но “непознанное”, как известно, не означает “несуществующее”. Только в этом смысле можно согласиться с В. Я. Колдиным, когда он пишет, что “вне познавательных процессов понятие признака утрачивает, таким образом, всякое значение”, подводя этой фразой итог анализу функциональной роли признака в криминалистике.²⁷ По этим же причинам

ми работу Н. В. Терзиева, своего отношения к этому мнению не высказал (См. Советская криминалистика. Теоретические проблемы. М., 1978, с. 81).

²⁵ **Кондаков Н. И.** Логический словарь. М., 1971, с. 355.

²⁶ **Горский Д. П.** Логика. М., 1963, с. 31.

²⁷ **Колдин В. Я.** Идентификационные признаки и свойства. — Труды ВНИИСЭ. Вып. 3. М., 1971, с. 59. “Признак — категория гносеологическая, — писал он в 1986 г. — О признаках правомерно говорить только там и тогда, когда речь идет о познании свойств взаимодействующих объектов. Само по себе объективное взаимодействие и отражение без субъекта, исследующего взаимодействие и отражение, не порождает признаков... Идентификационный признак — результат непосредственного контакта изучаемого объекта и органов чувств исследователя” (Криминалистика социалистических стран. М., 1986, с. 236). Такая интерпретация признака носит ярко выраженную солипсическую окраску и противоречит материалистическому представлению о признаке, как онтологической категории. Т. А. Седова также считает признак гносеологической категорией, “поскольку этим подчеркивается, что это специально отобранное, то есть изученное для познавательных целей свойство” (**Седова Т. А.** Теория и практика доказывания при идентификации объектов на основе структуры и со-
см. след. стр.

нельзя согласиться и с И. М. Лузгиным, который считает, что “свойство рассматривается как онтологическая категория, характеризующая объект как таковой, независимо от познания его человеком. Признак — гносеологическая категория, характеризующая результаты познания, оценку человеком отдельных сторон объекта”²⁸. Как и свойство, признак не зависит от субъекта, но от субъекта зависит выбор (отбор) и использование признака и цели такого использования.

Вещи изменяются, участвуют в процессах. “Исторический опыт развития научного мышления свидетельствует о том, что неизбежной формой выражения явлений мира объективной реальности в нашем знании выступает указание не только на изменение (процесс), но и на то, что изменяется, с чем происходит изменение. Принципы теории познания позволяют утверждать, что для этого имеются объективные основания, что такова фундаментальная закономерность мира объективной реальности, — вещь выступает как субстрат, носитель изменения, как то, с чем происходит изменение, а изменение всегда выступает как изменение чего-то, некоего субстрата, вещи”²⁹.

Поскольку событие, явление мы понимаем как процесс, то есть изменение вещей, а изменение вещей характеризуется изменением их свойств и, следовательно, признаков, постольку можно говорить о признаках событий, явлений, процессов. Таковы, например, признаки преступления — события, влекущего за собой изменения вещей, в том числе и окружающей среды. Таковы признаки способа совершения преступления и любого иного процесса, являющегося объектом криминалистического исследования или практики борьбы с преступностью.

Семиотическое понятие признака ведет свое происхождение от его логического определения как “метки”, “знака”, “указателя” чего-либо или на что-либо. По определению Н. И. Кондакова, признак — это “показатель, сторона предмета или явления, по которой можно узнать, определить или описать предмет или явление”³⁰.

Понятие знака шире понятия признака. В семиотике знак определяется как всякий “чувственно воспринимаемый предмет, указывающий на другой предмет, отсылающий к нему организм или машину”³¹. Знаком,

става. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Л., 1987, с. 22). Попутно отметим, что при таком понимании признака различие между ним и свойством исчезает.

²⁸ Лузгин И. М. Методологические проблемы расследования. М., 1973, с. 63.

²⁹ Панцхава И. Д., Пахомов Д. Я. Указ. соч., с. 64.

³⁰ Кондаков Н. И. Логический словарь, с. 416.

³¹ Ветров А. А. Семиотика и ее основные проблемы. М., 1968, с. 22.

таким образом, является и признак, и математический символ, и звуковой сигнал, и др. Знак может быть абстрактным, не связанным со свойствами обозначаемого им предмета; признак всегда конкретен и всегда выражает свойство вещи, которой принадлежит. Отражение признаков в сознании человека образует содержание понятий. Именно в этом смысле следует понимать выражение А. И. Умова: «Материальные вещи — это системы качеств, идеальные вещи — это системы признаков»³². Из этого выражения можно сделать только указанный вывод, а вовсе не тот, который сделал И. М. Лузгин, считающий, что А. И. Умов под признаком понимает лишь отображение в сознании какого-либо свойства, то есть категорию идеальную³³.

В семиотике признак относится к классу естественных знаков. Как справедливо отмечает А. И. Винберг, «естественные знаки лишь истолковываются в качестве знаков, ибо в действительности природные процессы не имеют цели информировать адресата и не имеют отправителя»³⁴. Иными словами, признак не должен быть, а может быть знаком, он объективен и материален, но может, как знак, выступать в виде субъективного идеального отражения. В криминалистике и практике борьбы с преступностью признак также может играть роль абстракции, особенно когда идет речь о признаках понятий, явлений, событий.

Информационное понятие признака. Исследование путей в возможностях применения в криминалистике теории информации и кибернетики повлекло за собой рассмотрение понятия признака в информационном аспекте. Одним из первых это сделал М. В. Салтевский, суть позиции которого заключалась в следующем.

Признак отражает сторону предмета и несет, таким образом, порцию информации. Поэтому признак можно рассматривать как сигнал информации. Признаки объекта могут быть познаны как непосредственно, так и опосредованно. «Поэтому, — пишет М. В. Салтевский, показания приборов и приспособлений о признаках изучаемого объекта, а также измененное состояние предметов вследствие отображения на них признаков изучаемого объекта есть не что иное, как сигналы информации... Сигна-

³² Умов А. И. Вещи, свойства и отношения. М., 1963, с. 31.

³³ Лузгин И. М. Методологические проблемы расследования, с. 62.

³⁴ Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика. Общетеоретические проблемы. М., 1973, с. 232.

лом является не только отображение признака, но и сам признак материального объекта”³⁵.

Аналогичных взглядов фактически придерживался и А. И. Трусов³⁶, характеризуя информационную сущность вещественных доказательств. Правда, он пишет не о признаках материального объекта, а об его “измененных состояниях” — местонахождении предмета, изменениях его размеров, структуры, формы и т. п.; но, как нам кажется, из текста следует, что речь идет именно о признаках как показателях изменения состояния.

Такое понимание информационной роли признака в криминалистической литературе опирается на аналогичную трактовку этого понятия в философии, где, например, Л. О. Резников³⁷ определял признак как явление, несущее информацию о предмете или его существенных сторонах. Однако, восприняв это правильное в своей основе определение, некоторые криминалисты восприняли и отдельные противоречивые положения, которые вывел из него Л. О. Резников. Он счел, что в качестве признаков объекта выступают: свойства как признак сущности, которую они выражают, и действия как признак причины, которая их вызывает³⁸.

Считая признак выражением свойства, а свойство — элементом сущности, логично заключить, что признак является выражением сущности. В плане категорий “сущность” и “явление” последнее выступает выражением первой, то есть в роли ее признака. Здесь можно согласиться с Л. О. Резниковым. Не вызывает возражений и его указание на действия как признак вызывающей их причины. Однако, как уже отмечалось нами ранее, нельзя согласиться с отождествлением признака со свойством. Между тем такое отождествление допускает на основе указанных положений Л. О. Резникова даже В. Ф. Орлова, вступая в противоречие с собственным взглядом на признак как выражение свойства. Она пишет: “В процессе идентификационного исследования, роль признака выполняют свойства объекта идентификации, несущие какую-то информацию о его индивидуальности”³⁹. Но если признак — это явле-

³⁵ *Салтевский М. В.* Идентификация и установление групповой принадлежности. Харьков, 1965, сс. 26-27.

³⁶ *Трусов А. И.* Судебное доказывание в свете идей кибернетики. — В кн.: Вопросы кибернетики и право. М., 1967, сс. 26-27.

³⁷ *Резников Л. О.* Гносеологические вопросы семиотики. Л., 1964, с. 103.

³⁸ Там же.

³⁹ *Орлова В. Ф.* Теория судебно-почерковедческой идентификации. — Труды ВНИИСЭ, вып. 6. М., 1973, с. 204. На противоречивость высказываний Л. О. см. след. стр.

ние, несущее определенную информацию о сущности объекта, то какую иную информацию несут свойства, являющиеся элементом сущности, и как эти свойства выражаются помимо признаков? На эти вопросы мы не найдем ответа, если поставим знак равенства между признаком и свойством.

Сигналом информации являются именно признаки, а источником информации — свойства, выражающиеся в признаках. При взаимодействии объектов происходит перенос информации с признаков одного объекта на отображение этих признаков на другом объекте. В. Я. Колдин допускает, как нам кажется, неточность, когда пишет: «Взаимодействие идентифицируемого и идентифицирующего объектов может рассматриваться как канал связи, в котором свойства идентифицируемого объекта, выступающего в качестве сигналов информации, преобразуются (модулируются) в признаки объекта идентифицирующего (разрядка наша — *Р. Б.*). В силу взаимодозначного соответствия (изоморфизма) отображаемого и отображения признаки отображения несут информацию о свойствах идентифицируемого объекта, и последние могут быть по этим признакам установлены»⁴⁰.

По нашему мнению, информация, которую несут признаки отображаемого объекта, переносится на отображение этих признаков. По этому отображению мы судим не о свойствах, а о признаках отображаемого, а уже через них — о его свойствах. В сущности, именно так характеризовал этот процесс передачи информации ранее и сам В. Я. Колдин: «Признаки при идентификационном исследовании воспринимаются непосредственно. Свойства же идентифицируемого объекта устанавливаются опосредствованно путем изучения механизма их отражения в других объектах и процессов, влияющих на передачу информации. Смысл разграничений понятий свойства и признака состоит именно в анализе отражательного и информационного процесса, выделении различных в гносеологическом плане средств и ступеней идентификационного исследования»⁴¹.

Информация, которую несут признаки объекта, по общему признаку, достаточна для его индивидуализации в криминалистических целях. Некоторые авторы говорят даже об избыточности, покрывающей

Резникова обратил внимание А. П. Рогозин (см. *Рогозин А. П.* О понятии признака почерка и его качественных и количественных характеристиках. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 11. Киев, 1975, с. 214).

⁴⁰ *Колдин В. Я.* Идентификационные признаки и свойства. — Труды ВНИИСЭ, вып. 3. М., 1971, с. 58.

⁴¹ *Колдин В. Я.* Идентификация и ее роль в установлении истины по уголовным делам. М., 1969, с. 16.

потери информации при ее переносе в процессе отражения и намного превышающей по объему практически нужды индивидуализации⁴².

Резюмируя сказанное о различных аспектах понятия признака и их криминалистическом значении, можно заключить, что общее понятие признака в криминалистике адекватно его понятию в указанных областях знания. Специфически же криминалистическим является не понятие признака вообще, а понятие идентификационного признака и функциональные значения общего понятия признака.

Понятие идентификационного признака. Как показывает анализ литературных источников, интерес к понятию признака возник в криминалистике в связи с разработкой теории идентификации, где это понятие стало одним из центральных. В сущности, определение этого понятия потребовалось для того, чтобы на его базе сформулировать определение особой функциональной группы признаков, названных идентификационными.

Термин “идентификационный признак” был предложен Б. М. Комаринцем в его кандидатской диссертации “Криминалистическая идентификация огнестрельного оружия по стреляному гильзам” (1945). Он считал идентификационными признаками такие родовые и индивидуальные признаки идентифицируемого объекта, которые могут отобразиться на идентифицирующем объекте и поэтому привлекаются для идентификации⁴³. Примерно так же он определял это понятие и в дальнейшем⁴⁴.

Точно отражая существо понятия, термин “идентификационный признак” сразу же стал широко использоваться в криминалистической литературе⁴⁵. В процессе уточнения обозначаемого им понятия было констатировано, что идентификационные признаки “являются только частью признаков объекта, но именно той его частью, которая служит цели отождествления объекта”⁴⁶, и что, следовательно, “понятие при-

⁴² **Эйсман А. А.** Заключение эксперта. М., 1967, с. 39.

⁴³ Приводится по статье: **Орлова В. Ф.** Идентификационные признаки подписи. — В кн.: Теория и практика криминалистической экспертизы, вып. 3. М., 1958, сс. 27-28.

⁴⁴ Криминалистическое отождествление оружия по стреляным гильзам. М., 1955, с. 15.

⁴⁵ **Винберг А. И.** Основные принципы советской криминалистической экспертизы. М., 1949; **Колдин В. Я.** Идентификация при производстве криминалистических экспертиз. М., 1957; **Грановский Г. Л.** Основы трасологии. М., 1965 и другие работы.

⁴⁶ **Винберг А. И.** Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе. М., 1956, с. 34.

знака шире понятия идентификационного признака"⁴⁷. К идентификационным стали относиться лишь наиболее существенные признаки объекта⁴⁸ или "все те признаки материального объекта, которые могут оказаться существенными при отождествлении объекта"⁴⁹. При этом оказалось, что определение понятия идентификационного признака требует четкого уяснения, какие признаки следует считать существенными.

В логике существенным принято считать признак, "который необходимо принадлежит предмету при всех условиях, без которого данный предмет существовать не может и который выражает коренную природу предмета и тем самым отличает его от предметов других видов и родов"⁵⁰. Однако из этого следует, что это признак, позволяющий установить родовую принадлежность или родовое отличие предмета, но не характеризующий его индивидуальность, поскольку он необходимо присущ всем предметам данного рода или вида. Это дало основание Н. А. Селиванову утверждать, что применительно к идентификационным признакам деление их на существенные и несущественные утрачивает всякий смысл, ибо в качестве идентификационных используются любые признаки, "независимо от того, отражают они существенное в данном предмете или нет"⁵¹.

Мы разделяем взгляды А. И. Винберга, который писал, что "Н. А. Селиванов ошибочно подменяет в своей аргументации понятие существенных для идентификации признаков понятием существенных признаков предмета, тогда как эти понятия не совпадают. В теории криминалистической идентификации важны не существенные признаки предмета, которые, как мы видели, рассматриваются как присущие роду, виду, классу, группе, а признаки, существенные для установления индивидуально-конкретного тождества. Здесь, очевидно, понятие существенного имеет иное значение: отличие именно данного конкретного объекта"⁵².

Однако если Н. А. Селиванов не отрицал правильности термина "идентификационный признак" в своей критике содержания этого поня-

⁴⁷ Орлова В. Ф. Указ. статья, с. 28.

⁴⁸ Винберг А. И. Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе, с. 34.

⁴⁹ Сегай М. Я. Методология судебной идентификации, с. 171.

⁵⁰ Кондаков Н. И. Логический словарь, с. 507.

⁵¹ Селиванов Н. А. Идентификация как метод судебного исследования. — В кн.: Вопросы криминалистики и судебной экспертизы. Душанбе, 1966, с. 23.

⁵² Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика и доказывание. М., 1969, сс. 94-95.

тия, то Н. М. Зюскин высказал мнение, что этот термин “является неясным и двусмысленным, не отражающим существа вопроса”, ибо слово “признак”, по его мнению, “обязательно должно сопровождаться пояснением: признак чего — отдельного предмета или класса предметов”⁵³.

Представляется, что Н. М. Зюскин излишне усложнял вопрос. Если понимать идентификационный признак буквально, то есть как признак, служащий целям идентификации, то предлагаемое им уточнение не имеет значения, ибо в число идентификационных признаков, как это будет показано далее, могут входить как признаки, присущие нескольким предметам, так и признаки отдельного предмета — в совокупности. Можно согласиться с З. И. Кирсановым, который считает, что “понятие идентификационного признака, как и понятие заданной совокупности, определяется задачей идентификации. Идентификационным признаком, по нашему мнению, является не всякое свойство объекта, а лишь такое, которое, во-первых, обладает способностью в какой-либо мере выделять (отличать) данный объект из совокупности других объектов и, во-вторых, имеет качественную устойчивость, относительную неизменяемость, то есть это свойство объекта должно непрерывно существовать в пределах времени идентификации. Выделяющая способность признака состоит в том, что некоторое свойство, будучи присущим данному объекту, в то же время отсутствует у некоторой части (разряда наша — **Р. Б.**) других объектов исходного множества”⁵⁴.

Здесь мы подошли к вопросу о том, как и чем характеризуются признаки в криминалистике, и в частности, идентификационные признаки, с точки зрения их функциональной роли в процессе идентификации, то есть, в сущности, к вопросу о классификациях признаков.

3.2. Классификации признаков в криминалистике

Классификации признаков составляют один из видов частных криминалистических классификаций⁵⁵. В рамках этого вида они могут быть, в свою очередь, подразделены на общие классифика-

⁵³ **Зюскин Н. М.** Вопросы теории криминалистической идентификации. — В кн.: Вопросы судебной экспертизы, вып. 9. Баку, 1969, с. 161.

⁵⁴ **Кирсанов З. И.** Математические методы исследования в криминалистике. — В кн.: Вопросы кибернетики и право. М., 1967, с. 202.

⁵⁵ См. п. 7.4 первого тома настоящего Курса.

ции признаков, где признаки распределяются по группам вне зависимости от того, свойства какого объекта они выражают, и частные, или объектовые, классификации признаков. По нашему мнению, общими классификациями признаков могут быть:

- ◆ а) **субстанциональные**, принимающие за основание деления то или иное свойство, выражаемое признаком или характеризующее признак;
- ◆ б) **объемные**, в которых признаки различаются в зависимости от объема выражаемых ими свойств или группы объектов, которым они принадлежат;
- ◆ в) **функциональные**, содержащие распределение признаков в зависимости от их функционального назначения и использования в криминалистике и практике борьбы с преступностью.

3.2.1. Общие субстанциональные классификации

Основаниями таких классификаций считаются существенность и необходимость признаков, а также их устойчивость, специфичность и т. п. Ранее мы коснулись вопроса о существенных признаках применительно к процессу идентификации и характеристике идентификационных признаков. Но этот аспект рассмотрения, разумеется, не исчерпывает проблемы. Понятию существенности в криминалистике может быть придано более широкое значение, нежели то, которым оно характеризуется с точки зрения акта идентификации. В этом случае толкование понятия опирается на его логический смысл.

Признак является существенным, если он выражает существенное свойство объекта, то есть свойство, относящееся к его качеству. По этому основанию признаки могут быть разделены на существенные и несущественные⁵⁶. Л. А. Винберг считает, что группа существенных признаков по своему значению неоднородна. Он разделяет мнение Е. К. Войшвилло, который по этому поводу замечает: «В истории логики и философии неоднократно высказывалась мысль о том, что правомерно говорить о сущности или существенных признаках лишь предметов того или иного класса, но что для отдельных предметов эти понятия вообще лишены смысла»⁵⁷. Руководствуясь этим соображением, Л. А. Винберг использует деление существенных признаков на безотносительно суще-

⁵⁶ **Винберг А. И.** Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе, с. 34 и др.

⁵⁷ **Войшвилло Е. К.** Понятие. М., 1967, с. 147.

ственные и относительно существенные. К числу первых от относит те, “по которым заранее можно отнести объекты к определенным классификациям... Относительно существенными можно считать признаки, с помощью которых устанавливается тождество индивидуально-определенного объекта. Эти признаки в той или иной связи, в том или ином отношении в каждом конкретном случае будут различны”⁵⁸.

С мнением Л. А. Винберга едва ли можно согласиться. Представляется, что в своей классификации он смешивает два основания: существенность свойства, выражаемого признаком, и функциональное значение признака (его существенность или несущественность для процесса идентификации). Мы не можем разделить и взгляды Е. К. Войшвилло, потому что, по нашему мнению, объединение объектов в классы (роды, виды) осуществляется при наличии у каждого из них общего для всех существенного свойства (а следовательно, и соответствующего существенного признака). Ясно, что при этом мы исходим из того, что свойство имеется у отдельного объекта и что оно для него существенно, то есть определяет его качество. Свойство же, присущее только совокупности объектов и не присущее в то же время каждому из них в отдельности, — это уже свойство совокупности, понятие которого отличается от рассматриваемого понятия существенного свойства объекта.

Важен в теоретическом и практическом отношении вопрос о соотношении понятий существенности, необходимости и случайности признаков. У Е. К. Войшвилло мы читаем: “Среди всех известных признаков некоторого рода имеются: 1) основные, существенные признаки, 2) производные (обусловленные первыми, выводимые из них) признаки и 3) случайные признаки (признаки, обусловленные внешними обстоятельствами)”⁵⁹. Из этой классификации можно сделать вывод, что первая и вторая группы признаков относятся к числу существенных признаков; что существенные признаки — это необходимые признаки, поскольку им противопоставлены признаки случайные; что случайные признаки не могут быть существенными.

Эти положения вызывают серьезные возражения. Существенное нельзя ни противопоставлять, ни отождествлять с необходимым или случайным. Нужно помнить, что Энгельс рассматривал случайность как форму проявления необходимости, как ее дополнение, одну из ее сторон. “То, что утверждается как необходимое, — писал Энгельс, — складывается из чистых случайностей, а то, что считается случайным, пред-

⁵⁸ **Винберг Л. А.** Сравнение как метод исследования в криминалистической идентификационной экспертизе. М., 1972, с. 26.

⁵⁹ **Войшвилло Е. К.** Указ. соч., с. 159.

ставляет собой форму, за которой скрывается необходимость, и т. д.”⁶⁰. Следовательно, необходимость и случайность не изолированы друг от друга, находятся в диалектическом единстве, переплетаются. То, что в одном ряду отношений выступает как необходимое, в другом может быть случайным. Поэтому и существенное — в нашем случае существенное свойство или существенный признак — может быть и необходимым, и случайным; а случайное соответственно — и существенным, и несущественным. Все зависит от аспекта рассмотрения и оценки свойств и признаков объекта.

Путаница в понятиях, отождествление существенного и необходимого приводят иногда в криминалистике к фактическим ошибкам. Так, Е. И. Сташенко писал, что, “большинство идентификационных исследований завершается установлением тождества только посредством необходимых признаков. К таким исследованиям следует отнести отождествление личности по следам папиллярных узоров рук и по чертам внешности, идентификацию оружия по выстреленным пулям”⁶¹. Но известно, что необходимым является наличие папиллярного узора, но не его рисунок, наличие определенного комплекса признаков внешности, но не данная характеристика каждого из них, наличие в канале ствола нарезного оружия полей нарезов, но не данная характеристика их микрорельефа. Эти признаки или сочетания признаков случайны, и в то же время существенны в аспекте их идентификационной значимости.

К рассматриваемой классификации примыкает деление признаков на собственные и привнесенные. Характеризуя эту классификацию, И. М. Лузгин считает, что “собственные признаки выражают существенные свойства самого объекта, определяют его качественную характеристику. Таковы, например признаки почерка, сравнительное исследование которых позволяет отождествить исполнителя документа. Привнесенные признаки возникают в связи с воздействием на объект других предметов. Внешние воздействия могут существенно изменить собственные свойства объекта, в результате чего изменится и его качественная характеристика (например, в результате автоаварии может измениться форма транспортного средства), но могут и не затронуть этих существенных свойств”⁶². Позднее И. М. Лузгин несколько изменил свои взгляды, так что эта классификация в его представлении состояла из трех звеньев: собственные признаки объекта, характеризующие присущие

⁶⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 303.

⁶¹ Сташенко Е. И. К вопросу о классификации признаков в трасологии и их роли в процессе идентификации.—Труды ВНИИСЭ, вып. 4. М., 1972, с. 215.

⁶² Лузгин И. М. Методологические проблемы расследования, с. 66.

объекту свойства (о существенности свойств не говорится), случайно привнесенные признаки, отображающие постороннее воздействие на объект, и признаки маскировки, “с помощью которой лицо намеренно стремится видоизменить объект, исказить его действительное состояние или свойство”⁶³. Эта классификация представляется нам практически важной, но требует, с нашей точки зрения, некоторых уточнений.

Следует согласиться с поправкой, внесенной И. М. Лузгиным в определение собственных признаков. Эти признаки, разумеется, выражают не только существенные свойства объекта, но и иные его свойства. Среди этих признаков могут быть как необходимые, так и случайные для данного объекта в данных условиях. Вторым звеном классификации являются привнесенные признаки. Эта группа признаков по своей природе и криминалистической характеристике представляется неоднородной. Привнесенные признаки могут выражать свойства объекта, изменившиеся в результате небрежного обращения с вещественным доказательством при его упаковке или транспортировке. Привнесенные признаки могут являться признаками действий и представлять интерес именно как таковые⁶⁴. Привнесенные признаки могут выражать и свойства другого объекта, участвовавшего в акте взаимодействия. Строго говоря, и те и другие, будучи привнесены извне, становятся собственными признаками объекта, отличаясь от его изначальных признаков по источнику происхождения. Однако этого отличия достаточно для выделения их в криминалистических целях в самостоятельную группу. Именно по этому основанию мы в свое время классифицировали образцы для сравнительного исследования, различая среди них образцы, несущие на себе фиксированное отражение признаков другого объекта, и образцы, признаки которых выражают их собственные свойства⁶⁵.

По нашему мнению, не следует противопоставлять случайно привнесенным признакам признаки маскировки. Признаки маскировки — это тоже привнесенные признаки. Различие между первыми и вторыми — в отношении к их возникновению со стороны субъекта воздействия.

В первом случае субъект либо относится безразлично к возникновению, “привнесению” признаков, либо не предполагает возможности их возникновения, поэтому не предпринимает мер к тому, чтобы они не

⁶³ *Лузгин И. М.* Криминалистическая идентификационная экспертиза. — В кн.: Основы советской криминалистической экспертизы. М., 1975, с. 70.

⁶⁴ *Новоселова Н. А.* О неидентификационных исследованиях в криминалистической экспертизе. Минск, 1970, с. 6.

⁶⁵ *Белкин Р. С.* Экспериментальный метод получения образцов для сравнительного исследования. — В кн.: Проблемы судебной экспертизы, вып. 1. М., 1961, сс. 133-135.

возникли, либо не желает их возникновения, но не в силах помешать этому. Таковы в своем большинстве идентификационные признаки: например, след от бойка на капсуле, воспроизводящий особенности поверхности бойка, возникшие при изготовлении и во время эксплуатации оружия⁶⁶.

Во втором случае субъект намеренно стремится к возникновению привнесенных признаков с целью изменения объекта, искажения представления о его свойствах, создания ложного впечатления о характере взаимодействия и т. п. Типичными признаками такой маскировки являются признаки искажения лицом собственного почерка, признаки подделки подписи другого лица⁶⁷, признаки инсценировки события, маскировки способа совершения преступления и др. Степень маскировки может быть различной, но практически она не может быть полной, совершенно заслоняющей от субъекта исследования как собственные признаки объекта, так и привнесенные признаки первого рода. Так, применительно к признакам маскировки почерка, А. И. Манцетова, например, указывает, что «наличие сознательного выбора расширяет возможности искажения почерка, поскольку исполнитель может изменить именно те признаки, которые, по его мнению, выдают его. Но это не означает, что пишущий в состоянии полностью замаскировать свой почерк и сделать невозможным его установление как исполнителя текста. При искажении почерка у пишущего имеется определенный предел, который он не может перейти. Этот предел обусловлен особенностями контроля за процессом письма со стороны самого пишущего... В рукописях, выполненных с искажением почерка, всегда имеются две основные группы признаков: а) оставшиеся без изменения; б) искаженные»⁶⁸.

Резюмируя, мы можем представить рассматриваемую классификацию признаков следующим образом:

- I. Собственные признаки объекта;
- II. Привнесенные признаки:
 - ◆ а) возникшие помимо или против воли субъекта взаимодействия («случайные» признаки);

⁶⁶ **Самсонов Г. А.** Экспертиза по установлению сходства и тождества охотничьих гладкоствольных ружей по стреляным гильзам. — В кн.: Теория и практика криминалистической экспертизы, вып. 5. М., 1958, с. 146.

⁶⁷ **Елисеев А. А.** Криминалистическая экспертиза подписей. — В кн.: Проблемы криминалистики и судебной экспертизы. Харьков, 1948.

⁶⁸ **Манцетова А. И.** Исследование намеренно измененного почерка. — В кн.: Теория и практика криминалистической экспертизы. М., 1961, сс. 173-174.

- ♦ б) возникшие по воле субъекта и в его интересах (признаки маскировки).

В известной степени близка изложенным классификация признаков, предложенная Н. А. Селивановым⁶⁹. По его мнению, имеет смысл различать внешние и внутренние признаки. К числу первых он отнес признаки внешнего строения объектов, фиксируемые в следах и иных материальных отображениях. Внутренними он называет признаки химического состава и физической структуры материала объектов. Первые, по его мнению, служат основой для идентификации, вторые — для определения групповой принадлежности веществ. Он справедливо указывает, что новейшие достижения технических наук, высокочувствительные методы анализа вещества позволяют глубже проникнуть в его природу, предельно сузить объем устанавливаемых групп. Отсюда повышение значения внутренних признаков в криминалистике.

Взгляды Н. А. Селиванова и его аргументация нам представляются вполне убедительными. Разумеется, употребляемые им термины носят, в известной степени, условный характер, так как и внешние признаки, например, могут отражать физическую структуру материала объекта, но такими нюансами на практике можно пренебречь и использовать эту классификацию, придерживаясь буквального смысла терминов.

Как читатель заметил, в предшествующем изложении неоднократно упоминаются фамилии двух ученых-криминалистов, чьи работы представляют собой существенный вклад в отечественную криминалистику — А. А. Эйсмана и Н. А. Селиванова.

Алексей Александрович Эйсман (1915-1993) родился в Москве. В 1939 г. он окончил Московский юридический институт, работал народным следователем, служил в армии, в 1940-48 гг. был младшим научным сотрудником Института права АН СССР, затем старшим научным сотрудником Центральной криминалистической лаборатории, а с 1955 г. и до конца дней — старшим научным сотрудником ВНИИ Прокуратуры. Его научные интересы лежали в области технико-криминалистических средств и методов исследования вещественных доказательств, судебной фотографии, физических методов исследования, а в последний период жизни — в области логики доказывания, структуры и научного обоснования заключения эксперта.

Его коллега по многолетней совместной работе во ВНИИ Прокуратуры **Николай Алексеевич Селиванов** родился в 1923 г. в крестьянской семье в селе Ларино Каширского района Московской области. По окончании средней школы в 1942 г. был призван в армию, участвовал в Великой Отечественной войне, а после демобилизации окончил Московский юридический институт. С 1951 г. он работает во ВНИИ Прокуратуры.

⁶⁹ **Селиванов Н. А.** Идентификация как метод криминалистического исследования, с. 18.

куратуры, прошел все “ступеньки” научной карьеры и уже много лет бессменный заведующий сектором криминалистики этого института.

Первые работы Н. А. Селиванова были посвящены судебной фотографии, затем он обратился к общим вопросам применения научно-технических средств в расследовании, занимался математическими методами собирания доказательств. Особым успехом пользуется его монография “Советская криминалистика: система понятий” (М., 1982).

Возвращаясь к вопросу о классификациях признаков, заметим, что к числу наиболее значимых в криминалистическом плане субстанциональных классификаций признаков относятся классификации, в основе которых лежат устойчивость и специфичность признаков. Об устойчивости как основании классификации признаков в криминалистике упоминают практически все авторы, исследовавшие эту проблематику. Различают относительно неизменяемые, или устойчивые признаки, и изменяемые, или неустойчивые признаки⁷⁰.

Когда мы говорим об относительной неизменяемости, устойчивости признака, мы имеем в виду, разумеется, устойчивость свойства, которое он выражает, во-первых, а во-вторых, определенные временные границы устойчивости, в пределах которых признак не претерпевает существенных изменений. “Постоянство, устойчивость признаков не являются абсолютными, — справедливо пишет А. А. Эйсман. — Два отображения одной и той же детали не совпадают полностью не только потому, что меняются условия слеодообразования, но и потому еще, что за время, прошедшее между их появлениями, сам объект претерпевает некоторые изменения. Мы вправе говорить об одном и том же признаке лишь до тех пор, пока эти изменения несущественны, носят характер небольших колебаний размера или формы”⁷¹.

Господствующим в криминалистике является мнение, что изменение признака всегда связано с изменением свойства, ибо признак есть выражение свойства. Этот тезис подтвержден рядом исследований. Так, например, И. М. Можар⁷² пришла к нему в результате изучения руко-

⁷⁰ Во “Введении в криминалистику” С. М. Потапов писал об изменяемых и относительно неизменяемых объектах. К числу последних он относил те, которые обладают устойчивыми признаками в пределах необходимого промежутка времени (с. 18-19). Впоследствии об устойчивых признаках в этом же смысле писали А. И. Винберг (1949, 1956), В. Я. Колдин (1957) и др.

⁷¹ **Эйсман А. А.** Заключение эксперта, с. 41.

⁷² **Можар И. М.** Устойчивость признаков почерка в зависимости от времени. — В кн.: криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1957; **Можар И. М.** Особенности методики исследования рукописных текстов и подписей, выполненных со значительным разрывом во времени. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 3. Киев, 1966.

писных текстов и подписей, выполненных со значительным разрывом во времени, П. Г. Кулагин⁷³ — на основе анализа признаков подделки документов, В. А. Снетков⁷⁴ — по данным о признаках внешности и др. В аспекте практического применения криминалистического учения о признаках это положение не вызывает возражений, в принципе, оно верно, ибо опирается на общее философское понятие признака. Однако при этом, как нам кажется, нужно иметь в виду следующее.

Свойство может быть выражено множеством признаков. Движение объекта — изменение его места в системе, возникновение новых связей с другими объектами, влияние взаимодействия и т. д. — все это может привести к тому, что свойство станет проявляться по-новому, то есть приведет к изменению признаков, к появлению новых признаков, хотя свойство при этом не изменится. Таким образом, изменение признака не обязательно свидетельствует об изменении свойства и может быть следствием изменения формы или способа его проявления.

Описанная зависимость признака от свойства не препятствует, как нам представляется, изучению изменений признаков как таковых. Это бывает оправданно и с методической, и с практической точек зрения, и поэтому мы не разделяем отрицательного отношения к подобным исследованиям З. И. Кирсанова, выражавшего сожаление, что в криминалистике употребляется такое понятие, как “изменяемость признаков”, и ведутся исследования изменений признаков в зависимости от тех или иных факторов. По его мнению, “данные взгляды нельзя признать методически правильными, так как в них обычно понятие свойства подменяется понятием признака или исчезновение одних признаков и появление других трактуется как изменение одного и того же признака”⁷⁵. Здесь следует, к тому же, заметить, что, выступая в предыдущем параграфе за чистоту и строгость гносеологического понятия признака, мы вместе с тем учитываем и относительную условность размежевания понятий признака и свойства, особенно в практическом словоупотреблении. Диалектичность связи этих понятий и указанную условность их деления убедительно показала В. Ф. Орлова на примере выработанности почерка: “Так, выработанность — проявление качества, а следовательно, и свойство почерка. Отображенная в рукописи и доступная для изучения

⁷³ Кулагин П. Г. Проверка и осмотр документов. — Труды НИИМ МВД СССР, вып. 1 М., 1959.

⁷⁴ Снетков В. А. Портретная криминалистическая экспертиза по фотокарточкам. М., 1971.

⁷⁵ Кирсанов З. И. Математические методы исследования в криминалистике. — В кн.: Вопросы кибернетики и право. М., 1967, с. 203.

степень выработанности выступает как признак почерка. В то же время степень выработанности проявляется через другие свойства, которые в процессе исследования играют роль признаков... В сложных системах познания, в частности, таких, как почерк, свойства настолько многоопосредствованы, что их выделение, а равно и изучение признаков осуществляются на различных уровнях познания, проникая все более в сущность явления. При этом многоступенчатый, опосредствованный характер признаков, по которым выявляется какое-то сложное свойство, которое, в свою очередь, будучи изученным, используется как признак почерка, не лишает такие признаки их качества. В то же время свойства не перестают быть свойствами»⁷⁶. Иными словами, признак может быть выражением свойства, которое само в другой системе выступает как признак иного, скажем, более «глубинного» свойства.

Устойчивость признака еще не означает его необходимого характера. В литературе по этому вопросу иногда допускается такое же смешение понятий, какое мы отмечали применительно к понятиям существенных, необходимых и случайных признаков. Так, М. Я. Сегай писал, что «в процессе судебной идентификации изучаются не только устойчивые свойства объекта. В ряде случаев существенными, а потому идентификационными признаками могут оказаться случайные признаки, индивидуализирующие отождествляемый объект... Поэтому из общего определения идентификационного признака должен быть исключен термин «устойчивый»»⁷⁷. Из приведенной цитаты видно, что М. Я. Сегай связывал понятие устойчивости признака с его необходимостью и существенностью. На основании того, что случайные признаки (по смыслу его рассуждений — неустойчивые, изменяемые) могут играть важную роль в идентификации, предложено отказаться от термина «устойчивый». Здесь допущено, как нам кажется, две ошибки. Во-первых, случайный вовсе не означает обязательно неустойчивый; во-вторых, устойчивость признака, как уже отмечалось, понимается относительно, в пределах времени, необходимого для решения конкретной задачи. Именно в этом смысле мы и характеризуем признак как устойчивый, а следовательно, и нет необходимости отказываться от этого термина.

По определению А. А. Эйсмана, «под специфичностью признака следует понимать меру его способности выделять, отграничивать данный предмет от других»⁷⁸. Выделяющая способность признака зависит от его выраженности и частоты встречаемости. Признаки, обладающие

⁷⁶ Орлова В. Ф. Теория судебно-почерковедческой идентификации, с. 206.

⁷⁷ Сегай М. Я. Методология судебной идентификации, сс. 171-172.

⁷⁸ Эйсман А. А. Заключение эксперта, с. 40.

особой специфичностью и редко встречаемые, обычно выделяются в объектовых классификациях в особую группу. Так, в системе признаков внешности человека они получили наименование “особых примет”, а те из признаков, которые явно бросаются в глаза, — “броских примет”⁷⁹.

Л. А. Винберг вслед за М. С. Шехтером⁸⁰ вводит понятие “отличительный признак”, употребляя его взамен термина “специфичность”. Он различает отличительные постоянные и непостоянные признаки, понимая под отличительным признаком, имеющийся у объектов какого-либо конкретного класса. Такими отличительными постоянными признаками Л. А. Винберг⁸¹ считает общие классификационные признаки, например, тип папиллярного узора, а отличительными непостоянными — особые приметы внешности, наличие коррозии на стенках канала ствола и другие случайные признаки. Поскольку специфичность и есть мера способности признака отличать объект от других, то принципиальных возражений употребление в этом смысле термина “отличительный” не вызывает. Однако, как показывает предлагаемый им перечень, в своем определении круга отличительных непостоянных признаков он не выдерживает единого критерия оценки. Здесь термин “непостоянный” употребляется им как “не принадлежащий всем предметам данного класса”, ибо иначе вряд ли можно назвать шрамы, рубцы, родимые пятна и т. д. непостоянными признаками.

С устойчивостью и специфичностью признаков связано представление об их вариационности. Ее изучение позволяет полнее познать свойства объекта, хотя едва ли можно согласиться с В. Я. Колдиным, считающим, что “исследование вариационности признаков — единственный путь к установлению свойств отождествляемых объектов”⁸². Познание свойства, в принципе, возможно на основе изучения самого признака как такового вне его вариационных изменений. Это, разумеется, не означает отрицания необходимости в определенных условиях при решении конкретной задачи изучить все доступные вариации признака⁸³.

⁷⁹ И. М. Лузгин пишет о разной степени *надежности* признаков и различает более надежные и менее надежные признаки (*Лузгин И. М.* Методологические проблемы расследования, с. 65). Эта терминология представляется неудачной в силу своей неопределенности и функциональной неясности.

⁸⁰ *Шехтер М. С.* Психологические проблемы узнавания. М., 1967, сс. 22-29.

⁸¹ *Винберг Л. А.* Сравнение как метод исследования в криминалистической идентификационной экспертизе. М., 1972, с. 29.

⁸² *Колдин В. Я.* Идентификационные признаки и свойства, с. 63.

⁸³ См. об этом, например: *Мельникова Э. Б.* Методика криминалистического исследования оттисков печатей и штампов. — В кн.: Теория и практика криминалистической экспертизы, вып. 4. М., 1960.

3.2.2. Общие объемные классификации

Наиболее распространенной классификацией этого вида является деление признаков на общие и частные.

Первоначально эта классификация выглядела несколько иначе. С. М. Потапов различал общие признаки, то есть признаки, принадлежащие однородным предметам, и особенные, относящиеся к данному объекту⁸⁴. А. И. Винберг писал об общих и индивидуальных признаках⁸⁵, а Н. В. Терзиев употреблял как равнозначные оба термина — особенные и индивидуальные⁸⁶. Но уже в 50-х годах в работах А. И. Винберга говорится об **общих** и **частных** признаках. «Общие признаки, — писал он, — выражают наиболее общие черты, свойства, присущие всем однородным объектам (по форме, цвету, размеру, весу, сорту, классу и т. п.). Частные признаки (детальные) — это наименее повторяемые в своей совокупности конкретно-индивидуальные признаки, выделяющие данный объект из ряда ему подобных по групповой принадлежности»⁸⁷. В этом же смысле употребляли эти термины в работах того времени В. Я. Колдин⁸⁸, А. Р. Шляхов⁸⁹ и некоторые другие авторы.

С течением времени понятие «общие признаки» приобрело и другой смысл. Под общими стали понимать признаки, характеризующие объект в целом⁹⁰. Общие же признаки в первоначальном их значении стали именовать признаками группового значения. Так возникла вторая общая объемная классификация признаков — деление их на признаки **группового** и **индивидуального** значения⁹¹.

⁸⁴ Потапов С. М. Введение в криминалистику. М., 1946, с. 10.

⁸⁵ Винберг А. И. Основные принципы советской криминалистической экспертизы. М., 1949, с. 43.

⁸⁶ Терзиев Н. В. Идентификация в криминалистике. — Сов. государство и право, 1949, № 12, с. 40.

⁸⁷ Винберг А. И. Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе, с. 35.

⁸⁸ Колдин В. Я. Идентификация при производстве криминалистических экспертиз, сс. 36-37.

⁸⁹ Шляхов А. Р. Организация и производство криминалистической экспертизы в СССР. — В кн.: Теория и практика криминалистической экспертизы, вып. 9-10. М., 1962, с. 119.

⁹⁰ Терзиев Н. В. Идентификация и определение родовой (групповой) принадлежности. М., 1961, с. 119.

⁹¹ См. например: Самойлов Г. А. Теоретические основы криминалистической идентификации и установления групповой принадлежности. — В кн.: Криминалист. след. стр.

Смысловая неоднозначность употребляемой классификационной терминологии явилась поводом для дискуссии. А. А. Эйсман⁹² отметил, что обе системы деления признаков общеприняты и нет оснований ими пренебрегать, но следует более строго определить их значение. По его мнению, деление на общие и частные признаки весьма относительно и носит вспомогательный и утилитарный характер, так как то, что в одном случае является общим признаком, в другом выступает в качестве признака частного. Н. А. Селиванов пришел к выводу, что, несмотря на относительный характер деления признаков на общие и частные, эта классификация себя практически полностью оправдывает, и отметил неточность классификации С. М. Потапова: «Если термин “особенные” указанный автор применил в общефилософском смысле, имея в виду свойственное отдельным группам предметов, то данная классификация не отличается от вышеизложенного деления признаков на общие и частные. Если же особенное мыслится как противопоставление групповому, то перед нами другой аспект систематизации. Это — разграничение групповых признаков (родовых, видовых и т. д.) и индивидуальных. Но в таком случае термин “особенные” здесь не на месте»⁹³.

Не оспаривая в принципе допустимость обеих приведенных классификаций, мы полагаем, что как для научных, так и для практических целей вполне достаточно первой из них — деления признаков на общие и частные. К такому выводу можно прийти по следующим основаниям.

I. Ни один признак не может характеризовать лишь какую-то сторону объекта, по которой мы можем судить лишь о принадлежности объекта к какой-нибудь группе, классу. Те, кто именуется подобными признаки общими в отличие от признаков группового значения, обычно относят к ним такие, как размер, вес, форма, цвет, способ изготовления и т. п.⁹⁴ Однако совершенно очевидно, что на основании подобных характеристик можно судить только о том, что предмет имеет квадратную форму, или он белого цвета, или обладает шероховатой

налистическая экспертиза, вып. 1. М., 1966, с. 36; *Грановский Г. Л.* Основы трасологии. М., 1965, с. 53; *Лузгин И. М.* Криминалистическая идентификационная экспертиза. — В кн.: Основы советской криминалистической экспертизы. М., 1975, с. 69 и другие работы.

⁹² *Эйсман А. А.* Некоторые вопросы теории исследования вещественных доказательств. — В кн.: Вопросы криминалистики, вып. 5. М., 1962, сс. 24-25.

⁹³ *Селиванов Н. А.* Идентификация как метод криминалистического исследования, с. 17.

⁹⁴ *Зотов Б. Л.* Идентификация в криминалистике. М., 1973, с. 16; *Лузгин И. М.* Криминалистическая идентификационная экспертиза, с. 69 и др. работы.

поверхностью и т. д., то есть только о том, что он принадлежит к классу “квадратных, белых, шероховатых” предметов. Иными словами, общие признаки, как и признаки группового значения, служат одной и той же цели. Не случайно об этом вынуждены говорить и сторонники различения двух рассматриваемых классификаций⁹⁵. А если это так, то лишается смысла существование двух разных терминов для обозначения одного и того же понятия.

- II. Признаки индивидуального значения фактически являются также групповыми. Один из инициаторов этой классификации — Н. В. Терзиев пишет о них: “Признаками индивидуального значения называются такие, которые могут принадлежать, но могут и не принадлежать объектам **данной группы**”⁹⁶ (выделено нами — **Р. Б.**). Таким образом, их отличает от признаков группового значения только объем группы объектов, которым они принадлежат. Но если это так, то нет оснований, во-первых, для наименования их индивидуальными и, во-вторых, для противопоставления групповым. Классификация лишается основания.

3.2.3. Общие функциональные классификации

Смысл подобных классификаций заключается в распределении признаков в зависимости от той функциональной нагрузки, которую они несут при решении определенных задач. Строго говоря, это не классификации в точном смысле этого слова, а выделение из множества признаков какого-то подмножества, предназначенного для решения данной задачи. В качестве таких подмножеств могут быть названы:

- ◆ **идентификационные** признаки — признаки, используемые в конкретном акте идентификации;
- ◆ **регистрационные** признаки — признаки, фиксируемые при постановке на криминалистический учет объектов данного вида;
- ◆ **розыскные** признаки — признаки конкретного разыскиваемого объекта;
- ◆ **моделируемые** признаки — признаки, обеспечивающие достижение требуемого сходства модели с оригиналом.

⁹⁵ Лузгин И. М. Указ соч., с. 69.

⁹⁶ Терзиев Н. В. Идентификация и определение родовой (групповой) принадлежности, с. 27.

Каждому из этих подмножеств противостоит подмножество, которое можно обозначить как “иные признаки”, то есть признаки, не используемые в данном действии, процессе. В литературе мы не встречали упоминания об антиподах перечисленных групп. Исключение составляет лишь группа идентификационных признаков.

И. Д. Кучеров противопоставил идентификационным признакам признаки, которые он назвал дифференцирующими. Это признаки, “которые позволяют исключить принадлежность объектов к одному и тому же роду, виду, классу, группе или вообще разграничить не менее двух объектов. Ими могут быть обычные родовые, видовые, групповые и индивидуальные признаки объектов”⁹⁷. Правда, он тут же оговорился, что один и тот же признак может выступать и в качестве идентифицирующего и в качестве дифференцирующего⁹⁸. Нам представляется, что понятие дифференцирующих признаков носит искусственный характер, как и стремление автора выделить в качестве самостоятельной исследовательской процедуры, отличной от процедуры идентификации, процедуру дифференциации. Этот вопрос будет подробно рассмотрен в специальной главе настоящего Курса, здесь же мы ограничимся тем, что присоединимся к словам Н. А. Селиванова и А. А. Эйсмана, которые в рецензии на упомянутую работу И. Д. Кучерова писали: “Ни один криминалист не считает, что идентификация направлена только на установление тождества и базируется только на совпадении признаков. Напротив, всегда подчеркивается, что цель ее — либо установление, либо отрицание тождества. Стремясь разграничить идентификацию и дифференциацию, автор, не замечая того, вводит в определение идентификации в качестве одной из ее целей установление различия (с.126), а в определение дифференциации установление тождества узкой группы (с.146), то есть признает тем самым, что отождествление и различение суть две стороны одного и того же процесса познания. Таким образом, новое название дифференциация обозначает старое, хорошо известно понятие различия, отсутствие тождества”⁹⁹.

И. А. Журавлева, рассматривая проблемы судебно-экспертного распознавания, отмечает, что классификация признаков, используемых в целях распознавания, обладает определенной спецификой: “...для описания объектов в этом процессе используются логические и вероятностные признаки. К первым относятся те, которые обозначают качествен-

⁹⁷ Кучеров И. Д. Соотношение тождества и различия. Минск, 1968, с. 157.

⁹⁸ Там же, с. 158.

⁹⁹ Селиванов Н., Эйсман А. Рецензия на книгу И. Д. Кучерова “Соотношение тождества и различия”. — Соц. законность, 1969, № 6, с. 93.

ные характеристики свойств. Вероятностными являются признаки, обозначающие систематические закономерности распределения тех или иных характеристик свойств в группах однородных объектов. Эти группы признаков по своей функциональной роли в процессе распознавания подразделяются на атрибутивные, классификационные и диагностические¹⁰⁰. В подобной классификации явно нарушено правило единства основания, не говоря о том, что вызывает недоумение термин “логические признаки”, поскольку он никак не раскрывает содержание обозначаемого им понятия.

Уже отмечалось, что понятие идентификационных признаков имеет смысл лишь применительно к конкретному акту идентификации. В связи с этим нам представляется, что употребляемые иногда в литературе термины “признаки сходства” и “признаки различия” безотносительно к конкретным процессам сравнения¹⁰¹ не являются точными. Правильнее говорить о совпадающих и различающихся признаках, так как при этом подразумевается не какая-то априорная характеристика признака, а результат его сравнения с признаками другого объекта.

3.2.4. Объектовые классификации признаков

Это наиболее разработанный и многочисленный вид классификаций. К нему относятся классификации признаков материальных объектов, навыков и процессов. С ним связаны и классификации признаков, принятые в науках, смежных с криминалистикой и используемые последней. По своему содержанию объектовые классификации не однотипны, обладают различной степенью детализации и унификации. Примером наиболее детальных объектовых классификаций являются классификации признаков человека и некоторых его навыков: признаков внешности, папиллярных узоров, зубов, почерка как проявления письменно-двигательного навыка, походки. Все эти классификации при единстве исходных посылок в виде, скажем, определенной общей объемной классификации существенно отличаются друг от друга по характеру и основаниям распределения классифицируемого материала.

Исторически наиболее ранними криминалистическими объектовыми классификациями признаков являются классификации признаков внешности и папиллярных узоров (конец XIX — начало XX вв.). В Советском Союзе эта проблематика наиболее плодотворно разрабатывалась при-

¹⁰⁰ *Журавлева И. А.* Теория и практика судебно-экспертного распознавания в криминалистической экспертизе. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1993, с. 14.

¹⁰¹ *Старченко А. А.* Роль аналогии в познании. М., 1961, с. 19.

менительно к признакам внешности Н. В. Терзиевым, В. А. Снетковым, А. Ю. Пересункиным¹⁰², а в отношении папиллярных узоров — П. С. Семеновским, Г. Данилевским, Б. М. Комаринцем, Г. Л. Грановским, Г. А. Самойловым, Г. П. Давыдовым, А. П. Моисеевым, В. А. Андриановой и другими криминалистами¹⁰³.

По мере развития советского судебного почерковедения совершенствовалась система и классификация признаков почерка. В этой области наиболее значительными были исследования А. И. Винберга, С. И. Тихенко, А. А. Елисеева, В. Ф. Орловой, А. И. Манцетовой, Э. Б. Мельниковой, Л. Е. Ароцкера, П. Г. Кулагина и ряда других авторов¹⁰⁴.

Наиболее значимой для криминалистики классификацией признаков процессов, с нашей точки зрения, является классификация признаков способа совершения преступления. Здесь, пожалуй, как и в случае с общими функциональными классификациями признаков, точнее говорить о выделении определенного подмножества признаков, характеризующих тот или иной способ преступления как вид или его специфическую разновидность. Эта объективная криминалистическая классификация признаков тесно соприкасается с соответствующими классификациями признаков в смежных с криминалистикой науках. Так, к признакам способа совершения преступления относятся содержание действия, его время, место, предмет посягательства и др. Эти признаки являются элементами уголовно-правовых классификаций признаков состава преступления, признаков объективной стороны преступления¹⁰⁵.

¹⁰² **Терзиев Н. В.** Криминалистическое отождествление личности по признакам внешности. М., 1956; **Пересункин А. Ю.** Установление личности по признакам внешности. М., 1960; **Снетков В. А.** Портретная криминалистическая экспертиза по фотокарточкам. М., 1971; **Снетков В. А., Пересункин А. Ю., Порхомовский Я. Л.** Отождествление личности по внешним признакам. — В кн.: Криминалистическая экспертиза, вып. 5, разд. 7. М., 1967.

¹⁰³ **Семеновский П. С.** Дактилоскопия как метод регистрации. М., 1923; **Комаринец Б. М.** Дактилоскопическая идентификация на расстоянии. М., 1937; **Данилевский Г.** Дактилоскопия. Киев, 1934; **Давыдов Г. П.** Основные положения дактилоскопической экспертизы. М., 1956; **Моисеев А. П.** Следы рук. М., 1957 и другие работы.

¹⁰⁴ **Винберг А. И.** Криминалистическая экспертиза письма. М., 1940; **Тихенко С. И.** Судово-графічна експертиза рукописних текстів. Київ, 1946; **Елисеев А. А.** О судебно-графической экспертизе. — Революционное право, 1939, № 17-18; **Орлова В. Ф., Манцетова А. И., Мельникова Э. Б.** Экспертиза почерка. М., 1961 и другие работы.

¹⁰⁵ **Загородников Н. И.** Советское уголовное право. М., 1976, гл. 5-7.

В другом случае, когда, например, идет речь о способе убийства, в криминалистической классификации признаков способа совершения преступления учитывается судебно-медицинская классификация признаков соответствующего вида насильственной смерти¹⁰⁶.

Объектовые классификации признаков, — как правило, качественные классификации, то есть распределение признаков по классификационным группам в них производится на основе качества признаков. Количественный критерий может выступать при этом как дополнительное основание классификации подобно тому, как это наблюдается в классификации признаков внешности человека. З. И. Кирсанов даже предложил для этой классификации понятия качественных и количественных признаков. Качественным признаком он называет “выделяемое для целей идентификации определенное качественное состояние конкретной черты внешности отождествляемого человека”¹⁰⁷, а “количественные идентификационные признаки выражают такие особенности отождествляемого объекта, которые характеризуют его измеримость”¹⁰⁸. В результате использования в классификации не только качественных, но и количественных признаков степень детализации классификации повышается, а ее практическая значимость увеличивается.

Среди объектовых классификаций признаков существует такая, в которой количественный критерий служит основанием для характеристики не единичного объекта, а целого класса объектов. Мы имеем в виду класс микрообъектов, роль которого в последние годы существенно возросла.

В практике микрообъекты по их морфологическим признакам обычно подразделяют на микроследы, микрочастицы и микроколичества вещества. По предложению Г. Л. Грановского к этому классу объектов относят такие, которые во всех трех измерениях не превышают 2 мм. Однако не все криминалисты признавали этот критерий. А. А. Кириченко посчитал, что “предложение Г. Л. Грановского об установлении нижнего предела размерных характеристик микрообъектов на уровне порога зрительного восприятия человека не имеет практического значения” и предложил другую градацию микрообъектов. По его мнению, “микрообъекты согласно их детальной видовой классификации могут выражаться в виде:

¹⁰⁶ *Авдеев М. И.* Курс судебной медицины. М., 1959, ч. 3.

¹⁰⁷ *Кирсанов З. И.* Выделение и оценка количественных признаков в экспертизе фотопортретов. — В кн.: Правовая кибернетика. М., 1970, с. 265.

¹⁰⁸ Там же, с. 266.

- 1) объектов, представляющих собой нечто единое целое (*микротела*);
- 2) отдельных частей объектов (*микрочастицы*);
- 3) объектов или их частей, не поддающихся в отдельности в силу их мизерных размерных характеристик микроскопическому морфологическому анализу и представляющих поэтому интерес для исследователя морфологическими и субстанциональными свойствами лишь их совокупностей (*микровещества*);
- 4) перечисленных объектов, включившихся в массу (структуру) их объекта-носителя, а поскольку их невозможно в силу этого механически разделить, то они изучаются как единое целое (*микровключения*);
- 5) материально-фиксированных отображений признаков внешнего строения слеодообразующего объекта, дающих возможность его идентификации (*микроотображения*) или
- 6) лишь диагностирования общего характера внешнего воздействия (*микроотражения*);
- 7) всех указанных объектов, изучаемых в качестве элементов или деталей иных материальных отображений, представленных единым объектом (*микродетали*)¹⁰⁹ (курсив везде наш — **Р. Б.**).

Можно усомниться в практическом значении столь дробной классификации микрообъектов, тем более, что, например, микровключение может выступать в качестве микроотражения или микродетали, микроотображение и микроотражение различимы лишь в результате исследования, когда такое различие уже не имеет практического значения, и т. п.

Помимо приведенной классификации, А. А. Кириченко вводит и классификацию по размерным характеристикам микрообъектов: те из них, размерные характеристики которых позволяют непосредственно работать с ними при помощи внелабораторной увеличительной техники, именуется *парамикрообъектами*; если для работы с ними необходимы стационарные увеличительные средства, то это — *ультра*микрообъекты; если же их невозможно увидеть даже в микроскоп, то это — *суб*микрообъекты. Эта классификация приводит автора к странному выводу: он считает, что вещественными доказательствами могут стать только объекты первой группы, а объекты второй и третьей групп следует признавать "*микроматериальными* доказательствами"¹¹⁰ (курсив везде наш — **Р. Б.**). Остается загадкой, что это за "материальные доказательства",

¹⁰⁹ Кириченко А. А. Основы судебной микрологии. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Киев, 1994, с. 15.

¹¹⁰ Там же, сс. 12-13.

тем более, что процессуальный закон такого термина не знает, и чем они отличаются в процессуальном смысле от вещественных доказательств, поскольку прилагательное “вещественные” — синоним термина “материальные”. Вообще следует заметить, что сложившаяся в трасологии система количественных и качественных признаков микрообъектов более проста и практически более удобна¹¹¹.

3.3. Совокупности и системы признаков

Признаки как объект исследования рассматриваются криминалистикой не изолированно друг от друга, а во взаимосвязи и зависимости. Признаки любого объекта — человека, предмета, процесса — образуют систему, в рамках которой может быть выделена любая их совокупность, соответствующая функциональному назначению такого подмножества. Эта совокупность может представлять собой подсистему, то есть организованное подмножество, если она обладает необходимыми для этого качествами, а может выступать именно как совокупность, группа признаков, объединяемых только функциональным назначением и не связанных на своем уровне с другими признаками иными, кроме функциональной, связями. Когда мы употребляем выражение “не связанные на своем уровне”, мы имеем в виду, что признаки, входящие в совокупность, непосредственно между собой не связаны, взаимно независимы, что связи их друг с другом носят опосредствованный характер либо через общее свойство, либо через общую систему свойств объекта. Взаимонезависимость признаков подразумевает такое “их взаимоотношение при котором наличие одного из них не обусловлено непременно наличием другого”¹¹². Естественно, что совокупность таких признаков повышает, например, их идентификационную значимость, что неоднократно отмечалось в литературе¹¹³.

Разумеется, — и мы считаем нужным подчеркнуть это еще раз — взаимонезависимость признаков следует понимать как отсутствие непо-

¹¹¹ *Майлис Н. П.* Криминалистическая трасология как теория и система методов решения задач в различных видах экспертиз. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1992, с. 28.

¹¹² *Сегай М. Я.* Методология судебной идентификации. Киев, 1970, с. 172.

¹¹³ *Сегай М. Я.* Указ. соч.; *Колдин В. Я.* Идентификация и ее роль в установлении истины по уголовным делам. М., 1969; *Курсанов З. И.* Математические методы исследования в криминалистике и другие работы.

средственной взаимообусловленности, а не абсолютное отсутствие между ними всяких связей. А. А. Старченко совершенно прав, когда отмечает, что «каждый конкретный предмет и явление, обладая множеством качеств и свойств, представляет собой не случайную комбинацию признаков, не имеющих внутренней связи, а их определенное единство... Каким бы малозначительным ни был тот или иной признак, его существование всегда обусловлено другими сторонами предмета. При этом как существенные, так и несущественные и случайные для данного предмета признаки никогда не возникают самопроизвольно, их изменение всегда предопределяется соответствующими изменениями других его свойств и качеств, а также изменением внешних условий его существования»¹¹⁴. В этом плане представляется весьма важной проблема исследования корреляционных зависимостей между признаками, определение степени их интенсивности.

Корреляционная связь есть результат взаимодействия множества необходимых и случайных причин¹¹⁵. Для установления корреляционных зависимостей В. Я. Колдин¹¹⁶ рекомендовал методы исследования происхождения свойств, структурные и статистические методы. Именно здесь открываются широкие перспективы для применения математических методов исследования в целях объективизации выводов криминалистической экспертизы.

От совокупности признаков следует отличать признаки совокупности. Понятие признаков совокупности может иметь двоякий смысл. Это могут быть признаки, общие для всех объектов, составляющих данную совокупность, то есть по принятой терминологии — общие признаки. Это могут быть и признаки, характеризующие совокупность в целом и отсутствующие у входящих в нее элементов — признаки интегративного характера, возникающие именно у совокупности как таковой.

При рассмотрении вопроса о совокупности признаков следует остановиться на проблеме «отрицательных» признаков. Эту проблему можно сформулировать примерно следующим образом: признак есть выражение свойства; может ли признак выражать отсутствующее свойство или, иными словами, может ли отсутствие свойства играть роль признака и этот, так сказать, «отрицательный» признак входить в совокупность признаков, выражающих существующие свойства?

¹¹⁴ *Старченко А. А.* Роль аналогии в познании. М., 1961, сс. 8-9.

¹¹⁵ *Самойлов Л. Н.* Корреляция как форма диалектической связи. — Вопросы философии, 1965, № 3.

¹¹⁶ *Колдин В. Я.* Идентификация и ее роль в установлении истины по уголовным делам, с. 73.

И. М. Лузгин считал, что “в качестве признака может быть использовано как объективно существующее свойство (предмет, явление), так и отсутствующее свойство (предмет, явление), негативное обстоятельство”¹¹⁷. В этом положении, как нам кажется, есть неточность. Мы уже отмечали, что негативное обстоятельство это не только “обстоятельство отсутствия”, негативный характер могут иметь и наличествующие факты — предметы, явления, если они противоречат объективной картине события, то есть если они являются отрицательными фактами¹¹⁸. По точному смыслу понятия признака в последнем находит свое выражение лишь объективно существующее свойство. Но отрицательные факты — это объективно существующая реальность, ее выражение — это такие же признаки, которые гносеологически не отличаются от иных и поэтому могут входить наравне с последними в любую функциональную совокупность признаков. Таким образом, следует сделать вывод, что тезис И. М. Лузгина правилен, хотя и терминологически несколько неточен.

Совокупность признаков с точки зрения системного подхода может быть охарактеризована двояко. Если она выступает как система, то ее характеризует целостное единство при разнообразии отношений и связей элементов, ее составляющих, хотя это разнообразие, разумеется, ограничено.

Если совокупность признаков выступает как функциональное объединение (например, совокупность собственных и сопутствующих признаков внешности), то ее можно охарактеризовать как организацию, то есть как разнообразие отношений, связей и элементов множества при определенной целостности (различии организации и внешней среды). Степень упорядоченности совокупности признаков имеет не абстрактное, априорное, а сугубо конкретное значение. Это вопрос факта. В одном случае именно системность признаков, их связь и взаимообусловленность, их детерминированность приобретают решающее значение, как это можно проследить на примере признаков способа преступления. В другом случае, как это нередко бывает при розыске, на первый план сначала выступают отдельные признаки, затем часть их совокупности, а уже потом вся совокупность признаков, объединяемых функциональным назначением. Именно с такой ситуацией мы сталкиваемся при практическом использовании розыскных таблиц, составленных по признакам почерка, при розыске по признакам внешности, при составлении синтетических портретов разыскиваемых лиц. Авторы, исследующие проблему розыска (людей, предметов, животных) по признакам, обычно обращают внимание на такую последовательность использования признаков: сначала отдельных наиболее выраженных признаков, затем

¹¹⁷ Лузгин И. М. Методологические проблемы расследования. М, 1973, с. 66.

¹¹⁸ См. гл. 2 первого тома настоящего Курса.

групп признаков, а потом уже максимально полной их совокупности¹¹⁹. Здесь следует, на наш взгляд, специально отметить, что криминалистическое учение о признаках составляет существенный элемент научных основ розыска, проблематика которого является общей как для криминалистической науки, так и для оперативно-розыскной деятельности.

Рассматривая содержание и организацию розыскных действий, П. Е. Титов¹²⁰ отмечал, что для розыска лиц необходимы сведения о признаках внешности, привычках, склонностях и т. д., для розыска предметов — об отличительных признаках этих предметов. Об использовании в целях розыска признаков внешности, почерка, индивидуальных признаков разыскиваемых предметов писал Б. Е. Богданов¹²¹, а С. П. Митричев и И. М. Лузгин¹²² специально подчеркивали решающее для розыска значение информации о признаках разыскиваемых объектов. Собираение такой информации, ее систематизация и использование — необходимые условия эффективного розыска, независимо от того, ведется ли он процессуальными или оперативно-розыскными средствами и методами.

¹¹⁹ **Снетков В. А.** К вопросу об установлении личности и розыске скрывшихся преступников по чертам внешности. — Труды НИИМ МВД СССР, № 1. М., 1959; **Пересункин А. Ю.** Установление личности по признакам внешности. М., 1960; **Комаринец Б. М.** Признаки письменной речи и их значение для розыска и установления авторов документа. — Сборник работ по криминалистике, № 3. М., 1957; **Винберг А. И., Моисеев А. П.** Криминалистическое исследование письма. ч. 1. М., 1956.

¹²⁰ **Титов П. Е.** Розыск. — В кн.: Криминалистика. М., 1958.

¹²¹ **Богданов Б. Е.** Розыск. — В кн.: Криминалистика. М., 1971.

¹²² **Митричев С. П.** Розыск. — В кн.: Криминалистика. М., 1973; **Лузгин И. М.** Тактические основы взаимодействия следователей и оперативных органов. — В кн.: Криминалистика. М., 1976.

4. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О ФИКСАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ

4.1. Понятие фиксации доказательственной информации

Проблема фиксации доказательственной информации¹ — одна из важнейших в комплексе проблем, связанных с изучением и использованием закономерностей собирания доказательств. Ее актуальность и важность объясняется тем значением (уголовно-процессуальным и криминалистическим), которое имеет фиксация доказательств в процессе доказывания, той ролью которую значение фиксации доказательств играет как стимул развития, совершенствования ее средств и методов в криминалистической науке. Сама проблема многопланова. Нас, разумеется, интересует криминалистический ее аспект, но полнота его рассмотрения требует хотя бы краткого рассмотрения ее процессуального, гносеологического и информационного аспектов.

Фиксация доказательств — один из элементов такой стадии (этапа) доказывания, как собирание доказательств. Это мнение утвердилось в криминалистической литературе после его обоснования в работах А. И. Винберга. Еще в 1950 г. он писал, что фиксация доказательств — элемент собирания доказательств, что это их запечатление, закрепление².

¹ Говоря о фиксации доказательственной информации, мы имеем в виду и фиксацию источников доказательств как ее материальных носителей, “хранилищ”. По ходу изложения мы пользуемся обоими терминами, в каждом конкретном случае выбирая тот из них, который более соответствует аспекту рассмотрения вопроса или традиционному словоупотреблению.

² **Винберг А. И.** Криминалистика. Вып. 1. Введение в криминалистику. М., 1950, с. 8; **Винберг А. И.** Предмет и метод советской криминалистики. — В кн.: Криминалистика. М., 1950, с. 6.

“Под собиранием доказательств, — писал он в 1959 г., — понимается совокупность действий по обнаружению, фиксации, изъятию и сохранению различных доказательств”³. Несколько иначе этот вопрос решается в уголовно-процессуальной науке.

По мнению М. С. Строговича, процессуальное закрепление доказательств составляет самостоятельный этап процесса доказывания наряду с обнаружением, проверкой и оценкой доказательств. Под закреплением он понимает фиксацию доказательств в установленных законом процессуальных формах⁴. Н. С. Алексеев разделял эту позицию и также выделял закрепление доказательств в самостоятельный этап доказывания⁵. Несколько иначе подходит к этому вопросу П. А. Лупинская, позиция которой ближе к позиции А. И. Винберга. Она считает фиксацию доказательств элементом их собирания наряду с обнаружением доказательств⁶. Аналогичны взгляды И. М. Гуткина⁷ и Ф. Н. Фаткуллина⁸.

Хотя различия в оценке места фиксации доказательств в процессе доказывания представляются не очень существенными, мы, тем не менее, полагаем, что позиция А. И. Винберга более предпочтительна и придерживались ее в своих прежних работах⁹.

Имеются различия и в употреблении термина, обозначающего рассматриваемое понятие. В процессуальной литературе чаще говорят о “закреплении доказательств”, об их “процессуальном оформлении”. Под этим понимают “отражение в процессуальных актах обнаруженных следователем фактических данных”¹⁰, “процессуальное удостоверение и документирование собранных доказательств”¹¹, закрепление доказательств в установленных процессуальных формах¹². В криминалисти-

³ **Винберг А. И.** Предмет, задачи и система науки советской криминалистики. — В кн.: Криминалистика. М., 1959, с. 6.

⁴ **Строгович М. С.** Курс советского уголовного процесса, т. 1. М., 1968, с. 302.

⁵ Уголовный процесс. М., 1972, с. 161.

⁶ Уголовный процесс. М., 1969, сс. 121-122; **Лупинская П. А.** Доказывание в советском уголовном процессе. М., 1966, сс. 33-34.

⁷ Советский уголовный процесс. М., 1975, с. 119.

⁸ Там же, с. 124.

⁹ Собрание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М., 1966; **Белкин Р. С.** Криминалистика. М., 1968 (гл. 1).

¹⁰ **Ларин А. М.** Работа следователя с доказательствами. М., 1966, с. 55.

¹¹ **Филиппова М. А.** Экспрессные методы фиксации фактических данных на предварительном следствии. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Л., 1975, с. 9.

¹² **Трусов А. И.** Основы теории судебных доказательств. М., 1960, с. 84.

ческой литературе акцент делается на указание объектов фиксации — преимущественно материальные образования, а также на средства и методы фиксации. Понятие фиксации и рассматривается чаще всего применительно к конкретному виду объектов фиксации. В качестве иллюстрации можно сослаться на определение понятия фиксации результатов осмотра места происшествия, предложенное А. Н. Басалаевым: “Под фиксацией результатов осмотра места происшествия следует понимать осуществляемые в процессуальном порядке действия лица, производящего осмотр, и приглашенного им специалиста, направленные на закрепление (запечатление) обстановки места происшествия и обнаруженных вещественных доказательств, с обязательным описанием средств, методов и объектов фиксации в протоколе осмотра места происшествия”¹³.

Формулирование определения фиксации доказательств требует предварительного анализа этого понятия.

С *гносеологической* точки зрения, фиксация доказательств есть отражение их содержания. Результат отражения должен давать максимально полное представление об отражаемом объекте, адекватно передавать те его свойства и признаки, которые, собственно, и делают его доказательством. Полнота отражения зависит от его условий и средств отражения. Однако, поскольку в данном случае отражение представляет собой целенаправленный процесс, его полнота зависит, кроме указанных объективных факторов, от тех целей, которые преследует субъект, осуществляющий процесс отражения. Поэтому отражение при фиксации носит избирательный характер: отражается только то и в таком объеме, что представляется необходимым для субъекта фиксации.

Поскольку доказательства суть отражения преступления в окружающей среде, результат их фиксации будет отражением отражения, то есть, если можно так выразиться, производным отражением. В информационном аспекте речь идет о переносе информации с одного объекта (доказательства) на другой — материальное средство фиксации. Всякая передача, перенос информации неизбежно сопровождается ее потерей, при этом имеет значение потеря не всякой информации, а доказательственной; потерей иной информации можно пренебречь.

Информационная сущность фиксации доказательств заключается в том, что:

¹³ **Басалаев А. Н.** Фиксация результатов осмотра места происшествия. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Л., 1967, с. 7.

- ◆ а) производится перекодировка доказательственной информации, содержащейся в ее материальном носителе, и перенос ее на средство фиксации;
- ◆ б) обеспечивается сохранение доказательственной информации для неоднократного использования ее в процессе доказывания;
- ◆ в) благодаря сохранению зафиксированной порции информации обеспечивается возможность ее накопления до пределов, выражающих полное установление предмета доказывания, т.е. до момента доказанности всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания;
- ◆ г) получает свое материальное выражение отбор информации о событии: фиксируется не вся информация, поступающая к следователю и суду, но лишь:
 - * относящаяся к предмету доказывания (*относимая* информация),
 - * допускаемая законом (*допустимая* информация) и
 - * *существенная* с точки зрения предмета доказывания;
- ◆ д) запечатлевается не только сама доказательственная информация, но и информация о путях, способах ее получения как необходимое условие признания ее допустимости по делу.

Информационный аспект рассмотрения понятия фиксации доказательств, как и понятия доказывания в целом, предполагает абстрагирование от правовой природы этих понятий. Это объясняется тем, что в этом случае речь идет об общих закономерностях информационных процессов, не зависящих от вида циркулирующей информации. Поэтому едва ли можно признать справедливым упрек И. М. Лузгина в адрес А. И. Трусова в том, что оценка последним доказательства как сигнала информации ошибочна, ибо отрывает механизм образования доказательств от его основы — уголовно-процессуальной деятельности, без чего нет и не может быть доказательства¹⁴. Он писал: «Если придерживаться концепции А. И. Трусова, то фактически уничтожится различие между судебными доказательствами и данными, полученными оперативным путем, слухами и вообще любыми сведениями, так как все они представляют собой «сигналы информации». Между тем очевидно, что с точки зрения научной истины такой подход недопустим»¹⁵. Но в информационном плане действительно нет разницы между доказательствами,

¹⁴ Здесь И. М. Лузгин имел в виду статью: *Трусов А. И.* Судебное доказывание в свете идей кибернетики.— В кн.: Вопросы кибернетики и право. М, 1967.

¹⁵ *Лузгин И. М.* Некоторые спорные вопросы доказательств в свете теории информации.— В кн.: Вопросы судебной экспертизы, вып. 12. Баку, 1971, с. 110.

оперативными данными, слухами, газетными сообщениями и т. д. Все это — информация, если понимать под ней сведения, сообщения о чем-либо. Дело заключается просто в том, что никакой, в том числе и информационный аспект рассмотрения того или иного понятия, явления не может дать исчерпывающего о них представления. Полнота исследования всегда требует комплексного подхода к объекту познания, если только задачи исследования не ограничиваются одним каким-либо аспектом рассмотрения проблемы. Это справедливо отмечает и И. М. Лузин, невольно подтверждая тем самым “невинность” А. И. Трусова, пытавшегося раскрыть только информационную сущность доказательства: “Выясняя природу явления, нельзя рассматривать его односторонне. Это неизбежно приводит к ошибкам, неверному истолкованию сущности явления. Концепция А. И. Трусова лишней раз убеждает, что правильное объяснение природы доказательств требует комплексного ее исследования с позиции различных наук”¹⁶. Сказанное полностью относится и к понятию фиксации доказательств, достаточно полное представление о котором может сложиться только при условии рассмотрения его в процессуальном и криминалистическом аспектах.

В **процессуальном** плане фиксация доказательственной информации есть выражение **удостоверительной** деятельности субъекта доказывания.

В науке уголовного процесса неоднократно отмечалось, что доказывание — это одновременно познавательная и удостоверительная деятельность. “Расследование, — пишет А. Р. Ратинов, — как и весь процесс установления истины по уголовному делу, имеет две стороны. Во-первых, добывается информация об обстоятельствах расследуемого события. В этом смысле деятельность носит познавательный характер. Во-вторых, установленные обстоятельства дела подтверждаются, документируются, удостоверяются в установленной законом форме. В этом смысле эта деятельность носит удостоверительный характер. Законодатель детально регламентировал обе стороны этого процесса, уделив должное внимание средствам документирования процессуальной деятельности и запечатления собранных по делу доказательств”¹⁷.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973, с. 289. О двух сторонах доказывания см. также: **Ратинов А. Р.** Вопросы познания в судебном доказывании. — Сов. государство и право, 1964, № 8; **Эйсмэн А. А.** Соотношение истины и достоверности в уголовном процессе. — Сов. государство и право, 1966, № 6; **Лупинская П. А.** Доказывание в советском уголовном процессе. М., 1966; **Шейфер С. А.** Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. М., 1972.

Правда, изложенная позиция разделяется не всеми процессуалистами. Так, М. С. Строгович считает, что достоверительная деятельность составляет необходимое свойство процесса познания, “так как иначе сам исследователь не может убедиться в том, что полученные им сведения правильны, истинны”¹⁸. Но нам кажется, что в данном случае речь идет не об убеждении субъекта доказывания в истинности его познаний. Когда мы говорим об достоверительной стороне доказывания, имеется в виду процессуальное удостоверение фактов, облечение их в требуемую законом форму как необходимое условие их существования в качестве судебных доказательств, а не логического доказательства истинности знания.

Но, помимо удостоверения фактов, фиксация доказательств преследует цель запечатления фактов, фактических данных. Причем на первый план в процессуальном понимании фиксации доказательств выступает процессуальная форма удостоверения и запечатления, поэтому процессуальное определение понятия фиксации доказательств в известном смысле можно считать формальным. Отсюда и распространенное среди процессуалистов представление о фиксации доказательств как об их оформлении в установленном законом порядке¹⁹, то есть придании им законной формы.

В отличие от процессуального *криминалистический* аспект понятия фиксации доказательств носит содержательный характер. Здесь делается упор на действия по фиксации доказательств и средства этих действий. “Фиксация в криминалистике, — пишет И. В. Макаров, — это система целенаправленных действий (разрядка наша — **Р. Б.**) по закреплению выявляемых фактических данных в целях выполнения задач советского уголовного судопроизводства”²⁰. В. Е. Шабалин определяет фиксацию доказательств как “производимую с соблюдением процессуальных правил и с помощью средств и приемов криминалистики деятельность (разрядка наша — **Р. Б.**) определенных лиц, направленную на сохранение относящихся к делу фактических данных и проводимую в рамках процессуальных норм, обеспечивающих доказательственное значение этих данных”²¹.

¹⁸ **Строгович М. С.** Курс советского уголовного процесса, т. 1, сс. 296-297.

¹⁹ **Зеликсон Э. С.** Процесс доказывания при расследовании и рассмотрении уголовных дел. — Труды КазГУ, сер. юридическая, т.2. Алма-Ата, 1956, с. 140.

²⁰ **Макаров И. В.** Понятие, сущность и система методов фиксации в криминалистике. — Труды ВШ МВД СССР, вып. 31. М., 1971, с. 83.

²¹ **Шабалин В. Е.** Документальная фиксация доказательств. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. 1975, с. 5.

Определение фиксации, предложенное И. В. Макаровым, по его собственной оценке есть “наиболее общее определение понятия фиксации, реализуемой в процессуальной и процессуальной сферах деятельности по борьбе с преступностью”²². Фиксацию доказательств он считает подчиненным понятием, определяя ее как “систему основанных на нормах уголовно-процессуального закона действий по закреплению фактических данных, условий, порядка, средств и способов их обнаружения в целях доказывания по уголовным делам”²³. Но с таким соотношением приведенных понятий, если придерживаться их смысла, трудно согласиться.

По своей сущности фиксация в криминалистике как науке ничем не отличается от запечатления добытых знаний, выводов, гипотез и т. д. в других науках. Такая фиксация не преследует и целей выполнения задач судопроизводства; ее цель — обеспечение поступательного движения знания. Следовательно, в приведенном определении речь должна идти о фиксации не в науке, а в практической деятельности по борьбе с преступностью. С этой поправкой определение И. В. Макарова действительно отражает сущность фиксации фактических данных и в оперативно-розыскной деятельности, где она называется документированием²⁴, и в доказывании, и только в таком виде оно может быть соотнесено с определением фиксации доказательств.

Анализ содержания понятия фиксации доказательств в уголовном судопроизводстве позволяет сделать вывод, что его определение должно содержать указания на процессуальный характер этой деятельности, объекты и средства фиксации. С учетом всего этого, а также приведенных и иных определений мы полагаем, что фиксация доказательств — это система действий по запечатлению в установленных законом формах фактических данных, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела, а также условий, средств и способов их обнаружения и закрепления²⁵. Из этого определения следует что:

²² Там же, с. 83.

²³ Там же.

²⁴ **Гребельский Д. В.** Некоторые вопросы применения криминалистических и иных научно-технических средств в оперативно-розыскной деятельности. — Труды ВНИИСЭ, вып. 7. М., 1973.

²⁵ Н. Н. Лысов несколько иначе определяет понятие фиксации доказательственной информации, понимая под ней “особую видо-типовую группу действий при осуществлении деятельности по выявлению и раскрытию преступлений, с помощью которых отображаются и сохраняются (консервируются) атрибутивные, пространственно-временные, генетические и функциональные характеристики состояний объекта, процессов, явлений, вызванных преступной деятельностью” (**Лысов Н. Н.** Криминалистическое учение о фиксации доказательственной информации. — М.: Юрлитинформ, 2008. — с. 107).

см. след. стр.

- 1) фиксация доказательств — это в известном смысле физическая деятельность, система действий, а не чисто мыслительная процедура запоминания каких-то фактов, явлений, процессов;
- 2) объектом фиксации являются не всякие фактические данные, а лишь те, “на основе которых в определенном законом порядке органы дознания, следователь и суд устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела” (ст. 69 УПК РСФСР);
- 3) эта деятельность направлена на запечатление объекта фиксации в определенных (процессуальных) формах. Следовательно, не всякая, пусть даже материальная, форма запечатления удовлетворяет требованиям фиксации доказательств, отвечает этому понятию, а только установленная уголовно-процессуальным законом;
- 4) в понятие фиксации доказательств входит не только запечатление самих фактических данных, но и действий по их обнаружению, ибо допустимость доказательств зависит от допустимости их источников, допустимости средств и способов обнаружения как тех, так и других. Для суждения же об их допустимости необходима соответствующая информация, запечатление которой и осуществляется при фиксации доказательств;
- 5) наконец, поскольку фиксация доказательств есть облечение фактических данных в соответствующую процессуальную форму, необходимо запечатлеть информацию о самом процессе фиксации, т.е. о его условиях, применявшихся средствах и способах фиксации. Без этого невозможно достаточно полно и объективно оценить результаты фиксации, т.е. решить вопрос о полноте и адекватности отражения.

Из сказанного можно заключить, что объектами запечатления при фиксации доказательств являются:

- ◆ а) сами фактические данные;
- ◆ б) действия по их обнаружению и фиксации;
- ◆ в) условия их обнаружения и фиксации;
- ◆ г) средства и способы обнаружения и фиксации фактических данных и остальных объектов запечатления.

ной информации в деятельности по выявлению и раскрытию преступлений. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М, 1995, с. 31) Существенным недостатком этого определения является исключение из него такого необходимого элемента фиксации, как отображение самих действий, составляющих процесс фиксации — их условий, средств и способов.

Следует также отметить, что процессуальная форма фиксации доказательств требует указания и субъектов фиксации.

Доказательственная информация и данные о ее получении и запечатлении — это основные объекты фиксации в процессе доказывания. Однако, наряду с этой основной информацией, при доказывании используется и информация **дополнительная**, играющая существенную роль в установлении истины по делу. Во-первых, **ориентирующая** информация, полученная путем осуществления оперативно-розыскных мер органами дознания, а также в результате организационно-технических и розыскных действий следователя либо его консультаций со специалистами. Во-вторых, **вспомогательная** информация, служащая целям идентификации и розыска и содержащаяся преимущественно в образцах для сравнительного исследования.

Фиксация ориентирующей информации заключается в ее запечатлении в порядке и формах, установленных Законом об ОРД и подзаконными ведомственными актами. Что касается вспомогательной информации, то фиксации подлежит порядок и способы ее получения, характеристика объекта — ее носителя, а в последующем — ее содержание в сопоставлении с доказательственной информацией и результаты такого сопоставления.

4.2. Общая характеристика форм, методов и средств фиксации доказательственной информации

Мы различаем следующие формы фиксации доказательственной информации:

- ◆ вербальную (словесную);
- ◆ графическую;
- ◆ предметную;
- ◆ наглядно-образную.

Возможны различные комбинации этих форм, например: сочетание вербальной и графической, наглядно-образной и вербальной и др.

Основными методами фиксации из числа общих (общенаучных) методов познания, применяемых в доказывании, являются измерение, описание и моделирование. Техническими приемами реализации этих методов служат:

- ◆ при **вербальной** форме фиксации — протоколирование, звукозапись;
- ◆ при **графической** форме фиксации — графическое отображение (схематические и масштабные планы, чертежи, кроки, рисунки, в том числе рисованные портреты)²⁶;
- ◆ при **предметной** форме фиксации — изъятие предмета в натуре и его консервация, изготовление материальных моделей (реконструкция), в том числе макетирование, копирование, получение слепков и оттисков;
- ◆ при **наглядно-образной** форме — фотографирование (в видимых и невидимых лучах), кино- и видеосъемка.

Аналогично комбинации форм фиксации возможна комбинация ее методов и технических приемов, их комплексное применение, например: протоколирование и реконструкция, протоколирование, фотосъемка и копирование и т. д.

Использование любой формы фиксации, применение методов и технических приемов фиксации, поскольку речь идет о процессе доказывания, обусловлены определенными процессуальными требованиями. Не анализируя их детально, ибо это выходит за рамки нашего исследования, рассмотрим лишь некоторые процессуальные вопросы проблемы.

Процессуальный порядок фиксации, как правило, жестко регламентирован законом. Предусматривается процессуальная форма, в которую должны быть облечены результаты фиксации, ее реквизиты, последовательность фиксации, способ приобщения к делу результатов фиксации, способы их удостоверения, порядок последующего использования их в процессе фиксации, но в нем, естественно, нет перечня технических средств фиксации.

С соблюдением процессуального порядка фиксации закон связывает доказательственное значение результатов фиксации. Однако не во всех случаях этот процессуальный порядок представляется обоснованным. В качестве примера можно сослаться на правила применения звукозаписи при допросе.

Закон (ст. 141¹ УПК РФ) требует уведомления допрашиваемого о применении звукозаписи до начала допроса. Это не вызывает, разумеется, возражений, когда запись ведется по просьбе допрашиваемого,

²⁶ Строго говоря, зарисовка объекта (в том числе и изготовление рисованных портретов) является техническим приемом наглядно-образной формы фиксации, так как по своей информационной природе рисунок представляет собой не кодированное, а скорее, упрощенное изображение. Мы упоминаем о рисунках применительно к графической форме фиксации лишь в силу того, что при их изготовлении и изготовлении схем и планов используются обычно одни и те же средства графики.

ибо такое уведомление в этом случае является сообщением об удовлетворении ходатайства допрашиваемого. Однако, если следователь принимает решение о производстве звукозаписи по собственному усмотрению, ему должно быть предоставлено право сообщить об этом допрашиваемому в тот момент, когда он сочтет это необходимым, или после окончания записи.

Такое изменение процедуры применения звукозаписи положительно отразится на психологической атмосфере допроса. Сообщение о применении звукозаписи обычно сковывает допрашиваемого и может привести к нарушению психологического контакта между ним и допрашивающим.

Н. И. Порубов оправдывал существующий порядок предупреждения допрашиваемого о производстве звукозаписи тем, что «никаких тайных средств и приемов ведения следствия советский уголовный процесс не знает. Кроме того, здесь следует иметь в виду и моральный аспект — запись показаний на магнитофоне не должна быть для допрашиваемого неожиданностью, важно, чтобы при прослушивании ленты он подтвердил, что записаны его показания. Сообщение допрашиваемому до допроса о том, что будет произведена звукозапись, оказывает на него дисциплинирующее воздействие»²⁷. Эти аргументы едва ли можно считать достаточно обоснованными.

Наш уголовный процесс действительно не знает никаких тайных приемов и средств ведения следствия: уголовно-процессуальный кодекс, которому должны соответствовать эти приемы и средства, не является секретным документом. Никакого исключения в этом плане не должно быть и для звукозаписи — допрашиваемый должен знать, что звукозапись допустима и может быть применена. Но из этого положения вовсе не вытекает, что следователь до окончания производства по делу обязан осведомлять, скажем, обвиняемого о всех своих действиях. Если бы это было так, отпала бы необходимость в таком понятии, как тайна следствия, не возник бы вопрос об ответственности за разглашение данных расследования. Иными словами, возможности следователя не составляют никакой тайны, а реализация этих возможности в каждом конкретном случае по усмотрению следователя может оставаться тайной для тех или иных лиц вообще или на какое-то время.

Непонятно, почему подтверждение со стороны допрашиваемого, что записаны его показания, связывается с уведомлением о производстве записи. При нежелании допрашиваемый откажется это сделать в любом случае, и тогда в обоих случаях возникнет при необходимости задача

²⁷ Порубов Н. И. Допрос в советском уголовном судопроизводстве. Минск, 1973, с. 259.

отождествления личности по фонозаписи. Кстати, во многих источниках рекомендуется «помещать магнитофон не на виду у допрашиваемого, например в тумбе письменного стола, а микрофон маскировать в каком-либо предмете, например в стоящем на столе ящике из под громкоговорителя радиотрансляции»²⁸, ибо «практика показала, что открыто расположенный магнитофон с крутящимися на нем катушками с магнитной лентой отвлекает внимание допрашиваемого. Еще более сильное психологическое воздействие оказывает стоящий перед ним микрофон»²⁹. Так что при следовании этим рекомендациям допрашиваемый не наблюдает процесса записи и всегда может сослаться на это, как на основание для оспаривания принадлежности записанных показаний. Этому может способствовать и то, что человек воспринимает свой голос совсем не так, как его воспринимают окружающие, и поэтому может не узнать его в записи; а когда он не видит самого процесса звукозаписи, его сомнения в подлинности фонограммы могут еще более укрепиться.

Не вполне понятно и утверждение, что уведомление о звукозаписи оказывает на допрашиваемого «дисциплинирующее воздействие». Означает ли это, что допрашиваемый будет говорить только правду, не станет уклоняться от ответов на вопросы следователя, будет беспрекословно выполнять все его требования? Или что он будет говорить кратко, без больших пауз, понимая необходимость экономить ленту?

Справедливости ради следует сказать, что тремя годами ранее Н. И. Порубов придерживался иного и, как нам кажется, более обоснованного мнения по рассматриваемому вопросу. Тогда он писал: «При самом положительном отношении к применению магнитофонной записи в расследовании преступлений следует все же признать, что на установлении контакта это сказывается отрицательно. И вот почему. Во-первых, применение магнитофона, какой бы подготовкой ни обладал следователь, сковывает его: он думает о форме, а не о существовании допроса... Во-вторых, предупреждение о том, что ход допроса записывается на магнитофон, отрицательно влияет на допрашиваемого»³⁰.

Несмотря на то, что звукозапись не заменяет протокола допроса, закон запрещает запись части допроса³¹. Это зачастую приводит к фик-

²⁸ **Леви А. А.** Звукозапись в уголовном процессе. М., 1974, с. 38.

²⁹ Там же, сс. 37-38.

³⁰ **Порубов Н. И.** Научная организация труда следователя. Минск, 1970, с. 69-70.

³¹ Д. Я. Мирский предлагает иметь две фонограммы допроса: полную и фрагментарную, также удостоверенную допрашиваемым и более удобную для использования в ходе расследования (**Мирский Д. Я.** Некоторые вопросы процессуальной регламентации применения звукозаписи, фото- и киносъемки при см. след. стр.

сации значительного количества ненужной, не имеющей отношения к делу информации, всех отступлений допрашиваемого от предмета допроса и т. д. А поскольку по окончании записи закон предписывает полностью воспроизвести ее допрашиваемому, потери времени при допросе увеличиваются вдвое. Мы полностью согласны с Я. П. Нагнойным, который отмечал, что «звукозапись... обладает рядом существенных недостатков, поэтому она не находит и не может найти массового применения в следственной практике. И это не столько из-за ее недооценки следователями, сколько из-за малой эффективности, сложности и трудоемкости применения. Не являясь самостоятельным источником доказательств, а лишь приложением к протоколу, фонограмма не позволяет полностью или хотя бы частично отказаться от письменных протоколов. Показания одного и того же лица фиксируются дважды: в протоколе и на магнитной ленте. Это не облегчает труд следователя, а, наоборот, усложняет»³².

Требуемое законом заявление допрашиваемого о правильности звукозаписи, как и сама звукозапись, несомненно, играют известную предупредительную роль при формировании у допрошенного намерения отказаться от своих показаний; но при этом нельзя сбрасывать со счета два обстоятельства. Во-первых, все еще недостаточен современный уровень фоноскопической экспертизы и незначительна ее распространенность; поэтому при отказе допрошенного от принадлежности ему фонограммы опровергнуть этот отказ трудно, а при фонограмме плохого качества — иногда и невозможно. Во-вторых, в литературе высказываются обоснованные опасения, что такое заявление допрашиваемого после дачи им ложных показаний, опять-таки, как и сама их звукозапись, играет роль психологического тормоза, мешающего ему изменить эти показания на достоверные. Попытки оптимистического отношения к этим опасениям выглядят не очень успокоительно³³.

Субъекты фиксации доказательств. Функции органа дознания, следователя и суда в области работы с доказательствами, в том числе и их фиксации, достаточно подробно исследованы в процессуальной и кри-

производстве следственных действий. — Сборник работ Свердловского юридического института, вып. 8, 1969). Думается, что это предложение хотя и заманчиво, но технически трудно выполнимо, а процессуально — необоснованно.

³² **Нагнойный Я. П.** Использование новой техники в следственной работе. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 6. Киев, 1969, сс. 72-73.

³³ **Сокоревич А. В.** Тактические приемы применения звукозаписи в допросе подозреваемых и обвиняемых. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 9. Киев. 1972, с. 66.

миналистической литературе. Нам представляется целесообразной в этом плане характеристика таких процессуальных фигур, как понятые и специалист.

Типичную для нашей литературы характеристику роли понятых дал А. М. Ларин: «С закреплением доказательств всецело связана процессуальная деятельность понятых. Понятые привлекаются к участию в таких следственных действиях, как обыск и выемка, осмотр и освидетельствование, следственный эксперимент, опознание и др. Выполнение или повторение таких действий в условиях судебного разбирательства в одних случаях невозможно, а в других — затруднительно. Поэтому для проведения этих действий законодатель предусматривает в качестве дополнительных гарантий участие понятых, которые в дальнейшем при необходимости проверки протокола с точки зрения его достоверности и полноты могут быть допрошены в качестве свидетелей. Участие понятых гарантирует объективное и всестороннее отражение в протоколе существенных для дела фактов. Понятые удостоверяют правильность протокола. В то же время участие понятых служит гарантией против возможных незаконных действий должностных лиц»³⁴.

Так ли все это в действительности?

Начнем с того, что понятые — это обычно лица, либо случайно оказавшиеся поблизости от места производства следственного действия, либо проживающие по соседству с ним (как это часто бывает при обыске), либо по роду своих служебных функций оказывающие содействие органам расследования (дворники, управляющие домами, коменданты и т. д.). Об их незаинтересованности в деле и нейтральном отношении к проходящим по делу лицам следователь в момент их привлечения может судить хотя бы и с большой степенью вероятности, но, как правило, лишь предположительно. Практике известны многочисленные случаи, когда эти предположения впоследствии оказываются несостоятельными.

Такой состав понятых — людей, случайных для следствия, — означает в дополнение к сказанному, что это люди некомпетентные в действиях следователя, не знающие процессуальных требований, предъявляемых к порядку проведения, содержанию и правилам фиксации результатов следственных действий, не могущие в силу всего этого отличить законные действия следователя от незаконных. Их участие в следственном действии, с нашей точки зрения, ни в какой степени не служит гарантией законности действий следователя и не может помешать ему, если уж он на это решится, фальсифицировать материалы

³⁴ Ларин А. М. Работа следователя с доказательствами. М., 1966, с. 58.

дела. Кстати, с этой точки зрения наиболее уязвимы материалы допросов, но, вопреки логике, как раз при допросе понятия не присутствуют.

Оставляя в стороне вообще вопрос о необходимости сохранения института понятых, мы полагаем, что коль скоро он существует, то для обеспечения его действенности необходимо осуществить ряд преобразований. Представляется целесообразной процессуальная регламентация и функционирование этого института по типу института народных заседателей. Это гарантировало бы качественный состав понятых, соответствующий специфике следственных действий, позволило бы обеспечить их необходимую подготовку и предупредить включение в состав понятых лиц, заинтересованных в исходе дела.

Когда заходит речь о такой процессуальной фигуре, как специалист, то для его характеристики используют термин “специальные познания”, обладание которыми отличает его от других субъектов фиксации доказательств, если отвлечься от различий в их процессуальном положении. Но можно ли считать, что специалист привлекается к фиксации доказательств только потому, что обладает отсутствующими у следователя “специальными познаниями”? Термин “специальные познания” приобрел такое обыденное звучание, что и в теории и в практике стал употребляться автоматически, аксиоматично, как нечто само собой разумеющееся. Между тем далеко не все бесспорно и ясно и в содержании этого понятия, и в практике его применения как критерия при решении вопроса о привлечении к участию в фиксации доказательств специалиста или о необходимости назначения судебной экспертизы.

Под специальными познаниями обычно понимают познания в области различных наук, ремесел, искусств, техники, выходящие за рамки житейского опыта и тех профессиональных познаний, которыми в принципе должны обладать работник дознания, следователь, прокурор, судья³⁵. При этом подразумевается некий обобщенный тип работника дознания, следствия или суда, обладающий определенной суммой юридических знаний и навыков в своей профессии (“профессиональный опыт”) и знанием жизни (“житейский опыт”) и, очевидно, не знающий достаточно хорошо ничего другого, кроме приемов и методов расследования или судебного разбирательства. Однако ни понятие “профессионального опыта”, ни понятие “житейского опыта” фактически ничего не дают для уяснения содержания “специальных познаний”.

³⁵ **Соколовский З. М.** Проблема использования в уголовном судопроизводстве специальных знаний при установлении причинной связи явлений. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Харьков, 1968; **Сорокотягин И. Н.** Криминалистические проблемы использования специальных познаний в расследовании преступлений. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 1992, с. 15.

Профессиональный опыт работника следствия или суда складывается из сведений и навыков, полученных им при обучении и на практической работе. Если содержание знаний, составляющих в своей совокупности юридическое образование, достаточно конкретно и известно (на данный момент), то нельзя даже приблизительно определить конкретное содержание второго элемента профессионального опыта следователя или судьи — тех практических навыков, которые он приобрел за время своей работы в этом качестве, ибо невозможно дать обобщенную характеристику всех тех ситуаций, вопросов, случаев, проблем, с которыми ему приходилось сталкиваться в своей работе. Его профессиональный опыт не поддается априорному определению, даже с учетом специализации следователей. Из этого можно заключить, что понятие “профессиональный опыт” не имеет в обобщенном выражении конкретного содержания даже для лиц одной юридической специальности и по своей сути весьма абстрактно. Нельзя провести четкой границы между “профессиональным опытом” и “специальными познаниями”, так как то, что для одного следователя или работника дознания составляет один из элементов его профессионального опыта, для другого — неизвестно, специально.

Еще неопределеннее обстоит дело с так называемым житейским опытом, содержание которого и вовсе неопределенно, ибо зависит от самых разнообразных причин и факторов и конкретно только применительно к отдельному лицу. В этом случае вообще невозможно учесть заранее, какие познания всегда являются “специальными” и не могут ни при каких обстоятельствах включаться в понятие “житейский опыт”. Положение осложняется еще и тем, что в современных условиях не является редкостью обладание следователем, судьей или оперативным работником, помимо юридического, и другим образованием — экономическим, техническим, педагогическим и др. — либо профессиональным знанием какого-то ремесла по прежней профессии. Не входя в понятие профессионального опыта следователя или судьи, эти знания, несомненно, составляют элемент его жизненного опыта.

Совершенно очевидно, что отнесение тех или иных познаний к категории “специальных” не может быть связано с понятиями профессионального или житейского опыта, не может находиться в зависимости от того, обладает ими или нет данный следователь или судья. Речь должна идти не об этом, а о том, какими познаниями он может пользоваться сам, непосредственно, если и обладает ими, причем во всех ситуациях определенного вида без каких-либо исключений. В плане нашего исследования представляет интерес решение этого вопроса применительно к деятельности по фиксации доказательств.

Специалист, по правильному определению А. И. Винберга и Г. А. Матусовского, — это лицо, обладающее профессиональными знаниями по определенной специальности³⁶. Это необязательно знания, которых нет у следователя или оперативного работника, но это обязательно профессиональные знания. При фиксации доказательств следователь вправе использовать любые имеющиеся у него познания. Права Э. Б. Мельникова, которая считает, что «если следователь обладает необходимыми специальными познаниями, он может в отличие от назначения экспертизы решить отрицательно вопрос об участии специалиста и использовать собственные специальные познания, если они у него есть»³⁷. При отсутствии у следователя необходимых в данном случае знаний приглашается специалист — лицо, владеющее этими знаниями профессионально, т.е. в заведомо достаточной степени. Закон (с. 180 УПК РСФСР) знает только одно исключение из этого общего правила: специалист-медик всегда привлекается к осмотру трупа, независимо от того, обладает ли следователь необходимыми для такого осмотра познаниями³⁸.

Однако отсутствие у следователя необходимых познаний или навыков, на наш взгляд, не является единственным основанием для привлечения специалиста к фиксации доказательств. Привлечение специалиста к фиксации доказательств можно рассматривать в плане научной организации труда как проявление его разделения и кооперации трудовых операций. Коллективизм, комплексность — черты, присущие практической деятельности по борьбе с преступностью³⁹. Следует согласиться с В. Н. Маховым, что «привлечение специалиста полезно и для выполнения работы, которую мог бы проделать следователь и сам, но

³⁶ **Винберг А. И.** Специалист в процессе предварительного расследования. — Соц. законность, 1961, № 9, с. 30; **Матусовский Г. А.** Уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы осмотра следов на месте происшествия. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1965, с. 9; **Новиков С. И.** Криминалистические и иные специальные знания при исследовании места дорожно-транспортного происшествия. Одесса, 1973, с. 9.

³⁷ **Мельникова Э. Б.** Участие специалистов в следственных действиях. М., 1964, с. 48.

³⁸ Н. А. Селиванов обосновывает это требование закона тем, что труп является специфическим объектом осмотра. Применение познаний в области медицины в данном случае должно быть гарантировано и не может зависеть от усмотрения следователя (Вещественные доказательства. М., 1971, сс. 53-54).

³⁹ **Винберг А. И.** Техника и уголовное судопроизводство. — Сов. государство и право, 1970, № 7, с. 94; **Белкин Р. С., Винберг А. И.** Криминалистика. Обще-теоретические проблемы. М., 1973, с. 63.

медленнее и менее качественно, чем специалист. Некоторые технические средства (съёмочная аппаратура и пр.) требуют длительного отвлечения следователя от выполнения других неотложных мер при производстве следственного действия. Составление следователем схем, планов, фотографирование, другие меры по закреплению и изъятию доказательств могут затянуть производство следственного действия; будет упущено время для своевременного проведения других неотложных следственных действий”⁴⁰.

Наиболее распространено участие специалиста в закреплении материально-фиксированных следов события. Однако этим ограничивать его роль нельзя. В литературе правильно отмечается, что специалист может оказать помощь следователю в фиксации фактических данных, не являющихся вещественными доказательствами⁴¹.

Процессуальные формы и способы фиксации доказательств. В уголовно процессуальной науке различают три формы фиксации доказательств: составление протоколов, приобщение к делу иных документов, приобщение к делу вещественных доказательств⁴². Применительно к этим формам говорят об основном и дополнительных⁴³, обязательных или необязательных⁴⁴ способах фиксации. Под основным способом фиксации имеется в виду протоколирование, в качестве дополнительных называют фотографирование, получение слепков и оттисков следов. Такое деление исходит, как нам кажется, из представления о том, что результаты применения иных, кроме протоколирования, процессуальных способов фиксации не приобретают значения источников доказательств. Широкая дискуссия по этому вопросу показала несостоятельность подобных взглядов.

Иногда сторонники признания протокола “основной” формой или способом фиксации доказательств обосновывают это тем, что протоколирование — это универсальный способ фиксации. Полемизируя по

⁴⁰ **Махов В. Н.** Участие специалистов в следственных действиях. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1972, с. 9.

⁴¹ **Махов В. Н.** Указ. автореферат, с. 11; **Вайнштейн А. А.** Участие специалистов в следственном осмотре. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1966, с. 6; **Турчин Д.** Специалист в уголовном процессе. — Соц. законность, 1970, № 10, с. 43.

⁴² **Ларин А. М.** Работа следователя с доказательствами, сс. 55-56.

⁴³ **Шейфер С. А.** Указ. раб., с. 79; **Филиппова М. А.** Экспрессные методы фиксации фактических данных на предварительном следствии. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Л., 1975, с. 11.

⁴⁴ **Филиппова М. А.** Указ. автореферат, сс. 11-12; **Макаров И. В.** Указ. раб., с. 84.

этому поводу с Е. Е. Подголиным, И. В. Макаров резонно указывал: “Если анализировать методы фиксации с точки зрения возможностей закрепления многообразных свойств объектов, точности, быстроты и универсальности запечатления, то деление методов на основные и дополнительные также окажется несостоятельным. Так, протоколирование не может выполнить роль основного метода фиксации при закреплении акустических признаков разговорной речи. В силу избирательного характера протокольного описания оно, например, “уступает” видеозаписи и фотокиносъемке в быстроте, точности и универсальности запечатления следственного эксперимента или обстановки места происшествия, в технических возможностях фиксации действий, процессов и динамических состояний, а также некоторых слабовидимых или невидимых признаков”⁴⁵.

Нам представляется, что с процессуальной точки зрения есть смысл делить способы фиксации доказательств на обязательные (например, протоколирование), т.е. императивно предписанные законом, и необязательные, применение которых зависит от усмотрения следователя и суда. Другие их классификации не будут носить процессуального характера.

Определенный интерес представляет анализ информационных процессов при применении той или иной формы фиксации доказательственной информации.

При вербальной форме фиксации доказательственной информации, содержащейся в устном сообщении (показания, заявления), путем протоколирования происходит преобразование формы информационного сигнала из акустической в графическую. При этом имеет место перекодирование сигнала⁴⁶.

Перекодировка доказательственной информации при вербальной форме фиксации осуществляется и тогда, когда эта информация содержится в предметном ее выражении (вещи, их свойства и отношения: вещественные доказательства, обстановка места происшествия и т. п.). Такая перекодировка может производиться несколько раз, пока не при-

⁴⁵ Макаров И. В. Указ. статья, с. 85.

⁴⁶ На этот факт обратил внимание А. И. Трусов (*Трусов А. И.* Указ. раб., с.26), однако в первом издании настоящего Курса мы подвергли его критике, утверждая, что перекодирование имеет место лишь тогда, когда производится перевод показаний на другой язык для их протоколирования. Пользуясь возможностью, исправляем нашу неточность: на самом деле, и в этом случае происходит перекодирование информации и замена фонетического кода алфавитно-цифровым, однако, в отличие от случая перевода на другой язык, это перекодирование может в общем случае считаться достаточно адекватным и не приводящим к искажению и потере информации.

мет форму письменной речи. Информационный сигнал, существующий в предметной форме, сначала перекодируется в одну систему знаков, например, цифровую, как результат выражения свойств этого предмета в показаниях измерительных приборов (например, результаты измерений габаритов, температуры, веса данной вещи), а затем в другую систему знаков — письменную речь протокола. Соответственно количеству перекодировок увеличивается вероятность потери и искажения информации. Применение наряду с вербальной других форм фиксации уменьшает эту потерю и искажение информации при протоколировании за счет увеличения количества форм выражения информационных сигналов.

При графической форме фиксации информационный сигнал перекодируется в систему геометрических фигур, принятых обозначений и условных знаков. Предметная форма фиксации предполагает либо перенос информации с оригинала на модель, либо сохранение самого “хранилища” доказательственной информации без ее перекодировки при приобщении к делу вещи в натуре. Последний прием фиксации доказательственной информации предпочтительнее моделирования доказательственных свойств предмета, при котором неизбежно утрачивается и искажается часть информации. Однако приобщение вещи в натуре, как известно, не всегда возможно или целесообразно, и поэтому для фиксации доказательств приходится прибегать к иным формам выражения информационных сигналов, имеющих доказательственное значение. Мы разделяем мнение А. А. Эйсмана, считающего, что в основе получения копий, оттисков следов лежит так называемое элементарное отображение, простейшие акты которого, встречающиеся в неживой природе, не связаны непосредственно с психической деятельностью человека. Правильной представляется и его мысль о том, что промежуточное положение между словесным сообщением и “элементарным отображением” занимает такое средство фиксации доказательственной информации, как фотоснимок, который как “продукт деятельности человека, специально рассчитанный на закрепление и сохранение сведений о предметах, вместе с тем представляет “элементарное отображение”, возникшее в результате определенных физико-химических процессов”⁴⁷.

⁴⁷ Эйсман А. А. О понятии вещественного доказательства и его соотношении с понятиями доказательств других видов. — В кн.: Вопросы предупреждения преступности, вып. 1. М., 1965, с. 88.

Характеризуя в целом технические средства фиксации, можно разделить их на следующие группы:

- ◆ средства фиксации вербальной информации (средства изготовления протоколов, звукозаписывающие устройства);
- ◆ средства создания идеальных моделей — планов, чертежей, рисунков, схем;
- ◆ средства создания материальных моделей (средства консервации, слепочные массы, фотокиновидеоаппаратура, комплекты для создания синтетических портретов и др.).

В развитии технических средств фиксации проявляются общие тенденции развития техники в целом и криминалистической техники в частности. Однако ряд авторов отмечает некоторое отставание технических средств фиксации доказательств от средств их исследования⁴⁸.

4.3. Вербальная и графическая формы фиксации доказательственной информации

Выше отмечалось, что вербальная форма фиксации доказательственной информации является наиболее распространенной, что даже дало основание некоторым авторам говорить о протоколировании как об основной форме фиксации доказательств. Распространенность вербальной формы фиксации объясняется несколькими причинами.

- I. Во-первых, этому способствует позиция законодателя, обязывающего составлять протоколы всех следственных и некоторых иных процессуальных действий. А. М. Ларин делит протоколы по характеру фиксируемых процессуальных действий на две группы:
 - ◆ а) протоколы следственных действий, направленных на собирание доказательств;
 - ◆ б) протоколы, удостоверяющие реализацию соответствующих процессуальных гарантий⁴⁹.

⁴⁸ *Грамович Г. И.* Научно-технические средства: современное состояние, эффективность использования в раскрытии и расследовании преступлений. Минск, 1989, с. 12 и др.; *Селиванов Н. А.* О состоянии и перспективах научных исследований в области криминалистической техники. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью, вып. 20. М., 1974, сс. 145, 147.

⁴⁹ *Ларин А. М.* Работа следователя с доказательствами, с. 60.

II. Во-вторых, распространенность вербальной формы фиксации обусловлена многообразием объектов фиксации, которые могут быть запечатлены путем их словесного описания. Это:

- ◆ заявления, показания и замечания;
- ◆ действия и процессы;
- ◆ материальные образования, их признаки, свойства и состояния: люди, трупы, животные, вещи, документы, обстановка, транспортные средства и др.

Эта форма фиксации информации исторически является самой старой и сравнительно самой простой, что делает ее практически общедоступной. Технические приемы ее осуществления — протоколирование и звукозапись.

Протоколирование. В основе протоколирования лежит описание как метод фиксации. Мы уже останавливались на гносеологической природе описания как общенаучного метода криминалистики и доказывания⁵⁰. Теперь же имеет смысл рассмотреть имеющие прямое отношение к вербальной и графической формам фиксации системы и приемы описания.

В свое время нами было предложено различать непосредственное и опосредствованное описание⁵¹. Под **непосредственным** понимается такое описание, которое субъект доказывания осуществляет для выражения результатов непосредственного наблюдения или измерения. Такое описание может производиться как в процессе наблюдения или измерения, а применительно к фиксации показаний — в процессе их получения (**сопутствующее** описание), так и после них, по запечатленным в памяти следователя результатам следственного действия (**последующее** описание). Сопутствующее описание отличается большей точностью, нежели последующее, ибо практически совпадает во времени с восприятием описываемого объекта, явления. При этом описание может быть полным, когда сразу же фиксируются все необходимые признаки объекта или явления, и фрагментарным, при котором в момент восприятия фиксируются лишь важнейшие признаки описываемого, а полное описание производится позже. Фрагментарное описание представляет собой промежуточную форму, сочетающую сопутствующее и последующее описания. Последнее всегда менее полно и точно. Его дефекты обусловлены влиянием ряда психологических факторов, относящихся к процессам запоминания и воспроизведения.

⁵⁰ См. гл. 7 первого тома настоящего Курса.

⁵¹ **Белкин Р. С.** Собрание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М., 1966, гл. 7.

Вторая форма описания — **опосредствованное** описание. В процессе доказывания оно также осуществляется самим следователем, но в его содержание входит указание признаков объектов и явлений, которые воспринимались не следователями, а другими лицами: свидетелями, подозреваемыми и др. Для последующего непосредственного и любого опосредствованного описания запечатленные признаки объекта описания должны быть воспроизведены, ибо иначе они не будут доступны для описания. При последующем непосредственном описании такое воспроизведение носит мысленный, как правило, образный характер. Следователь мысленно представляет признаки объекта описания и фиксирует их. При опосредствованном описании только одного мысленного представления уже недостаточно. Мысленный образ объекта в этом случае возникает не у следователя, а у другого лица. Информация, содержащаяся в этом образе, должна быть передана источником информации следователю для осуществления им описания.

Между воспроизведенным в памяти образом и описанием объекта возникает еще одна ступень — передача информации. Передача информации от ее источника к следователю может происходить в форме речевого (словесного) выражения мысленного образа объекта, подлежащего описанию, его графического выражения и узнавания самого запечатленного в памяти объекта или указания на аналогичный объект (узнавание подобного).

Полнота и точность описания при речевом выражении источником информации мысленного образа описываемого объекта зависит уже не только от самих процессов запоминания и воспроизведения, но и от таких факторов, как глубина познания объекта, его назначение, признаки; степень речевой культуры субъекта, размеры и состав его словарного запаса, образность и точность речевых формулировок; дисциплинированность мышления субъекта, умение последовательно излагать воссозданное его памятью, способность отделить воспроизводимое в памяти от выводов из него.

При затруднительности речевого выражения мысленного образа объекта описания или в дополнение к нему источник информации может по собственной инициативе или по предложению следователя прибегнуть к графическому выражению этого образа. При невозможности или недостаточности словесной или графической передачи информации описание может быть проведено при помощи такого средства, как узнавание запечатленного объекта при восприятии объекта в натуре или его изображения (опознание); как указание на аналогичный объект, обладающий теми же признаками, что и описываемый (например, предъявление следователю потерпевшим изделия, аналогичного украденному, описание которого необходимо для розыска).

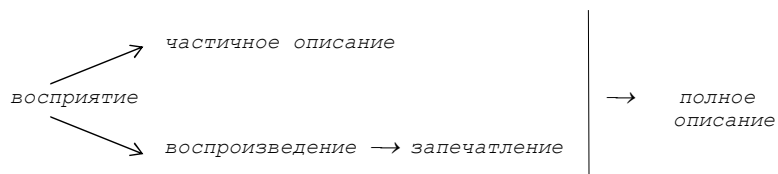
Основываясь на сказанном, можно следующим образом представить пути движения информации при описании:

1. При непосредственном описании:

- ◆ а) сопутствующем восприятию:

восприятие → перенос воспринятого в описание путем преобразования визуального образа в словесно-письменную форму

- ◆ б) фрагментарном:

- ◆ в) последующем:

восприятие → запечатление → воспроизведение → описание

2. При опосредствованном описании:

восприятие → запечатление → воспроизведение → передача информации об объекте описания → описание

Ранее нами было предложено различать две системы описания, названные соответственно **упорядоченным**, или систематизированным, описанием и описанием **неупорядоченным**, или произвольным⁵². При упорядоченном описании признаки объектов указываются в определенном порядке, круг этих признаков определяется заранее, словесная форма их выражения стандартизована. При неупорядоченном описании последовательность и круг описываемых признаков определяются произвольно, форма их словесного выражения не регламентирована.

В качестве разновидностей произвольного описания мы называли:

- ◆ а) описание, которое осуществляется в произвольной последовательности и с произвольным выбором указываемых признаков, но с использованием стандартизованной терминологии;

⁵² Белкин Р. С. Собрание, исследование и оценка доказательств, сс. 186-187.

- ◆ б) описание, при котором стандартизованным оказывается круг обязательно указываемых признаков при произвольной последовательности их описания и неупорядоченности применяемой терминологии;
- ◆ в) описание, производимое в определенной, стандартизованной последовательности с произвольным выбором указываемых признаков и произвольной терминологией.

Эта классификация и определения ее элементов не встретили возражения, но затем В. В. Кириченко внес в нее некоторые уточнения. Он предложил именовать описание, в котором упорядочен хотя бы один из элементов, не произвольным, а частично упорядоченным⁵³. Это предложение нам представляется заслуживающим внимания и реализации.

По нашему мнению, криминалистическим можно назвать лишь упорядоченное или частично упорядоченное описание. Примером такого криминалистического описания является «словесный портрет». В литературе существуют различные определения «словесного портрета», но суть их одна: это научно обоснованное систематизированное описание внешности человека при помощи специальной стандартизованной терминологии. «По Бертильону — Рейссу, словесный портрет есть описание головы и лица человека, основанное на классификации их анатомических форм и особенностей, — писал И. Н. Якимов. — Описание это делается точными, заранее избранными словами, составляющими специальный словарь словесного портрета»⁵⁴. Все черты систематизированного криминалистического описания можно найти в определении «словесного портрета», предложенном А. А. Гусевым: «Словесный портрет — это научно разработанное, систематизированное описание черт внешности человека при помощи единой, специально выработанной терминологии, производимое для целей и задач правосудия»⁵⁵.

⁵³ **Кириченко В. В.** Теоретические вопросы описания и объяснения в криминалистике. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1978, с. 94.; **Кириченко В. В.** К вопросу об описании и объяснении в криминалистике. — В кн.: Вопросы теории и практики борьбы с преступностью. Л., 1972.

⁵⁴ **Якимов И. Н.** Криминалистика. М., 1925, с. 74.

⁵⁵ **Гусев А. А.** Установление личности по признакам внешности. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1955, с. 52. Распространению на практике частично упорядоченных описаний способствует издание различных справочников, содержащих научно обоснованную терминологию для описания различных объектов. Первым известным нам таким справочником было «Описание зданий, их частей и помещений», подготовленное НТО Московского УР (составитель Н. В. Терзиев, консультанты — научные сотрудники Академии архитектуры СССР) и изданное Академией архитектуры в 1947 г.

Способ выражения информации об объекте описания представляет собой прием описания. С этой точки зрения мы различаем три приема описания: словесную передачу информации об объекте, или словесное описание; графическую передачу информации — графическое описание; передачу преобразованной или сокращенной информации — кодированное описание. Не останавливаясь сейчас на словесном и графическом описаниях, так как речь о них пойдет далее, применительно к протоколам и графической форме фиксации доказательств рассмотрим вкратце кодированное описание.

Словесное и графическое описание вызывают известные неудобства с точки зрения оперативного использования содержащейся в них информации. Поэтому в практике возникла потребность преобразовывать подобные описания, с тем чтобы более коротко выразить информацию, сжать ее, обозначив условными символами или кодом. Так возникло кодированное описание, приспособленное для передачи информации на большие расстояния в короткие сроки, для классификации описаний по условным их обозначениям — коду. Кодированию, разумеется, поддается фактически только упорядоченное описание, когда каждый указываемый признак, круг которых заранее точно определен, а характеристика регламентирована, получает свое условное выражение (например, определенной цифрой).

При протоколировании описание получает выражение в виде письменной речи. Поскольку протокол является процессуальным документом, закон предъявляет к его содержанию и процессу составления определенные требования, нарушение которых может повлечь за собой утрату им юридической силы как источника доказательств или средства удостоверения фактов⁵⁶. Процесс протоколирования и его результаты в виде протокола привлекали внимание многих криминалистов, причем, главным образом, в аспекте протоколирования показаний при допросе и фиксации результатов осмотра места происшествия. Уже в первых работах советских криминалистов мы встречаем рекомендации по составлению протоколов этих следственных действий. Попытаемся проследить развитие этих рекомендаций на примере допроса.

⁵⁶ Закон называет обязательные реквизиты протокола (ст. 141 УПК). С. А. Шейфер указывает следующие процессуальные правила составления протоколов: безотлагательность; отражение как содержания, так и результатов познавательной деятельности; сохранение формы словесного сообщения; указание на условия и результаты применения технических средств; особый порядок удостоверения протоколов (*Шейфер С. А.* Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. М., 1972, сс. 74-78).

На этапе возникновения отечественной криминалистики эти рекомендации были рассчитаны на слабо подготовленных в юридическом отношении работников дознания и следствия, и поэтому среди них мы встречаем такие, которые впоследствии, по мере повышения правового и профессионального уровня кадров, уже не упоминаются. Так, И. Н. Якимов предупреждал, что в одном и том же протоколе нельзя отражать различные произведенные следственные действия; нельзя прибавлять что-либо от себя к показаниям допрошенного; недопустимо указывать в протоколе, как держал себя на допросе допрашиваемый; нужно избегать изложения в протоколе личных взглядов допрашивающего и т. д.⁵⁷ Таких рекомендаций уже нет в учебнике криминалистики 1938 г., а в 1940 г. М. Е. Евгеньев формулирует рекомендации по составлению протокола допроса уже близко к тому, как они формулируются сейчас⁵⁸.

В послевоенных работах по тактике допроса акцент переносится с общих рекомендаций по составлению протокола на детали техники протоколирования. Например, Л. М. Карнеева пишет о том, как отразить индивидуальные особенности изложения обвиняемым своих показаний, о правильной фиксации местных выражений или наименований, о том, как фиксировать в протоколе предъявление во время допроса доказательств, как оформить составленные допрашиваемым во время допроса схемы или планы⁵⁹. В других работах, посвященных тактике допроса, также основное внимание уделяется подобным рекомендациям⁶⁰.

Новым явилось исследование в криминалистике тактического значения протоколов допроса. М. А. Петуховский проанализировал, каким образом могут быть использованы в тактических целях непосредственное содержание протокола и отдельные условия его составления.

Наконец, специальному рассмотрению подвергается протокольный язык. Е. Е. Подголин, занимающийся этой проблемой, считает, что язык протокола должен отвечать следующим требованиям: 1) однозначности, 2) дословному по возможности отображению существенных данных, содержащихся в показаниях, и стилистической нейтральности при фикс-

⁵⁷ Якимов И. Н. Криминалистика. Уголовная тактика. М., 1929, сс. 124-126.

⁵⁸ Евгеньев М. Е. Методика и техника расследования преступлений. Киев, 1940, сс. 222-234.

⁵⁹ Карнеева Л. М. Тактика допроса обвиняемого. — В кн.: Тактика допроса на предварительном следствии. М., 1958.

⁶⁰ Карнеева Л. М., Соловьев А. Б., Чувилов А. А. Допрос подозреваемого и обвиняемого. М., 1969; Васильев А. Н., Карнеева Л. М. Тактика допроса. М., 1970.

сации других сведений, 3) точности, 4) понятности, 5) лингвистической правильности, 6) уместности, 7) краткости⁶¹.

Протоколирование, как прием вербальной формы фиксации доказательств, открывает возможность для применения некоторых средств оргтехники и специальных приемов запечатления устной речи. Таковы стенографирование, машинопись и использование диктофонов.

Несколько замечаний по поводу применения диктофонов при составлении протоколов.

Использование диктофонов не аналогично процессуальному применению звукозаписи. Диктофонная запись (как и стенограмма) является своеобразным черновиком протокола. Этот «акустический черновик» позволяет изготовить с него машинописный текст протокола, экономя при этом время и силы следователя.

Идея использовать звукозапись как средство для составления протокола возникла несколько десятилетий назад. Еще в 1934 г. М. С. Строгович и А. Е. Брусиловский писали: «Проблема протокола не так проста. Лучше стенограмма, еще лучше фонограмма, еще лучше кинофонограмма... Однако для повседневной практической работы это музыка будущего»⁶². После Великой Отечественной войны к проблеме звукозаписи обратились А. И. Винберг и А. А. Эйсман. Они определили два аспекта ее рассмотрения: «...в более широком, как проблему замены письменного протоколирования звукозаписью, и в более узком, как проблему использования звукозаписи наряду с протоколированием, как вспомогательный метод фиксации доказательств, дополняющий те возможности, которые содержатся в протоколировании»⁶³, — но сочли постановку вопроса в широком аспекте несвоевременной. В 1963 и 1966 гг., еще до законодательной регламентации звукозаписи, о ней как о вспомогательном средстве фиксации показаний писала Л. М. Карнее-

⁶¹ *Подголин Е. Е.* О протокольном языке. — В кн.: Вопросы совершенствования предварительного следствия, вып. 2. Л., 1974; *Подголин Е. Е.* Вопросы языка и речи в работе следователя. — В кн.: Проблемы повышения эффективности предварительного следствия. Л., 1976.

⁶² *Брусиловский А. Е., Строгович М. С.* Свидетельские показания в качестве судебных доказательств. — В кн.: Методика и тактика следственной работы. Киев, 1934, с. 161. О возможности применения диктограмм для целей фиксации доказательств упоминается и в работе *Брусиловский А. Е.* Судебно-психологическая экспертиза. Ее предмет, методика и пределы. Харьков, 1929.

⁶³ *Винберг А. И., Эйсман А. А.* Фототелеграфия и звукозапись в криминалистике. М., 1946, с. 21.

ва⁶⁴, а до нее — в 1961 и 1962 гг. — в этом же плане высказывались Н. А. Селиванов и А. А. Герасун⁶⁵. Возможности использования звукозаписи для целей протоколирования эти авторы не рассматривали. Вновь на эту сторону проблемы обратили внимание Г. М. Миньковский⁶⁶ и С. Я. Розенблит, который писал: “Представляется, что в наших условиях нет оснований ставить в настоящее время вопрос о полной замене письменных процессуальных актов озвученными магнитофонными лентами... Сравнительно недавно принятые уголовно-процессуальные кодексы союзных республик, как известно, не содержат норм, которые разрешали бы приобщать к делу магнитофонные ленты взамен протоколов. В то же время в повседневной работе следователя и судьи магнитофонная звукозапись может применяться как полезное вспомогательное техническое средство, которое способствует высококачественному составлению следственных и судебных протоколов⁶⁷.”

В конце 60-х годов постепенно стала получать распространение практика организации в следственных аппаратах диктофонных машинописных бюро. Вот как описывает организацию и функционирование такого диктомашбюро один из инициаторов их создания Д. Г. Аршавский: “Для проверки целесообразности и принципиальной возможности комплексного использования диктофонов и машинописи в отделе внутренних дел Верх-Исетского райисполкома г. Свердловска было размещено шесть диктофонов, две пишущие машинки и коммутаторная телефонная установка, обслуживаемая двумя операторами-фонотипистами. В бюро печатаются протоколы следственных действий и другие процессуаль-

⁶⁴ **Карнеева Л. М.** Применим ли магнитофон в следственной работе? — Соц. законность, 1963, № 1; **Карнеева Л. М.** О применении стенографии и звукозаписи в следственной работе. — Соц. законность, 1966, № 6.

⁶⁵ **Селиванов Н. А.** Научно-технические средства при расследовании преступлений. — Соц. законность, 1961, № 9; **Герасун А. А.** За применение магнитофона в следственной работе. — Соц. законность, 1962, № 10.

⁶⁶ **Миньковский Г. М.** Процессуальные вопросы применения новых научно-технических средств фиксации результатов следственных действий. — В кн.: Практика применения нового уголовно-процессуального законодательства. М., 1962.

⁶⁷ **Розенблит С. Я.** Возможности использования звукозаписи при производстве следственных и судебных действий. — В кн.: Вопросы криминалистики, вып. 10. М., 1964, с. 80. Очевидно, по недоразумению А. Я. Палиашвили подверг критике С. Я. Розенблита за приведенные нами соображения, посчитав, что он предлагает отказаться от составления протокола в полном объеме (**Палиашвили А. Я.** Использование звукозаписи, кино съемки и стенографии в уголовном процессе. — Сов. государство и право, 1971, № 2, с. 87).

ные документы. В кабинеты семи следователей выведены микрофоны с дистанционным управлением. Почти все, что им раньше приходилось писать от руки, следователи диктуют и быстро получают в отпечатанном виде соответствующие документы. При этом строго соблюдаются требования уголовно-процессуального законодательства. Хронометраж работы с использованием диктомашбюро показал, что расход времени следователей, потерпевших, понятых заметно сокращается, экономится время прокуроров, судей, адвокатов, читающих уголовные дела, в которых все документы отпечатаны на машинке. Сократились и сроки следствия, а производительность труда следователей возросла в среднем на 35%. При этом протоколы допросов стали полнее, резко повысилась культура оформления уголовных дел⁶⁸.

Диктофон с успехом используется не только при составлении протоколов допроса, но и при осмотре места происшествия и производстве других следственных действий, позволяя более полно и точно отразить в протоколе их ход и результаты⁶⁹. А. А. Леви приводит данные об успешном применении звукозаписи в суде, где фонограмма служит материалом для составления качественного протокола судебного заседания⁷⁰.

Изложенная форма использования звукозаписи представляется весьма целесообразной. Однако она не исключает использования в целях протоколирования и той фонограммы, которая является результатом "процессуальной" звукозаписи показаний. Думается, что такое использование не требует специальной правовой регламентации. Протокол может составляться по части готовой фонограммы, или сразу целиком после окончания звукозаписи и ее прослушивания и удостоверения⁷¹.

⁶⁸ **Аршавский Д. Г.** Совершенствование деятельности следственного аппарата в свете ленинских идей о научной организации труда и управления. — В кн.: Ленинизм и проблемы развития государства и права. Свердловск, 1970, с. 163-164.

⁶⁹ **Коломиец В. Я.** Использование звукозаписи в организации труда работников органов внутренних дел. — Сборник статей адъюнктов и соискателей. М., 1969. (Высшая школа МВД СССР).

⁷⁰ **Леви А. А.** Звукозапись в Московском областном суде. — Соц. законность, 1971, № 1.

⁷¹ Протокол должен быть составлен в процессе допроса, который можно считать законченным только после подписания этого документа. Поэтому нельзя согласиться с И. Б. Рыбниковым, который, хотя и критически к этому относится, допускает возможность большого перерыва между допросом и составлением протокола при наличии звукозаписи показаний (Применение магнитофонных записей при производстве следственных действий и их доказательственное значение). *см. след. стр.*

Звукозапись как прием вербальной формы фиксации. Применение звукозаписи в советской следственной практике было узаконено в конце 60-х годов, хотя вопрос о ее правовой регламентации возник значительно раньше⁷² и в следственной практике к этому времени она уже получила некоторое распространение.

Как прием фиксации, звукозапись имеет известные преимущества перед протоколированием. Она позволяет зафиксировать не только содержание показаний, но и акустическую сторону допроса, которая не получает своего отражения в протоколе, хотя и содержит большее количество информации, нежели протокол допроса⁷³. Как правильно отметил С. А. Шейфер⁷⁴, звукозапись уменьшает число преобразований доказательственной информации в процессе ее отображения, чем обеспечивается фиксация информации, случайно пропущенной следователем либо ошибочно признанной им не относящейся к делу и потому не отраженной в протоколе допроса. Воспроизведение звукозаписи оказывает большее эмоциональное воздействие, нежели оглашение протокола допроса⁷⁵. Наконец, звукозапись обеспечивает передачу особенностей речи допрашиваемого, индивидуальность его языка, что также бывает затруднительно, а иногда и невозможно отразить в протоколе допроса.

Однако в ряде отношений звукозапись уступает протоколированию. В ней содержится больше избыточной, ненужной информации; пользование ею, поиск в ней нужного места технически затруднен; она требует особых условий для долговременного хранения, специальных мер пре-

значение. — В кн.: Вопросы криминалистики и судебной экспертизы, вып. 3. Душанбе, 1963, с. 165).

⁷² См. упоминавшиеся работы Н.А.Селиванова, А.А.Герасуна, Л.М.Карнеевой.

⁷³ "Информацию несет не только то, что сказано, но и то, как, каким тоном и кем, в какой связи с предыдущим сказано. К сожалению, в письменном тексте эта часть информации в какой-то степени утрачивается" (**Жуков А. А.** Информация. Минск, 1971, с. 149).

⁷⁴ **Шейфер А. А.** Указ. раб., с. 80.

⁷⁵ Н. И. Порубов явно переоценивает силу эмоционального воздействия звукозаписи, когда утверждает, что допрошенный, чьи показания записаны на магнитофонную ленту, считает, что отказаться от них либо изменить их уже невозможно (См. **Порубов Н. И.:**

- Использование научно-технических средств для фиксации допроса. — В кн.: Использование научных методов и технических средств в борьбе с преступностью. Минск, 1965, с. 51;
- Допрос в советском уголовном процессе и криминалистике. Минск, 1968, с. 79;
- Допрос в советском уголовном судопроизводстве. Минск, 1973, с. 258).

досторожности от случайного повреждения. Сложность доказывания принадлежности записанных на фонограмме показаний данному лицу при возникновении сомнений или оспаривании этого обстоятельства сводит на нет многие преимущества звукозаписи перед протоколированием. К этому нужно добавить и упоминавшийся уже неоправданно усложненный, по нашему мнению, процессуальный порядок звукозаписи.

Несколько слов по поводу значения звукозаписи как источника доказательственной информации.

Из указаний закона на то, что звукозапись не заменяет протокола допроса и является приложением к нему (ст. 141 и 141¹ УПК РСФСР) ряд авторов делает вывод, что она не имеет значения самостоятельного источника доказательств. Так, А. Я. Палиашвили считает, что звукозапись вообще «не имеет собственной процессуальной природы»⁷⁶. По мнению А. Д. Соловьева, В. М. Галкина, С. И. Тихенко и В. И. Гончаренко, Т. В. Варфоломеевой, М. Г. Несена⁷⁷ фонограмма допроса как приложение к его протоколу имеет доказательственное значение только в связи с ним.

Нам представляется, что такое отношение к фонограммам допроса лишено убедительных оснований. Для этого нет ни процессуальных (фонограмма предусмотрена законом, следовательно, как способ запечатления содержащейся в ней информации, так и сама эта информация признаются законом), ни фактических причин. Мы разделяем мнение С. А. Шейфера, что фонограмму нельзя считать частью протокола, поскольку очевидны различия между ними в физической природе сигнала, несущего информацию. Заслуживает внимания его мнение о том, что «протокол следственного действия и приложения к нему, не являясь частями друг друга, составляют как бы комплексное доказательство, элементы которого взаимно дополняют и обогащают друг друга»⁷⁸.

⁷⁶ *Палиашвили А. Я.* Указ. статья, с. 89.

⁷⁷ *Галкин В. М.* Средства доказывания в уголовном процессе. М., 1967, сс. 46-47; *Соловьев А. Д.* Протоколы следственных действий и их значение для установления истины по делу. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 3. Киев, 1966, с. 60; *Гончаренко В. И.* Использование звукозаписи при расследовании преступлений. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 4. Киев, 1967, с. 132; *Тихенко С. И., Гончаренко В. И.* Возможности и практика использования магнитофонных записей и киноматериалов в судебном разбирательстве. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 7. Киев, 1970, с. 14; *Варфоломеева Т. В., Гончаренко В. И., Несен М. Г.* Некоторые вопросы применения научно-технических средств органами милиции. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 10. Киев, 1973, с. 43.

⁷⁸ *Шейфер С. А.* Указ. раб., с. 82.

Права и А. Н. Копьева, отмечая, что протокол допроса при неполном в нем описании фактических данных фактически сам превращается в приложение к фонограмме⁷⁹.

Вызывает сомнение и сам термин “самостоятельный источник доказательств”, неизвестный нашему законодательству. Если объект содержит доказательства, то есть может быть и является их источником по закону, то лишается всякого смысла его характеристика как “самостоятельного” или “несамостоятельного”. Не случайно в литературе мы не встречаем разъяснения или толкования этих терминов. Мы разделяем мнение А. И. Винберга, Н. А. Селиванова и других криминалистов, считающих, что по своей правовой природе фонограммы могут быть отнесены (если, разумеется, они не являются вещественным доказательством) к “иным документам”, предусмотренным ч. 2 ст. 69 УПК РСФСР.

Законом СССР от 12 июня 1990 г. “О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик” органам дознания и предварительного следствия было предоставлено право прослушивания телефонных и иных переговоров с применением звукозаписи. В УПК России эта норма не продублирована, но и не была отменена и, следовательно, продолжает действовать.

Законодатель предусмотрел и соответствующие правила фиксации результатов прослушивания: “О проведенном прослушивании и звукозаписи составляется протокол с кратким изложением содержания фонограммы переговоров, имеющих отношение к делу. Фонограмма приобщается к протоколу, а ее часть, не имеющая отношения к делу, уничтожается после вступления приговора в законную силу” (ст. 35¹).

Фактически эта норма вводит новое следственное действие, допустимое лишь по возбужденному уголовному делу, и притом по постановлению органа дознания или следователя, санкционированному прокурором, или по определению суда. Отражающие содержание этого следственного действия протокол и фонограмма представляют собой единый комплекс и именно в этом качестве должны фигурировать как источник доказательства. В целях обеспечения его достоверности Н. Н. Лысов рекомендует принимать специальные меры защиты против подмены фонограммы: в начале фонограммы сделать контрольную запись с указанием имен и фамилий присутствующих при прослушивании лиц,

⁷⁹ Копьева А. Н. К вопросу о доказательственном значении звукозаписи в уголовном процессе. — Труды Иркутского госуниверситета, том 85, серия юридическая, вып. 106, ч. 4. Иркутск, 1970, с. 105.

предусмотреть устройство, препятствующее произвольному изъятию кассеты из звукозаписывающего аппарата и т. п.⁸⁰

От описанного следственного действия следует отличать предусмотренное Законом "Об оперативно-розыскной деятельности" прослушивание телефонных переговоров, как одно из оперативно-розыскных мероприятий (ст. 6), результаты которого могут быть использованы в расследовании в общем порядке путем придания им статуса доказательств.

Графическая форма фиксации доказательств заключается в запечатлении доказательственной информации путем зарисовки объектов или исполнения графических знаков, выражающих обусловленным образом фиксируемую информацию. Материальным выражением этой формы фиксации являются рисунки, планы, схемы, чертежи, графики, карты и др.

Зарисовка, как прием фиксации, исторически предшествовала применению в этих целях технических средств (фото- и киносъемки, слепочных масс). В тот период, когда не было иных возможностей наглядно выразить объект фиксации, с тем чтобы дать образное представление о нем и о тех его элементах, которые затруднительно, а иногда и невозможно достаточно точно описать в протоколе, зарисовка следов и иных вещественных доказательств, трупа, обстановки места происшествия практиковалась сравнительно широко. С развитием средств и приемов наглядно-образной формы фиксации доказательств зарисовка отошла на второй план, так как, во-первых, не могла сравниться с ними по скорости, точности и выразительности изображения объекта, а, во-вторых, применительно к относительно трудным для зарисовки объектам, таким, например, как труп, требовала наличия специальных навыков рисования, которыми обладает далеко не каждый. В настоящее время зарисовка чаще всего производится в "аварийных" ситуациях, когда по каким-либо причинам не представляется возможным применить технические средства запечатления внешнего вида объектов.

Зарисовка сохраняет свое значение как средство материализации мысленного образа, содержащего доказательственную информацию. Мы уже отмечали роль графической формы фиксации при допросе. Остановимся теперь еще на одном варианте использования зарисовки по мысленному образу. Имеется в виду исполнение рисованных портретов по показаниям свидетелей, потерпевших, а иногда и обвиняемых.

Рисованный портрет обладает качествами идеальной модели⁸¹, его выполнение возможно двумя способами. Оптимальный способ переда-

⁸⁰ Лысов Н. Н. Указ. автореферат, с. 45.

чи и фиксации информации о внешнем облике человека — это изготовление портрета субъектом — носителем мысленного образа. Однако это возможно в редких случаях, когда субъект в состоянии исполнить такой портрет. В практике применяется обычно второй способ — изготовление портрета специально приглашаемым художником по показаниям допрошенного лица с внесением по его указаниям необходимых коррективов по ходу рисования. Изготовленный таким образом портрет затем размножается для оперативного использования. Следует заметить, что этот прием графической формы фиксации встречается сейчас сравнительно редко, так как информация о внешнем облике человека теперь фиксируется с помощью специальных технических средств (фоторобот, айденти-кит и др.), о которых будет идти речь в следующем параграфе.

Характеризуя процесс передачи информации при изготовлении рисованного портрета, С. А. Шейфер пишет, что в этом случае «лицо передает следователю информацию не путем словесного сообщения, а путем непосредственного преобразования мысленной образной модели в физическую образную модель»⁸². Как следует из вышеизложенного, С. А. Шейфер прав лишь частично. Сказанное им относится лишь к случаям, когда портрет изготавливается собственноручно носителем мысленного образа. Во всех других случаях информация передается последним словесно изготовителю портрета и им перекодируется в графическую форму ее выражения. При этом неизбежны потери информации вследствие:

⁸¹ И. М. Лузгин считал рисованные портреты разновидностью графической реконструкции. Среди других ее разновидностей он называет иные рисунки, выполненные для наглядного воспроизводства ситуации, места совершения преступления, механизма его действия; рисунок, выполненный с той же целью экспертом в результате изучения ситуации для иллюстрации экспертного вывода; схему-план обстановки на месте совершения преступления, составляемую следователем по показаниям очевидцев и по иным данным, в частности, в результате визирования; графическую реконструкцию положения потерпевшего и стрелявшего в момент выстрела как иллюстрацию к судебно-медицинскому заключению (*Лузгин И. М.* Реконструкция как один из методов установления способа совершения преступлений. — В кн.: Материалы 2-й научно-теоретической конференции. Рига, 1972, сс. 76-77). Если графическую реконструкцию понимать как один из видов моделирования, то предложение И. М. Лузгина принципиальных возражений не вызывает.

⁸² *Шейфер И. М.* Указ. раб., с. 107. Мы полагаем, что под физической моделью автор имел в виду и материальные и (в данном случае) идеальные модели, зафиксированные в определенной материальной форме. Вообще следует сказать, что выраженная в идеальной модели всегда имеет материальную форму — плана, схемы, рисунка и т. д.

- ◆ возможной неточности словесной передачи информации о признаках мысленного образа;
- ◆ деформации при приеме информации и ее графической перекодировке лицом, исполняющим портрет;
- ◆ дефектов воссоздающего воображения лица, исполняющего портрет;
- ◆ несовершенства технических средств графического воспроизведения.

Эти потери могут быть восполнены частично (за исключением первого случая) при корректировке портрета носителем мысленного образа — но только частично. Более полным в информационном отношении является портрет, нарисованный по показаниям нескольких лиц и носящий, таким образом, синтетический характер. Однако здесь отрицательную роль начинает играть другой фактор — различия в восприятии, запоминании и воспроизведении, неизбежно проявляющиеся в показаниях допрошенных и иногда диктующие необходимость изготовления не одного синтетического, а нескольких рисованных портретов.

Наиболее распространенный прием графической формы фиксации доказательственной информации — это составление схем и планов. Схемы и планы могут быть изготовлены как лицом, передающим информацию субъекту доказывания (свидетелем, потерпевшим, обвиняемым, экспертом и др.), так и самим субъектом доказывания при опосредствованном или непосредственном описании. Мы различаем следующие разновидности схем и планов, составляемых субъектом доказывания при непосредственном описании:

- ◆ а) схемы и планы, фиксирующие обстановку места производства следственного действия: осмотра места происшествия, следственного эксперимента, обыска и др.;
- ◆ б) схемы и планы, фиксирующие размещение технических средств фиксации информации при производстве следственных действий, если это имеет доказательственное значение или необходимо для оценки зафиксированной доказательственной информации.

Наиболее детально в криминалистике разработаны вопросы составления планов и схем места происшествия. Планом принято называть графическое отображение, исполненное в определенном масштабе, схемой — внемасштабное отображение с цифровым обозначением размеров некоторых объектов и расстояний между ними. Иногда употребляют выражение “схематический план”, имея в виду именно внемасштабное отображение, то есть схему.

В классификации планов места происшествия наблюдается известное единообразие. Их подразделяют либо (подобно фотоснимкам) на

ориентирующие, обзорные, узловые и детальные⁸³, либо на общие и частные⁸⁴. В качестве субъекта фиксации фигурируют работник дознания, следователь, специалист, а при производстве судебного осмотра — суд (Л. Е. Ароцкер, И. Х. Максупов⁸⁵ и др.). При фиксации обстановки, пространственно значительно протяженной, например, в пределах целого населенного пункта или обширного участка местности, в качестве основы для составления плана используются топографические кроки и карты, карты-планы, на которые наносится фиксируемая обстановка. Как отмечает В. П. Колмаков⁸⁶, при фиксации обстановки дорожно-транспортного происшествия целесообразно использовать для составления плана выкопировки конкретных участков дорожного полотна, изготовленные соответствующими дорожными службами.

Единообразной системы условных обозначений для планов мест происшествий не разработано. Во многих источниках приводятся таблицы таких обозначений, но общими для них, как правило, являются только те знаки, которые заимствуются из топографии⁸⁷. Разработка такой унифицированной и общепринятой системы обозначений представляется важной задачей учения о языке криминалистики, как раздела ее общей теории.

Касаясь остальных разновидностей схем и планов, составляемых субъектами доказывания, вкратце остановимся на тех из них, которые используются для фиксации хода и результатов следственного эксперимента как одного из наиболее сложных в организационно-тактическом отношении следственных действий.

О планах, составляемых при производстве следственного эксперимента, упоминает П. И. Тарасов-Родионов уже в учебнике криминалистики 1938 г. В последующем о них писал Л. Е. Ароцкер в своей кандидатской диссертации, их упоминают В. П. Колмаков и Ф. К. Диденко⁸⁸. В

⁸³ Осмотр места происшествия. М., 1960, с. 83; Обнаружение, фиксация и изъятие следов (справочник). М., 1969, с. 8.

⁸⁴ Следственный осмотр. М., 1957, с. 74; **Максупов И. Х.** Осмотр места происшествия. Л., 1965, с. 37.

⁸⁵ **Максупов И. Х.** Судебный осмотр места происшествия и особенности его проведения. Л., 1972.

⁸⁶ **Колмаков В. П.** Следственный осмотр. М., 1969, с. 191.

⁸⁷ **Попов В. И.** Осмотр места происшествия. М., 1959, сс. 217-218; **Селиванов Н. А., Тербилов В. И.** Первоначальные следственные действия. М., 1969, с. 31.

⁸⁸ **Ароцкер Л. Е.** Следственный эксперимент в советской криминалистике. Дисс. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1951; **Колмаков В. П.** Тактика производства следственного осмотра и следственного эксперимента. Харьков, 1956; **Диденко Ф. К.** Следственный эксперимент в практике органов военной юстиции. М., 1957.

первом обстоятельном пособии для следователей по вопросам следственного эксперимента, вышедшем отдельным изданием, специально отмечалось, что «схема или план, дополняя описание произведенных опытных действий, придают протоколу наглядность и убедительность»⁸⁹.

С нашей точки зрения, планы и схемы при следственном эксперименте составляются только тогда, когда есть необходимость графически запечатлеть либо ту обстановку, в которой эксперимент проводится, либо расположение участников эксперимента перед его началом, в процессе производств опытов или после их окончания с указанием направления движения. О реквизитах этих документов мы писали ранее⁹⁰.

Заканчивая рассмотрение графической формы фиксации доказательств, нельзя обойти молчанием такой прием ее реализации, как изготовление в необходимых случаях чертежей тех или иных объектов — носителей доказательственной информации. О таких чертежах как средстве фиксации вещественных доказательств пишет В. М. Николайчик, отмечая, что они полезны «главным образом, в случаях сложного взаиморасположения характерных особенностей на осматриваемом объекте»⁹¹. Думается, что чертеж, подлинность которого и точность не вызывают сомнений, может играть роль графической модели отсутствующего объекта и служить источником доказательственной информации.

4.4. Предметная и наглядно-образная формы фиксации доказательственной информации

Ранее мы отмечали, что при фиксации доказательственной информации в предметной форме применяются такие приемы, как изъятие предмета в натуре, а также реконструкция (в том числе макетирование), копирование, получение слепков и оттисков, то есть изготовление материальных моделей. Рассмотрим эти приемы фиксации.

Изъятие предмета в натуре в подавляющем большинстве случаев является, с нашей точки зрения, предпочтительным приемом предметной фиксации. Однако это мнение разделяется не всеми, а некоторые авторы вообще не считают изъятие материальных объектов приемом

⁸⁹ *Гуковская Н. И.* Следственный эксперимент. М., 1958, с. 92.

⁹⁰ *Белкин Р. С.* Теория и практика следственного эксперимента. М., 1959, с. 112

⁹¹ *Николайчик В. М.* Следственный осмотр вещественных доказательств. М., 1968, с. 62.

фиксации доказательственной информации. А. Н. Басалаев, например, пишет, что “изъятие вещественных доказательств, их упаковка и приобщение к делу фиксацией не являются”⁹². Его поддерживает Е. Б. Пальскис, который не согласен с признанием изъятия предмета приемом фиксации вещественных доказательств, так как в этом случае отсутствует такой признак фиксации, как перекодировка информационного сигнала в доступную для следователя и суда форму⁹³.

Мы уже отмечали, что одной из целей фиксации доказательств является их сохранение для участников процесса, и в первую очередь, для следователя и суда. Так как приобщение предмета к делу есть средство его сохранения, то такое приобщение, а следовательно, и предшествующее ему изъятие, делающее возможным сам акт приобщения, можно рассматривать как прием фиксации⁹⁴. На этих же позициях стоит и ряд процессуалистов, например, А. М. Ларин, называющий приобщение к делу вещественных доказательств одной из процессуальных форм закрепления доказательств, равно как и приобщение к делу иных документов⁹⁵.

Действительно, само изъятие предмета не представляет собой перекодировки содержащейся в нем информации, и в этом отношении Е. Б. Пальскис прав. Но он не учитывает того, что перекодировка информации характеризует фиксацию доказательств в большинстве случаев, но не всегда. Иногда фиксация осуществляется путем не перекодировки, а переноса информации, код которой остается тем же. Так может быть, например, при изготовлении копий следов. Кроме того, Е. Б. Пальскис упускает из виду, что изъятие предмета всегда должно сопровождаться фиксацией в соответствующем протоколе как самого факта изъятия, так и данных, индивидуализирующих предмет. А последнее не что иное, как перекодировка части информации, содержащейся в этом изымаемом предмете. Выполнение этих процессуальных требований обеспечивает удостоверение подлинности предмета и его индивидуализацию.

⁹² **Басалаев В. М.** Фиксация результатов осмотра места происшествия. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Л., 1967, с. 7.

⁹³ **Пальскис Е. Б.** Фиксация вещественных доказательств (методологические, процессуальные и криминалистические проблемы). Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1971, сс. 65, 68, 72.

⁹⁴ **Белкин Р. С., Винберг А. И.** Криминалистика и доказывание. М, 1969, с. 193.

⁹⁵ **Ларин А. М.** Работа следователя с доказательствами, сс. 55-56.

Мы считаем изъятие предмета в натуре с последующей (при необходимости) его консервацией предпочтительным приемом предметной фиксации по следующим основаниям:

- ◆ а) этот прием сводит к минимуму потери доказательственной информации, неизбежные при копировании, получении слепков и применении других приемов фиксации;
- ◆ б) обеспечивается возможность непосредственного восприятия участниками процесса изъятых предметов, что исключает сомнения, могущие возникнуть при восприятии производных от него объектов⁹⁶;
- ◆ в) создаются условия для более полного исследования содержащейся в предмете информации;
- ◆ г) сохраняется возможность получения копий предмета, если, разумеется, характер предмета допускает его многократное копирование.

В основе всех остальных приемов предметной формы фиксации доказательственной информации лежит метод моделирования (см. гл. 7 первого тома Курса)

Интенсивная разработка проблем применения метода моделирования в криминалистике и практике доказывания началась в 60-х годах. Это объяснялось несколькими причинами, главными из которых, по нашему мнению, были:

- ◆ определение возможностей применения положений кибернетики и ЭВМ в практике борьбы с преступностью, что поставило на повестку дня вопрос о математическом моделировании в криминалистике и судебной экспертизе;
- ◆ появление новых технических средств (материалов и аппаратуры), обеспечивающих высокую точность копирования доказательственных свойств объектов и полноту переноса доказательственной информации, а также материализацию мысленного образа внешнего облика человека, что требовало гносеологического объяснения природы создаваемых применением этих средств объектов;
- ◆ исследование познавательной ценности, а следовательно, и доказательственного значения результатов новых следственных действий или тактических приемов (например, получение образцов для сравнительного исследования, следственная реконструкция и т. д.).

Соответственно определились и направления исследований:

⇒ **математическое моделирование** (Р. М. Ланцман, Л. Г. Эджубов, Г. Л. Грановский, В. А. Пошквичус и др.);

⁹⁶ На важность этого обстоятельства указывает: **Колдин В. Я.** Предмет и задачи фиксации вещественных доказательств. — В кн.: Тезисы докладов на межвузовской конференции по криминалистике. М., 1960.

- ⇒ **технико-криминалистическое моделирование** в области работы со следами (В. Я. Колдин, Н. А. Селиванов, В. С. Сорокин, А. Н. Басалаев, А. А. Леви и др.);
- ⇒ **моделирование внешнего облика человека** (В. А. Снетков, А. М. Зинин, В. В. Романов и др.);
- ⇒ **общеметодологические и процессуально-тактические проблемы моделирования** (А. И. Винберг, И. М. Лузгин, В. В. Куванов, Ф. М. Кудин, В. А. Жбанков и др.).

В результате проведенных исследований и ряда дискуссий сформировались понятия производных вещественных доказательств и образцов для сравнительного исследования, определились позиции в области пределов, значения и форм моделирования в следственной и экспертной практике. Это позволяет нам охарактеризовать приемы предметной формы фиксации доказательственной информации, не отставиваясь на решенных в науке вопросах.

Копирование и получение слепков и оттисков. Различие между этими понятиями, по нашему мнению, чисто условное: копирование (откопирование) в практике понимается как получение плоскостных отображений, хотя в буквально смысле слова копией является и объемное отображение оригинала (слепок, оттиск).

При копировании происходит перенос информации с объекта-носителя на искусственную подложку — следокопировальную пленку, специально подготовленную для этой цели фотобумагу, лейкопластырь, а при копировании документов — на обычную или специальную бумагу. При получении слепков и оттисков информация переносится на объемное отображение, изготавливаемое из гипса, различных слепочных масс и т. д. Степень потери информации при таких приемах фиксации зависит от свойств копируемого объекта и, главным образом, от свойств и разрешающей способности применяемых технических средств. Современные средства выявления и копирования поверхностных следов, получения копий документов, изготовления слепков и оттисков обеспечивают высокую степень сохранения переносимой информации⁹⁷.

⁹⁷ **Селиванов Н. А.** О возможностях применения полимеров в криминалистике. — В кн.: Вопросы криминалистики, вып. 3. М., 1962; **Миронов А.** Синтетические каучуки в криминалистике. — Соц. законность, 1965, № 2; **Светлаков Е. М., Рябинин Л. И.** Применение “сизласта” в качестве слепочной массы для фиксации следов орудий взлома. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 2. Киев, 1965; **Винберг А. И., Селиванов Н. А., Сорокин В. С.** Новые способы фиксации и изъятия следов с помощью полимеров. М., 1964; **Леви А. А.** Практика применения научно-технических средств следователями см. след. стр.

Исторически получение объемных слепков и оттисков в следственной практике стало возможным с появлением и применением в этих целях слепочных масс, первыми разновидностями которых были стеарин и гипс. По данным А. Н. Басалаева⁹⁸, в 1850 г. французский аптекарь Гюгулен предложил фиксировать объемные следы на земле и сыпучих материалах с помощью расплавленного стеарина. В 1855 г. Гюгулен предложил новый метод фиксации следов на снегу с помощью рыбьего клея. В 1867 г. появилось сообщение лекаря 3-й пешей бригады забайкальского казачьего войска А. Э. Борхмана о фиксации следов ног с помощью гипса. «Во избежание спора о первенстве открытия, — писал Борхман, — покорнейше прошу редакцию «Архива судебной медицины» сообщить почтенной медицинской публике, что я нашел способ снимать, с помощью гипса, в 15 минут отпечатки следов человеческих и животных как на почве сухой, пыльной, так равно на почве влажной и покрытой водою. Этим способом уничтожаются все неудобства, сопряженные со способом Гюгулена...»⁹⁹. Речь шла о так называемом насыпном способе изготовления слепков.

В советской литературе первые упоминания об изготовлении слепков из гипса встречаются в 1919 г.¹⁰⁰ Впоследствии изложение этого приема фиксации сопровождается рекомендациями по предварительному закреплению следов на сыпучих материалах спиртовым раствором шеллака, спиртовым лаком или политурой. Простота, дешевизна и доступность изготовления гипсовых отливок послужили причиной сохранения гипса в современных наборах средств фиксации, пополнившихся различными полимерными материалами.

Наиболее полную, с нашей точки зрения, классификацию слепочных материалов приводит В. С. Сорокин. Он делит их на два вида: термо-

прокуратуры. М., 1968. Отметим в этой связи цикл работ В. С. Сорокина — см. **Сорокин В. С.:**

- Новые способы откопирования следов. — Соц. законность, 1965, № 3;
- Новый материал для фиксации и изъятия следов на сыпучих поверхностях. — Там же, 1963, №10;
- Полимеры — в криминалистическую практику. — Там же, 1967, № 7;
- Новые полимерные материалы. — Там же, 1969, №6 (соавт. — **Дворкин А.**);
- Обнаружение и фиксация следов на месте происшествия. М., 1966;
- Обнаружение и фиксация следов на месте происшествия. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1967.

⁹⁸ Приводится по указ. дисс. А. Н. Басалаева.

⁹⁹ Там же, с. 17.

¹⁰⁰ **Окроемешко А. Н.** Лекции по уголовному розыску. — Народное право, 1919, № 5-6, сс. 293-294.

пластические (обратимые) и жидкие компаунды (необратимые). К числу первых относятся пластилин, воск, парафин, стенокс, сера, легкоплавкие металлы; к числу вторых — гипс, стиракрил, АКР-100 СТ, пасты “К” и “У-1”, сизласт, СКТН. С помощью первых могут быть получены пластины и твердые слепки, с помощью вторых — твердые и эластичные¹⁰¹.

Применение слепочных материалов должно обеспечить соблюдение необходимых принципов моделирования: достижение должного сходства или геометрического подобия оригиналу. В процессуальном аспекте при получении копий, слепков или оттисков следов информация должна фиксироваться таким образом и с соблюдением такой процессуальной процедуры, чтобы результаты фиксации могли быть оценены как производное доказательство¹⁰².

Предметное моделирование внешнего облика человека. Этот прием фиксации может быть сходен с описанным выше приемом графической формы фиксации, когда облик человека воссоздается путем рисования по мысленному образу. Различие здесь лишь в средствах моделирования: в рассматриваемом случае речь идет об изготовлении синтетических портретов с помощью специальных технических средств. Но предметное моделирование внешнего облика человека возможно и в результате воссоздающего воображения, базирующегося не на мысленном образе, а на материальном объекте, как это бывает при пластической реконструкции лица по черепу.

По нашему мнению, во всех случаях предметного моделирования внешнего облика человека происходит фиксация информации, но не во всех случаях эта информация носит доказательственный характер. Если нарисованный портрет исполняется самим допрашиваемым в ходе допроса и как любой подобный объект такого рода прилагается к протоколу, то содержащаяся в нем информация, полученная процессуальным путем, может иметь доказательственное значение. Портреты, изготовленные художником или с помощью специальных технических средств, в ходе процедуры, не предусмотренной процессуальным законом (напри-

¹⁰¹ **Сорокин А. Н.** Обнаружение и фиксация следов на месте происшествия. М., 1966, с. 19.

¹⁰² Понятие производных вещественных доказательств, насколько нам это удалось установить, впервые дается в работе: **Лившиц В. Я.** Принцип непосредственности в советском уголовном процессе. М.-Л., 1949, с. 122. Автор относил к этой категории объектов слепки следов, пленки, на которые перенесены следы пальцев, и др. Правда, в литературе можно встретить иные суждения об авторстве в решении вопроса о признании слепков и оттисков производными вещественными доказательствами (см. например, **Шаламов М. П.** Некоторые проблемы советской криминалистики. М., 1965, с. 44).

мер, с помощью фоторобота, информационного комплекта рисунков и т. д.), являются средством фиксации не доказательственной, а ориентирующей информации. Поэтому нельзя согласиться с А. И. Винбергом, Г. М. Миньковским и А. А. Эйсманом, относящими синтетические портреты к числу производных (по их выражению, “суммирующих”) вещественных доказательств¹⁰³. Присоединяясь к этой точке зрения, В. В. Романов обосновывает ее тем, что такие портреты (он называет их “композиционными”) создаются на основе показаний участников уголовного процесса и содержат фактические данные о внешности лиц, совершивших преступление¹⁰⁴. Однако очевидно, что этого еще недостаточно для признания синтетических портретов доказательствами. До тех пор пока процесс их изготовления не будет регламентирован законом, их нельзя признать ни источником, ни носителем доказательственной информации.

Не является носителем доказательственной информации и результат пластической реконструкции лица по черепу. Такое значение скульптурный портрет мог бы приобрести, если бы его изготовление признавалось результатом действий эксперта, а сама скульптурная реконструкция — экспертизой. Однако судебная практика не признает портретную реконструкцию экспертизой, рассматривая ее только как искусство, как художественную работу¹⁰⁵. И сам М. М. Герасимов — автор метода скульптурной реконструкции — признавал, что “портретная реконструкция — это задача построения лица по черепу с очень многими неизвестными, и наша цель — решить ее с наибольшим приближением, т.е. с минимальной ошибкой” (разрядка наша — **Р. Б.**)¹⁰⁶. Поэтому в споре В. В. Романова с И. М. Лузгиным по поводу доказательственного значения портретной реконструкции¹⁰⁷ мы на стороне последнего, считавшего, что скульптурные портреты, выполненные по методу Герасимова, не могут быть использованы для экспертного отождествления личности¹⁰⁸.

¹⁰³ Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973, с. 266.

¹⁰⁴ Романов В. В. Использование композиционных портретов при расследовании преступлений. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Минск, 1973, с. 9.

¹⁰⁵ Определение уголовно-судебной коллегии Верховного Суда СССР от 18 октября 1941 г.; излагается по работе: Гродзинский М. М. Кассационное и надзорное производство в советском уголовном процессе М., 1949, с. 194.

¹⁰⁶ Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу. — Труды Института этнографии АН СССР, новая серия, т. XXVIII. М., 1955, с. 19.

¹⁰⁷ Романов В. В. Указ. автореферат, с. 9-10.

¹⁰⁸ Лузгин И. М. Методологические проблемы расследования. М., 1973, сс. 176-177.

От пластической реконструкции лица по черепу следует отличать изготовление посмертных масок и слепков с отдельных частей тела и элементов внешности. Н. Н. Лысов по этому поводу полагает, что «если отнестись маски, выполненные в процессе следственных действий к разновидностям слепков, их можно рассматривать как приложения к соответствующим протоколам следственных действий, имеющие значение производных вещественных доказательств. Общеправовой режим приобщенных к делу масок характеризуется тем, что их получение и осмотр обусловлены результатами протокола осмотра трупа или расчлененных частей тела... Можно утверждать, что результаты применения такого метода фиксации, метода криминалистического установления личности умерших, погибших или убитых, как изготовление масок, являются источниками доказательственной информации, имеющими самостоятельное доказательственное значение. При этом... маски являются копиями лица (оригинала) и, несомненно, относятся к разновидностям слепков»¹⁰⁹. Такие маски, в отличие от скульптурных портретов, выполненных по методу Герасимова, вполне могут быть использованы для отождествления личности.

Реконструкция как прием предметной фиксации. Наша точка зрения не реконструкцию как тактический прием производства следственного действия уже была изложена ранее. Здесь же представляется целесообразным рассмотреть реконструкцию как прием фиксации информации.

И. М. Лузгин определял реконструкцию как «воссоздание первоначального состояния обстановки или отдельного объекта, его частных признаков с целью решения задач расследования»¹¹⁰. На базе этого определения его ученик В. В. Куванов предложил более детальную формулу реконструкции: «Криминалистическая реконструкция представляет собой процесс воссоздания существенных, с точки зрения задач

¹⁰⁹ Лысов Н. Н. Указ. автореферат, с. 48.

¹¹⁰ Лузгин И. М. Методологические проблемы расследования, с. 167. Аналогично или с незначительными вариациями определял следственную реконструкцию И. М. Лузгин и в других работах — см. Лузгин И. М.:

- Расследование как процесс познания. М., 1969;
- Метод реконструкции в следственной практике. — Соц. законность, 1970, №7;
- Моделирование на службе следствия. — Сов. милиция, 1970, № 7;
- Реконструкция как разновидность моделирования в расследовании преступлений. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью, вып. 13. М., 1971;
- Реконструкция как один из методов установления способа совершения преступлений. — В кн.: Криминалистический сборник. Рига, 1972.

расследования, признаков отсутствующего или изменившегося объекта (оригинала), связанного с изучаемым событием, по описаниям, изображениям или вещественным остаткам, в результате которого получают подобный оригиналу материальный объект, являющийся источником доказательственной информации и используемый взамен оригинала при проведении следственных действий либо судебных экспертиз¹¹¹.

В этом определении речь идет о реконструкции как условии или приеме проведения следственного действия, когда объект воссоздается следователем или иным лицом по его поручению **по уже зафиксированной** доказательственной информации (описания, изображения, вещественные остатки, т.е. предметы). Такая реконструкция, с нашей точки зрения, не играет роли приема предметной фиксации доказательственной информации. Эту роль реконструкция выполняет лишь тогда, когда объект реконструируется при непосредственном участии источника доказательственной информации и на основе этой информации, получаемой в процессе реконструкции. Незачем доказывать, что такая передача и фиксация информации должны осуществляться обязательно в рамках предусмотренных законом следственных действий. Чаще всего это, по терминологии И. М. Лузгина, макетная реконструкция или подбор предметов-аналогов, совпадающих по тем или иным свойствам с предметом-оригиналом, или натурная (В. В. Куванов) реконструкция. О макетировании как приеме фиксации доказательственной информации, помимо упоминавшихся авторов писал Я. Г. Цыпарский¹¹², о натурной реконструкции, используемой в этих же целях, — Я. Г. Цыпарский, М. В. Салтевский, В. Д. Зеленский¹¹³ и др. Разумеется,

¹¹¹ **Куванов В. В.** Реконструкция при расследовании преступлений. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1972, с. 5; **Куванов В. В.** Реконструкция при проведении криминалистических экспертиз. Караганда, 1974, с. 13.

¹¹² **Цыпарский Я. Г.** Макетирование в ходе воспроизведения обстановки и обстоятельств события. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 5. Киев, 1968.

¹¹³ **Цыпарский Я. Г.** Некоторые приемы реконструкции на месте происшествия для воспроизведения обстановки и обстоятельств события. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 2. Киев, 1966; **Салтевский М. В.** О приемах восстановления материальной обстановки в следственной практике. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 8. Киев, 1971; **Зеленский В. Д.** Криминалистическая реконструкция. — В кн.: Вопросы теории и практики предварительного следствия в органах внутренних дел. Саратов, 1973.

В интерпретации В. Д. Зеленского, предложившего даже проект нормы закона о следственной реконструкции, последняя вообще существенно не отличается
см. след. стр.

макетирование как прием фиксации доказательственной информации не следует смешивать с макетированием как приемом решения задач экспертного исследования¹¹⁴.

Получение образцов для сравнительного исследования как прием предметной фиксации информации. Среди объектов судебной экспертизы закон выделяет специфическую категорию объектов, которые и в теории, и в практике получили название образцов для сравнительного исследования.

Образец — это прежде всего материальный объект. Сравнительное исследование в процессе экспертизы предполагает в качестве обязательного условия наличие именно материальных объектов сравнения, признаки которых могут быть восприняты не только экспертом, но и иными участниками процесса, объектов, доступных для восприятия, анализа и оценки каждым из этих участников. Поэтому не является образцом мысленный образ объекта, сохраняющийся в памяти свидетеля или потерпевшего и сравниваемый им с предъявленным ему при опознании материальным объектом. Этот образ недоступен для постороннего наблюдателя.

В зависимости от содержащейся в них информации мы подразделили образцы на две группы: 1) отражающие фиксированные признаки иного объекта и 2) образцы, отражающие свои собственные признаки¹¹⁵.

Первая группа образцов используется преимущественно в криминалистической идентификационной экспертизе. Фиксированность отражения, носителями которого они являются, означает его относительную устойчивость, его закрепление на данном объекте. Длительность закрепления должна обеспечивать возможность процесса сравнения, должна быть по своей продолжительности не менее, чем длительность этого процесса, а практически должна обеспечивать и возможность такого сравнения в любой момент производства по данному делу.

В процессе криминалистической идентификации такие образцы играют роль идентифицирующих объектов. Представляя собой фиксиро-

от воспроизведения обстановки и обстоятельств события, как именовали следственный эксперимент некоторые УПК союзных республик.

¹¹⁴ **Дворянский И. А., Куванов В. В.** Реконструкция при производстве судебно-баллистических исследований по установлению обстоятельств выстрела. — В кн.: Экспертиза при расследовании преступлений, вып. 9. Вильнюс, 1971.

¹¹⁵ **Белкин Р. С.** Новый УПК РСФСР и некоторые вопросы науки советской криминалистики. — В кн.: Сборник статей по новому уголовному и уголовно-процессуальному законодательству. М., 1961, с. 59.

ванное отражение признаков другого объекта, они служат целям его отождествления, выделения его из множества ему подобных, которые не оставляли своих признаков на образце, не связаны с ним причинно. Однако в процессе идентификации образец играет лишь роль связующего звена, помогая установить зависимость между главными объектами идентификации: идентифицируемым объектом и тем идентифицирующим объектом, установление происхождения которого от идентифицируемого объекта составляет задачу экспертизы. Определяющий признак образцов этой группы — несомненность их происхождения от идентифицируемого объекта. Процесс получения таких образцов с информационной точки зрения представляет собой процесс переноса информации с ее источника — идентифицируемого объекта — и закрепления ее в виде материально-фиксированного отображения. Перекодировки информации при этом не происходит, она продолжает существовать в прежнем закодированном виде.

Таким образом, получение образцов первой группы представляет собой в рассматриваемом нами аспекте прием предметной фиксации информации, перенесенной на них с объекта-носителя.

Образцы второй группы такой информации не несут. Они представляют интерес для следствия с точки зрения их собственных признаков. Эти объекты не являются результатом взаимодействия с идентифицируемым объектом и обычно служат для установления сходства с ними исследуемых объектов. При получении таких образцов процесса переноса и закрепления перенесенной информации не происходит, поэтому их получение нельзя рассматривать как прием предметной фиксации информации. Информация же о самом факте и процессе их получения закрепляется, как и при получении образцов первой группы, в вербальной форме — в протоколе получения образцов. О закреплении информации, содержащейся в образцах второй группы, можно говорить не в процессуальном, а в чисто техническом аспекте — как о мерах по сохранению (консервации) самих объектов в том виде, который обеспечивает извлечение из них нужной информации.

Возникает вопрос: какую информацию содержат образцы, является ли эта информация доказательственной, а применительно к образцам первой группы — какая информация закрепляется их получением? Ответ на этот вопрос равносителен ответу на вопрос о доказательственном значении образцов. По этому поводу существуют различные мнения.

А. Образцы — вещественные доказательства. Эта точка зрения наиболее полно выражена Г. Б. Карновичем, который считал, что “все образцы, взятые для сравнительного исследования, то есть для проведения экспертизы, независимо от того, являются ли они образца-

ми крови, образцами письма, ткани или других объектов, должны рассматриваться как вещественные доказательства со всеми вытекающими из этого последствиями¹¹⁶. Этот вывод Г. Б. Карнович аргументировал тем, что если предметы-образцы не считать вещественными доказательствами, то, по его мнению, фактически перестанут быть вещественными доказательствами и те документы и предметы, которые надлежит сопоставить с этими образцами, так как они приобретают доказательственное значение именно потому, что устанавливается их сходство или несходство с предметами-образцами.

Позиция Г. Б. Карновича представляется неправильной по следующим основаниям. Образцы имеют иное происхождение, нежели вещественные доказательства. Они не создаются исследуемым событием, не имеют с ним непосредственной связи. Эта связь неповторима, ибо событие преступления уже в прошлом и само по себе не воспроизводимо; эта связь индивидуальна, поскольку, как всякое явление, она тождественна только сама себе. Такой же предмет, как вещественное доказательство, не будет также вещественным доказательством, так как не связан с событием преступления, а сходство материальное еще не определяет и не означает сходства процессуального.

Неверно также считать, что доказательственное значение того или иного предмета прямо зависит от того, признаем ли мы доказательством тот образец, с которым этот предмет будет сравниваться. Доказательственное значение объекта исследуемого происхождения зависит вовсе не от сходства или несходства его с образцом, а от его происхождения, причинно связанного с событием преступления. Доказательственное значение объекта не определяется тем, сравнивался или нет он с образцом, оно лишь выявляется и оценивается при этом сравнении.

Б. Образцы для сравнительного исследования — не вещественные доказательства, они имеют самостоятельное значение как средства доказывания, то есть заключенная в них информация имеет самостоятельное доказательственное значение. Такой точки зрения придерживались А. И. Винберг, Г. И. Кочаров, Г. М. Миньковский¹¹⁷, Н. В. Терзиев¹¹⁸, В. А. Жбанков¹¹⁹ и некоторые другие авторы.

¹¹⁶ Карнович Г. Б. К вопросу о классификации вещественных доказательств. — В кн.: Советская криминалистика на службе следствия, вып. 8, М., 1956, с. 18.

¹¹⁷ Винберг А. И. Образцы для сравнительного исследования. — В кн.: Практика применения нового уголовно-процессуального законодательства. М., 1962; Винберг А. И., Кочаров Г. И., Миньковский Г. М. Актуальные вопросы теории судебных доказательств в уголовном процессе. — Соц. законность, 1963, см. след. стр.

Мнение о том, что образцы, отличаясь принципиально от вещественных доказательств, представляют собой самостоятельную категорию объектов, было высказано нами¹²⁰ в 1961 г. Однако наша позиция отличается от позиции А. И. Винберга и других указанных авторов: мы не считаем, что образцы с момента их получения несут доказательственную информацию, являются средством доказывания по делу.

Служебная роль образцов заключается в том, что они служат связующим звеном между объектом исследуемого происхождения и объектом, в отношении которого решается вопрос о тождестве или групповой принадлежности. Информация, содержащаяся в образце, носит вспомогательный характер, как средство выявления и оценки доказательственной информации, заключенной в объекте, с которым сравнивается образец, — в вещественном доказательстве. Только в этом качестве она и фигурирует в заключении эксперта, наряду с другими средствами экспертного исследования, которые сами по себе доказательственного значения не имеют; доказательственное значение имеют только выводы эксперта, полученные в результате их применения. Поэтому информацию, содержащуюся в образцах для сравнительного исследования, мы именуем вспомогательной.

Наглядно-образная форма фиксации доказательственной информации позволяет запечатлеть чувственно воспринимаемый образ объекта либо его признаки и свойства, недоступные для обычного непосредственного восприятия. Приемами наглядно-образной формы фиксации являются фотографирование, кино съемка и видеозапись. Основным признаком этой формы фиксации доказательств — **нагляд-**

№ 3; **Винберг А. И.** Производные вещественные доказательства и образцы для сравнительного исследования в советском уголовном процессе. — Соц. законность, 1966, № 3.

¹¹⁸ **Терзиев Н. В.** Идентификация и определение родовой (групповой) принадлежности. М., 1961.

¹¹⁹ См. **Жбанков В. А.:**

- Образцы для сравнительного исследования в уголовном судопроизводстве. М., 1969;
- Получение образцов для сравнения при экспертном отождествлении орудий взлома и огнестрельного оружия по их следам. М., 1971;
- Получение образцов для сравнительного исследования. М., 1992.

¹²⁰ **Белкин Р. С.** Новый УПК РСФСР и некоторые вопросы науки советской криминалистики, с. 158. Аналогичную позицию занимал и Н. А. Селиванов (**Селиванов Н. А.** Вещественные доказательства. М., 1971, с. 13). Наше мнение о служебной роли образцов разделяет С. А. Шейфер (см. **Шейфер С. А.** Указ. работа, с. 45).

ность результатов фиксации. В философии под наглядностью понимают “свойство отражения действительности в форме чувственно-конкретных образов”¹²¹, причем считается, что “наглядными являются не только зрительные, но и любые другие чувственные восприятия материальных объектов”¹²².

Философское понимание наглядности включает в себя и более узкое, семантическое толкование этого термина, когда он связывается лишь с визуальным (зрительным) восприятием объекта. Именно в этом смысле мы говорим о наглядности применительно к рассматриваемой форме фиксации доказательств. Все приемы наглядно-образной формы фиксации обеспечивают наглядность, позволяя запечатлеть либо то, что было доступно для субъекта фиксации при непосредственном визуальном восприятии объекта в натуре, либо те его признаки и свойства, которые стали доступны для такого восприятия после применения соответствующих средств фиксации.

Фотографирование (фотосъемка) в настоящее время — наиболее распространенный прием наглядно-образной формы фиксации. Это объясняется большей по сравнению с другими приемами доступностью, простотой и дешевизной фотографических процессов и аппаратуры, практической достаточностью в большинстве случаев применения фотосъемки для достижения целей фиксации.

На фиксацию доказательственной информации, как одну из целей судебной фотографии, есть указания во всех определениях этой отрасли криминалистической техники. Уже в первом определении судебной фотографии в советской криминалистической литературе, предложенном С. М. Потаповым, говорилось, что она применяется для “представления суду наглядного доказательственного материала”¹²³. Впоследствии Н. А. Селиванов выразил эту цель фотосъемки более полно: “Судебно-оперативная фотография — это система видов фотографической съемки, применяемой в предварительном следствии для запечатления материальных данных, имеющих доказательственное значение, и

¹²¹ **Штофф В. А.** О роли моделей в квантовой механике. — Вопросы философии, 1958, № 2, с. 73.

¹²² **Штофф В. А.** Моделирование и философия. М.-Л., 1966, с. 276.

¹²³ **Потапов С. М.** Судебная фотография. М., 1926, с. 5. Свое определение судебной фотографии С. М. Потапов сохранил без изменений в последующих (1936, 1948) изданиях этой книги. На эту же цель фотосъемки указывал Н. Д. Вороновский (**Вороновский Н. Д.** Судебная фотография. М., 1939).

для исследования вещественных доказательств в следственно-оперативных целях”¹²⁴.

Достоинства фотосъемки как метода фиксации доказательств заключаются в следующем:

1. Фотосъемка обеспечивает быстроту фиксации объекта.
2. Фотосъемка обеспечивает полноту и наглядность результатов фиксации. Свыше ста лет назад П. В. Макалинский писал по этому поводу: “Как бы ни был добросовестен и тщателен осмотр, как бы он ни был ясно, последовательно, картинно и даже художественно изложен, описание никогда не может дать того наглядного представления, как фотография”¹²⁵.
3. Фотосъемка обеспечивает объективность и точность фиксации. Фотографическое изображение лишено того субъективного отношения к фиксируемому объекту, которое всегда в той или иной степени наличествует в описании.
4. Фотосъемка позволяет фиксировать недоступные для визуального различения цветовые оттенки, выявлять и фиксировать невидимое для человеческого глаза.

Эти достоинства фотосъемки в известной степени компенсируют ее недостатки как средства фиксации: плоскостной характер отображения, в некоторых случаях перспективные искажения, возможную некачественность снимка, ограниченность цветопередачи при черно-белом изображении и некоторые другие.

В результате развития судебной фотографии, разработки новых средств и приемов фотографирования эти ее недостатки как средства фиксации могут быть полностью или в значительной части устранены.

Уже в первые годы после Великой Отечественной войны И. И. Сафроновым были предприняты исследования в области применения сте-

¹²⁴ **Селиванов Н. А.** Судебно-оперативная фотография. М., 1955, с. 18. С большими вариациями это определение повторялось затем в работах: **Полевой Н. С., Устинов А. И.** Судебная фотография и ее применение в криминалистической экспертизе. М., 1960; **Селиванов Н. А., Эйсмэн А. А.** Судебная фотография, М., 1965; Судебная фотография (под ред. А. В. Дулова). Минск, 1971.

¹²⁵ **Макалинский П. В.** Практическое руководство для судебных следователей. Часть 2. СПб., 1871, с. 199.

Об этом же писал и известный русский процессуалист **Л. Е. Владимиров**: “Описание места происшествия и вообще всего, что осталось вещественного от совершившегося события, никогда не даст такого ясного представления, как фотография” (Учение об уголовных доказательствах. СПб., 1910, с.90).

реоскопии в криминалистике¹²⁶. Впоследствии они были продолжены под руководством А. И. Винберга на кафедре криминалистики Высшей школы МВД СССР (Н. И. Герасимов, В. П. Абросимов, С. П. Иванов и В. Г. Коломацкий)¹²⁷. В результате был создан комплекс стереофотоаппаратуры, обеспечивающий объемность отображения фиксируемого объекта. Ахиллесовой пятой многих методов стереоскопической съемки является необходимость применения специальных средств воспроизведения стереоскопического эффекта (очки, растровые экраны, стереоскопы). Это затрудняет использование стереоснимков в судебном заседании. Можно полагать, что решение проблемы станет возможным при использовании для получения объемных изображений голографии, но применение ее в целях фиксации доказательств, а также в уголовной регистрации пока находится в стадии эксперимента¹²⁸.

Разработка способа цветной фотографии на трехслойных цветных фотоматериалах с цветным проявлением сразу же была оценена в криминалистике¹²⁹. Открылись перспективы отображения на фотоснимке такого важного признака фиксируемого объекта, как цвет, имеющего зачастую серьезное доказательственное значение. Как правильно отмечал В. Г. Коломацкий, с этой точки зрения все цветные объекты можно условно разделить на две основные категории: а) объекты, цвет которых является идентификационным признаком независимо от конкретных обстоятельств дела (труп и повреждения на нем, похищенные вещи, обнаруженные при обыске, и т. д.); б) объекты, цвет которых имеет доказательственное значение только в связи с конкретными условиями расследования данного дела (части предметов при установлении по ним целого, окрашенные частицы на орудиях преступления и в следах от орудий преступления и др.)¹³⁰.

Наконец, применение специальной оптики, фотосъемка объекта с разных сторон позволяют устранить перспективные искажения¹³¹.

Однако у фотосъемки как средства фиксации доказательственной информации есть еще один, органически присущий ей недостаток: с ее

¹²⁶ **Сафронов И. И.** Стереоскопия и измерительная фотография в криминалистике и судебной медицине. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1949.

¹²⁷ **Коломацкий В. Г.** Стереоскопическая фотография как средство фиксации и исследования судебных доказательств. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1967.

¹²⁸ Бурное развитие в последние годы компьютерной цифровой фотографии открывает в этой области новые, многообещающие перспективы.

¹²⁹ **Манцетова А. И.** Применение цветной фотографии в криминалистике. — В кн.: Советская криминалистика на службе следствия, вып. 1. М., 1951.

¹³⁰ **Коломацкий В. Г.** Цветная фотография в криминалистике. М., 1969, с. 5.

¹³¹ **Селиванов Н. А., Эйман А. А.** Судебная фотография. М., 1965, с. 6.

помощью нельзя запечатлеть динамику процесса, она дает только статическое отображение фиксируемого объекта¹³². Этим качеством обладают кино- и видеосъемка.

Киносъемка как средство фиксации доказательственной информации получила «права гражданства» в 1966 г. До этого времени применение ее, как и звукозаписи, носило нерегламентированный законом характер, осуществлялось в произвольной форме, а признание доказательственного значения ее результатов не было всеобщим.

Помимо того, что с помощью киносъемки можно зафиксировать динамику процесса, этот прием фиксации обладает и другими достоинствами. Применение киносъемки позволяет зафиксировать и впоследствии изучить недоступные для человеческого восприятия процессы, явления, протекающие либо слишком быстро, либо слишком медленно. Демонстрация кинофильма в судебном заседании создает эффект присутствия, что способствует восприятию зафиксированной информации¹³³. Это отнюдь не означает, что киносъемка должна вытеснить при фиксации доказательств фотографию. Как правильно указывали авторы работы «Применение киносъемки при расследовании», киносъемку нельзя определять как метод, дающий органам расследования более широкую и полезную информацию, нежели фотосъемка¹³⁴. В зависимости от специфики фиксируемого объекта «более совершенной» окажется то фотосъемка, то киносъемка.

По закону фотоснимки и кинофильмы как результат фиксации доказательственной информации прилагаются к протоколам соответствующих следственных действий. Мы уже останавливались на анализе понятия приложений к протоколу следственного действия и полагаем, что все сказанное относится и к фотоснимкам и кинофильмам. То, что они прилагаются к протоколу следственного действия, в котором содержит-

¹³² Современные фотоаппараты, особенно цифровые, позволяющие делать серию снимков с заданным интервалом, в определенной степени способны сглаживать этот недостаток, но быстрое развитие видеоаппаратуры делает всю эту проблему менее актуальной.

¹³³ **Найдис И., Владимиров С.** Кинодокументы в судебном процессе. — Соц. законность, 1963, № 12; **Полевой Н.** Кинодокументы как судебные доказательства. — Там же, 1963, № 4; **Митрус Е. А.** Применение кинематографических средств в расследовании преступлений. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 3. Киев, 1966; **Найдис И. Д.** Применение киносъемки при расследовании преступлений и использование кинодокументов как источников уголовно-судебных доказательств. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1967; **Салтеевский М. В., Гапонов Ю. С.** Вопросы судебной фотографии и киносъемки. Киев, 1974.

¹³⁴ **Николайчик В. М.** и др. Применение киносъемки при расследовании. М., 1967, с. 7.

ся описание условий съемки, ее объектов, применявшейся аппаратуры и приемов съемки, не лишает их значения источника доказательственной информации, зафиксированной в наглядно-образной форме.

Фотоснимки и кинофильмы, как и фонозаписи, не являются частями протокола, имеющими чисто иллюстративное значение. Н. А. Селиванов справедливо отмечал, что протокол и фотоснимок по своей природе — это различные носители информации¹³⁵. Различие обуславливает возможность использования фотоснимка, кинофильма в качестве источника доказательств, о чем еще в 1955 г. писал А. И. Винберг¹³⁶. Л. Н. Гаверилов правильно писал, что нет никаких оснований делить фотоснимки, получаемые в процессе производства следственных действий, на снимки, имеющие доказательственное значение, и снимки, являющиеся только иллюстрацией протокола¹³⁷. И те и другие с процессуальной и криминалистической точек зрения равноценны и содержат зафиксированную доказательственную информацию.

Неясную позицию по рассматриваемому вопросу занял В. М. Галкин. С одной стороны, он не считал «самостоятельными» источниками доказательства фотоснимки, киноленты и звукозаписи, а с другой стороны, писал, что они носят, «выражаясь условно, контрольный по отношению к протоколу характер»¹³⁸. Но известно что в процессе доказывания оценка доказательств и их источников возможна только с помощью доказательств же. «Контрольный» характер фотоснимки и подобные объекты по отношению к протоколу могут иметь только в том случае, если они равноценны ему в процессуальном отношении.

Для использования киносъемки в качестве средства фиксации мало упоминания о ее производстве в протоколе соответствующего следственного действия. А. М. Трофимов обоснованно предлагает составлять

¹³⁵ **Селиванов Н. А.** Основания и формы применения научно-технических средств и специальных знаний при расследовании преступлений. — В кн.: Вопросы криминалистики, вып. 12. М., 1964, с. 23.

¹³⁶ **Винберг А. И.** Доказательственное значение фотоснимков и специальных видов копий в советском уголовном процессе. — В кн.: Советская криминалистика на службе следствия, вып. 6. М., 1955. Аналогичную позицию занимал И. А. Петраускас (см. **Петраускас И. А.** Некоторые вопросы применения фотографии и киносъемки в уголовном процессе. — В кн.: Экспертиза при расследовании преступлений, вып. 4. Вильнюс, 1965; **Петраускас И. А.** Вопросы применения киносъемки в следственной практике. — В кн.: Криминалистика на службе следствия. Вильнюс, 1967).

¹³⁷ **Гаверилов Л. Н.** Применение специальных фотографических приемов и методов при производстве следственных действий. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Л., 1965, с. 14.

¹³⁸ **Галкин В. М.** Средства доказывания в уголовном процессе. Часть 1. М., 1967, с. 46.

специальный протокол просмотра кинофильма, в котором отражается результат монтажной обработки киноматериала¹³⁹.

Все сказанное о процессуальной природе фотоснимков и кинофильмов распространяется, на наш взгляд, и на видеоманитофонные записи.

Видеосъемка как прием фиксации доказательственной информации стала применяться сравнительно недавно. Еще в 70-е гг. видеоманитофон считался технической новинкой и только начиналось обсуждение возможностей его использования в следственной практике как средства фиксации доказательств¹⁴⁰.

Хотя проблемы судебной видеозаписи пока мало разработаны, имеет смысл остановиться на ее определении. Е. П. Ищенко считал, что «судебно-документальная видеозапись — это записанное в ходе расследования на магнитную ленту звуковое телевизионное изображение, запечатлевшее существенную для установления истины по делу образную и звуковую информацию и надлежащим образом процессуально оформленное»¹⁴¹. По поводу этого определения можно заметить, что оно неточно в одном: записывается не телевизионное изображение, а реальная действительность. Правильнее, на наш взгляд, считать судебную видеозапись запечатлением на магнитную ленту образной и звуковой доказательственной информации.

Видеозапись сочетает простоту фотографии, динамику кинематографического изображения и достоинства звукозаписи перед «немыми» отображениями объектов фиксации. Стремительное развитие видеопаратуры, особенно цифровой, открывает перед этим способом фиксации доказательственной информации широкие, соблазнительные перспективы¹⁴².

¹³⁹ Трофимов А. М. Киносъемка как средство фиксации судебных доказательств; Трофимов А. М. Виды кинодокументов и их процессуальное оформление. — Труды ВСШ МВД СССР, вып. 3. Волгоград, 1970.

¹⁴⁰ Ряшев В. Видеоманитофон — в помощь следователю. — Соц. законность, 1971, № 9.

¹⁴¹ Ищенко Е. П. Применение синхронной записи звука и изображения при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1974, с. 12.

¹⁴² Здесь уместно вспомнить, что мы писали по этому поводу в первом издании настоящего Курса: «...несмотря на ее известные преимущества перед другими приемами наглядно-образной формы фиксации, видеозапись, как средство фиксации, имеет и не менее существенные недостатки, которые не позволяют (во всяком случае в настоящее время) говорить о замене ею фотосъемки. Разрешающая способность видеоленты ниже, чем киноплёнки; при видеоманитонной записи невозможно получить большую глубину резкости, а это приводит к см. след. стр.

4.5. Перспективы развития криминалистического учения о фиксации доказательственной информации

Перспективы развития криминалистического учения о фиксации доказательственной информации связаны с развитием технических средств и приемов фиксации и расширением круга объектов-носителей доказательственной информации, которые вовлекаются в сферу доказывания и начинают в ней использоваться.

Развитие средств и приемов фиксации доказательств. Здесь в первую очередь следует отметить развитие экспрессных средств и приемов фиксации. В этой связи можно продолжить характеристику видеозаписи, которая может быть отнесена к числу экспрессных средств фиксации. Материалы видеозаписи могут быть воспроизведены сразу же после съемки; они не требуют никакой последующей обработки для выявления зафиксированной в них информации. Видеозапись может быть оперативно передана по телевизионным каналам¹⁴³. Кроме того, представляется возможным немедленно установить некачественность видеозаписи и тут же повторить ее.

В последнее время известное распространение получили так называемые **одноступенные фотопроцессы**, при которых происходит либо одновременное образование негативного и позитивного изображений, либо отсутствует негативная стадия. Можно согласиться с М. А. Филипповой, которая считала, что "наиболее перспективным для развития экспрессных методов судебной фотографии является использование фотопроцессов на галогенидосеребряных материалах, в частности контактно-диффузионного процесса и основанных на них фотоаппара-

тому, что плохо передаются предметы на средних и задних планах; видеоаппаратура более громоздка, сложна и дорога, чем фотографическая; демонстрация записи для большой аудитории затруднительна вследствие малых размеров обычных телеэкранов..." (т. 2, с. 138). Технический прогресс, однако, заставляет быть менее категоричным в суждениях: все эти проблемы практически сняты, а сам процесс видеосъемки стал технически достаточно несложен и получил широкое распространение.

¹⁴³ **Горинов Ю. А., Скоромников К. С.** Видеозапись при расследовании преступлений. М., 1975; **Макаров И. В., Скоромников К. С.** Видеомагнитофонная запись — новый метод фиксации доказательств. — Труды ВШ МВД СССР, вып. 34. М., 1972; **Салтевский М. В., Лысов Н. Н.** Криминалистическая фотография, кинематография и видеозапись в правоохранительной деятельности. Киев, 1993.

тов¹⁴⁴ (“Поляроид” и др.). В качестве подхода к проблеме внедрения экспрессных методов М. А. Филиппова предлагает рассматривать применение экспрессных методов обработки фотоматериалов, дающих возможность получить результат, готовый к процессуальному удостоверению, уже в ходе данного следственного действия¹⁴⁵. Перспективным является развитие и химических экспрессных методов, подобных экспресс-методу проявления следов нингидрином.

Перспективно развитие средств и приемов **объемной фиксации**. Помимо названной уже стереофотографии, следует упомянуть голографию, позволяющую зафиксировать значительный объем информации о запечатлеваемом объекте¹⁴⁶, а также профилографирование.

Наконец, отметим средства и приемы выявления и **фиксации невидимого**, разработке которых в криминалистике уделяется известное внимание: рентгенографии, гаммаграфии, фотоэлектроннографии и др.¹⁴⁷.

Расширение круга фиксируемых объектов. К числу таких объектов можно отнести, в первую очередь, микроследы или микрочастицы.

Известно, что мелкие частицы вещества, такие, например, как пыль, волокна и т. д., издавна привлекали внимание криминалистов¹⁴⁸. Совершенствование же и распространение различных оптических и аналитических средств и методов поставили на повестку дня вопрос об обнаружении и фиксации таких объектов, которые недоступны невооруженному глазу или иным органам чувств человека. А. Н. Копьева в этой связи замечала, что в криминалистической литературе отсутствует четкое определение микроследа, не проведено границы между микроследами и мелкими вещественными доказательствами. Она предлагала считать микроследами “невидимые материальные образования, объекты любого агрегатного состояния, которые могут находиться на

¹⁴⁴ **Филиппова М. А.** Экспрессные методы фиксации фактических данных на предварительном следствии. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. 1975, с. 17.

¹⁴⁵ Там же, с. 19.

¹⁴⁶ **Силкин П. Ф.** Сущность криминалистической фотографии как средства передачи доказательственной информации. — Труды ВШ МВД СССР, вып. 34. М., 1972, с. 169; **Пальский Е. Б.** Фиксация вещественных доказательств. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1971, сс. 21-22.

¹⁴⁷ **Гаврилов Л. Н.** Применение специальных фотографических приемов и методов при производстве следственных действий. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Л., 1965.

¹⁴⁸ См., например, **Елиссеев А. А.** Пыль и грязь как улика. — Соц. законность, 1937, № 12. О криминалистическом значении пыли писали Г. Гросс, Э. Локар, А. Рейсс и другие.

предметах, в воздухе, в воде, в почве, в организме человека и т. д. Если же речь идет о мельчайших частицах веществ, которые могут быть обнаружены невооруженным глазом или при помощи простейшей техники, например, лупы, то, по-видимому, здесь мы будем иметь дело не микроследом, а с обычным вещественным доказательством, но очень маленького размера”¹⁴⁹.

Думается, что концепция А. Н. Копьевой заслуживает обсуждения. Рационально также и ее предложение именовать пробами изымаемые следователем для последующего анализа на предмет обнаружения микроследов некоторые количества воды, воздуха, почвы. Изъятие таких проб представляет собой один из приемов предметной фиксации, применение которого находит, разумеется, отражение в протоколе осмотра или другого следственного действия. Применительно к предмету настоящей главы интерес представляет проблема сохранения (консервации) в исходном состоянии некоторых видов этих проб, и особенно таких трудно сохраняемых, как пробы воздуха — запаховые пробы.

В 1965 г. А. И. Винберг, М. Г. Майоров, Р. М. Тодоров, В. В. Безруков¹⁵⁰ опубликовали результаты своих экспериментов по отбору запаховых проб и консервации запахов. Свой метод консервации и последующего использования запаховых проб в следственной и розыскной практике они назвали криминалистической одорологией. Научному обоснованию метода и рекомендациям по его использованию в практике борьбы с преступностью был посвящен ряд статей¹⁵¹. Однако впоследствии предложения А. И. Винберга и его коллег стали предметом острой дискуссии, в ходе которой противники метода возражали не только против использования запаховых проб в следственной практике, но и против самой процедуры их отбора и сохранения¹⁵². Не останав-

¹⁴⁹ **Копьева А. Н.** Процессуальный режим микроследов нуждается в разработке. — Сибирские юридические записки, вып. 4. Иркутск-Омск, 1974, с. 192.

¹⁵⁰ **Безруков В.** и др. Новое в криминалистике. — Соц. законность, 1965, № 10.

¹⁵¹ **Винберг А. И.** Криминалистическая одорология. — В кн.: Криминалистика на службе следствия. Вильнюс, 1967; **Винберг А. И.** Криминалистическая одорология. — Соц. законность, 1971, № 11; **Самойлов Г. А.** Следы запаха: закономерности возникновения и их информационно-криминалистическое значение. — В кн.: Вопросы судебной экспертизы, вып. 12. Баку, 1971.

¹⁵² Против одорологии выступили М. С. Строгович, В. И. Шиканов, Н. Г. Алишунаст-Левина, Н. Н. Тарнаев (**Строгович М. С.** О криминалистической одорологии. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью. Иркутск, 1970; **Шиканов В. И.** К вопросу о сущности одорологического эксперимента и его месте в системе криминалистических методов. — Там же; **Алишунаст-Левина Н. Г., Шиканов** см. след. стр.

ливаясь на содержании этой дискуссии, поскольку она будет предметом рассмотрения в третьем томе Курса, отметим, что разработанные А. И. Винбергом и его соавторами методы консервации запахов, вопреки прогнозам противников одорологии, получают все большее распространение не только в розыскной деятельности, но и в следственной практике, и в системе уголовной регистрации. В современные комплекты технических средств работы со следами теперь неизменно включаются средства получения и сохранения запаховых проб, разрабатываются обоснования их использования. В России и некоторых других странах проводятся опыты по созданию и использованию своеобразных коллекций запаховых проб как разновидности криминалистического учета, разрабатываются материалы, хорошо адсорбирующие запахи и способные длительно сохранять их в неизменном виде.

Знание закономерностей возникновения доказательств позволяет определить условия, способствующие отражению в окружающей среде преступления, которое не удалось предотвратить. На этой основе практикуется применение технических средств, обеспечивающих возникновение материальных отражений события на теле и одежде преступника, на орудиях преступления, на предмете преступного посягательства. Это могут быть частицы различных химических веществ из блокирующих устройств, срабатывающих при посягательстве на заблокированный ими объект, как видимые невооруженным глазом (красящие вещества типа родамина), так и люминесцирующие. Это могут быть и запаховые «метки» — стойкие и в то же время специфические запаховые следы, образующиеся на одежде или обуви преступника при соприкосновении с заблокированным объектом. Все эти разновидности материальных «отпечатков» события при определенных ситуациях могут служить доказательством факта пребывания данного лица в конкретном месте или его определенных действий, связанных с преступным посягательством на

В. И. Об использовании собак-ищеек в следственной работе. — Там же; **Тарнаев Н. Н., Шиканов В. И.** Применение служебно-розыскных собак при расследовании преступлений. Иркутск-Чита, 1973). В защиту этого метода, кроме автора этих строк, высказались Г. М. Миньковский и А. А. Эйсман, Г. А. Самойлов, А. С. Соколов, О. Г. Гвахария (**Миньковский Г. М., Эйсман А. А.** Спорное и бесспорное в теории доказательств. — Соц. законность, 1971, № 11; **Самойлов Г. А.** Указ. статья; **Соколов А. С.** По поводу одной дискуссии. — Труды ВНИИСЭ, вып. 4, 1972; **Гвахария О. Г.** Криминалистическая одорология и теория информации. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 9. Киев, 1972; **Белкин Р. С.** Еще раз по поводу одорологии. — Следственная практика, 1975, № 106) и некоторые другие авторы.

конкретный предмет. Следовательно, возникает задача фиксации этой доказательственной информации. Она решается на практике применительно к регламентированным законом формам фиксации: протокольно удостоверяются факты наличия химических веществ на заблокированном объекте, подозреваемом лице, обнаруженных у него предметах. При этом возможно применение приемов предметной и наглядно-образной форм фиксации доказательственной информации. Задачей криминалистического учения о фиксации доказательственной информации в этой области является разработка рекомендаций и приемов фиксации микроследов подобного рода с тем, чтобы обеспечить их доказательственное значение в процессе расследования или использование содержащейся в них ориентирующей информации.

5. УЧЕНИЕ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕГИСТРАЦИИ

5.1. Развитие научных основ криминалистической регистрации

Учение о криминалистической регистрации относится к числу наименее разработанных частных криминалистических теорий, хотя исторически элементы этого учения зародились еще до консолидации криминалистических знаний в самостоятельную науку. Известно, что необходимость решения проблемы уголовной регистрации стимулировала разработку научных методов раскрытия и расследования преступлений, то есть само возникновение криминалистики. Организационное решение этой проблемы в первые годы после революции стало одной из причин создания первых технико-криминалистических подразделений советской милиции. В основе многих первых работ советских криминалистов лежала идея повышения эффективности системы уголовной регистрации и использования ее возможностей в борьбе с преступностью. Видимо, именно по этим причинам развитие этой криминалистической теории шло преимущественно в направлении разработки ее прикладных разделов — отдельных видов уголовной регистрации, объединяемых не единством их научных основ, а целями уголовной регистрации вообще. В сущности, еще и сейчас учение о криминалистической регистрации нельзя считать полностью сложившейся теорией. Представляется, что оно находится в процессе своего становления и учением может быть названо, скорее, исходя из перспектив развития этого важного раздела криминалистической науки, нежели по признаку его современного состояния.

Для того чтобы иметь представление о том, как формировались научные основы криминалистической регистрации, необходимо проследить, как определялся сам объект познания рассматриваемой теории — уголовная регистрация как специализированная система накопления,

хранения и передачи определенного рода информации, — как определялись цели функционирования этого объекта и его содержание.

Первое определение одного из видов уголовной регистрации в советской литературе содержится в работах И. Н. Якимова. Он пишет о регистрации преступников, под которой понимает “учет преступного элемента страны в целях изыскания наилучших способов борьбы с преступностью и обезвреживания самих преступников”¹. Другие виды регистрации он упоминает, но не определяет.

Методы или способы регистрации И. Н. Якимов разделил на основные — дактилоскопию, сигналетическую фотографию и словесный портрет — и вспомогательные (или вспомогательную систему регистрации). К числу последних он отнес: а) способы, устанавливающие преступное прошлое преступника (биография); б) способы, дающие возможность установить личность преступника, совершившего данное преступление (профессия и специальность) и в) способы, содействующие активному розыску преступника и установлению за ним наблюдения, когда он находится на свободе (учет и розыск). Всего таких способов И. Н. Якимов насчитал шесть: регистрация справок о судимости; регистрация преступников по преступным профессиям и по характеру преступной работы; регистрация их кличек и прозвищ; регистрация татуировок и физических примет; регистрация почерков преступников (вымогателей, поддельвателей, шантажистов); регистрация лиц, близких к преступникам и оказывающих им помощь, виновность которых трудно установить и которые “остаются только под подозрением” (скупщики краденого, притоносодержатели, укрыватели и др.)².

Характерна для этапа эмпирического развития советской криминалистики попытка И. Н. Якимова охарактеризовать научные основы уголовной регистрации. Он считал, что “все указанные способы регистрации — дактилоскопия, словесный портрет и сигналетическая фотография — в конечном счете покоятся на том эмпирическом положении, что каждому человеку свойственна физическая индивидуальность, благодаря коей его всегда можно отличить от других, хотя бы, на первый взгляд, и очень похожих на него людей. Кроме свойственной ему индивидуальности, человек в течение своей жизни приобретает еще ряд навыков и привычек, свойственных только ему одному, по коим его легко узнать (походка, манеры, жесты, почерк, автоматические движения,

¹ Якимов И. Н. Практическое руководство к расследованию преступлений. М., 1924, с. 6; Якимов И. Н. Криминалистика. М., 1925, с. 28.

² Якимов И. Н. Криминалистика. М., 1925, сс. 29, 97, 98.

голос, взгляд и т. д.). В результате все методы регистрации постольку верны и безошибочны, поскольку не доказана возможность полного физического тождества двух людей, чего для практических целей более чем достаточно”³.

Судя по известной нам литературе, вплоть до 1935 г. общие вопросы уголовной регистрации не подвергались исследованию. Оригинальная работа П. С. Семеновского “Дактилоскопия как метод регистрации” (1923) содержала научное обоснование лишь дактилоскопического метода регистрации (неизменность, индивидуальность и возможность классификации пальцевых узоров). Авторы первого коллективного советского учебника по криминалистике пришли к выводу, что основой классификации регистрационных систем являются элементы состава преступления: субъект, объект и преступное действие. Поэтому они подразделили регистрационные системы на три основные группы. К первой группе (системы, относящиеся к личности преступника) они отнесли дактилоскопию, словесный портрет и сигналетическую фотографию, а также “мало практикуемые виды регистрации”: особых примет, отпечатков ладоней, пофамильный учет судимых, привлекаемых к расследованию, разыскиваемых, отбывающих наказание и подвергаемых приводу, регистрацию кличек и прозвищ. Ко второй группе регистрационных систем (по признакам объекта преступления) были отнесены “парные” системы — предметов, добытых преступным путем, и алфавитного учета потерпевших, неопознанных трупов и лиц, пропавших без вести. В число систем третьей группы (по признакам преступного действия) вошли регистрации по роду преступлений и “категориям преступности”, по способам совершения преступлений и приемам преступного действия, по почерку⁴. Хотя эта классификация с точки зрения строгости оснований и не была безупречной, она, несомненно, способствовала упорядоченности системы регистрации. Ее последовательности придерживались и авторы учебника криминалистики 1938 г.

В этом учебнике мы встречаем научное обоснование регистрации по способу совершения преступления: индивидуальность психики людей, проявляющаяся во всей их деятельности. “Опыт показывает, — писал автор этого раздела И. Н. Якимов, — что это отражение психической индивидуальности на деятельность человека настолько велико, что он многое совершает по раз и навсегда избранному способу или приему, причем в некоторых случаях эта привычная, излюбленная повторяе-

³ Там же, сс. 30-31.

⁴ Криминалистика. М., 1935, сс. 29-30.

мость действий доходит до их “автоматизма”⁵. Из такого понимания основ этого вида регистрации логически делался вывод, что она особенно эффективна в отношении преступников-профессионалов, особенно преступников-“гастролеров”⁶.

Уголовно-правовых оснований классификации видов уголовной регистрации придерживались Б. М. Шавер и А. И. Винберг в первом издании своего учебника криминалистики для юридических школ (1940). В 1941 г. по проблематике уголовной регистрации были защищены две кандидатские диссертации: А. И. Князевым (“Уголовная регистрация”, Московский юридический институт) и Д. П. Рассейкиным (“Регистрация преступников в СССР”, Харьковский юридический институт). Первый из них придерживался уголовно-правовых оснований классификации видов регистрации, второй вернулся к классификации И. Н. Якимова⁷, доминировавшей с этого момента в криминалистической литературе вплоть до 1958 г.⁸

Насколько нам удалось проследить, впервые после И. Н. Якимова (спустя четверть века) определение уголовной регистрации предложил Н. В. Терзиев. С его точки зрения, “уголовная регистрация есть систематический документальный учет определенной категории лиц и некоторых объектов, имеющих криминалистическое значение, с целью их последующей идентификации и для наведения справок при расследовании преступлений”⁹. В сущности, только с этого времени определение уголовной регистрации становится атрибутом учебников по криминалистике. В 1963 г. появляется определение Б. И. Шевченко, который считал, что “уголовной регистрацией называется специальная система учета сведений о лицах, совершивших преступления, с целью организованно-

⁵ Криминалистика. М., 1938, с. 112.

⁶ Криминалистика. М., 1938, с. 113.

⁷ См.: Диссертации советских криминалистов (1938-1955). — В кн.: Советская криминалистика на службе следствия, вып. 8. М., 1956, сс. 130-132; Библиографический справочник диссертаций (сост. В. А. Рахлевский и К. Г. Борисов). Душанбе, 1965, сс. 282, 286.

⁸ **Винберг А. И., Шавер Б. М.** Криминалистика. Изд. 2-е. М., 1945; изд. 3-е (1949); изд. 4-е (1950); Советская криминалистика. М., 1958.

⁹ Советская криминалистика. М., 1958, с. 252. Через пять лет он изменил это определение и стал рассматривать уголовную регистрацию как “систематический учет определенных объектов и фактов, интересующих органы борьбы с преступностью” (Криминалистика. М., 1963, с. 203). В таком виде уголовная регистрация ничем не отличается от уголовной статистики и некоторых других статистических систем.

го использования этих сведений для расследования преступлений и их предупреждения”¹⁰.

Как в определении И. Н. Якимова, так и в последующих определениях Н. В. Терзиева и Б. И. Шевченко регистрация понималась как учет определенной информации. В 1966-67 гг. эти термины попытались поменять местами. Рассматриваемый раздел криминалистики в некоторых работах уже именуется “криминалистическим учетом”, который понимается как уголовная регистрация, осуществляемая в виде систематизированного письменного или иного учета определенных сведений об объектах, связанных с расследуемым событием, а также как систематизация и классификация собираемой информации в целях предупреждения и раскрытия преступлений¹¹.

Существенным оказалась не “победа” нового термина над старым, а она, кстати, была недолговечной¹², а то, что в эти годы сложилось иное представление об основах систематизации учетных данных. В качестве основ такой систематизации А. И. Винберг назвал классификацию не только регистрируемых объектов, но и их идентификационных признаков, и эта идея была плодотворной для последующей разработки проблем уголовной регистрации. Эти признаки А. И. Винберг разделил на три группы: 1) признаки анкетно-установочных данных; 2) признаки, отображающие внешнее строение объектов; 3) признаки, характеризующие навык человека¹³.

По нашему мнению, это был новый подход к проблеме регистрационной систематики, который поднял на качественно новую ступень уровень научных исследований в этой области криминалистики.

Тенденции нового подхода к решению вопросов уголовной регистрации проявились и в некоторых определениях уголовной регистрации, которые были сформулированы после 1966 г., и в раскрытии ее содержания, объектов, природы и сущности регистрационной информации.

В определении уголовной регистрации, предложенном А. Ю. Пересункиным в 1968-69 гг., нашли отражение взгляды В. П. Абросимова, И. В. Макарова и В. М. Шванкова, выразивших мнение, что объектами учета являются не следы рук, а лица, оставившие эти следы, не стреля-

¹⁰ Криминалистика. М., 1963, с. 241.

¹¹ Криминалистика. М., 1966, с. 231.

¹² Уже с 1968 г. термин “криминалистический учет” стали употреблять в учебной литературе лишь как пояснение термина “уголовная регистрация” или элемент его содержания, а то и опускать вообще.

¹³ Криминалистика. М., 1966, с. 232.

ные пули и гильзы, а оружие, из которого они были выстрелены, и т. д. Исходя из этого положения, А. Ю. Пересункин предложил понимать под уголовной регистрацией "совокупность различных видов учета определенных, попавших в сферу уголовного процесса или оперативной деятельности объектов, осуществляемых путем фиксации и сосредоточения характеризующих эти объекты данных"¹⁴. Последующие определения уголовной регистрации ничего существенно нового в раскрытие этого понятия, как нам представляется, не внесли¹⁵.

Несмотря на то, что разработка учения о криминалистической регистрации и ранее, и теперь в известной степени осложняется ведомственной принадлежностью регистрационных массивов, ведомственной же регламентацией деятельности регистрационных аппаратов и сравнительно малочисленностью ученых, интересующихся этой проблематикой, за последнее время и в этой области удалось достичь определенных позитивных результатов, на анализе которых мы и остановимся в следующем параграфе.

5.2. Современное состояние учения о криминалистической регистрации

Нам представляется, что учение о криминалистической регистрации должно иметь следующую структуру:

1. **Понятийная часть учения.** В этом разделе рассматриваются понятия криминалистической регистрации как системы знаний, системы криминалистических учетов, разновидности практической деятельности; понятия объекта криминалистической регистрации, вида уголовной регистрации, регистрационных данных, целей уголовной регистрации, ее криминалистических, естественнонаучных и технических основ.

¹⁴ Криминалистика, т. 1. М., 1969, с. 350.

¹⁵ Не отличаются новизной и последние по времени определения криминалистической регистрации, предложенные в учебниках для юридических вузов под ред. И. Ф. Плентелева, Н. А. Селиванова (М., 1993), А. Г. Филиппова, А. А. Кузнецова (Омск, 1993), Б. П. Смагоринского (Волгоград, 1994), И. Ф. Герасимова, Л. Я. Драпкина (М., 1994), Н. П. Яблокова (М., 1995), В. А. Образцова (М., 1995), Т. А. Седовой, А. А. Эксархопуло (СПб., 1995). Практически все авторы соответствующих глав учебников ограничиваются определением регистрации как системы криминалистических учетов.

2. **Классификационная часть учения** содержит классификации видов и объектов регистрации, регистрационных данных, форм регистрации информации.
3. **Функциональная часть учения** является теоретической основой практического ведения и использования системы криминалистической регистрации, то есть организации и управления отдельными видами регистрации, начиная от сбора регистрационной информации и кончая ее выдачей адресатам.

Таким образом, структура этого учения близка к типичной структуре частной криминалистической теории и, как нам кажется, в состоянии обеспечить полноту, систематизацию и практическое использование составляющих ее содержание знаний.

Как частная криминалистическая теория, учение о криминалистической регистрации представляет собой систематизированное знание об определенном круге объектов и явлений реального мира: о видах криминалистической регистрации, их связях между собой и с другими технико-криминалистическими средствами, характере и содержании регистрируемой (собираемой) информации, принципах, способах и формах ее систематизации, хранения, поиска и передачи, об оптимальной организации и управлении регистрационными аппаратами и т. д. В широком смысле слова объектом этой теории является криминалистическая регистрация как разновидность практической деятельности по борьбе с преступностью.

Здесь уместно сделать несколько замечаний по поводу термина “уголовная регистрация”. Этот термин возник одновременно с терминами “уголовная техника” и “уголовная тактика”. Впоследствии, как известно, два последних были изменены на криминалистическую технику и криминалистическую тактику, поскольку они обозначали разделы криминалистической науки. Регистрация же по-прежнему именовалась “уголовной”. Думается, что пришло время изменить и этот термин, во-первых, потому, что он не отражает криминалистической природы обозначаемого им института и принадлежности знаний о нем к криминалистической теории. Во-вторых, он не позволяет четко отграничить систему и результаты регистрации, о которой мы ведем речь, от уголовной статистики, которая ведь тоже представляет собой учет определенных данных о преступниках и преступности, их регистрацию и выражение в определенных формах. Акцент же на криминалистический характер регистрации как криминалистического института подчеркивает ее качественный, а не количественный характер. Исходя из этих соображений, мы впредь будем пользоваться термином “криминалистическая регистрация”.

Криминалистическая регистрация есть учет отдельного по индивидуальным, не суммирующимся признакам. Этим она с содержательной

стороны принципиально отличается от уголовной статистики. Она отличается от уголовной статистики и способами собирания информации, формами и задачами использования информации, критериями ее классификации. Отличается она и от оперативной отчетности как по объектам, так и по формам и способам регистрации данных и целям использования.

Когда мы говорим о криминалистической регистрации в ее предметном выражении, то имеем в виду определенную систему материальных объектов (картотеки, коллекции и иные хранилища регистрационных данных) и оперирование этими объектами, т.е. практическую регистрационную деятельность. Таким образом, криминалистическая регистрация как институт практической деятельности представляет собой единство системы вещественных средств регистрации и системы действий, оперирования этими средствами в целях борьбы с преступностью.

Система вещественных средств регистрации состоит из подсистем — видов криминалистической регистрации. Для их обозначения целесообразно использовать термин “криминалистический учет”, поскольку виды криминалистической регистрации отличаются друг от друга именно учитываемыми данными, способами и формами их сосредоточения и систематизации.

Итак, криминалистическая регистрация как система материальных объектов есть система криминалистических учетов. Но когда мы говорим об учете, то имеем в виду и саму процедуру учета, а не только его вещественное выражение — зафиксированные данные. Процедура учета — это действия по собиранию и регистрации данных, их сосредоточению и систематизации, хранению, поиску и передаче. Поэтому мы и считаем, что криминалистическая регистрация, как объект познания, объект криминалистической науки, есть система криминалистических учетов в их материальном (вещественном) и функциональном выражении. Следовательно, криминалистическую регистрацию можно определить как систему криминалистических учетов определенных объектов — носителей информации, используемую для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Рассмотрим элементы этого определения более детально.

Криминалистическая регистрация есть **система** криминалистических учетов. Как всякая система, она характеризуется единством целей функционирования, определенной организацией и наличием связей между элементами. Целями криминалистической регистрации являются:

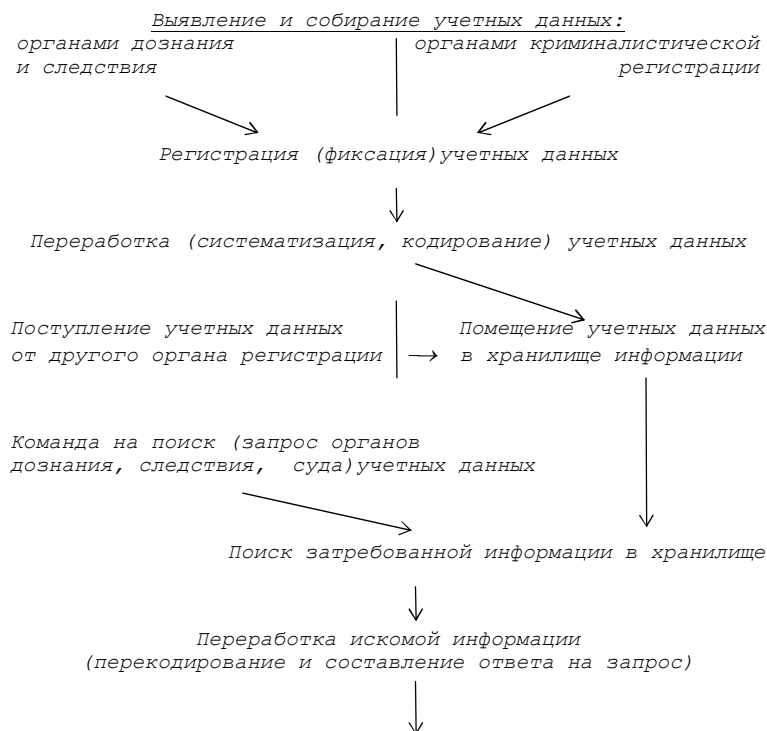
- ◆ накопление данных, которые могут быть использованы для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений;
- ◆ обеспечение условий идентификации объектов с помощью учетных данных;

- ♦ содействие розыску объектов, данные о которых содержатся в криминалистических учетах;
- ♦ предоставление в распоряжение оперативно-розыскных, следственных и судебных органов справочной и ориентирующей информации.

Исходя из целей криминалистической регистрации, ее можно считать своеобразной информационной системой, собирающей и обрабатывающей информацию о преступлениях, причастных к ним лицах и предметах, и передающей эту информацию органам, непосредственно ведущим борьбу с преступностью. Нам представляется, что эта система относится к числу обеспечивающих борьбу с преступностью.

Сказанное обуславливает правомерность анализа криминалистической регистрации в информационном аспекте.

Процесс движения информации в системе криминалистической регистрации, включая ее поступление и передачу, можно представить следующей схемой (необязательные операции показаны пунктиром):

Передача искомой информации запрашивающим органам

*Сообщение запрашивающих органов о необходимости передачи
учетных данных в другой орган регистрации*

Исключение учетных данных из данного информационного массива

И. А. Возгрин, исследовавший информационные процессы в системе криминалистической регистрации, справедливо отмечал, что в некоторых случаях сбор учетных данных и команда на поиск информации сливаются в один акт, что имеет место при проверке собранных органом дознания, следователем или судом данных по действующему учету, предшествующей их помещению в информационный массив¹⁶. По его мнению, криминалистическая регистрация (он придерживается термина «криминалистический учет») как информационная система отличается от других информационных систем, во-первых, оперируемой информацией, во-вторых, структурным построением, в-третьих, особой организацией, в-четвертых, принципами деятельности, и в-пятых, решаемыми задачами¹⁷. Не все эти положения нам представляются бесспорными.

Не вся регистрационная информация имеет специфический характер, свойственный только ей. Так например, демографические сведения о преступниках и задержанных, информация о похищенных и изъятых вещах, о без вести пропавших и неопознанных трупах и некоторые иные регистрационные данные содержатся в соответствующих следственных и судебных документах, в оперативных материалах и т. д. Дело, следовательно, не в содержании регистрационной информации (хотя иногда и ее содержание, разумеется, является специфичным и характерным именно для данной информационной системы), а в способах и приемах ее переработки, хранения, поиска, а иногда и использования.

Нельзя согласиться с И. А. Возгриным и в том, что в основе криминалистической регистрации как информационной системы лежат принципы, присущие только ей и отличающие ее от других информационных систем. В качестве общих принципов регистрации он называет «такие

¹⁶ **Возгрин И. А.** Некоторые вопросы теории и практики криминалистического учета. — В кн.: Вопросы теории и практики борьбы с преступностью. Л., 1972, с. 9.

¹⁷ Там же, сс. 6-11.

принципы, которые присущи применению всей криминалистической техники в уголовном судопроизводстве¹⁸: соблюдение законности в сборе и использовании учетной информации, объективность и полноту сосредотачиваемых сведений, своевременность, быстроту и эффективность использования отдельных видов учета. К числу специальных принципов регистрации им относятся единство форм сосредоточиваемых сведений, или формализация учетной информации, систематическое пополнение хранилищ учетной информацией, механизация и автоматизация деятельности криминалистических учетов¹⁸.

Но названные И. А. Возгриным общие принципы не специфичны для криминалистической регистрации, о чем свидетельствует само их название. Что касается специальных принципов, то они в равной степени могут быть отнесены к любой информационной системе, а не только к криминалистической регистрации. Наконец, решаемые криминалистической регистрацией задачи не всегда позволяют отграничить ее от других информационных систем органов внутренних дел, например, от такой системы, как оперативный учет.

Вопрос о *носителе* информации в криминалистической регистрации неразрывно связан с понятием *объекта регистрации*.

Мы уже отмечали, что в литературе существует двоякий подход к определению объектов регистрации. Общепринятая точка зрения заключается в том, что объектами учета являются непосредственно носители информации: следы рук, стреляные пули и гильзы, неопознанные трупы и т. д.¹⁹ Группа авторов (В. П. Абросимов, И. В. Макаров, В. М. Шванков, А. Ю. Пересункин) придерживалась мнения, что в некоторых случаях объекты регистрации и объекты учета не совпадают: регистрируются одни объекты, а учитываются при этом по зарегистрированным признакам другие. В качестве иллюстрации этого тезиса называют учет неизвестных преступников по следам рук, обнаруженных на месте происшествия, и учет применявшегося оружия по обнаруженным стреляным пулям и гильзам²⁰. Эта позиция нам представляется правильной, но требующей некоторых уточнений.

Мы представляем себе понятие объекта регистрации как сложное, объединяющее в себе две категории объектов: носителей регистрационной информации и источников этой информации. Эти объекты могут сливаться в один (неопознанный труп, похищенная вещь, пригильный скот и т. д.), а могут выступать порознь (например, учет неизвестных

¹⁸ Там же, с. 10.

¹⁹ См., например, Криминалистика. М., 1995, с. 346; Криминалистика. т. 2, Волгоград, 1994, с. 114; Криминалистика. т. 2, Омск, 1993, с. 136.

²⁰ Криминалистика, т. 1. М., 1969, с. 351.

преступников (объект — источник информации) по следам пальцев, обнаруженным на месте преступления (объект — носитель информации) и т. д. Различие между источником информации и ее материальным носителем не учитывает И. Н. Евсюнин, который, как нам кажется, смешивает эти понятия, придерживаясь традиционного представления об объектах регистрации²¹.

Объект регистрации определяет вид криминалистического учета как его подсистемы. С появлением новых объектов регистрации появляются новые виды учета. Здесь следует иметь в виду, что к одному и тому же объекту-источнику информации могут относиться разные по виду объекты-носители, каждый из которых дает начало самостоятельному виду криминалистического учета. Так например, неизвестные преступники могут учитываться по следам пальцев с мест происшествий, по способу действий, известные лица — по алфавитно-дактилоскопическому учету, по дактилоскопическому учету, по приметам и т. д.

От вида криминалистического учета следует отличать **форму** учета, под которой понимается способ и форма фиксации и хранения регистрационной информации: картотеки, коллекции, магнитозаписи, альбомы, списки. Разумеется, форма учета зависит от характера регистрационных объектов и регистрационной информации.

Весьма важен в теоретическом и практическом планах вопрос о процессуальном значении регистрационной информации.

Регистрационная информация по своей правовой природе неоднородна. В тех случаях, когда ее носителями являются объекты, причинно связанные с преступлением (например, следы пальцев рук, изъятые с места происшествия, стреляные гильзы, описание похищенной вещи и т. д.), эта информация потенциально является доказательственной. Во всех остальных случаях регистрационная информация носит потенциально ориентирующий характер. Как справедливо отмечает И. Н. Евсюнин, и та и другая разновидность регистрационной информации могут

²¹ **Евсюнин И. Н.** К вопросу о понятии и сущности криминалистических учетов оперативно-технических аппаратов МВД СССР. — В кн.: Сборник статей адъюнктов и соискателей. М., 1971, с. 78. Разумеется, можно рассматривать как источник информации и объект — носитель информации в том смысле, что из него мы черпаем, извлекаем информацию. Мы иногда и сами употребляем этот термин в подобном смысле. Но в рассматриваемом случае анализ понятия объекта регистрации требует разграничения при употреблении указанных терминов.

использоваться как в процессе доказывания, так и при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий²².

Мы говорим о том, что регистрационная информация носит потенциально доказательственный или потенциально ориентирующий характер потому, что, не будучи востребованной для использования органом дознания, следователем или судом, она не приобретает никакого значения ни в уголовном процессе, ни в оперативно-розыскной деятельности.

Ранее отмечалось, что одну из целей криминалистической регистрации составляет накопление учетных данных, могущих быть использованными в борьбе с преступностью. Увеличение информационного массива необходимо, конечно, не само по себе, а как условие достижения тех целей, ради которых и существует криминалистическая регистрация, — информационного обеспечения процесса доказывания и оперативно-розыскной деятельности. Эффективность этого обеспечения зависит не только от полноты сосредоточиваемой в системе криминалистической регистрации информации, но и от четкой систематизации учетных данных, накопления и сохранения только тех из них, которые носят актуальный характер. Актуальность учетных данных, в свою очередь, зависит от их содержания.

И. А. Возгрин считает, что содержание учетных данных ограничено территориальными, временными и целевыми пределами. Под территориальным пределом он понимает ограничение сбора и использования сведений границами определенной местности, под временным пределом — ограничение конкретным периодом времени, под целевым пределом — сбор и использование только таких данных, которые соответствуют решаемым отдельными видами учетов задачам²³.

Соглашаясь в принципе с И. А. Возгриным, следует добавить, что территориальный предел целесообразно понимать лишь как ограничение сбора учетных данных пределами определенной местности. Что же касается территории их использования, то, во-первых, это не определяет содержания информации, а во-вторых, хотя и презюмируется, но не исключает возможности выхода за территориальные границы при необходимости передачи информации, оказавшейся актуальной для другой местности. Практика раскрытия и расследования преступлений, совершенных преступниками-«гастролерами», убедительно это подтверждает.

²² **Евсюнин И. Н.** Научные основы криминалистических учетов оперативно-технических аппаратов. — В кн.: Вопросы теории и практики борьбы с преступностью. Л., 1972, сс. 21-22.

²³ **Возгрин И. А.** Указ. статья, с. 7.

Соблюдение временных пределов теоретически выглядит несложно, но на практике вызывает ряд трудностей. Они связаны прежде всего с определением обоснованного срока хранения учетных данных. Можно предположить, что эту проблему следует решать применительно к конкретным видам криминалистического учета, но это еще не означает самого решения проблемы. Если отвлечься от сроков хранения учетных данных, которые могут быть определены волевым порядком в ведомственных актах, то мы можем предложить лишь следующее ориентировочное решение.

1. Срок хранения учетных данных алфавитно-дактилоскопического учета и учета преступников по их внешним признакам следует определять, исходя из:
 - ◆ средней продолжительности периода физической активности человека со “страховочным” увеличением ее на 10 — 12 лет, имея в виду отклонения от средних данных у конкретных людей;
 - ◆ учета периода физической активности возможных связей зарегистрированного на случай, если в связи с их действиями могут потребоваться его учетные данные.Аналогично следует определять срок хранения данных учета преступников по приемам преступных действий.
2. Срок хранения учетных данных дактилоскопического учета неизвестных преступников, скрывшихся с места происшествия, может быть определен в соответствии со сроками давности привлечения к уголовной ответственности и правилами о перерыве или приостановлении течения давности. Так же может быть определен срок хранения данных по учету похищенного скота.
3. Данные учетов без вести пропавших и неопознанных трупов целесообразно хранить в течение срока, соответствующего средней продолжительности жизни одного поколения, имея в виду, что эти данные могут потребоваться для решения тех или иных вопросов, связанных с наследниками или прямыми потомками без вести пропавших или погибших. Таков, как нам кажется, должен быть и срок хранения данных учета похищенных и изъятых вещей.
4. Срок хранения данных учета пригульного скота определяется средней продолжительностью жизни животных соответствующего вида.
5. Данные учетов оружия должны храниться без ограничения срока.

Учение о криминалистической регистрации является научной основой всей системы криминалистических учетов. Но при этом надо иметь в виду, что в эту частную криминалистическую теорию должны входить в качестве некоторых отправных положений элементы других частных

криминалистических теорий, и, в первую очередь, таких, как криминалистическое учение о признаках, учение о способе совершения преступлений, теория криминалистической идентификации. Кроме того, функциональная часть учения о криминалистической регистрации должна опираться на некоторые положения науки управления, связанные с организацией и функционированием информационных систем, проблемами их автоматизации и совершенствования. Функциональная часть рассматриваемой теории является ее наиболее подвижной. Именно она должна отражать развитие системы криминалистических учетов, их организационные формы и техническое обеспечение.

5.3. Перспективы развития учения о криминалистической регистрации и практики функционирования криминалистических учетов

Развитие учения о криминалистической регистрации неразрывно связано с совершенствованием практики функционирования криминалистических учетов. Состояние этой теории и анализ действующей системы учетов позволяют считать, что основными направлениями их развития на ближайшие годы являются:

- 1) разработка и совершенствование научных основ отдельных видов криминалистических учетов с использованием новейших достижений смежных областей криминалистики, других наук и техники;
- 2) совершенствование правовых основ криминалистической регистрации;
- 3) унификация системы криминалистической регистрации на всех уровнях; тенденция к централизации местных учетов;
- 4) совершенствование технической базы криминалистической регистрации в целом и отдельных криминалистических учетов, использование новых прогрессивных средств сбора, переработки, хранения и поиска информации;
- 5) актуализация содержащейся в учетах регистрационной информации;
- 6) повышение эффективности использования учетных данных, особенно в розыскных целях.

Остановимся на содержании этих направлений.

Формирование научных основ многих видов криминалистических учетов нельзя считать завершенным. Это, пожалуй, не относится только к учетам, основанным на дактилоскопии, и, в известной степени, к учетам по признакам внешности. Но зато в полной мере касается такого, например, учета, как MOS.

Научной основой учета преступников по способу совершения преступных действий, помимо общих положений учения о криминалистической регистрации, относящихся ко всем криминалистическим учетам, являются положения криминалистического учения о способе совершения преступлений. Однако эта теория интенсивно стала разрабатываться лишь в последнее время.

Для научного обоснования учета преступников по способу совершения преступлений имело значение выяснение содержания способа, степени его детерминированности и повторяемости, требовалось создание классификации способов совершения преступлений. Одними из первых к этой проблематике обратились А. Н. Колесниченко и А. Н. Савченко, которые высказали мнение, что «способ совершения преступления — это все то, что характеризует действия преступника при подготовке (приискание места, предмета посягательства, приготовление орудий и средств, необходимых для осуществления преступной цели, и др.), совершении преступления и сокрытии его следов»²⁴. Г. Г. Зуйков детализировал определение способа совершения преступления и пришел к выводу, что он «представляет собой единый комплекс взаимосвязанных действий, направленных на подготовку, совершение и сокрытие преступления, осуществляемых в определенное время, в определенном месте и с использованием необходимых орудий и средств»²⁵. Это внесло необходимую ясность в представление об объекте регистрации по данному виду криминалистического учета.

Г. Г. Зуйкову принадлежит заслуга и в исследовании вопросов о детерминированности способа совершения преступления и его повторяемости. Он описал объективные и субъективные факторы, участвующие в детерминации способов совершения преступлений, раскрыл их фактическое содержание в условиях нашего общества и характер взаимодействия в процессе формирования способов совершения преступлений²⁶. Опираясь на учение о тождестве, Г. Г. Зуйков заключил, что «абсолютная повторяемость способов совершения преступления во всех их признаках полностью исключена. Способы совершения преступлений повторяются, если сохраняется действие определенных факторов, их детерминирующих (мотив и цель преступления, объективная обстановка его совершения, качества личности преступника, особенности предмета

²⁴ *Колесниченко А. Н., Савченко А. Н.* К вопросу о понятии способа совершения преступления в криминалистике. — В кн.: Вопросы криминалистики и судебной экспертизы, вып. 2. Душанбе, 1962, с. 62.

²⁵ Криминалистика, т. 1. М., 1969, с. 68.

²⁶ Там же, сс. 62-64.

преступного посягательства и т. д.), а так как детерминирующие факторы изменяются и в количественном, и в качественном отношении, то в нем неизбежно изменяются и способы совершения преступлений, сохраняя, однако, некоторую совокупность повторяющихся признаков²⁷. Выявление этой совокупности повторяющихся признаков легко в основу рассматриваемого вида криминалистического учета.

Учет по способу совершения преступлений является разновидностью децентрализованного, местного учета. Это явилось одной из причин отсутствия единой классификации способов совершения преступлений, затруднило автоматизацию учета, кодирование регистрационной информации для ее передачи на расстояние. Создание научно обоснованной классификации способов совершения преступлений — актуальная задача криминалистического учения о способе совершения преступлений, решение которой имеет прикладное значение для учения о криминалистической регистрации. Единая классификация подобного рода позволит не только правильно систематизировать регистрационную информацию, но и создаст необходимые условия для объединения в единую систему всех местных учетов этого вида, для обмена содержащейся в ней информацией.

Мы разделяем мнение Г. Г. Зуйкова о том, что действующий учет по способу совершения преступлений пока еще мало эффективен в силу отсутствия научно обоснованной системы учитываемых признаков, некаленицированного ведения учетных карточек, неумения анализировать преступления под углом зрения учитываемых признаков²⁸. Очевидно, что разработка детальной классификации способов совершения преступлений позволит изжить эти недостатки, так как круг учитываемых признаков в этой классификации будет четко обозначен.

Нам представляется, что основной причиной неразработанности классификационных вопросов в учении о способе совершения преступления, проявившегося до последнего времени невнимания к этому учению и, как следствие, к криминалистическому учету по способу совершения преступления, являлось мнение о том, что, поскольку в нашей стране отсутствует профессиональная преступность, постольку в изучении способов совершения преступлений нет никакой необходимости.

²⁷ Зуйков Г. Г. "Модус операнди", кибернетика, поиск. — В кн.: Кибернетика и право. М., 1970, с. 50.

²⁸ Зуйков Г. Г. Криминалистическое понятие и значение способа совершения преступления. — Труды ВШ МВД СССР, № 15. М., 1967, с. 73.

Как известно, до середины 80-х гг. наличие в стране профессиональной и организованной преступности отрицалось не только официально, но и в научном плане. Считалось, что такой преступности у нас не может быть, поскольку нет никаких социальных причин ее появления и существования. Между тем, жизненные реалии постоянно приходили в противоречие с подобными взглядами и, чтобы как-то их примирить, в криминалистической и криминологической литературе появился термин “преступный профессионализм”, обозначающий совершение преступлений профессионально, то есть обладая определенными навыками и умениями, соответствующими техническими средствами, известным стереотипом поведения. Считалось, что избранный преступниками способ совершения преступления сможет носить отпечаток такого профессионализма, хотя, как правильно отмечалось в литературе, “лица, систематически совершающие преступления, прилагают усилия к усовершенствованию способа совершения преступления и его видоизменению”²⁹.

Положение радикально изменилось в последние годы. Уже не требуется доказывать “преимущества” социалистического строя; не только не требуется ради этого скрывать истинное состояние преступности в нашей стране, но, наоборот, пришло время назвать все своими именами, поскольку иначе невозможно объяснить ни количественное, ни качественное изменение преступности, начавшееся отнюдь не с проведением радикальных реформ в стране. В этих условиях, как это совершенно очевидно, не только целесообразно, но необходимо изменить отношение к учету по способу совершения и сокрытия преступлений, превратить его в действенный инструмент раскрытия преступлений.

Сказанного, как думается, достаточно, чтобы не считать завершенной разработку научных основ отдельных криминалистических учетов.

Примерно так же обстоит дело и с правовыми основами криминалистической регистрации.

О криминалистической регистрации упоминает лишь российский закон “О милиции”, в статье 11 которого, в пп. 14 и 15, милиции предоставлено право “осуществлять предусмотренные законодательством учеты лиц, предметов и фактов и использовать данные этих учетов”, а также “производить регистрацию, фотографирование, звукозапись, кино- и видеосъемку, дактилоскопирование лиц, заключенных под стражу,

²⁹ Горшков А. Ф., Девиков Е. И., Зуйков Г. Г. Опыт разработки информационно-логической поисковой системы по способу совершения преступления. — В кн.: Экспертиза при расследовании преступлений, вып. 8. Вильнюс, 1970, с. 14.

задержанных по подозрению в совершении преступления или занятии бродяжничеством, обвиняемых в совершении умышленных преступлений, подвергнутых административному аресту, а также лиц, подозреваемых в совершении административного правонарушения при невозможности установления их личности”. Однако ссылка на “предусмотренные законодательством учеты” повисает в воздухе, поскольку законодательство наше ничего в этом отношении не предусматривает. Ни в других, помимо названного, законах, ни в уголовно-процессуальном кодексе не содержится упоминания ни о криминалистической регистрации в целом, ни об отдельных криминалистических учетах. Косвенно с этим институтом связана ст. 186 УПК, где идет речь о получении образцов для сравнительного исследования. Однако авторы существующих комментариев УПК РФ связывают эту норму только с производством экспертизы. Ранее мы уже высказали мнение о том, что регистрационная информация потенциально носит характер доказательственной или ориентирующей информации. Однако при этом остается неясным, в какую форму должна быть облечена эта информация в тех случаях, когда она может иметь доказательственное значение.

В результате проверки по учетам может быть установлено тождество объекта, могут быть получены сведения, характеризующие объект или имеющие иное квалифицирующее значение для расследования. Нередко эта информация служит основанием для принятия следователем или судом ряда процессуальных решений, например, об истребовании приговоров и иных документов, об изменении квалификации расследуемого деяния и т. д. И. А. Возгрин в связи с этим справедливо замечает, что “в результате такой работы справки о проверке по учету постепенно теряют свое значение как источник сведений о прежних судимостях, так как, кроме них, к уголовному делу приобщаются копии приговоров и другие материалы, полученные из судов и следственных органов. Все это, на первый взгляд, может привести к мысли о том, что информация, сообщаемая в справках из спецотделов органов внутренних дел, в отличие от сведений, получаемых из копий приговоров и других подобных материалов, не является доказательственной информацией. Однако это не так, ибо получение копий приговоров, приостановленных и хранящихся в архивах уголовных дел и других материалов есть процесс получения новых доказательств, протекающий параллельно с исследованием уже собранных доказательств”³⁰. Очевидно, что справки о результатах проверки по учетам, содержащие доказательственную информацию, должны быть отнесены к категории “иных документов”, приобщаемых к делу.

³⁰ *Возгрин И. А.* Указ. статья, с. 14.

При этом следует иметь в виду, что доказательственное значение в некоторых случаях может иметь и отрицательный ответ регистрационного органа — когда сообщается, что объект проверки по учету не значится. Такой ответ может доказывать то или иное смягчающее обстоятельство, например, совершение преступления впервые, и т. д.

Нерешенным остается вопрос о том, можно ли довольствоваться результатом проверки по учетам при установлении тождества или же с целью подтверждения вывода о тождестве необходимо проведение экспертизы. Такой вопрос может возникнуть при положительном результате проверки по дактилоскопическому учету неизвестных преступников, скрывшихся с места происшествия.

По мнению И. Н. Евсюнина, объекты местных криминалистических учетов с целью получения содержащейся в них информации подлежат специальным исследованиям. Он считает, что «конечный результат деятельности этих видов учета — установление тождества искомых объектов (в качестве доказательственной информации) — проявляется только в результате экспертизы»³¹. Однако эта конструкция не решает многих вопросов.

Задание на проверку по криминалистическому учету, направляемое в тот или иной орган внутренних дел, по форме представляет собой запрос, а не постановление о назначении криминалистической экспертизы. Соответственно отсутствует и процессуальный режим назначения экспертизы.

Сравнение проверяемых объектов с объектами учета при поиске информации, действительно, требует определенных исследовательских операций. Однако эти операции принципиально ничем не отличаются от тех, которые осуществляются при проверке, например, по алфавитно-дактилоскопическому учету, результат которого выражается в виде справки учетного органа, хотя и в этом случае вопрос о тождестве решается на основе специального дактилоскопического исследования. Следовательно, исследовательский характер процедуры проверки по учету еще не дает оснований считать такую проверку экспертизой.

Сказанное, разумеется, не означает вообще отказа от экспертизы как средства исследования и проверки регистрационной информации. Результаты проверки по криминалистическому учету, имеющие доказательственное значение, как всякая доказательственная информация, оцениваются следователем или судом в совокупности с другими доказательствами. Возникшие сомнения могут быть разрешены, как известно,

³¹ **Евсюнин И. Н.** К вопросу о понятии и сущности криминалистических учетов оперативно-технических аппаратов МВД СССР. — В кн.: Вопросы теории и практики борьбы с преступностью. Л., 1974, с. 90.

разными способами, в том числе и путем назначения экспертизы. В этом случае учетные органы обязаны представить в распоряжение следствия или суда объекты-носители информации, которые, наряду с проверяемыми объектами (вещественными доказательствами), подвергаются экспертному исследованию.

Научные и правовые основы криминалистической регистрации неразрывно связаны с ее организационными основами, с построением и структурой системы криминалистических учетов, их иерархией³². Существующие учеты по своему уровню делятся на централизованные (федеральные) и децентрализованные (региональные, местные). Если система централизованных учетов относительно стабильна, их число практически постоянно, то система местных учетов регламентирована лишь в общих чертах. Некоторые виды местных учетов распространены повсеместно, другие в меньшей степени; встречаются и такие учеты, которые являются плодом местного творчества, иной раз созданы без достаточно веских оснований и лишены необходимой научной базы.

В интересах укрепления организационных основ криминалистической регистрации, повышения ее эффективности и модернизации информационных процессов, с нашей точки зрения, целесообразно:

- 1) унифицировать систему местных учетов, строго определить ее структуру, допуская отклонения от нее лишь в исключительных случаях, когда это действительно оправдано спецификой местных условий;
- 2) перевести некоторые виды региональных и местных учетов в категорию централизованных; суммарный массив учетных сведений, образованный в результате такой централизации, позволит оправданно применить современные информационные поисковые системы, обеспечить необходимую масштабность и оперативность использования учетной информации;
- 3) организовать четкую систему обмена информацией между местными учетными органами, пополнение и чистку за счет этого обмена информационных массивов, объединение некоторых учетов в кустовые, межобластные и т. д.

Организационное совершенствование криминалистической регистрации — одна из предпосылок совершенствования ее технической базы, внедрения прогрессивных средств и методов сбора, хранения, поиска и передачи регистрационной информации.

³² Об истории развития организационных форм криминалистической регистрации см. *Рассейкин Д. П.* Очерк истории уголовной регистрации. Саратов, 1976.

Процесс “технизации” криминалистической регистрации прошел несколько этапов.

На первом этапе, охватывающем по времени период с момента создания советской системы криминалистической регистрации и до начала 50-х годов, совершенствование технической базы криминалистических учетов шло, в основном, за счет внедрения отдельных технических приспособлений частного характера, главным образом, относящихся к способам передачи информации на расстояние, к устройствам хранилищ учетных данных, приемам сигналетической фотосъемки объектов регистрации.

До распространения фототелеграфа учетная информация, преобразованная в систему кодовых обозначений, передавалась на расстояние по телеграфу или телефону. В 1937 г. Б. М. Комаринец, признавая бесспорные достоинства передачи на расстояние изображения отпечатков пальцев, писал, что этот способ “требует изготовления специальных дорогостоящих приборов, обслуживания этих приборов технически высококвалифицированными работниками или ограничен крайне небольшой сетью телепередатчиков, предназначенных для других целей. Поэтому этот способ не может быть использован повседневно и в широком масштабе. Второй способ — идентификация по подробному описанию пальцевых узоров — не требует какого-либо дополнительного оборудования, так как описание может быть протелефонировано или протелеграфировано”³³. Он детально разработал правила такого описания, порядок составления и расшифровки телефонограмм и телеграмм³⁴.

Эти рекомендации оказались весьма уместными в годы Великой Отечественной войны, когда картотеки алфавитно-дактилоскопического учета были эвакуированы в г. Уфу и наведение справок по ним требовало оперативной передачи запросов по телефону или телеграфу. По инициативе Л. П. Рассказова, бывшего в то время начальником НТО Управления милиции Москвы, составление таких запросов, получивших

³³ **Комаринец Б. М.** Дактилоскопическая идентификация на расстоянии. Практическое руководство. М., 1937, сс. 3-4.

³⁴ Б. М. Комаринец приводит в качестве образца следующий текст телефонограммы-запроса: “Идентифицируйте мужчину сорок лет низкого роста глаза серые волосы русые на лбу шрам дактилоскопическая четыре три три три шесть дробь пять два шесть три четыре идентификационная формула “А” тридцать шесть запятая сорок восемь запятая семьдесят один запятая тридцать запятая одиннадцать запятая одиннадцать запятая тринадцать запятая десять запятая двадцать один запятая двадцать формула “Б” шестой палец ноль ноль шесть ноль четыре четыре ноль один ноль шесть два ноль, эксперт Иванов” (там же, с. 86).

название дактотелефонограмм, было упрощено³⁵. Практика поиска нужной информации по таким запросам оправдала себя и получила известное распространение.

После Великой Отечественной войны идея использования фототелеграфа для передачи регистрационной информации вновь привлекает внимание криминалистов. «Вполне понятно, — писали в те годы А. И. Винберг и А. А. Эйсмэн, — что с развитием сети бильдтелеграфа и несомненного его широкого распространения все иные способы идентификации на расстоянии будут отходить на задний план. В настоящее время, когда действие фототелеграфии охватывает в СССР уже немало городов, но далеко еще уступает распространенности телеграфной и телефонной сети, особенно по внутригородской и межрайонной связи, идентификация на расстоянии по специальному шифру продолжает сохранять свое значение. Но не может быть сомнения и в том, что в ближайшие годы восстановления и развития нашего народного хозяйства фототелеграф значительно расширит сферу своего действия... Нам кажется поэтому своевременным уже сейчас привлечь внимание следственных, судебных и оперативных работников к этому далеко не новому средству связи, которое до сих пор если и использовалось в целях раскрытия преступлений, то лишь от случая к случаю, в порядке экспериментов»³⁶. Как известно, сейчас повсеместно принят на вооружение, более удобный факсимильный способ передачи информации.

Совершенствование системы описания по методу словесного портрета, приемов сигналетической съемки повышало эффективность таких видов криминалистического учета, как учет преступников по признакам внешности, учет без вести пропавших и неопознанных трупов. В это же время были осуществлены некоторые предложения по изменению конструкций хранилищ учетной информации.

На втором этапе совершенствования технической базы криминалистической регистрации была проведена работа по внедрению перфокарт и предприняты первые попытки автоматизации дактилоскопических учетов.

³⁵ Дактотелефонограмма имела примерно следующее содержание: «Сообщите сведения на Андрианову Марию Михайлову 1919 г. г. Москвы. Дактоформула: 17/17, 99465, 64555. Возможная: 99356, 55556. Завитковые узоры — спирали. На 3-м пальце — дефект на головках петель в виде пятна из точек. На 1-м пальце — две рядом расположенные вилки у верхнего рукава правой дельты. На 4, 5, 6 и 9-м пальцах короткие слитные ножки в центральных петлях. Подпись».

³⁶ **Винберг А. И., Эйсмэн А. А.** Фототелеграфия и звукозапись в криминалистике. М. 1946, с. 9.

Опыты по автоматизации дактилоскопических учетов в Советском Союзе стали вестись с 1956 г. Л. Г. Эджубовым и С. А. Литинским. Ими была разработана зонально-точечная система регистрации, в основу которой было положено взаиморасположение частных признаков дактилоскопического узора по полю отпечатка с учетом возможного отклонения этих признаков от условного центра. В итоге отпечаток приобретал форму кода, который фотографировался на киноплёнку. Сумма кодов составляла кодовый фильм.

Дактилоскопический автомат, сконструированный авторами метода, представлял собой быстродействующее фотоэлементное сортирующее устройство³⁷. Исследуемый отпечаток вводился в автомат также в виде кода; автомат регистрировал совпадение исследуемого кода с искомым кодом в фильме или отсутствие такого совпадения. При совпадении автомат останавливался³⁸.

Несмотря на заманчивость предложенного метода, его недостатки были настолько существенны, что метод распространения не получил. Оценивая его, Л. Г. Эджубов вынужден был констатировать, что «недостаток существующих зонально-точечных систем регистрации заключается в том, что отпечатки картотек приходится кодировать вручную. Кодирование одного отпечатка занимает примерно 1-1,5 минуты. Это время для крупных картотек оказывается неприемлемым. Поэтому очередная задача состоит в разработке способов автоматического кодирования дактилоскопических отпечатков, при которых время кодирования исчислялось бы секундами или долями секунд»³⁹. Но к этому следует добавить, что применение предложенного метода требовало перевода на зонально-точечную систему кодирования всего существующего информационного массива, что представлялось совершенно нереальным делом. Кроме того, нужны были особо прочные материалы для кодовых фильмов, чтобы обеспечить их многократную эксплуатацию, и к тому же, на больших скоростях. Дактилоскопический автомат был изготовлен силами авторов в одном экземпляре на кафедре криминалистики Высшей школы МВД СССР и остался музейным экспонатом.

³⁷ Эджубов Л. Г., Литинский С. А. Способ сравнительного исследования (идентификации) дактилоскопических отпечатков и устройство для осуществления способа. Авторское свидетельство на изобретение № 114460, приоритет от 17.08.57 г.

³⁸ Эджубов Л. Г. Кодовая монодактилоскопическая регистрация и дактилоскопический автомат. — В кн.: Рефераты докладов объединенной научной конференции. Харьков, 1959, сс. 66-67.

³⁹ Эджубов Л. Г. Сущность зонально-точечного метода кодовой дактилоскопической регистрации. — В кн.: Судебная экспертиза. Минск, 1964, с. 82.

Третий, современный, этап “технизации” криминалистической регистрации характеризуется, по нашему мнению:

- ◆ во-первых, широкой компьютеризацией всей учетной практики, расширяющимся использованием сетевых технологий и децентрализованных баз данных, разработкой самых различных информационно-поисковых систем⁴⁰;
- ◆ во-вторых, интенсивным поиском новых методов запечатления регистрационной информации, в том числе и таких, которые делали бы ненужным ее предварительное кодирование, как условие включения в информационный массив;
- ◆ в-третьих, появлением новых видов регистрационной информации и соответственно новых видов криминалистических учетов;
- ◆ наконец, в-четвертых, разработкой и внедрением экспресс-методов информационного обеспечения органов дознания и следствия при их работе по раскрытию преступлений по горячим следам.

Наиболее интенсивные исследования в области применения ЭВМ в регистрационной практике ведутся применительно к дактилоскопическим и некоторым другим учетам. Несмотря на известные успехи в создании устройств для кодирования пальцевых отпечатков (полуавтоматических и автоматических), задачу еще нельзя считать решенной, поскольку принципиально не решен вопрос о переводе на машинный способ хранения и обработки информации существующих информационных массивов, что существенно ограничивает применение ИПС только областью вновь поступающей и закладываемой в память машины регистрационной информации.

Известные перспективы решения задачи автоматизации поиска учетной информации по существующим картотекам открывает применение такого метода запечатления регистрационной информации, как голография. Анализируя достоинства этого метода, В. А. Андрианова и Г. А. Соболев отмечали, что его применение открывает возможность создания запоминающего устройства значительной емкости в голографических системах, что голографический метод малочувствителен к потере некоторой части информации в отпечатке пальца и позволяет использовать всю информацию о папиллярном узоре, в том числе об особенно-

⁴⁰ При этом следует иметь в виду справедливое замечание И. И. Карпеца о том, что “информационные системы в области борьбы с преступностью, как бы ни были совершенны, не заменят людей, осуществляющих эту борьбу. Эти системы должны помогать практическим работникам, а не “давить” их массой информации, сваливающейся на тех, от работы которых ведет начало сама информация” (*Карпец И. И.* Современные проблемы уголовного права и криминологии. М., 1976, с. 162).

стях его строения⁴¹. В итоге — и это, на наш взгляд, главное — голограмма может быть непосредственно сопоставлена с отпечатками пальцев из картотеки, а сочетание голографии с ЭВМ обеспечит автоматический поиск материала для такого сравнения. Представляется, что голографический метод может оказаться весьма перспективным и при использовании учета по внешним признакам, так как позволяет запечатлеть внешность проверяемого по учету лица с максимальной полнотой⁴².

Оценивая достоинства голографии, Г. Л. Грановский в то же время считает, что она не снимает с повестки дня вопроса о математическом моделировании в криминалистической регистрации. Он полагает, что голограмму целесообразно использовать для получения математической модели, хотя и признает, что способов для этого пока не существует. «Можно предложить, — пишет Г. Л. Грановский, — лишь один из возможных путей: сравнивая плотность голограммы моделируемого узора с голограммой узора-эталоны, можно определить меру их различия, выраженную определенным числом. Такое число уже будет математической моделью узора. Сравнивая же с несколькими эталонами, можно получить ряд чисел, которые составят более «сильную» модель. Такие математические модели, введенные в память ЭВМ, вероятно, откроют возможности для создания полностью автоматизированной системы монодактилоскопической регистрации»⁴³.

Можно констатировать, что применение ЭВМ в работе с учетами по способу совершения преступлений и по внешним признакам уже вышло за рамки экспериментов. Если еще в 1967 г. только утверждалась принципиальная возможность применения ЭВМ в этой области⁴⁴, то уже спустя два-три года появились публикации, свидетельствующие об успешности разработки этой проблематики. Обобщая результаты проведенных экспериментов, Г. Г. Зуйков уже тогда отмечал достоинства информационно-логических поисковых систем, реализуемых на ЭВМ: повышение эффективности поиска, сведение до минимума возможности «пропуска цели» и «информационного шума», обеспечение многомернос-

⁴¹ Андрианова В. А., Соболев Г. А. К вопросу о возможности использования принципов голографии в дактилоскопической регистрации. — В кн.: Проблемы правовой кибернетики. М., 1968.

⁴² Разумной альтернативой голографии может стать современная цифровая фотография, позволяющая хранить нужное изображение в компьютерной базе данных, пересылая его по сетям связи.

⁴³ Грановский Г. Л. Моделирование и дактилоскопическая регистрация. — В кн.: Вопросы моделирования в экспертных исследованиях. М., 1973, с. 26.

⁴⁴ Колесниченко А. Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Харьков, 1967, с. 15.

ти криминалистических учетов⁴⁵. Вместе с А. Ф. Горшковым и Е. И. Девиковым им были определены конечные цели информационно-логической поисковой системы: установление перечня подозреваемых по нераскрытым преступлениям; отыскание ряда преступлений, которые совершены одним лицом, арестованным или осужденным за другое преступление; установление серии нераскрытых преступлений, совершенных одним и тем же неизвестным преступником; поиск среди массы лиц, состоящих на учете по признакам внешности, конкретного преступника по разрозненным приметам, полученным от очевидцев, а также посредством иной информации, добытой в результате осмотра места происшествия⁴⁶.

Эффективность применения новых средств сбора, хранения и поиска регистрационной информации прямо связана с актуализацией содержащихся в учетах данных. Под актуализацией регистрационной информации следует понимать освобождение учетов от устаревших, потерявших свое значение данных. Решение этой задачи, сравнительно несложное применительно к местным учетам с небольшим информационным массивом, становится затруднительным в практике работы с централизованными учетами, особенно алфавитно-дактилоскопическим.

Ранее мы уже говорили о примерных сроках хранения учетных данных. Систематическая "чистка" информационных массивов предполагает изъятие из них материалов, срок хранения которых истек; данных, предназначенных для однократного использования (например, карты без вести пропавшего — после установления судьбы зарегистрированного лица); данных, переданных в другие учетные органы, сообщившие о невозможности повторного использования в будущем этих материалов.

Актуализация регистрационной информации означает также систематическое пополнение данных о зарегистрированных объектах новыми сведениями о них (детализация описания способов совершения преступлений известными лицами, уточнение данных о без вести пропавших и др.). Именно это, наряду с оперативным поиском информации и пере-

⁴⁵ Зуйков Г. Г. "Модус операнди", кибернетика, поиск. — В кн.: Кибернетика и право. М., 1970.

⁴⁶ Горшков А. Ф., Девиков Е. И., Зуйков Г. Г.:

- Опыт разработки информационно-логической поисковой системы по способу совершения преступления. — В кн.: Экспертиза при расследовании преступлений, вып. 8. Вильнюс, 1970, с. 24;
- Вопросы автоматизации поиска преступников по способу совершения преступления и признакам внешности. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью, вып. 12. М., 1970.

дачей ее адресату, создает благоприятные условия для использования учетных данных в розыскной практике, о чем будет идти речь далее.

Повышение эффективности использования возможностей криминалистической регистрации связано не только с совершенствованием существующих, но и с созданием новых криминалистических учетов. Это возможно по двум направлениям: в отношении уже регистрируемых объектов, учет которых предполагается осуществлять по иным признакам, с помощью иных носителей информации, и в отношении таких объектов, которые ранее не регистрировались.

Развитие криминалистической науки и практики борьбы с преступностью позволяет думать, что в обозримом будущем появятся, по крайней мере, два новых местных криминалистических учета неизвестных преступников — по признакам запаха и особенностям голоса.

Интересную, с нашей точки зрения, мысль высказал П. П. Ищенко, предложивший создать для борьбы с организованной преступностью новый вид криминалистического учета — учет номеров телефонов, обнаруженных в изъятых у задержанных документах (записных книжках, ежедневниках и т. п.). Такой учет может способствовать выявлению преступных связей подозреваемых и обвиняемых, коррумпированных сотрудников государственного аппарата, правоохранительных органов и других обстоятельств, имеющих значение для дела. В соответствующий банк данных следует включить как сами телефонные номера, так и пояснения к ним; отдельно учитываются иногородние номера. По мысли П. П. Ищенко, создание и использование такого учета «поможет оперативно контролировать деятельность организованных преступных групп на обслуживаемой территории. На сегодняшний день отсутствие учета и неиспользование информации о телефонных номерах, изъятых у лиц, связанных с организованными преступными группами, снижает также эффективность санкционируемых прокурором прослушиваний телефонных разговоров, поскольку структура взаимоотношений внутри и между преступными группами остается латентной. Учитывая мобильность современных преступных элементов, частые изменения места жительства лицами, находящимися в розыске, с помощью предлагаемого учета представляется возможным выявить круг лиц, оказывающих содействие членам преступных группировок — предоставляющих квартиры, гостиничные номера, автомашины, хранящих оружие, оказывающих другие услуги»⁴⁷.

⁴⁷ *Ищенко П. П.* О необходимости создания нового криминалистического учета для борьбы с организованной преступностью. — В кн.: Актуальные проблемы борьбы с правонарушениями. Екатеринбург, 1992, сс. 66-70.

Завершая характеристику учения о криминалистической регистрации и перспектив его развития, следует специально отметить, что этот раздел общей теории советской криминалистики со временем будет оказывать растущее влияние на смежные теории, с одной стороны, разрабатываемыми в нем положениями, а с другой — необходимостью разработки вопросов, которые относятся к предмету смежных теорий.

6. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О РОЗЫСКЕ

6.1. Понятие и содержание криминалистического учения о розыске

Криминалистическое учение о розыске относится к числу частных криминалистических теорий, становление, формирование которых еще нельзя считать завершенным. Это, разумеется, не означает, что проблемы розыска не привлекали до последнего времени внимания криминалистов или что в этой области отсутствуют теоретические построения. Подобное утверждение не соответствовало бы действительности. О розыске как разновидности практической деятельности по борьбе с преступностью, как объекте криминалистической науки писали уже первые советские ученые-криминалисты. В их работах можно встретить и отдельные теоретические положения, относящиеся к розыскной деятельности.

И. Н. Якимов считал, что решение вопросов, где и как искать преступника, как осуществлять преследование и задержание преступника и розыск добытого им путем преступления, относится к числу проблем криминалистической (уголовной) тактики¹. Понятие розыска он трактовал широко, имея под ним в виду всю деятельность по раскрытию преступления — от обнаружения его признаков до установления личности преступника. Он писал: «Розыскное искусство должно быть отнесено к числу труднейших искусств, так как оно своим объектом имеет не мертвый материал, как, например, живопись, скульптура, музыка, а человека. В этом отношении оно ближе к военному искусству, так как и то и другое имеют дело с живым человеком и опираются на психологию как отдельной личности, так и масс. Как всякое искусство, розыскное искус-

¹ *Якимов И. Н.* Криминалистика. Уголовная тактика. М., 1929, сс. 46-50.

ство имеет свою теорию, может быть, еще недостаточно глубоко разработанную, и свою литературу”². Подобное понимание сущности розыска логически привело Н. И. Якимова к выводу о том, что он должен осуществляться как гласными, так и негласными средствами, применение которых должно быть сосредоточено в одних руках — работника уголовного розыска, который “за свою ответственность ведет по принятому им к своему производству делу всю работу от начала до конца, вся она — дело его рук, и он ею, как творец и организатор, более заинтересован, чем как исполнитель поручений и директив, диктуемых чужой волей”³.

Аналогично трактовал розыск В. И. Громов. Он считал, что “под розыском, в специальном значении этого слова, следует понимать такие действия органов дознания, которые или направлены к нахождению преступника по обнаруженному и уже в достаточной мере выясненному преступному факту, или же к отысканию предметов, добытых путем преступления, или, наконец, орудий преступления, которые могут иметь значение вещественных доказательств и дадут возможность найти и изобличить действительного виновника преступления... Розыск есть не только составная часть дознания, но и отдельный самостоятельный акт этого дознания, с присущими ему особыми приемами расследования: негласным сыском, слежкой и наблюдением”⁴. П. П. Михеев и Н. Н. Семенов употребляли лишь термин “негласный розыск”, понимая под ним в целом деятельность по раскрытию преступлений⁵.

В последующие 10-12 лет о розыскной деятельности в процессе расследования криминалисты не упоминают. С 1939 г. в литературе встречается термин “оперативно-розыскные действия”, которым обозначается комплекс негласных мероприятий органов дознания по раскрытию преступления⁶. Смысл этого термина оказался близким к указанному понятию розыска.

В 1949 г. А. И. Винберг и Б. М. Шавер первыми предприняли попытку сузить понятие розыска в криминалистике. Они отнесли к криминалистике рассмотрение вопросов розыска известного преступника и похищен-

² Там же, с. 46.

³ Там же, с. 50.

⁴ **Громов В. И.** Дознание и предварительное следствие. Теория и техника расследования преступлений. М., 1929, сс. 20-21.

⁵ **Михеев П. П., Семенов Н. Н.** Криминалистика. Уголовный и уголовно-процессуальный кодексы в вопросах и ответах. М., 1926, с. 6.

⁶ **Голунский С. А., Шавер Б. М.** Криминалистика. Методика расследования отдельных видов преступлений. М., 1939, сс. 26, 172.

ных ценностей⁷. Ведущая роль в организации и осуществлении розыска преступника ими отводилась следователю — при местном розыске, и розыскным органам — при розыске всесоюзном. При розыске похищенного имущества задача следователя заключается в получении информации о характере и местонахождении похищенного, в чем должны оказывать ему содействие органы уголовного розыска⁸. Н. В. Терзиев дополнил содержание розыска в криминалистике розыском лица, пропавшего без вести⁹.

Первым специальным исследованием проблематики розыска в криминалистике и следственной практике была брошюра В. И. Попова “Розыскная работа следователя”, изданная в 1950 г. методическим советом Прокуратуры СССР. Основные ее положения были затем изложены автором в параграфе “Розыск обвиняемого” учебника по криминалистике для юридических вузов (1950 г.) и заключались в следующем.

1. Розыск — система оперативных действий по обнаружению разыскиваемого лица; следственный розыск — розыск лица, обвиняемого в совершении преступления.
2. Различают активный розыск, производимый во время расследования дела до истечения сроков, установленных для производства расследования, и письменный, объявляемый в связи с приостановлением производства по делу после истечения указанных сроков.
3. Розыск обвиняемого в процессе расследования производится параллельно с расследованием преступления. Материалы для розыска собираются посредством допросов, выемки почтово-телеграфной корреспонденции, обысков и осмотров.
4. В. И. Попов ввел понятие розыскных версий. По его мнению, розыскная версия неразрывно связана со следственной версией, но не тождественна ей; розыскная версия определяет направление розыска.
5. В. И. Попову принадлежит и понятие заградительных мероприятий, под которыми он понимал действия, обеспечивающие задержание обвиняемого, который еще не успел выехать за пределы района деятельности органа, производящего расследование по делу.
6. Существенную роль в розыске могут сыграть розыскные требования, рассылаемые следователем органам прокуратуры и милиции по месту вероятного нахождения разыскиваемого¹⁰.

⁷ Винберг А. И., Шавер Б. М. Криминалистика. М., 1949, сс. 162, 215.

⁸ Там же, сс. 162-164, 215.

⁹ Настольная книга следователя. М., 1949, сс. 182-184.

¹⁰ Криминалистика. М., 1950, сс. 261-266.

Как видно, изложенные положения носят не только практический, но и теоретический характер. Вместе с положениями, выдвинутыми И. Н. Якимовым, В. И. Громовым, А. И. Винбергом, Б. М. Шавером, Н. В. Терзиевым, они составили основу будущего криминалистического учения о розыске, разработке которого В. И. Попов посвятил ряд своих работ, и в том числе докторскую диссертацию.

Судя по публикациям, В. И. Попов различает розыскную деятельность, применяемую в целях предупреждения преступлений, и розыскную деятельность, направленную на раскрытие готовящихся либо совершенных преступлений. Последнюю он разделяет на розыск в специальном смысле и на розыск в широком смысле.

Розыскная деятельность, осуществляемая в целях предупреждения преступлений, по мнению В. И. Попова, носит самостоятельный характер и направлена на выявление и перевоспитание лиц, склонных к преступной деятельности, а также на устранение условий, способствующих преступлениям. Это комплекс оперативно-розыскных мер, предпринимаемых до возбуждения уголовного дела. Объектами розыска в специальном смысле являются скрывшиеся преступники. Розыск в широком смысле — это часть оперативно-розыскной деятельности, осуществляемой в помощь следствию и дознанию. Розыск всех видов ведется в помощь розыскных приемов и методов¹¹.

Резюмируя сказанное, можно заключить, что В. И. Попов ставил знак равенства между понятиями розыскной и оперативно-розыскной деятельности, считая, что розыск естественно переплетается со следственными действиями, но не дублирует их, осуществляется с помощью специальных розыскных приемов, но не следственными действиями, не следователем, а оперативными работниками органов дознания в порядке ст. 29 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик.

Несомненной заслугой В. П. Попова явилось то, что он привлек внимание криминалистов к проблематике розыска и положил начало ее фундаментальной теоретической разработке. Однако уже в конце 50-х годов выяснилось, что его концепция розыскной деятельности не разделяется большинством криминалистов. М. П. Шаламов первым пришел к выводу, что розыскные действия в процессе расследования — “это

¹¹ См. **В. И. Попов** .:

- Розыскная деятельность в системе уголовного процесса и криминалистики. — Ученые труды КазГУ, т. 8, сер. юридическая, вып. 8. Алма-Ата, 1967;
- Розыск в широком смысле. — там же, т. 10, вып. 10, ч. 1. Алма-Ата, 1970;
- Советская криминалистика и ее роль в претворении ленинского принципа неотвратимости наказания за совершенное преступление. — В кн.: Некоторые вопросы борьбы с преступностью. Алма-Ата, 1970.

обычные следственные действия: осмотры, обыски, допросы и др., производимые с целью розыска, а также оперативно-розыскные мероприятия”, что “следственные действия и оперативные меры по розыску (осуществляемые органами милиции — **Р. Б.**) должны не чередоваться, а представлять собой единый, согласованный, проводимый одновременно процесс активного не ослабевающего от начала до конца поиска”, что “наиболее типичной ошибкой следователей является то, что, дав поручение органам милиции о проведении розыскных мероприятий, они устранились от розыска, ошибочно считая, что розыск — дело лишь розыскных органов”¹². Это было качественно иное понимание розыскной деятельности, разграничение розыскной деятельности следователя и оперативно-розыскной деятельности органов дознания.

Разделив взгляды на розыскную деятельность М. П. Шаламова, Б. Е. Богданов определил розыск как взаимосвязанную деятельность следователя и учреждений Министерства охраны общественного порядка по установлению местонахождения и задержанию скрывающегося установленного преступника, а равно по обнаружению скрытого имущества и орудий преступления¹³. По мнению Б. Е. Богданова, розыск осуществляется как следователем — путем проведения следственных и иных действий (каких именно иных — он не называет), так и органами дознания — путем проведения оперативно-розыскных действий¹⁴. На эти “иные” действия следователя одновременно с Б. Е. Богдановым обратил внимание А. Н. Колесниченко, который назвал их розыскными действиями следователя¹⁵. В его представлении розыскную деятельность в процессе расследования следовало понимать как систему следственных действий, розыскных и оперативно-розыскных мер, не смешивая их друг с другом¹⁶. Впоследствии Б. И. Богданов также использует термин “розыскные мероприятия следователя”¹⁷.

¹² **Шаламов М. П.** Розыск. — В кн.: Криминалистика. М., 1959, сс. 328, 329. На возможность использования следственных действий в розыскных целях указывала еще в 1954 г. Н. А. Якубович (см. **Якубович Н. А.** Работа следователя по возмещению материального ущерба и розыску похищенного имущества. М., 1954, с. 42).

¹³ **Богданов Б. Е.** Розыск. — В кн.: Криминалистика. М., 1963, с. 453.

¹⁴ Там же, с. 456.

¹⁵ **Колесниченко А. Н.** Розыск. — в кн.: Криминалистика. М., 1963, с. 352.

¹⁶ Там же.

¹⁷ **Богданов Б. Е.** Розыск. — В кн.: Криминалистика. М., 1971, с. 413. Автор главы о розыске в следующем по времени издании учебнике по криминалистике (“Юридическая литература”, 1973) С. П. Митричев в качестве средств розыска см. след. стр.

Определение розыска, предложенное в 1968 г. П. Е. Титовым, не внесло ничего принципиально нового в это понятие¹⁸. Как и А. Н. Колесниченко и Б. Е. Богданов, он включил в содержание розыска следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия, объединив их термином “розыскные действия”¹⁹.

В 1976 г. И. М. Лузгин выступил со своим определением понятия розыска. С содержательной точки зрения это определение не отличалось существенной новизной: как и его предшественники, И. М. Лузгин рассматривал розыск как систему следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Новым же в этом определении было то, что эта система, по мысли автора, разрабатывается криминалистикой. Он так и писал: “Под розыском понимается разрабатываемая криминалистикой система следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий...”²⁰ Из этого логически следует, что оперативно-розыскные мероприятия, осуществляемые органом дознания независимо от следователя (возможность такой автономии И. М. Лузгин упоминает сразу же после формулирования определения розыска), являются объектом разработки в криминалистике.

Специально розыскной деятельностью следователя, кроме В. И. Попова, до середины 70-х гг. занимался лишь Е. Ф. Коновалов, защитивший по этой проблематике кандидатскую диссертацию (1972) и опубликовавший в 1973 г. пособие “Розыскная деятельность следователя”. Во втором томе нашего “Курса советской криминалистики” (1978) криминалистическому учению о розыске посвящалась специальная, шестая, глава. В 1982 г. были защищены две кандидатских диссертации по проблемам розыска: Т. В. Боголюбской — “Правовые и организационные вопросы розыска следователем обвиняемых, местонахождение которых неизвестно” (Москва) — и Е. К. Кагиным — “Криминалистические основы розыска лиц, скрывшихся от следствия и суда” (Свердловск). Впоследствии Е. К. Кагин выступил с рядом публикаций по той же проблематике.

С середины 80-х гг. исследованием розыскной деятельности следователя стал активно заниматься А. А. Закатов, воспринявший в целом нашу концепцию теории розыска. Он успешно защитил по этой проблематике докторскую диссертацию — вторую после диссертации В. И. По-

вновь называет лишь следственные действия и оперативно-розыскные меры, не упоминая о розыскных действиях следователя.

¹⁸ **Титов П. Е.** Розыск. — В кн.: Криминалистика. М., 1968.

¹⁹ Там же, с. 465.

²⁰ **Лузгин И. М.** Тактические положения взаимодействия следственных и оперативных органов. — В кн.: Криминалистика. М., 1976, с. 362.

пова в отечественной криминалистике, — опубликовал ряд работ и глав учебников по розыскной деятельности следователя.

Определение понятия и содержания криминалистического учения о розыске требует, на наш взгляд, предварительного рассмотрения:

- ◆ 1) понятия и содержания розыскной деятельности как одной из форм борьбы с преступностью;
- ◆ 2) структуры розыскной деятельности как объекта научного исследования.

Розыскная деятельность есть функция органов дознания и предварительного следствия. Ее содержание составляют обнаружение замыслаемых, готовящихся и совершенных преступлений, установление и обнаружение виновных, объектов (лиц и предметов) — носителей доказательственной информации, предметов преступного посягательства и иных объектов, имеющих значение для установления истины по делу. В общей форме ее отличие от расследования заключается в том, что целью розыскной деятельности является **установление и обнаружение**, а целью расследования — **доказывание**.

Разумеется, такое разграничение носит именно самый общий, приблизительный характер, оно не дает представления о структуре этих видов деятельности.

Розыскная деятельность осуществляется путем проведения оперативно-розыскных и розыскных мероприятий и следственных действий, расследование — путем проведения следственных действий, организационно-технических и розыскных мероприятий. Если рассматривать эти оба вида деятельности как системы действий, то станет очевидным совпадение друг с другом двух элементов каждой системы. Что означает это совпадение? Можно ли на его основе делать вывод о том, что между розыскной деятельностью и расследованием следует поставить знак равенства? Одинаковую ли функциональную нагрузку в обоих случаях несут совпадающие элементы систем?

Попытаемся ответить на эти вопросы.

Оперативно-розыскные меры представляют собой специфический вид розыскной деятельности. Правом их проведения наделены лишь органы внутренних дел в лице некоторых (но не всех) своих служб и органы службы безопасности. Оперативно-розыскные меры носят непроцессуальный, преимущественно разведывательный (поисковый), характер и осуществляются специальными средствами²¹. Указание на

²¹ **Гребельский Д. В.** Некоторые вопросы совершенствования курса «Оперативно-розыскная деятельность органов охраны общественного порядка». — Труды ВШ МООП СССР, вып. 16. М., 1967, с. 69.

поисковый характер оперативно-розыскных мер и специальные средства их осуществления позволяет четко отграничить их как от следственных действий, так и от иных мероприятий органов дознания. Отсутствие же такого указания в определении оперативно-розыскных мер делает подобное определение беспредметным. По этим основаниям нельзя признать правильным определение оперативно-розыскных мер, предложенное в свое время А. Г. Птицыным²².

Ныне определение оперативно-розыскной деятельности дано законодателем в ст. 1 Закона “Об оперативно-розыскной деятельности”: “Оперативно-розыскная деятельность — вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то настоящим федеральным законом..., в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий”.

Целью оперативно-розыскных мер может быть и розыск скрывшегося преступника, похищенного имущества, возможных свидетелей и т. д. С этой точки зрения, их цель может совпадать с розыскными мероприятиями. Но розыскные мероприятия — это мероприятия, осуществляемые следователем в процессе расследования или по приостановленному делу только с указанной целью и только процессуальными или организационно-техническими средствами, тогда как основное назначение оперативно-розыскных мер — предотвращение, пресечение и обнаружение преступлений. Осуществляются они только оперативным работником и преимущественно негласными средствами.

Общими между розыскными мероприятиями и следственными действиями, как элементами розыскной деятельности, являются цель и субъект проведения, различными — формы и приемы осуществления. При этом следственные действия — это не какие-то специфические “ро-

²² А. Г. Птицын рассматривал оперативно-розыскную деятельность как “комплекс непроцессуальных мероприятий, проводимых оперативно-розыскными аппаратами, с использованием специальных научно-технических средств и приемов” (*Птицын А. Г.* Основные вопросы теории и практики координации следственных действий и оперативно-розыскных мер при расследовании хищений, совершенных должностными лицами. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1969, с. 8). Ранее А. Г. Птицын определял оперативно-розыскную деятельность “как функцию органов милиции, представляющую комплекс мероприятий” (К вопросу о понятии оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе. — В кн.: Вопросы судебной экспертизы, вып. 5. Баку, 1967, с. 213). Это определение было подвергнуто обоснованной критике В. Е. Розенцвайгом (*Розенцвайг В. Е.* Дознание и оперативно-розыскная деятельность. Сборник научных работ КазНИИСЭ, вып. 2. Алма-Ата, 1971).

зыские” следственные действия. Их процессуальный порядок и тактика обычны.

Поскольку розыскные мероприятия и следственные действия, осуществляемые в розыскных целях, проводятся следователем в процессе расследования²³, постольку они являются элементами этого процесса, и в этом смысле и только в этой части розыскную деятельность можно считать элементом расследования. Оперативно-розыскные меры в содержание расследования не входят. Без такой оговорки включение розыскной деятельности в процесс расследования принципиально ошибочно. Именно поэтому нельзя согласиться с И. Ф. Демидовым, который пишет: “Оперативно-розыскная деятельность является частью розыска. Последний представляет собой совокупность оперативно-розыскных и следственных действий... Розыск не есть нечто, стоящее вне предварительного расследования, напротив, он слит с расследованием (разрядка наша — **Р. Б.**), входит в содержание последнего как его необходимая, составная часть”²⁴.

Осуществление внепроцессуальных оперативно-розыскных мер составляет исключительную прерогативу оперативных служб компетентных органов, независимо от того, носят ли эти меры гласный или негласный характер. Предложение А. Р. Ратинова наделить следователя правом производства гласных оперативно-розыскных мероприятий²⁵ подверглось обоснованной критике. Г. Ясинский по этому поводу справедливо указывал, что “нельзя смешивать процессуальную деятельность следователя, связанную с поручениями и указаниями о производстве розыскных действий, с проведением розыскных внепроцессуальных действий органов дознания независимо от того, какими методами и средствами, гласными или негласными, они осуществляются”²⁶.

Отправляясь от изложенного, можно перейти к анализу структуры розыскной деятельности как объекта научного исследования.

С нашей точки зрения, розыскная деятельность представляет собой систему, состоящую из двух видов объектов научного исследования.

²³ Проведение розыскных мероприятий следователем по приостановленному делу входит в содержание только розыскной деятельности.

²⁴ **Демидов И. Ф.** Деятельность советской милиции по раскрытию и расследованию преступлений. Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. Ростов, 1969, с. 11.

²⁵ **Ратинов А. Р.** Взаимодействие следователей прокуратуры и органов милиции при расследовании преступлений. — В кн.: Практика применения нового уголовно-процессуального законодательства. М., 1962, сс. 87-88.

²⁶ **Ясинский Г.** Взаимоотношения следователя МООП и органа дознания. — Соц. законность, 1964, № 7, сс. 19-20.

Первый вид объектов — оперативно-розыскные меры, закономерности содержания и осуществления которых, тактика применения, сочетания и пути совершенствования изучаются и разрабатываются теорией оперативно-розыскной деятельности.

Второй вид объектов — розыскные мероприятия и следственные действия — в совокупности составляет содержание розыскной деятельности следователя. В этом качестве они — объекты криминалистики. Возвращаясь к ранее сказанному, заметим, что именно здесь коренится причина нашего несогласия с предложенным И. М. Лузгиным определением розыска как разрабатываемой криминалистикой системой следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Криминалистика изучает, совершенствует и разрабатывает средства и методы лишь розыскной деятельности следователя как субъекта работы с доказательствами. Относящиеся к этой деятельности положения теории оперативно-розыскной работы учитываются и используются криминалистикой подобно данным других наук, на основе тех принципов сочетания научных знаний, о которых мы уже подробно писали в первом томе Курса.

Гласный или негласный характер тех или иных оперативно-розыскных мер не может служить классификационным признаком при отнесении их к группе объектов, изучаемых криминалистикой или теорией оперативно-розыскной деятельности, как полагал вслед за А. Н. Васильевым и А. Р. Ратиновым В. М. Быков²⁷. Точно так же не служит основанием для включения оперативно-розыскных мер в число объектов криминалистической тактики их тактический в ряде случаев характер, как считает И. Ф. Демидов. Он делает этот вывод только на основе того, что в процессе расследования оперативно-розыскные меры играют вспомогательную роль, служат подготовке и созданию необходимых условий для осуществления следственных и иных процессуальных действий²⁸. Однако такой вывод можно сделать лишь в том случае, если отрицать существование иной, не криминалистической, а оперативно-розыскной тактики как части теории оперативно-розыскной деятельности. Но такая теория, как самостоятельная область научного знания, существует независимо от того, признают ли ее существование те или иные ученые²⁹.

²⁷ **Быков В. М.** Деятельность следователя по приостановленным делам. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1972, с. 9.

²⁸ **Демидов И. Ф.** Указанный автореферат, с. 12.

²⁹ **Гребельский Д. В.** Правовая основа оперативно-розыскной деятельности советской милиции. — Соц. законность, 1974, № 3, сс. 55-57.

Положение не изменится и в том случае, если, как это предлагал И. Г. Маландин, отдельные гласные оперативно-розыскные меры будут регламентированы уголовно-процессуальным законом. Он высказывался за «регламентацию в УПК отдельных сторон гласных форм оперативно-розыскной деятельности милиции и включение в предмет следственной тактики оперативно-розыскных действий в необходимом объеме. Представляется, что в следственную тактику следует включить те из проводимых гласным путем оперативно-розыскных действий, результаты которых служат основанием для построения следственных версий и могут быть проведены с соблюдением процессуальных форм. К такому действию по рассматриваемым делам (имеются в виду дела и дорожно-транспортных происшествиях — **Р. Б.**) может быть отнесен розыск скрывшихся с места происшествия водителей и транспортных средств (проводимый в гласных формах)³⁰. Мы уже неоднократно отмечали, что регламентация в законе того или иного средства, приема, действия вовсе не означает, что они перестают быть объектом изучения и разработки одной науки и «перекочевывают» в другую науку, отмечали, что закон не является частью той или иной науки, что он, как объект познания, может изучаться несколькими науками, являясь для них общим объектом.

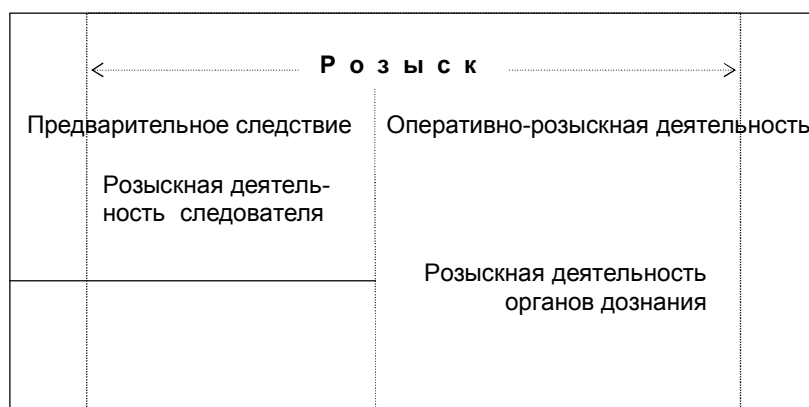
Следует заметить, что в работах тех криминалистов, которые, не желая считаться с реальным положением вещей, упорно включают оперативно-розыскные меры в содержание криминалистической тактики, все рассмотрение проблемы сводится, как правило, к тому, что в каком-то контексте перечисляются такие оперативно-розыскные меры, как приращение служебно-розыскных собак, прочесывание местности, преследование преступника по горячим следам, иногда наблюдение за возможными местами сбыта похищенного имущества. Но это только незначительная часть арсенала оперативно-розыскных мер, который, как следует из сказанного, не только на деле не разрабатывался, но до издания упомянутого закона об ОРД был просто неизвестен этим кри-

³⁰ *Маландин И. Г.* Борьба с дорожно-транспортными происшествиями и правонарушениями на автотранспорте в СССР. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1965, с. 23. Попутно заметим, что критерий, избранный автором для решения вопроса о регламентации той или иной оперативно-розыскной меры в законе, — использование ее результатов как основания для построения следственных версий — реально не существует. Известно, что основанием для построения следственных версий практически могут служить данные, полученные из любого источника, если только они правдоподобны, реальны и конкретны (см. гл. 9 настоящего тома).

миналистам³¹. Попытки оправдать скудость приводимого перечня оперативно-розыскных мер их не подлежащим оглашению содержанием нельзя признать полностью обоснованными, так как в криминалистических работах перечисляются далеко не все даже гласные оперативно-розыскные меры.

Соотношение объектов криминалистики и теории оперативно-розыскной деятельности в системе розыска в целом можно представить в виде схемы, в основе которой лежит схема соотношения отдельных частей розыска, предложенная Е. Ф. Коноваловым³².

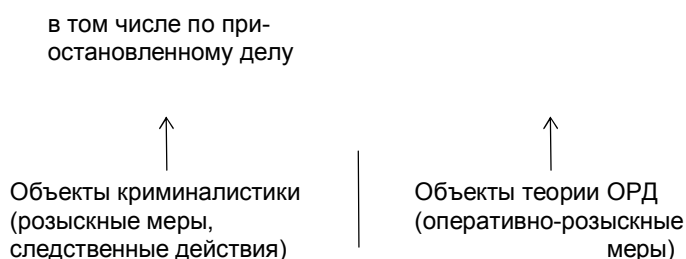
Возвращаясь к характеристике отличия розыскной деятельности от расследования, уже сформулированной нами в общей форме ранее, добавим, что если цель розыска в целом — установление и обнаружение, если такая же цель свойственна и оперативно-розыскной деятельности как части розыска, то другой его части — розыскной деятельности следователя присуща лишь такая цель, как обнаружение, ибо следователь имеет дело с розыском лишь известных, установленных объектов.³³

³¹ Некоторые авторы даже считали, что «одним из главных методов проведения оперативно-розыскной работы... является применение на месте происшествия служебно-розыскной собаки» (*Коврига З. Ф.* Дознание в органах милиции. Воронеж, 1964, с. 22).

³² *Коновалов Е. Ф.* Розыскная деятельность следователя. М., 1973, с. 4.

³³ А. С. Косенко, оспаривая мнение, что розыскная деятельность следователя направлена лишь на обнаружение скрываемых известных ему объектов, считает, что она может быть направлена «и на получение информации об обстоятельствах, еще не ставших известными» (*Косенко А. С.* Розыскные действия в советском уголовном процессе. Хабаровск, 1989, с. 11). Тем самым, во-первых, стирается грань между розыскными и оперативно-розыскными действиями и, во-вторых, между розыском и доказыванием.

Резюмируя сказанное, можно заключить, что предметом криминалистического учения о розыске являются те отдельные закономерности возникновения, собирания, исследования, оценки и использования доказательственной и ориентирующей информации, которые определяют содержание, направленность и методы осуществления розыскной деятельности следователя.

А. А. Закатов выделил следующие закономерности розыскной деятельности следователя:

- ◆ “отображаемость в материальной среде и сознании людей признаков разыскиваемых лиц и иных объектов, что позволяет индивидуализировать их;
- ◆ повторяемость поведения разыскиваемых обвиняемых и лиц, укрывающих разыскиваемые объекты, что позволяет прогнозировать их поступки;
- ◆ зависимость поведения разыскиваемых от условий, в которых они находятся;
- ◆ обусловленность выбора способов укрытия объектов преступным опытом укрывающих, их профессиональными навыками и психологическими свойствами;
- ◆ взаимосвязь способов укрытия разыскиваемых объектов и следов применения этих способов;
- ◆ зависимость поведения разыскиваемого от характера совершенного преступления, степени его общественной опасности, а также принадлежности обвиняемого к определенной возрастной группе или преступной среде”³⁴.

Не все в этом перечне бесспорно, но многое верно. Анализ сущности и проявлений названных закономерностей, рассмотрение основанных на

³⁴ **Закатов А. А.** Криминалистическое учение о розыске. Волгоград, 1988, с.7.

их познании средств и приемов розыска составляют содержание этой частной криминалистической теории.

6.2. Проявление закономерностей возникновения доказательств и работы с ними в розыскной деятельности следователя

Рассматривая процесс возникновения доказательственной информации, мы отмечали, что преступление, как любое явление действительности, отражается в окружающей среде и что доказательственная информация есть результат такого акта отражения. При этом подчеркивалось, что, строго говоря, непосредственно отражаемыми объектами являются субъект и объективная сторона преступления, что субъект преступления, как личность, отражается через свои свойства (как проявление личности) и через средства и способы действий; действия (или бездействие) отражаются через средства и способы их осуществления; в качестве отражающих объектов выступают окружающая обстановка и предмет посягательства. На основании изменений отражающих объектов, представляющих собой “отпечатки” свойств личности, результаты действий, то есть выступающих как информация о преступлении, устанавливаются объекты, относящиеся к событию.

Если эти объекты находятся вне пределов досягаемости для следователя и суда, а доказывание и процессуальная процедура в целом требует реального (физического или психического) взаимодействия с ними, если при этом их местонахождение в данный момент неизвестно, — эти объекты становятся объектами розыска.

Поскольку мы исходим из того, что целью розыскной деятельности следователя, являющейся объектом криминалистики, служит обнаружение установленных лиц, предметов и др., следует выяснить, что понимается под установлением объектов розыска.

В обыденном употреблении термин “установленный” равнозначен термину “известный”. По сути, эта равнозначность сохраняется и в аспекте рассматриваемого нами вопроса, но требует некоторых комментариев.

Когда мы говорим, как об установленных, о таких объектах розыска, как люди, то имеем в виду наличие в распоряжении субъекта розыска данных, позволяющих индивидуализировать личность разыскиваемого и отождествить его при обнаружении. Это комплекс демографических сведений, информация о его внешних признаках и иных свойствах лич-

ности. Данные подобного рода могут быть получены двояким путем: как проведением оперативно-розыскных мероприятий, так и в результате следственных действий, направленных на обнаружение “отпечатков” преступления, несущих информацию о причастных к расследуемому событию людях. Розыскиваемый следователем человек — это всегда конкретное, определенное лицо. В большинстве случаев так же можно охарактеризовать и другие объекты розыска. Однако существуют и исключения из этого общего правила.

Объектами розыска могут быть предметы, в отношении которых известна лишь их групповая принадлежность (например, документы определенного вида, продукция, изготовленная из неучтенного сырья, и т. д.), причем иногда объем группы, к которой мы их относим, может быть чрезвычайно велик, что, однако, не препятствует их розыску (например, группа “ценности”, группа “тяжелые тупые предметы” и т. д.). Термин “установленный” в подобных случаях означает зафиксированную принадлежность предмета к определенной группе.

Возникновение розыскиваемого объекта именно как объекта розыска есть результат действия закономерностей возникновения доказательственной информации. Процесс установления этого объекта предполагает знание проявления этих закономерностей и осуществляется под воздействием закономерностей работы с доказательствами: собирание и исследование информации о розыскиваемом объекте, использование этой информации для организации и осуществления самого розыска и есть проявление этих закономерностей.

К числу объектов, признанных установленными и подлежащими розыску, могут быть отнесены:

- 1) **люди** — подозреваемые; обвиняемые; осужденные, бежавшие из мест лишения свободы или с предписанного места жительства; потерпевшие; свидетели;
- 2) **трупы** и их части;
- 3) **животные** (как предмет преступного посягательства или орудие преступления) и их трупы;
- 4) **вещественные доказательства** (в том числе орудия преступления);
- 5) **транспортные средства** (как предмет преступного посягательства или орудие преступления);
- 6) **имущество** и иные ценности;

7) личные и иные **документы**, не являющиеся вещественными доказательствами³⁵.

Информация, служащая основой для розыскной деятельности следователя, по своему характеру неоднородна. Это, во-первых, информация, возникшая как изменение среды под воздействием расследуемого преступления, т.е. в результате проявления закономерностей возникновения доказательств. По своему содержанию это информация о возможном местонахождении объекта розыска, содержащаяся в нем самом или в других отпечатках события. Во-вторых, это информация о разыскиваемом объекте, носителями которой являются иные объекты, как связанные, так и не связанные с событием преступления (свидетели, родственники или знакомые подозреваемого, архивные уголовные дела, документы и т. д.) Собираение информации из этих источников входит в компетенцию следователя и составляет элемент его розыскной деятельности. В-третьих, это ориентирующая информация, предоставляемая в распоряжение следователя оперативным работником и полученная последним в результате осуществления оперативно-розыскных мер. Информация всех трех указанных видов служит базой для организации и планирования розыска, логическую основу которых составляют розыскные версии.

Розыскная версия представляет собой разновидность криминалистической версии. Поскольку учению о криминалистической версии посвящается специальная глава Курса, в настоящей главе мы рассмотрим лишь вопросы, относящиеся только к розыскной версии, и прежде всего, ее соотношение с оперативно-розыскной версией.

1. Различие между розыскной версией и версией оперативно-розыскной заключается, во-первых, в субъекте их выдвижения. Розыскная версия — версия следователя, оперативно-розыскная — версия оперативного работника. Даже компетентные авторы иногда смешивают эти понятия. Так, П. А. Олейник и А. Г. Птицын пишут: «Опираясь на фактические данные, обнаруженные в процессе проведения оперативно-розыскных мер, оперативные работники выдвигают предположения относительно наличия отдельных признаков, указывающих на некоторые стороны преступления, причастных к нему лиц, а также на

³⁵ Е. Ф. Коновалов, приводя аналогичный перечень объектов розыска, справедливо замечает, что его «нельзя считать исчерпывающим, так как объектами розыска могут быть и любые иные объекты, но при условии, если они уже установлены и имеют значение для расследования совершенного преступления» (*Коновалов Е. Ф.* Розыскная деятельность следователя. М., 1973, с. 7). Тот же перечень приводит и А. А. Закатов (см. *Закатов А. А.* Розыскная деятельность. Волгоград, 1988).

место нахождения виновного и т. д. Такие предположения и являются оперативно-розыскными или розыскными версиями”³⁶.

2. Во-вторых, розыскные версии всегда являются частными, поскольку относятся не ко всему событию, а лишь к отдельным его элементам. Оперативно-розыскные версии могут быть и общими, и частными. По кругу объясняемых фактов розыскная и оперативно-розыскная версия могут совпадать, что бывает, если та и другая выдвигаются в процессе розыска и в отношении одних и тех же объектов.
3. В-третьих, субъектом проверки розыскной версии могут быть как сам следователь, так и по его поручению оперативный работник; субъектом проверки оперативно-розыскной версии может быть только оперативный работник.
4. Наконец, в-четвертых, средством проверки розыскных версий могут быть следственные действия, розыскные мероприятия, а также оперативно-розыскные меры, осуществляемые по поручению следователя; средством проверки оперативно-розыскных версий могут быть только оперативно-розыскные меры.

С логической стороны процесс построения розыскных и оперативно-розыскных версий одинаков. Одинаковое влияние на оценку исходных для построения версий данных оказывают и факторы, верно отмеченные Е. Ф. Коноваловым. Это:

- ◆ “профессиональный розыскной опыт, который приобретается как в результате практической деятельности в этой области, так и в процессе постоянного самоусовершенствования и критической оценки своей деятельности;
- ◆ знание оперативной обстановки в том районе, где совершено преступление: состояния преступности в конкретный период; обстоятельств, которые способствуют уклонению преступников от следствия и суда либо укрытию различных объектов;
- ◆ знание психологии лиц, совершивших преступление и скрывшихся от следствия либо укрывших ценное имущество и другие объекты;
- ◆ знание наиболее распространенных приемов, способов, уловок, мест, используемых преступниками с целью укрытия”³⁷.

Содержание розыскной версии — это предположение об образе действий того или иного лица по сокрытию разыскиваемого объекта и, в конечном счете, предположение о месте нахождения объекта розыска.

³⁶ Олейник П. А., Птицын А. Г. Роль розыскных версий в раскрытии преступлений. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 8. Киев, 1971, с. 21.

³⁷ Коновалов Е. Ф. Указ. работа, с. 16.

Определяя направление розыска, розыскная версия играет роль фактора, детерминирующего поведение субъекта розыска. «Поведенческие» элементы розыскной деятельности, наличие взаимопротивоположных интересов субъектов обуславливают важность и перспективность психологических основ розыска.

Строго говоря, розыскная версия, будучи выдвинута следователем, является следственной версией. В то же время ряд особенностей, которыми обладает розыскная версия позволяют выделить ее из иных следственных версий. По мнению Е. К. Кагина эти особенности объясняются следующим: «1) наличием достаточных данных, свидетельствующих, что преступление совершено известным следствию лицом; 2) наличием достаточных доказательств для привлечения данного лица в качестве обвиняемого; 3) выдвижением розыскной версии следователем или оперативным работником органа дознания как в ходе предварительного расследования, так и после приостановления уголовного дела в зависимости от времени получения исходной информации для розыска, но только при наличии оснований, указанных в п. 1; 4) выдвижением розыскной версии в отношении ограниченного круга фактов..., круг которых значительно уже, чем при выдвижении следственных версий; 5) проверкой розыскных версий без выделения логических следствий; 6) предсказательным характером в отличие от ретросказательного у следственных версий; 7) разведывательным характером, поскольку проверку розыскной версии органы дознания осуществляют чаще всего оперативно-розыскными средствами и методами»³⁸.

В целом, с высказанными соображениями можно согласиться, но некоторые из них вызывают возражения. По-видимому, можно объединить пп. 1-2, поскольку они отличаются не содержанием розыскных версий, а процессуальными основаниями для их выдвижения. Говоря об объеме объясняемых розыскной версией фактов, автор упускает из виду, что точно так же можно характеризовать и частную следственную версию и по этому признаку между ними нет различий. Ну, и возникает естественный вопрос: носит ли разведывательный характер розыскная версия, если она выдвинута и проверяется следователем, то есть если она проверяется не оперативным путем (п. 7)?

Психологические основы розыска, с нашей точки зрения, должны включать в себя характеристику психологии субъекта розыска при осуществлении им розыскной деятельности, психологии разыскиваемого и лица, принимавшего меры к сокрытию объектов розыска. Степень ис-

³⁸ См. **Закатов А. А.** Криминалистическое учение о розыске, сс. 14-20; **Кагин Е. К.** Роль следственной ситуации в повышении эффективности розыска. — В кн.: Тактические операции и эффективность расследования. Свердловск, 1986, сс. 71-74.

следования этой проблематики в криминалистике и судебной психологии не одинакова и, в целом, пожалуй, не высока. Непосредственно психологические основы розыска рассматривались лишь в работах В. И. Попова и Е. Ф. Коновалова (применительно к розыску скрывшегося преступника), косвенно — в работах А. В. Дулова, А. Р. Ратинова и других судебных психологов. Сравнительно детально разработаны в литературе только психологические основы обыска как одного из следственных действий, направленных на обнаружение разыскиваемых объектов. Однако ряд положений судебной психологии, сформулированных в связи с исследованием не розыскной, а иной проблематики, могут быть с успехом использованы как элементы психологических основ розыска.

Нам представляется, что с психологической точки зрения розыскная деятельность следователя, то есть то, что мы имеем в виду, говоря о розыске как объекте рассматриваемой криминалистической теории, предполагает решение таких мыслительных задач, как:

- ◆ 1) формирование представлений о психологическом облике разыскиваемого субъекта, а также лица, действия которого направлены на сокрытие объектов розыска;
- ◆ 2) прогнозирование с учетом этих представлений поведения и действий этих лиц и определение вероятных мест нахождения объектов розыска;
- ◆ 3) моделирование поведения и действий субъекта розыска;
- ◆ 4) прогнозирование ответных действий лиц, противостоящих субъекту розыска, — как разыскиваемых, так и иных, так или иначе связанных с объектами розыска.

Решение первой из перечисленных задач требует, помимо собирания информации о чертах характера разыскиваемого, его связях — родственных, дружеских, профессиональных, интимных, — получения данных о том, “1) какими профессиями владеет скрывшийся и к какой профессии он питает особую склонность; 2) не мечтал ли скрывшийся преступник переменить место жительства или переехать на жительство к кому-либо. Первое положение не требует объяснений, что же касается второго, то ведущие розыск должны учитывать такую психологическую деталь: оказавшись вынужденным скрываться, преступник нередко оказывался в той части... (страны — **Р. Б.**), куда мечтал переехать на жительство или просто побывать там”³⁹.

При воссоздании психологического облика лица, укрывающего или способствующего сокрытию объектов розыска, существенна информа-

³⁹ Попов В. И. Психологические аспекты розыска обвиняемых. — В кн.: Юридические науки, вып. 3. Алма-Ата, 1973, сс. 44-45.

ция об отношениях с разыскиваемым лицом, способности ради последнего пойти на риск конфликта с окружающими, на правонарушение, а если речь идет не о розыске людей, а иных объектов, то информация о привычках, профессиональных навыках, способности владеть собой в острых ситуациях, изобретательности и других качествах лица, скрывающего объект розыска или способствующего сокрытию. Как правильно отмечал Е. Ф. Коновалов, «наблюдается определенная зависимость выбора способа укрытия имущества и от таких свойств личности, как пол, возраст, образование, опыт (в том числе преступный), волевые качества, интересы, увлечения и др. Так, несовершеннолетние в связи с беспечностью могут проявить небрежность при укрытии. Но и они же в силу наличия элементов фантазии, использования опыта других лиц могут создать различные хитроумные тайники. Взрослые, работающие, например, на производстве, более успешно могут применять те или иные технические навыки»⁴⁰.

Воссоздание психологического облика интересующего следователя лица — это, естественно, не самоцель, а средство решения второй из названных мыслительных задач. Прогнозирование поведения и действий данного лица лежит в основе розыскной версии о местонахождении искомого объекта⁴¹. Для такого прогноза существенное значение имеет знание следователем тех уловок и ухищрений, которые используются преступниками в целях уклонения от следствия и суда или для сокрытия объектов розыска. Наиболее полный перечень таких приемов приводит Е. Ф. Коновалов. В качестве уловок, используемых преступниками при уклонении от следствия и суда, он называет использование различных убежищ, инсценировку обстоятельств, якобы свидетельствующих о гибели разыскиваемого, приобретение чужих или фальсификацию собственных документов, официальное изменение фамилии на фамилию жены или мужа, изменение внешности, выезд в отдаленные районы, занятие бродяжничеством и др. Для сокрытия объектов розыска используются специально устраиваемые тайные хранилища; вещи отдаются на хранение родственникам или знакомым, которые в случае необходимости пытаются выдать их за свои, посторонним лицам за вознаграждение, мнимым «недругам», сдаются на хранение в ломбарды,

⁴⁰ Коновалов Е. Ф. Указ. раб., с. 40.

⁴¹ Попов В. И. Ленинский принцип неотвратимости наказания за совершенное преступление и розыскная деятельность. — В кн.: Вопросы судебной экспертизы, вып. 9. Баку, 1969, сс. 123-124.

камеры хранения, в багаж, на почту либо хранятся открыто после некоторого изменения их внешнего вида⁴².

Прогнозирование поведения разыскиваемых, свидетелей и потерпевших связано с проверкой предположения об умышленном уклонении этих лиц от следствия. Причиной такого уклонения может быть: боязнь мести со стороны подозреваемых или обвиняемых и их связей; нежелание испортить своими показаниями отношения с другими лицами, проходящими по делу; подкуп свидетеля или потерпевшего или иная корыстная их заинтересованность; аморальность поведения самих разыскиваемых в момент расследуемого события; преступный источник получения потерпевшим предмета, на который было совершено посягательство обвиняемым; нежелание давать показания по иным причинам, например, из-за неверия в эффективность действий следователя по раскрытию преступления или нежелания отвлекаться от своих занятий для дачи показаний.

Моделирование субъектом розыска на основе решения указанных мыслительных задач своего поведения и действий выражается в планировании путей проверки розыскных версий. Если розыск представляется не одномоментным актом (например, обнаружение и изъятие похищенных вещей у родственника обвиняемого), а «многоходовой» операцией, в процессе которой возможна смена разыскиваемым мест укрытия или препятывание разыскиваемых предметов, его успех зависит от умения следователя предвидеть ответные действия противостоящих ему лиц. Для такого предвидения необходимо проникнуть во внутренний мир этих лиц, понять ход их рассуждений и основания принимаемых ими решений. Подобная мыслительная деятельность при противоборствовании сторон именуется в психологии «рефлексией»⁴³. Как справедливо пишет И. И. Артамонов, «следователь лишь тогда сможет получить преимущество в борьбе — этом своеобразном поединке, если будет обладать более высоким уровнем рефлексии, то есть более высокими имитационными способностями, если он наиболее верно отражает обстановку реальной борьбы, более точно оценивает информацию, которая поступает к нему в ходе расследования»⁴⁴.

Приоритет в исследовании путей приложения теории рефлексивных игр к следственной практике принадлежит А. Р. Ратинову. Небезынтере-

⁴² Коновалов Е. Ф. Указ. раб., сс. 32-33, 40-41.

⁴³ Лефевр В. А. Элементы логики рефлексивных игр.. — В кн.: Проблемы инженерной психологии, вып. 4. Л., 1966, с. 296.

⁴⁴ Артамонов И. И. Психологический анализ возможностей теории игр в следственной тактике. — В кн.: Вопросы судебной психологии. Минск, 1972.

сно, что содержание рефлексии он демонстрировал путем описания эпизода с розыском преступника: "... представим себе такой эпизод, — писал А. Р. Ратинов, — следователь предпринимает розыск преступника, скрывшегося с места совершения преступления. Наиболее вероятно он мог уйти двумя путями: один из них (А) удобнее для движения, но проходит по людным местам и поэтому опаснее, другой (Б) труднее, но менее опасен. Преследуемый рассуждает так: "Путь Б надежнее А, поэтому я выбираю путь Б".

Следователь, оценивая обстановку, должен воспроизвести ход рассуждения преступника: "Он знает, что путь Б для него надежнее, чем путь А, и потому выбирает путь Б — значит, я должен его преследовать по этому пути".

Однако, если преступник не уступает следователю в рефлексии, он может рассуждать так: "Следователь полагает, будто я, зная, что путь Б надежнее, двинусь по нему, и станет преследовать меня по этому пути. Значит, я выбираю путь А".

Если следователь превосходит преступника в рефлексии, он, воссоздав мысленно ход его рассуждений и их результат, примет соответствующее решение и захватит разыскиваемого. Но может случиться и так, что преступник "переиграет" следователя в этом соревновании, более точно и на более высоком уровне имитируя решение своего противника"⁴⁵.

Теория рефлексивных игр предполагает не только предвидение решений противника, но и оказание влияния на формирование этих решений в желательном для следователя направлении. Здесь мы вплотную подходим к проблеме так называемой следственной хитрости, которую предполагаем специально рассмотреть в дальнейшем. Теперь же ограничимся указанием способов воздействия следователя на формирование решения разыскиваемым или лицом, принимающим меры к сокрытию объектов розыска.

- I. Во-первых, это передача следователем информации, влияющей на формирование у противостоящей стороны желательного для следствия решения. Эти решения могут быть следующих видов:

⁴⁵ **Ратинов А. Р.** Судебная психология для следователей. М, 1967, сс. 158-159. О рефлексии при розыске см. также: **Кагин Е. К.** Роль следственной ситуации в повышении эффективности розыска. — В кн.: Тактические операции и эффективность расследования. Свердловск 1986, с. 68; **Кагин Е. К.** Специальные особенности розыскной деятельности сотрудников правоохранительных органов. — В кн.: Актуальные проблемы следственной деятельности. Свердловск, 1990, сс. 78-80.

- ◆ а) об отказе от дальнейших попыток уклонения от следствия и суда или от дальнейшего сокрытия искомых объектов;
- ◆ б) о выборе определенного, уже известного следователю места дальнейшего пребывания разыскиваемого или места сокрытия объектов розыска;
- ◆ в) о совершении действий, изобличающих пособников розыскиваемого или укрывателей искомых объектов;
- ◆ г) о совершении действий, желательных для следователя и приводящих к успешному окончанию розыска.

О воздействии методов передачи информации подробно пишет А. В. Дулов, хотя и не применительно к розыскной деятельности. Он справедливо подчеркивает, что этот метод во всех случаях должен предоставлять лицу, на которое оказывается воздействие, полную самостоятельность в усвоении, переработке, осмысливании переданной ему информации, в принятии решения⁴⁶.

II. Во-вторых, это «побуждение к действиям в затрудненной обстановке при ослабленных силах. Например, лишая разыскиваемого преступника надежного убежища, следователь вынуждает его скрываться без документов, в ненадежных укрытиях»⁴⁷. Аналогичными будут действия следователя по блокированию мест, удобных для сокрытия объектов розыска.

III. В-третьих, это использование в желательном для следователя направлении влияния родственных и иных связей противостоящей стороны. Это фактически метод косвенного убеждения, оказывающийся особенно эффективным, когда противостоящая сторона испытывает сомнения в правильности своих действий и неуверенность в них⁴⁸.

Метод рефлексии весьма эффективен при розыске искомых объектов путем обыска. Еще В. И. Громов в этой связи отмечал: «Опыт лиц, занимавшихся специально розыскной деятельностью, выработано... правило, которым рекомендуется руководствоваться при обыске: нужно поставить себя в положение обыскиваемого, учесть его психологию, его профессию, уклад его жизни, характер и привычки и задать себе вопрос: куда бы догадался или попытался сам производящий обыск спрятать разыскиваемый предмет, если бы сам жил в обстановке и условиях обыскиваемого и обладал бы одинаковой с ним степенью развития,

⁴⁶ Дулов А. В. Судебная психология. Минск, 1970, сс. 136-140.

⁴⁷ Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей, с. 162.

⁴⁸ Подробнее о методе убеждения см. Дулов А. В. Судебная психология. Изд. 2-е. Минск, 1975, сс. 175-180.

одинаковыми профессиональными навыками и способностями. Между тем история уголовных расследований показывает, что даже известные своим опытом и прославленные успешным раскрытием громких уголовных дел сыщики обыкновенно при обысках пользовались шаблонными приемами и искали объекты преступления в таких местах, где обычно такие предметы прятались раньше преступниками или где бы они сами спрятали, если бы им пришлось прятать эти предметы”⁴⁹.

Стремясь превзойти будущего обыскивающего в ранге рефлексии, лицо, скрывающее объекты розыска, также пытается поставить себя на его место, представить себе не только ход рассуждений обыскивающего, но и учесть факторы, могущие оказать влияние на его поведение и действия⁵⁰. А. В. Дулов называет некоторые такие факторы психологического характера: утомление и появление автоматизма в действиях следователя, брезгливость, проявление такта и других благородных побуждений со стороны следователя, наличие у него установки на скрытый характер места нахождения искомого объекта, что влечет невнимательное отношение к предметам, лежащим на виду, и т. д.⁵¹

Мы не останавливаемся подробнее на психологии обыска, поскольку эта проблематика сравнительно детально разработана в криминалистической и судебно-психологической литературе. Иное положение сложилось в области психологии розыскных мероприятий, осуществляемых следователем. Насколько нам известно, специальных исследований этих вопросов не проводилось ни в криминалистике, ни в судебной психологии, и это, несомненно, затрудняет разработку тактики розыска.

Закономерности возникновения доказательств и работы с ними, проявляющиеся в розыскной деятельности и “управляющие” ею, обуславливают те требования, которые предъявляются к ней и соблюдение ко-

⁴⁹ **Громов Вл.** Предварительное расследование в советском уголовном процессе. М., 1931, сс. 185-186.

⁵⁰ Блестящий образец рассуждений такого рода приведен в знаменитом рассказе Эдгара По “Похищенное письмо”.

⁵¹ **Дулов А. В.** Судебная психология. Изд. 2-е, с. 347. Заслуживает внимания рекомендация А. В. Дулова следователю “при производстве каждого следственного действия... постоянно осуществлять самонаблюдение, контроль за собственными действиями и правильностью своих восприятий... Самоанализ обеспечивает контроль над собственными психическими состояниями и процессами при производстве следственного действия... Следователь должен уметь находить пути для ликвидации обнаруженных в процессе самоанализа отрицательных психических явлений (утомление, раздражение), мешающих правильному производству следственного действия” (**Дулов А. В.** Основы психологического анализа на предварительном следствии. М., 1973, с. 141).

торых обуславливает ее эффективность. Представляется, что к числу этих требований могут быть отнесены: оперативность розыска, тактическая, логическая и психологическая обоснованность розыскных мероприятий, согласованность розыскных мероприятий с оперативно-розыскными мерами органов дознания и сочетание тех и других со следственными действиями, осуществляемыми в розыскных целях.

Оперативность розыска понимается нами как система характеризующих его качеств, в которую входят быстрота и непрерывность розыска, активность субъекта розыска, массированность привлекаемых сил и средств.

Динамизм следственных ситуаций, быстрота рассеивания доказательственной информации и “старения” информации ориентирующей, процессы отчуждения и ослабления коммуникабельности жителей современных больших городов, возможности средств сообщения и связи требуют незамедлительной реализации принятых решений о проведении розыскных мероприятий. Дефицит времени становится постоянно действующим фактором розыска. Он диктует необходимость быстроты розыска, непрерывности осуществления розыскных мероприятий, привлечения для их одновременного производства массированных сил и средств в целях максимального расширения фронта розыска в минимальном временном интервале.

Оперативность розыска должна обеспечить максимальное сокращение промежутка между установлением и обнаружением объекта розыска. Когда эта задача решается на начальном этапе расследования, она становится элементом деятельности, обозначаемой в практике, как розыск по горячим следам, или, более точно, раскрытие преступления по горячим следам. Это понятие охватывает комплекс неотложных следственных действий, розыскных и оперативно-розыскных мероприятий, позволяющих не только установить и обнаружить, но и изобличить преступника в течение нескольких суток с момента обнаружения преступления⁵².

Тактическая обоснованность розыска выражается в учете складывающихся следственных ситуаций, определении круга и последовательности розыскных мероприятий и проводимых в розыскных целях следственных действий, выборе момента их осуществления и прогнозировании ожидаемых результатов. Тактическая обоснованность розыска

⁵² **Сидоров В. Е.** Вопросы организации предварительного расследования в целях раскрытия преступлений по горячим следам. — В кн.: Сборник статей адъюнктов и соискателей, вып. 1. М., 1973; **Лавров В. П., Сидоров В. Е.** Расследование преступлений по горячим следам. М., 1989.

связана с его **психологической обоснованностью**, о которой, как о психологических основах розыска, мы говорили ранее. К сказанному можно добавить, что к числу качеств, которые должен проявить субъект розыска, следует отнести целеустремленность, настойчивость в достижении цели розыска, что особенно важно, когда розыск принимает затяжной характер или осуществляется после приостановления производства по делу.

Логическая обоснованность розыска заключается в логической непротиворечивости планируемых мер, логичности плана розыска и вносимых в него по ходу дела изменений, обоснованности розыскных версий, принимаемых в процессе розыска решений, в логическом анализе действий противостоящей стороны.

Согласованность между элементами розыскной деятельности следователя и между этой деятельностью и оперативно-розыскными мерами органов дознания означает:

- 1) единство цели розыскных мероприятий и следственных действий, осуществляемых в процессе розыска, дополнительный характер тех и других по отношению друг к другу, комплексность их планирования и проведения;
- 2) тесное взаимодействие и деловое непрерывное сотрудничество между субъектами розыскной деятельности в целом — следователем и оперативными работниками, о чем речь будет специально идти далее.

6.3. Характеристика содержательной стороны розыска как объекта криминалистической теории

Содержательную сторону розыска как объекта криминалистической теории составляют его организация и планирование, розыскные мероприятия следователя и розыскные возможности следственных действий.

Организация розыска предполагает учет и расстановку наличных сил и средств, определение форм и методов взаимодействия с оперативными аппаратами органов внутренних дел, анализ исходной информации. С организацией неразрывно связано планирование розыска, осуществ-

ляемое на основе выдвинутых розыскных версий. Как верно отмечал И. М. Лузгин, содержание плана розыска зависит от объектов розыска⁵³.

Существенным элементом организации розыска является определение форм и методов взаимодействия следователя и участвующих в розыске оперативных работников.

Известно, что после возбуждения уголовного дела орган дознания вправе предпринимать какие-либо действия, направленные на установление истины, лишь по поручению следователя. Такое поручение составляет правовую основу взаимодействия при розыске. И. М. Лузгин, рассматривая взаимодействие при розыске в тактико-криминалистическом плане, различал общие основания (условия) и специальные методы осуществления взаимодействия. В качестве общих оснований он расценивает совместные розыскные версии и план розыска; специальные методы взаимодействия зависят от объектов розыска⁵⁴.

Наличие совместных розыскных версий едва ли можно считать условием взаимодействия. Разумеется, совпадение мнений следователя и оперативного работника относительно вероятного местонахождения объекта розыска облегчает их сотрудничество. Однако такое совпадение не является обязательным; оперативный работник вправе выдвинуть и проверить свою розыскную версию, если это не идет вразрез с поручением следователя. Следует согласиться с А. М. Лариным, который считает, что следователь лишь определяет задачу розыскных мероприятий, но не определяет, не предписывает определенных методов решения этой задачи оперативным работником⁵⁵. Совместные розыскные версии и согласованный план розыскных мероприятий представляют собой, по нашему мнению, не условие, а форму взаимодействия.

Взаимодействие, осуществляемое в форме согласованных действий, с нашей точки зрения, имеет четыре уровня.

На первом уровне следователь и оперативный работник проводят параллельно одноименные розыскные мероприятия, например, преследование преступника по разным возможным путям его ухода с места

⁵³ Криминалистика. М., 1976, с. 365.

⁵⁴ Там же, с. 364.

⁵⁵ **Ларин А. М.** Процессуальные формы участия органов дознания в расследовании убийств. — В кн.: Проблемы советского государства и права, вып. 9-10, часть 2. Иркутск, 1975, с. 28. Нам кажется, Г. Меликсетян допускает ошибку, утверждая, что "следователь может посоветовать, какие выбрать оперативно-розыскные меры, наиболее целесообразные и оправданные в данной ситуации" (**Меликсетян Г.** Взаимодействие следователей и работников милиции в первоначальных следственных действиях. — Соц. законность, 1974, № 3, с. 71).

преступления. Взаимодействие осуществляется путем обмена информацией о ходе преследования.

Второй уровень взаимодействия — проведение оперативным работником розыскных мероприятий, обеспечивающих розыскную деятельность следователя. Например, установление местонахождения свидетеля, обнаружив которого, следователь впоследствии сможет его допросить и получить необходимую информацию о возможных местах нахождения обвиняемого.

Третьим уровнем взаимодействия можно считать передачу оперативному работнику следователем информации, полученной последним при проведении розыскных мероприятий и следственных действий, важной для выполнения розыскного требования следователя.

Наконец, четвертый, самый высокий уровень этой формы взаимодействия — это проведение розыскной оперативно-тактической комбинации, под которой мы понимаем комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных оперативно-розыскных мер, розыскных мероприятий и следственных действий, преследующих одну общую цель и выполняемых в определенной последовательности. При этом следует специально оговориться, что это комплекс самостоятельных мероприятий и действий, а не противозаконный гибрид типа пропагандировавшихся некогда в оперативно-розыскной практике «оперативно-следственных» действий.

О розыскной тактической операции (комбинации) упоминают А. А. Закатов⁵⁶, Е. Ф. Коновалов⁵⁷ и вместе с ним Е. К. Кагин⁵⁸. По мнению А. А. Закатова, структура такой операции содержит следующие элементы: 1) цель; 2) объекты; 3) субъекты; 4) условия (конкретная следственная ситуация); 5) средства; 6) способы достижения цели (конкретная программа действий)⁵⁹. Однако пример, которым он иллюстрирует розыскную операцию с целью обнаружения и задержания подозреваемого, представляет собой обычный набор следственных действий и поисковых мероприятий, проводимых параллельно с осмотром места происшествия. В нем отсутствует определяющий признак операции — жесткая и незаменимая связь между ее элементами.

⁵⁶ **Закатов А. А.** Криминалистическое учение о розыске. Волгоград, 1988.

⁵⁷ **Коновалов Е. Ф.** Тактическая операция, ее сущность и место в системе розыска. — В кн.: Тактические операции и эффективность расследования. Свердловск, 1986.

⁵⁸ **Кагин Е. К., Коновалов Е. Ф.** Разработка и проведение тактических операций по розыску и задержанию преступника. — В кн.: Перспективы развития криминалистики. Свердловск, 1991.

⁵⁹ Там же, сс. 10-11.

В статье Е. К. Кагина и Е. Ф. Коновалова определяются некоторые цели розыскных операций, раскрытые ранее в статье Е. Ф. Коновалова 1986 г. Это: непосредственное обнаружение преступника либо лишение его надежных укрытий; притупление бдительности разыскиваемого и в итоге совершение действий, обеспечивающих результативность розыска; создание у разыскиваемого убеждения о лишении его надежных мест укрытия; вынуждение разыскиваемого к использованию своих связей или посещению мест, где он может быть задержан⁶⁰. Эти цели нам представляются вполне обоснованными, но, как справедливо указывают сами авторы, возможно проведение операций и с иными целями, например, по склонению разыскиваемого к явке с повинной.

Следующей формой взаимодействия является передача следователю оперативной информации, полученной оперативным работником из негласных источников. Такая информация передается вместе с рекомендациями о путях и способах ее использования следователем.

Третьей формой взаимодействия можно признать совместное обсуждение результатов розыскной деятельности, выявление недостатков в осуществлении взаимодействия и принятие мер к их устранению. В работах И. Н. Голубкова, А. Х. Кежояна, Ф. Ю. Бердичевского, Н. А. Якубович, А. М. Сербулова, П. А. Олейника и А. Г. Птицына, В. Г. Алимджанова⁶¹ и других авторов называются типичные недостатки этого рода деятельности. В обобщенной форме они выглядят следующим образом:

- 1) разобщенность розыскных действий следователя и органа дознания;
- 2) отсутствие планирования и четкой координации следственных действий и оперативно-розыскных мер;
- 3) отсутствие личного контакта между следователем и оперативным работником;

⁶⁰ Там же, сс. 107-108.

⁶¹ **Голубков И. Н.** Розыск скрывшегося обвиняемого. — В кн.: Практика применения нового уголовно-процессуального законодательства. М., 1962; **Кежоян А. Х.** Розыск скрывшегося обвиняемого. — Там же; **Бердичевский Ф. Ю.** Программирование следователем поисковой деятельности при раскрытии преступлений. — В кн.: Взаимодействие следователей прокуратуры и органов милиции при расследовании и предупреждении преступлений. М., 1964; **Сербулов А. М.** О взаимодействии следователей и работников милиции при розыске скрывшихся преступников. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 5. Киев, 1968; **Олейник П. А., Птицын А. Г.** Вопросы теории и практики розыска скрывающихся преступников. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 7. Киев, 1970; **Алимджанов В. Г.** О некоторых недостатках в проведении розыска преступника. — Сборник научных трудов Ташкентского НИИСЭ, вып. VIII. Ташкент, 1969.

- 4) постановка перед органами дознания розыскных задач слишком общего, неконкретного характера;
- 5) поручение следователями оперативным работникам заданий, не имеющих ничего общего с оперативно-розыскной деятельностью или невыполнимых в данной конкретной ситуации;
- 6) самоустранение следователей от розыскной деятельности и возложение розыска целиком на органы дознания.

Н. А. Якубович называет еще одну форму взаимодействия следователя с оперативными работниками: совместные выезды в другие районы для производства следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, в том числе и в розыскных целях⁶².

В литературе высказываются и иные мнения об условиях и формах взаимодействия следователя с органом дознания. Так, И. Ф. Герасимов считал условиями взаимодействия строжайшее соблюдение законности, плановость, быстроту, активность, широкое применение научно-технических средств, обязательное привлечение общественности, правильное знание каждым участником взаимодействия полномочий и форм деятельности органов следствия и дознания, предварительного понимания роли друг друга⁶³. Формы взаимодействия он делил на процессуальные и организационные. Помимо названных нами форм взаимодействия, имеющих общее значение, И. Ф. Герасимов называл такую форму, как «взаимодействие следственных и оперативных работников по территориальному принципу, в частности, на следственном участке»⁶⁴.

Концепция И. Ф. Герасимова вызывает возражения. Не следует сводить до уровня условия взаимодействия такой принцип государственности и судопроизводства в целом, как соблюдение законности. Из всех остальных названных условий в качестве таковых, с нашей точки зрения, можно признать плановость и знание участниками взаимодействия полномочий и правильное понимание роли друг друга. Быстрота и активность как принципы судопроизводства характеризуют действия сторон взаимодействия, но не само взаимодействие: это не его качество и уж тем более не условия его осуществления.

⁶² Якубович Н. А. Указ. работа, сс. 57-59.

⁶³ Герасимов И. Ф. Взаимодействие органов предварительного следствия и дознания при расследовании особо опасных преступлений. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1966, с. 7-8.

⁶⁴ Там, же, с. 12.

Условием осуществления взаимодействия никак не могут быть ни “широкое применение научно-технических средств”, ни “обязательное привлечение общественности для оказания помощи в предупреждении и расследовании преступлений”. Взаимодействие, как деловое сотрудничество между следователем и оперативным работником, само по себе никак не зависит от того, применяют ли участники взаимодействия технические средства и в каком объеме. Если бы еще речь шла о технических средствах взаимодействия, скажем, о средствах передачи информации, оргтехнике и т. п., то с известной натяжкой применение таких средств можно было бы рассматривать как условие общения взаимодействующих сторон, но и в этом случае не как условие самого взаимодействия. Общественность же, как нам кажется, здесь вообще ни при чем: речь идет о взаимодействии между органами предварительного следствия и дознания, а не между ними и общественностью. Что же касается “правильного отношения к оценке доказательств”, то смысл этого положения весьма неясен и прокомментировать его затруднительно.

Поскольку мы коснулись вопроса взаимодействия следователя и оперативного работника лишь в связи с розыскной деятельностью следователя, нет необходимости более подробно рассматривать эту проблему, достаточно детально исследованную и в криминалистике, и в уголовно-процессуальной науке, и в теории оперативно-розыскной деятельности. Обратимся к характеристике такого существенного элемента содержательной стороны розыска, как розыскные мероприятия следователя.

Классификация розыскных мероприятий следователя в криминалистике отсутствует. Обычно она заменяется более или менее подробным перечнем таких мероприятий. Так, например, А. М. Сербулов в этот перечень включает направление розыскных требований, заградительные мероприятия, меры по обнаружению преступника при его явке в военкомат, сберкассу и т. д.⁶⁵ Е. Ф. Коновалов называет такие розыскные мероприятия следователя, как: истребование личного дела разыскиваемого и иных документов; направление отдельных розыскных поручений; проверки (по паспортным столам, адресному бюро, органам ЗАГС, пунктам организованного набора рабочей силы и т. д.); изучение архивных материалов (уголовного дела, архивных розыскных материалов и т. д.); направление запросов в учетно-регистрационные аппараты органов внутренних дел; “прочесывание” местности⁶⁶.

⁶⁵ Сербулов А. М. Указ. статья, с. 11.

⁶⁶ Коновалов Е. Ф. Указ, работа, сс. 26, 28, 30, 43, 54.

А. А. Закатов разделил розыскные действия на процессуальные (объявление розыска обвиняемого (ст. 196 УПК), дача розыскных поручений и указаний органам дознания (ст. 127 УПК), привлечение общественности к участию в розыске) и непроцессуальные (рассылка следователем запросов в разные инстанции, беседы с осведомленными лицами, проверки на предприятиях, в учреждениях и организациях, проверки по учетам ОВД, информирование населения с помощью средств массовой информации и др.)⁶⁷.

Мы полагаем, что розыскные мероприятия, которые могут быть осуществлены следователем, классифицируются следующим образом:

- 1) мероприятия, преследующие цель получения исходной информации для розыска;
- 2) мероприятия, проводимые с целью задержания преступника по горячим следам;
- 3) мероприятия блокирующего и “сторожевого” характера;
- 4) мероприятия, преследующие цель обнаружения объектов розыска;
- 5) мероприятия, направленные на активизацию розыска и расширение круга его участников.

Считая розыск как объект криминалистической науки частью предварительного следствия, мы полагаем, что к нему применимо принятое в литературе деление процесса расследования на начальный и последующий этапы. Для начального этапа розыска характерны мероприятия первой и второй групп, для последующего — третьей и четвертой. Мероприятия пятой группы могут осуществляться на обоих этапах. Разумеется, это распределение условно, поскольку применение того или иного мероприятия зависит от конкретной следственной ситуации и момента начала розыска.

Дискуссионным остается пока вопрос о тактике розыскных мероприятий. Здесь, как и в тактике процессуальных действий, можно обнаружить различный подход к решению проблемы. По мнению В. И. Попова, розыскные приемы всех видов носят тактический характер⁶⁸. Этой точке зрения созвучны развиваемые И. Ф. Герасимовым взгляды на наличие тактического начала у таких процессуальных действий, как привлечение в качестве обвиняемого, предъявление обвинения, окончание следствия и представление материалов законченного производства и

⁶⁷ **Закатов А. А.** Криминалистическое учение о розыске, сс. 9-10.

⁶⁸ **Попов В. И.** Розыскная деятельность в системе уголовного процесса и криминалистики. — Ученые труды КазГУ, т. 8 сер. юридическая, вып. 8. Алма-Ата, 1967, с 242.

др.⁶⁹ Ученик И. Ф. Герасимова А. А. Филющенко писал о тактике применения мер пресечения, о тактике возмещения материального ущерба, причиненного преступлением⁷⁰.

Иную позицию занял Е. Ф. Коновалов. О тактических приемах он говорил применительно к розыскной деятельности следователя в целом с учетом характера объектов розыска. Так, при розыске скрывшегося обвиняемого применяются, по его мнению, следующие тактические приемы:

- 1) создание условий, побуждающих разыскиваемое лицо действовать в затруднительной для него обстановке, мешающих ему свободно передвигаться, отыскивать убежища и длительное время скрываться в них;
- 2) проведение комплекса следственных действий и розыскных мероприятий, по возможности, во всех местах вероятного нахождения или возможного появления преступника, что сковывает свободу передвижения преступника;
- 3) осуществление комбинации мероприятий по созданию ситуации, вынуждающей скрывающегося для связи с необходимыми ему людьми посетить то или иное место, находящееся под наблюдением органов следствия;
- 4) создание ситуации, затрудняющей правильную оценку разыскиваемым обстановки, в которой осуществляется розыск;
- 5) склонение разыскиваемого через его связи к явке с повинной;
- 6) выявление путей поддержания связи с разыскиваемым, используемых его родственниками, знакомыми и другими лицами;
- 7) повторное проведение комплекса следственных действий и розыскных мероприятий в местах наиболее вероятного нахождения разыскиваемого через определенные промежутки времени;
- 8) использование помощи соучастников разыскиваемого, если в их отношении избрана мера пресечения, не связанная с лишением свободы⁷¹.

Из приведенного перечня следует, что речь идет, по сути, не только и, пожалуй, не столько о тактических приемах розыска, сколько о целях

⁶⁹ **Герасимов И. Ф.** Некоторые проблемы криминалистической тактики. — В кн.: Ленинский принцип неотвратимости наказания и задачи советской криминалистики. Свердловск, 1972.

⁷⁰ **Филющенко А. А.** Тактика действий следователя, связанных с применением уголовно-процессуального принуждения. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1974.

⁷¹ **Коновалов Е. Ф.** Тактические приемы розыска скрывшихся преступников и факторы, определяющие их выбор следователем. — В кн.: Сборник статей адъюнктов и соискателей, вып. 1. М., 1973, сс. 48–49.

проводимых мероприятий или их комплексов, образующих упоминавшуюся нами тактическую (а иногда оперативно-техническую) комбинацию⁷².

Определение целей розыскных мероприятий может иметь тактическое значение, если имеется в виду тактический замысел намечаемых комбинаций. Именно такой замысел мы подразумевали, когда ранее рассматривали способы воздействия следователя на формирование решений противостоящей следователю стороны. В этом смысле можно, действительно, говорить о тактике розыска, как мы говорим о тактике следствия. Однако под тактическим приемом понимается определенный способ действий, а не идея, которая с его помощью реализуется. И только в этом аспекте, как нам представляется, следует понимать тактику розыскных мероприятий (и следственных действий). Исходя из этого, можно говорить о тактике только тех розыскных мероприятий, в ходе которых преодолевается стремление противостоящей следователю стороны затруднить или сделать невозможным обнаружение объектов розыска. С этой точки зрения, правомерно считать, например, что существует тактика преследования скрывающегося преступника, но нет тактики направления розыскных требований или запросов.

Среди тактических приемов, названных Е. Ф. Коноваловым, есть, разумеется, действительно тактические приемы общего характера, относящиеся к розыскной деятельности в целом и применимые при производстве самых различных розыскных мероприятий. Таковы, с нашей точки зрения, приемы №№ 2, 7 и 8. Однако даже такие приемы розыскной деятельности нельзя считать ее методами. Между тем иногда между приемом и методом розыска ставится знак равенства. Так, В. И. Попов пишет: «Если личность преступника известна или им оставлены отчетливые следы, находят применение такие методы специального розыска, как рассылка розыскных поручений, выемка корреспонденции, либо приемы розыска (разрядка наша — **Р. Б.**) по «горячим следам»⁷³. Как уже неоднократно отмечалось, метод и прием — понятия разных уровней. Едва ли поэтому можно согласиться с В. И. Поповым, когда он в качестве «сложившихся методов розыска в широком смысле и наиболее часто применяемых для установления и задержания неизвестных преступников» называет установление и задержание преступника путем розыска похищенных им ценностей; на основе учета и использования особенностей преступных действий с помощью потерпевших; путем логического определения круга подозреваемых; путем изучения связей

⁷² Проблематике тактической комбинации посвящена специальная глава в третьем томе настоящего Курса.

⁷³ **Попов В. И.** Розыск в широком смысле. — Ученые труды КазГУ, т. 10, сер. юридическая, вып. 10, ч. 1. Алма-Ата, 1970, с. 168.

потерпевшего; путем изучения и выявления лиц, материальное положение которых резко улучшилось за счет неизвестных окружающим источников; путем изучения определенных контингентов⁷⁴. Как нам кажется, это не методы розыска, а либо приемы розыска, либо приемы получения розыскной информации или ее оценки (логическое определение круга подозреваемых и т. д.).

Как отмечалось, розыскные мероприятия не исчерпывают содержания розыскной деятельности следователя. Существенным элементом последней являются следственные действия, обладающие определенными розыскными возможностями.

В сущности, следственное действие любого вида может быть использовано в розыскных целях: для получения розыскной информации, оказания воздействия на разыскиваемое лицо или лицо, укрывающее объекты розыска, для обнаружения искомых объектов. Однако, как свидетельствует практика, наибольшими розыскными возможностями обладают осмотр, допрос, обыск и выемка, проверка и уточнение показаний на месте. При этом в самой общей форме можно сказать, что розыскные возможности осмотра и допроса заключаются в том, что эти следственные действия позволяют получить исходную розыскную информацию, а обыск, выемка, проверка и уточнение показаний на месте — обнаружить объекты розыска. Сказанное, разумеется, не означает, что, например, розыскная информация не может быть получена путем производства обыска (скажем, обнаружение писем разыскиваемого с указанием его местопребывания), а объекты розыска не могут быть обнаружены в процессе осмотра. Мы имеем в виду лишь типичное розыскное значение перечисленных следственных действий.

В работах, посвященных тактике отдельных следственных действий, и особенно тех, которые обладают наибольшими розыскными возможностями, достаточно детально исследованы и виды розыскной информации, получаемые путем их проведения, технические средства и тактика обнаружения объектов розыска, характер оперативного обеспечения этих следственных действий и иные вопросы, связанные с их использованием в целях розыска. Это позволяет нам не останавливаться на всем круге перечисленных вопросов. Затронем вкратце лишь проблему использования помощи общественности при осуществлении следователем розыскной деятельности.

Известно, что в конце 60-х годов среди некоторой части ученых-криминалистов и процессуалистов, практических работников органов расследования известное распространение получила точка зрения о воз-

⁷⁴ Там же.

возможности чуть ли не неограниченного участия общественности в предупреждении и расследовании преступлений. Высказывались мнения, что следователь может поручать своим общественным помощникам производство следственных действий без собственного в них участия, составление "проектов" процессуальных документов, в том числе даже таких, как постановления о возбуждении уголовного дела, о привлечении в качестве обвиняемого, об избрании меры пресечения и др.⁷⁵ Принятыми Прокуратурой и МВД СССР мерами деятельность общественных помощников следователя была упорядочена в соответствии с процессуальной регламентацией предварительного расследования.

В сфере следственных действий участие общественности (точнее, наверное, теперь говорить об участии населения) ограничено такой формой, как содействие следователю (приискание необходимых технических средств, охрана места производства следственного действия, участие в следственном действии по усмотрению следователя для выполнения определенных процессуальных или вспомогательных функций, помощь в выявлении и устранении причин и условий, способствовавших совершению преступления).

В сфере розыскных мероприятий участие общественности может иметь как форму содействия осуществлению этих мероприятий следователем, так и форму самостоятельного проведения розыскных непроцессуальных действий активистами-общественниками. Как отмечается рядом авторов, эти действия могут быть направлены на выявление свидетелей и потерпевших, сбор информации о проходящих по делу лицах, на розыск вещественных доказательств, имущества, нажитого преступным путем, и т. д.⁷⁶ Как справедливо указывает Е. Ф. Коновалов, используя помощь общественности в осуществлении розыска, следователь обязан предусмотреть, какую помощь, в каком объеме и на каком этапе розыска он хотел бы получить от общественности, не перелагая на нее своих процессуальных и иных служебных обязанностей и строго соблюдая принцип добровольного участия общественников в розыске, принять меры, обеспечивающие полную безопасность граждан при проведении розыскных мероприятий, сохранение в тайне сведений, не подлежащих оглашению, и предотвратить привлечение к розыску лиц, чьи интересы идут вразрез с интересами следствия⁷⁷.

⁷⁵ См. Расследование уголовных дел. Киев, 1966, с. 307; *Коврига З. Ф.* Дознавание в органах милиции. Воронеж, 1964, с. 51.

⁷⁶ Криминалистика. СПб., 1995, гл. 5.

⁷⁷ *Коновалов Е. Ф.* Указ. работа, с. 54.

6.4. Тенденции и перспективы развития криминалистического учения о розыске

Основной тенденцией развития рассматриваемой частной криминалистической теории является разработка научных основ использования современных достижений смежных с криминалистикой наук для повышения эффективности розыска. Нам представляется, что в аспекте этой тенденции речь может идти прежде всего о формировании криминологических, психологических, управленческих (в том числе организационно-технических) основ розыскной деятельности следователя.

Разработка *криминологических* основ розыска должна базироваться на выявлении и учете закономерностей, определяющих местонахождение разыскиваемых лиц. Можно полагать, что к их числу относятся закономерности, связанные в известной степени с процессами миграции, специфические закономерности, под влиянием которых формируется “география” розыска, то есть география тех мест, где преимущественно оседает контингент разыскиваемых лиц. Факторы, детерминирующие выбор разыскиваемым места своего пребывания, очевидно, могут быть объективного и субъективного характера. К числу первых относятся такие условия места пребывания, которые затрудняют розыск, например, нахождение в этих местах значительного числа приезжих сезонных работников; послабления в соблюдении паспортного режима для лиц, приехавших в данное место по вербовке; скопление больших людских масс на курортах; кочевой характер работы (в геологических, геодезических, топографических партиях, отгонном скотоводстве и др.) и т. д. К числу вторых, видимо, следует отнести родственные, преступные и иные связи; наличие определенных профессиональных навыков, влияющих на выбор разыскиваемым места, где он может работать по специальности; знание разыскиваемым приемов розыска и т. д.

К сожалению, ни в криминологии, ни в уголовной статистике, насколько нам известно, указанная проблематика не исследовалась. Не была она предметом глубокого рассмотрения и в криминалистической литературе, посвященной розыску и изучению личности обвиняемого на предварительном следствии, авторы которой обычно ограничиваются

упоминанием о необходимости иметь в виду при розыске людей или предметов те или иные из числа названных факторов⁷⁸.

При разработке криминологических основ розыска, как и в других аналогичных случаях, криминалистическая теория, с нашей точки зрения, должна выступать в роли “заказчика”, формулируя задачу и затем используя в своих целях ее решение, предложенное специалистами в области криминологии и уголовной статистики. Интересы науки и практики требуют, чтобы такое решение было профессиональным, а не дилетантским, что могло бы случиться, если бы проблема исследовалась силами лишь самих криминалистов.

В области разработки психологических основ розыска наиболее перспективно, как нам кажется, дальнейшее исследование возможностей и путей использования теории рефлексивных игр, а также выяснение характера и механизма действия факторов, стимулирующих деятельность субъекта розыска. По традиции к числу таких факторов можно отнести чувство ответственности перед законом и сознание служебного долга, ожидание удовлетворения от решения поставленной задачи, стремление подтвердить свое интеллектуальное превосходство над противостоящей стороной, свои профессиональные качества следователя и т. д.

Думается, что в рассматриваемом аспекте представляет известный интерес изучение вопроса о возможном материальном стимуле розыска. Этот вопрос не ставится ни в литературе, ни в современной розыскной практике, хотя исторически он отнюдь не нов. 20 июля 1922 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР принял постановление о материальном вознаграждении сотрудников уголовного розыска за раскрытие имущественных преступлений. В Инструкции по взиманию денежных процентных отчислений с раскрытых имущественных преступлений для выдачи премиального вознаграждения сотрудникам уголовного розыска, согласно постановлению Совнаркома от 20 июля 1922 г.⁷⁹, указывалось:

“1. Процентное отчисление в размере, указанном во 2 параграфе постановления Совета Народных Комиссаров, производится от стоимости всякого имущества, изъятого преступным путем у частных лиц и пред-

⁷⁸ *Коршик М. Г., Степичев С. С.* Изучение личности обвиняемого на предварительном следствии. М., 1969, с. 13; *Матусевич И. А.* Изучение личности обвиняемого в процессе предварительного расследования преступлений. Минск. 1975, сс. 32-33; *Коновалов Е. Ф.* Указ. раб., сс. 14-20.

⁷⁹ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 38, ед. хр. 2, л. 102.

приятий, кооперативных и государственных учреждений и разысканного сотрудниками Уголовного Розыска.

2. Стоимость имущества и размер подлежащего процентного отчисления определяется... каждый раз Особой Комиссией, состоящей из потерпевшего, представителя местного Уголовного Розыска и РКИ и эксперта-оценщика (специалиста, смотря по роду имущества)...

3. Взимание процентного отчисления производится при возвращении разысканного имущества потерпевшему. В случае отказа потерпевшего уплатить причитающуюся Уголовному Розыску сумму процентного отчисления, последний, не задерживая разысканное имущество, предъявляет гражданский иск у подлежащего Народного Судьи с ходатайством обеспечить исковую сумму срочным наложением ареста на выданное потерпевшему имущество...

5. Подлежат также вознаграждению сотрудники учреждений Уголовного Розыска, задержавшие преступников по розыскным листкам литеры "А", по представлению подлежащих Начальников Уголовного Розыска по инстанции — Начальнику Уголовного Розыска Республики, для премирования за счет Губрозыска, обнаружившего имущество и получившего с потерпевшего процентное отчисление...

6. В случае задержания преступников по преступлениям неимущественного характера или когда имущество не было разыскано, сотрудники, задержавшие преступников по розыскным листкам литеры "А", премируются".

Инструкция устанавливала порядок распределения полученных от процентного отчисления сумм. 30% средств подлежали выдаче сотрудникам розыска, непосредственно разыскавшим имущество и виновных, 15% — на выдачу отдельных денежных наград сотрудникам розыска за раскрытие разных преступлений, по которым не производятся процентное отчисление за отсутствием имущественных ценностей, 30% распределялись пропорционально получаемому жалованию среди всех служащих местного уголовного розыска, 20% предназначались на культурно-просветительные нужды розыска и 5% отчислялись для образования особого фонда для выдачи в экстренных случаях пособий служащим розыска и их семьям.

К сожалению, мы не располагаем сведениями о практике применения данного постановления СНК и приведенной инструкции, об их влиянии на повышение эффективности розыска. Но сам по себе факт существования материального стимула розыска заслуживает, по нашему мнению, внимания с позиции современных задач розыскной деятельности.

Разработка психологических основ розыска требует, как представляется, и анализа ряда бытующих представлений о поведении преступника после совершения преступления. Так, распространено мнение о том, что преступника якобы тянет вернуться на место совершенного преступления, где он и может быть задержан⁸⁰. Проверка подобных представлений необходима для того, чтобы выяснить, могут ли они быть научно обоснованы и, следовательно, использованы при разработке тактики розыска.

Психологизация розыска заключается, помимо прочего, в детальном психологическом анализе сложившейся ситуации, основы которого разработаны А. В. Дуловым.

Андрей Васильевич Дулов — признанный лидер белорусских криминалистов, ученый, чей научный кругозор и творческий потенциал широк и многогранен. Его идеи о тактических операциях, психологическом анализе на предварительном следствии, ситуационном подходе к планированию и осуществлению расследования и многие другие, которыми он щедро делится со своими учениками и научной общественностью, создали ему имя "первооткрывателя" в многих областях криминалистики. Вместе с А. Р. Ратиновым он стоит в ряду пионеров отечественной судебной психологии.

Совершенствование **управленческих** основ розыска заключается, с нашей точки зрения, в изыскании путей и разработке мер по:

- ◆ повышению эффективности взаимодействия с оперативными службами органов внутренних дел, развитию новых форм использования помощи населения;
- ◆ более полному использованию розыскных возможностей следственных действий, совершенствованию правовых основ розыскной деятельности по приостановленным делам;
- ◆ повышению уровня информационного обеспечения розыска.

В этих целях Е. К. Кагин предложил создать в системе МВД страны единый научно-методический центр, координирующий и направляющий

⁸⁰ Пауль Гросс, начальник уголовной полиции кантона Цюрих (Швейцария) по этому поводу пишет: "При розыске преступников, совершивших акты насилия, важно знать, куда подается убийца после совершения преступления. По существу поверью они должны возвращаться на место происшествия. Места убийств или тяжких грабежей целыми днями находятся под наблюдением, однако в течение последних лет не был пойман ни один убийца и ни от одного из убийц мы не услышали, чтобы он до ареста возвращался на место происшествия. Теория эта вызывает серьезные сомнения" (*Гросс П.* Розыскные меры, предпринимаемые на основании результатов осмотра места происшествия при убийствах. Пер. с нем. — В кн.: Экспертиза при расследовании преступлений, вып. 6. Вильнюс, 1967, сс. 154-155).

розыскную деятельность, а в областных, краевых УВД — специальные отделы или аналитические группы. В задачи этого центра и отделов, по мысли автора, должны входить не только сбор и обработка информации о состоянии розыска в стране в целом и отдельных районах, но и разработка конкретных рекомендаций по повышению эффективности розыска⁸¹.

Поиск путей совершенствования взаимодействия следователя с оперативными работниками в процессе розыска ведется как криминалистами и процессуалистами, так и в теории оперативно-розыскной деятельности. Наметились два направления этого поиска: на существующей правовой основе взаимодействия и на базе предложений по ее реформе.

Основной аргумент сторонников реформы — необходимость ликвидации существующей организационной разобщенности следователя и оперативного работника, отрицательно сказывающейся на эффективности взаимодействия. В этих целях А. К. Гаврилов и В. А. Михайлов предлагали ввести институт следственных инспекторов, находящихся в полном подчинении начальника следственного подразделения и входящих в состав следственного аппарата. Следственный инспектор — это оперативный работник, осуществляющий оперативно-розыскные меры в процессе расследования, или специалист-криминалист, оказывающий помощь следователю по применению научно-технических средств. “При таком объединении оперативных работников со следственными проблема взаимодействия лишается своего основания, — писали названные авторы, — так как объективная неизбежность его будет заложена уже в структуре организационного построения органов предварительного следствия. При этом решение задач по раскрытию и расследованию преступлений, их предупреждению и пресечению будет сконцентрировано в самом следственном аппарате, который в полном объеме должен отвечать за судьбу расследуемых уголовных дел. Это позволит устранить обезличку, обеспечить четкое выполнение следственных и оперативных функций и поставить их под непосредственный контроль и руководство одного органа — начальника следственного подразделения”⁸².

⁸¹ *Кагин Е. К.* Вопросы совершенствования организации розыска. — В кн.: Проблемы развития криминалистики в условиях научно-технического прогресса. Свердловск, 1982, с. 88.

⁸² *Гаврилов А. К., Михайлов В. А.* Совершенствовать взаимодействие аппаратов и оперативных служб МВД при расследовании преступлений. — В кн.: Использование норм права в борьбе с преступностью. Труды Омской высшей школы милиции, вып. 12. Омск, 1972, с. 114.

Идея подобной реорганизации представляется нам принципиально неприемлемой. Ее осуществление привело бы к сращиванию процессуальной и оперативно-розыскной функций органов внутренних дел, что противоречит принципам, на которых строится процесс расследования в уголовном судопроизводстве, нашему законодательству в этой области, системе процессуальных гарантий. Неубедительно звучат слова А. К. Гаврилова и В. А. Михайлова, будто при такой реформе не следует опасаться смешения процессуальных и оперативных методов отыскания истины, «так как эта трудность — трудность психологического (?) характера, она не является безусловной и вполне преодолима»⁸³. О том, что такая опасность не только реальна, но и непреодолима, свидетельствует хотя бы то, что буквально на следующей странице своей статьи сами авторы пишут о необходимости постоянного контроля следователя и начальника следственного подразделения за производством оперативных действий, о руководстве последней деятельностью оперативных работников⁸⁴.

Разумеется, очень заманчиво «снять» с повестки дня саму проблему взаимодействия, что, по мнению А. К. Гаврилова и В. А. Михайлова, сулит принятие их предложения. Но к своему разочарованию, читатель вдруг обнаруживает, что эта проблема вовсе не «снимается», а лишь переадресовывается, ее решение авторы теперь перелагают на «следственного инспектора»: «В необходимых случаях по согласованию со следователем и начальником следственного отделения (отдела, управления) он устанавливает контакт с оперативными службами органа внутренних дел, если в этом возникает необходимость для раскрытия и расследования преступлений»⁸⁵. Невольно возникает вопрос: стоит ли таким сложным путем «снимать» проблему взаимодействия только для того, чтобы фактически вновь вернуться к необходимости ее решения.

Мы убеждены, что совершенствование взаимодействия следователя и оперативных работников должно осуществляться на существующих правовой и организационной основах. Совершенствоваться должны методы и формы взаимодействия; осуществление исследований в этом направлении применительно к задачам розыска — цель криминалистического учения о розыске. При этом следует заметить, что когда идет речь о совершенствовании правовых основ розыскной деятельности по приостановленным делам, то не имеется в виду изменение принципов взаимодействия следователя и оперативных работников. Смысл такого

⁸³ Там же, с. 118.

⁸⁴ Там же, с. 119.

⁸⁵ Там же, с. 117.

совершенствования видят в расширении розыскных возможностей самого следователя⁸⁶, но, разумеется, не за счет наделения его правом осуществления или руководства оперативно-розыскными мерами, или, что составляет другую крайность, за счет права перекладывать на плечи оперативного состава всю розыскную работу и видеть роль следователя, пусть даже по отдельным категориям дел, “в основном, в координации и своевременном корректировании работы по розыску, контролю за исполнением плановых мероприятий”, как применительно к автотранспортным преступлениям считал В. К. Глистин⁸⁷.

Совершенствование управленческих основ розыска предполагает повышение уровня информационного обеспечения субъекта розыска. Это не только увеличение объема информации, предоставляемой в распоряжение субъекта розыска, но и возрастание эффективности функционирования самой системы сбора, хранения, поиска и передачи необходимой информации, в том числе системы криминалистической регистрации, о чем шла речь в гл. 5 настоящей работы.

Повышение эффективности розыска самым непосредственным образом связано с активным использованием в розыскных целях возможностей средств массовой информации. Эти вопросы детально исследованы в работе А. М. Ишина⁸⁸.

Другая тенденция развития криминалистического учения о розыске — исследование проблем совершенствования тактики и технико-криминалистического обеспечения розыска. В области тактики это, прежде всего, разработка основ организации и осуществления тактических и оперативно-тактических комбинаций, в области техники — создание высокоэффективных поисковых технико-криминалистических средств.

⁸⁶ Рассматриваются и вопросы, связанные с уточнением категорий лиц, скрывшихся от следствия и суда, со сроками ведения розыска и др. (**Лукашов В. А.** Правовые вопросы, связанные с розыском скрывшихся преступников. — В кн.: Вопросы предупреждения преступности, вып. 3. М., 1966).

⁸⁷ **Глистин В. К.** Разработка розыскных версий по делам об автотранспортных преступлениях. — в кн.: Вопросы совершенствования предварительного следствия. М., 1971, с. 137.

⁸⁸ **Ишин А. М.** Использование средств массовой информации при установлении и розыске лиц, совершивших преступления, в ходе предварительного следствия. Дисс... канд. юрид. наук. М., 1996.

7. ТЕОРИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ

7.1. Формирование теории криминалистической идентификации

Теория криминалистической идентификации является одной из самых разработанных частных криминалистических теорий. С момента формулирования С. М. Потаповым в 1940 г. ее основных положений и до настоящего времени эта теория занимает одно из ведущих мест в криминалистических научных исследованиях. Все видные отечественные криминалисты прямо или косвенно занимались проблемами криминалистической идентификации; непрерывно растет литература вопроса. Если в 1940—1955 гг. было опубликовано 13 работ 7 авторов, то в 1956—1960 гг. увидели свет уже 36 публикаций 28 авторов, а в 1961—1965 гг. издается 69 работ, принадлежащих перу 40 ученых. За последние 20 лет число публикаций по общим и частным вопросам теории идентификации продолжает расти. Этой проблематике специально посвящают свои докторские диссертации В. Я. Колдин, М. Я. Сегай, В. С. Митричев, М. В. Салтевский, И. Д. Кучеров, Т. А. Седова; разновидности процесса идентификации рассматриваются в докторских диссертациях Г. Л. Грановского, В. Ф. Орловой, Б. М. Комаринца, В. А. Снеткова, Н. П. Майлис, В. Е. Корноухова и др., в ряде кандидатских диссертаций, монографий и статей.

Такой пристальный интерес к теории криминалистической идентификации, а отсюда и такое обилие научных работ в этой области объясняются несколькими причинами.

Теория криминалистической идентификации исторически оказалась первой частной криминалистической теорией, выступавшей не как сумма отдельных теоретических построений, а как систематизированное знание, как упорядоченная система понятий. Такая систематизация от-

крывала перспективы дальнейших исследований в этой области, давала наглядное представление о “белых пятнах”, нерешенных проблемах и, таким образом, позволяла сравнительно легко определить точки приложения сил и привлечь эти силы.

По мере формирования теории криминалистической идентификации становилась все очевиднее ее важная методологическая роль в криминалистике и смежных областях знания и большое практическое значение. Это не могло не стимулировать интерес к проблеме со стороны все более широких кругов научной общественности. К этому следует добавить, что философское осмысление ключевых вопросов криминалистики не могло не затронуть и теории криминалистической идентификации, дававшей обильный материал и открывавшей широкие возможности для применения законов и категорий диалектики.

В развитии теории криминалистической идентификации можно различить, как нам кажется, три этапа. Первый этап, охватывающий примерно десятилетие — с 1940 по 1950 гг., — это этап формирования общих основ теории, ее исходных положений и принципов. Вторым этапом — с начала 50-х до конца 60-х годов — формирование на базе общих положений теории криминалистической идентификации, так сказать, “объектовых” теорий идентификации: судебно-трасологической идентификации, судебно-графической идентификации и т. п. Для третьего периода, продолжающегося до настоящего времени, характерными являются как пересмотр, уточнение и дополнение некоторых общих положений теории криминалистической идентификации, так и продолжение исследования ее частных приложений. Предпринимаются и обосновываются попытки расширить круг объектов идентификации, рассматриваются возможности, открывающиеся с применением новых методов идентификации, изучаются ее информационный, доказательственный и логический аспекты. Ведутся интенсивные работы в области математизации и кибернетизации самого процесса идентификации.

Термин “идентификация” (отождествление), употреблявшийся еще А. Бертильоном¹, встречается уже в первых работах советских кримина-

¹ Характеризуя роль А. Бертильона в области разработки проблем идентификации, С. М. Потапов писал: “Именно Бертильону принадлежит открытие и некоторое теоретическое обоснование **общего метода криминалистики** — метода **идентификации**, роль которого во всех его видоизменениях в зависимости от свойств исследуемых объектов состоит в **судебном доказательстве тождества**. Бертильон впервые применил его к установлению личности рецидивистов, создав антропометрию в ее специальном назначении, словесный портрет и сигналетическую фотографию, и таким образом обосновал возможность **быстро** для того времени, **точного** и **объективного** судебного доказательства рецидива” (*Потапов С. М. Роль методов криминалистики в доказательственном праве. Рукопись (Архив семьи Потаповых). М., 1943, с. 36*). Представляется, что С. М. Потапов несколько преувеличил значение работ А. Бертильона для теории идентификации, ибо они носили сугубо эмпирический характер, хотя

см. след. стр.

листов. И. Н. Якимов в работах 1924-25 гг. пишет об идентификации преступников, охотнее, впрочем, употребляя термин “опознавание”². Е. У. Зицер среди целей криминалистической техники называл идентификацию лиц и предметов, фигурирующих в следственных делах³. В работах Н. П. Макаренко, А. И. Винберга, Б. М. Комаринца, Б. И. Шевченко и других авторов описывались приемы и стадии процесса идентификации различных объектов.

Это был эмпирический путь решения проблемы, центральной для криминалистики с первых дней ее существования как науки. И именно благодаря успехам, достигнутым на этом пути, благодаря обилию накопленного эмпирического материала, наблюдений и практических выводов из повседневно осуществлявшихся процедур отождествления, стало возможным возникновение теории криминалистической идентификации.

Начало формированию теории криминалистической идентификации в отечественной криминалистике положила статья С. М. Потапова “Принципы криминалистической идентификации”, опубликованная в первом номере журнала “Советское государство и право” за 1940 год. Библиография первого периода развития теории криминалистической идентификации выглядит следующим образом:

- 1943 г.** — неопубликованная монография **С. М. Потапова** “Роль методов криминалистики в доказательственном праве”;
- 1946 г.** — брошюра **С. М. Потапова** “Введение в криминалистику” (изд. Военно-юридической академии Советской Армии);
- 1947 г.** — монография **Б. И. Шевченко** “Научные основы современной трасеологии” (изд. Московского юридического института);
- 1948 г.** — докторская диссертация **А. И. Винберга** “Основы советской криминалистической экспертизы” (гл. I. “Логика в криминали-

А. Бертильон, бесспорно, был пионером в области научного обоснования результатов отождествления.

² **Якимов И. Н.** Практическое руководство к расследованию преступлений. М., 1924; **Якимов И. Н.** Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. М., 1925. По мнению З. И. Кирсанова и И. И. Котюка приоритет в разработке проблем теории криминалистической идентификации принадлежит именно И. Н. Якимову; С. М. Потапову отводится лишь роль в разработке общих принципов идентификации (**Кирсанов З. И.** Становление и развитие советской криминалистики — Соц. законность, 1984, № 10, сс. 62-63; **Котюк И. И.** К вопросу о периодизации развития советской теории криминалистической идентификации. — Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 39. Киев, 1989, с. 13). Не отрицая заслуг И. Н. Якимова перед отечественной криминалистикой, следует тем не менее констатировать, что в своих работах он ограничивался лишь сугубо практическими рекомендациями по процедуре “опознавания” и не формулировал никаких теоретических положений.

³ **Зицер Е. У.** Введение. — В кн.: Криминалистика. М., 1938, с. 4.

стической экспертизе и основы криминалистической идентификации (методологические принципы)");

- 1948 г. — статья **Н. В. Терзиева** "Идентификация в криминалистике" (Советское государство и право, № 12).
- 1949 г. — монография **А. И. Винберга** "Основные принципы советской криминалистической экспертизы" (Госюриздат);
- 1949 г. — учебник для юридических школ **А. И. Винберга** и **Б. М. Шавера** "Криминалистика" (Изд. 3-е, Госюриздат. § 3 гл. 1 "Основные принципы криминалистической идентификации");
- 1950 г. — глава **Н. В. Терзиева** "Идентификация в советской криминалистике" в учебнике по криминалистике для юридических вузов (Госюриздат);
- 1950 г. — учебное пособие **А. И. Винберга** "Криминалистика" (§ 4 "Криминалистическое отождествление" лекции первой. Изд. ВЮА Вооруженных Сил СССР).

Анализ этих работ позволяет сделать вывод о том, как представляли теорию криминалистической идентификации ее основоположник С. М. Потапов и авторы первых после его работ исследований в этой области.

По концепции С. М. Потапова, основные положения теории криминалистической идентификации заключались в следующем.

1. Главную задачу и основную цель всех методов криминалистики составляет получение судебного доказательства тождества в результате исследования, называемого идентификацией. Термин "идентификация" по своему содержанию шире термина "отождествление". Последний обычно означает уже установленное тождество, "идентичность", тогда как первый — определенный процесс исследования, который может привести к выводу как о наличии, так и об отсутствии тождества.
2. Метод идентификации является способом точного узнавания предметов и явлений; он объединяет в систему частные криминалистические методы и в различных видах и формах его применения представляет собой саму методологию криминалистического исследования.
3. Основанием метода идентификации служит возможность мысленного отделения признаков от вещей и изучения их как самостоятельного материала. Идентификации могут подлежать всевозможные материальные предметы и явления, их роды и виды, количества и качества, участки пространства и моменты времени, человеческая личность в целом, ее отдельные признаки, физические свойства, умственные способности, внешние действия человека и его психические акты.

4. С точки зрения субъекта и способов идентификации в практике встречаются объекты тройкого рода:
 - ◆ а) объекты, по отношению к которым вопрос о тождестве или отсутствии тождества решается непосредственно следователем или судом;
 - ◆ б) объекты, по отношению к которым тот же вопрос решается при помощи каких-либо систем регистрации;
 - ◆ в) объекты, по отношению к которым решение того же вопроса достигается экспертным путем.
5. Принципами идентификации являются:
 - ◆ а) строгое разделение объектов, участвующих в процессе идентификации, на идентифицируемые и идентифицирующие;
 - ◆ б) разделение объектов идентификации на изменяемые и относительно неизменяемые;
 - ◆ в) применение наиболее глубокого и детального, объединенного с синтезом анализа объектов идентификации;
 - ◆ г) исследование каждого сравниваемого признака в движении, то есть установление зависимости наблюдаемого состояния данного свойства от предшествующих и сопутствующих условий.
6. Существуют четыре формы применения единого метода криминалистической идентификации: приметоописательная (сигналетическая), аналитическая, экспериментальная, гипотетическая.

Попытаемся теперь проследить, как были восприняты эти положения авторами работ, отнесенных нами к первому периоду развития теории криминалистической идентификации.

Б. И. Шевченко, положив без каких-либо уточнений выводы С. М. Потапова в основу своей теории трасологической идентификации, применительно к содержанию последней сузил круг идентифицируемых объектов до трех видов: неодушевленные предметы, которые имеют и способны сохранять определенное внешнее строение, люди и животные⁴.

С серьезной критикой концепции С. М. Потапова выступил Н. В. Терзиев. Отметив заслуги С. М. Потапова, он выразил свое несогласие с его трактовкой понятия идентификации, согласно которой «рамки идентификации раздвигаются так далеко, что понятие идентификации охватывает все познавательные акты. Получается, что всякое суждение, всякое исследование представляет собой идентификацию. Это построение пред-

⁴ Шевченко Б. И. Научные основы современной трасеологии. М., 1947, с. 7.

ставляется нам искусственным и ненужным. Понятие идентификации теряет присущий ему ясный смысл и становится весьма расплывчатым”⁵.

Н. В. Терзиев отверг утверждение С. М. Потапова, о том, что идентификация является специальным методом криминалистики. “Идентификация, — писал Н. В. Терзиев, — не является ни универсальным методом в криминалистике, ни специальным методом этой науки, ни вообще методом. Общим методом советской криминалистики, как и всех наших наук, является метод материалистической диалектики — единственный общий метод криминалистики. Идентификация не является “специальным” методом криминалистики, поскольку в криминалистике идентификация в принципе не отличается от идентификации в других науках — химии, физике и др. Наконец, сомнительно, чтобы идентификация могла рассматриваться вообще как “метод”, поскольку она является задачей исследования”⁶. Ограничение объектов идентификации предметами, людьми и животными, введенное Б. И. Шевченко для трасологической идентификации, Н. В. Терзиев распространил на идентификацию вообще.

Оспорив некоторые положения концепции С. М. Потапова, Н. В. Терзиев в то же время дополнил ее характеристикой значения групповой (родовой и видовой) идентификации, указанием на варианты наличия идентифицируемого объекта при осуществлении акта идентификации, дал определение образцов для сравнения и описал предъявляемые к ним требования, обосновал наличие идентификации трех родов: по мысленному образу, по описанию или изображению, по следам или иным общественным проявлениям, отображающим свойства идентифицируемого объекта⁷.

Через много лет эти разногласия между С. М. Потаповым и Н. В. Терзиевым послужат для И. Д. Кучерова поводом, чтобы объявить их сторонниками различных концепций идентификации: первого — сторонником психологической концепции, второго — формально-логической⁸. Н. А. Селиванов писал по этому поводу: “С. Потапов оказался творцом психологической концепции идентификации потому, что назвал идентификацию способом точного узнавания предметов и явлений. Для всех, кто внимательно читал труды этого автора, ясно, что слово “узнавание”

⁵ Терзиев Н. В. Идентификация в криминалистике. — Сов. государство и право, 1948, № 2, с. 44.

⁶ Терзиев Н. В. Указ. раб., сс. 44-45.

⁷ Положения указанной статьи легли затем в основу написанной Н. В. Терзиевым главы об идентификации в учебнике 1950 г.

⁸ Кучеров И. Д. Функции различий в практическом познании. Минск, 1972, сс. 46-51.

он не случайно сочетал со словом “точное”, имея в виду тот его широкий смысл, который обозначен словом “установление”. Неправильно утверждение И. Кучерова, что С. Потапов якобы игнорировал материальные предпосылки для узнавания, а именно: взаимодействие объектов и их отражение. Достаточно ознакомиться с общеизвестными принципами идентификации, предложенными С. Потаповым, чтобы убедиться в несостоятельности утверждения И. Кучерова. Автор совершенно необоснованно утверждает невозможность дальнейшего конструктивного развития концепции, изложенной С. Потаповым⁹. Мы разделяем мнение Н. А. Селиванова. Разногласия между С. М. Потаповым и Н. В. Терзиевым, как и последующие критические замечания иных авторов, были не таковы, чтобы “развести” ученых по разным концепциям идентификации. Мы полагаем, что и тогда, и теперь речь должна идти о единой концепции идентификации, базирующейся на диалектическом понимании тождества, включающем в себя и формально-логический момент, и на материалистическом представлении о процессе идентификации. Ведущиеся теоретические споры не затрагивают самой “сердцевины”, существа этой теории.

А. И. Винберг в упоминавшихся работах того периода дополнил концепцию С. М. Потапова описанием стадий процесса идентификации в криминалистической экспертизе, дал детальную характеристику видов криминалистической идентификации и подчеркнул, что “неподвижного тождества не существует, в свойствах объектов происходят изменения, которые путем анализа могут быть обнаружены и затем исследованы с точки зрения закономерности их образования и развития при помощи наблюдения и эксперимента”¹⁰.

На втором этапе своего развития теория криминалистической идентификации пополнилась рядом общих положений, наиболее существенные из которых заключались в следующем.

I. В процессе уточнения понятия родовой (видовой) идентификации большинство авторов склонилось к необходимости замены этого понятия другим — “установление групповой принадлежности”. Толчком к пересмотру этого понятия послужило замечание Г. М. Миньковского и Н. П. Яблокова о том, что термин “групповая идентификация” неправилен, так как “объект может быть тождествен только самому себе. В данном случае речь идет о принадлежности объекта к определенной группе, то

⁹ Селиванов Н. А. Рецензия на работу И. Д. Кучерова “Функции различий в практическом познании”. — Соц. законность, 1973, № 3, с. 93.

¹⁰ Винберг А. И. Основные принципы советской криминалистической экспертизы. М., 1949, сс. 121-122.

есть о его сходстве с некоторыми другими объектами. Поэтому надо говорить об “установлении групповой принадлежности” (подобия, сходства)¹¹.

Приняв это замечание, сделанное в его адрес, Н. В. Терзиев писал: “Некоторые криминалисты применяют термин “идентификация” в широком смысле, обозначая им как установление единичного объекта, так и определение групповой принадлежности. При этом исследования первого вида называют “индивидуальной”, а второго вида — “групповой” идентификацией. Однако в криминалистике в настоящее время более принято ограничивать понятие идентификации установлением индивидуального объекта”¹². Для обозначения процесса установления групповой принадлежности М. В. Салтевский даже предложил специальный термин “группофикация”, который, однако, признания и распространения не получил.

В то же время в литературе этого этапа в большинстве случаев отмечается, что различие в терминологии — “установление тождества” и “установление групповой принадлежности” — не означает, что эти процессы изолированы, оторваны друг от друга. Установление групповой принадлежности рассматривается в общей форме как первоначальная стадия идентификации¹³, и лишь в некоторых случаях — как самостоятельный процесс исследования¹⁴.

II. То, что С. М. Потапов называл принципами идентификации, при ближайшем рассмотрении оказалось либо классификацией объектов исследования, либо приемами или условиями правильного мышления. По этому поводу А. И. Винберг писал: “Следует критически пересмотреть и установившуюся в криминалистике систему так называемых научных принципов криминалистической идентификации... Все четыре так называемых научных принципа криминалистической идентификации, сформулированные С. М. Потаповым, по существу, не являются специфическими и присущими именно процессу идентификации, а представляют

¹¹ Миньковский Г. М., Яблоков Н. П. Рецензия на учебник “Криминалистика” для юридических высших учебных заведений, т. 1. Госюриздат, 1950. — Соц. законность, 1951, № 7, с. 83.

¹² Терзиев Н. В. Идентификация и определение родовой (групповой) принадлежности. М., 1961, с. 4.

¹³ Винберг А. И. Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе. М., 1956, с. 36.

¹⁴ Салтевский М. В. Объекты идентификации и установления групповой принадлежности. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 2. Киев, 1965, с. 93.

собой непрменные условия для осуществления любого научного исследования в любой области науки и техники. Очевидно, что без научной классификации объектов в любой науке, без применения правильного мышления, анализа, синтеза, обобщения, абстракции, без рассмотрения изучаемых явлений в их взаимосвязи вообще не может иметь место никакое научное исследование. Правильнее будет указать на эти условия научного исследования как на условия, применяемые и в криминалистической идентификации, и отказаться в дальнейшем от попыток возводить эти условия в специфические принципы криминалистической идентификации”¹⁵.

III. Наряду с предложенными Н. В. Терзиевым родами идентификации употребляется понятие “формы отождествления” (В. Я. Колдин).

Различают две формы отождествления — по материально-фиксированным отображениям и по чувственно-конкретным отображениям. К первой относятся все случаи идентификации по следам рук, ног, транспорта, орудий и инструментов и т. п., то есть по материально-фиксированным отображениям свойств отождествляемых объектов. Ко второй — случаи идентификации по отображению отождествляемых объектов в памяти человека. Материально-фиксированное отображение всегда является непосредственным объектом исследования; чувственно-конкретное отображение воспринимается опосредствованно — через воспроизведение образов носителем отображения. Разграничение форм идентификации лежит в основе методики криминалистической идентификации¹⁶.

IV. Перечень объектов идентификации, предложенный Б. И. Шевченко и Н. В. Терзиевым (предметы, люди, животные), был поставлен под сомнение по ряду оснований.

Во-первых, по мнению ряда авторов, этот перечень следовало дополнить такими объектами, как трупы и участки местности; о последних писал и сам Н. В. Терзиев, хотя и не включил их в перечень объектов идентификации¹⁷.

Во-вторых, родовое понятие “предметы” нуждалось в уточнении. Предмет — любое материальное тело, находящееся в любом агрегатном состоянии, обладающее любой степенью сложности. Но любое ли

¹⁵ **Винберг А. И.** Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе. М., 1956, сс. 42-43.

¹⁶ **Колдин В. Я.** Идентификация при производстве криминалистических экспертиз. М., 1957, сс. 8-9.

¹⁷ **Терзиев Н. В.** Идентификация и определение родовой (групповой) принадлежности. М., 1961, с. 20.

материальное тело может быть объектом идентификации? Здесь мнения криминалистов разделились.

Сторонники одной точки зрения пришли к выводу, что к числу предметов как объектов идентификации могут быть отнесены лишь твердые тела, обладающие явно выраженными внешними признаками, т.е. индивидуально определенные. “В отношении таких объектов, как материалы, ткани, краски, чернила и т.п., в большинстве случаев сама постановка вопроса об индивидуальном тождестве “предмета” невозможна. Речь может идти здесь лишь о выделении некоторого объема или массы материала”¹⁸.

Авторы, придерживающиеся другой точки зрения, включили в перечень предметов идентифицируемых объектов сыпучие, жидкие и газообразные тела¹⁹. Наряду с идентификацией предмета, разделенного на части, теперь фигурирует и идентификация сложного предмета путем установления принадлежности ему частей, а также установления принадлежности предмета комплекту²⁰.

V. Было высказано мнение, что попытка рассматривать все вопросы идентификации лишь в аспекте диалектической логики является неправильной. “Нам представляется, — писал А. И. Винберг, — что существенной ошибкой является отказ от использования законов формальной логики в тех вопросах установления конкретного тождества, в которых должны действовать именно эти законы... Формальная логика, являясь частью, моментом диалектической логики, отражает устойчивость объектов, их качественную определенность, что и является сущностью для всего процесса криминалистической идентификации, призванного доказать тождество данного конкретного объекта...”²¹

Указание на то, что каждый объект равен только самому себе и что именно это равенство, не являющееся с точки зрения диалектики мертвым и неизменным, делает возможной идентификацию объекта, вовсе не означало возникновения специальной “формально-логической концепции”

¹⁸ **Винберг А. И., Эйсман А. А.** Криминалистическая идентификация в теории судебных доказательств. — Сов. государство и право, 1966, №2, с.110.

¹⁹ **Митричев В. С.** Установление источника происхождения, принадлежности единому целому предметов при расследовании преступлений. — В кн.: Теория и практика судебной экспертизы. Сб. 1. М., 1964, § 6.

²⁰ Там же, §§ 4-5.

²¹ **Винберг А. И.** Некоторые вопросы теории криминалистической идентификации. — В кн.: Вопросы криминалистики. Сб. 1-2. М., 1961, сс. 26-30.

пции идентификации”²² в противоположность другим концепциям. Речь шла о необходимом уточнении соотношения диалектического и формально-логического понятий тождества и не более.

VI. Расширился и обогатился понятийный аппарат теории идентификации. В. Я. Колдин предложил различать среди идентифицируемых объектов “искомый” объект, то есть объект, свойства которого изучаются по отображению — вещественному доказательству, и “проверяемый” объект, свойства которого изучаются по образцам или непосредственно по объекту, представленному на экспертизу²³. М. Я. Сегай ввел в обиход понятие идентификационной связи²⁴. Появились термины “идентификационный период”, “идентификационное поле” и другие.

VII. В дискуссии о том, обладает ли процесс идентификации в криминалистике такими качествами и признаками, которые позволяют говорить о криминалистической идентификации, постепенно стала доминировать концепция положительного решения этого вопроса.

В 1948 г., полемизируя с С. М. Потаповым, Н. В. Терзиев категорически заявлял: “...В криминалистике идентификация в принципе не отличается от идентификации в других науках — химии, физике и др.”²⁵ С этой позицией выразил несогласие М. Я. Сегай, который отметил характерные черты идентификации в криминалистике: результаты идентификации являются судебными доказательствами, что обуславливает специальные требования к методике идентификационного исследования; в криминалистике, в отличие от других наук, важно установление не только тождества, но и различия; главной задачей идентификации в криминалистике является отождествление индивидуально-определенных объектов, что в других науках осуществляется весьма редко; пределы изучения групповой принадлежности в криминалистике значительно шире, чем в других науках, поскольку в криминалистике используются случайные свойства объекта²⁶.

Аргументы М. Я. Сегай показали Н. В. Терзиеву недостаточно убедительными. Согласившись с первым из выдвинутых М. Я. Сегаем до-

²² Такой неверный, с нашей точки зрения, вывод содержится в монографии: *Кучеров И. Д.* Функции различий в практическом познании. Минск, 1968, сс. 52-53.

²³ *Колдин В. Я.* Идентификация при производстве криминалистических экспертиз, с. 11.

²⁴ *Сегай М. Я.* Идентификационные связи и их использование в доказывании тождества. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 5. Киев, 1968.

²⁵ *Терзиев Н. В.* Идентификация в криминалистике, с. 45.

²⁶ *Сегай М. Я.* Криминалистическая идентификация. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1957, сс. 13-15.

водов, он оспорил остальные и пришел к выводу, что некоторые особенности идентификации и установления групповой принадлежности в криминалистике относятся, однако, не только к этой науке, но и к смежным с ней: судебной медицине, судебной химии и т. п. “Если уж говорить о “криминалистической” идентификации, — заключил Н. В. Терзиев, — то более последовательно называть ее судебной идентификацией”²⁷.

Однако на этом спор не прекратился. В 1961 г. свое мнение по этому поводу высказал А. И. Винберг. Он писал: “Если в физике, химии, биологии и других науках идентификация представляет собой процесс, призванный решить преимущественно чисто техническую задачу, стоящую перед той или другой наукой, то в ... криминалистике весь процесс идентификации целенаправлен на выявление конкретных фактов, имеющих значение для установления истины в расследуемом деле. Таким образом, криминалистическая идентификация, как и наука криминалистика в целом, служит в первую очередь целям правосудия. Это составляет важную и отличительную особенность криминалистической идентификации от идентификации в других науках. В той же связи стоит и другая особенность криминалистической идентификации, заключающаяся в том, что итоги ее проведения должны быть выражены в регламентированных процессуальных актах, вне которых установление тождества путем криминалистической идентификации не будет иметь надлежащего доказательного значения. Вот почему криминалистическую идентификацию следует рассматривать как установление тождества того или иного объекта при собирании и исследовании доказательств в ходе осмотров, экспертиз и других процессуальных действий”²⁸.

Хотя в более поздних источниках можно встретить выражение “идентификация в криминалистике”, чаще стали говорить о криминалистической идентификации. Поскольку этот спор носит не просто терминологический, а принципиальный характер, мы далее попытаемся сформулировать и свою точку зрения по этому вопросу.

VIII. Наряду с разработкой общих проблем идентификации по материально-фиксированным отображениям для рассматриваемого этапа развития теории криминалистической идентификации характерно углуб-

²⁷ Терзиев Н. В. Идентификация и определение родовой (групповой) принадлежности, с. 14. М. Я. Сегай согласился с этим предложением и в своих последующих работах пользовался термином “судебная идентификация”.

²⁸ Винберг А. И. Насущные вопросы теории и практики судебной экспертизы. — Сов. государство и право, 1961, № 6, с. 77.

ленное исследование процессов идентификации по мысленным образам. Этот аспект теории идентификации, носящий преимущественно тактический характер, получил отражение главным образом в работах по тактике предъявления для опознания (Г. И. Кочаров, П. П. Цветков, А. Я. Гинзбург, Н. Г. Бритвич, А. Н. Колесниченко) и частично в работах по тактике других следственных действий — осмотра, обыска, проверки и уточнения показаний на месте. Это дало основание А. И. Винбергу писать о тактических основах криминалистической идентификации.

Отрицая правомерность представления о криминалистической идентификации как о процессе, целиком относящемся к исследованию вещественных доказательств в криминалистической экспертизе и поэтому рассматриваемом лишь в границах криминалистической техники, А. И. Винберг выдвинул тезис о том, что “общее учение о криминалистической идентификации в равной степени должно занять свое место в криминалистической тактике” и что “игнорирование такой методики доказывания, как идентификация, возможно только при пренебрежительном отношении к анализу научных средств и логическому аппарату доказывания”²⁹. Он предложил включить в содержание общих положений криминалистической тактики тактические основы криминалистической идентификации — учение об идентификации в следственной работе и идентификационные признаки, учитываемые следователем при установлении фактических данных³⁰.

Углубленное исследование тактического аспекта криминалистической идентификации потребовало привлечения данных психологии (А. Р. Ратинов, В. Е. Коновалова, А. В. Дулов), теории доказательств (А. И. Винберг, А. А. Эйсмэн, Р. С. Белкин), метода моделирования (И. М. Лузин). Более полно стали реализовываться в тактике общие положения теории криминалистической идентификации. Так, еще в 1959 г. мы предложили включить в число объектов, идентифицируемых путем опознания по мысленному образу, в дополнение к предметам, людям и животным, такие сложные материальные образования, как помещения и учас-

²⁹ А. И. Винберг. О научных основах криминалистической тактики. — Правоведение, 1965, № 3, с. 82.

³⁰ Там же, с. 81.

тки местности³¹. Получила теоретическое обоснование возможность установления путем опознания групповой принадлежности объектов³².

Помимо изложенных, в первоначальные представления о содержании теории криминалистической идентификации и ее основные положения были внесены и другие коррективы и дополнения. В целом, итог второго этапа развития теории криминалистической идентификации можно охарактеризовать словами М. Я. Сегая: "...За двадцать пять лет, прошедших со времени опубликования работы С. М. Потапова "Введение в криминалистику", теория судебной идентификации, отражая закономерности развития всей науки криминалистики и используемых ею достижений естественных и технических наук, поднялась на качественно новую ступень развития"³³.

Поскольку наше исследование посвящено преимущественно рассмотрению спорных и неразработанных проблем криминалистики, мы не считаем нужным излагать положения теории криминалистической идентификации, получившие общее признание на современном, третьем этапе развития этой теории и представляющие в своей совокупности ее парадигму. Исключение представляет терминологический аппарат теории криминалистической идентификации: только определенность смыслового значения употребляемых терминов позволяет избежать неясности доказываемого тезиса и его подмены в ходе дискуссии.

7.2. Терминологический аппарат теории криминалистической идентификации

Терминологический аппарат теории криминалистической идентификации сложился в большей своей части на первом этапе ее развития. Смысловое значение многих терминов не изменилось до настоящего времени; некоторые термины приобрели новое значение в связи с изменением определений тех понятий, которые они обознача-

³¹ *Р. С. Белкин*. Предъявление для опознания. — В кн.: Криминалистика. М., 1959, с. 313.

³² Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая. М., 1966, с. 184.

³³ *Сегай М. Я.* Методология судебной идентификации. Киев. 1970, с. 5.

ют. Имея в виду в последующем изложении проследить процесс таких изменений, мы приводим в настоящем параграфе лишь первоначальное значение термина.

1. Криминалистическая идентификация (С. М. Потапов, 1940)³⁴ — определенный процесс исследования, в результате которого может быть сделан вывод о наличии или об отсутствии тождества³⁵. Сущность криминалистической идентификации С. М. Потапов видел в том, что она “как процесс, есть сравнительное исследование мысленно отделяемых в представлении признаков вещи, но именно тех, которые определяют ее тождество и отличают от всех других вещей. Самый же способ такого исследования, состоящий в отделении признаков и оценке их значения для доказательства тождества или отсутствия тождества, является методом криминалистической идентификации”³⁶.

2. Объекты криминалистической идентификации (С. М. Потапов, 1940) — это объекты, по отношению к которым “непосредственно ставится и разрешается вопрос о тождестве или отсутствии тождества”, и объекты, которые служат материалом для решения этого вопроса³⁷. Объекты криминалистической идентификации подразделяются на:

♦ **Идентифицируемые объекты** (С. М. Потапов, 1940), то есть те, отождествление которых составляет задачу процесса идентификации.

♦ **Идентифицирующие объекты** (С. М. Потапов, 1940), то есть объекты, с помощью которых решается эта задача. Среди них выделяются:

Сравниваемые образцы (С. М. Потапов, 1940) — объекты, специально подобранные или изготовленные для целей идентификации. Впоследствии термин был уточнен — **образцы для сравнительного исследования** (Н. В. Терзиев, 1948), определяемые как “вспомогательные идентифицирующие объекты заведомого происхождения, используемые при отождествлении для сравнения”³⁸.

³⁴ В скобках указывается автор и год предложения термина.

³⁵ **Потапов С. М.** Принципы криминалистической идентификации. — Сов. государство и право, 1940, № 1.

³⁶ **Потапов С. М.** Введение в криминалистику. М., 1946, с. 15. Небезынтересно, на наш взгляд, отметить, что это определение сущности криминалистической идентификации позволяет толковать идентификацию как процесс, методом которого является отделение признаков и оценка их значения. Именно в этом смысле можно расценивать употребление в этом определении слова “метод”.

³⁷ **Потапов С. М.** Указ. раб., с. 71.

³⁸ **Терзиев Н. В.** Идентификация в криминалистике, с. 40.

3. Идентификационные признаки (Б. М. Комаринец, 1946) — такие родовые и индивидуальные признаки идентифицируемого объекта, которые могут отобразиться на идентифицирующем объекте и поэтому привлекаются для идентификации³⁹.

4. Идентификационный комплекс признаков, комплекс идентификационных признаков (А. И. Винберг, 1956) — совокупность индивидуально-определенных, устойчивых признаков, неповторимых по их соотношению, местоположению, взаиморасположению и другим особенностям в других объектах⁴⁰.

5. Идентификационное поле (А. А. Эйсман, 1967) — определенная система свойств вещи, являющаяся непосредственным объектом идентификации⁴¹.

По смысловому содержанию этот термин близок к предыдущему и практически употребляется как синоним термина “комплекс идентификационных признаков”.

6. Идентификационная связь (М. Я. Сегай, 1966) — объективная связь между объектами идентификации, обусловленная “причастным к событию преступлению взаимодействием людей и вещей, в процессе которого происходит отображение свойств взаимодействующих объектов”⁴². Различаются:

♦ **Прямая идентификационная связь** (М. Я. Сегай, 1966) — непосредственная связь между искомым объектом и отображением его идентификационных свойств⁴³.

♦ **Обратная идентификационная связь** (М. Я. Сегай, 1966) — возвратное отражение свойств взаимодействовавшего объекта, воспринимаемое искомым объектом⁴⁴.

³⁹ **Комаринец Б. М.** Криминалистическая идентификация огнестрельного оружия по стреляным гильзам. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1946.

⁴⁰ **Винберг А. И.** Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе, с. 37.

⁴¹ **Эйсман А. А.** Заключение эксперта (структура и научное обоснование). М., 1967, сс. 38, 45, 46.

⁴² **Сегай М. Я.** Методология судебной идентификации. Киев, 1970, с. 27.

⁴³ **Сегай М. Я.** Сущность судебной идентификации, как способа доказывания тождества по взаимному отображению свойств. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 3. Киев, 1966, с. 104.

⁴⁴ Там же.

7. Идентификационные свойства (В. Я. Колдин, 1962) — свойства, отобранные в следе искомого объекта, служащие для его характеристики и позволяющие отличить его от другого, в том числе сходного, объекта⁴⁵.

8. Идентификационный период (В. П. Колмаков, 1968) — временной интервал, позволяющий с учетом устойчивости и изменчивости признаков отождествляемых объектов осуществлять процесс судебной идентификации⁴⁶.

9. Идентификационная информация (М. В. Салтевский, 1965) — информация об идентификационных признаках объектов идентификации⁴⁷.

10. Родовая (групповая) идентификация (Н. В. Терзиев, 1945) — установление объекта как части определенного предмета или как одного из видов определенного рода⁴⁸ или определение принадлежности объекта к одному классу⁴⁹. Как отмечалось, впоследствии предпочтение стали отдавать термину “установление групповой принадлежности”, употребляющемуся, как правило, в том же смысле.

11. Формы идентификации, “формы применения метода идентификации” (С. М. Потапов, 1946) — теоретические правила, относящиеся к условиям применения метода идентификации, “соблюдение которых существенно важно в подлежащих случаях практики для получения достоверных судебных доказательств”⁵⁰. Автор термина называл четыре формы применения метода идентификации:

- ◆ **Приметоописательная** (сигналетическая) — применяется при идентификации с помощью регистрационных систем и в форме опознания.

⁴⁵ **Колдин В. Я.** Судебная идентификация как доказывание тождества. — В кн.: Вопросы криминалистики, вып. 6-7. М., 1962, сс. 26-27.

⁴⁶ **Колмаков В. П.** О криминалистическом понятии идентификационного периода. — В кн.: Проблемы социалистической законности на современном этапе развития Советского государства. Харьков, 1968 (приводится по кн.: **Сегай М. Я.** Методология судебной идентификации. Киев, 1970, с. 97).

⁴⁷ **Салтевский М. В.** Идентификация и установление групповой принадлежности. Харьков, 1965, сс. 32-33.

⁴⁸ **Терзиев Н. В.** Обзорные лекции по криминалистике. М., 1945, с. 1.

⁴⁹ **Терзиев Н. В.** Идентификация в криминалистике. — Сов. государство и право, 1948, № 12, с. 37.

⁵⁰ **Потапов С. М.** Введение в криминалистику, с. 21.

- ♦ **Аналитическая** — отнесение объекта к известному виду или роду.
- ♦ **Экспериментальная** — экспертное отождествление объекта по его отраженным в следах признакам;
- ♦ **Гипотетическая** — отождествление индивидуально-неопределенного факта или совокупности фактов как причины наличного результата, осуществляемое на основе жизненного опыта с помощью гипотез⁵¹.

Термин получил впоследствии повсеместное распространение как в первоначальном, так и в модифицированном виде (виды идентификации, способы идентификации); предложенная же автором термина классификация не была принята ни наукой, ни практикой.

Таковы основные термины теории криминалистической идентификации в их первоначальном смысловом значении. В ряде случаев это значение претерпело изменения либо стало предметом дискуссии. К рассмотрению некоторых таких дискуссионных вопросов мы и переходим.

7.3. Криминалистическая идентификация или идентификация в криминалистике?

Рассматривая состояние теории криминалистической идентификации на втором этапе ее развития, мы упоминали о начавшейся в те годы дискуссии по поводу того, можно ли считать, что существует специфически криминалистическая идентификация или же идентификация в криминалистике ничем не отличается от аналогичных процессов в других науках. После высказываний по этому поводу Н. В. Терзиева и М. Я. Сегая известное распространение получило мнение о существовании судебной идентификации как процесса, решающего задачи доказывания и не ограниченного рамками только криминалистики.

Это было фактически компромиссным решением проблемы, так как, с одной стороны, признавалось существование криминалистической идентификации, а с другой — вместе с ней в один классификационный ряд ставились процессы идентификации в судебной медицине, судебной химии и т. п. Такое решение едва ли можно было признать удовлетворительным, поскольку оно лишало доказательственности основной аргумент сторонников существования специфической криминалистиче-

⁵¹ Там же, сс. 21-23.

ской идентификации — получение судебного доказательства тождества, распространяя этот результат на все разновидности судебной идентификации. Неслучайно поэтому дискуссия на этом не прекратилась.

Развивая тезис о существовании судебной идентификации, определяемой как собирательное понятие, А. Р. Шляхов в 1962 г. осуждал “желание криминалистов объять различные виды судебной идентификации, подменив их так называемой криминалистической и идентификацией”⁵², являющейся, по его мнению, лишь одной из разновидностей идентификации судебной. Правильное решение вопроса он видел в разработке четкой классификации различных видов судебной идентификации, построенной “прежде всего с учетом характера объектов идентификации, а не методов ее проведения”, поскольку “применяемые для проведения различных видов судебной идентификации технические средства и приемы по существу иногда мало отличаются друг от друга”⁵³. Он предложил следующую классификацию основных видов судебной идентификации: 1) криминалистическая; 2) медицинская; 3) автотехническая; 4) агробиологическая; 5) товароведческая; 6) пожарно-техническая, — заметив, что возможны и другие виды идентификации⁵⁴.

Мы специально так подробно излагаем взгляды А. Р. Шляхова, изложенные им в указанной работе, где он решительно осуждает тенденцию некоторых криминалистов “расширить круг объектов криминалистической идентификации, включив сюда красители, ткани, веревки, почву, пыль, осколки оконных, фарных стекол, частицы растений, древесины, изделия из пластмассы и металлов, многочисленные химические, биологические вещества и т. д.”⁵⁵.

Уже через несколько лет А. Р. Шляхов изменил свою позицию диаметрально противоположным образом. Все эти объекты стали у него объектами криминалистической идентификации⁵⁶, поглотившей таким образом ряд других видов судебной идентификации из его же собственной классификации. Поскольку понятие криминалистической экспертизы и ее видов — пред-

⁵² Шляхов А. Р. Организация и производство криминалистической экспертизы в СССР. — В кн.: Теория и практика криминалистической экспертизы. Сб. 9-10. М., 1962, с. 123.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Шляхов А. Р. Организация и производство криминалистической экспертизы в СССР. — В кн.: Теория и практика криминалистической экспертизы. Сб. 9-10. М., 1962, с. 123.

⁵⁵ Там же, с. 122.

⁵⁶ См. статьи А. Р. Шляхова и его интервью в журнале “Соц. законность” (1969, №№ 3, 8; 1973, № 4; 1974, № 1).

мет специальной главы настоящего Курса, здесь мы ограничимся констатацией того, что ни классификация видов судебной идентификации, ни само введение этого собирательного понятия не позволили решить — положительно или отрицательно — вопрос о существовании специфической криминалистической идентификации. Поэтому обратимся к анализу тех аргументов в пользу существования криминалистической идентификации, которые не вытекают из концепции судебной идентификации. В обобщенном виде эти аргументы заключаются в следующем:

- I. Криминалистическая идентификация служит целям получения доказательств наличия или отсутствия тождества материальных объектов, находящихся в сфере судопроизводства, чем обусловлены специальные требования к методике ее осуществления (А. И. Винберг, М. Я. Сегай, В. Я. Колдин и другие).
- II. Сущность криминалистической идентификации — в установлении тождества единичного конкретного объекта. Мысль о сфере криминалистической идентификации В. Я. Колдин выражает следующим образом: “Сфера криминалистической идентификации ограничивается... исследованиями с целью установления единичного материального объекта путем его отождествления по отображениям в обстановке расследуемого события”⁵⁷.
- III. В основе процесса криминалистической идентификации “лежит сравнение совокупности идентификационных признаков, качественная оценка совпадений и различий сличаемых признаков и их отображений на идентифицируемых объектах или установление объекта (целого) по его частям”⁵⁸.
- IV. Особенность криминалистической идентификации заключается в том, что ее результаты облачаются в форму процессуальных актов — заключений экспертов, протоколов следственных и судебных действий, справок учетно-регистрационных органов, рассматриваемых как иные виды документов, предусмотренные законом. Вне этих документов “установление тождества не будет иметь доказательственного значения. Криминалистическую идентификацию следует рассматривать как установление тождества объекта при собирании и исследовании доказательств в ходе процессуальных действий, —

⁵⁷ **Колдин В. Я.** Теоретические основы и практика применения идентификации при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1970, с. 6. Это концепции он придерживается в более поздних работах (см. Криминалистика социалистических стран, М., 1986, с. 228 и след.).

⁵⁸ **Винберг А. И.** Криминалистика. Разд. 1. Введение в науку. М., 1962, с. 79.

писал А. И. Винберг. — Это положение позволяет ...четко отграничить криминалистическую идентификацию от идентификации в других науках”⁵⁹.

V. В отличие от физики, химии, биологии и других наук, где идентификация представляет собой процесс решения чисто технической задачи, криминалистическая идентификация представляет собой одну из методик доказывания. “Ее общие принципы входят в предмет теории доказательств, а структура, приемы осуществления, специфика средств и методов отождествления относятся к науке криминалистики”⁶⁰.

VI. При криминалистической идентификации используются случайные свойства объектов⁶¹.

Утверждение о том, что исключительной особенностью криминалистической идентификации является получение доказательства тождества в сфере судопроизводства, в настоящее время оспаривается. Как уже отмечалось, отрицание этого тезиса коренится в самой концепции судебной идентификации, где наряду с криминалистической идентификацией средством получения судебного доказательства выступает любая другая разновидность судебной идентификации. Оставляя сейчас в стороне вопрос о возможности отождествления таких объектов судебно-химического исследования, как лакокрасочные и горюче-смазочные материалы, изделия из волокнистых материалов; таких объектов судебно-биологического и почвоведческого исследований, как волосы, кровь, почвы, древесина и т. п., следует признать возможным получение доказательства тождества, например, при производстве некоторых судебно-медицинских исследований, не составляющих процесса криминалистической идентификации. Но уже это одно допущение лишает криминалистическую идентификацию как процесс доказательства тождества признака исключительности.

Слабость рассматриваемого аргумента сторонников исключительности криминалистической идентификации заметил В. П. Колмаков. Он писал: “По нашему мнению, нет каких-либо научных аргументов в пользу монополизации идентификационных исследований только криминалистической экспертизой. Практика показывает, что теоретические основы идентификации, разработанные криминалистами, успешно

⁵⁹ Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика и доказывание. М., 1969, с. 11.

⁶⁰ Там же, с. 115.

⁶¹ Сегай М. Я. Криминалистическая идентификация и особенности ее применения в отдельных видах криминалистической экспертизы. Киев, 1959, с. 8.

применяются в судебно-медицинской (в целях идентификации объектов судебно-медицинского характера), судебно-химической и судебно-биологической экспертизах. Стали встречаться случаи идентификации в автотехнической экспертизе”⁶².

Изложенное позволяет сделать вывод, что получение доказательства тождества не составляет специфического признака именно криминалистической идентификации.

Заслуживают внимания и возражения против утверждения, что только криминалистическая идентификация решает задачу установления тождества конкретного объекта методом сравнительного исследования идентификационных признаков. Таким же путем в некоторых случаях решается задача установления тождества при судебно-медицинских исследованиях, использующих методику трасологической идентификации. Но главное здесь заключается в том, что понятие “конкретный объект” (или индивидуально-определенный объект) само по себе недостаточно конкретно и допускает такие толкования, которые подрывают доказательственное значение рассматриваемого аргумента. Так, разделяя взгляды С. М. Потапова, Р. А. Кентлер писал: “Нельзя согласиться с мнением тех криминалистов, которые считают, что идентифицировать можно так называемые индивидуально-определенные объекты, а другие, например материалы, — невозможно (Миньковский и Яблоков, 1951; Эртевциан, 1961). Любой объект, в том числе и любой материал, занимая определенное место в пространстве и времени, подвергаясь воздействию определенных условий, и т. д., также является определенным объектом... Идентифицировать можно все то, что индивидуально, способно к идеальному или материальному отражению этого свойства на других объектах и по отображению которого может быть точно установлен искомый объект. В этом отношении безразлично, идет ли речь о конкретном материальном объекте, событии, факте, явлении и т. д.”⁶³.

В. С. Митричев практически теми же доводами обосновывает возможность идентификации жидких и сыпучих тел или источника происхождения ряда предметов⁶⁴, для чего оказывается достаточным полагать,

⁶² **Колмаков В. П.** Криминалистическая идентификация как способ доказывания в уголовном и гражданском судопроизводстве. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 3. Киев, 1966, с. 94.

⁶³ **Кентлер Р. А.** О сущности идентификации вообще и юридической в особенности. — В кн.: Вопросы криминалистики и судебной экспертизы. Душанбе, 1962, с. 91.

⁶⁴ **Митричев В. С.** Вопросы теории судебной идентификации. — Труды ЦНИИСЭ, вып. 2. М., 1970, с. 119. Эту концепцию он развивал в последующих статьях (Труды ВНИИСЭ № 3 (1971), сс. 148-152, № 4 (1972), сс. 113-156. Ее полное обоснование содержится в его докторской диссертации (**Митричев В. С.** Научные основы и общие положения криминалистических идентификацион-

см. след. стр.

что “благодаря наличию системы свойств данный объект приобретает качество некоторого “единого целого” и как целое (то есть как конкретный объект — *Р. Б.*) может быть выделен из окружающей обстановки”. Разумеется, такая конструкция объекта идентификации спорна, как спорна и сама возможность идентификации подобных тел, о чем еще будет идти речь далее. Однако с гносеологической точки зрения и с точки зрения системно-структурного подхода, действительно любой объект в определенном смысле можно рассматривать как “единое целое” со своими свойствами и признаками, поддающимися сравнению и оценке. Следовательно, и приведенные аргументы в пользу специфичности криминалистической идентификации не бесспорны.

Если допустить возможность других, помимо криминалистической, видов судебной идентификации, как это делают многие криминалисты, то теряет смысл и указание на такую особенность криминалистической идентификации, как облечение ее результатов в процессуальную форму. Если идентификация судебная, то она осуществляется в сфере судопроизводства и, следовательно, в определенной процессуальной форме, ибо иначе она не будет иметь значения для доказывания и не сможет именоваться судебной. Принципиального значения не имеет, что результаты криминалистической идентификации могут быть облечены в форму различных процессуальных актов, а других видов идентификации — только в форму заключений экспертов. Но если так, то это значит, что любая разновидность судебной идентификации, а не только криминалистическая идентификация, представляет собой методику доказывания.

Остается один аргумент: при криминалистической идентификации используются случайные свойства объекта. Однако доказательственность и этого аргумента зависит от того, допускаем ли мы существование иных, некриминалистических, разновидностей идентификации. Сторонники возможности идентификации жидких и сыпучих тел для доказательства своей правоты также оперируют ссылками на наличие у этих объектов случайных свойств и соответственно выражающих их признаков. “Процесс постепенного сужения объема понятия “источник происхождения” до “индивидуально-определенного сыпучего тела”, — писал В. С. Митричев, — предполагает открытие в исследуемом объекте признаков случайного происхождения наряду с определением комплекса признаков обязательных, закономерных для объектов данного рода... Одним из специфических признаков конкретных жидких или сыпучих тел

ных исследований физическими и химическими методами Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1971). Эти взгляды разделяет и Т. А. Седова (Криминалистика. СПб, 1995, с. 31).

является наличие в их составе случайной комбинации объектов разного рода или разного происхождения”⁶⁵. Таким образом, мы видим, что ссылкой на использование в целях идентификации случайных свойств объектов пользуются в равной степени обе спорящие стороны.

Мы исчерпали все аргументы сторонников исключительности процесса криминалистической идентификации и, как нам кажется, убедились в том, что эти аргументы не являются бесспорными. Казалось бы, что теперь логично сделать вывод: нет криминалистической идентификации, а есть идентификация в криминалистике. Представляется, однако, что решение вопроса тем не менее должно быть иным.

Начнем с того, что никакой “идентификации в криминалистике” нет, ибо когда мы ведем речь об идентификации, то имеем в виду процессы отождествления, протекающие в практической деятельности, а не в науке криминалистике. Даже когда мы имеем дело с научным экспериментом, то и в этом случае подразумевается идентификация в определенной разновидности *практической* деятельности ученого. Идентификация же в науке, в теории, имеющая дело с понятиями, есть во всех случаях и во всех науках процедура *логического* отождествления, а не криминалистическая, химическая или какая-либо иная идентификация. Составной частью криминалистики является не идентификация как практический процесс отождествления, а теория идентификации как система знаний об этом процессе.

Идентификация, как процесс установления тождества индивидуально-определенного объекта, является одним из средств установления истины в уголовном судопроизводстве. Именно в таком качестве она стала объектом криминалистики, возникшей, как известно, в качестве науки о средствах, приемах и рекомендациях по раскрытию и расследованию преступлений. Разрабатываемая в криминалистике теория идентификации приобрела характер криминалистической теории, а сама идентификация — характер криминалистического процесса, криминалистического средства работы с доказательствами⁶⁶. В этом качестве

⁶⁵ **Митричев В. С.** Установление источника происхождения, принадлежности единому целому предметов при расследовании преступлений. — В кн.: Теория и практика судебной экспертизы, вып. 1 (11). М., 1964, с. 119.

⁶⁶ Об этом очень убедительно писали А. И. Винберг и А. А. Эйсман: “К установлению индивидуального тождества иногда прибегают и вне связи с расследованием уголовных дел... Однако во всех этих случаях речь идет об отдельных эпизодических исследованиях, причем очень часто они проводятся методами, разработанными криминалистикой и в криминалистических лабораториях. Обобщенная же теория идентификации возникла именно в криминалистике в связи с задачами судебного доказывания. Это обстоятельство и дает основание говорить о теории криминалистической идентификации и о ее непосредственной связи с теорией судебных доказательств” (**Винберг А. И., Эйсман А.** см. след. стр.

криминалистическая идентификация обладает такими особенностями, которые отличают ее от идентификации при производстве химических, физических, медицинских и иных исследований. При этом следует иметь в виду, что криминалистическую идентификацию отличает совокупность специфических особенностей, а не отдельно взятые признаки, частью из которых, взятыми порознь, могут обладать процессы идентификации некриминалистической. Эту совокупность составляют следующие особенности:

- 1) объекты криминалистической идентификации — индивидуально-определенные тела, обладающие устойчивым внешним строением;
- 2) криминалистическая идентификация осуществляется по отображениям устойчивых свойств идентифицируемых объектов;
- 3) сфера криминалистической идентификации не ограничена экспертизой; принципиально криминалистическая идентификация может быть осуществлена при производстве любого следственного действия любым участником доказывания.

Мы утверждаем, что эти особенности, взятые в совокупности, характеризуют только криминалистическую идентификацию как криминалистическое средство работы с доказательствами. Любая другая разновидность судебной идентификации (даже если принять обозначаемое этим термином понятие) совокупностью таких особенностей не обладает, что видно хотя бы на примере идентификации в судебно-медицинской экспертизе, наиболее близкой к криминалистической идентификации и обладающей лишь первыми двумя признаками из названной совокупности.

Следует также иметь в виду — и это весьма существенно, — что теория криминалистической идентификации и разработанная в ней методика криминалистической идентификации могут найти (и находят) свое применение и использование в медицинских, химических и иных исследованиях. Это может создать ложное впечатление, что криминалистическая идентификация по сравнению с ними не обладает спецификой. Однако использование криминалистической теории или криминалистической методики еще не является основанием для именования этих процессов криминалистическими, аналогично тому, как применение, например, при техническом исследовании документов или в судебно-баллистических исследованиях тех или иных методик фотографии, химии, физики не влечет за собой исключения этих экспертиз из числа криминалистических и их переименования, если неизменным осталось их криминалистическое качество.

А. Криминалистическая идентификация в теории судебных доказательств. — Сов. государство и право, 1966, № 2, с. 109).

7.4. Групповая (видовая, родовая) идентификация или установление групповой принадлежности?

Как уже отмечалось, предложенный С. М. Потаповым термин “родовое (видовое) тождество” впоследствии был в значительной степени вытеснен термином “групповая принадлежность”, а термин “родовая (видовая) идентификация” — термином “установление групповой принадлежности”⁶⁷.

В настоящее время в теории и практике можно встретить все эти термины, причем их содержание, соотношение друг с другом и с понятием идентификации вообще трактуются по-разному. Предпринимая обзор литературы вопроса, В. А. Снетков и М. В. Кисин в 1965 г. писали: “Ряд криминалистов (А. Р. Шляхов и др.) продолжает придерживаться традиционных взглядов на существо и значение родовой (групповой) идентификации, как на один из важнейших видов и этапов криминалистического отождествления*. Другие ученые, не видя существенной разницы между родовой (групповой) идентификацией и установлением родовой (групповой) принадлежности (Н. А. Селиванов, А. А. Эйсман и др.), используют в своих работах либо и тот и другой термин на равных правах**, либо термин “установление родовой (групповой) принадлежности” в значении “родовая (групповая) идентификация”***.

Многие криминалисты (А. И. Винберг и др.) не признают в криминалистике родовую (групповую) идентификацию, полагая, что предметом криминалистической идентификации должны быть лишь так называемые индивидуально-определенные объекты — конкретное лицо, опре-

⁶⁷ **Селиванов Н. А.** Установление групповой принадлежности объектов в судебной экспертизе. — В кн.: Советская криминалистика на службе следствия, вып. 15. М., 1961, с. 81; **Снетков В. А., Кисин М. В.** К вопросу о родовой (групповой) криминалистической идентификации. — Труды ВНИИОП, 1965, № 9, с. 18.

* **Шляхов А. Р.** Организация и производство криминалистической экспертизы в СССР. — В кн.: Теория и практика криминалистической экспертизы, вып. 9-10. М., 1962.

** **Эйсман А. А.** Вопросы теории установления групповой принадлежности (родовой идентификации) в криминалистике. — В кн.: Проблемы судебной экспертизы. Сб. 1. М., 1961.

*** **Сегай М. Я.** Актуальные проблемы установления групповой принадлежности материалов (веществ) в теории и практике судебной экспертизы. — В кн.: Материалы научной конференции. Киев. 1963.

деленный экземпляр оружия и т. д.**** Значительная группа криминалистов (М. Я. Сегай, В. С. Митричев и др.), как показывает анализ их концепций, включает прежнее содержание понятия родовой (групповой) идентификации в понятие “установление родовой (групповой) принадлежности”***** и пользуется лишь этим последним термином”⁶⁸. По мнению самих В. А. Снеткова и М. В. Кисина, не имеет смысла “внедрение в качестве самостоятельного понятия “установление родовой (групповой) принадлежности” в теорию и практику идентификационных криминалистических экспертиз, поскольку оно по сравнению с понятием “родовая (групповая) идентификация” не несет нового содержания, не представляет существа и целей криминалистических исследований”⁶⁹.

Как вытекает из изложенного, на разрешение могут быть поставлены следующие вопросы:

- 1) Равнозначны ли по своему содержанию понятия групповой (видовой, родовой) идентификации и установления групповой (видовой, родовой) принадлежности в том смысле, в каком они используются в криминалистике?
- 2) Корректны ли термины “групповая (видовая, родовая) идентификация”, “видовое (родовое) тождество”?
- 3) Включает ли установление групповой принадлежности (или групповая идентификация) установление так называемого источника происхождения или это разновидность индивидуального отождествления?

Отвечая на первый вопрос, следует заметить, что те авторы, которые употребляют оба термина — “групповая идентификация” и “групповая принадлежность” — не видят различия в их содержании. Однако единодушие в словоупотреблении не означает единодушия взглядов этих ученых-криминалистов на смысловое значение терминов.

А. И. Винберг, А. А. Эйсман, Б. М. Комаринец и некоторые другие авторы употребляют оба эти термина в значении именно установления принадлежности к какой-нибудь группе, то есть в значении классификационного исследования⁷⁰. Другие криминалисты, наоборот, употребляют

**** **Винберг А. И.** Криминалистика. Разд. I. Введение в науку. М., 1962, сс. 79-81.

***** **Митричев В. С.** К вопросу об изучении источника происхождения вещественных доказательств с помощью криминалистической экспертизы. — В кн.: Советская криминалистика на службе следствия, вып. 15. М., 1961.

⁶⁸ **Снетков В. А., Кисин М. В.** Указ. работа, сс. 18-19.

⁶⁹ Там же, с. 24.

⁷⁰ **Винберг А. И., Эйсман А. А.** Указ. работа; **Эйсман А. А.** Заключение эксперта. М., 1967; **Колдин В. Я.** Идентификация и ее роль в установлении истины см. след. стр.

ют указанные термины в идентификационном смысле. Так, Н. А. Селиванов считал, что по природе устанавливаемого тождества идентификация делится на индивидуальную и групповую⁷¹, что установление групповой принадлежности есть отождествление, ибо понятие тождества “распространяется на предметы, явления и определенные группы живых существ”⁷², что, “не отрицая некоторых различий в характере объектов, отождествляемых при индивидуальной и групповой идентификации, а также в применяемых для этого методиках, следует признать, что как первое, так и второе исследование являются по своей логической природе идентификационными”⁷³. Аналогичны в основном взгляды А. Р. Шляхова⁷⁴ и Т. А. Седовой⁷⁵.

Несколько отличную позицию занимал В. Д. Арсеньев, который попытался объединить взгляды обеих противостоящих сторон. По его мнению, существуют и групповая идентификация, и установление групповой принадлежности как различные понятия. Первая есть процедура отождествления, вторая — процедура естественно-научной классификации. Эта классификация “может составлять либо самостоятельную задачу исследования (отнесение ножа к холодному оружию), либо быть составной частью групповой идентификации (например, установление, что след на месте происшествия оставлен мужским ботинком 40 размера, имеющим с предъявленным на исследование мужским ботинком 40 размера одинаковую изношенность и ряд других сходных признаков)”⁷⁶.

по уголовным делам. М., 1969; **Комаринец Б. М.** Судебно-баллистическая экспертиза огнестрельного оружия. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1975.

⁷¹ **Селиванов Н. А.** Актуальные теоретические вопросы криминалистической идентификации. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью, вып. 14. М., 1971, с. 144.

⁷² **Н. А. Селиванов.** Установление групповой принадлежности объектов в судебной экспертизе. — В кн.: Советская криминалистика на службе следствия, вып. 15. М., 1961, с. 79.

⁷³ **Селиванов Н. А.** Актуальные теоретические вопросы криминалистической идентификации (статья вторая). — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью, вып. 15. М., 1972, с. 139.

⁷⁴ **Шляхов А. Р.** Организация и производство криминалистической экспертизы в СССР, сс. 112-117.

⁷⁵ **Седова Т. А.** Проблемы судебной идентификации некоторых видов вещественных доказательств. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Л., 1967, сс. 6-8; **Седова Т. А.** Некоторые вопросы оценки доказательственного значения выводов на основе групповой идентификации. — В кн.: Вопросы теории криминалистики и судебной экспертизы, вып. II. М., 1969, сс. 85-86.

⁷⁶ **Арсеньев В. Д.** Вопросы экспертной идентификации в судебном доказывании. — Труды ВНИИСЭ, вып. 8. М., 1974, с. 4.

Едва ли можно согласиться с такой аргументацией. По В. А. Арсеньеву получается, что различие между установлением групповой принадлежности и групповой идентификацией чисто количественное: если установлен один признак сходства (размер ботинка) — налицо групповая принадлежность; если несколько (размер, одинаковая изношенность и др.) — групповое тождество. Но такое различие, как нам кажется, лишено всякого теоретического обоснования и практического смысла. И в том и в другом случае речь идет об одном и том же — о причислении к группе; объем же устанавливаемой группы, если только это группа, множество, а не единичный объект, с гносеологической точки зрения (отождествление или не отождествление) значения не имеет.

Попытаемся теперь ответить на второй поставленный нами вопрос.

Обосновывая свой отказ от термина “групповая идентификация”, Н. В. Терзиев писал: “Между установлением тождества и определением родовой (групповой) принадлежности имеется следующая разница. При идентификации устанавливается, что это тот же самый единичный объект (например, конкретный экземпляр пишущей машины). При определении родовой (групповой) принадлежности констатируется лишь, что исследуемый объект относится к известному классу, является таким же — по своему роду или виду (например, является пишущей машиной определенной марки и модели)”⁷⁷. Понятие криминалистической идентификации складывалось как обозначение процесса отождествления единичного объекта, но не группы (вида, рода) сходных объектов. Именно в этом видят смысл криминалистической идентификации А. И. Винберг⁷⁸, М. В. Салтевский⁷⁹, В. П. Колмаков⁸⁰, В. С. Митричев⁸¹ и многие другие криминалисты.

⁷⁷ Терзиев Н. В. Идентификация и определение родовой (групповой) принадлежности, с. 4.

⁷⁸ Винберг А. И. Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе, с. 36.

⁷⁹ Салтевский М. В. Теоретические основы установления групповой принадлежности в судебной экспертизе. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Харьков, 1969, с. 11.

⁸⁰ Колмаков В. П. Криминалистическая идентификация как способ доказывания в уголовном и гражданском судопроизводстве, с. 95.

⁸¹ Митричев В. С. Вопросы теории судебной идентификации, с. 111. Впоследствии он изменил свою точку зрения, заявив, что “идентификацией является также и установление принадлежности объекта к множеству ему подобных, каким-либо образом связанных с обстоятельствами расследуемого дела” (Митричев В. С. Научные основы и общие положения криминалистических идентификационных исследований физическими и химическими методами. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1971, с. 7).

Аналогичных взглядов придерживаемся и мы, считая как ранее, так и теперь, что независимо от понимания тождества в других науках в теории криминалистической идентификации мы говорим о тождестве как о равенстве самому себе единичного индивидуально-определенного объекта. С этой точки зрения мы полагаем некорректными для криминалистики термины “групповая (видовая, родовая) идентификация”, “групповое (видовое, родовое) тождество”. Именно поэтому также мы считаем неверным говорить о различных степенях отождествления объекта, как это делает Р. А. Кентлер⁸². Тождество означает только то, что объект является тем же самым. Всякая вероятность этого — не что иное, как отнесение объекта к более или менее узкой по объему группе подобных: чем уже группа, тем выше “степень отождествления” объекта, однако в любом случае это еще не тождество, а установление групповой принадлежности. Тождество степеней не имеет, оно либо есть, либо его нет.

С процессами идентификации и установления групповой принадлежности связана проблема установления так называемого источника происхождения исследуемых объектов. Пионером в этой области научной проблематики был В. С. Митричев, которому принадлежат основные теоретические разработки вопроса, формулировка исходных понятий и принципов.

Виталий Степанович Митричев (1930-1996) вошел в историю науки как пионер в области экспертных исследований материалов и веществ, разработавший концепцию научных основ и общих положений криминалистических идентификационных исследований физическими и химическими методами (1971). Его многочисленные работы в области исследования жидких и сыпучих тел легли в основу разработки многих экспертных методик и получили распространение в экспертной практике.

В. С. Митричев широко известен и как автор ряда оригинальных идей в области общей теории криминалистики и общей теории судебной экспертизы. Обладая значительным авторитетом среди научных работников и практиков, он был одним из признанных лидеров отечественной криминалистики и судебной экспертизы.

В общей форме содержание концепции В. С. Митричева заключается в следующем.

Для осуществления криминалистических идентификационных исследований могут быть использованы физические и химические методы. Объектами таких исследований являются индивидуально-определенные материальные объекты, понимаемые как вещи в широком смысле этого слова. При этом понятием “индивидуальная” определенность характе-

⁸² Кентлер Р. А. О сущности идентификации вообще и юридической в особенности, с. 91.

ризуется отдельная от других система качеств, выделенная из окружающей обстановки структура. Подобную систему качеств представляют индивидуально-определенные источники происхождения, которые составляют особую группу объектов идентификации⁸³.

Под источником происхождения следует понимать:

- 1) "конкретный целый предмет, части которого обнаружены в связи с определенными обстоятельствами дела и поэтому являются доказательствами"⁸⁴;
- 2) "определенное количество однородных предметов, которое по наличию в них случайных для данных обстоятельств дела признаков отличается от другой массы предметов того же рода, но имеющей иное происхождение"⁸⁵;
- 3) предприятие-изготовитель или место произрастания, или место переработки⁸⁶;
- 4) определенную массу жидкости или сыпучего тела⁸⁷.

Источник происхождения может быть как объектом идентификации, так и объектом установления групповой принадлежности⁸⁸.

Поскольку источник происхождения может иметь различное значение, не существует универсальной методики его установления. В зависимости от того, что имеется в виду под источником происхождения, применяется специализированная методика исследования. "Экспертное идентификационное исследование материалов, веществ и изделий в большинстве случаев является комплексным"⁸⁹.

Ряд положений концепции В. С. Митричева не вызывает возражений. К их числу относятся, например, принципиальная возможность идентификации источника происхождения — конкретного целого предмета по его частям или предприятия-изготовителя, — что убедительно подтвер-

⁸³ Митричев В. С. Указ. автореферат, сс. 6-9.

⁸⁴ Митричев В. С. К вопросу об установлении источника происхождения вещественных доказательств с помощью криминалистической экспертизы. — В кн.: Советская криминалистика на службе следствия, вып. 15. М., 1961, с. 106.

⁸⁵ Там же, с. 108.

⁸⁶ Митричев В. С. Вопросы теории идентификации в свете использования физических и химических методов исследования в криминалистической экспертизе. — В кн.: Вопросы теории криминалистики и судебной экспертизы, вып. II. М., 1969, сс. 13-14.

⁸⁷ Митричев В. С. Установление источника происхождения, принадлежности единому целому предметов при расследовании преступлений. — В кн.: Теория и практика судебной экспертизы, вып. 1 (11). М., 1964, с. 114.

⁸⁸ Митричев В. С. Указ. автореферат, сс. 10, 15.

⁸⁹ Митричев В. С. Указ. автореферат, с. 25.

ждается интересными исследованиями С. Ш. Касимовой⁹⁰. Но есть в его концепции положения, которые представляются по меньшей мере спорными. И это прежде всего вопрос о возможности криминалистической идентификации жидких и сыпучих тел, который возникает независимо от того, назовем ли мы идентифицируемый объект в данном случае индивидуально-определенным телом, источником происхождения или как-либо еще.

Вопрос этот, как известно, не нов и давно является предметом дискуссии.

Сторонники возможности криминалистической идентификации жидких и сыпучих тел исходят в своих рассуждениях из разных посылок, но приходят к одинаковым выводам. Как уже указывалось, А. Р. Шляхов рассматривал установление групповой принадлежности как разновидность идентификации, делая из этого вывод о возможности криминалистической идентификации жидких и сыпучих тел. В 1962 г. об индивидуальной идентификации этих объектов он писал в плане перспективы⁹¹; в 1969-74 гг. перспектива, с его точки зрения, стала реальностью⁹².

В отличие от А. Р. Шляхова, В. С. Митричев как идентификацию рассматривал только установление тождества индивидуально-определенного объекта. Возможность криминалистической идентификации жидких и сыпучих тел он обосновывал, как это также уже отмечалось, тем, что любое тело можно рассматривать как "единое целое" и идентифицировать его при наличии достаточной совокупности индивидуальных признаков.

Большинство криминалистов придерживаются диаметрально противоположных взглядов. "Объектами криминалистической идентификации не могут являться различные вещества, жидкие и сыпучие тела, как не

⁹⁰ *Касимова С. Ш.* Экспертиза с целью установления места и времени выпуска промышленных изделий. — В кн.: Советская криминалистика на службе следствия, вып. 14. М., 1961; *Касимова С. Ш.* Установление предприятия-изготовителя — один из видов криминалистической идентификационной экспертизы. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью, вып. 12. М., 1970. О возможности идентификации в некоторых случаях источника происхождения писал и Н. В. Терзиев (*Терзиев Н. В.* Некоторые вопросы определения родовой (групповой) принадлежности. — В кн.: Вопросы криминалистики и судебной экспертизы. Душанбе, 1962).

⁹¹ *Шляхов А. Р.* Организация и производство криминалистической экспертизы в СССР, сс. 115-116.

⁹² В институте судебных экспертиз. Интервью с А. Р. Шляховым. — Соц. законность, 1969, № 3; *Шляхов А. Р.* Современные возможности криминалистической экспертизы. — Соц. законность, 1973, № 4; Интервью с А. Шляховым. — Соц. законность, 1974, № 1.

имеющие определенной и стабильной формы”, — писал еще в 1961 г. А. И. Винберг⁹³, оставшийся верен этой позиции и в последующих работах.

“Совершенно очевидно, что термин “индивидуальный” неприложим к веществу вообще, — писал Н. А. Селиванов. — Можно ставить вопрос об индивидуальном отождествлении каких-то ограниченных масс или иных веществ, заключенных чаще в определенные емкости... Но даже и при такой постановке вопроса остаются сомнения относительно практической разрешимости данной проблемы”⁹⁴. В информационном аспекте это же утверждает М. В. Салтевский: “Сыпучим, жидким и газообразным телам... характерна информация, заключенная во внутренней организации объекта и позволяющая устанавливать только групповую принадлежность”⁹⁵. Резко возражал против утверждений А. Р. Шляхова о возможности идентификации жидких и сыпучих тел также и А. Н. Васильев⁹⁶.

Как нам представляется, рассматриваемая проблема может быть решена следующим образом.

Н. А. Селиванов совершенно прав, когда пишет, что если вопрос о возможности индивидуальной идентификации путем исследования признаков внутреннего строения твердых, жидких, сыпучих и газообразных тел “ставится в самом общем виде, следует согласиться с тем, что в отдельных благоприятных случаях индивидуальная идентификация по внутренним признакам возможна”⁹⁷. Можно также согласиться с мнением А. А. Эйсмана, что “некоторая масса вещества, имеющая определенную “биографию”, например, искусственно составленный из нескольких компонентов раствор или определенный объем жидкости, подвергавшийся различным естественным воздействиям, объективно столь же индивидуальна, как и любой “предмет”, если мы можем определенно

⁹³ **Винберг А. И.** Насущные вопросы теории и практики судебной экспертизы. — Сов. государство и право, 1961, № 6, с. 76.

⁹⁴ **Селиванов Н. А.** Актуальные теоретические вопросы криминалистической идентификации. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью, вып. 15. М., 1972, сс. 146-147.

⁹⁵ **Салтевский М. В.** Объекты идентификации и установления групповой принадлежности. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 2. Киев, 1965, с. 97; **Салтевский М. В.** Идентификация и установление групповой принадлежности. Харьков, 1965, с. 15.

⁹⁶ **Васильев А. Н.** Ошибочная точка зрения. — Соц. законность, 1969, № 7.

⁹⁷ **Селиванов Н. А.** Актуальные теоретические вопросы криминалистической идентификации. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью, вып. 15. М., 1972, с. 145.

указать границы этого объема или массы”⁹⁸. Таким образом, идентификацию жидких, сыпучих и газообразных тел можно считать принципиально возможной.

Может ли быть осуществлена такая идентификация практически — это вопрос конкретного факта и современного состояния и возможностей методов исследования. Со своей стороны, мы не видим оснований не доверять ученым, которые утверждают, что существующие уже теперь химические, физические, биологические и некоторые иные естественно-научные методы позволяют успешно решать эту задачу в ряде случаев.

Однако — и это мы утверждаем — такая идентификация, если она и осуществляется, не является идентификацией криминалистической, так как не обладает приведенной нами ранее совокупностью признаков, характеризующих последнюю.

Помимо этого решающего принципиального отличия, следует еще иметь в виду то, что идентификация жидких, сыпучих и газообразных тел осуществляется, даже по мнению ее сторонников, исключительно химическими, физическими и иными естественнонаучными, но не криминалистическими методами и преимущественно химиками, физиками, биологами и иными специалистами, но не криминалистами. Эта естественно-научная природа подобных исследований не меняется, сколь бы решительно и категорично ни называли их “криминалистическими”. Неслучайно В. С. Митричев⁹⁹ в своих работах делает упор на применение совокупности именно физических и химических методов анализа. Л. М. Мороз совершенно прав, когда критикует М. Я. Сегая за то, что тот считает подобные методы “специально разработанными криминалистической”¹⁰⁰. Криминалистика как наука, разумеется, никаких физических или химических методов не разрабатывает.

Чтобы наглядно показать, что идентификация материалов и веществ не имеет ничего общего с криминалистической идентификацией, достаточно, как нам кажется, привести следующее описание схемы подобного исследования: “Родовая принадлежность, источник происхождения и индивидуальное тождество конкретного объекта, имеющего сложный химический (здесь и далее разрядка наша — **Р. Б.**) состав, устанавливаются выделением (в явном или неявном виде) индивидуальных химических соединений и их химической идентификацией. Поэтому каждому этапу идентификационного исследования определенного

⁹⁸ **Эйман А. А.** Заключение эксперта (структура и научное обоснование). М., 1967, с. 31.

⁹⁹ **Митричев В. С.** Указ. автореферат, с. 26.

¹⁰⁰ **Мороз Л. М.** О понятии судебной идентификации. — Научные труды КазНИИСЭ. Алма-Ата, 1967, с. 63.

рода объектов должно соответствовать столько технологических схем, сколько необходимо для обеспечения полноты исследования и однозначного решения идентификационной задачи”¹⁰¹. Едва ли даже самый заинтересованный читатель сможет указать на что-либо “криминалистическое” в этом описании.

7.5. Формы (виды) криминалистической идентификации

Вопрос о формах (видах) криминалистической идентификации относится в теории к числу классификационных и решается по-разному. Ранее мы уже упоминали о классификациях, предложенных С. М. Потаповым и Н. В. Терзиевым. Однако они не являются ни единственными, ни, тем более, бесспорными.

Классификация А. И. Винберга. Автор различает три вида идентификации: следственную, экспертную и с помощью материалов (данных) криминалистической регистрации (“учетно-регистрационную”)¹⁰².

Классификация В. П. Колмакова. По этой классификации существует две формы идентификации — следственно-оперативная и экспертная. К первой В. П. Колмаков отнес и идентификацию по учетным данным¹⁰³.

Классификация В. Я. Колдина. Основанием для классификации, по его мнению, является вид отображений, по которым устанавливаются свойства отождествленных объектов. Таких видов существует два: материально-фиксированные отображения и чувственно-конкретные ото-

¹⁰¹ **Пучков В. А.** Идентификационные и технические схемы исследования материалов и веществ в судебной экспертизе. — В кн.: Современные тенденции развития судебной экспертизы вещественных доказательств и пути внедрения новых физических, химических и биологических методов в экспертную практику. Ч. 3. М., 1972, с. 13; **Пучков В. А., Козлов Л. Н.** Актуальные вопросы судебно-технического исследования волокнистых материалов и изделий из них. — Труды ВНИИСЭ, вып. 7. М., 1973.

¹⁰² **Белкин Р. С., Винберг А. И.** Криминалистика и доказывание. М., 1969, с. 122.

¹⁰³ **Колмаков В. П.** Сущность и задачи идентификации личности в советской криминалистике. — Ученые записки Харьковского юридического института, вып. 6, 1955, сс. 103-104. Впоследствии В. П. Колмаков присоединился к классификации В. А. Снеткова, о которой речь будет идти далее (**Колмаков В. П.** Идентификационные действия следователя. М. 1977, с. 18).

бражения в памяти человека¹⁰⁴. Соответственно различаются научно-техническая идентификация (по материальным отображениям) и опознание (идентификация по мысленному образу). Разновидностью последнего считается опознание по демографическим и прочим описаниям (за исключением опознания по словесному портрету, которое признается самостоятельной разновидностью опознания)¹⁰⁵.

В 1970 г. В. Я. Колдин ввел понятие “отрасли идентификации”, в основе классификации которых лежит тип отражения и характер изучаемой информации. Он указал следующие отрасли идентификации: предметную (идентификация лиц, животных, предметов по их внешнему строению); вещественную (идентификацию веществ по признакам состава и структуры); предметно-вещественную (идентификация по определенной части целого); идентификацию лиц по навыку; идентификацию предметов и веществ по признакам технологических и прочих процессов¹⁰⁶.

Классификация М. Я. Сегая. Первоначально в основе его классификации лежал способ отражения свойств отождествляемого объекта: а) на иных предметах или в сознании людей и б) взаимное отражение свойств объектов в результате их разделения (расчленения)¹⁰⁷.

В последующем он положил в основу классификации доказательственное значение ее выводов и разделил ее на две основные формы: непроцессуальную и процессуальную. Первая подразделяется на оперативную, включающую в себя регистрацию, административно-правовую и прикладную, эпизодически осуществляемую криминалистическими учреждениями в различных областях науки, техники, литературы и искусства. Вторая делится на следственную (судебную) и экспертную¹⁰⁸. В своей докторской диссертации он приводит обе указанные

¹⁰⁴ Колдин В. Я. Идентификация при производстве криминалистических экспертиз, с. 8.

¹⁰⁵ Колдин В. Я. Идентификация и ее роль в установлении истины по уголовным делам. М., 1969, с. 47.

¹⁰⁶ Колдин В. Я. Теоретические основы и практика применения идентификации при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1970, с. 9.

¹⁰⁷ Сегай М. Я. Предмет судебной идентификации. — В кн.: Использование научных методов и технических средств в борьбе с преступностью. Минск, 1965, с. 38.

¹⁰⁸ Сегай М. Я. Методология судебной идентификации, сс. 65-66.

классификации, дополняя их классификацией идентификационных связей¹⁰⁹.

Классификация В. С. Митричева основывается на характере отображения признаков отождествляемого объекта и насчитывает пять видов или форм: по мысленному образу; по описанию, составленному другим лицом; по материально зафиксированным на других объектах следам и иным вещественным отображениям; по особенностям деятельности, работы; путем сравнительного изучения свойств материального объекта в его различных частях¹¹⁰. Не отказываясь от этой классификации, В. С. Митричев описывает ее иногда в других терминах¹¹¹.

Классификация В. А. Снеткова. Различаются три формы идентификации: оперативная, экспертная и судебно-следственная¹¹².

Иные классификации представляют собой различные варианты приведенных. Назовем две из них — М. И. Розанова и С. П. Зеленковского.

М. И. Розанов считал, что существуют два вида идентификации: по следам-отображениям и установление целого по частям¹¹³. Это фактически лишь слегка измененная классификация М. Я. Сегая.

С. П. Зеленковский, положив в основание классификации необходимость специальных знаний, различает идентификацию экспертную и оперативно-следственную. Последняя, по его мнению, включает в себя идентификацию: а) с помощью свидетелей (опознание); б) с помощью экспертизы; в) по документным данным (описаниям); г) с помощью уголовной регистрации; д) путем изучения объектов следователем (осмотр)¹¹⁴.

¹⁰⁹ **Сегай М. Я.** Методология судебной идентификации. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Киев, 1970, с. 13.

¹¹⁰ **Митричев В. С.** Вопросы теории судебной идентификации. — Труды ЦНИИСЭ, вып. 2. М., 1970, сс. 112-113.

¹¹¹ **Митричев В. С.** К вопросу о содержании и видах судебной идентификации. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 10. Киев, 1973, сс. 160-161.

¹¹² **Снетков В. А.** Портретная криминалистическая идентификация. — В кн.: Криминалистика на службе следствия. Вильнюс, 1967, с. 26.

¹¹³ **Розанов М. И.** Теоретические вопросы идентификации целого по частям при отсутствии общей линии разделения. — В кн.: Вопросы теории криминалистики и судебной экспертизы, вып. II. Киев, 1975, сс. 42-45.

¹¹⁴ **Зеленковский С. П.** Некоторые теоретические вопросы идентификации личности потерпевшего в расследовании убийств. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 11. Киев, 1975, сс. 42-45.

Ставить вопрос о том, какая из приведенных и иных классификаций вернее, полнее и точнее, какой из них отдать предпочтение, какую из них сделать общепринятой, чтобы пользоваться только ею, — неправомерно. Наличие в большинстве случаев различных оснований делает классификации несопоставимыми. Поэтому следует полностью согласиться с Н. А. Селивановым, что “для полного описания видов отождествления в уголовном процессе требуется несколько классификаций”¹¹⁵.

Обобщая взгляды перечисленных выше авторов и внося в них некоторые коррективы, можно предложить следующую систему классификаций видов или форм идентификации в уголовном судопроизводстве:

1. По **правовой природе** — процессуальная и непроцессуальная.
2. По **субъекту идентификации** — оперативная, следственная, судебная, экспертная.
3. По **виду идентифицируемых объектов** — идентификация вещей (предметов), живых существ, явлений и процессов.
4. По **характеру отображений**, используемых для отождествления, — идентификация по материально-фиксированным отображениям, по мысленному обзору, по описанию (во всех его видах, в том числе и по кодированному описанию)¹¹⁶.
5. По **состоянию отождествляемого объекта** — идентификация нерасчлененного целого, идентификация целого по его частям.

Ни одна из этих классификаций не является “лучшей” или абсолютной, исключающей использование других классификаций. Все они носят функциональный характер и используются в зависимости от того, какая сторона процесса идентификации классифицируется в данном конкретном случае. Как правильно отмечает Н. А. Селиванов, “нередко одна форма идентификации предваряет другую форму, создавая предпосылки для наиболее эффективного ее осуществления”¹¹⁷.

В приведенных классификациях фигурирует оперативная идентификация, хотя этот термин обычно не комментируется. Выделяется она по **субъекту идентификации**, характеризуется как непроцессуальная, но о ее содержании и ситуациях осуществления говорится мимоходом и глухо. Между тем, процесс идентификации, осуществляемой в процессе оперативно-розыскной и, частично, административной деятельности заслу-

¹¹⁵ Селиванов Н. А. Актуальные теоретические вопросы криминалистической идентификации. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью, вып. 14, с. 144.

¹¹⁶ Белкин Р. С. Собираение, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М., 1966, гл. 7.

¹¹⁷ Селиванов Н. А. Указ. работа, с. 145.

живает более внимательного рассмотрения. И хотя идея выделения такой формы идентификации, как оперативная, получила поддержку ряда ведущих криминалистов (В. П. Колмакова, В. А. Снеткова, Н. А. Селиванова и др), значительных работ в этой области так и не появилось.

Нам известно лишь одно определение оперативной идентификации, предложенное П. С. Кузнецовым: «Оперативная идентификация — это активная поисковая деятельность компетентных государственных органов (должностных лиц) на базе сравнения отображений по их наиболее ярким, доминирующим признакам непосредственно в «полевых» условиях в целях быстрого получения ориентирующей информации и раскрытия преступлений»¹¹⁸. Из текста статьи, в которой опубликовано это определение, следует, что автор имеет в виду идентификацию следообразующего объекта по следам на месте происшествия: обуви по следам на грунте, копыт животных по их следам на дороге и т. п. Он приводит и пример обнаружения подделки в водительском удостоверении при проверке личных документов сотрудником ГАИ, хотя в этом случае речь идет явно о диагностическом исследовании, а не об идентификации.

Субъектами оперативной идентификации могут являться:

- 1) **следователь** — при производстве следственных действий, когда результаты идентификации играют не доказательственную, а ориентирующую роль и выступают в виде выводов следователя, не получающих отражения в процессуальных документах (в протоколах осмотра места происшествия, обыска и др.); идентификация в этих случаях осуществляется по материально-фиксированным признакам следа, по описанию или мысленному образу;
- 2) **следователь** — при осуществлении розыскных действий (по описаниям, фотоизображениям, синтетическим портретам, мысленному образу);
- 3) **оперативный работник** — при производстве оперативно-розыскных и розыскных мероприятий (по мысленному образу, описанию, синтетическим портретам, реже по материально-фиксированным признакам);
- 4) **специалист** — в двух вариантах: при его участии в производстве следственных действий (когда он осуществляет идентификацию по тем же объектам, что и следователь) и при производстве предварительных исследований (по методике соответствующих экспертиз);
- 5) **должностные лица административных служб** органов внутренних дел — работники ГАИ, паспортных аппаратов и ОВИР и др. — по

¹¹⁸ Кузнецов П. С. Оперативная идентификация как фактор интенсификации деятельности по расследованию преступлений. — В кн.: Проблемы интенсификации деятельности по расследованию преступлений, Свердловск, 1987, с. 68.

фотоизображениям, описаниям (в том числе кодированным), синтетическим портретам; объекты идентификации — люди, предметы (включая транспортные средства), документы; обычная ситуация, в которой возникает необходимость в идентификации, — проверка личных документов.

7.6. Теория криминалистической диагностики

Теория криминалистической диагностики относится к числу формирующихся частных криминалистических теорий, имеющих уже достаточно детально разработанные научные обоснования, понятийный аппарат и определившиеся направления использования в практике.

Основной практической предпосылкой формирования этой точки послужила терминологическая путаница с определением сущности тех родов и видов судебных экспертиз, которые нельзя отнести к числу идентификационных. Это было связано и с классификацией экспертных задач, не имеющих идентификационного характера, которые в литературе и экспертной практике получили неопределенное название неидентификационных. Название это позволяло лишь отделить эти задачи от идентификационных, но никак не проясняло их сущности и содержания.

Толчком к поискам решения возникшей проблемы стала статья В. А. Снеткова «Проблемы криминалистической диагностики», где термин «диагностика» употреблялся в значении распознавания, а сама криминалистическая диагностика рассматривалась, как «...учение о закономерностях распознавания криминалистических объектов по их признакам»¹¹⁹.

Термины «криминалистическая диагностика», «диагностические экспертные задачи», «диагностические экспертизы» как-то незаметно вошли в научный и экспертный обиход. Считая, что традиционное деление экспертиз на идентификационные и неидентификационные является расплывчатым («все равно, что подразделение экспертиз на химические и нехимические»), а доводы в защиту этой традиции неубедительны, А. И. Винберг констатировал, что на смену расплывчатому понятию «приходят более четкие и определенные по своим задачам, целям и методам по-

¹¹⁹ **Снетков В. А.** Проблемы криминалистической диагностики. — Труды ВНИИ МВД СССР, № 23. М., 1972, сс. 103-106; **Снетков В. А.** Проблемы использования диагностики в криминалистике. — В кн.: Проблемы совершенствования следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий в аспекте ликвидации преступности в СССР. Алма-Ата, 1974.

нения диагностической и ситуационной судебных экспертиз”¹²⁰. Термин “диагностика” использовал Б. Я. Петелин применительно к изучению личности в уголовном процессе¹²¹, об алгоритмах решения диагностических экспертных задач писал Г. Л. Грановский¹²² и др. Однако это были лишь наброски теории, главным образом, в их практических приложениях.

Начало фундаментальной разработки проблематики криминалистической диагностики связано с именем Ю. Г. Корухова.

Юрий Георгиевич Корухов, ведущий специалист в области теории и практики судебной экспертизы, блестящий исследователь и педагог, родился в 1928 г. в г. Луганске. В 1953 г. окончил юридический факультет МГУ и пять лет работал научным сотрудником в НИИ судебной медицины. В 1958-62 гг. он — старший научный сотрудник ЦКЛ ВЮОН, в 1962-74 гг. — доцент кафедры криминалистики ВЮЗИ, а с 1974 г. по 1981 г. заведует научно-исследовательской лабораторией трасологических исследований ВНИИСЭ и одновременно кафедрой криминалистики и судебной экспертизы Всесоюзного института усовершенствования работников юстиции МЮ СССР. После ликвидации этой кафедры в 1981 г. Юрий Георгиевич переходит на работу в Академию МВД СССР, а в 1985 г. возвращается во ВНИИСЭ уже в качестве заместителя директора по научной работе, а в последние годы — главного эксперта. Он продолжает преподавать в Академии МВД, ведет подготовку молодых ученых, передает им свой богатейший научный и практический опыт. Именно он положил начало глубокому исследованию проблем криминалистической диагностики в начале 80-х гг.

В 1983 г. Ю. Г. Корухов издал методическое пособие для экспертов “Трасологическая диагностика”, где изложил свои взгляды на криминалистическую диагностику и сформулировал ряд положений ее теории¹²³.

Термин “диагностика” имеет три значения: распознавание, различение и определение. Криминалистическая диагностика аккумулирует все эти значения и может быть определена как частный метод познания механизма преступления на основе его отражения на объектах материального мира.

¹²⁰ **Винберг А. И.** Идентификационная, диагностическая и ситуационная криминалистические экспертизы. — Сов. государство и право, 1978, сс.71-75.

¹²¹ **Петелин Б. Я.** Методы практической диагностики личности в уголовном процессе. — В кн.: Вопросы судебной психологии, М. 1971.

¹²² **Грановский Г. Л.** Теоретические вопросы программирования трасологической экспертизы. — Труды ВНИИСЭ, № 37. М., 1979.

¹²³ **Корухов Ю. Г.** Трасологическая диагностика. М., 1983.

Ю. Г. Корухов выявляет различия между идентификационными, классификационными и диагностическими экспертными задачами и указывает, что к числу последних относятся исследования: свойств и состояний объектов; отображений объекта; результатов действия (события); соотношения фактов (событий, действий) или объектов. В работе содержится характеристика трасологических диагностических исследований и, что особенно важно, определение главных направлений развития теории криминалистической диагностики:

- 1) выделение и анализ признаков диагностируемых объектов, следов, событий, явлений;
- 2) разработка и реализация методов исследования признаков (логический аппарат, моделирование, математический анализ и т. д.);
- 3) накопление и классифицирование совокупности признаков (симптомокомплексов) событий, явлений, фактов; деление их на специфические, существенные, несущественные и т. д.;
- 4) накопление и классифицирование типичных ситуаций;
- 5) разработка методов и методик решения конкретных диагностических задач¹²⁴.

Эти положения Ю. Г. Корухов через несколько лет развил и дополнил в статье «Методологические основы криминалистической экспертной диагностики»¹²⁵. Здесь он достаточно ясно определил и сущность диагностики: «Криминалистическая диагностика может быть определена как частный метод познания, позволяющий получить представление о механизме преступного действия на основе его отражения в объектах материального мира»¹²⁶.

Через несколько лет после выхода «Трасологической диагностики» Ю. Г. Корухова, В. А. Снетков опубликовал большую статью с развернутым изложением своих взглядов на криминалистическую диагностику¹²⁷. Основные положения этой статьи заключались в следующем.

1. Криминалистическая диагностика (распознавание) изучает закономерности и основанные на них методы и средства распознавания криминалистических объектов в целях судебного доказывания, получения судебных доказательств.

¹²⁴ Там же, сс. 52-53.

¹²⁵ **Корухов Ю. Г.** Методологические основы криминалистической экспертной диагностики. — В кн.: Современное состояние и перспективы развития традиционных видов криминалистической экспертизы. М., 1987.

¹²⁶ Там же, с. 12.

¹²⁷ **Снетков В. А.** Диагностика при производстве криминалистических экспертиз. — В кн.: Следственные действия (криминалистические и процессуальные аспекты). Свердловск, 1989, сс. 42-53.

2. Диагностический процесс познания обеспечивает целеустремленное исследование неизвестного явления разнообразными средствами и методами. Распознавание неизвестного явления основывается на абстрактном знании об общем, необходимом, существенном, заключается в распознавании сущности конкретного явления по его признакам путем отнесения его к определенному классу.

3. Необходимо различать процессуальные и непроцессуальные (оперативные) формы криминалистической диагностики.

4. В качестве диагностируемых объектов выступают только конкретные объекты, характеризующиеся индивидуальным комплексом связей с событием преступления. Диагностируемыми объектами являются материальные объекты (образцы из коллекции, снимки спектров и т. п.) и различные обобщенные сведения о них (совокупности признаков класса, рода, вида, подвида), представляемые в атласах, таблицах, учебниках, отраженные в памяти лица. Признаки, служащие раскрытию природы объекта, являются диагностическими. В диагностирующем объекте им соответствуют классификационные (признаки определенного класса, рода, вида, подвида).

Главное отличие во взглядах на диагностику В. А. Снеткова и Ю. Г. Корухова заключается в том, что первый считает ее процессом, а второй — методом познания. Это напоминает аналогичные различия во взглядах на идентификацию.

Мы считаем более правильной оценку диагностики как процесса познания, решения задачи с использованием в этих целях различных методов. Таково же мнение С. В. Дубровина¹²⁸, Н. С. Романов склоняется к пониманию диагностики как метода исследования¹²⁹. Оригинальна точка зрения А. И. Рудиченко, считающего, что диагностика — и процесс (познания, распознавания), и метод, когда идет речь о решении диагностических экспертных задач¹³⁰.

С точки зрения теории познания криминалистическая диагностика, несомненно, является процессом. Философы в этом вопросе единодушны: это “сложный познавательный процесс”¹³¹, “особый вид познава-

¹²⁸ **Дубровин С. В.** Криминалистическая диагностика. М., 1989, сс. 8-9.

¹²⁹ **Романов Н. С.** Диагностика как метод и задача судебно-экспертного исследования. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 31. Киев, 1985.

¹³⁰ **Рудиченко А. И.** Сущность диагностического метода исследования в судебной экспертизе. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 22. Киев, 1981, сс. 35-39.

¹³¹ **Осипов И. Н., Копнин П. В.** Основные вопросы теории диагноза. Томск, 1962, с. 12.

тельного процесса"¹³², "специфический вид познания"¹³³. Именно так мы оцениваем и процесс идентификации. При осуществлении обоих этих процессов применяются самые различные методы и средства познания, используются различные экспертные методики.

Таков в настоящее время теоретический "задел" формирующейся теории криминалистической диагностики.

Среди хора согласных голосов, поддерживающих идею криминалистической диагностики, диссонансом прозвучал голос Н. А. Селиванова, выступившего со статьей "Нужна ли криминалистике такая "диагностика?" Основные положения этой статьи заключаются в следующем.

1. Термин "криминалистическая диагностика" не соответствует традиционной и смысловой трактовке термина "диагностика", обозначающему процесс выявления каких-либо дефектов, патологий, повреждений.

2. Сторонники "криминалистической диагностики" необоснованно объявили "диагностическими" чуть ли не все, кроме идентификационных, неидентификационные исследования; название последних неточно, правильнее их именовать индивидуально-идентификационными, однако в силу громоздкости этого термина допустимо условно (!) именовать их по-прежнему неидентификационными, хотя по своей гносеологической сущности они идентификационные, ибо устанавливают групповое тождество.

3. При ближайшем рассмотрении диагностические исследования — те же группификационные, поскольку имеют целью установление группового тождества.

4. Термин "диагностика" в приложении к криминалистике не отражает его исконного смысла — ни медицинского, ни технического. Действительно, при производстве небольшой доли технических экспертиз и некоторых судебно-медицинских приходится решать технико-диагностические и медико-диагностические вопросы, что не дает основания для "теоретизирования относительно "криминалистической диагностики", научная состоятельность которой весьма сомнительна"¹³⁴.

Думается, что эта гневная отповедь бьет мимо цели.

Термин "диагностика" в теории познания имеет гораздо более широкое значение, чем процесс выявления каких-либо дефектов. Как уже

¹³² *Даштаянц Г. А.* Методология диагноза. Киев, 1970, с. 11.

¹³³ *Тарасов К. Е.* Общая методология процесса диагностики как специфического вида познания. Автореф. дисс. ... докт. филос. наук. М., 1969, с. 4.

¹³⁴ *Селиванов Н. А.* Нужна ли криминалистике такая "диагностика"? — Соц. законность, 1988, № 6, сс. 58-60.

указывалось, это своеобразный вид познания, цель которого — распознавание объекта, процесса, явления. Исходя из этого, употребление этого термина в судебной экспертизе представляется вполне правомерным и с этимологической точки зрения, и по существу.

Доказывая, что диагностика это не что иное как установление группового тождества, Н. А. Селиванов явно допускает натяжки, оперируя такими примерами, как установление дистанции выстрела, которое, по его мнению, представляет собой “отнесение установленного расстояния к определенной группе дистанций выстрелов”, а установление факта написания документа, скажем, лицом старческого возраста равнозначно отнесению исполнителя к определенной категории людей. Едва ли подобные примеры корректны: следуя им можно ведь, например, любой установленный факт относить к группе аналогичных фактов, что ни на йоту не приблизит нас к установлению истины: “обнаружение неисправности тормозной системы автомобиля свидетельствует о том, что он относится к группе автомобилей с неисправной тормозной системой” — познавательно, не правда ли?

Отнюдь не все виды экспертных исследований объявлены сторонниками диагностики диагностическими. Они не посягают кроме, естественно, идентификационных и на классификационные и на большинство тех, которые именуется ситуалогическими, хотя, на наш взгляд, гораздо логичнее было бы признать последние действительно диагностическими. Что же касается термина “неидентификационные экспертизы”, к возврату к которому призывает Н. А. Селиванов, то он действительно напоминает меткое сравнение А. И. Винберга: “химические и нехимические”. Попутно хотелось бы еще раз подчеркнуть некорректность и алогичность термина “групповая идентификация” при любом толковании этого термина, о чем мы не раз писали и говорили.

В заключение целесообразно остановиться на некоторых положениях небольшой статьи Н. П. Майлис “Диагностика: система понятий”¹³⁵, которая незаслуженно обойдена вниманием в литературе. Между тем, предложенные ею определения основных понятий этой области знаний представляются в своей основе достаточно точными и полезными для формирования теории криминалистической диагностики. Приведем эти определения с некоторыми сокращениями текстуально.

Предмет диагностики, как области знаний — закономерности отображения свойств людей, предметов, явлений, позволяющих определять их

¹³⁵ *Майлис Н. П.* Диагностика: система понятий. — В кн.: Новые разработки и дискуссионные проблемы теории и практики судебной экспертизы, вып. 3. М., 1985, сс. 1-6.

состояние и характер изменений, внесенных в них в процессе совершения преступлений.

Объект конкретной диагностической экспертизы — совокупность свойств объекта (предмета, человека, явления) и его отображений, исследования которых осуществляются с учетом механизма взаимодействия и соотношения различных связей, возникающих в процессе события преступления.

Система диагностики как области знаний складывается из общих положений теории диагностики и ряда автономных структур знаний, относящихся к предметным судебным наукам¹³⁶ и находящихся в определенном отношении друг к другу и к теории судебной экспертизы. Несмотря на общие теоретические положения, каждая предметная судебная наука разрабатывает свои специфические диагностические методы, методики исследований и системы диагностических признаков. В каждом классе, роде и виде экспертиз имеются свои, порой специфические типовые диагностические задачи, количество которых значительно превышает идентификационные (от 70 до 80% общего числа задач). На основании анализа совокупности таких общих задач может быть разработан криминалистический экспертный “диагностический” тест и созданы системы диагностических свойств, построена иерархическая структура признаков, характеризующих эти свойства, а в перспективе и общая математическая модель диагностики.

Общая методика диагностики представляет собой общие, распространяющиеся на все виды диагностических исследований и все разновидности диагностических экспертных задач положения, на основании которых конструируются частные экспертные диагностические методики.

Частные диагностические методики — программы, определяющие последовательность использования системы методов, позволяющих решать отдельные разновидности экспертных диагностических задач.

Думаем, что определение предмета диагностики сформулировано правильно. Что же касается автономных структур знаний в системе теории диагностики, то, на наш взгляд, в этой теории должны быть изложены лишь типичные диагностические признаки, типичные диагностические экспертные задачи в обобщенном виде и дана структура диагностических методов опять-таки общего характера. Все специфиче-

¹³⁶ Свое отношение к “предметным судебным наукам” мы выразим далее.

ское — предмет рассмотрения теории конкретных классов и родов экспертиз.

8. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

8.1. Идея науки об экспертизе, ее возникновение и развитие

Среди дискуссионных вопросов криминалистической теории внимание ученых и практиков уже почти сорок лет привлекает идея конструирования специальной отрасли научного знания, предметом которой является институт экспертизы в уголовном и гражданском судопроизводстве. Толчком к возникновению и развитию этой концепции, с нашей точки зрения, послужили взгляды П. И. Тарасова-Родионова на двойственную природу криминалистики, Ю. М. Кубицкого на необходимость изъятия из криминалистики всего, относящегося к криминалистической экспертизе, и некоторых их последователей¹.

Получившее в начале 50-х гг. известное распространение предложение ряда судебных медиков считать криминалистикой лишь науку о процессе исследования вещественных доказательств, которую надлежит расчленивать по видам экспертиз и включить соответственно в судебную медицину, биологию, химию и т. п., побудило А. И. Винберга выступить с известной статьей “О сущности криминалистической техники и криминалистической экспертизы” (1955), в которой были подвергнуты обоснованной критике как взгляды П. И. Тарасова-Родионова, так и идея “передачи” криминалистической экспертизы медикам, биологам, химикам, физикам “и другим представителям технических и естественных наук, которые в силу своей подготовки, в отличие от юриста, якобы

¹ *Тарасов-Родионов П. И.* Советская криминалистика. — Соц. законность, 1951, № 7; *Кубицкий Ю. М.* Пограничные вопросы судебной медицины и криминалистической экспертизы. — В кн.: Вопросы криминалистики и судебной экспертизы. Алма-Ата, 1959.

лучше смогут производить исследование вещественных доказательств”².

Убедительно доказав в этой статье единство криминалистической техники как раздела криминалистической науки, А. И. Винберг в то же время констатировал существование в рамках криминалистики общей теории криминалистической экспертизы, разработанной криминалистами общей методики исследования вещественных доказательств³.

К моменту издания статьи А. И. Винберга отечественная криминалистика уже располагала обширной литературой как по вопросам, имеющим общее значение для всех видов криминалистической экспертизы (работы С. М. Потапова, А. И. Винберга, Н. В. Терзиева, В. Я. Колдина и других), так и по вопросам, относящимся к формированию научных основ ее отдельных видов (работы Б. И. Шевченко, Б. М. Комаринца, С. И. Тихенко, В. П. Колмакова, А. А. Елисеева, Е. У. Зицера, Н. М. Зюскина и др.). Были сформулированы общие принципы криминалистической экспертизы, определены и проанализированы стадии процесса криминалистического экспертного исследования, его гносеологические и логические основы, охарактеризованы объекты и методы криминалистической экспертизы, ее значение в доказывании. Детально, на уровне науки того времени, были разработаны методики экспертных исследований.

Казалось, что с попытками расчленения криминалистической науки на науку “для следователей” и науку “для экспертов” покончено. Однако это только казалось. Поскольку разработка общетеоретических вопросов криминалистической экспертизы не завершилась “выделением” для них места в системе криминалистической науки (теоретические начала отдельных видов криминалистических экспертиз органически вошли в соответствующие отрасли криминалистической техники) и весь комплекс этих проблем оказался не имеющим собственной “жилплощади” в здании криминалистической науки, следовало ожидать рецидива предложений об его отчуждении.

И такие предложения на замедлили последовать. В 1959 г. В Алма-Ате вышел в свет сборник “Вопросы криминалистики и судебной экспертизы”, в котором, помимо упоминавшейся статьи Ю. М. Кубицкого, были опубликованы статьи М. М. Выдри и М. Г. Любарского, Н. А. Джангельдина, А. Р. Шляхова, в разной форме высказывающие идею об отделении теории криминалистической экспертизы от криминалистики в самостоятельную область научного знания. “Теорию криминалистической экспертизы надо выделить из общего курса криминалистики, — писал А. Р. Шляхов. — Методика криминалистической экспертизы должна отпоч-

² Сов. государство и право, 1955, № 8, с. 83.

³ Там же, с. 86.

коваться, таким образом, от тактики следствия. Такое решение давно уже назрело, оно фактически уже осуществляется”⁴.

Концепция самостоятельного, независимого от криминалистики, существования теории криминалистической экспертизы нашла как противников, так и сторонников. Решительно не соглашаясь с ней, С. П. Митричев еще до выхода указанного сборника писал: “Криминалистическая экспертиза основывается на данных криминалистики и она неотделима от криминалистики, поэтому глубоко неправы те криминалисты, которые предлагают выделить криминалистическую экспертизу из криминалистики в отдельную самостоятельную дисциплину”⁵. В то же время он признавал необходимость выделения вопросов криминалистической экспертизы в самостоятельный раздел криминалистики⁶.

Его поддерживал Б. М. Комаринец: “Мы не можем считать правильным разделение криминалистической техники на две самостоятельные части или даже науки: на следственную технику и теорию криминалистической экспертизы”⁷. В то же время А. В. Дулов присоединился к сторонникам науки криминалистической экспертизы⁸.

Насколько мы можем судить, из перечисленных авторов указанного сборника лишь А. Р. Шляхов в последующем продолжал развивать идею создания науки криминалистической экспертизы. Он расширял ее границы, включая в ее содержание уже не только методы исследования, но и методы обнаружения и фиксации доказательств. “Теория советской криминалистической экспертизы, — писал А. Р. Шляхов в 1962 г., — может быть поэтому определена как наука, занимающаяся разработкой методов обнаружения, фиксации и экспертного исследования вещественных доказательств в целях установления существенных свойств и идентификации лиц, животных, предметов и вещей в связи с расследо-

⁴ **Шляхов А. Р.** Предмет, метод и система советской науки криминалистической экспертизы. Указ. сборник, сс. 12-13.

⁵ **Митричев С. П.** Советская криминалистика и ее место в системе юридического образования. — В кн.: Тезисы докл. на Всес. семинаре преподавателей криминалистики высших юрид. учебных заведений. М., 1958, с. 13.

⁶ Там же.

⁷ **Комаринец Б. М.** Участие экспертов-криминалистов в проведении следственных действий по особо опасным преступлениям против личности. — В кн.: Теория и практика судебной экспертизы, вып. 1 (11). М., 1964, с. 14.

⁸ **Дулов А. В.** Постоянное совершенствование научно-технических средств — неперемнное условие развития следственной тактики. — В кн.: Судебная экспертиза. Минск, 1964, с. 19.

ванием и рассмотрением уголовных и гражданских дел”⁹. Такая трактовка содержания декларируемой науки фактически означала подмену ею значительной части криминалистики, связанной с обнаружением и фиксацией доказательств.

В проспекте руководства по криминалистической экспертизе в содержание науки криминалистической экспертизы, помимо характеристики ее предмета и метода, были включены организационные и процессуальные условия производства криминалистической экспертизы, классификация вещественных доказательств, относящихся к предмету криминалистической экспертизы, и сравнительных материалов, общая характеристика логических и научно-технических методов и средств экспертного исследования, стадий последнего, а также содержание и процессуальная природа заключения эксперта-криминалиста¹⁰, то есть все то и только то (кроме предмета этой науки), что было разработано и описано С. М. Потаповым, А. И. Винбергом, Н. В. Терзиевым и другими криминалистами в качестве теоретических основ криминалистической экспертизы как разновидности практической деятельности.

Таким образом, с содержательной точки зрения, провозглашение существования науки криминалистической экспертизы не дало ничего нового ни для теории, ни для практики борьбы с преступностью в целом. Неслучайно поэтому концепция науки криминалистической экспертизы продолжала подвергаться обоснованной критике. Свое несогласие с ней выразил Н. А. Селиванов, который пришел к выводу, что “попытка создания особой науки под названием “криминалистическая экспертиза” беспочвенна. Разработку теоретических положений и научно-технических средств, используемых экспертами-криминалистами, целесообразно продолжать в рамках криминалистики”¹¹.

Принципиальную позицию по-прежнему занимал С. П. Митричев, считавший, что “самостоятельные организационные оформление учреждений судебной экспертизы, большая научно-исследовательская работа по совершенствованию методов экспертных исследований еще не дают оснований для вывода о том, что возникла новая наука — криминали-

⁹ Шляхов А. Р. Организация и производство криминалистической экспертизы в СССР. — В кн.: Теория и практика криминалистической экспертизы, вып. 9. М., 1962, с. 19.

¹⁰ Проспект руководства по криминалистической экспертизе. М., 1964, с. 7-12.

¹¹ Селиванов Н. А. О понятии и системе криминалистической техники. — Научные труды ТашНИИСЭ, вып. VIII. Ташкент, 1969, с. 30. Та же точка зрения изложена и в его докторской диссертации (Селиванов Н. А. Научно-технические средства расследования преступлений. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1965, с. 6).

стическая экспертиза... Теоретические основы криминалистической экспертизы разрабатываются криминалистикой... Криминалистическая экспертиза в составе науки криминалистики имеет все возможности для своего дальнейшего развития"¹².

В 1961 г. А. И. Винберг в одной из своих статей обратил внимание научной общественности на необходимость разработки общего учения о судебной экспертизе¹³. Очевидно, под влиянием этого высказывания А. Р. Шляхов в 1962 г. наряду с наукой криминалистической экспертизы заговорил о науке судебной экспертизы, объединяющей, по его мнению, принципы, процессуальные условия и общие логические, физико-технические и химико-биологические методы исследования, а также методику и технику проведения различных видов судебной экспертизы¹⁴. Этот "поворот темы" практически остался почти незамеченным, видимо, потому, что в последующих работах А. Р. Шляхов по-прежнему оперировал преимущественно термином "наука криминалистической экспертизы"¹⁵. О науке судебной экспертизы вновь вспомнили значительно позднее.

Несогласие подавляющего большинства криминалистов с идеей создания науки криминалистической экспертизы было столь очевидным, а аргументы ее противников столь обоснованны, что от нее отступился и сам А. Р. Шляхов. В 1969 г. он уже снова писал о том, что теоретическую основу криминалистической экспертизы составляют криминалистическая техника и криминалистика в целом, что общие положения методики экспертно-криминалистических исследований следует отнести к общей части криминалистической техники, не упоминая теперь вовсе ни о науке криминалистической экспертизы, ни о науке судебной экспертизы¹⁶. В своей докторской диссертации он вновь подчеркивает, что

¹² **Митричев С. П.** Криминалистика и криминалистическая экспертиза. — Соц. законность, 1966, № 5, с. 14; **Митричев С. П.** В. И. Ленин о социалистической законности и вопросы укрепления законности на предварительном следствии. — В кн.: Вопросы судебной экспертизы, вып. 9. Баку, 1969, сс. 35-36.

¹³ **Винберг А. И.** Насущные вопросы теории и практики судебной экспертизы. — Сов. государство и право, 1961, № 6, с. 82.

¹⁴ **Шляхов А. Р.** О предмете судебной экспертизы. — В кн.: Вопросы судебной экспертизы. Тбилиси, 1962, с. 13.

¹⁵ Изменение взглядов А. Р. Шляхова зафиксировал в литературе, пожалуй, лишь А. А. Эйсман (**Эйсман А. А.** Криминалистика в системе юридических и естественных наук. — Научные работы ЛитНИИСЭ, № 1, Вильнюс, 1963, с. 30).

¹⁶ **Шляхов А. Р.** Сущность криминалистической техники, ее структура и соотношение с криминалистической экспертизой, — В кн.: Вопросы теории криминалистики и судебной экспертизы, вып. 1. М., 1969, сс. 5, 11.

криминалистика составляет научную и методическую основу криминалистической экспертизы¹⁷. Он даже не включает в список работ по теме диссертации свои статьи о науке криминалистической (и судебной) экспертизы, как бы отмежевываясь тем самым от своих прошлых взглядов.

Так закончился первый этап развития идеи о науке судебной экспертизы. После нескольких лет перерыва эта идея получила новое воплощение и дальнейшее развитие.

В 1973 г. А. И. Винберг и Н. Т. Малаховская выступили с предложением о формировании судебной экспертологии как науки "о законах и методологии формирования и развития судебных экспертиз, закономерностях исследования их объектов, осуществляемых на основе специальных познаний, привносимых из базовых (материнских) наук и трансформированных через сравнительное судебное экспертоведение в систему научных приемов, методов, средств и методик решения задач судебных экспертиз, проводимых в границах правовой регламентации и в тех организационных формах, которые обеспечивают доказательственное по делу значение заключений судебных экспертов в уголовном и гражданском судопроизводстве"¹⁸. По замыслу авторов центральная роль в системе экспертологии отводится сравнительному судебному экспертоведению, которое понимается "как раздел судебной экспертологии, занимающийся сравнительным изучением различных судебных экспертиз для установления присущих им общих принципов, структурных связей (связи корреляционные, сосуществования, генетические и др.) и отношений, общности их происхождения (гомология)"¹⁹.

С точки зрения А. И. Винберга и Н. Т. Малаховской, существует два вида связи между экспертизой и обосновывающим ее научным знанием. Первый вид — это прямая связь между предметной судебной экспертизой и базовой (материнской) наукой, без посредствующих между ними звеньев. Второй вид связи имеет место в тех случаях, когда данные базовой науки активно перерабатываются, преобразуются и образуют содержание предметной судебной науки, которая и составляет научную основу конкретной предметной экспертизы.

Указывая на связь своей концепции с высказывавшейся ранее в литературе идеей "науки судебной экспертизы", А. И. Винберг и Н. Т. Ма-

¹⁷ Шляхов А. Р. Современные проблемы теории и практики криминалистической экспертизы в СССР. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Л., 1971, сс. 7, 9.

¹⁸ Винберг А. И., Малаховская Н. Т. Судебная экспертология — новая отрасль науки. — Соц. законность, 1973, № 11, с. 49.

¹⁹ Там же, с. 50.

лаховская пришли к выводу, что попытки создания ранее такой науки судебной экспертизы потерпели неудачу потому, что “в большинстве своем представляли идею включения различных судебных экспертиз в криминалистическую и таким образом обосновывалась необходимость отпочкования этой экспертизы в самостоятельную науку... Но сторонники создания “науки судебной экспертизы” встречали справедливые возражения, что сама по себе судебная экспертиза — это не наука, а вид практической деятельности, основывающейся в своих специальных познаниях на той или иной науке. Кроме того, справедливо критиковалась попытка включить в криминалистическую экспертизу другие судебные экспертизы. Это привело бы непомерному расширению криминалистической экспертизы и к обеднению всего института судебной экспертизы. К тому же, как известно, сама криминалистическая экспертиза — лишь вид судебной экспертизы”²⁰.

Систему судебной экспертологии авторы представляли себе состоящей из двух частей. Первая — общетеоретическая часть — должна включать такие элементы, как сущность предмета этой науки; ее законы и методология формирования и развития судебных экспертиз; место в системе научного знания; научные основы сравнительного судебного экспертоведения и его функции; обобщенное (гносеологическое) понятие закономерностей исследования объектов судебных экспертиз; история возникновения и развития судебных экспертиз; учение о свойствах и признаках объектов сравнения; задачи судебных экспертиз; правовые и организационные основы судебной экспертологии; характеристика эксперта как субъекта познания и его деятельности, и некоторые другие вопросы. Вторая часть — виды и сущность предметных судебных экспертиз как элементов целостной системы судебной экспертологии²¹.

Была ли идея судебной экспертологии лишь “гальванизацией” прежней идеи о “науке криминалистической экспертизы” или о “науке судебной экспертизы” или же существенно новой теоретической конструкцией?

Как уже отмечалось, сторонники “науки криминалистической экспертизы” фактически ограничили ее содержание организационными и процессуальными вопросами производства экспертизы и общей характеристикой методов и средств экспертного исследования. Примерно так же с добавлением лишь методики и техники различных видов экспертиз представлял себе содержание “науки судебной экспертизы” А. Р. Шляхов. В идее судебной экспертологии акцент делался на иных, гораздо более значимых, вопросах, преимущественно, методологического харак-

²⁰ Там же, сс. 48–49.

²¹ Там же, с. 51.

тера; авторы идут к формулированию предмета науки через указание на изучаемые этой наукой объективные закономерности действительности. Организационные и процессуальные вопросы занимают в их конструкции явно второстепенное место; преемственность сохраняется, пожалуй, лишь в том, что и они касаются во второй части своей теории конкретных видов судебной экспертизы; но и их они предлагают рассматривать в аспекте общетеоретических положений, “которые обуславливают формирование и направленность каждого вида судебной экспертизы как системно-структурного элемента целостного понятия судебной экспертологии”²². Таким образом, с нашей точки зрения, идею судебной экспертологии следует оценивать не как повторение и развитие предложений А. Р. Шляхова и других авторов о “науке криминалистической экспертизы” (1959) или о “науке судебной экспертизы” (1962), а как развитие мысли о необходимости разработки общего учения о судебной экспертизе, высказанной в 1961 г. А. И. Винбергом, как реализацию этот замысла.

Идея судебной экспертологии не осталась незамеченной и вызвала, естественно, различную реакцию ученых.

А. Р. Шляхов, В. С. Митричев, М. И. Авдеев, С. С. Остроумов, М. С. Брайнин, В. М. Никифоров, Ф. Э. Давудов, Б. И. Пинхасов, З. М. Соколовский, Л. Е. Ароцкер, Н. В. Скорик и некоторые другие ученые поддержали предложение А. И. Винберга и Н. Т. Малаховской. С. П. Митричев высказал мнение, что на настоящем этапе целесообразнее начать с изучения закономерностей криминалистической экспертизы, а затем уже встать на путь создания самостоятельной науки — судебной экспертологии. По мнению Г. Л. Грановского, многие теоретические проблемы только намечены авторами предложения и требуют разработки; не совсем удачно и само название конструируемой науки²³.

После первых откликов на статью А. И. Винберга и Н. Т. Малаховской в литературе появились публикации, содержащие более детальное исследование проблемы.

А. Р. Шляхов, не анализируя концепции судебной экспертологии, сформулировал свои представления о теории судебной экспертизы (как он назвал эту область научного знания) и о “специальных экспертно-криминалистических знаниях”, т. е. о теории криминалистической экспертизы. По его мнению, “теория судебной экспертизы — это система знаний о закономерностях и основанных на них методах, применяемых в

²² Там же.

²³ Судебная экспертология — новая отрасль науки (обзор откликов). — Соц. законность, 1974, № 8, сс. 59-60.

различного рода судебных экспертизах при решении задач по исследованию тех или иных объектов”²⁴.

В содержании специальных экспертно-криминалистических знаний он различал четыре части.

Первая часть — введение в теорию и практику криминалистической экспертизы:

- ◆ учение о предмете, объекте, структуре методик криминалистической экспертизы, о ее связи с отраслями права и различными науками, о ее отличиях от других видов судебных экспертиз, о видах криминалистической экспертизы;
- ◆ методология развития теории и практики криминалистической экспертизы, соотношение естественно-научных и юридических начал в криминалистической экспертизе, соотношение теории и практики в экспертно-криминалистическом познании;
- ◆ учение об экспертной криминалистической идентификации;
- ◆ учение о процессуальных основах криминалистической экспертизы;
- ◆ учение о системе, структуре и управлении экспертными криминалистическими учреждениями, их функциях, научной организации труда;
- ◆ история развития криминалистической экспертизы в СССР и состоянии этой экспертизы в других странах;
- ◆ учение о системе, методах изучения и развития теории, организации научных исследований по проблемам криминалистической экспертизы, реализации итогов НИР и о формах внедрения их в экспертную и следственно-судебную практику.

Вторая часть — общие положения теории и методики криминалистической экспертизы:

- ◆ учение о методах экспертного исследования;
- ◆ общие положения методики экспертного исследования вещественных доказательств (учение о стадиях исследования, синтезе результатов и логической согласованности выводов и данных исследования, их объективности и достоверности, критериях их оценки);
- ◆ учение о структуре и содержании заключения эксперта-криминалиста.

²⁴ Шляхов А. Р. Проблемы классификации в криминалистической экспертизе и ее практическое значение. — В кн.: Правовые и методологические проблемы судебной экспертизы. Сборник научных трудов ВНИИСЭ, вып. 10. М., 1974, с. 4. Далее взгляды А. Р. Шляхова излагаются по этой статье.

Третья часть — научные и теоретические основы криминалистических экспертиз (общие положения и методики проведения отдельных видов криминалистической экспертизы).

Четвертая часть — использование криминалистической экспертизы в процессе доказывания по делу и предупреждения правонарушений.

Помимо концепции А. Р. Шляхова, которая наряду с другими будет проанализирована далее, следует упомянуть о концепции В. Д. Арсеньева, который обратился к рассмотрению науки о судебной экспертизе с позиции теории судебных доказательств.

По мнению В. Д. Арсеньева, поскольку институт экспертизы является объектом наук уголовного и гражданского процесса, а организация и методика производства отдельных видов экспертиз изучаются самостоятельными отраслями научного значения — криминалистикой, судебной медициной, судебной психологией и др., “объединять все эти науки в одну науку о судебной экспертизе нет достаточных методологических оснований, тем более, что к предмету указанных наук относится не только экспертиза, но и применение специальных знаний в иных формах — например, ревизия в судебной бухгалтерии”²⁵.

С его точки зрения, речь может идти лишь о признании такой науки, как общая теория судебной экспертизы, являющейся элементом теории доказательств, понимаемой как многоотраслевая комплексная наука. Предмет общей теории судебной экспертизы представляет собой часть предмета теории судебных доказательств, а именно: закономерности возникновения, сохранения и изменения доказательственной информации, являющейся объектом, материалом и результатом судебной экспертизы. Конкретные же методы и методики экспертизы, а также применяемые при ее производстве технические средства должны оставаться объектом сложившихся прикладных наук; проведение экспертизы и использование заключений экспертов должны относиться к объектам процессуальной науки, теории судебных доказательств и криминалистики (методики расследования)²⁶.

Насколько нам известно, концепция В. Д. Арсеньева анализу в литературе не подвергалась и оценки не получила.

В 1976 г. А. И. Винберг и Н. Т. Малаховская внесли некоторые дополнения и уточнения в свою концепцию. Они конкретизировали свои

²⁵ **Арсеньев В. Д.** Теория судебной экспертизы и теория судебных доказательств. — В кн.: Некоторые вопросы судебной экспертизы (тезисы научных сообщений). М., 1975, с. 10.

²⁶ Там же, сс. 11-13.

представления о процессе формирования научных основ различных видов судебных экспертиз, показали, что некоторые виды экспертизы опираются не на предметные судебные науки, а на методические дисциплины, не трансформирующие данные материнских наук, а лишь отбирающие и систематизирующие те сведения из них, которые необходимы для разработки методики экспертизы данного вида (например, судебно-бухгалтерской, автотехнической и др.)²⁷.

В том же году в целях унификации языка судебной экспертизы коллективом авторов был разработан проект словаря основных терминов теории и практики судебной экспертизы (общая часть), в котором среди прочих давалось толкование таких терминов, как “наука о судебной экспертизе (судебная экспертология, общая теория судебной экспертизы)” (А. И. Винберг), “методология науки о судебной экспертизе (судебной экспертологии)” (А. И. Винберг), “предмет общей теории судебной экспертиз” (А. Р. Шляхов). Для того чтобы облегчить последующий анализ этих определений, приведем их текстуально.

“Наука о судебной экспертизе (судебная экспертология, общая теория судебной экспертизы) — область знаний о закономерностях и методологии формирования и развития научных основ судебных экспертиз, осуществляемых посредством привнесения данных из базовых (материнских) наук и их трансформации для решения задач судебных экспертиз, проводимых в уголовном и гражданском процессах и в тех организационных формах, которые обеспечивают научную обоснованность заключений судебных экспертиз”²⁸.

Наука о судебной экспертизе (судебная экспертология) — **методология** — это система общих положений, принципов, методов реализации марксистско-ленинской теории познания, диалектики, логики в их взаимодействии для познания судебных экспертиз в процессе проведения расследования и рассмотрения уголовных и гражданских дел, вытекающего из привлечения тех специальных знаний из различных наук, которые необходимы для решения задач судебной экспертизы”²⁹.

Предмет общей теории судебной экспертизы составляют закономерности образования и использования материальных объектов источников

²⁷ *Винберг А. И., Малаховская Н. Т.* О закономерности научных основ судебных экспертиз. — Соц. законность, 1976, № 1, сс. 62-64.

²⁸ Словарь основных терминов теории и практики судебной экспертизы (общая часть). М., 1976, с. 18-19.

²⁹ Там же, сс. 19-20.

доказательственной информации по уголовному либо гражданскому делу для установления на основе специальных познаний и экспертных исследований фактических данных”³⁰.

Цель и задачи науки о судебной экспертизе — открытие закономерностей, разработка научно обоснованных методов, накопление и систематизация научных знаний в целях формирования теоретических, методологических, правовых, организационных и учебно-воспитательных основ и научных методик судебно-экспертной деятельности в уголовном и гражданском процессе”³¹.

В конце 70-х гг. идея науки о судебной экспертизе получила свое выражение в ряде работ ведущих криминалистов. Проследившая иерархию судебно-экспертных знаний, А. Р. Шляхов сделал вывод, что различные области судебно-экспертных знаний “объединяет общая теория, которую можно именовать “основами судебной экспертизы” или “судебной экспертологией”, как рекомендует А. И. Винберг”. В составе общей теории судебной экспертизы формируется общая методология экспертного познания, а для каждого класса судебных экспертиз — частные методологические положения. Помимо общей теории, создаются частные теории судебных экспертиз, служащие основой для разработки технических средств и методик соответствующих классов судебных экспертиз. И общая теория, и частные экспертные теории должны содержать правовые основы экспертизы. По вопросу о месте теории экспертизы в системе научного знания автор высказался так: “Криминалистика давно и успешно служит теоретической базой развития криминалистических экспертиз, используя широкий спектр методов “материнских наук. Для нее не обременительно принять и другие области и отрасли судебно-экспертных наук, тем более, что все они реализуются, в первую очередь и преимущественно в целях раскрытия и предупреждения преступлений. Полной гармонии судебных экспертиз могло бы способствовать образование в криминалистике особого, четвертого, раздела — “судебной экспертизы”³².

Заметным событием в деле формирования основ общей теории судебной экспертизы стало издание книги А. И. Винберга и Н. Т. Малаховской. “Судебная экспертология (общетеоретические и методологические

³⁰ Там же, с. 24.

³¹ Там же, с. 33.

³² **Шляхов А. Р.** О научных основах судебных экспертиз. — В кн.: Актуальные проблемы теории и практики криминалистики и судебной экспертизы (материалы для обсуждения). М., 1978, сс. 3-9.

проблемы судебных экспертиз)³³. Эта книга содержала систематизированное изложение взглядов авторов, ранее публиковавшихся в отдельных статьях. Основные положения книги заключались в следующем.

1. Сущность экспертологии заключается в том, что она является "формой достоверного научного знания о закономерностях и методологии формирования и развития научных основ судебных экспертиз" (с. 8).
2. Теоретическое объединение всех концепций предметных экспертных наук должно осуществляться на основе самой экспертологии на базе сравнительного экспертоведения, которое "понимается как часть судебной экспертологии, основывающейся на методе сравнения уровня общеметодологической концепции и занимающейся сравнительным изучением различных отраслей знаний в области судебных экспертиз для выявления присущих им общих законов, принципов, структурных связей ... и отношений, общности их происхождения в аспекте гомологии" (сс. 59-60).
3. Научные основы судебных экспертиз формируются либо непосредственно на базе материнских наук, либо через трансформацию этих наук в судебные экспертные науки (с. 113). Авторы дают схему системы судебной экспертологии, в которой обозначены четыре уровня знаний:
 - ◆ фундаментальные базовые (материнские) науки;
 - ◆ предметные судебные науки;
 - ◆ отрасли предметных судебных наук;
 - ◆ практическая деятельность — судебные экспертизы.

Работа А. И. Винберга и Н. Т. Малаховской послужила импульсом для активизации исследований в области общей теории судебной экспертизы. Первым на выход в свет книги А. И. Винберга и Н. Т. Малаховской откликнулся обстоятельной статьей А. А. Эйсман. По его мнению, в общей части экспертологии следует рассматривать классификацию родов и видов экспертиз, задачи экспертной практики, функции экспертных учреждений, их организационную структуру, систематику методов экспертного исследования и теории выводов эксперта, роль которой может выполнять теория криминалистической идентификации. Далее разделами экспертологии должны стать учение о логической структуре вывода эксперта, учение или теория оценки экспертом обнаруженных в ходе исследования данных, общие начала экспертных методик³⁴. "На данном

³³ **Винберг А. И., Малаховская Н. Т.** Судебная экспертология (общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз). Волгоград, 1979.

³⁴ **Эйсман А. А.** Экспертология в системе научного знания. — В кн.: Экспертные задачи и пути их решения в свете НТП. М., 1980, сс. 64-73.

этапе развития, — писал далее А. А. Эйсман, — экспертология представляется, скорее, частью криминалистики — обособившейся, самостоятельной, имеющей специфическую проблематику, предмет и задачи”³⁵, — ее место в разделе теоретических основ криминалистики.

Критически отнесся к некоторым положениям концепции А. И. Винберга и Н. Т. Малаховской Б. Е. Гордон. По его мнению, в структуре экспертологии следовало различать лишь реально существующие предметные науки, а не такие, как “судебная физика” или “судебная химия” (тогда уж следовало назвать и “судебную математику”!)³⁶.

В конце 80-х гг. проблематикой общей теории судебной экспертизы стал активно заниматься И. А. Алиев. В его докторской диссертации и опубликованной по ее материалам книге “Проблемы экспертной профилактики”³⁷ он проанализировал высказывания об общей теории судебной экспертизы, определил требования, которым она должна удовлетворять, если претендует на значение самостоятельной науки, и предложил свою структуру этой теории. По его мнению, такая теория должна состоять из пяти разделов:

- ◆ методологические основы общей теории судебной экспертизы;
- ◆ предмет, объекты, субъекты и задачи экспертной деятельности;
- ◆ методы и методики в структуре экспертной деятельности;
- ◆ инфраструктура и процессуальная функция судебной экспертизы;
- ◆ частные теории судебной экспертизы.

К числу последних он отнес теории экспертной идентификации, диагностики, классификации и профилактики³⁸.

В 1991 г. свою концепцию общей теории судебной экспертизы выдвинула Т. В. Аверьянова, предложившая включать в состав этой теории:

- 1) концептуальные основы общей теории судебной экспертизы (ее предмет, система и место в системе научного знания и т. п.);
- 2) учение о судебной экспертизе как разновидности практической деятельности;
- 3) учение о закономерностях формирования и развития судебных экспертиз;
- 4) учение о предмете и задачах судебной экспертизы;
- 5) учение о субъекте экспертной деятельности;

³⁵ Там же, с. 69.

³⁶ Гордон Б. Е. К вопросу о системе судебной экспертологии. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 31, Киев, 1985, сс. 15-21.

³⁷ Алиев И. А. Проблемы экспертной профилактики. Баку, 1991.

³⁸ Там же, сс. 32-33.

- 6) теория процессов, отношений и целей экспертной деятельности;
- 7) учение о методах общей теории судебной экспертизы и экспертного исследования;
- 8) учение об объектах судебной экспертизы, их свойствах и признаках;
- 9) учение о средствах и формах коммуникативной деятельности при производстве судебных экспертиз и информационных процессах;
- 10) теория экспертного прогнозирования;
- 11) частные теории отдельных родов и видов судебных экспертиз³⁹.

Справедливости ради, следует сказать, что модель структуры общей теории, предложенная И. А. Алиевым, в общих чертах повторяла изложенную в схематическом виде концепцию Ю. Г. Корухова⁴⁰.

Наконец, последней по времени была концепция этой теории, разработанная С. Ф. Бычковой.

Концепция С. Ф. Бычковой исходит из представления о всякой науке не только как о системе знаний, но и как целостном социальном организме. В соответствии с этим, «наука о судебной экспертизе может быть представлена в виде совокупности элементов, характеризующих ее с когнитивной (как знание), социальной стороны и со стороны отношения к среде, внешней для нее»⁴¹. Рассмотрение этой науки во всех трех аспектах позволяет сделать вывод, что она соответствует условиям определения ее статуса как самостоятельной науки.

Основными компонентами научного знания, составляющего содержание науки о судебной экспертизе, являются общая теория судебной экспертизы и судебно-экспертные отрасли научного знания⁴², следовательно, общая теория судебной экспертизы не исчерпывает собой всего содержания этой науки, и поэтому не является ее синонимом, как полагают другие авторы. С. Ф. Бычкова пишет: «Судебно-экспертные отрасли представляют собой научные основы конкретных видов (родов) экспертиз; являясь самостоятельными областями научного знания в пределах науки о судебной экспертизе, они используют как положения общей теории судебной экспертизы, так и базисных областей научного знания, которыми могут являться любые, «внешние» по отношению к науке о

³⁹ **Аверьянова Т. В.** Содержание и характеристика методов судебно-экспертных исследований. Алма-Ата, 1991, с. 13.

⁴⁰ **Корухов Ю. Г.** Формирование общей теории судебной экспертизы. Материал для Ученого совета ВНИИСЭ. М., 1989.

⁴¹ **Бычкова С. Ф.** Становление и тенденции развития науки о судебной экспертизе. Алма-Ата, 1994, с. 27.

⁴² Там же, с. 29.

судебной экспертизе, научные области. Общая теория судебной экспертизы, концентрируя в себе наиболее общие положения, совпадающие для всех областей судебно-экспертных отраслей, представляет собой гносеологическую ориентацию их функционирования и развития⁴³. Руководствуясь этими соображениями, С. Ф. Бычкова полагает, что «общая теория судебной экспертизы может быть определена как система теоретического знания, отражающая на метапредметном уровне наиболее общие закономерности развития научных основ судебных экспертиз и экспертной деятельности, либо как система теоретического знания, являющаяся методологической основой судебно-экспертных отраслей знаний»⁴⁴.

Система общей теории судебной экспертизы представлена С. Ф. Бычковой укрупненными блоками:

- 1) методологические основы общей теории судебной экспертизы;
- 2) экспертная техника;
- 3) экспертная тактика;
- 4) методика экспертного анализа отдельных видов преступлений⁴⁵.

Подробнее на анализе этой концепции, как и концепций других авторов, мы остановимся в следующем параграфе.

Таковы современные представления о науке судебной экспертизы, или о судебной экспертологии, ее содержании, исходных посылах и основных понятиях. К их анализу, оценке и изложению своих взглядов по этому вопросу мы и переходим.

8.2. Общие принципы методики криминалистических экспертных исследований как частная криминалистическая теория

Уже в первом примерном и неполном перечне частных криминалистических теорий в качестве одной из них мы называли общие принципы методики криминалистических экспертных исследований⁴⁶. Эта же криминалистическая теория была названа нами и при

⁴³ Там же, сс. 29-30.

⁴⁴ Там же, с. 139.

⁴⁵ Там же, с. 147.

характеристике содержания общей теории криминалистики в первом томе настоящего Курса. Однако на содержании и структуре этой теории мы ранее не останавливались. Теперь это представляется целесообразным сделать параллельно с анализом концепций судебной экспертизы и общей теории судебной экспертизы.

По нашему мнению, общие принципы методики криминалистических экспертных исследований как частная криминалистическая теория — это система теоретических положений, имеющих общее значение для всех видов криминалистической экспертизы, включающая в себя:

- ◆ характеристику предмета этой теории, ее места в системе общей теории криминалистики и связей с другими частными криминалистическими теориями и областями научного знания за пределами криминалистики;
- ◆ понятийный и терминологический аппарат как рассматриваемой теории, так и практики криминалистических экспертных исследований, описание применяемых или разрабатываемых (предлагаемых) знаковых систем;
- ◆ характеристику особенностей процесса криминалистического экспертного исследования, его этапов (стадий), логических и психологических основ, его результатов и форм их выражения;
- ◆ анализ общих для всех видов криминалистических экспертиз методов и средств исследования и тенденций их развития, перспектив автоматизации криминалистической экспертизы и объективизации выводов эксперта;
- ◆ классификацию видов криминалистической экспертизы, критерии признания новых видов криминалистических экспертиз, принципы комплексирования криминалистической экспертизы с другими видами судебной экспертизы.

Сразу оговоримся, что общие для всех видов криминалистической экспертизы вопросы идентификации, процесса выдвижения и проверки экспертных версий, понятия признака, фиксации хода и результатов исследования и некоторые другие должны рассматриваться (и рассматриваются нами) в других частных криминалистических теориях — в теории криминалистической идентификации, в криминалистическом учении о признаках, в криминалистическом учении о версии и т. п., а в обобщенном для всех судебных экспертиз виде могут рассматриваться в общей теории судебной экспертизы. Здесь же, в данной теории, могут быть приведены лишь необходимые для уяснения тех или иных положений

⁴⁶ **Белкин Р. С.** Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М., 1970, с. 54.

ний справочные данные из этих областей криминалистической науки. Целесообразность такого подхода обусловлена, как нам представляется, тем, что рассмотрение указанных вопросов в соответствующих частных криминалистических теориях, где они являются органической частью общего, элементом определенной системы знаний, обеспечивает большую глубину их исследования как части некоего целого. В этом случае проявляются все преимущества, которые дает системно-структурный подход к научному исследованию.

Следующая оговорка, которую мы считаем необходимой, касается организационных и процессуальных основ экспертной деятельности.

Как А. И. Винберг и Н. Т. Малаховская, так и А. Р. Шляхов, Ю. Г. Корухов, И. А. Алиев рассматривают правовые (процессуальные) и организационные основы экспертной деятельности в качестве элементов судебной экспертологии или общей теории судебной экспертизы (заметим, что различие между этими терминами нам представляется несущественным). Этот тезис вызывает у нас определенные возражения.

Судебная экспертиза представляет собой институт процессуального права. Ее правовые основы разрабатываются процессуальной наукой. Задачей именно этой науки является исследование тех закономерностей, которые определяют правовые основы и формы функционирования этого института, тенденции их развития, цели и пределы использования специальных познаний в судопроизводстве. В этом мы солидарны с В. Д. Арсеньевым, хотя не можем согласиться с его аргументацией этого положения. Дело не в том, что институт экспертизы является объектом процессуальной науки, как считает В. Д. Арсеньев.

С нашей точки зрения, — и мы неоднократно уже подчеркивали это — один и тот же объект может изучаться разными науками, что как раз и подтверждается на примере с судебной экспертизой. Дело в том, что правовые основы экспертизы формируются под воздействием закономерностей, составляющих предмет процессуальной науки, а не предмет криминалистики. Теория экспертизы должна принимать эти основы как данные другой науки и как законоположения и не включать их в свое содержание, ибо содержание науки есть результат познания ею своего предмета, а не предмета других наук.

Аналогично, как нам представляется, следует решать вопрос об организационных основах судебной экспертизы. Организационные основы судебной экспертизы или, по выражению А. Р. Шляхова, учение о системе, структуре и управлении экспертными криминалистическими учреждениями, их функциях, научной организации труда — область науки управления и такого ее раздела, как научная организация труда (в данном случае — труда эксперта).

Управленческий (организационный) аспект экспертной деятельности имеет, разумеется, важнейшее значение особенно теперь, в условиях научно-технического прогресса с его тенденциями комплексирования, коллективизации труда с одновременной дифференциацией, специализацией производственных функций. Внимание ученых всех специальностей, в том числе и криминалистов, к этой проблематике вполне оправданно еще и потому, что в самой науке управления проблематика управления экспертными учреждениями и НОТ эксперта разработана еще крайне недостаточно. Поэтому следует всячески приветствовать исследование криминалистами на современном этапе организационных проблем экспертной деятельности как в аспекте сложившейся практики и организации, так и в прогностическом аспекте, что пытаемся сделать и мы в главе о криминалистическом прогнозировании.

Разработка данной проблематики необходима, однако это не аргумент для включения этого комплекса вопросов “навечно” в теорию экспертизы, так как к предмету данной теории они не относятся. Их исследование, в принципе, должно вестись в рамках науки управления и в соответствии с ее предметом независимо от научной специальности исследователя.

Только такой подход, как нам представляется, обеспечит выявление специфических особенностей управления экспертными учреждениями и НОТ эксперта на базе общих принципов управления и научной организации труда в сфере правоприменительной и правоохранительной деятельности, обеспечит практическую значимость результатов научных исследований в этой области.

История и тенденции развития судебной экспертизы как процессуального института относятся к истории процессуального права как элементу содержания исторической науки о праве и государстве, история развития научных представлений об экспертизе — к содержанию истории правовой науки. Организация научных исследований по проблемам экспертизы, реализация научных исследований по проблемам экспертизы, реализация и внедрение в практику их результатов, о чем как об элементах теории экспертизы пишут А. Р. Шляхов и С. Ф. Бычкова, по нашему мнению, также не относится к теории экспертизы. Это проблемы науковедения и отчасти науки управления, и они подлежат разработке в рамках этих областей знания, что опять-таки не исключает участия в подобных исследованиях ученых-криминалистов или судебных медиков и ученых иных специальностей.

Следует ли включать в судебную экспертологию, или общую теорию судебной экспертизы, предметные судебные экспертизы — криминалистическую, судебно-медицинскую и т. п.?

Позиция В. Д. Арсеньева и С. Ф. Бычковой по этому вопросу представляется нам в своей основе правильной. В теории экспертизы должно рассматриваться лишь все общее для всех видов судебных экспертиз; средства, методы и методики предметных экспертиз составляют элемент содержания соответствующих наук, по терминологии А. И. Винбрга и Н. Т. Малаховской, — материнских (базовых) или предметных судебных. Только так могут быть обеспечены их надлежащий научный уровень и дальнейшее плодотворное развитие. Рассмотрение их в общей теории оправдано, как мы полагаем, лишь в сравнительном аспекте, опять-таки в целях выявления объединяющего их общего именно как элементов целостной системы. Применительно к криминалистической экспертизе такое решение вопроса предполагает рассмотрение средств, методов и методик экспертного исследования соответственно в частных криминалистических теориях и в криминалистической технике как разделе науки, объединяющем технические средства, приемы и методики работы с доказательствами в процессе доказывания⁴⁷.

Аналогично должен решаться (и решается), на наш взгляд, вопрос и об использовании криминалистической экспертизы в процессе доказывания по делу и предупреждения преступлений с той лишь разницей, что различные аспекты этого вопроса рассматриваются не только в общей теории криминалистики и криминалистической технике, но и в криминалистической тактике и особенно в криминалистической методике, и

⁴⁷ Рассматривая некоторые общетеоретические вопросы криминалистической экспертизы, А. Р. Шляхов писал: "Названная группа вопросов составляет в криминалистике общие положения экспертного исследования. Р. С. Белкин выделил их в системе "частных криминалистических теорий" наряду с теорией идентификации и др. К сожалению, он не отвел должного места ни в "общих", ни в "частных" теориях научным основам и методикам отдельных видов криминалистической экспертизы — важным структурным элементам криминалистики в целом и криминалистической техники в особенности; рассматривает их в числе "собственно криминалистических методов" (*Шляхов А. Р.* Структура экспертного исследования и гносеологическая характеристика выводов эксперта-криминалиста. — Труды ВНИИСЭ, вып. 4. М., 1972. с. 4). Эти замечания А. Р. Шляхова можно объяснить, видимо, только тем, что он не рассматривает их в криминалистической технике как разделе криминалистической науки (с.с. 66-71 нашей работы); таким образом, они не оставлены "без места" в нашей системе науки. В то же время ни научные основы отдельных видов криминалистической экспертизы, ни их методики не отнесены и не рассматриваются нами "в числе собственно криминалистических методов". Мы пишем о собственно криминалистических методах криминалистических научных исследований, и вообще в этой работе идет речь о методах науки криминалистики, а не о методах основывающейся на ней практической деятельности, в том числе криминалистической экспертизы. О методах и методиках отдельных видов экспертизы в том месте работы, на которое ссылается А. Р. Шляхов (с. 92), вообще не сказано ни слова.

изъятие их оттуда в теорию экспертизы не может быть оправдано ни научными, ни практическими интересами.

Сказанным объясняется наше негативное отношение к идее науки судебной экспертизы в том виде, в каком эта идея фигурировала в работах 1959-70 гг., когда содержание этой науки определялось в основной части как сумма организационных и чисто правовых положений⁴⁸. Как ранее, так и теперь мы разделяем мнение о существовании в системе криминалистики теории криминалистической экспертизы как частной криминалистической теории, именуемой нами общими принципами криминалистических экспертных исследований. Наше отношение к концепции судебной экспертологии и к высказанным после ее появления и несколько отличающимся от нее взглядам А. Р. Шляхова и других авторов по поводу общей теории судебной экспертизы обосновано изложенными выше соображениями и заключается в общей форме в следующем.

Мы полагаем, что судебная экспертология (или общая теория судебной экспертизы — этот термин нам представляется более приемлемым) имеет все основания для конституирования в самостоятельную область научного знания, если рассматривать ее как науку о закономерностях возникновения и развития судебных экспертиз, процесса экспертного исследования и формирования его результатов, закономерностей, проявляющихся в общности тех методологических и методических основ, на базе которых возможно объединение отдельных видов судебной экспертизы в единую целостную систему с четкой классификацией видов судебной экспертизы как ее элементов. Иными словами, условием существования такой науки является выделение в качестве ее предмета того общего, что объединяет методологически и методически все виды судебных экспертиз и не является предметом других наук, без “посягательств” на особенное, изучаемое соответствующими науками, также обслуживающими судопроизводство.

В таком качестве общая теория судебной экспертизы будет играть известную методологическую роль по отношению к теоретическим основам отдельных видов экспертиз, не лишая их в то же время самостоятельности и не отрывая от тех наук, в рамках которых они существуют и разрабатываются. Именно потому, что предметом такой теории судебной экспертизы является только общее, мы полагаем, что она является комплексной интегральной наукой.

Думается, что по своему содержанию, направленности и социальному назначению общая теория судебной экспертизы должна быть отне-

⁴⁸ Белкин Р. С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М., 1970, с. 70.

сена к междисциплинарным областям знания. С нашей точки зрения, она не составляет части теории судебных доказательств, как полагает В. Д. Арсеньев, ибо имеет отличный от последней предмет исследования⁴⁹, что не означает, разумеется, отрицания обычных междисциплинарных связей между обеими теориями.

Еще некоторые замечания по изложенным концепциям общей теории судебной экспертизы.

Выделение А. И. Винбергом и Н. Т. Малаховской таких “предметных судебных наук”, как судебное почерковедение, судебная трасология и др., научные основы которых базируются на отраслях криминалистической техники и представляют собой их прикладные, экспертные разделы в рамках единой криминалистической науки, невольно толкает нас к распространению в некоторых странах пониманию криминалистики как комплекса так называемых судебных наук, лишая ее самостоятельного существования как науки. В сущности, этим грешит в известной степени и концепция С. Ф. Бычковой, правда, не в такой степени, поскольку она говорит не о предметных науках, а о судебно-экспертных отраслях знания, не уточняя отраслями каких наук они являются.

Нельзя согласиться с И. А. Алиевым, который в блоке общей теории “Инфраструктура и процессуальные функции судебной экспертизы” выделил такие элементы, как судебная экспертиза на предварительном следствии; экспертиза в суде по уголовным и гражданским делам; экспертиза в арбитражном и административном процессах⁵⁰. Все это — либо процессуальные, либо организационно-процедурные вопросы, которые не могут относиться к предмету общей теории судебной экспертизы.

Концепция общей теории Т. В. Аверьяновой, близкая к нашей концепции общей теории криминалистики, включает в свое содержание частные теории отдельных родов и видов судебных экспертиз, подобно тому, как мы включили в состав общей теории криминалистики частные криминалистические теории. Однако между частными криминалистическими теориями и частными теориями родов в виде экспертиз имеется существенное различие: первые относятся ко всем разделам кримина-

⁴⁹ По основаниям, которыми мы руководствовались при характеристике предмета криминалистики и его определении (закономерности механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на их познании средств и методах судебного исследования и предупреждения преступлений), о которых шла речь в первом томе Курса, мы не можем согласиться с определением предмета теории судебных доказательств и соответственно предмета общей теории судебной экспертизы как его части, предложенными В. Д. Арсеньевым в указанной работе.

⁵⁰ **Алиев И. А.** Указ. работа, с. 33.

листоческой науки и в этом смысле имеют общий характер, вторые же такого общего характера не имеют, и едва ли их следует по этому признаку включать в структуру общей теории. Пожалуй, в этом вопросе позиция С. Ф. Бычковой представляется более точной, но зато в других отношениях концепция С. Ф. Бычковой представляется более уязвимой.

Если содержание раздела “экспертная техника” не вызывает возражений, то содержание раздела “экспертная тактика”, скорее, соответствует понятию методике, а не тактики, поскольку автор в этом разделе ведет речь о методических основах экспертного исследования, о теории решения экспертных задач, т.е., по сути, также о методике и об учении о заключении эксперта, где вновь явно просматриваются методические элементы. Ну, и наконец, сомнения вызывает четвертый раздел структуры — методика экспертного анализа отдельных видов преступлений⁵¹.

Перед экспертом не может стоять задача анализа того или иного вида преступлений и даже конкретного преступления. В его компетенцию не может входить даже анализ всего механизма преступления в целом, поскольку такой анализ неизбежно должен включать в себя и анализ правовых сторон этого механизма, что явно выходит за пределы компетенции эксперта. Все это ставит под сомнение правомерность названия этого раздела структуры. Ознакомление же с содержанием этого раздела, как оно излагается С. Ф. Бычковой, показывает, что речь идет, в сущности, о тех типичных экспертных задачах, которые возникают в зависимости от вида преступлений, о связи между отдельными видами преступлений, характером и формами использования при их расследовании тех или иных специальных познаний, об известной типизации видов этих специальных познаний применительно к видам преступлений⁵². Очевидно, именно это и должно было выражать название этого раздела.

8.3. Предмет и объект криминалистической экспертизы

Понятия предмета и объекта экспертизы вообще и криминалистической экспертизы в частности представляют интерес как с точки зрения характеристики компетенции и возможностей данного ви-

⁵¹ Бычкова С. Ф. Указ. работа, с. 147.

⁵² Там же, сс. 210, 217 и след.

да или разновидности судебной экспертизы, а следовательно, и ограничения его от других видов или разновидностей судебной экспертизы, так и с точки зрения эффективности и правильности использования специальных познаний в судебно-следственной практике. Небезразличен соответственно этот вопрос и для криминалистической теории, где он решается далеко не равнозначно.

Понятию предмета судебной экспертизы и отдельных ее видов, пожалуй, наибольшее внимание уделил в своих работах А. Р. Шляхов. В разное время он формулировал это понятие по-разному. В 1961 г., рассматривая предмет пожарно-технической экспертизы, он понимал под ним совокупность решаемых экспертизой вопросов⁵³. В 1963 г. он писал, что раскрыть содержание предмета каждого вида экспертизы — это значит “определить пределы и основные черты методики экспертного исследования, компетенцию экспертов различных специальностей, характеристику объектов, которые могут быть исследованы с помощью экспертизы данного вида, и особенности их отбора и оформления при направлении на экспертизу, примерный перечень основных вопросов, которые могут быть разрешены с помощью данного вида экспертизы при расследовании и рассмотрении уголовного или гражданского дела”⁵⁴.

Но уже в том же году он пришел к выводу, что “предметом конкретного вида судебной экспертизы является исследование специфической группы вещественных доказательств. Так, предметом судебной агротехнической экспертизы является исследование вещественных доказательств — образцов сельскохозяйственной продукции биологического происхождения — в целях определения их вида и установления тождества (родового, видового, группового и индивидуального) по существенным биологическим и физико-химическим признакам путем использования данных и методов агрохимии, биологии и агротехники сельскохозяйственных культур, а также криминалистической науки”⁵⁵.

Спустя несколько лет А. Р. Шляхов предложил новое определение предмета экспертизы, которого с незначительными редакционными изменениями он придерживался до последнего времени. По его мнению,

⁵³ Шляхов А. Р. Предмет судебной пожарно-технической экспертизы. — В кн.: Методика криминалистической экспертизы, вып. 2. М., 1961, сс. 233-242.

⁵⁴ Шляхов А. Р. Предмет некоторых видов судебной экспертизы. — В кн.: Вопросы криминалистики, № 8-9. М., 1963, с. 20.

⁵⁵ Шляхов А. Р. Организация производства новых видов судебных экспертиз. — В кн.: Вопросы криминалистики и судебной экспертизы. Сб. 3. Душанбе, 1963, с. 12.

“предметом экспертизы являются факты, обстоятельства уголовного или гражданского дела, подлежащие установлению с помощью специальных познаний”⁵⁶. Когда же говорят о предмете конкретной экспертизы, то “имеют в виду обстоятельства (фактические данные), устанавливаемые на основе специальных познаний по вопросам, которые ставятся на разрешение экспертизы”⁵⁷.

В. К. Лисиченко в качестве предмета криминалистической экспертизы называл различные вещественные доказательства⁵⁸, а впоследствии связывал его с выяснением определенных обстоятельств расследуемого преступления⁵⁹. Г. А. Цимакуридзе называл предметом криминалистической экспертизы “совокупность вопросов, которые может разрешить эксперт-криминалист на основании применения своих специальных познаний при исследовании конкретных видов вещественных доказательств”⁶⁰. Как совокупность решаемых экспертизой задач определяли предмет экспертизы И. Л. Петрухин⁶¹, Л. Е. Ароцкер⁶², Ф. Э. Давудов⁶³, В. В. Аксенова⁶⁴ и другие авторы.

⁵⁶ **Шляхов А. Р.:**

- О предмете судебно-бухгалтерской экспертизы. — В кн.: Вопросы судебной экспертизы, вып. 4. Баку, 1967, с. 46;
- Некоторые методологические проблемы криминалистической экспертизы. — Научные труды ТашНИИСЭ, вып. VIII. Ташкент, 1969, с. 58;
- Предмет и система криминалистической экспертизы. — Труды ВНИИСЭ, вып. 3. М., 1971, с. 13.

⁵⁷ **Шляхов А. Р.** Процессуальные и организационные основы криминалистической экспертизы. М., 1972, с. 5.

⁵⁸ **Лисиченко В. К.** К вопросу о предмете и системе криминалистической экспертизы. — В кн.: материалы 4-й расширенной научной конференции. Киев, 1959, с. 329; **Шиманова З. Е.** Пожарно-техническая экспертиза. М., 1963, с. 7.

⁵⁹ **Лисиченко В. К.** Криминалистическое исследование документов. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Киев, 1974, с. 54.

⁶⁰ **Цимакуридзе Г. А.** Процессуальные и методические вопросы криминалистической экспертизы в Грузинской ССР. Тбилиси, 1969, с. 5.

⁶¹ **Петрухин И. Л.** Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. М., 1964, с. 98.

⁶² **Ароцкер Л. Е.** Сущность криминалистической экспертизы. — В кн.: Криминалистическая экспертиза, вып. 1. М., 1966, сс. 51-52; **Ароцкер Л. Е.** Предмет неидентификационных исследований в судебном почерковедении. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 7. Киев, 1970, сс. 142-143.

⁶³ **Давудов Ф. Э.** Процессуальные и организационно-методические формы использования возможностей науки и техники в целях расследования и профилактики преступлений. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Тбилиси, 1972, с. 20.

В сущности, так же определяет предмет вида экспертизы и предмет конкретного экспертного исследования и Г. М. Надгорный: «Назначение судебной экспертизы начинается с определения вопросов, которые ставятся перед судебным экспертом. Именно они определяют предмет конкретной экспертизы, а совокупность вопросов, решаемых на основе определенной отрасли специальных знаний, — предмет соответствующего вида экспертизы»⁶⁵.

Если не считать отождествления предмета экспертизы с определенной группой вещественных доказательств, то есть с ее объектом, взгляды всех названных авторов повторяют определение А. Р. Шляхова 1967 г. или близки к нему по смыслу. Однако в литературе известна и другая точка зрения по этому вопросу. В общей форме она заключается в том, что предмет экспертизы приравнивается к «предмету той науки или какой-то ее части, на данных которой основана экспертиза»⁶⁶.

Полемизируя со сторонниками этой точки зрения, А. Р. Шляхов совершенно справедливо указывал, что предмет экспертизы и предмет лежащей в ее основе науки не совпадают, что между ними нельзя поставить знак равенства⁶⁷. Предмет науки и предмет основанной на ней экспертизы нам представляются понятиями разных уровней. Как известно, предмет науки — это определенная группа объективных закономерностей действительности, предмет же экспертизы — это те обстоятельства, которые можно установить с помощью результатов познания наукой своего предмета. «Изучение закономерностей предполагает разработку соответствующих научных методик и методов, которые служат практическим целям познания»⁶⁸, то есть целям экспертизы.

По нашему мнению, предложенные А. Р. Шляховым в 1967 г. определения предмета экспертизы вообще и предмета конкретного вида экспертизы наиболее близки к истине. Можно согласиться с Ю. К. Орловым, который считает, что «такое понимание предмета соответствует смыслу закона (ст.ст. 82, 288 УПК) и вполне оправдано теоретически».

⁶⁴ **Аксенова В. В.** Предмет технико-криминалистической экспертизы документов, подвергшихся естественному изменению. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза. вып. 9. Киев, 1972, с. 380.

⁶⁵ **Надгорный Г. М.** О понятии предмета судебной экспертизы. — В кн.: Вопросы криминалистики и судебной экспертизы, вып. 38, Киев, 1989, с. 15.

⁶⁶ **Яблоков Н. П.** К вопросу об экспертизе по технике безопасности. — В кн.: Экспертиза при расследовании преступлений, вып. 7. Вильнюс, 1969.

⁶⁷ **Шляхов А. Р.** Предмет и система криминалистической экспертизы. — Труды ВНИИСЭ, вып. 3. М., 1971, с. 14.

⁶⁸ **Шляхов А. Р.** Процессуальные и организационные основы криминалистической экспертизы. М., 1972, с. 5.

поскольку “согласуется с понятием предмета доказывания и находится с ним в таком же соотношении, как экспертиза с процессом доказывания в целом”⁶⁹.

К нашему сожалению, при комментировании своих определений в упоминавшемся уже нами “Словаре основных терминов теории и практики судебной экспертизы” А. Р. Шляхов выдвинул некоторые положения, противоречащие его прежним, правильным, с нашей точки зрения, утверждениям. Так, он заявил, что “предмет экспертизы (речь идет об общем определении предмета экспертизы — **Р. Б.**) предопределяется объектом исследования и вопросами следователя, суда”⁷⁰ и что предмет экспертного исследования составляют задание и объект экспертизы.

Думается, что ошибочность этих положений заключается в следующем. Если речь идет о предмете экспертизы в ее общем, родовом или видовом понятиях, то правильнее считать, что он предопределяется не объектом исследования и вопросами следователя или суда, а положениями той науки, на которой основывается экспертиза, и соответственно возможностями последней. Следовательно, род или вид экспертизы и ее возможности предопределяют объекты исследования и вопросы эксперту (экспертное задание), а не наоборот.

Иначе обстоит дело, когда речь идет о предмете конкретного экспертного исследования. Здесь он действительно определяется, исходя из наличных объектов и относящихся к ним вопросов эксперту. Так, например, предмет графической экспертизы предопределяет круг ее объектов в целом — рукописные документы; предмет же конкретного почерковедческого исследования определяется тем, какие конкретно документы и для установления каких обстоятельств дела будут исследоваться. Таким образом, предмет экспертизы “вытекает” вовсе не из “исследований представленных эксперту материалов”.

Близко к такому пониманию предмета экспертизы определял его еще в 1979 г. В. Д. Арсеньев: “Предмет судебной экспертизы — те стороны, свойства и отношения ее объектов (основного и вспомогательных), которые исследуются (подлежат исследованию) средствами (методами, методиками) данной экспертизы (экспертизы данного рода, вида и т. д.) с целью разрешения вопросов, имеющих значение для дела (входящих

⁶⁹ Орлов Ю. К. Объект экспертного исследования. — Труды ВНИИСЭ, вып. 8. М., 1974, с. 39.

⁷⁰ Словарь основных терминов теории и практики судебной экспертизы. М. 1976, с. 24.

в предмет доказывания по нему) и находящихся в границах специальной компетенции данной отрасли знания”⁷¹.

Изложенное не позволяет согласиться и с тем, что предмет экспертного исследования (очевидно, А. Р. Шляхов имеет в виду здесь предмет конкретного акта исследования) состоит из задания и объекта экспертизы. Объект не является частью предмета экспертизы; здесь налицо смешение предмета и объекта экспертизы, против чего ранее справедливо выступал сам А. Р. Шляхов.

Александр Романович Шляхов, чье имя мы неоднократно упоминаем в нашем Курсе и особенно в разделах, где идет речь о судебной экспертизе, долгие годы был организатором и научным наставником системы экспертных учреждений органов юстиции страны. Его многочисленные работы завоевали ему прочное место среди ученых, специализирующихся в области судебной экспертизы, его вклад в развитие института судебной экспертизы в СССР трудно переоценить.

А. Р. Шляхов родился в 1925 г., был активным участником Великой Отечественной войны, тяжело ранен. В 1949 г. окончил Московский юридический институт, с 1952 г. работал в аппарате НКЮ СССР, а затем России, где возглавлял отдел судебно-экспертных учреждений, а с 1962 по 1987 гг. возглавлял ЦНИИСЭ — ВНИИСЭ МЮ России. Заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор А. Р. Шляхов — автор свыше 250 работ по вопросам организации и деятельности экспертных учреждений, теории и практики судебных экспертиз.

Уместно остановиться на понятии и классификации объектов судебной экспертизы вообще и криминалистической в частности.

Понятие объекта экспертизы существенных разногласий в литературе не вызывает. Его определяют либо как материалы дела, посредством изучения которых познается предмет экспертизы, то есть решаются вопросы и устанавливаются обстоятельства дела⁷², либо как материальные носители обстоятельств дела, требующих экспертного установления⁷³, либо как носители информации о фактах и событиях, источники фактических данных, получаемых путем применения специальных по-

⁷¹ **Арсеньев В. Д.** Соотношение понятия предмета и объекта в теории судебной экспертизы. — В кн.: Рефераты научных сообщений на теоретическом семинаре — криминалистических чтениях, вып. 26, М., 1979, сс. 4-5.

⁷² **Шляхов А. Р.** О предмете судебно-бухгалтерской экспертизы. — В кн.: Вопросы судебной экспертизы, вып. 4. Баку, 1967, сс. 45-46; **Шляхов А. Р.** Объект экспертизы. — В кн.: Словарь основных терминов..., с. 21.

⁷³ **Галкин В. М.** Средства доказывания в уголовном процессе. Ч. II. М., 1968, с. 45; **Галкин В. М.** О понятии судебной экспертизы. — В кн.: Вопросы теории криминалистики и судебной экспертизы, вып. 1. М., 1969, с. 46.

знаний⁷⁴. Некоторые различия в этих определениях объясняются аспектом рассмотрения — процессуальным или информационным.

Обычно к объектам экспертизы относят материальные образования — предметы, вещную останковку или ее элементы.

Нет единства в решении вопроса об отнесении к объектам экспертизы различных процессов. Так, например, Г. М. Надгорный решает этот вопрос положительно⁷⁵, В. М. Галкин — отрицательно⁷⁶. Ю. К. Орлов, считая, что, в принципе, экспертному исследованию могут подвергаться и различные процессы (события, явления, действия), полагает, что предпочтительнее более узкое понимание объекта экспертизы — как конкретных предметов. Обосновывая свою позицию, он пишет: «Применительно к экспертному исследованию, в отличие от других видов познавательной деятельности, объект исследования является понятием не только гносеологическим, но и правовым, представляет собой единство гносеологического и правового аспектов. Правовой же режим может быть распространен лишь на реально существующие объекты. Объекты нематериального характера (факты, события прошлого) могут выступать только как гносеологическая категория, и исследование такого рода объектов может рассматриваться лишь в гносеологическом, а не в правовом аспектах. Если же понимать объект экспертного исследования как единство гносеологического и правового моментов, то таковым следует признать материальные предметы... Кроме того, можно отметить, что даже в случаях, когда эксперт изучает какой-либо процесс, непосредственному исследованию обычно подвергаются также конкретные предметы, претерпевшие при этом те или иные изменения, либо находившиеся в той среде, где происходил изучаемый процесс»⁷⁷.

Тезис о том, что объекты нематериального характера, например события прошлого, не могут рассматриваться в правовом аспекте, представляется несостоятельным, стоит лишь вспомнить, что весь процесс доказывания направлен на познание события прошлого — преступления.

Разумеется, при исследовании процессов, явлений эксперт имеет дело с материальными объектами, в которых или с которыми протекали

⁷⁴ **Шляхов А. Р.** Предмет и система криминалистической экспертизы. — Труды ВНИИСЭ, вып. 3. М., 1971, с. 16; **Орлов Ю. К.** Объект экспертного исследования. — Труды ВНИИСЭ, вып. 8. М., 1974, с. 40.

⁷⁵ **Надгорный Г. М.** Объект автотехнической экспертизы. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 9. Киев, 1972, с. 393.

⁷⁶ **Галкин В. М.** Средства доказывания в уголовном процессе. Ч. II. М., 1968, с. 45.

⁷⁷ **Орлов Ю. К.** Объект экспертного исследования, сс. 40-41.

эти процессы. Однако в этом случае материальные объекты могут являться средством воспроизведения исследуемых процессов, элементами той вещной обстановки, в которой они протекают. Для познания сущности процесса может не потребоваться непосредственного исследования этих объектов, достаточным окажется лишь их наличие.

Именно так обстоит иногда дело при решении автотехнической экспертизой вопроса о том, можно ли было предотвратить наезд в данной конкретной ситуации; при решении судебно-медицинской экспертизой вопроса о том, мог ли ребенок данного возраста (имеется в виду грудной) совершать самостоятельные движения, вследствие которых произошло перемещение тела, вызвавшее падение с высоты; при решении пожарно-технической экспертизой вопроса, могла ли искра из дымовой трубы пролететь такое-то расстояние в раскаленном виде⁷⁸, и т. п.

На наш взгляд, объектами судебной экспертизы могут быть материальные образования (материальные объекты) и процессы. К первым относятся предметы (вещественные доказательства, образцы и их комплексы), документы, люди, животные, трупы, транспортные средства. Все эти объекты могут быть и объектами криминалистической экспертизы.

Различают родовые и конкретные объекты судебной экспертизы. Под родовым объектом понимают класс, категорию объектов, обладающих общими признаками, например, огнестрельное оружие⁷⁹, транспортные средства. Конкретным объектом называют определенный объект, подлежащий данному экспертному исследованию⁸⁰.

Как содержание предмета экспертизы, так и понятие родового объекта являются подвижными, претерпевающими изменения. На это справедливо указывают А. Р. Шляхов, Ю. К. Орлов, Н. А. Селиванов и другие авторы. Эти изменения обусловлены развитием базовых наук, появлением новых методов и методик исследования, новых категорий предметов, вещей, процессами дифференциации и интеграции научного знания и т. п. Но эти изменения не приводят к отрицанию относительного постоянства как предмета, так и родового объекта экспертизы, вполне достаточного для практических целей и обеспечивающего правильность использования экспертизы в судопроизводстве.

Предмет экспертизы и ее родовый объект играют существенную роль в классификации видов судебной экспертизы вообще и криминалистической экспертизы в частности.

⁷⁸ **Виноградов И. В., Кочаров Г. И., Селиванов Н. А.** Экспертизы на предварительном следствии. М., 1967, сс. 99, 186.

⁷⁹ **Орлов Ю. К.** Указ. работа, с. 41.

⁸⁰ **Галкин В. М.** Указ. работа, с. 45.

8.4. Классификация видов криминалистической экспертизы. Проблема новых видов криминалистической экспертизы

Исторически и на этой основе традиционно криминалистическую экспертизу подразделяют на судебную экспертизу документов, судебно-баллистическую экспертизу, трасологическую экспертизу и экспертизу по чертам внешности⁸¹ (портретно-криминалистическую экспертизу, или криминалистическое установление личности по чертам внешности). По мере развития теории и практики криминалистической экспертизы эта классификация становилась все более дробной. Так, Л. Е. Ароцкер приводит уже классификацию, охватывающую не только виды, но и подвиды криминалистической экспертизы:

- 1) Криминалистическое исследование документов.
 - ◆ Криминалистическая экспертиза почерка (почерковедческая экспертиза).
 - ◆ Техничко-криминалистическая экспертиза документов.
- 2) Трасологическая экспертиза.
 - ◆ Механоскопическая трасологическая экспертиза.
 - ◆ Гомеоскопическая трасологическая экспертиза.
 - ◆ Криминалистическая экспертиза следов животных.
 - ◆ Транспортно-трасологическая экспертиза (криминалистическая экспертиза следов транспорта).
 - ◆ Трасологическая экспертиза с целью идентификации целого по частям.
- 3) Криминалистическая экспертиза оружия и боеприпасов.
- 4) Криминалистическое установление личности по внешним признакам⁸².

⁸¹ **Винберг А. И.** Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе. М., 1956, с. 32.

⁸² **Ароцкер Л. Е.** Сущность криминалистической экспертизы. — В кн.: Криминалистическая экспертиза, вып. 1. М., 1966, сс. 53-54. А. Р. Шляхов предложил деление экспертиз на классы, роды, виды и подвиды. В классе криминалистических экспертиз род, например, судебно-почерковедческой экспертизы подразделяется А. Р. Шляховым на виды: исследование текстов (записей), исследование подписей ("подписная экспертиза"), исследование цифровых записей; вид — на подвиды. Так, исследование подписей содержит подвиды: а) исследование подписей, выполненных в обычных условиях и при обычном состоянии пишущего; б) исследование подписей, выполненных с намеренным искажением ("автоподлог"); в) исследование подписей, выполненных в необычных *см. след. стр.*

В современной классификации Е. Р. Россинской в класс традиционных криминалистических экспертиз автором включены следующие роды и виды экспертиз:

1. Почерковедческая экспертиза.
2. Техничко-криминалистическая экспертиза документов.
3. Автороведческая экспертиза.
4. Трасологическая экспертиза:
 - ◆ дактилоскопическая экспертиза (экспертиза следов рук);
 - ◆ трасологическая экспертиза следов ног и обуви;
 - ◆ трасологическая экспертиза следов зубов, губ и ногтей;
 - ◆ трасологическая экспертиза следов орудий и инструментов (механоскопическая экспертиза)
 - ◆ трасологическая экспертиза запирающих механизмов и сигнальных устройств;
 - ◆ транспортно-трасологическая экспертиза.
5. Экспертиза восстановления уничтоженных маркировочных обозначений.
6. Фототехническая экспертиза.
7. Портретная экспертиза.
8. Фоноскопическая экспертиза.
9. Баллистическая экспертиза.
10. Экспертиза холодного оружия⁸³

Таким образом, в основе детализации классификации видов криминалистической экспертизы лежит дальнейшая дифференциация ее объектов. Эту тенденцию можно проследить и применительно к методикам экспертного исследования: разрабатываются отдельные методики для исследования, например, подписей буквенного, цифрового письма и т. п. Однако эти процессы не затрагивают содержания перечня основных — названных впоследствии традиционными — видов криминалистической экспертизы, которая в последнее время пополнилась таким видами и подвидами, как автороведческая, фототехническая, фоноскопическая экспертизы, исследование денежных знаков и ценных бумаг и др.

Развитие всех видов судебной экспертизы на базе общего прогресса науки, появление новых методов и объектов исследования, процессы интеграции и дифференциации научного знания не могли не отразиться на

условиях и необычном состоянии; г) исследование подписей, выполненных с подражанием ("на глаз", с предварительной тренировкой); д) другие исследования; е) исследование подписей от имени вымышленных лиц (*Шляхов А. Р.* Классификация судебных экспертиз и типизация их задач. М., 1977, сс. 12-17).

⁸³ *Россинская Е. Р.* Судебная экспертиза в уголовном, гражданском, арбитражном процессе. М., 1996.

криминалистической экспертизе и ее теоретических основах. На повестку дня был поставлен вопрос о пополнении перечня криминалистических экспертиз новыми видами и, как следствие, о критерии ограничения криминалистической экспертизы от других видов судебной экспертизы.

До известного времени эта задача успешно решалась по линии предмета экспертизы. В 1961 г. А. И. Винберг писал по этому поводу: «Для ограничения сферы криминалистической экспертизы от судебно-медицинской, судебно-химической и других видов судебной экспертизы могут быть предложены два критерия — основной и производный. Основным критерий относится к главной задаче экспертизы: индивидуальная идентификация — это сфера криминалистической экспертизы, и родовая идентификация — сфера судебной физики, химии и т. д. Производный критерий относится к вспомогательным задачам экспертизы (к неидентификационным): степень близости к основной науке — криминалистике — в одних случаях, и к физике, химии, биологии и т. п. — в других»⁸⁴.

Однако уже очень скоро под сомнение был поставлен основной критерий разграничения. Была признана правомерность производства некоторых идентификационных исследований судебными медиками с использованием трасологических методов, высказаны суждения о существовании, наряду с криминалистической и медицинской, автотехнической, агробиологической, товароведческой и иных видов судебной идентификации⁸⁵. Индивидуальная идентификация перестала рассматриваться как сфера только криминалистической экспертизы. Этому предшествовало упоминание среди объектов криминалистической экспертизы материалов и веществ.

Сейчас трудно сказать, кому принадлежит пальма первенства в провозглашении экспертизы материалов и веществ новым видом именно криминалистической экспертизы. Во всяком случае, уже в 1959 г. В. К. Лисиченко включил этот вид экспертизы в криминалистическую экспертизу, имея в виду исследование волокнистых материалов, красителей, лаков, горюче-смазочных материалов и других веществ⁸⁶.

⁸⁴ **Винберг А. И.** Насущные вопросы теории и практики судебной экспертизы. — Сов. государство и право, 1961, № 6, сс. 81-82.

⁸⁵ **Шляхов А. Р.** Организация и производство криминалистической экспертизы в СССР. — В кн.: Теория и практика криминалистической экспертизы. Сб. 9-10. М., 1962, с. 123.

⁸⁶ **Лисиченко В. К.** К вопросу о предмете и системе криминалистической экспертизы. — В кн.: Материалы 4-й расширенной научной конференции. Киев. 1959, с. 330.

см. след. стр.

На первых порах аргументация сторонников расширения перечня видов криминалистической экспертизы за счет отнесения к ней экспертизы материалов веществ была весьма туманной и расплывчатой. Так, В. К. Лисиченко в указанной работе обосновывал это тем, что используемые в криминалистической экспертизе аналитические (биологические, химические) методы являются подчиненными по отношению к сравнительному методу, применение которого составляет содержание криминалистической экспертизы.

Существенным для аргументации сторонников новых видов криминалистических экспертиз было утверждение В. С. Митричева и некоторых других криминалистов о возможности индивидуальной идентификации — хотя бы в принципе — жидких и сыпучих тел. Хотя это утверждение до сих пор остается спорным⁸⁷, оно становится ключевым для решения рассматриваемой проблемы. Система доказательств теперь строится примерно таким образом.

Определяющим признаком криминалистической экспертизы является решение ею задачи индивидуальной идентификации. До настоящего времени идентификация считалась возможной только в отношении твердых тел с устойчивыми пространственными границами и выраженным рельефом. Экспериментально доказана возможность идентификации жидких и сыпучих тел, обладающих при определенных условиях выраженной индивидуальностью. Поскольку ни химия, ни физика, ни иные естественные науки не решают задачи установления индивидуального тождества, а жидкие и сыпучие вещества, в рассматриваемом случае исследуются именно в этих целях, такая экспертиза является криминалистической.

А. Р. Шляхов, который, как указывалось, утверждал, что существует идентификация автотехническая (объекты: бензин, керосин, смазочные масла и т. п.), агробиологическая (объекты: стебли, листья, мука, крахмал и т. п.), товароведческая (объекты: ткани и их красители, моска-

В 1977 г. А. Р. Шляхов отнес к числу криминалистических уже девять видов экспертиз материалов, веществ и покрытий; экспертизу нефтепродуктов и горюче-смазочных материалов; экспертизу волокон, волокнистых материалов и изделий из них; экспертизу стекла, керамики (фарфора, фаянса) и изделий из них; экспертизу металлов, сплавов, микроследов и микрочастиц; экспертизу полимерных материалов, пластмасс и изделий из них; экспертизу наркотических веществ; экспертизу табака (махорки) и изделий из него (Классификация судебных экспертиз и типизация их задач. М., 1977, с. 9).

⁸⁷ См., например, **Васильев А. Н.** Ошибочная точка зрения. — Соц. законность, 1969, № 7; **Васильев А. Н.** Проблемы советской криминалистики. — Соц. законность, 1973, № 3.

тельные товары и т. п.) и т. д.⁸⁸ и что “тенденция расширить круг объектов криминалистической идентификации, хотя и определена тем, что отвечает потребностям судебно-следственной практики, отражает, по существу, желание криминалистов объять различные виды судебной идентификации, подменив их так называемой криминалистической идентификацией”⁸⁹, отнес к объектам криминалистической идентификации лишь документы, различного рода следы и фотографические снимки. Однако в более поздних его работах мы не встречаем ни подобной классификации видов судебной идентификации, ни такого перечня объектов криминалистической идентификационной экспертизы. Это и понятно: разделяя взгляды сторонников признания исследования жидких и сыпучих тел криминалистической экспертизой, он уже не мог писать, например, об автотехнической, агроботанической, или почвоведческой идентификации⁹⁰.

Помимо основного аргумента — решения экспертизой жидких и сыпучих тел идентификационных задач, — сторонники рассматриваемой концепции подкрепляют свою позицию следующими обоснованиями.

1. Научные основы экспертизы материалов и веществ — это не только соответствующие данные химии, физики, биологии и других естественных наук, но и криминалистики, представленной теорией криминали-

⁸⁸ **Шляхов А. Р.** Организация и производство криминалистической экспертизы в СССР, сс. 124-125.

⁸⁹ **Шляхов А. Р.** Указ. работа, с. 122-123.

⁹⁰ В 1972 г. А. Р. Шляхов писал: “Экспертиза названных объектов (материалов и веществ — **Р. Б.**) должна рассматриваться как криминалистическая, поскольку ею решаются идентификационные задачи. Поэтому ошибочна практика производства подобных экспертиз судебными медиками, биологами, химиками и другими специалистами, не обладающими необходимыми знаниями в области криминалистики” (**Шляхов А. Р.** Научные основы криминалистической экспертизы. — В кн.: Материалы Всесоюзной научной конференции. Ч. 1. М., 1972, с. 7). В другой работе он высказывается еще более категорично: “Бесспорным является положение, что установление тождества конкретного объекта относится к предмету криминалистической экспертизы” (**Шляхов А. Р.** Проблемы классификации в криминалистической экспертизе и ее практическое значение. — В кн.: Правовые и методологические проблемы судебной экспертизы. Труды ВНИИСЭ, № 10. М., 1974, с. 15). Из этих высказываний напрашиваются, по крайней мере, два вывода: а) идентификационные задачи решает только криминалистика, а следовательно, ни о какой автотехнической и т. п. идентификации не может быть и речи; б) для производства этих исследований нужно знать теорию криминалистической идентификации и не быть ни биологом, ни химиком, что вызывает весьма сильные сомнения.

стической идентификации⁹¹. Более того, теория криминалистической идентификации является методологической основой криминалистического исследования материалов и веществ. “Стремление вести такого рода исследования на основе методологических положений других наук (химии, биологии и т. п.) приводит к выхолащиванию специфически криминалистического их содержания, лишает органы расследования и суды важной информации об обстоятельствах дела”⁹².

2. Судебная аналитическая химия, объектом исследования которой являются почва, горюче-смазочные материалы, лакокрасочные покрытия, волокнистые и другие материалы, яды, наркотики и т. п., “имеет задачи, разрабатывает и использует некоторые методы, которых не знает общая аналитическая химия. Это устраняет, по-видимому, возражения, выдвигавшиеся против включения экспертизы материалов (веществ) в число криминалистических экспертиз”⁹³. Иными словами, методы этих экспертиз не разрабатываются в соответствующих естественных науках, и поэтому экспертизы должны считаться криминалистическими.

“При таком положении, — заключает В. С. Митричев, — отрицание принадлежности рассматриваемых видов исследований к числу криминалистических вообще, по нашему мнению, допустимо лишь в случаях, когда авторы соответствующих точек зрения смогут точно указать, в рамках какой именно естественной или технической науки, по их мнению, в настоящее время возможно определение специальной групповой принадлежности материалов, веществ и изделий и отождествление образованных этими материалами и веществами индивидуально определенных материальных объектов”⁹⁴.

3. На принадлежность к криминалистическим экспертизам рассматриваемых видов исследований указывает характер специальных познаний, которыми должен обладать выполняющий их эксперт. В их содержание входят знания о свойствах и признаках объектов; о методах анализа материалов и веществ; содержании и методах сравнительного

⁹¹ **Козинер Э. П.** Современные возможности и пути дальнейшего совершенствования криминалистической экспертизы почв. — В кн.: Материалы Всесоюзной научной конференции Ч. 3. М., 1972, с. 77.

⁹² **Митричев В. С.** Актуальные вопросы криминалистической экспертизы материалов, веществ и изделий. — Там же, с. 4.

⁹³ **Гордон Б. Е.** Судебная аналитическая химия, ее задачи и перспективы развития. — Там же, с. 17.

⁹⁴ **Митричев В. С.** Криминалистическая экспертиза материалов, веществ и изделий — новая отрасль криминалистической техники. — Труды ВНИИСЭ, № 7. М., 1973, с. 44.

исследования; о методах и критериях оценки признаков (В. С. Митричев).

Не останавливаясь на ряде менее существенных доводов, попытаемся проанализировать обоснованность приведенных аргументов.

Решение экспертизой идентификационных задач не является исключительным признаком, свидетельствующим о ее криминалистической природе. Действительно, во многих случаях криминалистическая экспертиза — экспертиза идентификационная. Но, как известно, кроме отождествления, она решает и классы других задач и остается при этом криминалистической экспертизой. Следовательно, характеристики решаемых экспертизой задач еще недостаточно для категорического причисления ее к тому или иному виду судебной экспертизы, для определения ее «родовой принадлежности». Кроме того, не следует забывать, как уже отмечалось, что возможность индивидуальной идентификации материалов и веществ даже при той трактовке индивидуального объекта, которую предлагают ее сторонники, признана еще далеко не всеми криминалистами и на ранг бесспорного исходного положения претендовать пока не может.

Для отграничения одного вида судебной экспертизы от другого или для причисления экспертизы к тому или иному известному виду экспертиз недостаточно какого-либо отдельного признака. Это неоднократно и совершенно правильно отмечается самими сторонниками криминалистической природы экспертизы материалов и веществ. Так, А. Р. Шляхов писал по этому поводу: «Судебная экспертиза вообще и криминалистическая экспертиза в частности могут быть подразделены на области знания по совокупности трех ее существенных признаков: предмета, объекта и методики экспертного исследования. Лишь в совокупности (разрядка наша — **Р. Б.**) они образуют отдельную отрасль специальных познаний, самостоятельный вид экспертизы. В криминалистических учреждениях встречаются предложения различать экспертизы по объектам, например, исследование красок, следов орудий взлома замков, документов и т. д. Другие предлагают классификации, учитывающие лишь задачи, то есть вопросы, которые ставятся на разрешение эксперта... Представляется, что на основе задач экспертизы, отвлекаясь от объекта, нельзя получить удовлетворительную классификацию видов криминалистической экспертизы. Невозможно выяснить сущность экспертизы, не определив объект экспертного исследования. Некоторые криминалисты предлагают различать отдельные виды криминалистической экспертизы по методам исследования... Отдельные виды кримина-

лиственной экспертизы нельзя различать только по вопросам, либо по объектам, либо методам исследования”⁹⁵.

Мы с удовольствием присоединяемся к этой правильной точке зрения. Хотелось бы только сказать, что к трем названным признакам, отличающим один вид экспертизы от другого, следует добавить и четвертый — характер специальных познаний, играющих доминирующую роль при решении задач данного вида экспертизы. Если подойти с точки зрения этого критерия к оценке природы экспертизы материалов и веществ, то окажется, что в структуре специальных знаний, которыми должен обладать осуществляющий эту экспертизу специалист, как это будет показано нами далее, вообще отсутствуют специфически криминалистические познания или в лучшем случае они представлены лишь познаниями в области теории криминалистической идентификации.

Так обстоит дело с основным доводом сторонников рассматриваемой концепции.

В качестве одного из дополнительных аргументов утверждается, что методологической основой исследования материалов и веществ является теория криминалистической идентификация. Это положение представляется необидительным по следующим основаниям.

Методологические основы любого вида криминалистической экспертизы, даже если это экспертиза чисто идентификационная, не исчерпываются теорией криминалистической идентификации, как не исчерпывается ею и методология криминалистики в целом как науки. К методологическим основам экспертизы относится и ее понятийный аппарат, и система принятых в ней классификаций, и, что самое существенное в данном случае, учение о методах исследования. Но методы этой экспертизы — это методы химии, почвоведения, физики и других естественных и отчасти технических наук.

В этом легко убедиться на примере “криминалистического” исследования почв, в перечне методов которого фигурируют лишь методы естественно-научного характера: микроскопия фракционного состава, определение градиента плотности, геолого-минералогический анализ, определение реакции среды, реакции на карбонаты, соединения железа и меди, на ионы аммония, кальция, хлориды и т. д.; анализы — ферментный, спорово-пыльцевой, органический элементный и т. п.⁹⁶ С учетом этого, едва ли можно утверждать, что подобные исследования должны

⁹⁵ *Шляхов А. Р.* Предмет и система криминалистической экспертизы. — Труды ВНИИСЭ, вып. 3. М., 1971, с. 27-28.

⁹⁶ *Козинер Э П., Митричев В. С.* Обобщение экспертной практики по криминалистическому исследованию почв. М., 1973, с. 5.

проводиться только на основе методологических положений теории криминалистической идентификации.

Использование одной наукой теоретических концепций другой науки (явление обычное в наше время в условиях НТП) не означает изменения природы этой “воспринимающей” науки. Использование, например, судебной медициной положений и методов той же криминалистической идентификации никак не отразилось на медицинской природе и сущности этой науки. То, что в содержание научных основ судебно-медицинской экспертизы на правах их элемента могут войти те или иные положения теории криминалистической идентификации, не превращает эту экспертизу в криминалистическую. Точно так же, по нашему мнению, обстоит дело и с научными основами экспертизы материалов и веществ, включение в содержание которых положений теории криминалистической идентификации вовсе не означает их “окриминализования”.

Довод о том, что экспертиза материалов и веществ должна считаться криминалистической потому, что ее методы не разрабатываются соответствующими естественными науками, как следует из примера с экспертизой почв, необоснован. Можно согласиться, что в естественных науках действительно, может быть, не разрабатываются некоторые методы, обусловленные известной спецификой задач такой экспертизы, что многие из этих задач, действительно, не решаются этими науками; но отсюда опять-таки совсем не следует, что в силу этих причин экспертизу материалов и веществ следует признать криминалистической. Ее возможности, методы и методики формулируются и разрабатываются не криминалистами, которым это просто не под силу по роду их специальных познаний⁹⁷.

Об этом правильно писал А. Н. Васильев: “Можно, конечно, подучить эксперта-криминалиста, например трасолога, для участия в расследовании автопроисшествий и поджогов, но это не сделает его ученым в области специальных наук, а лишь ремесленником для простых случаев. Ведь для разрешения многих вопросов необходимы прочные теоретические знания и постоянная связь с науками и с изменяющей практикой”⁹⁸. Криминалист, разумеется, может овладеть тем или иным естественнонаучным или техническим методом и использовать его в своей практике (известно, что расширение арсенала таких методов —

⁹⁷ Если криминалист обладает, например, достаточным химическим или физическим образованием, то он, конечно, в состоянии осуществлять такие разработки. Но в этом случае он выступает не как криминалист, а как специалист — химик или физик.

⁹⁸ **Васильев А. Н.** Проблемы советской криминалистики. — Соц. законность, 1973, № 3, с. 29.

одна из тенденций развития криминалистической экспертизы), однако от него едва ли правомерно ожидать разработки таких методов, то есть такого решения задачи, которое должно выполняться не на дилетантском, а на профессиональном уровне.

Что же касается риторического вопроса, заданного В. С. Митричевым своим вероятным оппонентам: где, если не в криминалистике, разрабатывать методы и решать задачи экспертизы материалов и веществ? — то следует заметить, что ответ на него давно имеется. О формировании на базе “материнских” наук и судебно-следственной практики специальных экспертных отраслей знания писал А. А. Эйсман⁹⁹. О закономерностях этого процесса и его особенностях в зависимости от ряда условий детально говорится в концепции судебной экспертологии А. И. Винберга и Н. Т. Малаховской. В рамках таких экспертных отраслей знания и следует осуществлять необходимые научные исследования и разработки проблемы экспертизы материалов и веществ¹⁰⁰.

Фактически так и происходит. На наших глазах формируются новые отрасли экспертных научных знаний, которые организационно, в силу сложившейся традиции, связаны с криминалистической экспертизой, ибо развиваются под одной с ней крышей комплексных экспертных учреждений и нередко по инициативе и при некотором участии отдельных ученых-криминалистов. Прилагательное “криминалистические” в их названии ничего не прибавляет к их существу и возможностям, оно не обосновывает ни их актуальности, ни их практической важности и перспективности, ни авторитета в глазах практики, которая только дезориентируется этим термином.

Наконец, несколько слов о последнем аргументе сторонников рассматриваемой концепции.

В. С. Митричев, описывающий структуру специальных познаний эксперта, выполняющего исследование материалов и веществ, сам вынужден признать, что специфическими являются лишь знания эксперта в области процессуальных условий его деятельности и оценки результатов

⁹⁹ **Эйсман А. А.** Криминалистика в системе юридических и естественных наук. — В кн.: Научные работы ЛитНИИСЭ, вып. 1. Вильнюс, 1963, сс. 32-39.

¹⁰⁰ О том, что процесс формирования таких отраслей знания в области исследования материалов и веществ еще только начинается, свидетельствует признание В. С. Митричева о том, “что значительная часть судебно-экспертных исследований материалов, веществ и изделий в настоящее время в очень малой степени отличается от аналогичных исследований, проводимых в других отраслях науки и техники” (**Митричев В. С.** Криминалистическая экспертиза материалов, веществ и изделий — новая отрасль криминалистической техники, с. 42).

исследования¹⁰¹. Однако этого совершенно недостаточно, чтобы признать криминалистическими познания экспертов данного профиля. Так что и этот аргумент, как нам кажется, не выдерживает критики.

Что же касается вопроса о том, какой все-таки является экспертиза материалов и веществ, если уж так необходимо добавить к ее названию обозначение рода или класса, то нам представляется, что имеет смысл принять предложение, неоднократно высказывавшееся В. А. Пучковым, считающим эти исследования материаловедческими¹⁰².

Отрицание правомерности включения экспертизы материалов и веществ в число криминалистических экспертиз отнюдь не означает, что круг криминалистических экспертиз остается неизменным, что не могут возникать новые виды криминалистической экспертизы. Такое утверждение было бы равносильно отрицанию развития криминалистической науки и судебно-следственной практики.

Мы полагаем, что процесс возникновения новых видов криминалистической экспертизы может протекать двояким образом.

Новые виды криминалистических экспертиз могут возникать, как результат дробления традиционных видов в связи с появлением новых объектов данного класса либо новых методов исследования или новых задач. Этот процесс можно наблюдать на примере фототехнической экспертизы кинофотодокументов, отпочковывающейся от технического исследования документов и в то же время берущей на вооружение некоторые принципы и методы трасологической экспертизы. В составе технического исследования документов приобретает все более самостоятельный характер экспертиза денежных знаков и ценных бумаг; из судебного почерковедения выделилась автороведческая экспертиза и т. п.

Новые виды криминалистических экспертиз могут возникать и другим путем: как следствие поиска инструментальных средств и методов ре-

¹⁰¹ **Митричев В. С.** Криминалистическая экспертиза материалов, веществ и изделий — новая отрасль криминалистической техники, сс. 48-51.

¹⁰² Е. Р. Россинская выделяет в этой связи следующие классы судебных экспертиз: класс экспертиз веществ и материалов (куда в качестве родов включаются экспертизы лакокрасочных материалов и покрытий, объектов волокнистой природы, нефтепродуктов и горюче-смазочных материалов, стекла и изделий из него, металлов и сплавов, полимерных материалов, наркотических и сильнодействующих веществ, парфюмерных и косметических средств); класс экспертиз пищевых продуктов и напитков, класс биологических (ботанических и зоологических) экспертиз; класс почвоведческих экспертиз (в том числе минералогическая экспертиза); класс экологических экспертиз и пр. (**Россинская Е. Р.** Судебная экспертиза в уголовном, гражданском, арбитражном процессе. М., 1996.).

шения традиционных криминалистических задач. Думается, что именно таков путь возникновения таких новых видов криминалистической экспертизы, как фоноскопическая и одорологическая (одорографическая).

Идентификация человека по признакам голоса и речи — традиционная криминалистическая задача, решавшаяся ранее средствами криминалистической тактики: путем предъявления для опознания. Стремление объективизировать результаты опознания по голосу и речи, с одной стороны, и широкое распространение звукозаписывающей аппаратуры, в связи с чем возникла потребность в разработке методики отождествления человека по фонозаписям, — с другой, вызвали к жизни появление фоноскопической экспертизы. Как самостоятельный вид криминалистической экспертизы фоноскопическая экспертиза интенсивно развивается и, возможно, со временем, когда расширятся ее возможности, превратится в криминалистическую акустическую экспертизу¹⁰³.

Столь же традиционной криминалистической задачей является установление человека по запаху. Эта задача решается с помощью служебно-розыскных собак в процессе проведения соответствующего оперативно-розыскного мероприятия. Стремление использовать одорологические методы в доказывании диктует необходимость развития как органолептической, так и одорографической экспертиз, то есть новых средств решения этой традиционной задачи криминалистики.

Вообще следует заметить, что при выделении из существующих или разработке новых видов криминалистических экспертиз и констатации их криминалистической природы весьма важную роль играет именно традиционное представление о видах, объектах и задачах криминалистической экспертизы. Говоря об исторически сложившейся системе специализированных экспертных знаний, А. А. Эйсман совершенно справедливо отмечал, что при их разграничении «только сочетание аналитического и исторического подхода к решению подобных вопросов может привести к удовлетворительному ответу... Любые теоретические выводы должны строиться с учетом исторически сложившегося распределения функций между различными учреждениями и распределения знаний между отраслями науки»¹⁰⁴. При разграничении экспертиз сле-

¹⁰³ *Леву А. А.* Некоторые перспективы использования звукозаписи и звукоанализа в практике борьбы с преступностью. — В кн.: Материалы Всесоюзной научной конференции. Ч. 4. М., 1972; *Смешливая Л. И.* О возможности отождествления личности по признакам звуковой речи. — В кн.: Новые виды судебных экспертиз (тезисы научных сообщений). М., 1975.

¹⁰⁴ *Эйсман А. А.* Криминалистика в системе юридических и естественных наук. — В кн.: Научные работы ЛитНИИСЭ, вып. 1. Вильнюс, 1963, сс. 33-39.

дует руководствоваться комплексным критерием, включающим представления о предмете и целях данного вида экспертизы, ее объекте, методах и характере обосновывающего знания и учитывающим генезис ее развития.

8.5. О внутреннем убеждении судебного эксперта и экспертных ошибках.

Проблема внутреннего убеждения судебного эксперта привлекла внимание советских криминалистов в 50-х гг. Одним из первых высказал свои взгляды по этому поводу В. П. Колмаков. Он считал, что внутреннее убеждение эксперта — «это не инстинкт, не безотчетная интуиция; это — сознательно и свободно сложившееся убеждение, имеющее объективные основания, позволяющие сделать только один — истинный — вывод». К числу этих объективных оснований В. П. Колмаков относил установленные экспертом при исследовании фактические данные и общие данные той отрасли науки, на основании которой производится исследование. «Решающее значение в формировании заключения, — писал он, — таким образом, приобретают следующие факты: 1) высокая подготовленность по своей специальности и практический опыт эксперта; 2) мотивированность и логичность суждений эксперта, изложенных в обобщающей (синтетической) части акта экспертизы так, чтобы следователь и суд могли проследить ход его мысли; 3) достаточный объем и надлежащее количество представленного на исследование материала; достоверные обстоятельства, установленные по делу»¹⁰⁵.

В дальнейшем исследование проблемы внутреннего убеждения эксперта шло, в основном, по двум направлениям: гносеологическому и психологическому. В первом случае анализировался преимущественно механизм познавательной деятельности эксперта, на базе которой формируется его внутреннее убеждение, во втором — процесс формирования самого внутреннего убеждения и его структура.

Внутреннее убеждение эксперта — категория субъективная. Его содержание составляет уверенность эксперта в правильности и единственной возможности сделанных им выводов. Это — своеобразное эмо-

¹⁰⁵ Колмаков В. П. О внутреннем убеждении советского судебного эксперта. — В кн.: Вопросы советской криминалистики. М., 1951, с. 28.

ционально-интеллектуальное состояние эксперта как познающего субъекта, наступающее в итоге всей его деятельности по решению конкретной экспертной задачи.

Утверждение, что внутреннее убеждение носит субъективный характер, в литературе высказывается обычно с целым рядом оговорок. Так, например, читателя предупреждают, что “не следует полагать, будто внутреннее убеждение — область чисто субъективная, не поддающаяся никакой проверке и не включающая в себя ничего объективного”¹⁰⁶, что субъективный характер внутреннего убеждения не означает его независимости от внешних, объективных факторов и т. п. Думается, что в специальном доказательстве объективной основы внутреннего убеждения нет необходимости, ибо это положение логически вытекает из материалистической философской концепции о соотношении субъективного и объективного при познании: “Отражение на уровне познания представляет собой воспроизведение предметов в их объективных свойствах и отношениях друг к другу”¹⁰⁷. Субъективное вообще не может не иметь объективной основы. Не является в этом отношении исключением и внутреннее убеждение эксперта.

Объективные основания внутреннего убеждения судебного эксперта составляют в своей совокупности систему, элементами которой являются:

1. Профессиональные знания эксперта, в содержание которых, по нашему мнению, входят его мировоззренческие принципы и установки, научные познания, знание им коллективной экспертной практики в данной области, необходимые навыки в применении нужных методов исследования, знание критериев и путей проверки полученных результатов, наконец, личный экспертный опыт. Несомненно, на уровне профессиональных знаний положительно сказывается участие эксперта в научных исследованиях по своей специальности, систематическое знакомство с новой литературой, осведомленность о ведущихся разработках в смежных областях.
2. Профессиональные качества эксперта: наблюдательность, внимание, глубина, гибкость, логичность и критичность ума, самостоя-

¹⁰⁶ Шляхов А. Р. Структура экспертного исследования и гносеологическая характеристика выводов эксперта-криминалиста. — Труды ВНИИСЭ, вып. 4. М., 1972, с. 94.

¹⁰⁷ Горский Д. П. Опережающий характер отражения действительности на уровне человеческого познания. — В кн.: Практика и познание. М., 1973, с. 55.

тельность мышления, способность преодолеть предубеждение или предвзятость¹⁰⁸ и т. п.

На первый взгляд мы допускаем противоречие, рассматривая субъективные качества эксперта в качестве объективного основания его внутреннего убеждения. Однако это противоречие только кажущееся: именно наличие у эксперта необходимых профессиональных качеств и создает объективные предпосылки для формирования истинного внутреннего убеждения.

3. “Фактические данные, признаки и свойства изучаемых экспертом объектов, обстоятельства дела, относящиеся к предмету экспертизы и указывающие на происхождение и реальные условия существования изучаемых объектов”¹⁰⁹. Многолетняя дискуссия по поводу права эксперта на ознакомление с материалами дела была прекращена законодателем, наделившим эксперта таким правом в пределах, относящихся к предмету экспертизы (ст. 82 УПК).
4. Весь процесс экспертного исследования, его условия, промежуточные и конечные результаты, их оценка с точки зрения полноты, логической и научной обоснованности, достоверности как единственно возможных в данных условиях. А. Р. Шляхов совершенно прав, указав, что “субъективность суждений эксперта не означает их необоснованности, недостоверности. Выводы эксперта всегда основаны (всегда должны быть основаны — **Р. Б.**) на данных науки и конкретных результатах исследования; их истинность проверяется в конечном итоге экспертной, следственно-судебной практикой. Субъективность выводов не следует рассматривать подчеркнуто в противопоставлении с объективными данными или указывать на их “недостаточность”, “ненадежность” в отличие, например, от математических методов применения ЭВМ”¹¹⁰.

¹⁰⁸ **Устьянцева Т. В.** Значение психологических факторов в процессе формирования выводов эксперта. — Труды ВНИИСЭ, вып. 3. М., 1971, сс. 90-95. “Способность эксперта правильно воспринимать и истолковывать признаки, — замечает в этой связи Л. Е. Ароцкер, — устойчивость его против внушения и самовнушения накладывают отпечаток на всю оценочную деятельность эксперта” (**Ароцкер Л. Е.** Проблема оценочной деятельности судебного эксперта. — В кн.: Материалы Всесоюзной научной конференции. Ч. 1. М., 1972, с. 34).

¹⁰⁹ **Шляхов А. Р.** Структура экспертного исследования и гносеологическая характеристика выводов эксперта-криминалиста, с. 96.

¹¹⁰ **Шляхов А. Р.** Структура экспертного исследования и гносеологическая характеристика выводов эксперта-криминалиста, с. 97. “Применение экспертом современных математических и кибернетических методов представляет собой лишь более высокую ступень использования специальных знаний при оценке признаков, — писал З. М. Соколовский. — Но принципиальных изменений в характер критериев оценки признаков экспертом это не вносит. Именно поэтому нельзя говорить о противоречии между результатами применения математических методов.”

О выделении и оценке количественных признаков в экспертизе фотопортретов и влиянии этой оценки на внутреннее убеждение судебного эксперта писал в свое время З. И. Кирсанов.

Зиновий Иванович Кирсанов — один из ведущих отечественных ученых в области криминалистической техники и экспертизы — широко известен своими работами в области установления личности средствами и методами портретно-криминалистической, почерковедческой и других видов криминалистической экспертизы. Ему принадлежит целый ряд конструктивных идей в области общей теории криминалистики, ее системы и содержания.

С содержательной стороны имеется некоторое различие между внутренним убеждением эксперта, дающего категорическое заключение, и эксперта, формулирующего свои выводы в вероятной форме. В первом случае — это убежденность в том, что выводы истинны, однозначны и не допускают иного толкования. Во втором — убежденность в невозможности по тем или иным причинам дать категорический ответ на поставленный вопрос¹¹¹. З. М. Соколовский был неправ, когда полагал, что убежденность характерна лишь для категорических ответов, что “если такой уверенности нет, эксперт обязан искать возможную ошибку”¹¹². Той уверенности которая необходима для дачи заключения в категорической форме, может и не быть, однако это не означает, что эксперт допустил какую-либо ошибку, которую ему следует искать. Вероятная форма выводов эксперта обусловлена вовсе не возможной ошибкой в их обосновании, а другими причинами, о которых достаточно подробно говорится в криминалистической процессуальной литературе, что освобождает нас от необходимости их повторять.

Нет необходимости также подробно останавливаться и на роли и месте внутреннего убеждения в оценке правильности выводов эксперта. Хотя и теперь еще встречаются неверные суждения по этому поводу, общепризнанным является положение о том, что внутреннее убеждение — это не критерий правильности заключения, а результат оценки полученных выводов, точно так же, как внутреннее убеждение следователя и

тических методов исследования (результатов работы ЭВМ) и внутренним убеждением эксперта” (**Соколовский З. М.** Является ли внутреннее убеждение эксперта критерием оценки результатов применения математических методов исследования? — В кн.: Применение математических методов и вычислительной техники в праве, криминалистике и судебной экспертизе. М., 1970, с. 99).

¹¹¹ Структура процесса формирования внутреннего убеждения эксперта при даче им вероятного заключения детально проанализирована в интересной статье: **Гранат Н. Л., Погибко Ю. Н.** О вероятной форме решения экспертных задач.—Вкн.:Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 9. Киев, 1972.

¹¹² **Соколовский З. М.** Является ли внутреннее убеждение эксперта...,с.100.

суда — не критерий, а результат оценки доказательств, о чем мы неоднократно писали в своих работах.

Итак, внутреннее убеждение эксперта — категория субъективная, имеющая прочные объективные обоснования. Можно ли из субъективного его характера делать вывод, что оно носит исключительно индивидуальный характер, что не может быть коллективного внутреннего убеждения?

В такой прямой постановке вопрос этот не исследовался. Между тем для этого, как нам кажется, имеются все основания. Думается, что при производстве комиссионной экспертизы, когда эксперты приходят к одинаковым выводам и формулируют общее заключение, налицо как раз коллективное внутреннее убеждение, формулирующееся при оценке полученных результатов, обмене по их поводу мнениями, уточнении отдельных положений. Оно выражает общую убежденность всех экспертов — субъектов данной экспертизы, — что повышает степень уверенности каждого из них в правильности сделанных выводов, а как следствие — авторитетность коллективного заключения. В этом аспекте представляет интерес и такая проблема, как возможность дачи заключения от имени юридического лица.

“Экспертиза учреждений”, или заключение от имени экспертного учреждения как юридического лица, на протяжении многих лет встречала отрицательное отношение со стороны большинства криминалистов и процессуалистов. Считая “экспертизу учреждений” буржуазным институтом, А. В. Дулов писал: “Советские ученые вели активную борьбу против попыток перенесения в социалистическое право институтов буржуазного права, в том числе и против порядка дачи экспертных заключений юридическими лицами. Права личности при проведении экспертизы, реальность исполнения обязанностей могут быть гарантированы только в том случае, когда за экспертное заключение отвечает конкретное лицо (или лица)”¹¹³. Долгие годы проведение экспертизы лишь экспертом — физическим лицом — считалось незыблемым принципом этого процессуального института, закрепленным, к тому же, в действующем уголовно-процессуальном законодательстве. Но вот раздались первые голоса, ставящие под сомнение универсальность и категоричность этого принципа.

В 1966 г. И. Ф. Крылов в автореферате своей докторской диссертации выразил мнение, что “столь отрицательная оценка экспертизы учреждений представляется неоправданной. Применение ее в некоторых странах социалистического лагеря (Чехословакия, Польша) показывает

¹¹³ Дулов А. В. Права и обязанности участников судебной экспертизы. Минск, 1962, с. 18.

возможность успешного использования данной формы экспертизы в интересах социалистического правосудия. Автор диссертации не исключает возможность существования экспертизы учреждений наряду с экспертизой физических лиц¹¹⁴.

В 1973-74 гг. с докладом, а затем и статьей по рассматриваемой проблеме выступил А. И. Винберг. Он убедительно показал преимущества дачи заключения от имени юридического лица и, в частности, отметил, что "в экспертном учреждении стирается понятие автономии частного эксперта, которая заменяется коллективным творчеством и ответственностью государственного учреждения как юридического лица, отвечающего за свои профессиональные кадры, за современную научную организацию труда в области экспертной работы"¹¹⁵. По его мнению, подобный порядок проведения экспертизы не освобождает от персональной ответственности экспертов, выполняющих исследование, и не ущемляет прав участников процесса.

Предложение А. И. Винберга поддержали С. С. Остроумов и М. С. Брайнин¹¹⁶. В дополнение к их аргументам можно заметить, что следователь или суд, назначая повторную экспертизу, поручают ее проведение, как правило, не более авторитетному эксперту, а более авторитетному экспертно-научному учреждению, что существующий в экспертных учреждениях порядок контроля за заключениями фактически означает, что ответственность за их качество берет на себя руководитель учреждения, представляющий учреждение как юридическое лицо (в некоторых экспертных подразделениях органов внутренних дел издавна даже существует практика констатации согласия руководителя с заключением).

Если заключение в допустимых законом случаях будет исходить от экспертного учреждения как юридического лица, то, возвращаясь к рассматриваемому нами вопросу, можно придти к выводу, что в таком заключении найдет свое выражение коллективное внутреннее убеждение эксперта (или экспертов) и руководителей экспертного учреждения¹¹⁷.

¹¹⁴ *Крылов И. Ф.* Криминалистическая экспертиза в России и СССР в ее историческом развитии. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Л., 1966, с. 29.

¹¹⁵ *Винберг А. И.* Заключение по экспертизе от имени юридического лица. — Соц. законность, 1974, — 112, с. 54.

¹¹⁶ *Остроумов С. С., Брайнин М. С.* Правомерность заключения по экспертизе от имени юридического лица. — Соц. законность, 1975, № 9, сс. 63-64.

¹¹⁷ К вопросу о заключении от имени юридического лица — экспертного учреждения — и о статусе руководителя подобного учреждения мы планируем вернуться в третьем томе Курса.

Внутреннее убеждение эксперта — результат его уверенности в безошибочности его действий и выводов. Однако это убеждение, как и его основания, может быть следствием добросовестного заблуждения — экспертной ошибки.

Понятие экспертных ошибок. Доказательственное значение экспертного заключения зависит от его истинности, внутренней непротиворечивости, точности и достоверности всех действий, оценок и выводов эксперта в ходе и по результатам процесса экспертного исследования. Экспертное заключение должно быть безошибочным, что требует своевременного распознавания и предупреждения экспертных ошибок, а в конечном счете — искоренения причин, их порождающих.

В общем виде экспертную ошибку можно определить как не соответствующее объективной действительности суждение эксперта или его действия, не приводящие к цели экспертного исследования, если и искаженное суждение, и неверные действия представляют собой результат добросовестного заблуждения.

В литературе предлагается и несколько иное определение экспертной ошибки, когда ошибкой эксперта предлагается считать “его выводы (основные и промежуточные), не соответствующие действительности, а также неправильности в действиях или рассуждениях, отражающих процесс экспертного исследования, — в представлениях, суждениях, понятиях”¹¹⁸. Но помимо некоторых неоправданных повторений, в этом определении отсутствует основной признак, позволяющий отличить экспертную ошибку от заведомо ложного заключения эксперта: ошибка — результат добросовестного заблуждения эксперта, а не заведомо для него неверных рассуждений или действий. Именно этот признак отличает экспертную ошибку от преступления против правосудия, совершаемого экспертом.

Заведомая ложность заключения эксперта может выражаться в сознательном игнорировании или умалчивании при исследовании существенных фактов и признаков объектов экспертизы, в искаженном описании этих фактов и признаков, заведомо неправильной их оценке или заведомо неверных действиях и операциях по их исследованию, умышленно неверному выбору экспертной методики или ее применению¹¹⁹. В целом аналогично определяет ложное заключение эксперта научный

¹¹⁸ Грановский Г. Л. Природа, причины экспертных ошибок и пути их устранения. — В кн.: Новые разработки и дискуссионные проблемы теории и практики судебной экспертизы. М. 1983, с. 2.

¹¹⁹ См. об этом подробнее: Палиашвили А. Я. Экспертиза в суде по уголовным делам. М. 1973, с. 133.

комментарий к УК РСФСР: "...это заведомо неверный вывод эксперта из исследованных им документов либо заведомо неправильное описание результатов исследования, которое впоследствии кладется в основу выводов, и т. п."¹²⁰. Таким образом, основным квалифицирующим признаком состава этого преступления служит заведомая, то есть умышленная ложность умозаключений, умышленно неправильные действия эксперта. Осознание ложности своих выводов или неправильности действий исключают заблуждение, как такое психологическое состояние, при котором субъект не осознает неправильности своих суждений или действий. Такое заблуждение является добросовестным: эксперт искренне полагает, что он мыслит и действует правильно. Н. И. Клименко, говорит о том, что ошибка — результат добросовестного заблуждения эксперта; при этом она допускает, что ошибка может быть и следствием сознательного нарушения экспертом требований методики исследования¹²¹. Вопрос о том, в каком случае сознательное нарушение методики можно считать добросовестным заблуждением, представляет несомненный практический интерес.

Причина ошибочного заключения эксперта не всегда заключается в допущенных экспертом ошибках. Экспертное исследование может быть проведено безупречно и сделанные экспертом выводы полностью соответствовать полученным результатам, но если исходные для экспертизы данные были ошибочными или исследуемые объекты не имели отношения к делу, были фальсифицированы и т. п., — заключение эксперта в аспекте установления истины по делу окажется ошибочным.

В этом случае речь об экспертной ошибке не идет: причиной ошибочного заключения является либо ошибка органа, назначившего экспертизу, либо его умышленно неправильные действия, правонарушение. Исходя из этого, в дальнейшем экспертные ошибки будут трактоваться и рассматриваться лишь в том смысле, в каком определено их понятие.

Природа экспертных ошибок. По своей природе экспертные ошибки неоднородны и могут быть разделены на три класса:

- 1) ошибки процессуального характера;
- 2) гносеологические ошибки;
- 3) деятельностные (операционные) ошибки.¹²²

¹²⁰ Комментарий к УК РСФСР. М. 1980, с. 354.

¹²¹ **Клименко Н. И.** Экспертные ошибки и их причины. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 37, Киев, 1988, с. 38.

¹²² Г. Е. Макушкина, И. Г. Вермель, Л. В. Кочнева предложили классифицировать ошибки на технические, тактические и ошибки восприятия. **Технические** ошибки — это применение неправильной экспертной методики, неосторожное см. след. стр.

Ошибки процессуального характера заключаются в нарушении экспертом процессуальных режима и процедуры экспертного исследования. К их числу относятся выход эксперта за пределы своей компетенции, в частности, вторжение его в сферу вопросов правового характера; выражение экспертной инициативы в непредусмотренных законом формах; несоблюдение по незнанию процессуальных требований к заключению эксперта, в том числе отсутствие в заключении необходимых по закону реквизитов; обоснование выводов не результатами исследования, а материалами дела и т. п. Ошибки процессуального характера могут явиться следствием не критического отношения эксперта к формулировке или сущности экспертного задания, когда, например, следователь в нарушение своих процессуальных обязанностей по собиранию доказательств поручает эту работу эксперту. Типичным примером подобного задания служит постановка перед экспертом вопроса о наличии на предмете микрообъектов. Между тем, этот вопрос должен решаться самим следователем путем следственного осмотра предмета с участием специалиста, в нужных случаях — в лабораторных условиях с использованием надлежащих технических средств и в присутствии понятых. Предметом экспертного исследования по букве закона могут быть только уже обнаруженные следователем и приобщенные к делу в качестве вещественных доказательств объекты. Размер этих объектов принципиального значения при этом не имеет.

Ошибки процессуального характера могут явиться следствием неверных действий и руководителя экспертного учреждения. Так, представляется ошибочной получившая известное распространение практика формирования руководителем СЭУ при его несогласии с заключением эксперта — сотрудника этого учреждения — комиссии экспертов для повторного исследования представленных объектов. По существу, в данном случае речь идет о назначении повторной экспертизы, что не входит в компетенцию руководителя СЭУ.

Гносеологические ошибки коренятся в сложностях процесса экспертного познания. Как известно, познание может быть содержатель-

или неоправданное повреждение объекта, перепутывание или использование непроверенных реактивов и т. п. **Тактические** ошибки — выбор не самой рациональной методики, неприменение некоторых необходимых проб, обнаружение существенного признака и т. п. **Ошибки восприятия** — неправильное восприятие цвета, запаха, вкуса и др. Кроме того, они выделили **ошибки рассуждения**, которые заключаются в неправильной трактовке объективных данных, обнаруженных при исследовании (*Макушкина Г. Е., Вермель И. Г., Кочнева Л. В.* Понятия, причины и профилактика экспертных ошибок. — Судебно-экспертное исследование человека и его деятельности. Свердловск, 1985, сс. 104-109.).

ным и оценочным. Следовательно, и экспертные ошибки могут быть допущены при познании сущности, свойств, признаков объектов экспертного исследования, отношений между ними, а также и при оценке результатов содержательного познания, итогов экспертного исследования, их интерпретации.

Гносеологические ошибки можно подразделить на логические и фактические (предметные).

Логические ошибки — это “ошибки, связанные с нарушением в содержательных мыслительных актах законов и правил логики, а также с некорректным применением логических приемов и операций”¹²³. В традиционной логике подобные ошибки подразделяются на ошибки в посылах, то есть в основаниях доказательства, ошибки в отношении тезиса, то есть доказываемого положения, и ошибки в аргументации, типичными из которых являются, например, смешение причинной связи с простой последовательностью во времени или обоснование тезиса аргументами, которые являются верными, но из которых доказываемый тезис не вытекает¹²⁴. В той или иной степени логические ошибки — следствие нарушения логических законов тождества (“всякая сущность совпадает сама с собой”), противоречия (“никакое суждение не может одновременно быть истинным и ложным”), исключенного третьего (“для произвольного высказывания либо оно само, либо его отрицание истинно”), достаточного основания (“всякое принимаемое суждение должно быть надлежащим образом обосновано”)¹²⁵.

Фактические или предметные ошибки — искаженное представление об отношениях между предметами объективного мира, при этом “...предметные ошибки, которые относятся к содержанию умозаключения, могут быть замечены и исправлены только тем, кто знаком с самим предметом, о котором идет речь”¹²⁶. В литературе отмечается, что в практике экспертного вывода признаков, “нейтральных” для решения поставленной задачи. Например, в совокупность признаков, которые являются основанием для установления исполнителя рукописи, включаются признаки, характеризующие автора рукописи. Вывод об одной совокупности предметов основывается на признаках состава материалов предметов. Орудие взлома идентифицируется не только по признакам следа-отоб-

¹²³ Философский энциклопедический словарь. М. 1983, с. 322.

¹²⁴ См. **Кондаков Н. И.** Логический словарь. М. 1971, сс. 272-273.

¹²⁵ Философский энциклопедический словарь, с. 322.

¹²⁶ **Кондаков Н. И.** Указ. работа, с. 273.

ражения, но и по частицам краски. Встречаются выводы об установлении завода-изготовителя шрифтов, в то время как в процессе исследования эксперт использует признаки шрифтолитейной машины (о тождестве шрифтолитейной машины и должен быть вывод)¹²⁷. Естественно, что подобные фактические ошибки может обнаружить лишь лицо, компетентное в подобного рода вопросах.

Деятельностные (операционные) **ошибки** связаны с осуществляемыми экспертом операциями и процедурами с объектами исследования и могут заключаться в нарушении предписанной последовательности этих процедур, в неправильном использовании средств исследования или использовании непригодных средств, в получении некачественного сравнительного материала и т. д.

Таким образом, общая классификация экспертных ошибок может быть представлена следующим образом:

Данная классификация экспертных ошибок, в основу которой положена характеристика сторон процесса экспертного исследования (процессуальной, гносеологической, деятельностной), позволяет говорить не только о единстве основания классификации, но и о существенности этого основания, отражающего главное в подобной характеристике¹²⁸.

Причины экспертных ошибок. Они могут быть двоякого рода: **объективные**, то есть не зависящие от эксперта как субъекта экспертного исследования, и **субъективные** — коренящиеся в образе мышления и/или действиях эксперта. Такое деление причин экспертных ошибок носит условный, методический характер, поскольку, как правильно отмечается в литературе, «субъективные ошибки сами имеют объективное

¹²⁷ Берзин В. Ф. Логические аспекты оценки заключения эксперта-криминалиста. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 16, Киев, 1978, с. 20.

¹²⁸ Предложены и иные основания классификации экспертных ошибок (см. Грановский Г. Л. Указ. работа, сс. 2-7).

основание"¹²⁹. Но из этого, в основе верного, тезиса иногда делается неправильный вывод о том, что "происхождение экспертных ошибок может быть обусловлено двумя факторами: 1) объективными условиями, затрудняющими и усложняющими сам процесс экспертного исследования и формулирования вывода, что создает реальную возможность экспертной ошибки, и 2) субъективными причинами, превращающими возможность экспертной ошибки в действительность"¹³⁰.

Эта концепция фактически исключает существование объективных причин экспертных ошибок, ибо предполагает, что объективно существует лишь возможность ошибки, а причина ее коренится исключительно в мышлении или действиях субъекта исследования. Экспертная же практика свидетельствует о том, что объективная возможность ошибки может стать действительностью и по причине, не зависящей от эксперта, то есть объективной.

Дать исчерпывающий перечень объективных и субъективных причин экспертных ошибок не представляется возможным, что вынуждает ограничиться указанием лишь наиболее часто встречающихся в экспертной практике или типичных.

1. Объективные причины экспертных ошибок:

- 1.1. Отсутствие разработанной методики экспертного исследования.
- 1.2. Несовершенство используемой экспертной методики.
- 1.3. Применение ошибочно рекомендованных методов.
- 1.4. Отсутствие полных данных, характеризующих идентификационную ценность признаков, устойчивость их отображений в следах¹³¹.
- 1.5. Использование приборов и инструментов, неисправных или не обладающих достаточной разрешающей способностью.
- 1.6. Использование неадекватных математических моделей и компьютерных программ.

Действительно, некоторые из этих объективных причин можно рассматривать и как условия для допущения субъективных ошибок. Однако в своей массе это именно объективные причины, предупредить действие которых сам эксперт не в состоянии: например, несовершенство рекомендованной методики, неадекватность моделей и т. п.

2. Субъективные причины экспертных ошибок:

¹²⁹ Каплунов И. М. Объективные и субъективные причины экспертных ошибок (методические рекомендации). Ташкент, 1977, с. 1.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Там же, с. 4.

2.1. Профессиональная некомпетентность эксперта. Она может выражаться в незнании современных экспертных методик, неумении пользоваться теми или иными техническими средствами исследования, применить рекомендованный метод, наиболее эффективный в данной конкретной ситуации, в неправильной оценке идентификационной значимости признаков, результатов, полученных партнером по комплексной экспертизе и т. п.

Профессиональная некомпетентность эксперта может проявиться и при попытке решения им вопросов, относящихся к иной области специальных познаний, нежели те, которыми он обладает, то есть с процессуальной точки зрения, в выходе эксперта за пределы своей компетенции¹³².

2.2. Профессиональные упущения эксперта: небрежность, поверхностность производства исследования, пренебрежение методическими рекомендациями, правилами пользования техническими средствами, а также неполное выявление идентификационных признаков, использование не всех известных эксперту методов исследования, игнорирование тех или иных признаков объектов или их взаимозависимости¹³³ и др.

Именно так можно квалифицировать и сознательное нарушение методики исследования, о чем пишет Н. И. Клименко, если это нарушение ошибочно (неумышленно) представляется эксперту средством повышения эффективности исследования.

2.3. Дефекты или недостаточная острота органов чувств эксперта, преимущественно органов зрения.

2.4. Неординарные психологические состояния эксперта. Они могут быть следствием стрессовых ситуаций, как в коллективе СЭУ, в отношениях с органом, назначившим экспертизу, так и в личной жизни эксперта, или следствием усталости, поспешности, болезненного состояния эксперта и т. п.

¹³² А. Р. Белкин, анализируя причины субъективных ошибок с позиций когнитивной психологии и теории представления знаний, указывает в этой связи еще и **профессиональную гордость** эксперта, мешающую ему четко отметить, что поставленный перед ним вопрос не вполне корректен, не адекватен, выходит за рамки его компетенции или за пределы его профессиональной компетентности; кроме того, сами эти пределы своей профессиональной компетентности эксперт далеко не всегда способен четко осознавать (**Белкин А. Р.** Когнитивные и поведенческие особенности человека-эксперта и их учет в разработке систем искусственного интеллекта. — Программные продукты и системы, 1991, № 2.).

¹³³ См. **Грановский Г. Л.** Указ. работа, с. 6.

2.5. Характерологические черты личности эксперта (неуверенность или, наоборот, гипертрофированная уверенность в своих знаниях, умениях, опытности, повышенная внушаемость или пренебрежительное отношение к мнению коллег, мнительность и т. п.).

2.6. Влияние материалов дела, в том числе заключения предшествующей экспертизы или авторитета проводившего ее эксперта, поведения следователя, участников судебного разбирательства, руководителя СЭУ.

2.7. Стремление проявить экспертную инициативу без достаточных к тому оснований, утвердить свой приоритет в применении нетривиальных методов решения экспертной задачи, отличиться новизной и дерзостью решения, оригинальностью суждений и выводов.

2.8. Логические дефекты умозаключений эксперта.

2.9. Дефекты в организации и планировании экспертного исследования. Эти дефекты могут быть следствием неправильной деятельности руководителя СЭУ при организации производства комиссионных и комплексных экспертиз; дефектными могут быть организация и планирование экспертного исследования самим экспертом, его осуществляющим. И в том и в другом случае причины носят субъективный характер, но относятся к разным субъектам: в первом случае они лежат как бы вне самого процесса экспертного исследования, во втором — коренятся в самом этом процессе.

Пути и средства обнаружения, исправления и предупреждения экспертных ошибок с учетом специфики отдельных родов и видов судебных экспертиз требуют специального рассмотрения; здесь же ограничимся лишь некоторыми общими замечаниями.

Экспертные ошибки могут быть обнаружены:

- ◆ а) при проверке самим экспертом хода и результатов проведенного им исследования на любой его стадии, и в особенности на стадии формулирования выводов;
- ◆ б) при анализе и обсуждении результатов экспертного исследования, осуществляемого комиссией экспертов (однородная и комплексная комиссионные экспертизы);
- ◆ в) при анализе экспертом заключений предшествующих экспертиз;
- ◆ г) при проверке хода и результатов экспертного исследования руководителем экспертного подразделения или учреждения; д) следователем, присутствующим при производстве экспертизы;
- ◆ е) при оценке заключения следователем или судом (первой, кассационной или надзорной инстанций).

В случаях, перечисленных в пп. “а”-“г” вмешательства органа, назначившего экспертизу, как правило, не требуется. Если эксперт (эксперты),

осуществляющий повторную экспертизу, обнаруживает ошибку в заключении предшествующей экспертизы, то он принимает меры к недопущению подобной ошибки в своем исследовании и учитывает ее при объяснении различий между своими выводами и выводами предшествующей экспертизы. Если ошибка замечена следователем, присутствующим при производстве экспертизы, то он ставит об этом немедленно в известность эксперта. Однако на практике подобная ситуация практически чрезвычайно редка. Типичным является обнаружение экспертных ошибок следователем и судом при оценке экспертных заключений. В этом случае, если ошибка не влияет на выводы эксперта, она может быть нейтрализована или устранена путем допроса эксперта или назначением дополнительной экспертизы. В противном случае возможно назначение повторной экспертизы.

Наконец, экспертные ошибки могут быть обнаружены в процессе обобщения экспертной практики, осуществляемого в практических или научных целях. Существенное для судопроизводства значение имеет обнаружение лишь тех ошибок, которые повлекли неправильный вывод эксперта и остались незамеченными при оценке заключения следователем или судом. Если такое заключение легло в основу процессуального решения, определяющего судьбу дела (постановление о прекращении дела, приговор), руководитель экспертного учреждения обязан поставить в известность об обнаруженной экспертной ошибке орган, назначивший экспертизу, или суд, рассматривающий дело по существу, а после вынесения приговора — соответствующую судебную инстанцию или прокуратуру.

9. УЧЕНИЕ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ВЕРСИИ И ПЛАНИРОВАНИИ СУДЕБНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

9.1. Развитие учения о криминалистической версии и планировании судебного исследования

Начало разработки учения о криминалистической версии и планировании судебного исследования относится к двадцатым годам и связано с работами В. И. Громова. Изданная в 1925 г. под редакцией и с предисловием Н. В. Крыленко его работа “Дознание и предварительное следствие (теория и техника расследования преступлений)” содержала первые в советской литературе рекомендации по планированию расследования и построению умозаключений при работе с доказательствами.

Подчеркивая значение планирования расследования как существенного элемента научной организации труда следователя, В. И. Громов писал, что если составление плана расследования (он именуется им «памяткой») «не имеет особого значения по мелким и несложным делам, то по делам с большими и неразработанными материалами дознания это представляется безусловно необходимым, так как надеяться на свою память без записей по таким делам весьма рискованно»¹. Предложенная им форма письменного плана расследования содержала, помимо указания порядкового номера, следующие графы: “Какие действия предположены или назначены”, “На какой день”, “Отметки об исполнении”. Кроме того, В. Г. Громов рекомендовал следователю вести календарный месячный дневник, отражающий последовательность и содержание его работы по всем делам, находящимся у него в производстве².

¹ Громов Вл. Дознание и предварительное следствие (теория и техника расследования преступлений). М., 1925, с. 65.

² Там же, с. 67.

Описывая логическую сторону процесса расследования, В. И. Громов указывал, что следователь пользуется индуктивным и дедуктивным методами суждений. По его мнению, индуктивный вывод принимается следователем за несомненную истину. Дедуктивный вывод позволяет выдвинуть предположение, “высказывая общее более или менее вероятное суждение, которое при дальнейшем исследовании, по нашему мнению, должно подтвердиться на обследуемом факте”³.

Оценивая весьма невысоко роль вероятных умозаключений в доказывании, ставя их на одну доску с догадками, В. И. Громов писал: “Строить заключение или предпринимать те или другие меры при расследовании, исходя из вероятных предположений и догадок, возможно лишь в тех случаях, когда нет возможности построить выводы из точно установленных фактов и когда для этих предположений имеются какие-нибудь косвенные реальные данные... Но во всех этих случаях, проверяя возникшее предположение, особенно направленное к изобличению какого-либо только предполагаемого, “возможного” виновника, следователь не должен отходить и закрывать глаза на факты и моменты, которые уже точно установлены дознанием или следствием и которые не должны отрицаться новыми фактами и им противоречить”⁴.

В последующих работах В. И. Громов уточнил и развил изложенные положения. Он пришел к выводу, что гипотеза может быть построена и индуктивным методом, что всякая гипотеза, выдвинутая при расследовании уголовного дела, должна удовлетворять следующим требованиям:

- 1) она должна основываться на хотя бы и не достаточных фактических данных;
- 2) она не должна противоречить соображениям о фактах, логически допустимых и возможных в данных условиях;
- 3) она должна допускать возможность проверки.

“Построение такой гипотезы, которая противоречит логике вещей или вообще является нелепой и не нуждается в проверке, или даже по существу не допускает возможности проверки, — конечно, было бы напрасной потерей времени, а в иных случаях могло бы только отвлечь внимание лица, производящего расследование, от конкретных фактов, анализ и оценка которых могли бы привести его надежными путями к установлению достоверных доказательств”⁵.

³ Там же, с. 53.

⁴ Там же, с. 55.

⁵ **Громов Вл.** Методика расследования преступлений. М., 1929, с. 80.

По смыслу рассуждений В. И. Громова можно сделать вывод, что он считал упоминаемые им гипотезы логической основой планирования расследования⁶.

Насколько нам удалось установить, термин “версия” был впервые употреблен авторами учебника по криминалистике 1935 г. Они не рассматривали логическую природу версии и ограничились указаниями на то, что версии лежат в основе плана расследования и выдвигаются на втором этапе расследования — после проведения первоначальных следственных действий, если с их помощью следователь “все же не получает определенных указаний о личности и местонахождении преступника”⁷.

Последовательность работы следователя при составлении плана авторы учебника определили следующим образом:

- ◆ “а) оценка собранного материала с обязательным выяснением и учетом социально-политической обстановки, в которой совершилось преступление;
- ◆ б) определение возможных версий расследования;
- ◆ в) наметка вопросов, которые надо выяснить, чтобы проверить каждую из этих версий;
- ◆ г) наметка следственных действий, которые надо произвести, чтобы выяснить эти вопросы;
- ◆ д) определение сроков совершения этих следственных действий”⁸.

По мнению авторов учебника, перечень следственных действий, необходимых для проверки версий, и образует собой план расследования⁹.

Разумеется, все эти положения еще не составляли частной криминалистической теории. Это была сумма практических рекомендаций, основывающихся на известном обобщении накопленного к тому времени опыта следственной работы. Относились они не ко всему судебному исследованию, а лишь к его части — следственной деятельности.

Следующий шаг на пути разработки проблематики версий и планирования расследования был сделан С. А. Голунским. В учебнике по криминалистике 1938 г. его перу принадлежал уже специальный раздел, названный “Планирование расследования”, в котором он сформулировал основные цели, условия и принципы планирования расследования и

⁶ Там же, с. 79.

⁷ Криминалистика. М., 1935, с. 141.

⁸ Там же, с. 144.

⁹ Там же, с. 143.

изложил указания об особенностях планирования при расследовании различных категорий уголовных дел и на разных этапах расследования.

По мнению С. А. Голунского, основные цели планирования расследования заключаются в том, чтобы обеспечить правильную направленность, меткость, высокую эффективность, полноту, всесторонность и максимальную быстроту расследования. Условиями правильного планирования расследования являются правильное ориентирование в той политической обстановке, в которой было совершено преступление, правильная оценка значения самого преступления, знание того, что нужно установить по делу, какие доказательства следует искать, знание процессуальных форм, технических и тактических приемов доказывания, умение пользоваться версиями расследования.

Основные принципы планирования расследования состоят в том, что:

- ◆ а) при планировании всегда следует исходить из оценки политического значения преступления и анализа той социально-политической обстановки, в которой оно было совершено;
- ◆ б) план следует строить так, чтобы обеспечить быстроту собирания основного для данного дела доказательственного материала;
- ◆ в) план должен предусмотреть собирание материала, который давал бы ответ на вопросы семичленной римской формулы;
- ◆ г) все расследование может быть разделено на две основные части, которые можно условно назвать общим и специальным расследованием (до и после предъявления обвинения конкретному лицу)¹⁰.

Процесс планирования расследования С. А. Голунский разделил на четыре стадии. Первая стадия — выдвижение тех фактически обоснованных версий, которыми может быть объяснено данное преступление; вторая стадия — определение по каждой из намеченных версий круга тех вопросов, которые надо выяснить, чтобы данную версию проверить; третья — определение круга следственных действий, необходимых для выяснения этих вопросов; наконец, четвертая стадия — определение сроков выполнения каждого из намеченных следственных действий¹¹.

Ни в одной из упомянутых нами работ не содержится ни определения версии, ни определения планирования расследования. Первое определение версии было предложено Б. М. Шавером в 1940 г. и выглядело следующим образом: «Под версией понимается основанное на материалах дела предположение следователя о характере расследуе-

¹⁰ Криминалистика. Техника и тактика расследования преступлений. М., 1938, сс. 329-337.

¹¹ Там же, сс. 341-342.

мого преступления, мотивах, в силу которых оно совершено, и лицах, которые могли совершить преступление”¹².

Как и его предшественники, Б. М. Шавер рассматривал вопросы, относящиеся к основаниям и содержанию версии, в неразрывной связи с рекомендациями по планированию расследования и считал разработку версий началом оставления плана расследования.

Таково было состояние рассматриваемой проблематики на первом и в начале второго этапа развития советской криминалистической науки.

Первые послевоенные работы отечественных криминалистов немногочисленно добавили к содержанию формирующегося учения о криминалистической версии и планировании судебного исследования. По-прежнему внимание в них акцентировалось лишь на следственной версии и планировании предварительного следствия. Автор главы “План следствия по конкретному делу” в “Настольной книге следователя” (1949) Т. М. Арзуманян по-своему изложил принципы планирования, к числу которых он отнес динамичность, гибкость и реальность. Он определил версию как основанное на фактах предположение следователя, исследование которого может обеспечить раскрытие преступления и изобличение преступника¹³.

В 1952 г. П. И. Тарасов-Родионов предложил иной перечень принципов планирования, включив в него индивидуальность планирования, его своевременность, динамичность и строжайшее соблюдение законности с обеспечением объективности, всесторонности, быстроты, инициативности и активности расследования. Рассматривая версии как элемент планирования расследования, П. И. Тарасов-Родионов классифицировал их на версии по существу преступного события и характеру преступления; по способу и обстоятельствам совершения преступления; по лицам, совершившим преступление; по характеру вины и по мотивам совершения преступления¹⁴. Это была первая классификация следственных версий.

С середины 50-х гг. интерес советских криминалистов к проблеме версии заметно усилился, но по-прежнему эта проблема исследовалась преимущественно в связи и в рамках вопросов планирования предварительного расследования, хотя уже выдвигались предложения о ее самостоятельном изучении¹⁵.

¹² Шавер Б. М., Винберг А. И. Криминалистика, М., 1940, с. 76.

¹³ Настольная книга следователя. М., 1949, с. 115.

¹⁴ Криминалистика. Ч. 2. М., 1952, сс. 22, 24-25.

¹⁵ “Вызывает сомнение и обычное рассмотрение в криминалистической литературе вопроса о построении версий среди других вопросов планирования след-
см. след. стр.

В 1954-55 гг. в литературе начинают фигурировать термины “судебная версия”¹⁶, “следственная версия”¹⁷. Обосновывается мнение, что версия является разновидностью гипотезы, предлагаются новые определения версии и классификации ее видов. Так, В. И. Терещилов пришел к выводу, что под следственной версией следует понимать лишь предположения об основных обстоятельствах преступления в отличие “от иных предположений, выдвигаемых в большом количестве в отношении множества других фактов и обстоятельств, связанных с делом”¹⁸. Это положение оспорил А. Н. Васильев, указавший, что понятие “следственная версия” может быть выделено по другому признаку: по субъекту, принявшему версию к проверке¹⁹. С. А. Голунский определил версию как обоснованное установленными данными предположение относительно возможного объяснения данного факта или группы фактов и их значения для дела²⁰, А. Р. Шляхов — как основанное на фактах предположение следователя о сущности и причине исследуемых в процессе расследования событий²¹.

ствия, — писал А. А. Пионтковский. — Хотя планирование тесным образом связано с выдвижением версий, однако по своей природе выдвижение следственных версий как орудия познания объективной истины является самостоятельным и одним из наиболее ответственных этапов следственной работы” (*Пионтковский А. А.* К вопросу о теоретических основах советской криминалистики. — В кн.: Советская криминалистика на службе следствия, вып. 6. М., 1955, с. 28).

Оспаривая этот тезис А. А. Пионтковского, А. Н. Колесниченко подчеркивал единство процесса мышления в форме гипотезы, включающего накопление и изучение фактического материала, высказывание предположений о причинных и иных связях, выведение из них следствий и их проверку. Он утверждал, что этот единый процесс нельзя разделить на две части, отнеся первые два момента к версиям, а третий — к планированию (*Колесниченко А. Н.* Роль следственных версий и построение их при расследовании преступлений. — Ученые записки Харьковского юрид. ин-та, вып. IX. Харьков, 1957, с. 165).

¹⁶ *Никренц О. В.* Судебная версия как разновидность гипотезы. Автореф. и дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1954.

¹⁷ *Терещилов В. И.* Разработка следственных версий и планирование следствия. — В кн.: Расследование убийств. М., 1954, с. 120; *Терещилов В. И.* К вопросу о следственных версиях и планировании расследования. — В кн.: Советская криминалистика на службе следствия, вып. 6. М., 1955, с. 110.

¹⁸ Там же, с. 110.

¹⁹ *Васильев А. Н.* Общие вопросы планирования предварительного расследования. — В кн.: Планирование расследования преступлений. М., 1957, с. 41.

²⁰ *Голунский С. А.* Планирование расследования. — В кн.: Советская криминалистика на службе следствия, вып. 10. М., 1958, с. 13.

²¹ *Шляхов А. Р.* Планирование предварительного следствия. М., 1957, с. 13.

По классификации А. Н. Васильева, следственные версии делятся на общие, по элементам состава преступления и частные²², по классификации А. Р. Шляхова, — на общие и частные²³. Но и тот и другой, как в последующем С. А. Голунский, В. В. Братковская²⁴ и ряд других авторов, не отрывают теорию версии от теоретических положений планирования расследования и рассматривают их как единое теоретическое построение.

Хотя на заседаниях Совета ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР, посвященных вопросам системы советской криминалистики и месту в ней следственной тактики, высказывалось мнение о разработке самостоятельной теории версии как раздела криминалистики, большинство ученых разделило точку зрения А. Н. Васильева о том, что «разработка проблемы следственных версий может быть плодотворной только в сочетании с вопросами планирования, так как само планирование тесно и органически связано с выдвижением и проверкой версий»²⁵. Эту позицию разделял в то время и Г. Н. Александров. Однако в 1959 г. он изменил свои взгляды. В статье «Версия» он писал: «Основная ошибка, которую допускают некоторые авторы, заключается в том, что версия рассматривается ими не самостоятельно, а в качестве элемента, составной части плана расследования. Поэтому вопросы версии не приобретают проблемного характера и освещаются преимущественно в работах, посвященных планированию расследования. Ни в какой мере не умаляя важного значения и роли плана в следственной работе, мы тем не менее считаем, что подобное смешение понятий версии и плана расследования приводит к умалению значения версии в расследовании преступлений... Версию не следовало бы помещать ни в раздел тактики, ни в какой-либо другой раздел криминалистики. Необходимо создать самостоятельный специальный раздел криминалистики — учение о версии (разрядка наша — *Р. Б.*)»²⁶.

Предложение Г. Н. Александрова поддержки не получило. Хотя впоследствии появился ряд работ, специально посвященных криминалистической версии, их авторы неизменно связывали проблемы версии с

²² *Васильев А. Н.* Общие вопросы планирования..., с. 40.

²³ *Шляхов А. Р.* Планирование предварительного следствия, с. 14.

²⁴ *Братковская В. В.* Построение версий и планирование расследования по делам о хищениях в торгующих организациях. — В кн.: Советская криминалистика на службе следствия, вып. 11. М., 1958.

²⁵ *Васильев А. Н.* О тактике следствия. — В кн.: Советская криминалистика на службе следствия, вып. 7. М., 1956, с. 151.

²⁶ *Александров Г. Н.* Версия. — Соц. законность, 1959, № 10.

планированием расследования как в теоретическом, так и в практическом отношениях. Из этого следовало, что разработка вопросов версии неизбежно влекла за собой разработку в том или ином аспекте вопросов планирования расследования в рамках единой частной криминалистической теории — учения о криминалистической версии и планировании судебного исследования. Такая направленность научных исследований в рассматриваемой области представляется нам правильной по следующим основаниям.

I. Выдвижение, формулирование криминалистических версий — не самоцель для следователя, суда, оперативного работника, эксперта. Это необходимая предпосылка, *conditio sine qua non* организации и осуществления их работы по установлению истины. Само по себе выдвижение версий еще не имеет практического значения и не влечет никаких последствий. Поэтому и теоретические основы процесса выдвижения версий не могут играть роли самостоятельной теории, ибо отражают лишь одну — начальную — фазу процесса умозаключений субъекта выдвижения версии. Вслед за выдвижением версии идет фаза выведения из версии всех необходимых следствий, а это уже определение “опорных пунктов” исследования, то есть элемент его планирования. Затем — определение подлежащих проведению следственных, судебных, оперативно-розыскных действий и т. д.

II. Признавая версию “основой”, “ядром”, “направляющим началом” и т. п. планирования судебного исследования, мы не можем отрывать теорию этой “основы”, этого “ядра” от теории его “оболочки”, то есть теории планирования судебного исследования, ибо в противном случае теория планирования лишится своих исходных положений, окажется выхолощенной и низведенной до уровня совокупности прагматических положений.

III. К выводу о единстве теоретических основ версии и планирования судебного исследования приводит и системно-структурный анализ этих явлений. Определяя направление всего процесса судебного исследования и его составных частей, обуславливая это направление логически, версия тем самым служит логическим обоснованием содержания плана расследования, плана судебного следствия и т. п., его исходной посылкой. Образуется единая, неразрывно связанная система: объясняемое (наличные фактические данные) — объяснение (версия) — гипотетическая система необходимых аргументов объяснения (следствия из версии) — доказательство или опровержение объяснения (установленные фактические данные). Ни одно звено в этой системе не функционирует в отрыве от других звеньев и не может быть теоретически объяснено изолированно от них ни гносеологически, ни функционально. Это, разумеется, не означает, что при исследовании одного из элементов системы

невозможно абстрагироваться от остальных. Но такое абстрагирование оправдывается лишь познавательными и методическими целями и в конечном счете приводит только к укреплению целостности системы.

Современное состояние учения о криминалистической версии и планировании судебного исследования характеризуется осуществлением научных исследований по всему фронту проблем этой теории с широким привлечением положений смежных областей знания — философии, логики, психологии, науки управления и др. При этом заметный акцент делается на проблему версии как на ключевую проблему этой теории в целом; вопросы собственно планирования судебного исследования исследуются больше в организационном и техническом, нежели в теоретическом, аспектах.

Обширна литература вопроса. Начиная с 1952 г., проблематике учения о криминалистической версии и планировании судебного исследования полностью или частично посвящены кандидатские диссертации А. Н. Колесниченко (1952), О. В. Никренц (1954), Б. Е. Богданова (1956), А. Р. Шляхова (1956), И. М. Лузгина (1959), Л. Я. Драпкина (1972), Г. В. Арцишевского (1973), Н. Л. Гранат (1973), В. Н. Сущенко (1985) и других. Эта проблематика исследовалась в докторских диссертациях А. Н. Васильева, Л. Е. Ароцкера, И. М. Лузгина, А. Р. Ратинова, А. А. Эйсмана и других, в монографиях А. М. Ларина, А. Н. Васильева, И. М. Лузгина, Н. А. Якубович, М. С. Строговича, А. И. Винберга, Л. Е. Ароцкера, О. Я. Баева, И. А. Возгриня, И. Ф. Герасимова, В. А. Образцова, автора этих строк и иных криминалистов и процессуалистов. Несмотря на обилие литературных источников (а может быть, и в силу этого), ряд положений рассматриваемого учения носит дискуссионный характер. Это относится, естественно, в первую очередь, к понятийной и классификационной частям данной теории.

9.2. Понятийный и классификационный аппарат учения: криминалистическая версия

К числу центральных понятий учения о криминалистической версии и планировании судебного исследования относятся понятия криминалистической версии и ее разновидностей, природы криминалистической версии, ее базы (оснований для построения), планирования элементов судебного исследования, его принципов и условий, плана расследования.

Понятие криминалистической версии. Как уже указывалось, первое определение версии было предложено Б. М. Шавером в 1940 г. Все последующие определения, в зависимости от того, на чем делался акцент их авторами, можно подразделить на логические, содержательные и функциональные. В первых раскрывается природа версий, во вторых делается упор на характеристику объектов, объясняемых версией, в третьих — на ее функциональную роль в доказывании.

Логические определения криминалистической версии, в целом, сводятся к указанию на то, что версия является разновидностью гипотезы либо сходна с ней. “Версия в судебном исследовании, — пишет А. А. Старченко, — есть не что иное, как одна из гипотез, одно из возможных предположений, объясняющих происхождение или свойства отдельных обстоятельств преступления или событие преступления в целом”²⁷. Эту же мысль высказал и М. С. Строгович: “По своей логической структуре версия является видом, формой гипотезы, и проверка каждой версии происходит тем же путем, каким проверяются гипотезы в любой области научной и практической деятельности”²⁸. Аналогичные позиции заняли А. Н. Васильев, А. Р. Шляхов, И. М. Лузгин, А. М. Ларин, А. А. Эйсман и некоторые другие авторы²⁹.

Вторая точка зрения на логическую природу версии, на первый взгляд, близка к изложенной, а иному читателю может показаться и тождественной ей. Она заключается в том, что версия объявляется категорией, сходной с гипотезой. “Всякая версия по своей логической природе сходна с тем, что в науке называют гипотезой”, — писал С. А. Голунский³⁰. Но, указывая в общей форме на сходство с гипотезой, сторонники этой точки зрения основное внимание обращают на выявление

²⁷ **Старченко А. А.** Логика в судебном исследовании. М., 1958, с. 76.

²⁸ **Строгович М. С.** Курс советского уголовного процесса, т.1. М., 1968, с. 300.

²⁹ **Васильев А. Н.** Основы следственной тактики. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1960, с. 13; **Васильев А. Н.** Следственная тактика. М., 1976, с. 53; **Шляхов А. Р.** Следственные версии, их виды, приемы построения и проверки. — В кн.: Теория и практика криминалистической экспертизы. Сб. 8. М., 1961, с. 49; **Лузгин И. М.** Построение и проверка версии при производстве расследования по уголовному делу. — В кн.: Вопросы криминалистики, вып. 8-9. М., 1963, с. 5; **Лузгин И. М.** Методологические проблемы расследования. М., 1973; **Ларин А. М.** От следственной версии к истине. М., 1976, с. 98; **Филиппов А. Г.** Некоторые дискуссионные вопросы учения о криминалистической версии. — Версии и планирование расследования. Свердловск, 1985, с. 17; Криминалистика. СПб., 1995, с. 44 и др. работы.

³⁰ **Голунский С. А.** Планирование расследования. — В кн.: Советская криминалистика на службе следствия, вып. 10. М., 1958, с. 14.

ние отличий от гипотезы вообще, а не от какой-либо из ее разновидностей. Так, в той же работе С. А. Голунский писал, что отличие версии от гипотезы заключается в характере объясняемых ими фактов и в степени их научной обоснованности³¹. Г. В. Арцишевский считает, что следственную версию от гипотезы (вообще, а не какой-либо ее разновидности) отличают процессуальный порядок проверки; динамичный, поисковый характер; возможность активного противодействия ее проверке со стороны заинтересованных лиц; содержание (юридически важные обстоятельства дела). Затем он говорит об отличии версии от научной гипотезы, заключающемся в том, что последняя не всегда может быть подтверждена достигнутым уровнем практики³².

Мы полагаем, что внутренние противоречия приведенной позиции названных авторов по вопросу о логической природе версии коренятся в том, что под гипотезой они понимали лишь одну ее разновидность — научную гипотезу, — отличия от которой и стремились показать при характеристике версии. Между тем, помимо научной гипотезы, в логике различают еще и частную и рабочую гипотезы.

Научная гипотеза — это предположение о закономерностях развития общества, природы или мышления, то есть о явлениях, имеющих общий характер. В отличие от научной **частная гипотеза** относится к какому-либо одному или нескольким фактам, явлениям, объясняет только их. **Рабочая**, или временная, **гипотеза**, касаясь, как и частная, одного факта или группы фактов, является, в отличие от частной гипотезы, их условным объяснением, носящим временный характер и используемым лишь для дальнейшего исследования.

Представляется наиболее правильным рассматривать версию как разновидность частной гипотезы. Объясняя сущность, происхождение и связи отдельных фактов, версия, как иная частная гипотеза, не претендуя на установление законов природы, общества, мышления, имеет значение только для данного случая³³.

³¹ Там же.

³² **Арцишевский Г. В.** Следственные версии. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1973, сс. 7-8; **Арцишевский Г. В.** Выдвижение и проверка следственных версий. М., 1978. Вопрос о том, какого вида гипотезой является версия, автор обошел.

³³ Таковы взгляды на логическую природу версии М. С. Строговича и А. А. Старченко (**Строгович М. С.** Логика. М., 1947, с. 308; **Старченко А. А.** Указ. работа, с. 76).

Следственную версию иногда рассматривают как разновидность рабочей гипотезы³⁴. Очевидно, здесь определенную роль играет привлекательность самого термина. Однако такой взгляд на природу версии представляется ошибочным. Рабочая гипотеза представляет собой временное, переходное объяснение факта или явления, объяснение, требуемое лишь для данного этапа исследования. Криминалистическая версия не носит временного характера. Будучи выдвинутой, она претендует на истинность, то есть постоянство объяснения. Версии заменяются другими не потому, что они носят временный характер, а потому, что они опровергнуты как ложные.

Признавая версию частной гипотезой, мы в то же время должны прийти к выводу, что версия составляет самостоятельную разновидность частной гипотезы, отличающуюся от других ее разновидностей. Все то, что говорится в литературе об отличии версии от гипотезы вообще или от научной гипотезы в частности, следует рассматривать под углом зрения частногипотетической природы версии. Суммируя эти отличия, названные в работах С. А. Голунского, И. М. Лузгина, А. М. Ларина, Г. В. Арцишевского, можно сказать, что версия отличается от **иных частных** гипотез тем, что она:

- ◆ конструируется и используется в **специфической сфере общественной практики** — уголовном судопроизводстве;
- ◆ объясняет факты и обстоятельства, имеющие значение для **установления истины по делу**;
- ◆ должна быть проверена в **ограниченный законом срок**;
- ◆ проверяется **специфическими методами**, обусловленными законом;
- ◆ проверяется в условиях, когда возможно **активное противодействие** такой проверке со стороны заинтересованных в сокрытии истины лиц.

Как легко убедиться, отличия версии от иных частных гипотез отражают общие отличия судебного исследования от исследования научного.

С несколько иных позиций подошел к определению логической природы версии А. Ф. Зелинский. Он считает, что версия может быть как гипотезой, так и прогнозом: «Когда выдвигается предположительное объяснение известному обстоятельству, имеет место гипотеза. Когда на основании этих гипотез и установленных фактов выдвигается вероятностное суждение о неизвестном в данное время факте, происходит про-

³⁴ **Теребилев В. И.** Указ. работа, с. 104; **Дубровицкая Л. П., Лузгин И. М.** Планирование расследования. М., 1972, с. 14.

гнозирование»³⁵. Правда, в последующих своих рассуждениях он сузил свое представление о версии как разновидности прогноза, обращенного в прошлое, лишь предположениями в отношении виновности конкретного лица. По его мнению, это есть не что иное, как прогнозирование индивидуального поведения в момент расследуемого события. Такой подход, как считал А. Ф. Зелинский, теоретически обосновывает использование методологии индивидуального прогнозирования для построения версий³⁶.

Думается, что с доводами А. Ф. Зелинского едва ли можно согласиться. Во-первых, представляется более верным точка зрения тех авторов, которые считают, что прогноз всегда обращен в будущее, а не в прошлое, как версия³⁷. Версия объясняет уже случившееся, существовавшее или существующее, но такое существующее, причина которого лежит в прошлом, связана с преступлением, то есть с тем, что для следователя или другого субъекта судебного исследования лежит в прошлом. Во-вторых, как уже отмечалось, не всякое предположение следует считать версией. Умозаключения, которые мы строим на основе версии, тоже носят предположительный характер: они базируются на допущении, что версия верна. О прогнозе можно говорить как раз применительно к этим умозаключениям — следствиям из версии. Их выведение, действительно, носит прогностический характер: прогнозируется возможность их установления, их обнаружения в будущем — при осуществлении планируемых для этой цели следственных действий. Правда, с некоторой натяжкой можно говорить о прогностическом характере розыскных версий следователя, содержащих, скажем, предположения о путях будущего (по отношению к моменту выдвижения версии) перемещения разыскиваемого лица³⁸.

Сказанное отнюдь не означает, что мы отрицаем возможность использования методики криминологического прогноза в криминалистике и следственной практике, в частности, методики прогнозирования, пред-

³⁵ **Зелинский А. Ф.** Некоторые теоретические вопросы индивидуального прогноза и следственной версии. — В кн.: проблемы предварительного следствия, вып. 2. Волгоград, 1973, с. 117.

³⁶ Там же, с. 119.

³⁷ **Бестужев-Лада И. В.** Окно в будущее. Современные проблемы социального прогнозирования. М., 1970, с. 14; **Аванесов Г. А.** Криминология. Прогностика. Управление. Горький, 1975, сс. 124-125; **Глезерман Г. Е.** В. И. Ленин и проблемы научного предвидения. — Вопросы философии, 1969, №4, сс. 27-28.

³⁸ **Драпкин Л. Я.** Построение и проверка следственных версий. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1972, с. 19.

видения индивидуального поведения. С нашей точки зрения, эту методику можно использовать с двоякой целью:

1. На основе данных о личности, относящихся ко времени, предшествующему моменту совершения преступления, можно прогнозировать возможное поведение этой личности во время расследуемого события и таким образом решать вопрос: «Мог ли этот человек с его личными особенностями, мировоззрением и установками при данных обстоятельствах совершить инкриминируемое ему преступление?»³⁹ Здесь не нарушается наше представление о прогнозе как о предположении, обращенном в будущее, так как прогноз направлен от более далекого прошлого к менее далекому, то есть по отношению к исходным для прогноза данным — в будущее.

2. Для криминалистического прогноза о возможном поведении данного человека в будущем, в ходе расследования, при существующей или измененной следственной ситуации. В этом случае использование методики криминологического прогнозирования ничем принципиально не отличается от иных вариантов использования криминалистикой данных и других наук для разработки своих рекомендаций практике⁴⁰.

Являясь по своей природе гипотезой, предположительным объяснением факта, явления, версия в то же время не может быть отождествлена с любым предположением, возникшим в процессе доказывания. Отличия версий от иных предположений определяются прежде всего ее содержанием.

Содержательные определения криминалистической версии акцентируют внимание на круге и характеристике объясняемых версией объектов (фактов, явлений). Высказываемые по этому поводу мнения сводятся, в сущности, к двум точкам зрения на содержание криминалистической версии.

Согласно первой и наиболее распространенной из них криминалистическая версия по своему содержанию может относиться как ко всему событию в целом, ко всей совокупности имеющихся и подлежащих объяснению фактов, так и к отдельным элементам, обстоятельствам события, группам фактов и даже единичным фактам. Такого мнения придерживаются А. И. Винберг, Г. М. Миньковский, Р. Д. Рахунов⁴¹, А. Н. Васильев⁴², И. М. Лузгин⁴³, И. Ф. Пантелеев⁴⁴, А. А. Эйсман⁴⁵, С. И.

³⁹ **Зелинский А. Ф.** Указ. работа, с. 119.

⁴⁰ Подробнее о криминалистическом прогнозировании см. гл. 11 данного тома.

⁴¹ **Винберг А. И., Миньковский Г. М., Рахунов Р. Д.** Косвенные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1956, с. 86.

⁴² **Васильев А. Н.** Следственная тактика. М., 1976, с. 55.

⁴³ См. **Лузгин И. М.:**

см. след. стр.

Медведев⁴⁶ и большинство других криминалистов и процессуалистов. Так, еще в 1960 г. А. Н. Васильев писал, что версия — это предположение “о наличии преступления в исследуемом событии, его характере, элементах состава преступления, отдельных обстоятельствах и их значении, а также о виновных лицах, формах вины, мотивах и целях преступления”⁴⁷.

Толчком к формированию второй точки зрения послужил тезис В. И. Теребилова о существовании версий вообще как предположительного объяснения любого факта в процессе расследования и следственных версий — предположений относительно “основных, наиболее существенных обстоятельств, которые в совокупности образуют то, что в уголовном праве носит наименование — состав преступления”⁴⁸. Разделяя эту позицию, Г. В. Арцишевский пришел к выводу, что версия расследования или следственная версия есть “предположение в отношении еще не установленного существа расследуемого события или еще не установленных признаков состава преступления”⁴⁹ и что версией может именоваться лишь то предположение, которое основано на всей совокупности известных фактов, а не на одном каком-либо из них. Позднее, развивая эту мысль, он писал: “Целесообразно сохранить наименование “следственной версии” только за общими предположениями, представляющими собой различные варианты “системных” объяснений реально

-
- Построение и проверка версии при производстве расследования по уголовному делу. — В кн.: Вопросы криминалистики, вып. 8-9. М., 1963, с. 5;
 - Расследование как процесс познания. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1968, с. 20;
 - Методологические проблемы расследования. М., 1973;
 - Логика следствия. М., 1976, с. 50.

⁴⁴ **Пантелеев И. Ф.** Криминалистическая версия. — В кн.: Криминалистика. М., 1995, с. 71.

⁴⁵ **Эйсман А. А.** Логика доказывания. М., 1971, с. 98.

⁴⁶ **Медведев С. И.** Негативные обстоятельства и их использование в раскрытии преступлений. Волгоград, 1973, с. 24.

⁴⁷ **Васильев А. Н.** Основы следственной тактики. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1960, с. 15.

⁴⁸ **Теребилов В. И.** К вопросу о следственных версиях и планировании расследования. — В кн.: Советская криминалистика на службе следствия, вып. 6. М., 1955, с. 109.

⁴⁹ **Арцишевский Г. В.** Понятие версии расследования. — В кн.: Вопросы криминалистики, вып. 6-7. М., 1962, с. 20.

существующей “системы” объективных обстоятельств проверяемого события”⁵⁰. Аналогичны взгляды и Г. Н. Александрова⁵¹.

К высказанным уже нами критическим замечаниям по поводу данной концепции⁵² можно добавить следующее.

Совокупность исходных данных не имеет абсолютного значения, не зависимо от того, для построения какого предположения они являются исходными. Границы совокупности определяются уровнем построенного на этих исходных данных предположения. Если совокупность всех вообще данных, известных к моменту выдвижения версии, назвать генеральной совокупностью, то в рамках последней можно выделить совокупности, объединяющие меньшее число данных. Построенные на их основе версии будут относиться к версии, охватывающей генеральную совокупность, как части к целому. Но каждая такая версия (их, как известно, именуют частными) будет охватывать **полностью** свою совокупность исходных данных, то есть обладать тем самым признаком “полного использования исходных данных”, который Г. В. Арцишевский считает “обязательным признаком следственной версии и в силу логических требований к гипотезе”⁵³. Именно благодаря такому подвижному пониманию совокупности исходных данных и возможно существование гипотез разных уровней.

Рассматриваемый вопрос имеет еще один аспект исследования. Речь идет о том, каким признаком должны обладать исходные данные и факты, в отношении которых строятся версии. Мы полагаем, что этим признаком является относимость к делу, связь с предметом доказывания.

Резюмируя сказанное, можно сделать следующие выводы.

Версия — это обоснованное предположение о факте, явлении. В процессе доказывания в отношении исследуемых фактов могут возникать различные предположения, суждения, догадки. Но эти предположения только тогда могут стать версией, когда они основаны на известных фактических данных, базируются и объясняют всю соответствующую совокупность таких данных. В этом находит свое выражение такой признак криминалистической версии, как ее **реальность** в данных обстоятельствах места и времени.

⁵⁰ **Арцишевский Г. В.** Выдвижение и проверка следственных версий. М., 1978, с. 13.

⁵¹ **Александров Г. Н.** Некоторые вопросы теории криминалистической версии. — В кн.: Вопросы криминалистики, вып. 3. М., 1962.

⁵² **Р. С. Белкин.** Версии в доказывании. — В кн.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая. М., 1966, с. 318.

⁵³ **Арцишевский Г. В.** Указ. автореферат, с. 9.

Версия — это предположение о факте, явлении, относящемся к делу. Не могут считаться версиями предположительные объяснения фактов, никак не связанных с предметом доказывания. В этом находит свое проявление другой признак версии — ее **относимость**.

Содержательная характеристика версии неразрывно связана с ее функциональным определением.

Функциональные определения версии преследуют цель выявления ее роли в судебном исследовании в целом, в расследовании, производстве экспертиз и т. п.

Существуют три аспекта рассмотрения функционального значения версии: гносеологический, организационный и тактический.

С гносеологической точки зрения версию рассматривают как метод (или средство) познания истины в уголовном судопроизводстве. “Как метод познания, — пишет И. М. Лузгин, — версии обеспечивают установление и исследование связей между сложными юридическими конструкциями, существующими в виде абстракций, отображающих конкретные “живые” факты объективной действительности”⁵⁴. Такой взгляд на версию оправдан ее логической природой. Однако если быть точным, то следует признать, что сама по себе версия не является средством приращения знания, средством перехода от вероятности к достоверности в судебном исследовании. Такую роль играет процесс проверки версии.

А. М. Ларин прав, когда рассматривает версию как “весьма специфическое, сложное, отнюдь не зеркальное отражение” (образ) действительности. В этом отражении результаты восприятия следов события вступают в сложное активное взаимодействие со всей суммой знаний, почерпнутых следователем из своего личного опыта, коллективной практики, положений науки. На этой базе возникают новые образы события, реально несовместимые, но сосуществующие в сознании следователя. “Такое состояние — необходимая предпосылка дальнейшей практической познавательной деятельности, которая в конечном счете может и должна привести к установлению единственного образа, вполне адекватного происшедшему событию. Следовательно, версия представляет определенный момент в познании обстоятельств уголовного дела — первоначальное исходное отображение фактов действительности”⁵⁵. Это именно исходный момент процесса познания, определяющий его направление и цели, конкретные средства и ожидаемые результаты.

⁵⁴ Лузгин И. М. Методологические проблемы расследования, с. 141.

⁵⁵ Ларин А. М. От следственной версии к истине. М., 1976, сс. 12-13.

Поиск путей применения в криминалистике и доказывании метода моделирования, плодотворные исследования в этой области, предпринятые И. М. Лузгиным, А. Р. Ратиновым, А. А. Эйсманом, Л. Я. Драпкиным и другими криминалистами, привели к возникновению представления о версии как об одном из важнейших элементов мысленной модели (И. М. Лузгин) или идеальной информационно-логической (вероятностной) модели (А. Р. Ратинов). Считая такой взгляд весьма продуктивным, так как он «открывает возможность нового подхода к сущности версии, к ее генезису на основе понятий и концепций, разрабатываемых в теории моделирования», А. М. Ларин демонстрирует «испытание» версии в процессе мысленного эксперимента по конкретному делу и заключает, что результатом этого мысленного эксперимента явилось новое знание не только о возможных обстоятельствах дела, но и об источниках фактических данных, которые могут подтвердить проверяемую версию⁵⁶.

Принадлежа к числу сторонников метода моделирования и рассматривая его как один из общенаучных методов криминалистики, мы тем не менее не склонны переоценивать эвристическое значение использования некоторых его понятий, терминов и рекомендаций для решения задачи повышения практической эффективности ряда сложившихся понятий и категорий криминалистики. Представляется, что именно так обстоит дело и в рассматриваемом случае.

Именуя версию мысленной моделью, или моделью информационно-логической, а процедуру выведения следствий из версии — ее испытанием в ходе мысленного эксперимента, мы фактически ничего не добавляем к гносеологической характеристике версии и ее роли в судебном исследовании. Версия продолжает оставаться проблематическим знанием, пробелы в котором не восполняются, а достоверность которого не повышается от ее переименования в мысленную модель, во всяком случае на современном уровне криминалистики и моделирования. И не случайно А. М. Ларин завершает предпринятое им «испытание» версии путем мысленного эксперимента словами, которые опровергают все, сказанное им ранее о практическом значении этой мысленной процедуры: «Никакие размышления не заменяют собирания доказательств. Максимум того, что может дать мысленный эксперимент для расследования, — это испытание версии и развитие ее вплоть до предположения о возможных источниках доказательств»⁵⁷. Нам остается только добавить, что предположения об источниках доказательств возникают при определении путей проверки следствий и что об этом неоднократно пи-

⁵⁶ Там же, сс. 14-16.

⁵⁷ Там же, с. 16.

салось в криминалистической и процессуальной литературе задолго до того, как возникла сама идея применения метода моделирования в судебном исследовании⁵⁸.

Подчеркивая роль версий как метода познания истины в судебном исследовании, мы полагаем, что это вовсе не означает признания исключительности этого метода, признания некоей специфической формы мышления при выдвижении версий и в процессе их проверки. Между тем в последнее время в литературе встречаются именно подобные утверждения. Так, А. Р. Ратинов, выступивший в свое время с утверждением о существовании специфического “следственного мышления” (свое отношение к этому утверждению мы выразили в первом томе настоящего Курса), полагает, что существует “версионное мышление” как такая разновидность “следственного мышления”, признаком которой является гармоническое сочетание анализа и синтеза⁵⁹.

Если рассматривать версию как разновидность частной гипотезы, а следовательно, процесс выдвижения версий как мышление в форме гипотезы, протекающее по единым законам процесса познания, то едва ли в этом процессе остается место для специфического “версионного мышления”. Кстати, гармоническое сочетание анализа и синтеза является условием и предпосылкой успешности всякой мыслительной деятельности независимо от того, идет ли речь о построении версии или об обнаружении новых залежей полезных ископаемых, оценке политической ситуации или искусственном разведении осетровых рыб. И разве А. Р. Ратинов не опровергает сам себя, когда пишет: “...версия и гипотеза — однозначные формы мышления — имеют одинаковую логическую и психологическую структуру. Гипотеза о жизни на Марсе, предположительный диагноз врача, версия о характере происшествия по природе своей однотипны. Версия возникает в том же порядке и на той же основе, проходит те же этапы развития, имеет такую же структуру и не может отвечать каким-то иным требованиям. Как частная гипотеза, охватывающая какое-то отдельное событие или явление, версия вовсе не является специфическим средством, присущим только процессу расследования... Всякие попытки усмотреть принципиальное отличие гипотезы от версии и какую-либо специфику последней в познавательном механизме представляются бесплодными”⁶⁰. Любой противник концепции

⁵⁸ *Старченко А. А.* Логика в судебном исследовании, сс. 94-95; *Лузгин И. М.* Планирование расследования. М., 1962, сс. 24-25.

⁵⁹ *Ратинов А. Р.* Вступительная статья к книге Яна Пешака “Следственные версии”. М., 1976, с. 9.

⁶⁰ Там же, сс. 11-12.

“версионного”, а заодно и “следственного” мышления с удовлетворением подпишется под этими словами!

Выяснение гносеологической роли версии требует анализа исходных данных, служащих базой для ее построения и одновременно ею объясняемых. Такой базой, по общему мнению, являются фактические данные. Эти фактические данные могут быть почерпнуты как из процессуальных (доказательства), так и из непроцессуальных (ориентирующая информация) источников.

На первых порах в качестве основания для построения версий указывали только доказательства. Однако уже в 1957 г. Г. Н. Мудьюгин отмечал, что данные, используемые для построения версий, могут быть почерпнуты из любых источников, в числе которых могут фигурировать даже анонимные письма и слухи⁶¹. Это положение стало общепризнанным, хотя нередко сопровождается рекомендациями соблюдать осторожность и осмотрительность при использовании информации, почерпнутой из подобных источников⁶².

Опираясь на исходные данные, версия должна не просто объяснить их, но и раскрыть все виды связи между ними. Содержание версии, разумеется, всегда шире содержания исходных данных, так как включает и предположение о фактах, еще не установленных. Однако при этом содержание исходных данных должно полностью укладываться в содержание версии. Если версия не может объяснить все известные в момент ее выдвижения фактические данные, это означает:

- ◆ а) что факт, выходящий за пределы содержания версии, не имеет отношения к данному событию, не связан с ним;
- ◆ б) что версия в целом нереальна, не отражает объективно существующей между фактами связи и не может служить направлением в расследовании;
- ◆ в) что версия нуждается в корректировке с тем, чтобы объяснить всю совокупность имеющихся фактических данных.

Наряду с конкретными фактическими данными, существенную роль при построении версий играют справочные сведения обобщенного характера, в том числе обобщенные положения науки и практики. В этой связи следует остановиться на так называемых типичных версиях.

⁶¹ **Васильев А. Н., Мудьюгин Г. Н., Якубович Н. А.** Планирование расследования преступлений. М., 1957, с. 46.

⁶² **Голунский С. А.** Планирование расследования, сс. 15-16; **Ларин А. М.** Работа следователя с доказательствами. М., 1966, сс. 85-86; **Степанов В. В.** Использование версий при расследовании преступлений. — В кн.: Вопросы теории и практики предварительного следствия в органах внутренних дел. Саратов, 1973, с. 51.

Под **типичной версией** понимается наиболее характерное для данной ситуации с точки зрения соответствующей отрасли научного знания или обобщенной практики судебного исследования (оперативно-розыскной, следственной, судебной, экспертной) предположительное объяснение отдельных фактов или события в целом. Например, смысл таких следственных версий заключается в объяснении события при минимальных исходных данных, что необходимо для выбора направления расследования. Однако типичные версии имеют лишь ограниченное познавательное значение. Основываясь на минимальных исходных данных, они могут дать только самое общее объяснение события, еще недостаточное для успешного завершения расследования. Поэтому типичная версия неизбежно конкретизируется в процессе доказывания по мере накопления следователем необходимой информации.

Возражая против нашего определения типичной версии и ее познавательной роли в судебном исследовании, А. М. Ларин в своей интересной и содержательной книге «От следственной версии к истине», являющейся, по нашему мнению, одним из наиболее фундаментальных исследований проблемы версий в литературе, писал: «Такое разъяснение представляется несколько противоречивым. В самом деле, чтобы судить, что характерно, а что не характерно, необходимо знание деталей, но этого знания у нас, очевидно, нет, когда «исходные данные минимальны»... Противоречие обнаруживается при анализе приведенного Р. С. Белкиным примера: «Так, одного факта обнаружения трупа достаточно для выдвижения таких версий, как версия об убийстве, самоубийстве, несчастном случае и ненасильственной смерти». Названные события — убийство, самоубийство, несчастный случай и ненасильственная смерть — в своей совокупности составляют не предположительные, а действительные причины всех известных случаев наступления смерти... Подобный набор типичных версий представляет не предположительное, а положительное знание, отражающее не конкретную ситуацию, а все известные, обобщенные предыдущей практикой ситуации данного рода»⁶³. На основании этих рассуждений А. М. Ларин приходит к выводу, что типичную версию нельзя рассматривать как разновидность следственной версии.

Начнем с того, что прилагательное «характерное» в тексте относится не к оцениваемой ситуации, а к ее предположительному объяснению. Для того чтобы оценить ситуацию как характерную, действительно, необходимо знание деталей, которого нет при минимальных исходных данных. Но такое знание необязательно для выдвижения типичного

⁶³ Ларин А. М. Указ. работа, сс. 7-9.

предположения, характерного, следовательно, для целого типа ситуаций, объединяемых в данный тип лишь самыми общими признаками, а не деталями. В рассматриваемом примере таким общим признаком является наличие трупа как следствие наступления смерти. Едва ли этот признак можно отнести к числу требуемых А. М. Лариным “деталей”.

Действительно, совокупность типичных версий может представлять собой не предположительное, а положительное знание. Но это возможно лишь тогда, когда эта совокупность будет исчерпывающе полной, что бывает крайне редко, и лишь при объяснении события в целом, и тогда, когда в содержании исходных данных абсолютно нет никаких “деталей”, позволяющих исключить один или несколько элементов из указанной совокупности. Однако такое абсолютное отсутствие деталей можно представить себе, лишь полностью абстрагируясь от реальной действительности. Но, если из совокупности типичных версий исключен хоть один ее элемент, она перестает быть положительным знанием и становится совокупностью предположений. И уж тем более не является достоверным знанием единичная типичная версия, как следует из таблицы различий между следственной и типичной версиями, составленной А. М. Лариным⁶⁴. Типичная версия — это своеобразный “зародыш” системы общих (а иногда частных) следственных версий по данному конкретному делу⁶⁵. Нельзя ни отрицать их значения вообще, считая, что они противоречат творческому мышлению⁶⁶, ни превращать в некий эталон, абсолютизировать их значение, сводить к ним весь круг выдвигаемых версий⁶⁷.

Практическое значение типичных версий было подтверждено в последнее время успешной разработкой на их основе типовых программ действий оперативной группы по получении сообщения о происшествии. Такие типовые программы нередко находятся на вооружении дежурных частей органов внутренних дел. Они базируются на минимальной исходной информации, обобщенной типичной версией, и содержат в себе:

- ◆ указания на состав оперативной группы;
- ◆ перечень средств, составляющих оснащение группы;

⁶⁴ Там же, с. 8.

⁶⁵ **Реховский А. Ф.** Версии на первоначальном этапе расследования. — В кн.: Проблемы оптимизации первоначального этапа расследования. Свердловск, 1988, с. 35.

⁶⁶ **Евгеньев М. Е.** План расследования уголовного дела. — Труды Саратовского юридического института, вып. 1. Саратов, 1957, с. 217.

⁶⁷ Такой характер носят, в частности, соответствующие положения книги: **Яковлев Я. М.** Расследование убийств. Душанбе, 1960, с. 131.

- ♦ обязанности каждого участника группы;
- ♦ указания на субъекта и цели связи оперативной группы с органом внутренних дел.

Подобные карточки-инструкции программированных действий оперативных групп на местах некоторых происшествий были впервые разработаны ВНИИ МВД СССР в начале 70-х годов, одобрены руководством МВД СССР и разосланы на места в качестве методического пособия⁶⁸. Практика подтвердила жизненность и полезность таких рекомендаций.

Второй аспект рассмотрения функциональной роли криминалистической версии в судебном исследовании — организационный. Этот аспект исследован в криминалистической науке преимущественно применительно к следственной версии. По общему мнению, версии определяют направление расследования, являются его организующим началом и ядром планирования действий следователя. Эти истины бесспорны, и поэтому мы не будем на них останавливаться. Некоторых комментариев требует, пожалуй, лишь вопрос о роли версий в планировании расследования.

Версии составляют логическую основу планирования расследования. Но из этого, по нашему мнению, не следует, что: а) планирование расследования сводится к планированию проверки версий; б) версии — единственная основа планирования расследования.

Естественно, что планирование следственных действий, необходимых для проверки версий, составляет центральную часть плана расследования. Но, кроме этого, план расследования включает и другие процессуальные действия: предъявление обвинения, меры по обеспечению возмещения причиненного материального ущерба, признание потерпевшим, ознакомление с материалами дела и т. д.⁶⁹, а также организационно-технические мероприятия.

Помимо логической основы существуют процессуальные и тактические основы планирования расследования. Процессуальные основы — это требования закона о проведении обязательных процессуальных действий в определенные сроки, тактические основы — это тот тактический замысел, которым руководствуется следователь, определяя время и последовательность своих действий, очередность проверки версий, формы взаимодействия с оперативным работником и т. д.

⁶⁸ Волков Н. П., Зуев Е. И. и др. Программированные действия участников оперативной группы на месте происшествия. М., 1972.

⁶⁹ Ларин А. М. Расследование по уголовному делу. Планирование, организации. М., 1970, с. 72.

Наконец, третьим аспектом рассмотрения функциональной роли версии является тактический аспект. Версия — метод или средство установления истины по делу. Но чем является это средство с тактической точки зрения: тактическим приемом, основанием для принятия тактического решения или самим решением?

Касаясь этой стороны характеристики решения, Г. Н. Александров писал: «Версия, несомненно, имеет большое тактическое значение, ибо она определяет план следствия. Но вместе с тем версия — это больше, чем тактический прием, ее нельзя поставить в ряд ни с одним из следственных действий, хотя во многих случаях она опирается на эти действия, например на осмотр, обыск. В то же время сама версия предопределяет необходимость производства этих действий»⁷⁰.

Иначе оценивал тактическое значение версии А. Н. Васильев в своей докторской диссертации. Указывая, что разработка, построение следственных версий применяются для оценки собранных фактических данных и добывания новых доказательств путем предположительных выводов об их наличии, судя по имеющимся доказательствам, он сделал вывод, что «разработка следственных версий является одним из приемов расследования. Разработка следственных версий имеет черты, общие для расследования всех преступлений, и в объеме этих общих черт следственные версии, их построение и проверка входят в совокупность общих приемов расследования — следственную тактику»⁷¹. По смыслу этого высказывания можно заключить, что значение тактического приема А. Н. Васильев придавал не самой версии, а ее разработке, построению. Однако в дальнейшем он изменил свою позицию. В 1974 г. он уже назвал тактическим приемом не построение версии, а саму версию («Тактический прием, основанный на логике, — следственная версия»⁷²). Аналогичных взглядов он придерживался и впоследствии⁷³.

Ученик А. Н. Васильева А. Н. Гусаков в числе общих тактических приемов назвал использование версий, но не саму версию⁷⁴. Что он имел в виду под «использованием» версий, осталось неясным.

Мы полагаем, что ни сама версия, ни ее построение и проверка, ни ее «использование» (если считать, что под ним имеется в виду опериро-

⁷⁰ Александров Г. Н. Версия. — Соц. законность, 1959, № 10, с. 26.

⁷¹ Васильев А. Н. Основы следственной тактики. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1960, с. 15.

⁷² Васильев А. Н. Тактический прием — основа следственной тактики. — Соц. законность, 1974, № 4, с. 45.

⁷³ Васильев А. Н. Следственная тактика. М., 1976, с. 53.

⁷⁴ Гусаков А. Н. Следственные действия и тактические приемы. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1973, с. 13.

вание версиями в процессе доказывания) не являются тактическими приемами⁷⁵. Для доказательства этого достаточно воспользоваться теми признаками или свойствами тактического приема, которые называет сам А. Н. Васильев (не касаясь вопроса о верности этого перечня). Это: научный характер тактического приема; структурная принадлежность к системе приемов; рекомендательный характер тактического приема, возможность его применения и неприменения и выбора; законность; этичность; направленность на осуществление положений и норм уголовно-процессуального закона; способность помогать эффективному применению научно-технических средств⁷⁶.

Носит ли криминалистическая версия или процесс ее построения научный характер? На этот вопрос следует ответить утвердительно, если обратиться к логической природе версии, логическим правилам ее построения и выведения из нее следствий. Все это — область науки логики. Однако следует полностью согласиться с А. Н. Васильевым, что «научная обоснованность тактических приемов, наличие в них элементов логики и других наук отнюдь не означает, что всякое применение логики в следственной работе для решения вопросов, возникающих в процессе расследования, и т. д. может быть только в форме тактических приемов. Эти элементы логики, психологии, научной организации труда входят в содержание всей деятельности по расследованию и повседневной работы следователя»⁷⁷. Именно так и обстоит дело в рассматриваемом случае. Выдвижение и проверка версий, как логический процесс, составляет один из самых существенных элементов всего процесса доказывания, его мыслительную сторону, которую невозможно ограничить каким-либо одним этапом расследования или отдельным следственным действием.

Второй из названных А. Н. Васильевым признаков тактического приема вообще таковым не является: для того чтобы констатировать структурную принадлежность к системе приемов, следует сначала убедиться, что мы имеем дело с приемом. Возникает логическое противоречие, которое невозможно разрешить на его собственной основе.

Если рассматривать версию под углом зрения третьего признака, то мы должны будем сделать вывод, что следователь может выдвигать, а может и не выдвигать вообще версии, может предпочесть версии какой-то иной тактический прием («возможность выбора»). Но положение о

⁷⁵ Это же мнение приведено и в: *Шепитько В. Ю.* Теоретические проблемы систематизации тактических приемов в криминалистике. Харьков, 1995, с.23).

⁷⁶ *Васильев А. Н.* Следственная тактика, сс. 33-34.

⁷⁷ Там же, с. 35.

том, что версии во всех случаях являются обязательным элементом доказывания, что выдвижение версий составляет необходимый этап в работе следователя давно стало аксиомой и ни у кого, кроме, пожалуй, самого А. Н. Васильева, не вызывает сомнений⁷⁸. Заменить версию каким-либо тактическим приемом невозможно: никакой тактический прием не способен выполнить функции версии. Стало быть, ни о каком выборе в данном случае не может быть и речи, а следовательно, и этот, по А. Н. Васильеву, признак тактического приема у версии отсутствует.

Версия есть предположение, гипотеза, и как таковая она не может быть законна или незаконна, этична или неэтична. Законными и этичными должны быть способы, тактические приемы проверки версии, это их свойства или признаки.

Направленность на осуществление положений и норм уголовно-процессуального закона не представляет собой специфического свойства тактического приема. Осуществление требований закона составляет цель всего судебного исследования, деятельности всех его участников, причем всех видов этой деятельности. Разве не очевидно, что закон реализуется не только с помощью тактических приемов, но и посредством надзора прокурора, установления истины судом, осуществления защиты адвокатом? Выдвижение версий также направлено на осуществление норм закона, требующих установить истину по делу, но это все не довод, чтобы считать версию тактическим приемом.

Точно так же не является признаком или свойством тактического приема «способность помогать эффективному применению научно-технических средств». Очень многие тактические приемы никак не связаны с научно-техническими средствами, хотя и не перестают из-за этого быть тактическими приемами. Чем, например, помогает эффективному применению научно-технических средств такой бесспорно тактический прием, как установление психологического контакта с допрашиваемым, или такой тактический прием допроса, как деление темы свободного рассказа? Можно предвидеть возражение, что рассматриваемое свойство присуще не каждому тактическому приему, но тогда оно не должно быть включено в перечень общих для всех приемов свойств и не может вообще служить критерием для определения «структурной принадлежности к системе приемов».

Итак, ни сама версия, ни само ее выдвижение не являются тактическими приемами. О тактических приемах, а точнее, о тактических рекомендациях или правилах, по нашему мнению, следует говорить лишь

⁷⁸ Ларин А. М. От следственной версии к истине, сс. 29-33.

применительно к процессу выдвижения версии и, разумеется, к процессу ее проверки.

Интересно решал эту проблему Г. В. Арцишевский. Он назвал две группы тактических правил выдвижения версий. К первой относятся тактические правила об основаниях и времени выдвижения версий: версия должна быть реальной, то есть “привязанной” к имеющимся сведениям и фактам; версия может и должна учитывать не только достоверную, но и непроверенную информацию; версия (или системы версий) должна объяснить все имеющиеся данные о событии преступления; она не может отбрасываться до проверки противоречащих ей данных; версии должны выдвигаться как можно раньше, буквально в ходе осмотра места происшествия. Ко второй группе правил, которые он называет тактико-логическими, Г. В. Арцишевский относит требования, чтобы версии были сопоставимы, альтернативны, а их ряд — исчерпывающим⁷⁹.

Пожалуй, вторую группу правил не следует относить к числу тактических, ибо, как указывает сам автор, они “прямо вытекают из логических правил деления понятия, разработанных традиционной логикой и обязательных при всякой научной классификации”⁸⁰, то есть не содержат в себе ничего специфически тактического.

Общие определения версии объединяют в себе, как правило, все три названных аспекта рассмотрения этого понятия. Литература вопроса содержит значительное число таких определений, сходных между собой в основных чертах. Поэтому мы остановимся лишь на трех определениях версии, сформулированных А. Н. Васильевым, А. М. Лариным, Л. Я. Драпкиным и И. Ф. Герасимовым. Два из них относятся к следственным версиям, третье определяет версию, как криминалистическое понятие.

Определение А. Н. Васильева: “Следственную версию можно охарактеризовать как индуктивное умозаключение следователя в форме предположения, основанное на фактических данных, о событии преступления и его отдельных обстоятельствах, подлежащее проверке по логическим правилам дедукции”⁸¹.

Определение А. М. Ларина: “Следственная версия — это строящаяся в целях установления объективной истины по делу интегральная идея, образ, несущий функции модели исследуемых обстоятельств, созданный воображением (фантазией), содержащий предположительную

⁷⁹ Арцишевский Г. В. Указ. автореферат, сс. 11, 13.

⁸⁰ Там же, с. 13.

⁸¹ Васильев А. Н. Следственная тактика, с. 55.

оценку наличных данных, служащий объяснением этих данных и выраженный в форме гипотезы”⁸².

Определение И. Ф. Герасимова и Л. Я. Драпкина: “Криминалистическая версия — это обоснованное предположение субъектов познавательной деятельности (следователь, прокурор, оперативный работник, судья, эксперт), дающее одно из возможных и допустимых объяснений уже выявленных исходных данных (фактическая база), позволяющее на их основе во взаимодействии с теоретической базой вероятно (неоднозначно) установить еще не известные обстоятельства, имеющие значение для дела”⁸³.

В принципе, все три определения представляются правильными, хотя в определении А. Н. Васильева нет указания на функциональное назначение версии. Но учитывая, что именно общее определение понятия не может быть исчерпывающим, с этим пробелом можно примириться. Нам кажется, что все определения как раз страдают излишней детализацией, особенно третье, а поскольку все детали они, естественно, охватить не могут, то такая детализация и является их недостатком.

Учитывая эти замечания и имея в виду главное, можно следующим образом определить криминалистическую версию.

Криминалистическая версия — это обоснованное предположение относительно отдельного факта или группы фактов, имеющих или могущих иметь значение для дела, указывающее на наличие и объясняющее происхождение этих фактов, их связь между собой и содержание и служащее целям установления объективной истины.

Многочисленные классификации криминалистических версий можно свести к следующим основным видам:

- ◆ **по субъекту выдвигения** — версии следственные, оперативно-розыскные, судебные, экспертные⁸⁴ (разновидностью следственных версий являются розыскные версии следователя);
- ◆ **по объему** (кругу объясняемых фактов) — общие и частные;
- ◆ **по степени определенности** — типичные и конкретные.

Несколько замечаний по поводу некоторых других классификаций версий, встречающихся в литературе.

⁸² *Ларин А. М.* От следственной версии к истине, с. 29.

⁸³ Криминалистика. М., 1994, с. 58.

⁸⁴ Об экспертных версиях речь будет идти далее при рассмотрении вопросов планирования экспертного исследования.

Л. Я. Драпкин предлагал классифицировать версии по степени сложности структуры на комплексные, выдвигаемые в отношении нескольких обстоятельств, и простые, выдвигаемые по одному обстоятельству; по формам их логических взаимоотношений — на совместимые и несовместимые; на основные и контрверсии⁸⁵. Первая из этих классификаций, как нам кажется, лишена всякого практического значения. Ее функции — в необходимых пределах — с успехом выполняет классификация версий по объему. Вторая классификация, как представляется, также не несет никакой функциональной нагрузки. Если версии относятся к одному и тому же обстоятельству, то они не могут быть совместимыми, если к разным — то они не должны быть несовместимыми. Здесь, в сущности, нет никакой необходимости в классификации. Что касается контрверсии, то это понятие имеет значение преимущественно в одном случае: при принятии дела к своему производству судом, когда гарантией объективности его рассмотрения будет проверка наряду с версией обвинения и контрверсии⁸⁶.

И. М. Лузгин различает версии, кроме их общепринятых классификаций, по степени вероятности (маловероятные, вероятные, более вероятные), по времени их построения (прежние и новые), по отношению к предмету доказывания (оправдательные и обвинительные)⁸⁷. Первые две классификации нам кажутся лишеными строгого основания и четких критериев. Последняя носит чисто процессуальный формальный характер. Практически оправдательные и обвинительные версии самостоятельно и изолированно существовать не могут, ибо в противном случае мы вынуждены будем признать правомерность оправдательного или обвинительного уклона в расследовании.

⁸⁵ **Драпкин Л. Я.** Построение и проверка следственных версий. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1972, с. 20; **Драпкин Л. Я.** Основы теории следственных ситуаций. Свердловск, 1987, сс. 83-89.

⁸⁶ О судебной версии и ее соотношении с другими видами версий см. подробно: **Ароцкер Л. Е.** Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве. М., 1964.

⁸⁷ **Лузгин И. М.** Методологические проблемы расследования, с. 138.

9.3. Понятийный и классификационный аппарат учения: планирование судебного исследования

Как и при исследовании проблем криминалистической версии, основное внимание ученых, занимавшихся вопросами планирования судебного исследования, было обращено на планирование предварительного следствия. Эта часть рассматриваемого учения разработана намного полнее, чем вопросы планирования судебного следствия или экспертного исследования. Вопросы планирования оперативно-розыскных мероприятий, и ранее освещавшиеся в криминалистической литературе весьма поверхностно, преимущественно в аспекте их координации со следственными действиями, стали предметом рассмотрения сформировавшейся теории оперативно-розыскной деятельности.

9.3.1. Планирование расследования

Понятие планирования расследования. Характеристика планирования, его сущности и содержания, его функционального назначения складывалась постепенно. В 1948 г. П. И. Тарасов-Родионов писал, что правильное планирование расследования по каждому делу обеспечивает выполнение всех основных принципов расследования: объективности, всесторонности, полноты, быстроты, инициативности, активности расследования и, следовательно, высокого качества расследования. Наряду с этим, планирование обеспечивает применение необходимых приемов расследования, устанавливает рамки расследования, организует работу следователя, требуя от него вдумчивого отношения к работе⁸⁸.

К этой характеристике А. А. Пионтковский добавил гносеологический анализ планирования расследования. Он считал, что «проблема планирования следствия, с точки зрения процесса познания, есть определение способов и средств проверки выдвинутых следователем фактов, подлежащих расследованию в каждом конкретном деле... Необходимо, чтобы расследование каждого дела строго планировалось, чтобы следователь знал, где и что нужно искать, мог успешно отделить существенное от несущественного, не плыть по течению накапливаемых фактов, а быть хозяином всего следственного материала»⁸⁹.

⁸⁸ Тарасов-Родионов П. И. Предварительное следствие. М., 1948, с. 64.

⁸⁹ Пионтковский А. А. К вопросу о теоретических основах советской криминалистики, с. 31.

В середине 50-х гг. в работах А. Н. Васильева, С. А. Голунского, А. Н. Колесниченко, П. И. Тарасова-Родионова уже формулировались отдельные черты определения понятия планирования расследования. Так, А. Н. Васильев называл планирование общим приемом, характеризующим научный, высокоорганизованный подход к расследованию преступлений⁹⁰. С. А. Голунский делал акцент на том, что планирование расследования «представляет собой организационную и творческую сторону сложной умственной работы следователя, начинающуюся с первого момента расследования и продолжающуюся до его окончания»⁹¹. А. Н. Колесниченко раскрыл содержательную сторону понятия: «Планировать следствие — это значит определять пути раскрытия преступления, намечать обстоятельства, подлежащие расследованию, и устанавливать наиболее целесообразные в условиях данного дела очередность и сроки проведения необходимых следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий»⁹².

Первое из известных нам законченных определений понятия планирования расследования принадлежит А. Н. Васильеву и относится к 1963 году. Он считал, что «планирование расследования — это построенный на научных основах метод расследования преступлений, заключающийся в планомерном и целеустремленном собирании доказательств с использованием современных тактических приемов и научно-технических средств»⁹³. В 1971 г. он выступил с иным определением планирования. «Планирование следствия, — писал он теперь, — это тактический прием, представляющий собой организующее начало в расследовании, которое основано на использовании научной организации труда и проявляется в организации расследования по делу в целом и в производстве отдельных следственных действий, будучи в основных чертах единым для целого и для частей расследования»⁹⁴.

По определению Л. П. Дубровицкой, «планирование, являющееся одним из обязательных условий расследования, представляет собой

⁹⁰ **Васильев А. Н.** О тактике следствия. — В кн.: Советская криминалистика на службе следствия, вып. 7. М., 1956, с. 150. Позднее он назвал планирование общим методом расследования (**Васильев А. Н., Мудьюгин Г. Н., Якубович Н. А.** Планирование расследования, сс. 10-11).

⁹¹ Криминалистика. М., 1959, с. 224.

⁹² **Колесниченко А. Н.** Понятие и задачи планирования предварительного следствия. — В кн.: Сборник научных работ по судебной медицине и криминалистике памяти засл. проф. Н. С. Бокариуса. Харьков, 1956, с. 204.

⁹³ Криминалистика. М., 1963, с. 283.

⁹⁴ Криминалистика. М., 1971, с. 268.

сложный мыслительный процесс, заключающийся в определении задач следствия, путей и способов их решения в соответствии с требованиями закона”⁹⁵. Как мыслительный процесс определяют планирование расследования Л. Я. Драпкин, С. А. Величкин и другие авторы⁹⁶. Правда, определив таким образом сущность планирования, его содержание характеризуют нередко по-разному. Если В. П. Антипов полагает, что содержание планирования заключается в уяснении “следователем стоящих перед ним задач расследования и определения оптимальных путей и наиболее эффективных способов их решения”⁹⁷, то С. А. Величкин, например, весьма туманно пишет, что этот мыслительный процесс направлен на предвидение определенной деятельности с учетом ее элементов и воздействие на них, что он заключается “в организации предстоящей работы, осуществлении мероприятий по ее обеспечению для достижения конечных целей этой деятельности”⁹⁸. Специфика планирования именно расследования в этом определении начисто отсутствует; так (причем гораздо проще) можно определить планирование любой деятельности.

Что же такое планирование расследования: метод расследования, тактический прием или процесс постановки и решения определенных мыслительных задач?

Начнем с того, что с нашей точки зрения, планирование никак нельзя рассматривать в качестве тактического приема расследования. Не говоря о том, что тактический прием обладает ограниченной сферой действия и не охватывает весь процесс расследования, планирование характеризуется такой степенью универсальности и обязательности, какой не бывает у тактических приемов. Даже те из них, которым закон придал обязательную силу, рассчитаны на один из видов следственных действий или на одну из типичных следственных ситуаций и не применимы при производстве иных действий или во всех ситуациях.

Планирование не является и методом расследования, ибо оно само по себе еще не является средством установления истины по делу, планирование какой-то деятельности еще не означает осуществления этой деятельности, это лишь предпосылка, условие — иногда необходимое

⁹⁵ *Дубровицкая Л. П., Лузгин И. М.* Планирование расследования. М, 1972, с.3.

⁹⁶ *Драпкин Л. Я.* Организация и планирование расследования. — В кн.: Криминалистика, М, 1994, с. 230; *Антипов В. П.* Планирование расследования в проблемных ситуациях. М., 1983, с.9; *Величкин С. А.* Организация и планирование расследования. — В кн.: Криминалистика. СПб., 1995, с.251 и др. работы.

⁹⁷ *Антипов В. П.* Указ. работа, с. 9.

⁹⁸ *Величкин С. А.* Указ. работа, с. 251.

— достижения поставленной цели. И в то же время планирование — метод, но не расследования, а организации расследования. И в этом смысле мы говорим о планировании как об организующем начале, организационной основе расследования.

Организирующая функция планирования расследования заключается именно в том, о чем пишет Л. П. Дубровицкая. Постановка задачи, определение путей и способов ее решения, последовательности осуществления требуемых действий, расстановки имеющихся сил и средств и т.п. — все это элементы организации расследования. Эта умственная деятельность следователя направлена на построение мысленной модели всего акта расследования, материальным выражением которой и является письменный или графический план расследования.

Цели планирования расследования (иногда их называют задачами планирования) заключаются в определении направления и содержания деятельности следователя на всех ее этапах, обеспечении ее целеустремленности, полноты, объективности, всесторонности и быстроты, экономии времени, сил и средств, эффективного применения средств и приемов работы с доказательствами⁹⁹. Разумеется, весь процесс планирования расследования проникнут идеей обеспечения строжайшего соблюдения законности.

Нетрудно заметить, что цели планирования подчинены требованию реализации принципов предварительного следствия. Как справедливо отметила Л. П. Дубровицкая, “являясь основополагающими принципами, “которые определяют весь строй и характер процесса, всю деятельность... органов расследования”*, принципы предварительного следствия оказывают влияние и на планирование расследования, находя в этом процессе свое специфическое выражение”¹⁰⁰.

⁹⁹ Криминалистика. Ч. 2. М., 1952, с. 20; *Тарасов-Родионов П. И.* Предварительное следствие. М., 1955, с. 70; *Васильев А. Н., Мудьюгин Г. Н., Якубович Н. А.* Планирование расследования преступлений. М., 1957, с. 10; *Лузгин И. М.* Планирование расследования. М., 1962, сс. 3-4; *Дубровицкая Л. П., Лузгин И. М.* Планирование расследования. М., 1972, с. 5; *Ковалев А. И.* Улики поведения и их роль в расследовании преступлений. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1974, с. 13; *Сергеев Л. А., Соя-Серко Л. А., Якубович Н. А.* Планирование расследования. М., 1975, сс. 7-9; *Драпкин Л. Я.* Основы теории следственных ситуаций. Свердловск, 1987, сс. 152-157; *Ищенко Е. П.* Планирование и программирование расследования на первоначальном этапе. — В кн.: Версии и планирование расследования. Свердловск, 1985, сс. 76-83 и др.

* *Перлов И. Д.* Подготовительная часть судебного разбирательства в советском уголовном процессе. М., 1956, с. 7.

¹⁰⁰ *Дубровицкая Л. П., Лузгин И. М.* Планирование расследования, с. 8.

Принципы планирования расследования впервые были сформулированы С. А. Голунским в работах 1936-38 гг.¹⁰¹ Как же указывалось, он считал, что к их числу относятся: оценка при планировании расследования политического значения преступления и анализ той социально-политической обстановки, в которой совершено преступление; построение плана расследования таким образом, чтобы обеспечить быстроту собирания основного для данного дела доказательственного материала; обеспечение получения ответов на вопросы “семичленной формулы”; разделение планируемого расследования на две части — общую и специальную (до и после предъявления обвинения)¹⁰².

В таком виде принципы планирования сливались с его задачами и частично с содержанием. Возможно, поэтому Б. М. Шавер пошел иным путем и, не употребляя термина “принципы планирования”, по существу, сформулировал именно их, когда давал характеристику плану расследования. Анализируя причины неудач буржуазных криминалистов, пытавшихся создать общий, типовой план расследования, Б. М. Шавер писал: “Методы и способы расследования каждого дела индивидуальны, отсюда и план расследования каждого дела должен быть индивидуальным... Успех составления плана расследования в значительной степени зависит от своевременности его составления и гибкости, проявляемой в процессе осуществления плана, то есть своевременности вносимых в него изменений”¹⁰³ (разрядка наша — **Р. Б.**).

Можно полагать, что эти мысли Б. М. Шавера оказали известное влияние на взгляды авторов более поздних работ. Так, П. И. Тарасов-Родионов в 1948 г. назвал в качестве принципов планирования индивидуальность, динамичность (подвижность, то есть гибкость) и добавляет к ним обеспечение соблюдения объективности, всесторонности и других принципов расследования¹⁰⁴. В 1952 г. он дал несколько иной перечень этих принципов: индивидуальность, своевременность, базирование на основе строжайшего соблюдения социалистической законности с обеспечением принципов предварительного расследования, динамич-

¹⁰¹ См. **Голунский С. А.**:

- Планирование расследования. — Сов. юстиция, 1936, № 14;
- Планирование расследования. — В кн.: Материалы учебной конференции следователей. М., 1937;
- Планирование расследования. — В кн.: Криминалистика. Ч. 1. М., 1938.

¹⁰² Криминалистика. М., 1938, сс. 335-337.

¹⁰³ **Шавер Б. М., Винберг А. И.** Криминалистика. М., 1940, с. 74.

¹⁰⁴ **Тарасов-Родионов П. И.** Предварительное следствие. М., 1948, с. 66.

ность¹⁰⁵. Об индивидуальности, динамичности планирования писали А. Р. Шляхов¹⁰⁶, А. Н. Васильев¹⁰⁷, два принципа планирования — индивидуальность и динамичность — называл в своих последних работах по этому вопросу С. А. Голунский¹⁰⁸.

Авторы работ, вышедших в последующие годы, редко ограничиваются двумя (индивидуальность и динамичность) принципами планирования. И. М. Лузгин прибавлял к ним принципы законности, научности, конкретности¹⁰⁹, Л. П. Дубровицкая называла принципы индивидуальности, динамичности и реальности¹¹⁰; Л. А. Сергеев — индивидуальность, конкретность, полноту, обоснованность, системность, реальность, оптимальность, своевременность, динамичность, соответствие формы и содержания планирования¹¹¹. В работах последнего времени чаще называют три принципа планирования: индивидуальность, конкретность и динамичность, иногда к ним добавляют реальность и оптимальность плана расследования (Л. Я. Драпкин, 1994). Такое разнообразие в трактовке содержания одного и того же понятия дает основание для критического рассмотрения высказанных соображений о принципах планирования расследования.

Мы полагаем, что индивидуальность и динамичность, бесспорно, являются принципами планирования. Что касается своевременности планирования и соблюдения законности, то следует признать достаточно обоснованными возражения А. Н. Васильева против включения их в число принципов планирования. «Нетрудно видеть, — писал он, — что ни своевременность составления плана, ни соблюдение законности не являются принципами собственно планирования. Строгое соблюдение законности есть общее обязательное требование, предъявляемое ко всему расследованию. Законность должна пронизывать расследование преступлений от начала до конца. Планирование следствия, разумеется, исходит из того, что все расследование и каждое действие следователя должны быть основаны на строгом соблюдении законности. Ут-

¹⁰⁵ Криминалистика. Ч. 2. М., 1952, сс. 24-25.

¹⁰⁶ Шляхов А. Р. Планирование предварительного следствия. М., 1957, с. 4.

¹⁰⁷ Васильев А. Н., Мудьюгин Г. Н., Якубович Н. А. Планирование расследования преступлений, с. 12.

¹⁰⁸ Голунский С. А. Планирование расследования. — В кн.: Советская криминалистика на службе следствия, вып. 10. М., 1958, с. 8.

¹⁰⁹ Криминалистика, т. 2. М., 1970, сс. 28-30.

¹¹⁰ Дубровицкая Л. П., Лузгин И. М. Планирование расследования, с. 8.

¹¹¹ Сергеев Л. А., Соя-Серко Л. А., Якубович Н. А. Планирование расследования, сс. 9-14.

верждение, что одним из принципов планирования является своевременность, сводит по сути дела планирование к составлению письменного плана и потому является ошибочным... Составление плана есть не планирование расследования, а лишь его внешнее выражение"¹¹². Мы разделяем и возражения А. Н. Васильева против отнесения к числу принципов планирования конкретности¹¹³. В самом деле, если план — это программа, модель предстоящей деятельности, то и он сам, и его разработка должны быть конкретны и определённы, иначе никакой программой действий результаты планирования служить не смогут.

Подобно тому, как соблюдение законности пронизывает собой весь процесс расследования, включая и его планирование, так и научность лежит в основе каждого действия следователя, каждого применяемого им приема и средства работы с доказательствами, а не только в основе планирования расследования. Поэтому мы не склонны считать научность принципом планирования.

Не имеют, по нашему мнению, значения самостоятельных принципов планирования системность, полнота, оптимальность и соответствие формы и содержания планирования. Все это разные стороны проявления принципов индивидуальности и динамичности. Индивидуальность планирования, помимо всего прочего, означает наиболее полное соответствие планирования и его внешнего выражения — плана — особенностям и условиям конкретного акта расследования. Это предполагает системность, согласованность всех намечаемых действий, выбор наилучшего и наиболее полного их варианта, обеспечивающего установление всех элементов предмета доказывания. Полнота выражения замысла при этом зависит от формы этого выражения; следовательно, соответствие формы и содержания планирования также есть проявление его индивидуальности. Такое соответствие, как и оптимальность, достигается, кроме того, и реализацией принципа динамичности, который в данном случае проявляется в том, что в каждый конкретный момент расследования планирование будет предусматривать наилучший вариант действий, а его внешнее выражение будет наиболее удобным и организационно оправданным.

Иначе, как нам представляется, следует подходить к оценке реальности как принципа планирования. Реальность планирования понимается как необходимость "учитывать реальные возможности следствия в использовании всех предусмотренных законом средств достижения ис-

¹¹² *Васильев А. Н., Мудьюгин Г. Н., Якубович Н. А.* Планирование расследования, с. 14.

¹¹³ *Васильев А. Н.* Следственная тактика, сс. 145-146.

тины, строить реальные версии и намечать реальные пути их проверки”¹¹⁴. К этому Л. А. Сергеев добавляет, что “требование реальности относится и к срокам расследования, выполнения отдельных действий, а также к оценке ожидаемых результатов этих действий”¹¹⁵.

Реальность, действительно, является принципом планирования расследования, ибо выражает одно из необходимых, сущностных свойств, качеств этого процесса и его результата. Реальность планирования означает в то же время и его обоснованность, которую нельзя расценивать как самостоятельный принцип планирования. Обоснованность представляется нам условием реальности.

Условия планирования. В первых работах по планированию расследования фигурировало понятие условий планирования. П. И. Тарасов-Родионов включал в его содержание умение ориентироваться в обстановке преступления, правильно оценить его юридическую природу и общественно-политическое значение; овладение научными методами и приемами расследования; умелое построение, учет и исследование наиболее вероятных версий¹¹⁶. Выражая свое несогласие с такой постановкой вопроса и его решением, А. Н. Васильев писал: “Разумеется, умение ориентироваться в обстановке и овладение научными методами расследования имеют значение для планирования следствия, но не только для планирования, а для всего расследования и потому не составляют специальных условий планирования. Иная точка зрения привела бы к тому, что и знание следователем уголовного права, процесса и общеобразовательных дисциплин пришлось бы отнести к условиям планирования, так как без этих знаний невозможно планировать следствие и расследовать преступления вообще. Что касается умения строить, учитывать и исследовать версии, то и это нельзя считать условием планирования. Версии составляют основу планирования”¹¹⁷.

В целом возражения А. Н. Васильева представляются правильными постольку, поскольку они касаются представлений о конкретных услови-

¹¹⁴ Дубровицкая Л. П., Лузгин И. М. Планирование расследования, с. 9.

¹¹⁵ Сергеев Л. А., Соя-Серко Л. А., Якубович Н. А. Планирование расследования, с. 12.

¹¹⁶ Криминалистика. Ч. 2. М., 1952, сс. 20-22. В 1955 г. П. И. Тарасов-Родионов изложил эти условия несколько иначе, заменив овладение научными методами и приемами расследования умением правильно определять пределы расследования (Тарасов-Родионов П. И. Предварительное следствие. М., 1955, сс. 70-75).

¹¹⁷ Васильев А. Н., Мудьюгин Г. Н., Якубович Н. А. Планирование расследования преступлений, сс. 14-15.

ях планирования. Однако, на наш взгляд, нельзя отрицать самого существования условий планирования расследования как совокупности определенных обстоятельств, факторов, знаний и умений, делающей возможным осуществление планирования. Такими условиями, по нашему мнению, являются:

- 1) наличие исходной (хотя бы минимальной) информации;
- 2) оценка сложившейся в момент планирования следственной ситуации и прогнозирование ее будущих изменений в результате планируемых действий;
- 3) учет реальных возможностей, средств и методов достижения планируемой цели.

Рассмотрим вкратце эти условия.

Совершенно очевидно, что при отсутствии хотя бы минимальной информации о событии, подлежащем расследованию, ни о каком реальном планировании процесса расследования не может быть и речи. От объема исходной для планирования информации зависит индивидуальность планирования, учет специфики расследуемого преступления. Отсюда ограниченное значение для планирования типичных версий, позволяющих определить лишь самое общее направление расследования. Усматривается прямая связь и между объемом информации и этапами планирования: по мере возрастания объема исходной информации усложняются и становятся все более ответственными цели планирования.

Планирование всегда должно исходить из оценки существующей следственной ситуации и учитывать ее возможные изменения в будущем как в результате реализации намеченного плана расследования, так и в результате действий противостоящей следователю стороны, если налицо конфликтная ситуация. Постоянное соблюдение этого условия в процессе планирования и обеспечивает его динамичность¹¹⁸.

Нам кажется невозможным планирование расследования и без учета возможностей тех средств и методов, которые следователь предполагает использовать для достижения намечаемых планом целей. Если следователь преувеличивает эти возможности, то план может оказаться нереальным, так как запланированные действия не дадут ожидаемого эффекта; если возможности преуменьшаются, недооцениваются, то в плане окажутся излишние действия, предусмотренные с целью компенсации, дополнения суженно понимаемых возможностей этих средств и методов. Последнее влечет за собой неоправданную затяжку расследования, ненужное расходование средств и сил.

¹¹⁸ Драпкин Л. Я. Основы теории следственных ситуаций. Свердловск, 1987.

Определяя условия планирования расследования, совсем не обязательно исходить из требований их специфичности, ограничения действия этих условий только процессом планирования. Даже если считать, что названные условия являются общими для всего процесса расследования, а не только его планирования, следует иметь в виду, что общее проявляется в отдельном, особенном, а не отрицает его. К тому же, в данном случае особенное составляет только часть общего и само определение пределов этой части как раз и специфично для планирования.

Содержание (элементы) планирования расследования. Единый по своим целям и тактическому значению процесс планирования расследования с содержательной стороны представляет собой систему, элементы которой тесно связаны и взаимообусловлены.

Существует два подхода к характеристике элементов планирования. Первый из них заключается в указании основных частей этого процесса. По мнению И. М. Лузгина, это изучение фактических данных и составление рабочей программы расследования: определение задач расследования и способов их решения¹¹⁹. Л. П. Дубровицкая такими основными частями считает определение цели и задач расследования для каждого его этапа; выбор наиболее эффективных и экономичных способов разрешения этих задач¹²⁰.

Второй подход заключается в детальном перечислении всех элементов планирования, что приводит, как правило, к различиям в приводимых перечнях. Так, например, О. Я. Баев называет такие элементы планирования: выяснение возможностей на определенном этапе следствия; определение конкретных целей планов; формулирование основных положений плана; определение и анализ альтернативных направлений достижения поставленной цели и выбор среди них оптимальных¹²¹.

С точки зрения Л. Я. Драпкина, подобный перечень включает определение непосредственных целей планирования; выделение подлежащих выяснению общеверсионных вопросов; выявление вневерсионных вопросов; принятие решения о проведении конкретных оперативных и следственных действий и установление их оптимальной последовательности; определение сроков, исполнителей и продолжительности намеченных действий: составление сводного плана расследования. Считаю,

¹¹⁹ Криминалистика, т. 2. М., 1970, с. 31.

¹²⁰ Дубровицкая Л. П., Лузгин И. М. Планирование расследования, с. 5.

¹²¹ Баев О. Я. Криминалистическая тактика и уголовно-процессуальный закон. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Минск, 1975, с. 13.

что эти элементы последовательно сменяют друг друга, Л. Я. Драпкин именует их этапами планирования¹²².

Расчленение элементов планирования во времени побудило и Л. А. Сергеева рассматривать их в качестве этапов процесса планирования. В отличие от Л. Я. Драпкина, этот перечень этапов он начинает с изучения исходной информации. Затем следуют: выдвижение версий; определение задач расследования; определение путей, средств и методов расследования, последовательности и сроков решения отдельных задач и выполнения отдельных действий; определение исполнителей; определение организационных мер; составление письменного плана; корректировка и развитие плана¹²³.

Представляется, что общим недостатком приведенных детальных перечней элементов планирования является включение в них "на равных правах" элементов разных уровней, например, определение задач расследования и конкретных исполнителей или выдвижение версий и планирование сроков проведения отдельных действий и т. п. Системный подход к решению проблемы требует выделения одноуровневых элементов системы с четким переходом к элементам следующего уровня ит.д. С этой точки зрения мы полагаем, что первый уровень системы составляют следующие элементы планирования:

- 1) анализ исходной информации;
- 2) выдвижение версий и определение задач расследования;
- 3) определение путей и способов решения поставленных задач;
- 4) составление письменного плана и иной документации по планированию расследований;
- 5) контроль исполнения и корректировка плана расследования.

Каждый последующий уровень представляет собой детализацию элементов предшествующего уровня. Поскольку планирование по времени охватывает весь процесс доказывания, элементы системы могут повторяться: выдвигаются новые версии, возникает необходимость в производстве иных следственных действий, поступает новая информация, требующая анализа, и т. п.; едва ли целесообразно именовать эти элементы этапами планирования. Содержание процесса планирования, действительно, можно разделить на этапы, но эти этапы характеризуются не какой-то одной операцией по планированию, составляющей содержание перечисленных элементов, а направленностью всей сис-

¹²² Драпкин Л. Я. Основы теории следственных ситуаций, сс. 152-155.

¹²³ Сергеев Л. А., Соя-Серко Л. А., Якубович Н. А. Планирование расследования, с. 15.

темы. Под этим углом зрения этапы планирования соответствуют этапам самого расследования, существование которых в свою очередь обусловлено различием задач, решаемых следователем на каждом из этих этапов.

Этапы планирования расследования. Как известно, процесс расследования обычно подразделяется на два этапа: этап первоначальных и этап последующих следственных действий. Они различаются по кругу решаемых задач, формам организации их решения, которые, в свою очередь, обуславливают количественный и качественный состав привлекаемых для решения сил и средств¹²⁴. Специфика задач каждого этапа и средства их решения диктуют и специфичность планирования расследования на каждом этапе как организующего начала в деятельности следователя. Именно поэтому целесообразно и в планировании различать те же этапы, что и в самом расследовании: два или три — в зависимости от того, как понимается содержание каждого этапа (первоначальный, последующий или первоначальный, последующий и заключительный этапы планирования).

Формы планирования расследования. Под формами планирования мы понимаем то внешнее выражение, которое получает мыслительная деятельность по планированию расследования. А. Р. Ратинов полагает, что план может быть мысленный и письменный, словесный и графический¹²⁵.

Разумеется, с известной натяжкой можно признать, что существует мысленная форма плана, хотя это и не соответствует определению плана как внешнего выражения процесса планирования расследования. Следует также признать, что на практике при расследовании простых дел иногда обходятся без составления письменного плана, если понимать под ним составление формализованного документа. Однако анализ той же практики показывает, что следователь никогда не обходится без каких-либо письменных заметок программного характера, пусть произвольных по форме и лишь в ограниченной степени, но выполняющих функции письменного плана. Это может быть перечень намеченных к производству следственных действий, список возможных свидетелей,

¹²⁴ Мы полагаем, что возможно деление процесса доказывания не на два, а на три этапа: первоначальный, последующий и заключительный. Подробно этот вопрос, а также содержание этапов расследования будут рассмотрены в третьем томе Курса.

¹²⁵ *Ратинов А. Р.* Судебная психология для следователей. М., 1967, с. 153.

подлежащих допросу, перечень гаражей, где следует произвести осмотр в поисках аварийного автомобиля, и т. п.

Все эти документы в свернутой форме выражают программу действий следователя, а следовательно, выполняют функции письменного плана. Нечего и говорить, что в тех случаях, когда раскрытие преступления требует взаимодействия следователя с оперативными и иными службами органов внутренних дел, без письменного плана расследования, в какой бы он форме ни составлялся, обойтись практически невозможно, какими бы феноменальными памятью и способностями ни обладал следователь, ибо план становится программой действий не только следователя, но и других лиц, и поэтому непременно должен иметь свое внешнее выражение.

Формы планирования весьма разнообразны. В их числе различные формы собственно письменных планов расследования и многочисленная вспомогательная документация: графики, схемы, карточки, специальные журналы и т. п.¹²⁶ Кроме того, вся документация по планированию различается в зависимости от того, что планируется: отдельное следственное действие, тактическая комбинация, состоящая из системы следственных действий, расследование по конкретному делу в целом, работа следователя по группе дел или работа бригады следователей.

9.3.2. Планирование судебного следствия

Разработка тактики судебного следствия, существенным элементом которой является планирование, значительно отстает от исследования тактики предварительного расследования. Не последнюю роль в этом сыграло мнение, что никакой необходимости в разработке тактики судебного следствия нет. «Известно, что суд в процессе разбирательства уголовных дел, особенно в сложных случаях, применяет планирование судебного следствия, конструирование и проверку судебных версий, анализ показаний при допросах и т. д., — писал А. Н. Васильев. — Но требует ли это разработки особых приемов и средств, идущих от специальных наук, или же достаточно точного соблюдения процессуального порядка рассмотрения уголовных дел и обобщения практики применения соответствующих норма закона? Нет, не требует. В публикуемых работах по вопросам науки уголовного процесса подробно анализируются нормы уголовно-процессуального закона, регла-

¹²⁶ Проблемные вопросы техники планирования расследования предполагается рассмотреть в т. 3 настоящего Курса.

ментирующие судебное следствие, обобщается практика их применения и на основе этого разрабатываются соответствующие рекомендации. Кроме того, не исключается, что судьи могут использовать эпизодически (на практике так и делается) тактические приемы, разработанные криминалистикой для предварительного расследования"¹²⁷.

Аргументация необходимости специальной разработки тактики судебного следствия уже приводилась нами в предыдущем томе Курса. Здесь же можно добавить, что все сказанное А. Н. Васильевым с таким же успехом можно отнести и к разработке тактики предварительного расследования, еще более детально, чем судебное следствие, регламентированного законом и более подробно описанного в трудах ученых-процессуалистов. Однако, несмотря на это, едва ли кто-нибудь из криминалистов усомнится в необходимости и целесообразности разработки именно тактики предварительного расследования.

Нам представляется, что планирование судебного следствия можно разделить на два этапа. На первом этапе происходит проверка версии обвинения и соответственно контрверсии суда. В случае признания судом версии обвинения несостоятельной и возникновения новых судебных версий, принимаемых к проверке самим судом, начинается второй этап судебного следствия, которому соответствует второй этап его планирования. Содержанием этого этапа является планирование проверки этих новых судебных версий.

Можно представить систему элементов планирования судебного следствия примерно так:

І этап

- 1) анализ имеющейся исходной информации (материалов дела) под углом зрения доказанности версии обвинения и выявления оснований для контрверсии;
- 2) определение опорных пунктов версии обвинения, т.е. доказательств, на которых она основывается, что равносильно выделению тех из них, которые подлежат исследованию в судебном заседании¹²⁸;

¹²⁷ А. Н. Васильев. Следственная тактика, сс. 19-20.

¹²⁸ Ароцкер Л. Е. Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве. М., 1964, с. 67. Вопросы планирования судебного следствия, как и другие вопросы тактики судебного следствия, подробно рассматриваются в докторской диссертации: Ароцкер Л. Е. Криминалистические методы в судебном разбирательстве. М., 1965. Отдельные вопросы судебного следствия содержатся в статьях: Ципкин А. Судебное следствие и криминалистика. — Соц. законность, 1938, № 12; Ларин А. Криминалистика — на службу судебному следствию. — Соц. законность, 1955, № 9; Бибиков И. План судебного следствия по уголовному делу. — Соц. законность, 1951, № 6; Баштов Г. План суд. след. стр.

- 3) определение круга необходимых судебных действий;
- 4) составление письменного плана судебного действия со всей требуемой дополнительной документацией.

II этап

- 1) анализ собранной в ходе судебного следствия дополнительной информации;
- 2) выдвижение новых судебных версий и определение задач их исследования;
- 3) оценка возможности проверки новых версий непосредственно самим судом;
- 4) определение необходимых судебных действий;
- 5) внесение коррективов и дополнений в план судебного следствия.

Планирование и в данном случае служит методом организации деятельности — судебного следствия. Мы вполне разделяем мнение Л. Е. Ароцкера, что «планирование судебного следствия обязательно по любому уголовному делу, по которому проводилось дознание или предварительное следствие, а также по делам частного обвинения. Нельзя признать правильным бытующее среди некоторых судей мнение, что планирование судебного следствия необходимо лишь по многотомным, многоэпизодным и групповым делам. Даже рассмотрение самых простых дел нуждается в планировании. Различие в планировании судебного следствия по «простым» и «сложным» делам заключается только в том, что в одних случаях план будет более простым, а в других — более сложным»¹²⁹.

9.3.3. Планирование экспертного исследования

Как и планирование предварительного расследования и судебного следствия, планирование экспертного исследования имеет в своей логической основе такую разновидность частной гипотезы, как версия, выступающая в данном случае в виде экспертной версии.

Проблематике экспертных версий более или менее серьезное внимание стало уделяться лишь в последние годы¹³⁰. Причем некоторые

дебного следствия по уголовному делу. — Соц. законность, 1952, № 5. О важности разработки этих проблем см. **Танасевич В. Г.** О предмете советской криминалистики. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью, вып. 24. М., 1976, сс. 120-121.

¹²⁹ **Ароцкер Л. Е.** Указ. работа, с. 66.

¹³⁰ К числу первых работ, в которых в той или иной степени затрагиваются вопросы экспертной версии, относятся: **Винберг А. И.** Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе. М., 1956; **Коновалов Е. П.** Роль гипотез в криминалистическом исследовании почерка. — В кн.: Проблемы см. след. стр.

авторы вообще отрицали существование экспертных версий. Так, А. М. Ларин писал: «Иногда к числу уголовно-процессуальных версий наряду с версиями следователя и суда относят и экспертные версии, имея в виду предположения, которые возникают и проверяются в ходе экспертного исследования. Такое сближение понятий вряд ли оправданно. Экспертное исследование носит уголовно-процессуальный характер лишь постольку, поскольку поводом к нему является решение следователя или суда, и результаты исследования должны быть представлены назначившему его лицу или органу. По своему же содержанию познавательная деятельность эксперта ничем не отличается от всякого иного исследования, производимого в научных или практических целях»¹³¹. На это А. Г. Филиппов справедливо заметил, что аргументы А. М. Ларина ничего не доказывают, так как экспертная версия — это не обычное предположение, а гипотеза, которая строится для объяснения специфического круга обстоятельств, специальным субъектом, с облечением результатов проверки в специфическую форму, имеющую специфическое значение для установления истины¹³². Значение экспертной версии для деятельности эксперта по производству экспертизы столь же велико, как и значение следственной версии для планирования и осуществления предварительного расследования, а судебной — для судебного следствия.

Экспертная версия, как и другие виды криминалистических версий, представляет собой предположение, объясняющее происхождение или сущность того или иного факта, явления. Ее формирование происходит на основе осмысливания экспертом поставленных перед ним задач, изучения относящихся к экспертизе материалов дела и предварительно-ознакомления с объектами предстоящего исследования.

Изучая экспертное задание под углом зрения следственной или судебной версии, выразившейся в поставленных перед ним вопросах, эксперт как бы протягивает незримую нить от следственной или судебной версии к версии экспертной. При этом частная следственная или судебная версия, для проверки которой назначена экспертиза, становится

судебной экспертизы, вып. 2 М., 1961; **Коновалов Е. П.** Версия при производстве почерковедческих экспертиз. — В кн.: Материалы научного заседания Харьковского научного мед. общества за 1961-62 гг. Киев, 1965; **Белкин Р. С.** Сущность экспериментального метода исследования в советском уголовном процессе и криминалистике. М., 1961; **Белкин Р. С.** Понятие и значение экспертного эксперимента. — Труды НИИМ МВД РСФСР, №4 М., 1961.

¹³¹ **Ларин А. М.** От следственной версии к истине. М., 1976, сс. 6-7.

¹³² **Филиппов А. Г.** Некоторые дискуссионные вопросы учения о криминалистической версии, с. 13.

общей экспертной версией — она дает предположительное объяснение всему явлению в целом.

Но если, например, общие следственные версии определяют методику расследования, поскольку они относятся в целом к составу преступления, а каждый состав преступления расследуется по специфической методике, то общие экспертные версии еще не определяют методики данной экспертизы. В самом деле, вопрос, например, о тождестве объекта может быть решен различными методами, в зависимости от многих факторов, среди которых можно назвать, скажем, такие, как характер идентификационных признаков, вещество слепообразующего и следовоспринимающего объектов, давность образования следа и т. п. В отношении каждого из этих обстоятельств экспертом выдвигается частная экспертная версия.

Частные экспертные версии подчинены общей, вытекают из нее и направлены к достижению выраженной в ней цели исследования. Именно частные экспертные версии являются организующим началом в экспертном исследовании, поскольку выведенные из них следствия определяют методику его осуществления. Однако для построения частных экспертных версий информации, содержащейся в экспертном задании, оказывается недостаточно. Необходимые для формирования частных экспертных версий фактические данные до начала собственно исследования эксперт получает в результате ознакомления с материалами дела и экспертного осмотра объектов экспертизы¹³³.

Как известно, опасение, что ознакомление с материалами дела повлияет на объективность эксперта, было главным аргументом противников закрепления в законе права эксперта знакомиться с материалами дела, относящимися к предмету экспертизы (ст. 82 УПК РСФСР). Отмечая положительное значение знания обстоятельств дела для построения экспертных версий, В. Ф. Орлова обоснованно предупреждала, что «сведения, содержащиеся в материалах дела, могут повлиять на эмоциональное состояние эксперта, что не исключает известной предвзятости в построении версий и проведении исследования». На основе результатов анкетирования, проведенного Всесоюзным научно-исследовательским институтом судебных экспертиз МЮ СССР, В. Ф.

¹³³ Как совершенно верно отмечает А. Р. Шляхов, «основой для предположений (экспертных версий — **Р. Б.**) могут быть данные, полученные экспертом при ознакомлении с материалами дела, осмотре вещественных доказательств, а в последующем — результаты анализа и сравнения признаков изучаемых объектов. В основу гипотезы кладутся также выводы, которые эксперт делает с учетом личного опыта, научных положений криминалистики» (**Шляхов А. Р.** Структура экспертного исследования и гносеологическая характеристика выводов эксперта-криминалиста. — Труды ВНИИСЭ, вып. 4. М., 1972, сс. 21-22).

Орлова привела два варианта реакции эксперта на влияние известных ему обстоятельств дела:

“Вариант первый. А. Сведения, почерпнутые экспертом из обстоятельств дела, идут вразрез с его версией и данными исследования. Эксперт особенно тщательно контролирует себя, неоднократно перепроверяя все свои действия, возможно, запрашивает дополнительные материалы, консультируется с другими экспертами (В. Ф. Орлова указывает, что по данным анкетирования именно так поступают опытные, высококвалифицированные эксперты — **Р. Б.**).

Б. Сведения из обстоятельств дела созвучны с версией эксперта. В случае подтверждения ее данными исследования у эксперта растет уверенность в правильности решения.

Вариант второй. Эксперт подпадает под влияние обстоятельств дела и знание их использует в качестве дополняющего момента к результатам исследований¹³⁴ (по данным анкетирования это иногда наблюдается у неопытных, начинающих экспертов).

В качестве средств нейтрализации отрицательного влияния обстоятельств дела В. Ф. Орлова рекомендует воспитание у экспертов необходимой психологической устойчивости и критического отношения к материалам дела, разработку приемов построения и проверки версий, обеспечивающих объективность исследования, коллективное обсуждение случаев коллизии экспертного вывода и материалов дела¹³⁵.

Исходные данные для построения частных версий эксперт получает и в процессе экспертного осмотра вещественных доказательств, присланных на экспертизу. Именно в процессе осмотра эксперт “производит предварительное критическое сопоставление замеченных им признаков, намечает программу и последовательность предстоящего отдельного анализа и синтеза исследуемых объектов, планирует свои действия”¹³⁶.

Таким образом, экспертный осмотр является не только начальной стадией процесса экспертного исследования, но и такой стадией, которая в известном смысле определяет собой весь ход дальнейшей работы эксперта.

¹³⁴ Орлова В. Ф. Теория судебно-почерковедческой идентификации. — Труды ВНИИСЭ, вып. 6. М., 1973, с. 239.

¹³⁵ Там же, сс. 239-240.

¹³⁶ Винберг А. И. Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе, с. 62.

Количество общих и частных экспертных версий не может быть ограничено априори, безотносительно к конкретному случаю¹³⁷. В практике версии нередко называют экспертными гипотезами. Н. П. Майлис считает, что деление их на общие и частные производится с учетом аналогичной классификации экспертных задач. Она приводит пример такой классификации применительно к процессу экспертной диагностики¹³⁸ и заключает, что “гипотезы сопровождают все действия эксперта и позволяют при правильном построении их и проверке не только добиться правильного решения экспертной задачи, но и найти необходимые обоснования для такого решения”¹³⁹.

Выдвижение всех диктуемых необходимостью экспертных версий позволяет приступить к планированию дальнейшего хода экспертного исследования. Возникает вопрос: каковы принципы планирования экспертного исследования, аналогичны ли они принципам других частей судебного исследования, например, предварительного расследования.

В. Н. Куцый отвечал на этот вопрос, по существу, утвердительно. Он называл принципы индивидуальности, динамичности и принцип использования экспертного опыта и научных рекомендаций¹⁴⁰. Нам же кажется, что это не принцип планирования экспертного исследования, а средство обеспечения реализации принципа индивидуальности: только зная экспертную практику и рекомендуемые наукой для подобных случаев средства и методы исследования, можно максимально индивидуализировать план предстоящей работы, осуществить наиболее оптимальный выбор средств и методов достижения цели.

Мы полагаем, что принципы планирования судебного исследования едины для планирования всех его частей: предварительного расследования, судебного разбирательства, экспертного исследования, оперативно-розыскной деятельности. Это — индивидуальность, динамичность и реальность. Единство этих принципов не отрицает известной

¹³⁷ Нельзя согласиться с Е. П. Коноваловым, который утверждает, что “частных гипотез в одном процессе исследования почерка может быть несколько, а общих — одна либо две” (*Коновалов Е. П.* Роль гипотез в криминалистическом исследовании почерка. — В кн.: Проблемы судебной экспертизы, вып. 2. М., 1962, с. 6).

¹³⁸ *Майлис Н. П.* Роль экспертной гипотезы при решении диагностических задач. — В кн.: Новые разработки и дискуссионные проблемы теории и практики судебной экспертизы. М., 1986

¹³⁹ Там же, сс. 2-3.

¹⁴⁰ *Куцый В. Н.* Планирование проверки экспертных гипотез при исследовании технического состояния автомобиля. — В кн.: Материалы Всесоюзной научной конференции. Ч. 4. М., 1972, с. 7.

специфики их проявления при планировании различных частей судебного исследования, обусловленных спецификой самих этих разновидностей практической деятельности по установлению истины по уголовным делам.

Содержание планирования экспертного исследования состоит из следующих элементов:

- 1) извлечения и анализа исходной информации, содержащейся в экспертном задании и материалах дела, ее пополнения в процессе экспертного осмотра;
- 2) выдвижения экспертных версий и выведения из них следствий;
- 3) выбора методики (или методик) исследования;
- 4) определения средств проверки прогнозируемых результатов.

Процесс планирования экспертного исследования редко завершается составлением письменного плана. Иногда внешним выражением этого процесса являются рабочие заметки о программе предстоящего исследования, избранных методиках, предполагаемых средствах и методах.

10. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПРИЧИННОСТИ

10.1. Содержание криминалистической теории причинности

Криминалистическая теория причинности относится к числу формирующихся частных криминалистических теорий. Это, разумеется, не означает, что причинность, причинно-следственные связи только в последнее время привлекли внимание криминалистов. На протяжении всего существования криминалистической науки проблемы причинности были объектом исследования криминалистов, ибо само представление о процессе раскрытия и расследования преступлений предполагает установление причинно-следственных связей, требует разработки средств и методов их познания, обуславливает внимание к проблемам причинности как в научном, так и в практическом аспектах.

Проблема причинности — одна из важнейших философских проблем правовой науки. В философии причинность определяется как «такая генетическая связь явлений, в которой одно явление, называемое причиной, при наличии определенных условий неизбежно производит, порождает, вызывает к жизни другое явление, называемое следствием (или действием)». Под причинностью понимается также и философская категория, обозначающая вышеуказанную форму связи явлений. Таким образом, причинность есть как определенная черта объективной реальности, так и общее понятие, отражающее в нашем мышлении эту черту реальности с той степенью глубины, полноты и конкретности, которая определяется достигнутым уровнем развития науки¹. Причина как порождающее условие обладает определенной степенью вероятности,

¹ Кузнецов И. В. Категория причинности и ее познавательное значение. — В кн.: Теория познания и современная наука. М., 1967, с. 3.

поскольку порождающих условий для каждого явления существует в принципе бесконечно много. Возникает «проблема выбора причины из порождающих условий. Этот выбор зависит от многих факторов, но более всего — от конкретной деятельностной или теоретической ориентации субъекта. Причина есть практическое понятие и в том смысле, что она выделяется в интенции на деятельность, на возможное практическое действие и она выделяется таким образом, чтобы подчеркнуть возможность некоторого действия. Именно эта практическая ориентация позволяет нам выделить причину из многих логически равноправных условий в той или другой конкретной ситуации»². С развитием практики и познания выявляются новые виды причинности. Но причинность не следует отождествлять с категорией всеобщей связи явлений.

Против отождествления причинности со всеобщей закономерной связью и взаимозависимостью явлений объективного мира неоднократно выступал В. И. Ленин. Он подчеркивал, что «каузальность, обычно нами понимаемая, есть лишь малая частичка всемирной связи, но (материалистическое добавление) частичка не субъективной, а объективно реальной связи»³, что каузальность лишь односторонне, отрывочно и неполно выражает всесторонность и всеобъемлющий характер мировой связи⁴, а поэтому «причина и следствие, *ergo*, лишь моменты всемирной взаимозависимости, связи (универсальной), взаимосцепления событий, лишь звенья в цепи развития материи»⁵.

Причинность — одна из форм связи и как таковая она «никогда не реализуется в «чистом» виде, освобожденном от присутствия других форм связи, и только в абстракции может быть отделена от них. Но такая абстракция необычайно плодотворна и эффективна, потому что помогает вскрыть причину как основу, на которой складывается вся система многообразных явлений природы и общества»⁶. Существует бесчисленное многообразие причинно-следственных зависимостей. Так, по признаку природы отношений причинно-следственные связи подразделяются на материальные и идеальные, информационные и энергетические, физические, химические, биологические, социальные; по характеру связей — на динамические и статические; по числу и связности

² **Перминов В. Я.** Проблема причинности в философии и естествознании. М., 1979, с. 34; Очерки по диалектическому материализму, М., 1985, с. 124.

³ **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 29, с. 144.

⁴ Там же, т. 29, с. 143; т. 18, с. 160.

⁵ Там же, т. 29, с. 143.

⁶ Философский энциклопедический словарь. М., 1983, с. 532.

воздействий — на простые и составные, однофакторные и многофакторные, системные и внесистемные; а также могут подразделяться на внешние и внутренние, объективные и субъективные и др.⁷

Причинно-следственные связи выявляются путем совокупности методологических и методических подходов к изучению обусловленности одних явлений действительности (следствие) другими (причина). Такая совокупность носит название причинного анализа, цель которого — прогнозировать следствие из причины на основе предварительного эмпирического анализа взаимоотношений между ними⁸.

Философские принципы решения проблемы причинности являются основой рассмотрения категорий причины и следствия и в правовой науке. При этом следует подчеркнуть, что каждая юридическая наука исследует проблему причинности в том аспекте, который диктуется предметом этой науки. Так, например, в уголовно-правовой науке исследование проблемы причинности ведется преимущественно в аспекте решения вопроса о связи между общественно опасным деянием и наступлением преступного результата и относится к характеристике элементов состава преступления. При этом, как подчеркивается в уголовно-правовой литературе, для уголовного права не представляют интереса все звенья причинно-следственного ряда. «Фактически под термином «причинная связь», — отмечает В. Н. Кудрявцев, — нередко кроется ряд взаимодействующих явлений, которые мы в отдельности не фиксируем, так как нас интересует только начало и конец соответствующей цепи, именуемой нами причиной и следствием»⁹. Критерий юридической значимости причинной связи определяется по-разному. С точки зрения А. Н. Трайнина, им является «степень причинения»¹⁰. По мнению Т. В. Церетели, это «степень способствования наступлению преступного результата»¹¹.

При рассмотрении вопросов Особенной части уголовного права в ряде случаев обращается внимание на различие признаков причинной связи в отдельных видах преступлений. Так, М. Д. Шаргородский анали-

⁷ Там же, с. 531. См. также *Философия, основные идеи и принципы*. М., 1985.

⁸ *Краткий словарь по социологии*. М., 1988, с. 249. См. также *Диалектика познания*. М., 1988.

⁹ *Кудрявцев В. Н.* Объективная сторона преступления. М., 1960, с. 188. Эти взгляды разделял и А. А. Пионтковский (*Пионтковский А. А.* Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961, с. 218).

¹⁰ *Трайнин А. Н.* Общее учение о составе преступления. М., 1957, с. 168.

¹¹ *Церетели Т. В.* Причинная связь в уголовном праве. М., 1963, с. 202.

зирует особенности причинной связи в таких составах, как халатность, нарушение трудовой дисциплины на транспорте, нарушение правил охраны труда и т. п.; Н. И. Загородников — в составах преступлений против жизни и т. д.¹² Подобный анализ может относиться к преступлениям, объединенным не по составу, а по иным основаниям (преступления несовершеннолетних, профессиональная, организованная преступность и т. п.)¹³.

В отличие от уголовно-правового, криминологический аспект проблемы причинности — это в общей форме исследование вопросов о причинах преступности в целом, причинах отдельных категорий преступлений и конкретных преступлений, об обстоятельствах, способствующих срабатыванию этих причин, то есть способствующих совершению преступления. Характеризуя предмет советской криминологии, А. А. Герцензон писал, что изучение и предупреждение преступности “предполагает разработку точных и ясных положений о причинах преступности, об условиях и обстоятельствах, способствующих ей”¹⁴. Он указал, что к причинам преступности относятся те явления и процессы, которые порождают намерения совершить преступление, формируют отрицательный нравственный облик правонарушителей, а условиями, способствующими реализации действия причины, являются такие обстоятельства, которые облегчают реализацию преступных намерений и достижение преступных результатов¹⁵.

В. Н. Кудрявцев, детально исследуя проблему причинности в криминологии, исходит из того, что причинная зависимость в социальной области обычно многозначна. Эта многозначность проявляется в том, что, во-первых, каждая причина порождает несколько следствий, а каждое следствие есть результат действия нескольких обстоятельств (ряда причин и условий) и, во-вторых, имеется и специфическая вероятностная сторона многозначности причинной связи, заключающаяся в том, что при замене какого-либо условия, даже при одной и той же причине, получается другой результат.

В криминологическом плане проблема причинности, по мнению В. Н. Кудрявцева, включает в себя исследование “причинной цепочки, объяс-

¹² *Шаргородский М. Д.* Вопросы общей части уголовного права (законодательство и судебная практика). Л., 1955, сс. 55-76; *Загородников Н. И.* Преступления против жизни. М., 1961, с. 56.

¹³ См. *Карпец И. И.* Преступность: иллюзии и реальность. М., 1992.

¹⁴ *Герцензон А. А.* Введение в советскую криминологию. М., 1965, с. 23.

¹⁵ Советская криминология. Учебник для юридических вузов. М., 1966, с. 57.

няющей преступное поведение”, основными звеньями которой являются:

- ◆ а) то, что предшествует преступному деянию — период формирования личности преступника и ее взаимодействие с конкретной жизненной ситуацией. “Здесь преобладают статистические закономерности. Причинные связи развиваются главным образом в области социальных явлений; они носят информационный характер и изучаются социологическими методами”¹⁶;
- ◆ б) развитие причинной связи от акта преступного действия (бездействия) до наступления преступного результата. “Волевой акт правонарушителя воплощается в физическом или информационном воздействии на внешнюю среду. Эти внешние причинные связи, имеющие более узкий характер динамического взаимодействия, в общем, довольно подробно изучены юридическими науками”¹⁷;
- ◆ в) личность правонарушителя с его сознанием и волей как центральное звено “цепочки”, которое связывает причину и следствие. “Сложный механизм причинной связи в криминологии складывается в результате взаимодействия причин и условий, причин главных и второстепенных, событий закономерных и случайных”¹⁸.

Изучение причинных связей в криминологии, подчеркнул В. Н. Кудрявцев, не является самоцелью, а предпринимается для того, чтобы уяснить механизм как индивидуального преступного поведения, так и массовых социальных процессов; знание объективных связей и отношений в этой области создает научную основу для борьбы с преступностью¹⁹.

Важность проблемы причинных связей, их установления и содержания, обусловила то место, которое ей отводится в криминологической науке: “...составная часть науки криминологии — причины преступности и условия, ей сопутствующие. Проблема причинности — одна из ключевых и трудных проблем в общественных науках и, конечно, в криминологии... проблема причинности — не только теоретическая, но и практическая, ибо без изучения причин такого явления, как преступность, и

¹⁶ Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии. М., 1968, с. 9.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, с. 10.

¹⁹ Там же, с. 151.

условий, ему способствующих, нельзя на научной основе, со знанием дела вести борьбу с преступностью”²⁰.

Наконец, уголовно-процессуальный аспект проблемы причинности заключается в исследовании связей между доказательствами и предметом доказывания, то есть в конечном счете в исследовании связей между фактами вообще и в доказательственных рядах в частности. Следует отметить, что ранее большинство процессуалистов рассматривали связь между доказательствами только как связь причинную, нередко ставя между ними знак равенства. Именно на причинный характер связи доказательств с обстоятельствами, входящими в предмет доказывания, указывали в своих работах М. М. Гродзинский²¹, М. С. Строгович²² и другие авторы. С начала 60-х годов это положение подверглось пересмотру.

Констатируя, что “в процессуальной и криминалистической литературе связи между фактами обычно рассматриваются суммарно, не расчленяются на отдельные типы либо сводятся к одному типу — причинной связи”²³, А. А. Эйсман предложил выделить следующие пять форм связи, имеющих доказательственное значение:

- ◆ а) генетическая связь, то есть связь между причиной и следствием, между условием и обусловленным;
- ◆ б) функциональная связь как связь между взаимозависимыми процессами — производная от причинной и являющаяся ее количественной характеристикой;
- ◆ в) объемная связь, существующая между предметами, составляющими группу, род, вид и т. п., вплоть до связи состояний одного единичного предмета;
- ◆ г) субстанциональная связь, то есть связь между свойствами вещи и самой вещью как целым;

²⁰ Криминология. М., 1995, сс. 22-23. См. также *Блувштейн Ю. Д., Добрынин А. В.* Основания криминологии. Опыт логико-философского исследования. Минск, 1990, с. 43 и след.

²¹ *Гродзинский М. М.* Улики в советском уголовном процессе. — Ученые труды ВИЮН, вып. VII. М., 1944, с. 79.

²² *Строгович М. С.* Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955, с. 351.

²³ *Эйсман А. А.* О формах связи косвенных доказательств. — Вопросы криминалистики, 1964, № 11, с. 15.

◆ д) связь преобразования, то есть связь между не поддающимися непосредственному восприятию явлениями, свойствами и их воспринимаемыми копиями, полученными в результате исследования²⁴.

Однако, несмотря на изменившиеся представления о характере существенных для доказывания связей между доказательствами, в процессуальном аспекте по-прежнему исследуется преимущественно генетическая связь. Остальные виды связи стали предметом рассмотрения в криминалистической литературе.

Отсутствие в законе указания на признаки причинной связи побудило процессуалистов и криминалистов к конструированию перечней таких признаков. С одним из наиболее полных перечней мы встречаемся в работах З. М. Соколовского. Рассматривая юридические признаки причинной связи лишь под углом зрения их пригодности для доказывания, З. М. Соколовский относил к их числу данные о том:

- ◆ а) было ли деяние обвиняемого необходимым условием наступления опасных последствий;
- ◆ б) было ли наступившее последствие необходимым или случайным результатом деяния обвиняемого;
- ◆ в) было ли последствие неизбежным, мог ли обвиняемый своими действиями предотвратить его;
- ◆ г) осознавал и мог ли осознавать обвиняемый развитие событий, образовавших причинную цепь;
- ◆ д) была ли причинная связь непосредственной;
- ◆ е) была ли причинная связь прямой;
- ◆ ж) было ли поведение обвиняемого не только необходимым, но и достаточным условием наступления последствий;
- ◆ з) однородны ли последствия по своему характеру той опасности, которая создана деянием обвиняемого;
- ◆ и) какую роль сыграло деяние обвиняемого в наступлении имевших место последствий²⁵.

Исследование проблемы причинности в уголовно-процессуальном аспекте создает необходимые предпосылки для криминалистического изучения проявлений категорий причины и следствия в уголовном судопроизводстве. Если в уголовно-процессуальной науке акцент делается на определение подлежащих доказыванию юридически значимых при-

²⁴ **Эйман А. А.** Заключение эксперта. Структура и научное обоснование. М., 1967, с. 8.

²⁵ **Соколовский З. М.** Проблема использования в уголовном судопроизводстве специальных знаний при установлении причинной связи явлений. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Харьков, 1968, с. 6.

знаков причинной связи, то криминалистика ставит своей целью исследование ситуационных признаков явлений, позволяющих сделать вывод о наличии или отсутствии причинной связи, раскрыть процесс отражения, позволяющего проследить причинную обусловленность и зависимость результата отражения — «отпечатка» исследуемого явления от отражаемого объекта — преступления, со всеми его внутренними и внешними связями, имеющими значение для процесса доказывания.

Мы полагаем, что достигнутый уровень криминалистических научных исследований проблемы причинности позволяет уже сейчас говорить о криминалистической теории причинности как о формирующейся частной криминалистической теории. Консолидация существующих отдельных теоретических построений в рамках такой самостоятельной теории, как нам представляется, позволит полнее реализовать основные методологические функции принципа причинности — объяснительную и прогностическую — как в криминалистической науке, так и применительно к ее «продукту» — средствам и методам работы с доказательствами.

Последовательная разработка криминалистического аспекта принципа причинности не только количественно, но и качественно обогатит общую теорию криминалистики, ибо, как справедливо указал И. З. Налетов, «принцип причинности не только служит основой количественного роста научного знания, но и влияет на качественную сторону его развития, обеспечивает понимание существа природных и общественных явлений»²⁶. Развивая это положение, он отмечает, что научная теория, опираясь на принцип причинности, предсказывает следствия (если известна причина и сформулированы допущения для данной области исследования), события, относящиеся к условиям возникновения следствия (если известны причина и возможное в будущем следствие, но требуется сформулировать допущения, при которых данная причинная зависимость может быть реализована), объясняет причины, если известно следствие и сформулированы новые явления, когда известно событие, подлежащее объяснению, однако неизвестны условия (не сформулированы или неверно определены допущения), необходимые для того, чтобы получить объяснение данного события»²⁷.

Ведя речь о криминалистической теории причинности, необходимо сделать одну оговорку. В философском аспекте криминалистическая теория причинности не есть нечто отличное от философской теории причинности в ее диалектико-материалистическом понимании, а представляет собой реализацию последней в частной предметной области.

²⁶ И. З. Налетов. Причинность и теория познания. М., 1975, с. 190.

²⁷ Там же, сс. 190-191.

Специфика криминалистической теории причинности, позволяющая усматривать ее отличие от концепций причинности в уголовном праве, криминологии и других науках — при единстве философской базы, то есть едином понимании принципа причинности, — в специфике ее объекта.

Объектом криминалистической теории причинности является механизм преступления и содержательная сторона процесса его установления.

Выяснение в процессе доказывания характера и содержания механизма события по его следам основывается, во-первых, на том, что цепи причинения обладают пространственной или временной непрерывностью. «Это значит, что ни в каком месте любой цепи причинения нет разрывов, то есть не существует таких явлений, которые, будучи причиной и следствием, оказались бы разделенными конечным пространственным промежутком, не заполненным некоторыми другими явлениями, охватывающими все точки этого промежутка без каких-либо пропусков... Это значит, что, когда имеется причинная, генетическая, связь двух каких-либо явлений, находящихся в одной и той же области пространства, но разделенных конечным промежутком времени, тогда между этими явлениями существует множество других причинно-связанных событий, которые смежны во времени и в своей совокупности образуют непрерывный временной процесс, соединяющий указанные два события в органически слитное единство»²⁸.

Основанием для установления механизма события по следам-отражениям, во-вторых, служит такая черта динамики причинно-следственных связей, как «перенос структуры от причины к следствию, то есть воспроизведение в ходе причинения структуры причины в структуре следствия, «отображение» первой во второй»²⁹.

Наконец, в-третьих, таким основанием является необратимость причинно-следственной связи во времени, из чего следует, что и результат отражения, как конечная фаза этого процесса, является односторонне направленным во времени. При этом мы как бы вырываем причинную связь из всеобщей универсальной связи, имея в виду, что «причина и следствие суть представления, которые имеют значение, как таковые, только в применении к данному отдельному случаю; но как только мы будем рассматривать этот отдельный случай в его общей связи со всем мировым целым, эти представления сходятся и переплетаются в представлении универсального взаимодействия, в котором причины и след-

²⁸ Кузнецов И. В. Указ работа, с. 8.

²⁹ Там же, с. 17.

ствия постоянно меняются местами: то, что здесь или теперь является причиной, становится там или тогда следствием, и наоборот”³⁰.

Необходимым условием использования принципа причинности для познания механизма события является правильное понимание значения причинно-следственных связей лишь как частицы универсальной связи. Причинность не охватывает собой всего многообразия объективных связей действительности; причина и следствие, как парные категории диалектики, не поглощают других парных категорий и не заменяют их. Между тем подобную ошибку, как нам кажется, допустил И. М. Лузгин, когда отнес к числу разновидностей причинно-следственных связей связь необходимого и случайного и связь общего и единичного³¹. Связи между конкретными проявлениями этих категорий могут быть, а могут и не быть причинно-следственными. Уже поэтому их нельзя рассматривать в качестве разновидностей генетической связи.

Более правильно, на наш взгляд, решала вопрос Н. А. Якубович, относя к генетическому типу связей причинно-следственные отношения и связь условия с обусловленным³². Сами же причинно-следственные связи целесообразно разделять на непосредственные (прямые) и опосредствованные (косвенные), имея при этом в виду, что, по сути, всякая опосредствованная связь состоит из некоей суммы, “цепочки” непосредственных связей: “Опосредствованные связи требуют промежуточных звеньев, каждое из которых будет иметь свою непосредственную связь”³³.

Среди ученых-криминалистов, изучающих проблему причинности и иных философских категорий применительно к предмету и содержанию криминалистической науки выдающую роль играл И. М. Лузгин, посвятивший этой проблематике ряд незаурядных работ.

Игорь Михайлович Лузгин (1919-1993), выдающийся ученый-криминалист и одаренный педагог, в 1956 г. после службы в армии и оперативной работы в органах внутренних дел, окончив ВЮЗИ, переходит на преподавательскую работу в Высшую школу МВД, где с первых же шагов на научном поприще проявил себя как серьезный исследователь с широким научным кругозором. Его работы по проблематике следственных версий, закономерностей формирования и использования научных методов в теории и практике борьбы с преступностью, сущности и содержания по-

³⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 22.

³¹ *Лузгин И. М.* Методологические проблемы расследования. М., 1963, сс. 49, 54.

³² *Якубович Н. А.* Роль философских категорий в познании природы судебных доказательств. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью, вып. 5. М., 1967, с. 100.

³³ *Лузгин И. М.* Методологические проблемы расследования. с. 55.

знавательной деятельности в процессе расследования преступлений привлекли внимание ученых-криминалистов и процессуалистов.

Профессионально владея философской теорией познания, И. М. Лузгин продуктивно использовал ее положения в применении к анализу процесса расследования как процесса познания, в исследовании широкого круга методологических проблем криминалистической науки. Его книги "Расследование как процесс познания" (М., 1969) и "Методологические проблемы расследования" (М., 1973) положили начало целому направлению научных исследований в криминалистике и уголовном процессе. Он был пионером в области применения метода моделирования в теории и практике расследования и оперативно-розыскной деятельности ("Моделирование при расследовании преступлений", М., 1981), инициатором формирования междисциплинарной научной дисциплины "Логика доказывания", подготовив по ней учебное пособие "Логика следствия" (М., 1976). Уже сами названия его книг свидетельствуют о широте научных интересов ученого, память о котором хранят его коллеги и многочисленные ученики.

Исследуя особенности проявления диалектических категорий причины и следствия при познании механизма преступления, криминалистическая теория причинности способствует разработке системы практических рекомендаций установления механизма события в процессе судебного исследования. Эти рекомендации опираются на определенные познавательные операции, к числу которых И. Д. Кучеров и А. П. Шулуc правильно, по нашему мнению, относили:

- 1) операцию вычленения (дифференциации) из всеобщей взаимосвязи системы, компоненты которой связаны между собой отношениями активного взаимодействия;
- 2) операцию структурно-функционального анализа выделенной системы в целях выявления активно действующих компонентов внутри системы, которые могут соотноситься между собой, как причина, следствие и условия действия причины;
- 3) формально-логические операции установления причинной связи;
- 4) определение корреляционного воздействия компонентов системы на реализацию причины;
- 5) отождествление информативного содержания следствия с информативным содержанием причины с целью признания за последней ее качества³⁴.

В подтверждение последнего положения авторы ссылаются на слова И. В. Кузнецова: "Остается справедливым, что структура следствия пол-

³⁴ И. Д. Кучеров, А. П. Шулуc. Структура познания причинности в уголовном судопроизводстве. — В кн.: Экспертиза при расследовании преступлений, вып. 10. Вильнюс. 1972, сс. 7-8.

ностью или очень близко, или вообще в какой-то мере воспроизводит, повторяет структуру причины”³⁵.

Все эти операции, поскольку речь идет о процессе доказывания, направлены на исследование единичных причинных связей. Практика таких исследований служит основой для обобщений разного уровня и формулирования основных положений рассматриваемой криминалистической теории, относящихся уже к общим причинам и к общим следствиям. Однако зависимость между этими общими причинами и общими следствиями уже носит не абсолютный, безусловно достоверный, а вероятный характер. По существу, мы здесь имеем дело со статистической закономерностью. “Статистическая закономерность выражает такую форму причинной связи, при которой каждое начальное состояние системы определяет все ее последующие состояния не однозначно, а лишь с некоторой вероятностью, представляющей объективную меру возможности осуществления данного состояния”³⁶. Знание общих причин и общих следствий служит исходным пунктом при установлении единичной причинной связи в конкретном акте судебного исследования при ее выявлении как следователем и судом, так и экспертом. Об установлении такого единичного через общее применительно к механизму преступления пишет С. Н. Чурилов: определение механизма преступления как системы устойчивых связей объекта выражает устойчивые и упорядоченные отношения между элементами системы, рассматриваемой на уровне массового, но не единичного явления. Эти отношения “есть не что иное, как закономерные причинно-следственные связи. В переводе на криминалистический язык это означает, что структура преступления выражает причинно-следственные отношения между эмпирическими данными, полученными в результате изучения и обобщения сходных преступлений, то есть общие причины и общие следствия. Последние играют познавательную роль при установлении единичных причинно-следственных связей, характеризующих конкретное расследуемое преступление”³⁷.

³⁵ Кузнецов И. В. Принцип причинности и его роль в познании природы. — В кн.: Проблемы причинности в современной физике. М., 1960, с. 68.

³⁶ Мелюхин С. Т. О соотношении возможности и действительности в неорганической природе. — В кн.: Проблемы возможности и действительности. М.-Л., 1964, с. 45.

³⁷ Чурилов С. Н. Проблемы общего метода расследования преступлений. М., 1993, с. 244.

10.2. Проблемные вопросы установления механизма события с помощью следственных (судебных) действий

Необходимость составить представление о механизме события возникает у следователя на начальном этапе расследования, а в тех случаях, когда осмотр места происшествия предшествует возбуждению уголовного дела, — фактически до начала расследования. Это представление, выступая как мысленная модель события, формируется прежде всего на базе восприятия и анализа следователем материально-фиксированных “отпечатков” события, с которыми он сталкивается на месте происшествия.

Преступление как отражаемый объект может вызвать изменения среды двух видов — качественные и количественные. И те и другие могут касаться как обстановки места происшествия, так и отдельных объектов, определяющих ее содержание и характеристику. Под обстановкой места происшествия понимается проявление качества и пространственных связей объектов, составляющих в своем комплексе место происшествия. Таким образом, обстановка места происшествия характеризует условия, в которых было совершено преступление, а эти условия с одной стороны, играют в известной степени детерминирующую роль по отношению к механизму события, являясь причиной отдельных его элементов (например, причиной выбора данного способа совершения преступления), а с другой — следствием события преступления, повлекшего изменение среды.

Наличие причинно-следственных связей между механизмом события и обстановкой места происшествия не дает никаких оснований полагать, что они связаны между собой по типу отношений между формой и содержанием. Между тем именно с таким сопоставлением можно встретиться в литературе. “Обстановка места происшествия, — пишет Ю. И. Ильченко, — является внешним проявлением внутреннего содержания события преступления, своеобразной формой его существования (разрядка наша — **Р. Б.**). Как и всякое явление или событие объективного мира, она представляет собой оформленное материальное явление, выступающее как совокупность взаимосвязанных частей и элементов. Эта совокупность имеет определенное строение — структуру, — которую можно рассматривать и как результат, и как процесс — последова-

тельное и закономерное изменение состояний данной совокупности элементов”³⁸.

Ошибочность приведенного положения состоит, как представляется, в следующем. Если считать обстановку места происшествия формой существования преступления, то, во-первых, можно сделать вывод, что преступление еще существует в момент осмотра, а не является к этому времени событием прошлого.

Во-вторых, поскольку по классической формуле “форма существенна”, можно считать, что сама обстановка места преступления носит преступный характер, между тем совершенно очевидно, что не всякие изменения в обстановке можно охарактеризовать по их существу как криминальные (не по причине их происхождения, а именно по их содержанию).

В-третьих, объявление обстановки места происшествия формой существования преступления, имея в виду единство формы и содержания, означает объединение отражаемого объекта и отражения как результата преступного деяния в одно целое, что противоречит представлению о процессе отражения и одному из его принципов: отражение зависит от отражаемого, тогда как отражаемое от отражения не зависит.

Наконец, если обстановка места происшествия есть форма существования преступления, то как объяснить, что одни и те же изменения в обстановке могут быть следствием разных по своей юридической квалификации событий, тогда как известно, что форма всегда выражает содержание, является отражением его структуры, то есть сущности. Все сказанное диктует необходимость говорить о связи, взаимодействии, взаимообусловленности события преступления и обстановки места происшествия, но не об объединении их в одно целое.

Ошибочность исходного положения повлекла за собой и ошибочность выводов, которые делает Ю. И. Ильченко. Он считает обстановку места происшествия конечным результатом преступления, забывая, что результатом преступления является наступление общественно опасных последствий преступного деяния (или возможность их наступления), что может вовсе не отразиться в обстановке места происшествия. Обстановка места преступления отражает не результат преступления, а действия преступника, направленные на достижение преступного результата, и через действия — некоторые признаки преступника как действующего или бездействующего человека.

³⁸ *Ильченко Ю. И.* Тактические приемы исследования материальной обстановки места происшествия. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Алма-Ата, 1966, с. 8.

Ю. И. Ильченко правильно расценивает обстановку места происшествия как структуру и справедливо отмечает, что перед следователем стоит задача в ходе осмотра места происшествия установить начальное состояние этой структуры, чтобы определить, какие изменения в обстановке произведены преступлением. «Мысленное проникновение в механизм преступления по материальной обстановке, на наш взгляд, имеет некоторую специфику. Она заключается в том, что изучение минимум двух различных состояний структуры почти всегда затруднено рядом объективных причин. Во-первых, происхождение некоторых следов не всегда удается установить в начале изучения материальной обстановки, что не позволяет четко разграничить исходное состояние структуры и его конечный результат. Во-вторых, информация об этих двух состояниях, получаемая из нескольких источников (имеются в виду, кроме изучения обстановки, объяснения свидетелей, потерпевших и т. д.), в силу объективных причин, могущих быть связанными с особенностями восприятия события или условиями, в которых оно протекало, бывает противоречивой. Эти затруднения, однако, могут компенсироваться внимательным и целеустремленным изучением установленных обстоятельств события»³⁹. Справедливость приведенного положения очевидна, однако оно не вытекает из предшествующих рассуждений о том, что сущность механизма преступления заключается в связи и взаимозависимости начального и конечного состояния этой структуры — обстановки места происшествия.

Изменения обстановки места происшествия не отражают всего механизма события. Круг отражающих объектов не исчерпывается такой обстановкой, он значительно шире, поэтому считать изменение обстановки полным отражением механизма события нельзя. Кроме того, сведение сущности механизма события к изменению обстановки на месте происшествия наталкивает на мысль, что преступление совершается лишь путем такого изменения, тогда как сами по себе изменения обстановки в ряде случаев могут и не иметь криминального характера. Однако каковы бы ни были по своей «окраске» изменения обстановки места происшествия, они, несомненно, играют существенную роль в познании механизма преступления, по отношению к которому они находятся в генетической связи.

В этом аспекте представляет интерес проблема так называемых негативных обстоятельств, под которыми обычно понимают обстоятельства, противоречащие обычному представлению о ходе вещей в данном случае. В сущности, представление о том или ином обстоятельстве,

³⁹ *Ильченко Ю. И.* Указ. работа, с. 9.

выявляемом чаще всего в результате анализа обстановки места происшествия, как о негативном, основывается на установлении отсутствия причинной связи этого обстоятельства с событием преступления, точнее с его механизмом. По мысли В. К. Лисиченко и А. С. Зеленковского, негативные обстоятельства — результат сопутствующего механизму преступления отражательного процесса, следствие развития иной причинно-следственной связи. “Возможности выявления и особенности использования негативных обстоятельств в расследовании конкретных преступлений всегда зависят от их вида и источника, а также от характера связи этого источника с механизмом преступления и сопутствующим отражательным процессом, в результате которого они возникли... По своей природе негативные обстоятельства являются прямыми источниками доказательств лишь имевшего место определенного ситуационного сопутствующего совершению преступления процесса, вызванного отдельными актами поведения его участников при подготовке к преступлению, в ходе его совершения, а также после него, например в результате инсценировки”⁴⁰. Распознавание негативных обстоятельств сводится, таким образом, к установлению отсутствия причинно-следственной связи их с механизмом преступления и выявлению иного причинно-следственного каузального ряда.

Исследуя возможности применения принципов системного подхода к анализу материальной обстановки места происшествия, В. А. Жбанков считал целесообразным использование при осмотре типологии связей, предложенной В. Н. Садовским⁴¹. Полемизируя с Ю. И. Ильченко, полагавшим, что познание механизма происшествия по материальной обстановке осуществляется изучением последовательно отдельных следов и их связей, затем группы однородных следов и т. д., то есть “по принципу: от следа к факту, от совокупности группы следов к отдельным об-

⁴⁰ Лисиченко В. К., Зеленковский А. С. О понятии негативных обстоятельств и механизме их возникновения. — Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 39, Киев, 1989, сс. 8-9.

⁴¹ В. Н. Садовский делит связи на прямые и косвенные, а последние — на обратные последовательные, параллельные и обратные параллельные (Садовский В. Н. Проблемы общей теории систем как метатеории. — В кн.: Системные исследования. Ежегодник. М., 1973. Приводится по кн.: Жбанков В. А. Принципы системного подхода в криминалистике и в практической деятельности органов внутренних дел при собирании, исследовании, оценке и использовании доказательств. М., 1977, сс. 104-105).

стоятельствам и далее к механизму, существу события”⁴², В. А. Жбанков утверждал, “что изучение материальной обстановки начинают с выявления элементов и связей, несущих большую информацию”. “Несомненно, — писал он, — что прямые связи более информативны по сравнению с косвенными. К тому же прямые связи позволяют выдвинуть различные предположения на уровне элементов. Поэтому при осмотре места происшествия выявляют в первую очередь прямые связи между элементами системы, а затем косвенные”⁴³.

Нам кажется, что в рассуждениях В. А. Жбанкова есть внутреннее противоречие. Выявление элементов и связей, несущих большую информацию, возможно лишь в результате осмотра, а не до него. Лишь после того, как будут выявлены и оценены все элементы обстановки места происшествия и связи между ними, можно судить о степени их информативности.

Суждение о механизме преступления по материально-фиксированным отражениям на месте происшествия предполагает вслед за изучением этих следов их гипотетическое объяснение. Такое объяснение причин возникновения следов и есть версия о механизме преступления.

Для установления механизма преступления предположения о причинах, вызвавших изменения в обстановке места события, о структуре и содержании связи между отражаемым объектом и результатом отражения, то есть в общем виде — о причине и следствии, должны стать достоверным знанием. Это значит, что правильность представления о механизме преступления должна быть доказана.

Сложность доказывания причинно-следственной связи обусловлена тем, что эта связь для следователя всегда носит умозрительный характер, в материализованном виде выступают лишь отдельные ее проявления. Такой “лоскутный” характер информации о причинно-следственной связи объясняется множественностью возможных вариантов этой связи, а вовсе не уничтожением или изменением во времени каузального ряда, как это полагает В. М. Шванков⁴⁴.

Причинно-следственную связь, уже сработавшую при совершении преступления, впоследствии ни уничтожить, ни изменить невозможно именно в силу того, что она как материальный объект не существу-

⁴² *Ильченко Ю. И.* Тактические приемы исследования материальной обстановки места происшествия. Дисс. ... канд. юрид. наук. Алма-Ата, 1966, с. 126. (цит. по указ. работе В. А. Жбанкова).

⁴³ *Жбанков В. А.* Указ. работа, сс. 105-106.

⁴⁴ *Шванков В. М.* Гносеология и судебная истина. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью, вып. 9. М., 1969, с. 75.

ет, а лишь проявляется в материальных объектах, состоящих в такой связи; уничтожить или изменить можно только материальные проявления генетической связи, которая сама по себе уже осуществилась.

Здесь мы коснулись весьма важного вопроса о наблюдаемости причинно-следственных связей.

Наблюдаемость причинности состоит в наблюдаемости действия причины и наблюдаемости процесса воздействия причины и его результата — следствия. Естественно, что чем сложнее причинно-следственная связь, чем больше посредствующих между причиной и следствием звеньев, тем более осложняется наблюдаемость такой связи. «Наблюдаемость такой причинной связи может считаться полной, — пишет И. З. Налетов, — если с помощью органов чувств могут быть восприняты все моменты причинной связи: причина, следствие и процесс (средство) передачи материального воздействия»⁴⁵. Объектом непосредственного наблюдения следователя или суда могут быть только материализованные следствия как конечное звено этой связи и в некоторых случаях, когда это явление носит длящийся характер, материализованные проявления процесса воздействия причины. Полная наблюдаемость причинности может быть достигнута при производстве тех или иных экспериментальных действий, но это наблюдаемость аналога, а не оригинала. Ясно, что в процессе криминалистического научного исследования складывается иное положение: здесь может быть достигнута полная наблюдаемость и сложных причинно-следственных связей, ибо отсутствуют временной и процессуальный барьеры наблюдения исследуемого события.

Вопрос о методах доказывания механизма преступления является в рассматриваемом аспекте частным случаем проблемы доказывания причинной связи вообще и не получил однозначного разрешения в литературе. Так, по мнению З. М. Соколовского, для установления причинной связи в доказывании используются такие логические методы, как метод единственного сходства, метод единственного различия, соединенный метод сходства и различия, метод сопутствующих изменений, метод остатков⁴⁶. Данные методы, считает З. М. Соколовский, «фактически используются следователями при решении вопросов, относящихся к причинности. Этому в принципе не препятствует ни «множественность причин», ни «смешение следствий», с которыми часто сталкиваются лица, ведущие расследование, и суд»⁴⁷.

⁴⁵ Налетов И. З. Указ. работа, с. 105.

⁴⁶ Соколовский З. М. Указ. автореферат, с. 7.

⁴⁷ Там же.

М. С. Строгович, А. А. Старченко и другие авторы высказывались менее категорично, акцентируя внимание читателя на трудности применения в судебном исследовании указанных логических приемов познания причинной связи⁴⁸.

Прежде чем проанализировать позицию З. М. Соколовского, напомним вкратце суть этих логических приемов установления причинной связи.

По Н. И. Кондакову, метод сходства означает, что если два или более случаев исследуемого явления имеют общим только одно обстоятельство, то в этом обстоятельстве и заключена причина (или следствие) данного явления природы.

Метод различия заключается в следующем. Если случай, в котором известное явление наступает, и случай, в котором оно не наступает, имеют общими все обстоятельства, за исключением лишь одного, и это одно обстоятельство, встречается только в первом случае, то обстоятельство, в котором оба случая разнятся между собой, есть причина или необходимая часть причины изучаемого явления.

Метод остатков выглядит так: если вычесть из данного явления ту часть его, о которой известно, что она является следствием определенных предшествующих обстоятельств, тогда остающаяся часть (остаток) явления будет следствием остальных предшествующих обстоятельств.

Наконец, метод сопутствующих изменений: всякое явление, которое каким-либо образом видоизменяется всякий раз, когда видоизменяется другое явление, составляет причину или следствие этого явления или связано с ним какой-либо общей причиной⁴⁹.

Из содержания логических приемов установления причинной связи следует, что для их применения необходимым условием является наличие двух и более сравниваемых явлений. Но следовательно, суд всегда имеет дело с явлением, единственным в своем роде, — с конкретным преступлением. Все подобные явления заведомо отличаются от данного, это другие преступления, совершенные при иных обстоятельствах, никогда не совпадающие во всем с расследуемым. Их сопоставление с расследуемым в целях применения логических приемов установления причинной связи всегда даст вывод только по аналогии, то есть вероятный, а не достоверный и, следовательно, не имеющий доказательственного значения.

⁴⁸ *Строгович М. С.* Логика. М., 1948; *Старченко А. А.* Логика в судебном исследовании. М., 1958. В большинстве работ по теории доказательств вопрос о применении названных логических приемов для установления причинной связи не рассматривается.

⁴⁹ *Кондаков Н. И.* Логический словарь. М., 1971, сс. 508, 445, 362, 491.

Выход из складывающейся ситуации, на первый взгляд, очень прост: экспериментирование, воспроизведение интересующих нас явлений в таком количестве и в таких условиях, чтобы можно было применить рассматриваемые логические приемы. Именно к такому выводу и пришел З. М. Соколовский. Он писал: «Основным средством процессуального доказывания причинной связи, если для этого нет необходимости в специальных познаниях, является следственный эксперимент. Производство названного следственного действия в таких случаях имеет специфические черты. В соответствии с требованиями логического метода единственного различия или метода сопутствующих изменений эксперимент должен обязательно состоять из двух групп опытов, в одной из которых явление, проверяемое в качестве причины, воспроизводится, а в другой исключается или изменяется. На основании сравнения двух групп опытов и формулируется вывод: если исключение или изменение проверяемой причины не оказывает влияния на результат, может быть сделан вывод об отсутствии причинной связи, а если оказывает — о ее наличии. При проведении эксперимента нужно обеспечить неизменяемость всех остальных явлений, кроме проверяемого, в обеих группах опытов»⁵⁰.

Рассуждение З. М. Соколовского было бы безупречным, если бы:

а) экспериментальному повторению поддавались все обстоятельства по делу, в отношении которых приходится решать вопрос о причинной связи; б) всегда можно было бы обеспечить необходимую степень сходства между условиями и содержанием экспериментального и подлинного событий; в) возможности следственного эксперимента (процессуальные, тактические, технические, организационные) всегда позволяли исключить или изменять предполагаемую причину и т. д.

Однако, как известно, возможности следственного эксперимента как средства исследования весьма ограничены и поэтому, если его объявить основным средством процессуального доказывания причинной связи, надо будет признать, что наши возможности в ее установлении по делу более чем скромны. Тезис же о повсеместном применении логических приемов установления причинной связи при доказывании основан на признании универсальных возможностей следственного эксперимента, и хотя бы поэтому не может быть признан обоснованным.

Нам представляется, что целям установления причинной связи по делу может служить любой логический прием мышления, любое процессуальное действие, а не какая-то особая группа приемов или дейст-

⁵⁰ Соколовский З. М. Указ. автореферат, сс. 7-8.

вий⁵¹. Сказанное, конечно, не означает отрицания вообще всякой роли логических приемов установления причинности. Мы хотели лишь подчеркнуть, что в практическом познании они не носят абсолютного характера и не должны применяться без учета конкретных обстоятельств дела.

Наконец, следует иметь в виду еще одно обстоятельство.

В процессе доказывания по уголовным делам имеет место случай обязательного установления причинно-следственной связи, независимо от рода и характера преступления. Речь идет о предписанной законом обязанности следователя устанавливать по делу причины и условия, способствовавшие совершению преступления.

Причины конкретного расследуемого преступления следователю, да и суду, как уже отмечалось, установить удается редко, устанавливаются обычно способствующие совершению преступления обстоятельства. Эти обстоятельства не всегда играют роль необходимого условия, они могут и не входить в причинно-следственный ряд. Но если при их отсутствии преступление вообще не могло быть совершено, то они играют роль необходимых для “срабатывания” всего причинно-следственного ряда.

⁵¹ Характеризуя процесс и методы установления причинных связей при расследовании преступлений, В. Е. Коновалова отмечала, что “специфика в том, что лицо, производящее расследование, устанавливает причинные связи, исходя из анализа следствий, имеющихся в его распоряжении. Специфика установления причинных связей при расследовании состоит также в том, что: а) причинные связи устанавливаются в отношении обстоятельств, имеющих место в прошлом; б) причинная связь устанавливается посредством фактов, добываемых действиями с соблюдением процессуального порядка; г) установление причинных связей усложняется маскировкой истинного характера события; д) методом установления причинных связей является построение и проверка общих и частных версий расследования” (*Коновалова В. Е.* Теоретические проблемы следственной тактики. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Харьков, 1966, с. 11). Думается, что эти правильные в целом положения нуждаются в одном уточнении. В ходе расследования причинные связи устанавливаются не только в отношении обстоятельств прошлого. Следствия действий неизвестной причины доступны в значительной своей части непосредственному восприятию следователя, поэтому следует признать, что причинные связи устанавливаются и в отношении обстоятельств не только прошлого, но настоящего.

10.3. Проблемные вопросы экспертного установления причинно-следственных связей

Положение о том, что причинно-следственные связи могут быть установлены путем экспертного исследования, ныне является общепризнанным. Однако пределы компетенции эксперта в решении вопроса о причинности и доказательственное значение такого решения определяются в литературе различно.

По мнению А. Я. Палиашвили, отличия в решении вопросов причинности следователем (судом) и экспертом состоят, «во-первых, в том, что при решении вопросов причинной связи эксперты и следственные (судебные) органы ставят перед собой разные задачи. Эксперт изучает, анализирует и устанавливает отдельные звенья причинно-следственных связей. Следственные (судебные) органы же, используя установленные экспертом отдельные факты причинно-следственных связей, решают уже все вопросы причинной связи в полном объеме. Во-вторых, исследуя отдельные вопросы причинно-следственных связей, эксперт ограничен теми материалами, которые представлены ему следствием и судом, тогда как следственные (судебные) органы при решении этих вопросов опираются и исследуют весь материал уголовного дела в своей совокупности. Следовательно, различен также объем исследования материалов дела. В-третьих, эксперты и следственные (судебные) органы вопросы причинно-следственной связи решают на основе данных разных наук. Эксперты опираются лишь на данные своей науки, представителями которой они являются. Следственные (судебные) органы при решении вопросов причинно-следственной связи основываются лишь на данных правовой науки. В-четвертых, установление фактов причинно-следственных связей в заключении эксперта по уголовному делу носит предварительный характер, тогда как следственные (судебные) органы решают их окончательно. Они могут (в результате критической оценки) согласиться или не согласиться с заключением эксперта по поводу установления или отсутствия отдельных фактов причинно-следственной связи. В-пятых, решение вопросов причинно-следственных связей в заключении эксперта часто является базой для правильной квалификации преступления, даваемой следственными органами и судом»⁵².

⁵² Палиашвили А. Я. Правовые проблемы экспертизы в советском уголовном процессе. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Тбилиси, 1968, сс. 19-20; Палиашвили А. Я. Установление причинной связи в заключении судебного эксперта. — Соц. законность, 1967, № 6.

Мы рискнули столь подробно процитировать взгляды А. Я. Палиашвили потому, что они выражают ряд получивших известное распространение, на наш взгляд, ошибочных положений в вопросе о разграничении компетенции следователя (суда) и эксперта при установлении причинно-следственных связей.

Исследование вопросов причинности следователем и судом включает в себя как установление причинно-следственной связи, так и ее правовую оценку в аспекте квалификации деяния и состава преступления. Но не следует смешивать установление причинно-следственной связи и ее правовую оценку. Первая — это область чисто познавательных процедур, вторая — область процедуры оценочно-правовой, при которой как раз и решаются правовые вопросы.

Установление причинно-следственной связи может не требовать специальных познаний, и тогда оно осуществляется непосредственно следователем или судом. Если же специальные познания необходимы, для установления причинности назначается экспертиза. Принципиального значения не имеет, используются ли специальные познания для установления причинно-следственной связи в полном объеме или отдельных ее звеньев: и то и другое допустимо, ибо речь идет только об установлении связи, а не о ее правовой оценке.

Эксперт вправе давать заключение о наличии или отсутствии причинной связи, о причине или следствии в тех случаях, когда закономерности развития явлений, образующих проверяемую причинную цепь, полностью охватываются его специальными познаниями. В отдельных случаях этими познаниями охватывается вся причинная цепь, начиная от деяния обвиняемого и кончая наступившими последствиями. Тогда пределы решения вопроса следователем и судом, с одной стороны, и экспертом, с другой, могут совпадать. Однако эксперт, разумеется, не касается юридических вопросов причинной связи и рассматривает ее только в том аспекте, который соответствует характеру его специальных познаний.

Нельзя усматривать различия в компетенции следователя (суда) и эксперта по решению вопроса о причинности в разном объеме исследования материалов дела. Во-первых, если к предмету экспертизы относятся все материалы дела, то тогда различие в объеме исследуемых материалов вообще исчезнет. Во-вторых, и это главное, дело не в объеме, а в достаточности исследуемого материала. Здесь опять смешивается установление причинности, для чего достаточным может оказаться изучение лишь части материалов дела, и ее правовая оценка требующая оценки всех материалов, всех доказательств в совокупности, что является бесспорной прерогативой следователя и суда.

Неточным по меньшей мере является и утверждение, что эксперты и следственные (судебные) органы вопросы причинности решают на основе данных разных наук, что следователь и суд при этом основываются лишь на данных правовой науки. Следователь устанавливает причинно-следственную связь в ходе расследования, используя для этой цели, помимо прочего, данные криминалистики. На основе положений этой же науки решает задачу установления причинности и эксперт-криминалист. Правда, оба они используют, как правило, разные положения криминалистики, но именно криминалистики, а не разных наук. Говорить же, что при установлении причинности следователь и суд основываются лишь на данных правовой науки, — это значит отрицать вообще возможность участия в решении вопроса эксперта с его неправовыми познаниями. Таким образом, и здесь можно констатировать смешение установления причинности с ее правовой оценкой.

Можно ли считать, что установление причинно-следственных отношений экспертом носит предварительный характер? Нам кажется, что такое мнение несостоятельно. И дело здесь не в том, что, как писал Г. М. Надгорный, “предварительность” заключения эксперта, т.е. то, что оно может быть положено в основу принимаемых по делу решений лишь при согласии с ним следователя (суда), характеризует “правовой статус” любого заключения эксперта и отнюдь не специфично для вопроса о причинной связи”⁵³. Дело не в специфичности заключения. Нет и не может быть “предварительных” и “окончательных” доказательств или источников доказательств: предварительной или окончательной может быть лишь их оценка. Причинность либо установлена, либо не установлена экспертом — такой вывод сделают следователь или суд, оценивая его заключение. Но здесь нет никакого предварительного “установления”, ибо если по мнению следователя или суда причинность установлена, то она с самого начала была установлена “окончательно”.

З. М. Соколовский, детально исследовавший проблему экспертного установления причинности, полагал, что существует два участка причинной цепи: “а) между психическим состоянием человека и произведенным им телодвижением (воздержанием от него) и б) между телодвижением и наступившими последствиями. Причинную связь в пределах первого звена устанавливают, как правило, следователь и суд, а второго — эксперты соответствующих специальностей”⁵⁴. Впоследствии он

⁵³ **Надгорный Г. М.** О возможности решения экспертом вопроса о причинной связи. — В кн.: Применение научных методов при расследовании преступлений и изучении преступности. Ч. 1. М., 1973, с. 76.

⁵⁴ **Соколовский З. М.** Указ. автореферат, с. 9.

уточнил, что круг явлений, применительно к которым допустимы экспертные выводы о причинности, не включает в себя обстоятельств, касающихся волевой стороны деяния и общественной опасности наступивших последствий⁵⁵.

В эту концепцию позже были внесены некоторые коррективы. Развитие судебно-психиатрической и судебно-психологической экспертиз поставило на повестку дня вопрос о возможности экспертного установления причинности в пределах первого из названных З. М. Соколовским звеньев. Г. М. Надгорный ответил на этот вопрос положительно⁵⁶, Н. Б. Лягушин — с оговорками: “Все, что относится к области исследования процессов, происходящих в голове человека, в его психической, интеллектуальной сфере по поводу совершенного им юридически значимого действия, относится к исключительной компетенции следователя и суда, в необходимых случаях могущих опираться на психологическую и психиатрическую экспертизы”⁵⁷.

Мы полагаем, что и здесь вопрос решается просто, если различать установление причинности и ее правовую оценку. Само установление причинно-следственной связи на любой ее стадии не требует оперирования правовыми категориями. Совершено прав Н. Б. Лягушин, когда замечает: “Причинную связь можно установить при исследовании любых явлений в природе обществе, а виновную — только при исследовании правовых явлений, причинную связь может установить любое компетентное лицо, а виновную — только органы следствия и правосудия. Причинная связь, причинность — категория диалектическая, а виновная связь, виновность — понятие правовое, юридическое”⁵⁸.

Причинная связь выступает как виновная в результате ее правовой оценки, но до этого она должна быть установлена, и в этом на всех этапах может принимать участие эксперт соответствующего профиля. И для обоснования этого в основе нет необходимости, как мы видим, постоянно оговариваться, что эксперт исследует лишь “технические” причины события, страхуясь от обвинения в нарушении пределов дозволенного и вторжении в область права, как это делают некоторые

⁵⁵ **Соколовский З. М.** Экспертное исследование причинной связи по уголовным делам. Киев, 1970, с. 13.

⁵⁶ **Надгорный Г. М.** Указ. статья, сс. 78-79.

⁵⁷ **Лягушин Н. Б.** К вопросу о разграничении юридического и технического аспектов причинности при производстве автотехнических экспертиз. — В кн.: Вопросы судебной экспертизы, № 18. Баку, 1976, с. 108.

⁵⁸ **Лягушин Н. Б.** Указ. статья, с. 108.

авторы⁵⁹. Достаточно признания того, что эксперт квалифицирует причины не в правовом, а в специальном аспекте на основе своих специальных познаний.

Методика экспертного исследования причинной связи в значительной степени определяется характером задания, поставленного перед экспертом. Все вопросы, которые приходится в этом плане разрешать эксперту, можно подразделить на семь групп.

Первая группа может быть выражена формулой: “Имеется ли причинная связь между А и Б?” Эта группа характерна тем, что в самом вопросе обозначены явления, причинная связь которых подлежит проверке.

Вторая группа: “Какова причина наступления явления Б?” Здесь эксперту сообщают только об одном явлении, признанном результатом. На основании признаков этого явления и специальных сведений о закономерностях причинной связи эксперт должен установить то интересующее следователя и суд явление, которое было необходимым условием наступления результата.

Третья группа: “Каковы последствия явления А?” Эта группа вопросов аналогична второй, с той лишь разницей, что эксперт должен установить не причину, а возможные в будущем либо уже наступившие, но еще не известные последствия.

Четвертая группа: “Обладает ли причина (А) или следствие (Б), или причинная связь между явлениями А и Б определенными названными свойствами (признаками)?” Сюда относятся вопросы о том, была ли причинная связь случайной, было ли необходимое условие достаточным для наступления результата, было ли последствие неизбежным, была ли причина прямой, непосредственной и др.

Пятая группа: “Какое из явлений — А или Б — произошло раньше?” Временное соотношение явлений интересует следователя и суд в большинстве случаев потому, что эти данные можно использовать для решения вопроса о причинной связи.

Шестая группа: “Имелась ли возможность предотвратить последствия?” Ответ на этот вопрос позволяет установить причинную связь между бездействием или несвоевременным действием обвиняемого и наступившими последствиями.

Седьмая группа: “Была ли у обвиняемого возможность предвидеть данные последствия?” Предвидение последствий означает, по сущест-

⁵⁹ Лягушин Н. Б. Указ. статья; Эйвин Г. П. Решение вопросов о причинной связи в автотехнической экспертизе. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, № 2. Киев, 1965.

ву, осознание причинной связи, и, если оно было специальным предвидением, возможность его устанавливается с помощью эксперта⁶⁰.

В практике могут встретиться случаи, когда эксперту приходится устанавливать не реально существовавшую или существующую причинность, а, так сказать, гипотетическую причинно-следственную связь. «Нет сомнения, — писала Т. В. Церетели, — что в отдельных случаях установление того, что было бы, если бы действие человека не имело места, может представлять известные трудности. В этих случаях судье придется обратиться к помощи экспертов...»⁶¹. Здесь возможны два варианта. Если действие, о котором идет речь, послужило причиной последующих действий и явлений, то при гипотетическом «снятии» этого действия «снимается» и весь причинно-следственный ряд. Если же искомое действие не является причиной или его роль в причинно-следственном отношении не установлена, то заключение эксперта будет носить прогностический характер и не приобретет доказательственного значения.

Разработка методик экспертного установления причинно-следственных связей в криминалистике ведется в двух планах: абстрактно-логическом и предметном.

Логические правила установления причинности содержат, помимо упоминавшихся формально-логических приемов, изложение и требований диалектической логики⁶². Иногда эти правила излагаются с позиции теории криминалистической идентификации⁶³.

Предметная разработка методик экспертного установления причинности ведется по видам экспертиз. В силу особого значения и распространенности задачи установления причинности эти исследования особенно интенсивно ведутся в области методики автотехнической

⁶⁰ Приводится по: **Соколовский З. М.** Проблема использования в уголовном судопроизводстве специальных знаний при установлении причинной связи явлений (криминалистическое и процессуальное исследование). Дисс. ... докт. юрид. наук. Харьков, 1968; **Соколовский З. М.** Экспертное исследование причинной связи по уголовным делам. Киев, 1970.

⁶¹ **Церетели Т. В.** Причинная связь в уголовном праве. М., 1963, с. 181.

⁶² **Эйсман А. А.** Заключение эксперта в системе судебных доказательств. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1965, сс. 8-12; **Эйсман А. А.** Заключение эксперта. Структура и научное обоснование. М., 1967, гл. II; **Соколовский З. М.** Экспертное исследование причинной связи по уголовным делам, сс. 23-37.

⁶³ **Эйсман А. А.** Некоторые вопросы теории исследования вещественных доказательств. Раздел 4. — В кн.: Вопросы криминалистики, вып. 5., 1962; **Колдин В. Я.** Теоретические основы и практика применения идентификации при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1970, с. 27.

экспертизы⁶⁴, хотя здесь имеются и дискуссионные вопросы. Так, если установление причинной связи между неисправностью транспортного средства и фактом столкновения, опрокидывания, наезда в процессе движения прямо относится к компетенции судебно-автотехнической экспертизы, то возможность экспертного установления причинной связи между действиями водителя и событием дорожно-транспортного происшествия у некоторых специалистов вызывает сомнения. Сторонники возможности решения экспертом этой задачи считают, что «для вывода о наличии причинной связи требуется прежде всего установление факта: действия водителя были необходимым условием наступления упомянутых последствий, без которого при данных фактических обстоятельствах исследуемое событие не наступило бы. Вопрос о том, является ли определенное действие (бездействие) необходимым условием ДТП, решается методом мысленного исключения, представляющего собой разновидность мысленного моделирования... Если эксперт-автотехник установит, что действия водителя являются необходимым условием ДТП, исследование следует продолжить с тем, чтобы определить характер связи между действием и последствием. Установление факта, что эта связь является закономерной, необходимой, равнозначна признанию за упомянутыми действиями роли причины (одной из причин) ДТП. Если же связь будет признана случайной, упомянутые действия нельзя будет признать причиной ДТП»⁶⁵. Справедливость этих рассуждений представляется очевидной.

Общая схема методики экспертного установления причинности⁶⁶ принципиально не отличается от общей схемы экспертного исследования вообще и от схемы судебного исследования в целом: изучение и анализ исходной информации — построение версий — выведение следствий из версий — установление наличия или отсутствия следствий — оценка результатов исследования, формулирование выводов.

⁶⁴ **Соколовский З. М.** Зависимость выводов эксперта о причинной связи от данных о возможности предотвращения вредных последствий (по материалам автотехнической экспертизы). — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 5. Киев, 1968; **Романов Н. С.** Методика установления причинной связи в автотехнической экспертизе. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 4. Киев, 1967; **Лягушин Н. Б.** Указ. статья.

⁶⁵ **Корчан Н. С.** К вопросу об исследовании причинной связи экспертом-автотехником. — Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 46, Киев, 1993, сс. 124, 126.

⁶⁶ **Соколовский З. М.** Экспертное исследование причинной связи по уголовным делам, с. 38.

11. ТЕОРИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ И ВРЕМЕННЫХ СВЯЗЕЙ И ОТНОШЕНИЙ

11.1. Содержание теории криминалистического прогнозирования

Теория отражения, определяя роль научной теории в познании объективно существующих закономерностей действительности, служит базой для осуществления наукой ее прогностической функции. В. И. Ленин замечал, что задачи научной теории, науки вообще следует понимать “не в смысле одного только объяснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению...”¹. Он писал: “Чудесное пророчество есть сказка. Но научное пророчество есть факт”². Представление о прогностической функции науки послужило фундаментом для формирования прогностики как специальной отрасли знаний, изучающей “общие принципы построения методов прогнозирования развития объектов любой природы и закономерности процесса разработки прогнозов”³. Цели прогностики — в создании рабочих методов научного предвидения.

Под научным предвидением обычно понимается обоснованное предположение о необходимости или вероятности наступления событий, процессов, которые либо еще не произошли, либо существуют, но еще не наблюдаются⁴. “В принципе, предсказание, — писал А. И. Китай-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 75.

² Там же, т. 36, с. 472.

³ Аванесов Г. А. Криминология. Прогностика. Управление. Горький, 1975, с. 117.

⁴ Никитина А. Г. Сила научного предвидения. М., 1963, с. 10; Пилипенко Н. В. Необходимость и случайность. М., 1965, с. 180; Виноградов В. Г., Гончарук см. след. стр.

городский, — есть строгое логическое или математическое рассуждение, с помощью которого детали интересующего нас явления или структуры выводятся из некоторой совокупности аксиом или законов, справедливых для широкого круга явлений. Чем шире круг явлений, охватываемых теорией, чем точнее и сложнее делаемые ею предсказания, тем выше мы ценим теорию”⁵.

Таким образом, научное предвидение становится возможным при познании объективно действующих закономерностей возникновения и развития предметов, явлений, процессов и фактически является результатом отражения наукой этих закономерностей. Из этого следует, что научное предвидение становится доступным только той науке, которая от изучения явлений перешла к изучению сущности своего предмета, к изучению закономерностей, определяющих явление, то есть обладает общей теорией. Такая теория выражает результаты познания, отражения этих закономерностей и позволяет предсказать тенденции их дальнейшего развития и проявления. Вот почему определение предмета криминалистики только через приемы и средства расследования и предотвращения преступлений закрывает путь научному прогнозированию в этой области знания, ибо лишает прогностическую деятельность ее основы — познания закономерностей явлений, позволяющего предсказать процесс их будущего изменения и результаты этого процесса. Не случайно поэтому, что вопросы прогнозирования в криминалистике не разрабатывались, этой проблеме внимание не уделялось, хотя на некоторые возможности прогнозирования в криминалистике еще около шестидесяти лет назад указывал Б. М. Шавер.

В своей известной статье “Предмет и метод советской криминалистики” Б. М. Шавер писал: “Нужно всегда помнить, что в конце концов теория той или иной науки — это систематизированное знание, сосредоточивающее в себе предшествующий опыт познания и определяющее тенденцию развития изучаемых явлений — (разрядка наша — **Р. Б.**). Такая теория несомненно есть в криминалистике”⁶. Позднее он указал на одно из возможных направлений прогнозирования в криминалистике. Б. М. Шавер считал, что в методике расследования преступлений нельзя ограничиваться использованием только уже известных

Н. И. Законы общества и научное предвидение. М., 1972, с. 31. См. также: Природа научного открытия (В. С. Готт, ред.). М., 1986.

⁵ **Китайгородский А. И.** Проблемы теории в химии. — Вопросы философии, 1966, № 1, с. 75. См. также **Кун Т.** Структура научных революций. М., 1975.

⁶ **Шавер Б. М.** Предмет и метод советской криминалистики. — Соц. законность, 1938, № 6, с. 74.

приемов совершения преступлений, ибо на основе изучения конкретных данных о расследовании отдельных категорий преступлений “можно определить еще не раскрытые, но возможные способы и приемы совершения преступлений”⁷. Эту мысль он затем высказывал неоднократно⁸, хотя, к сожалению, в столь же конспективной форме.

Идея, высказанная Б. М. Шавером, не получила развития в криминалистической литературе. Как уже указывалось, одной из важнейших причин этого является, по нашему мнению, существовавшее представление о предмете криминалистики, ограничивающее сферу познания только явлениями без указания на те закономерности, которые определяют тенденции развития в будущем этих явлений, управляют ими и, следовательно, позволяют осуществлять научное прогнозирование. Наоборот, включение в предмет криминалистики закономерностей механизма преступления и возникновения информации о нем, закономерностей работы с доказательствами, которые управляют процессом разработки, совершенствования средств и примеров расследования и предотвращения преступлений, а также устанавливают тенденции их развития в будущем, открывает широкое поле деятельности для разработки подлинно научной теории криминалистического прогнозирования, которая может иметь чрезвычайно важное значение для практики борьбы с преступностью.

В последние годы в нашей стране и за рубежом резко возрос интерес к проблемам научного прогнозирования. У нас был проведен ряд симпозиумов по научному прогнозированию. Для координации деятельности ученых, занимающихся прогностикой, при Научном совете по проблемам конкретных социальных исследований РАН была создана Секция социального прогнозирования, а при Социологической ассоциации создан Исследовательский комитет по социальному прогнозированию. Были сделаны попытки определить проблемы, предмет, принципы и методы прогностики, найти правильный, основанный на определенной системе подход к процессу прогнозирования; уделялось серьезное внимание вопросам сбора, классификации и обработки имеющихся материалов, относящихся к различным аспектам научного прогнозирования; классифицированы известные методы прогнозирования у нас в стране и за рубежом. Отмечается необходимость развития научного прогнозирования не только в естественных и технических, но и в общественных, в

⁷ *Голунский С. А., Шавер Б. М.* Криминалистика. Методика расследования отдельных видов преступлений. М., 1939, с. 12

⁸ *Шавер Б. М., Винберг А. И.* Криминалистика, Учебник для юридических школ. Изд. 1-е. М., 1940, с. 131; изд. 2-е. М., 1949, с. 138.

том числе юридических, науках. Появились многочисленные работы в области прогностики, сложились представления о ее предмете, методах, понятийном аппарате, наметились основные направления этой науки: общая теория прогнозирования, или общая прогностика, и социальная прогностика — теория прогнозирования социальных явлений и процессов⁹. По определению Г. А. Аванесова, “социальное предвидение охватывает все явления и процессы, связанные с жизнедеятельностью человеческого общества. Определение перспектив развития социальных аспектов науки и техники, экономики, социальных отношений, демографических процессов, государства и права, внутренней и внешней политики и т. д. — все это сфера социальной прогностики (социального предвидения)”¹⁰.

Прогностика становится эффективным средством решения таких важных задач, как:

- ◆ разработка эффективной динамической модели, отражающей современное состояние развития науки и техники, и подмоделей в социально-экономическом и функциональном разрезах для раскрытия взаимоотношений, динамических факторов, направления развития областей науки и техники;
- ◆ установление степени свободы или лабильности данной динамической модели и потенциальных возможностей отклонений под воздействием научно-технических, социально-политических, экономических и стихийных факторов;
- ◆ приближенное определение целей и выработка стратегии их достижения, выявление целесообразных путей развития науки, техники, установление связей между стратегиями и целями;
- ◆ проекция модели современного состояния в будущее с учетом путей развития стратегий и целей, а также следствий их принятия;
- ◆ получение дополнительной прогностической информации, ее анализ в свете целевых установок и возможного влияния на современное развитие науки и техники;

⁹ *Бестужев-Лада И. В.* Окно в будущее. Современные проблемы социального прогнозирования. М., 1970, с. 103; *Румянцев А. М.* Вопросы социального прогнозирования и планирования. — Вопросы философии, 1970, № 8, с. 72; *Гвишиани Д. М., Лисичкин В. А.* Прогностика. Управление, с. 118.

¹⁰ *Аванесов Г. А.* Указ. работа, с. 118.

- ♦ разработка стратегии ликвидации различных кризисных социально-экономических состояний и т. п.¹¹

На базе общей прогностики развивается отраслевое социальное прогнозирование, охватывающее конкретную область знания или деятельности. Одним из таких видов отраслевого прогнозирования является прогнозирование в правовой науке со своими подвидами, соответствующими конкретным юридическим наукам.

Интерес к научному прогнозированию в области правовой науки постоянно растет, в особенности в такой ее отрасли, как криминология, одной из задач которой является прогнозирование динамики и качественной характеристики преступности. Вопросам научного прогноза в криминологии уделили внимание Н. Н. Кондрашков, В. Н. Кудрявцев, С. Е. Вицин, Ю. Д. Блувштейн, Ю. М. Антонян¹². Фундаментальная разработка теории криминологического прогнозирования осуществлена Г. А. Аванесовым, внесшим наиболее значительный вклад в исследование этой проблематики¹³.

В 1967-69 гг. мы предприняли некоторые исследования с целью определить хотя бы в первом приближении возможности и задачи научного прогнозирования в криминалистике. В результате этих исследований мы пришли к выводу, что прогнозирование в криминалистике должно стать естественным дополнением криминологических прогнозов. В общей форме можно сказать, что если задачей криминологического прогноза является определение возможных количественных и качественных изменений преступности, то задача прогноза в криминалистике — определение возможных путей развития средств, способов и методов борьбы с этой изменившейся преступностью. В 1970 г. на базе этого вывода мы попытались сформулировать основные положения новой частной

¹¹ *Фесенко Р. А., Лисичкин В. А.* Прогнозирование научно-технического прогресса на основе переработки научно-технической информации. М., 1968, сс. 16-17. См. также *Герасимов И. Г.* Структура научного знания М., 1985.

¹² *Кондрашков Н. Н.* Природа и характер статистических закономерностей, изучаемых в криминологии. — Сов. государство и право, 1966, № 11; *Кудрявцев В. Н.* Причинность в криминологии. М., 1968 (в этой интересной монографии проблеме прогнозирования посвящена специальная глава "Научное прогнозирование в криминологии"); *Вицин С. Е.* Моделирование в криминологии. М., 1973; *Блувштейн Ю. Д.* Методы моделирования в изучении преступника и преступного поведения. М., 1974; *Блувштейн Ю. Д., Добрынин А. В.* Основания криминологии. Опыт логико-философского исследования, Минск, 1990.

¹³ См. *Аванесов Г. А.:*

- Основы криминологического прогнозирования. М., 1970;
- Криминологическое прогнозирование и планирование борьбы с преступностью. М., 1972;
- Криминология. Прогностика. Управление. Горький, 1975.

криминалистической теории — теории криминалистического прогнозирования¹⁴.

Эта попытка не осталась незамеченной. В 1971 г. А. П. Сапун по этому поводу писал: “Весьма важной и перспективной для деятельности экспертных криминалистических учреждений и теории экспертизы является разработка криминалистического прогнозирования, намеченная в общих чертах Р. С. Белкиным. Прогнозирование экспертной деятельности, ее основных форм и конкретных видов, технических средств и научных методов ее осуществления позволило бы правильно планировать развитие этой деятельности, своевременно предвидеть возможность возникновения тех или иных ее “узких мест” и заблаговременно готовиться к решению тех задач, которые в соответствии с прогнозом могут возникнуть перед судебной экспертизой в будущем. Таким образом, разработка теории криминалистического прогнозирования имеет самое непосредственное практическое значение и должна быть активизирована”¹⁵. Однако этот призыв должного воздействия не оказал, и в последующие годы в плане развития криминалистического прогнозирования было сделано очень мало. Некоторые вопросы криминалистического прогнозирования нашли частичное освещение в работах Г. Г. Зуйкова — применительно к способу совершения преступления¹⁶, И. Я. Фридмана — в аспекте профилактической деятельности экспертных учреждений¹⁷, Г. Ф. Горского — при рассмотрении основ организации и деятельности следственного аппарата¹⁸.

В 1976 г. с тезисами “О криминалистическом прогнозировании” выступил Г. Л. Грановский. Не анализируя взгляды перечисленных нами авторов, он указал, что своим сообщением преследует цель “обратить внимание специалистов на возможности прогностики, обсудить первые опыты и перспективы использования ее методов в криминалистике”¹⁹. В этих тезисах Г. Л. Грановский предложил свою структуру криминалисти-

¹⁴ **Белкин Р. С.** Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М., 1970, гл. 8.

¹⁵ **Сапун А. П.** Роль общей теории советской криминалистики в развитии теоретических снов криминалистической экспертизы. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 8. Киев, 1971, с. 116.

¹⁶ **Зуйков Г. Г.** Криминалистическое учение о способе совершения преступления. Автореф. и дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1970.

¹⁷ **Фридман И. Я.** Судебная экспертиза и вопросы предупреждения правонарушений. Киев, 1972.

¹⁸ **Горский Г. Ф.** Научные основы организации и деятельности следственного аппарата в СССР. Автореф. и дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1973.

¹⁹ **Грановский Г. Л.** О криминалистическом прогнозировании. Тезисы. М., 1976, с. 3.

ческой прогностики как раздела криминалистической науки, повторив частично наши более ранние предложения.

В ряде своих последующих работ мы попытались сделать следующий шаг в развитии теории криминалистического прогнозирования, находящейся пока еще, как и криминалистическая теория причинности, в стадии своего формирования.

Нам представляется, что в содержание теории криминалистического прогнозирования должны входить следующие элементы:

- 1) понятие и общеметодологические основы криминалистического прогнозирования;
- 2) основные направления криминалистического прогнозирования;
- 3) понятие, содержание и виды исходных для криминалистического прогнозирования данных;
- 4) методики криминалистического прогнозирования;
- 5) критерии и методы оценки прогнозов;
- 6) пути и формы реализации прогнозов²⁰.

В 1988 г. мы следующим образом вкратце проанализировали основные элементы структуры рассматриваемой частной теории²¹.

11.2. Основные элементы теории криминалистического прогнозирования

11.2.1. Понятие и методологические основы криминалистического прогнозирования.

Криминалистическое прогнозирование представляет собой один из видов отраслевого прогнозирования. Это процесс, результатом которого является составление прогноза как формы научного предвидения, как системы аргументированных представлений о будущем (Г. М. Добров), как характеристики вероятных направлений развития тех или иных явлений, развития науки и общества (Д. М. Гвишиани, В. В. Косолапов). Можно согласиться с обобщенным определением понятия прогноза, предложенным Г. А. Аванесовым: «Прогноз — это ре-

²⁰ Эта структура представляет собой уточненный вариант предложенной нами структуры теории криминалистического прогнозирования (1970).

²¹ **Белкин Р. С.** Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. М., 1988, сс. 242-247.

зультат научного прогнозирования, вывод о возможном наступлении явлений, процессов, событий, основанный на анализе соответствующих данных, характеризующий тенденции и закономерности развития прогнозируемого объекта от прошлого к настоящему и от настоящего к будущему”²².

Содержание прогноза составляет прогностическая информация, т.е. информация о будущем. В. Г. Афанасьев считает, что “она носит не эмпирический, а глубоко научный, обобщенный, систематизированный характер”²³. Это верно, если понимать под эмпирическим знание ненаучное. Однако такое толкование неточно. В структуру научного знания нельзя не включать эмпирического обобщения как его первой, начальной ступени. Представляется, что более прав И. З. Налетов, который по этому поводу пишет: “Принято считать, что научные предсказания — наиболее характерная черта теоретического уровня познания и что они возможны исключительно на основе законов или теорий. Однако более широкий гносеологический анализ показывает, что такое мнение ошибочно. Даже первоначальное и самое простое эмпирическое обобщение дает основу для предсказания... Предположение о возможности первоначальных предсказаний даже на эмпирической основе не только не противоречит ... теории отражения, но еще более подчеркивает сложный диалектический характер научного знания, его прочную связь с практическим опытом”²⁴. Это положение особенно важно для криминалистического прогнозирования, опирающегося пока еще, в основном, на эмпирические обобщения в силу неразвитости самой криминалистической прогностики.

Следует иметь в виду, что криминалистическое прогнозирование как предвидение в сфере явлений, носящих преимущественно общественный характер, имеет некоторые особенности.

Н. В. Пилипенко, говоря об особенностях предвидения общественных явлений в целом, правильно отмечает, что они заключаются, во-первых, в том, что здесь, кроме объективных факторов, следует особо учитывать субъективный фактор, ибо любой общественный процесс осуществляется в результате деятельности людей, наделенных сознанием и волей.

Далее, во-вторых, научное предвидение явлений общественной жизни опирается на такие законы, которые действуют не как однозначные динамические законы, а как законы-тенденции, что обусловлено тем,

²² **Аванесов Г. А.** Криминология. Прогностика. Управление, с. 126.

²³ **Афанасьев В. Г.** Социальная информация и управление обществом. М., 1975, с. 64.

²⁴ **Налетов И. З.** Указ. работа, сс. 177-178.

что в любом обществе отдельные его индивиды действуют со своими целями и практическими интересами. Поэтому научное предвидение, опирающееся на такие законы-тенденции, в первую очередь, предсказывает общее направление развития того или иного явления без выяснения его частных особенностей. При этом заметим, что закономерности возникновения, обнаружения, исследования, оценки и использования доказательств, на базе которых должны разрабатываться криминалистические прогнозы, проявляются именно как тенденции.

Наконец, в-третьих, научное предвидение общественных явлений всегда связано с интересами определенных слоев и групп общества, и поэтому, если требования закона ущемляют интересы слоя или группы, то они препятствуют осуществлению прогноза, а если совпадают с их интересами, то последние содействуют его осуществлению²⁵. Поскольку борьба с преступностью в нашей стране отвечает интересам всего общества, прогнозы этой борьбы будут пользоваться поддержкой всех россиян. Вот почему можно считать своеобразным социальным заказом требование создания теории прогнозирования в юридических науках вообще и теории криминалистического прогнозирования в частности.

Гносеологической основой научного прогнозирования является философская категория причинности, отражающая одну из форм взаимосвязи явлений объективного мира. Причинность не является универсальным отражением мировой связи. Объективная причинная связь субъективно отражается в сознании человека, но это отражение всегда имеет объективное содержание, критерием правильности которого является практика, позволяющая нам убедиться в реальном существовании связи «причина — следствие». Следствие, вызываемое к жизни определенной причиной, зависит от условий, в которых развивается эта причинная связь. Такая зависимость может быть необходимой и случайной.

В случаях, когда зависимость является необходимой, прогнозирование следствия, вызываемого к жизни воздействием данной причины, приобретает характер достоверного знания. Однако можно согласиться с Н. В. Пилипенко, считавшим, что прогнозирование возможно и на основе случайностей, если достигнуто глубокое понимание управляющих этими случайностями законов²⁶. Прогнозирование в этом случае будет носить вероятностный характер, причем если случайность относится к числу тех, в отношении которых выведены определенные статистиче-

²⁵ Пилипенко Н. В. Необходимость и случайность. М., 1965, сс. 199-200. См. также: Необходимость и случайность. М., 1988.

²⁶ Пилипенко Н. В. Указ. работа, с. 203.

ские закономерности, то такой прогноз для массовых явлений будет достаточно точен. Прогноз исхода отдельного случайного события не может быть подчинен статистическому закону, ибо в этом случае невозможно применить принцип статистического рассмотрения, рассчитанный на массовость²⁷.

Логической основой научного прогнозирования является экстраполяция знаний, то есть перенесение знания с одной предметной области на другую, еще не исследованную, область. Экстраполяция знаний является сущностью таких логических процедур, как индукция, дедукция, аналогия. В значительной степени экстраполяционен и такой метод исследования, как моделирование. Л. А. Зеленов и С. П. Макарычев, исследовавшие вопросы связи экстраполяции и эксперимента, считают, что экстраполяция характеризуется следующими выводами распространения знаний: 1) о данном объекте или процессе на класс объектов или процессов; 2) о классе объектов или процессов на отдельные объекты или процессы и 3) с одного объекта или процесса на другой. Эти авторы соответственно называют экстраполяцию первого вида индуктивной, второго вида — дедуктивной, а третьего — экстраполяцией по аналогии²⁸. Все эти логические процедуры в экстраполяционном аспекте могут служить целям прогноза.

Применение экстраполяции в целях прогнозирования, как нам представляется, обусловлено наличием следующих элементов:

- 1) исходные данные для прогнозирования, то есть знание о прошлом или настоящем объекте или процессе, его связях с другими объектами или процессами, проявившихся в прошлом или проявляющихся в настоящем;
- 2) основание для прогнозирования, то есть знание о необходимых или вероятных направлениях развития объектов или процессов в будущем, выступающее в виде теоретической системы знаний о закономерностях такого развития;
- 3) операции по прогнозированию, под которыми следует понимать процесс переноса знаний, являющихся основой для прогнози-

²⁷ **Кравец А. С.** Причинность и статистические закономерности. — Вопросы философии, 1966, № 8, с. 74. См. также **Родионов Н. А.** Статистика в борьбе с преступностью. — В кн.: Применение специальных познаний в борьбе с преступностью. Свердловск. 1983, сс. 93-99.

²⁸ **Зеленов Л. А., Макарычев С. П.** Экстраполяция и эксперимент. — Вопросы философии, 1967, № 4, с. 92. Об экстраполяционных функциях аналогии см. **Беляев Е. А.** К вопросу о структурно-функциональных характеристиках аналогии. — Философские науки, 1967, № 6, с. 31; **Марков Б. В.** Проблема обоснования и проверяемости научного знания. Л., 1984.

рования, на исходные данные для этого процесса и получение прогноза, то есть вероятного вывода о будущем;

- 4) оценка прогноза как с точки зрения его достоверности, так и с точки зрения его содержания, то есть той ситуации, которая может создаться, если прогноз осуществится;
- 5) реализация прогноза, то есть формулирование системы рекомендаций, способствующих и обеспечивающих в зависимости от цели прогнозирования осуществление или неосуществление прогноза.

В информационном аспекте прогнозирование представляет собой, по мнению А. Д. Урсула, познание будущего состояния системы на основе анализа ее данного состояния, то есть снятие неопределенности путем логической обработки наличной информации в плане обнаружения данных о тенденциях, перспективах возможных вариантах грядущего движения системы²⁹.

Резюмируя сказанное, можно заключить, что теоретической и методологической основой прогнозирования служит материалистическая диалектика, которая, раскрывая наиболее общие закономерности прошлого и настоящего, позволяет предвидеть будущее в общих, основных чертах. Конкретным же содержанием это будущее наполняет конкретное отраслевое прогнозирование.

11.2.2. Основные направления криминалистического прогнозирования.

Прогнозирование в криминалистике, как нам представляется, возможно в двух направлениях.

Первое направление — это прогнозирование научных исследований и их результатов. В этом смысле прогнозирование в криминалистике равнозначно прогнозированию развития науки вообще, т.е. определению путей и возможных последствий ее развития. Исходными данными для такого прогнозирования являются сведения о современном состоянии науки и потребностях практики, а основанием — общая теория криминалистики, позволяющая проследить вероятное развитие отраслей этой науки.

Г. Л. Грановский относит к числу прогнозов развития криминалистики такие, которые касаются структуры криминалистики (очевидно, он имеет в виду систему науки); перспективности научных направлений; направлений совершенствования структуры правоохранительных органов, на-

²⁹ Приводится по кн.: **Афанасьев В. Г.** Социальная информация и управление обществом, сс. 66-67.

учных и экспертных криминалистических учреждений; управления системой юстиции и МВД³⁰. Действительно, система криминалистики может быть объектом прогнозирования. Есть все основания полагать, что активное развитие ее подсистем — общей теории, техники, тактики, методики — приведет к обозримом будущем к возникновению в этих подсистемах новых структурных элементов. Это, разумеется, не означает обязательного изменения самой системы науки; прогноз в этой части нам представляется маловероятным, хотя, в принципе, и реальным. Объектом прогнозирования могут быть и отдельные научные направления криминалистических исследований с целью определения их перспективности, вероятной эффективности, практической значимости.

Следует, однако, решительно возразить против объявления объектами криминалистического прогнозирования явлений и процессов, не охватываемых предметом криминалистики. Совершенствование структуры правоохранительных органов в целом, управление системой юстиции и МВД — объекты исследования науки управления, а не криминалистики. Здесь криминалистический прогноз окажется беспочвенным и ненужным.

Второе направление — прогнозирование преступности в криминалистическом аспекте этого явления, средств, форм и методов борьбы с нею. Можно представить себе приблизительно следующим образом некоторые линии этого направления прогнозирования.

Исходные данные для прогнозирования	Содержание прогноза	Реализация прогноза
1. а) Данные о существующих способах совершения преступления определенной категории и б) данные о предмете посягательства	Новый способ совершения преступления данной категории	а) Разработка рекомендаций по предотвращению совершения преступлений новым способом и б) разработка рекомендаций по раскрытию преступлений, совершенных новым способом, которые не удалось предотвратить
2. а) Данные об обстоятельствах, способствовавших совершению преступлений определенной категории и б) данные о предстоящих изменениях условий, в которых будут осуществляться возможные преступные посягательства	Новые обстоятельства, которые будут способствовать совершению преступления данной категории	Разработка рекомендаций по недопущению возможности возникновения новых обстоятельств, способствующих преступлению
3. а) Характеристика применяющихся технико-криминалистических средств и приемов	а) Определение направлений совершенствования кон-	а) Разработка рекомендаций по совершенствованию существующих технико-крими-

³⁰ Грановский Г. Л. Криминалистическое прогнозирование, с. 13.

работы с доказательствами и б) данные об эффективности применяющихся технико-криминалистических средств и приемов	кретных технико-криминалистических средств и приемов и б) определение точек приложения новых средств и приемов	налистических средств и приемов и б) разработка заданий и технических условий по созданию новых средств и приемов
4. То же, что и в п. 3, в отношении	тактических приемов	работы с доказательствами
5. а) Характеристика влияния того или иного технического средства на тактику определенного следственного действия и б) данные о новых технических средствах	Определение тенденции возможного изменения тактики конкретного следственного действия при внедрении новых технических средств	Разработка рекомендаций тактического и организационного характера для ситуации, которая может возникнуть при применении новых технических средств
6. То же, что и в п. 5, при прогнозировании	обратного влияния тактики на технику	
7. а) Данные о применении в рамках определенного процессуального действия комплекса такт. приемов, не вписывающихся в традиционную тактику данного следств. действия	Зарождение на практике нового следственного действия, определение тенденций его развития	Разработка рекомендаций тактического и организационного характера по проведению этого действия как самостоятельного ³¹
б) данные об “эффекте сегодняшнего дня”, полученном при внедрении НОТ в деятельность следователя, эксперта и т. п. (криминалистический аспект вопроса)	Определение ближайших и отдаленных последствий внедрения НОТ	Разработка рекомендаций по созданию благоприятствующих для реализации прогноза условий по наиболее целесообразной системе планирования, расследования, использования технико-криминалистических средств и т. п.

Как перечисленные, так и иные направления криминалистического прогнозирования во всех случаях должны основываться на определенном анализе и обобщении практики, а некоторые — и на анализе известных статистических материалов. Так, например, криминалистической практике (особенно экспертной) известны многочисленные способы прогнозирования возможного совершения преступлений определенным способом на основе накопленных данных об аналогичных преступлениях. Прогнозирование в этих случаях может осуществляться следующим образом.

³¹ Реализация криминалистического прогноза может потребовать принятия соответствующих мер по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, например законодательной регламентации нового следственного действия.

Например, в криминалистическом экспертном учреждении накапливаются материалы о взломах сейфов определенной конструкции, которые совершаются одним и тем же способом с использованием конструктивных дефектов замков сейфов. Такие материалы являются исходными данными для прогнозирования. Основанием для прогнозирования в этом случае служит знание закономерной связи между способом совершения преступления и характером предмета преступного посягательства — одной из закономерностей возникновения доказательств. Операция по прогнозированию в этом случае заключается в переносе имеющегося знания о конкретной закономерности на исходные данные и формулировании вывода о том, что сохранение предмета посягательства в неизменном виде будет способствовать совершению аналогичных преступлений в будущем. Этот прогноз представляется в достаточной степени вероятным, так как он опирается на результаты экспертной практики прошлого и настоящего времени. На основе прогноза экспертным учреждением формулируется система рекомендаций, обеспечивающих в данном случае неосуществление прогноза, то есть рекомендаций по предупреждению преступлений, совершаемых аналогичным способом, в числе которых, очевидно, будет фигурировать предложение об изменении конструкции замка.

Разработка рекомендаций по предотвращению преступлений представляет собой, по нашему мнению, реализацию прогнозов различной степени общности, построенных на основе информации о прошлых преступлениях.

Исходные для криминалистического прогнозирования данные неоднородны по своему составу. По нашему мнению, они могут быть подразделены следующим образом.

I. Научные данные:

- ◆ положения общей теории криминалистики и частных криминалистических теорий. Так например, прогнозирование способов совершения преступлений базируется на таких положениях учения о способе совершения преступления, как обоснование детерминированности и повторяемости способа при сохранении, как указывает Г. Г. Зуйков, комплекса детерминирующих факторов, данные о которых "позволяют создавать модели возможных изменений в способах или новых способов, разрабатывать и осуществлять меры, препятствующие совершению преступления предполагаемыми способами, возникнове-

нию и распространению новых способов совершения преступлений³²;

- ◆ положения смежных с криминалистикой наук и наук, данные которых используются в криминалистике;
- ◆ криминологические прогнозы — общие и частные, — объектом которых являются возможные изменения в состоянии, структуре и динамике преступности, а также обстоятельства, способствующие этим изменениям; возможности появления новых видов преступлений и исчезновения имеющихся в настоящем факторов и обстоятельств, способных повлиять на это; возможность появления новых категорий преступников³³, преступное поведение и т. п.

II. Статистические данные:

- ◆ количественная характеристика преступности, ее отдельных видов, ее динамики³⁴;
- ◆ количественная характеристика качества работы органов, осуществляющих судебное исследование: уровня раскрываемости преступлений — в целом и по видам, количества случаев возвращения дел на дополнительное расследование и его причин, применения технико-криминалистических и иных технических средств, производства повторных экспертиз, нагрузки следователей и экспертов и т. д.;
- ◆ количественная характеристика криминалистических научных исследований: их стоимость, число занятых работников, степень использования аппаратуры и т. п.

III. Данные практики:

- ◆ информация о новых способах совершения преступлений, о новых разновидностях преступных посягательств, о новых видах предмета посягательств;
- ◆ данные о причинах и условиях организационного и технического характера, способствовавших совершению преступлений;

³² Зуйков Г. Г. Указ. автореферат, с. 28.

³³ Приводится по кн.: **Аванесов Г. А.** Криминология. Прогностика. Управление, с. 162. В этой связи Г. Ф. Горский писал: "Криминологическое прогнозирование в работе следственного аппарата дополняется общим криминалистическим, с помощью которого определяются возможные пути развития средств, способов и методов борьбы с изменившейся преступностью (Р. С. Белкин); частным криминалистическим прогнозом, например, при исследовании возможных способов совершения преступлений в целях разработки оптимальных мер профилактики (Г. Г. Зуйков); прогнозом поведения в конкретных расследуемых делах" (**Горский Г. Ф.** Указ. автореферат, с. 19).

³⁴ **Остроумов С. С.** Советская судебная статистика. М., 1976, сс. 53, 55.

- ◆ данные о предполагаемом возникновении обстоятельств, которые могут стать причинами или условиями, способствующими совершению преступлений;
- ◆ данные о недостатках и достоинствах средств и методов судебного исследования;
- ◆ информация о возникших на практике новых средствах и приемах судебного исследования.

Этот перечень практических данных, которые могут быть использованы при криминалистическом прогнозировании, является примерным. Следует к тому же заметить, что, строго говоря, эти данные, по существу, также носят научный характер, поскольку их использование требует научного анализа, обобщения и систематизации.

Методики криминалистического прогнозирования. Определяющим компонентом методики является применяемый метод или система методов разработки прогноза. В криминологии к числу наиболее распространенных специальных методов прогнозирования относят экстраполяцию, моделирование и экспертные оценки³⁵. по этому поводу Г. Л. Грановский справедливо замечает, что любое прогнозирование осуществляется путем экстраполяции: “закономерности, которым подчиняется прогнозируемое явление в настоящем и прошлом, распространяются с определенными поправками на будущее этого явления”³⁶.

Весьма ограничены в настоящее время возможности применения в криминалистической прогностике метода моделирования. При криминалистическом прогнозировании бывает весьма затруднительно использовать математические методы, так как подавляющее большинство сведений, которые могут являться исходными данными для прогнозирования, относится к области так называемой несчитанной статистики, то есть являются информацией о таких явлениях и процессах, которые статистически учетом не охватываются. Это, естественно, будет отражаться на точности криминалистических прогнозов, которые, как нам представляется, на данном этапе развития науки в большинстве случаев будут являться предположениями, а не категорическими утверждениями. Однако даже и в таком качестве они, несомненно, будут весьма полезны, ибо позволят вносить известные коррективы в складывающиеся направления развития как науки, так и практики.

Учитывая сказанное, следует признать, что наиболее предпочтительным представляется метод экспертных оценок. По свидетельству Г.

³⁵ **Аванесов Г. А.** Криминология. Прогностика. Управление, сс. 254-269.

³⁶ **Грановский Г. Л.** О криминалистическом прогнозировании, с. 8.

Л. Грановского, именно этот метод был применен при среднесрочном прогнозировании развития трасологии в 1975 г.³⁷

В публикациях всех названных авторов, как правило, не различались научные криминалистические прогнозы и практическое, эмпирическое предвидение. Между тем, различие между этими прогнозами очевидно. Эмпирическое предвидение, осуществляемое в повседневной работе следователями, оперативными сотрудниками, экспертами базируется на их личном профессиональном опыте, характеристике следственной ситуации, данных о личности проходящих по делу лиц и т. п. и преследует цель решения конкретной “сиюминутной” задачи: предвидеть поведение подследственного на очередном допросе или его действия по уклонению от задержания или ареста, возможность изменения показаний свидетелем и т. д. Это не научный прогноз, поскольку такое предвидение основывается на иных исходных данных, формируется не по методике научного прогноза и может быть даже чисто интуитивным. Естественно, что изучение феномена эмпирического предвидения должно стать предметом теории криминалистического прогнозирования³⁸.

Первое фундаментальное исследование сущности и содержания теории криминалистического прогнозирования осуществлено в наши дни Л. Г. Горшениным.

В 1993 г. вышла в свет его монография “Основы теории криминалистического прогнозирования”, а в 1994 г. им была защищена докторская диссертация на ту же тему³⁹. В этих работах Л. Г. Горшенин вскользь упоминает об эмпирическом предвидении, отличном от научных криминалистических прогнозов, но в сущности, их различия игнорирует. Он пишет: “Необходимость в криминалистических прогнозах ощущается практически во всех сферах деятельности правоохранительных органов на местах. Например, в деятельности по расследованию преступлений. Криминалистические прогнозы могут оказать существенную помощь работникам следствия и дознания в установлении и розыске лица, со-

³⁷ Грановский Г. Л. О криминалистическом прогнозировании, сс. 3-4.

³⁸ Именно об эмпирическом предвидении пишет В. Е. Афанасович, повсеместно именуя его прогнозом (Афанасович В. Е. Некоторые вопросы прогнозирования в процессе расследования. — В кн.: Теоретические и практические проблемы программирования процесса расследования преступлений. Свердловск, 1989). Не видит между ними различий и Л. Д. Самыгин (Самыгин Л. Д. Криминалистическое прогнозирование. — В кн.: Перспективы развития криминалистики. Свердловск, 1991).

³⁹ Горшенин Л. Г. Основы теории криминалистического прогнозирования. М., 1993; Горшенин Л. Г. Теория криминалистического прогнозирования. Дисс. ... докт. юрид. наук. Минск, 1994.

вершившего преступление, розыске похищенного, обнаружении следов преступной деятельности, определении дальнейшего поведения подозреваемого на допросах и т. п. В частности, описание осмотра места происшествия и обработка его данных при помощи компьютера позволят разработать соответствующие прогнозные модели возможного поведения преступника, пути его подхода и отхода с места происшествия, время, затраченное им на совершение преступления, и возможное расстояние, на которое он мог удалиться с места преступления. Эта программа может использоваться для проверки алиби и поиска лица, совершившего преступление. Прогнозная информация используется при создании планов конкретных следственных действий, оперативно-розыскных мер, а также тактических операций и комбинаций. Более общие криминалистические прогнозы могут использоваться при планировании расследования конкретного уголовного дела или группы дел⁴⁰.

Приведенная цитата свидетельствует о том, что автор смешивает понятия научного криминалистического прогноза с вариантами эмпирического предвидения. Разумеется, предвидение — это тоже прогноз, его содержание — это прогнозная модель, но формирование такой модели, ее функциональное назначение принципиально отличаются от криминалистического научного прогноза.

Л. Г. Горшенин справедливо считает, что предметом частной криминалистической теории прогнозирования «являются общие принципы построения методов прогнозирования развития объектов криминалистики и закономерности процесса разработки криминалистических прогнозов»⁴¹. Раскрывая это положение, он указывает, что к числу объектов прогнозирования относятся закономерности механизма преступления, всех его элементов, закономерности возникновения информации о преступлении и его участниках, развития средств и методов судебного исследования⁴². Практическая функция теории криминалистического прогнозирования, по мысли автора, заключается в том, что «вооруженные этой теорией правоохранительные органы могут активнее вмешиваться в криминальные процессы, происходящие в обществе. И не только в происходящие, но и в те, которые будут происходить»⁴³.

В этих концептуальных положениях не идет речь о прогнозировании поведения конкретного подозреваемого, об определении места сокры-

⁴⁰ Горшенин Л. Г. Основы теории криминалистического прогнозирования, с. 120.

⁴¹ Там же, с. 21.

⁴² Там же, сс. 17, 19, 20.

⁴³ Там же, с. 36.

тия похищенного имущества, о прогнозировании возможного отрицательного результата планируемого следственного действия и тому подобным конкретным, единичным объектам и явлениям. И это совершенно правильно, поскольку предметами (или объектами) научных криминалистических прогнозов они не являются и не могут являться, поскольку закономерности развития подобных объектов проявляются как тенденция развития множеств. В отличие от научного прогноза эмпирическое предвидение служит целям прогнозирования развития конкретного единичного объекта, явления, процесса, и осуществляется оно не путем научных исследовательских процедур, не путем реализации научных прогнозов, а путем простого выбора наиболее вероятной модели из числа известных субъекту предвидения.

В начале главы были названы элементы научного криминалистического прогнозирования. Л. Г. Горшенин внес существенные уточнения в структуру этих элементов. По его мнению, методика криминалистического прогнозирования разделяется на две стадии: подготовительную и прогнозирующую.

Первая состоит из следующих элементов:

- ◆ а) определение объекта прогнозирования: его основных характеристик и параметров;
- ◆ б) определение прогнозного фона;
- ◆ в) составление координационного плана;
- ◆ г) разработка основания для прогнозирования.

Этапы второй стадии:

- ◆ а) прогнозная ретроспекция — исследуется история развития объекта и прогнозного фона с целью получения их систематизированного описания;
- ◆ б) прогнозный диагноз — выявление тенденций развития объекта и прогнозного фона и разработка моделей и методов прогнозирования;
- ◆ в) проспекция — разработка по результатам диагноза прогнозов объекта прогнозного фона, верификация и синтез прогнозов;
- ◆ г) моделирование — построение прогнозной модели;
- ◆ д) эксперимент — выявление на моделях различных допустимых и недопустимых прогнозных вариантов и альтернатив его развития;
- ◆ е) разработка прогнозного варианта;
- ◆ ж) разработка прогнозной альтернативы;
- ◆ з) верификация прогноза — этап оценки достоверности и точности прогноза;
- ◆ и) корректировка прогнозов;

- ◆ к) синтез прогнозов — реализация цели прогноза путем объединения конкретных прогнозов на основе принципов криминалистического прогнозирования⁴⁴.

Простое ознакомление с методикой криминалистического научного прогнозирования свидетельствует о невозможности ее использования для решения конкретных задач расследования конкретного преступления. И дело даже не столько в сложности самого процесса прогнозирования (хотя, разумеется, и это следует принимать во внимание), а в различии исходных данных, целей, содержания научного прогнозирования и эмпирического предвидения.

Эмпирическое предвидение — это тот же прогноз, но прогноз, осуществляемый в условиях реальной, конкретной практики, в чисто практических целях и реализуемый в условиях реального времени применительно к конкретным людям, их поведению и поступкам, к конкретным материальным объектам, явлениям, процессам. Объектами эмпирического предвидения выступают:

- 1) участники процесса доказывания — свидетели, потерпевшие, подозреваемые, обвиняемые, сведущие лица, понятые: их поведение, действия; акты противодействия расследованию со стороны заинтересованных в исходе дела лиц; выводы и заключения сведущих лиц;
- 2) материальные объекты — вещественные доказательства, документы, иные объекты, в том числе живые лица и трупы, объекты неизвестной природы: их местонахождение, природа, качества — устойчивость и неизменяемость, скорость изменений и результат изменений — естественных и искусственных;
- 3) результаты следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, последствия использования этих результатов в доказывании по конкретному делу; возможности минимизации тактического риска, нейтрализации или минимизации негативных результатов; результаты тактических комбинаций; отдаленные последствия негативных результатов;
- 4) принимаемые процессуальные и тактические решения следователя, руководителя следственного аппарата, прокурора, суда, оперативно-го работника, их последствия, меры нейтрализации или минимизации негативных результатов их реализации.

Этот перечень носит примерный характер, конкретные условия расследования, доказывания могут повлечь его расширение.

⁴⁴ Горшенин Л. Г. Указ. работа, сс. 105-108.

Условия и цели эмпирического предвидения обуславливают специфику его оснований и пути реализации прогностических гипотез.

Основаниями эмпирического предвидения служат:

- ◆ а) научные криминалистические прогнозы, содержащие обобщенные представления о типичном развитии объектов, явлений, к числу которых относится конкретный объект, явление;
- ◆ б) криминалистическая характеристика данного рода, вида преступлений, содержащая указание на личность вероятного преступника, типичные способы совершения и сокрытия преступления и т. п. и служащая базовой моделью для выбора объекта эмпирического предвидения;
- ◆ в) профессиональный опыт — коллективный и личный, позволяющий находить и использовать по аналогии решения, в прошлом увенчавшиеся успехом;
- ◆ г) базовые знания в области криминалистики, психологии, теории рефлексии и пр.;
- ◆ д) интуиция следователя.

Эмпирическое предвидение позволяет внести необходимые коррективы в принятые к проверке следственные версии, в план расследования в части перечня и последовательности следственных действий и намечаемых оперативно-розыскных мероприятий, в пути реализации данных, полученных оперативным путем и, самое главное, выбрать те тактические приемы проведения следственных действий, которые, как предвидит следователь, дадут наибольший эффект. Эмпирическое предвидение — необходимый компонент действий следователя в условиях неопределенности.

Проблематика критериев и методов оценки прогнозов, путей и форм их реализации требует тщательных и широких исследований. Несомненно, что эти вопросы непосредственно связаны с планированием как научных исследований, так и мер по совершенствованию средств, приемов и методов судебного исследования, деятельности научных и практических (экспертных) криминалистических учреждений, с вопросами организации и управления наукой и практикой. Можно надеяться, что развитие теории криминалистического прогнозирования повлечет за собой такие исследования.

В криминалистическом прогнозировании отчетливо проявляется и эвристическая функция общей теории криминалистики, разработка которой как основания для прогнозирования делает возможной прогностическую экстраполяцию знаний.

11.3. Криминалистическая теория временных связей и отношений.

Анализируя тенденции развития системы частных криминалистических теорий, мы отмечаем, что имеется совокупность теоретических построений, которая со временем может консолидироваться в самостоятельную частную криминалистическую теорию временных связей и временных отношений между криминалистическими объектами. По нашему мнению, «выяснение понятия и видов временных связей, их соотношения со связями причинно-следственными, их проявления в состоянии объектов, роли в доказывании, содержания заключенной в них доказательственной и ориентирующей информации — представляет актуальность как для криминалистической теории, так и для практики борьбы с преступностью»⁴⁵. Десять лет назад, когда были написаны эти строки, публикации по этой проблематике были наперечет: статьи Л. Н. Викторовой, К. Е. Пятницына, Т. А. Седовой, Ю. Д. Федорова, В. И. Шиканова, Ю. П. Аленина и Н. Ф. Будиянского⁴⁶. Некоторые частные рекомендации по установлению временных отношений содержались в работах по тактике осмотра, следственного эксперимента, допроса. Лишь в 90-х гг. проблематика временных связей и временных отношений, их значения и роли в криминалистике и доказывании стала

⁴⁵ **Белкин Р. С.** Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М. 1987, с. 148.

⁴⁶ **Викторова Л. Н.** Фактор времени и его значение для раскрытия и расследования преступлений. — В кн.: Методика расследования преступлений, М. 1976; **Пятницын К. Е.** Об использовании пространственно-временного анализа при расследовании преступлений. — В кн.: Актуальные проблемы борьбы с групповой преступностью, Омск, 1983; **Седова Т. А.** Экспертное исследование материалов и веществ для установления временных характеристик преступления. — В кн.: Криминологические проблемы пространственно-временных факторов. Иркутск, 1983; **Федоров Ю. Д.** Пространственно-временные факторы, связанные с совершением преступлений, и их место в методике расследования. — В кн.: Методика расследования преступлений, М., 1976; **Шиканов В. И.** «Пространство» и «время» как структурные элементы криминалистической характеристики преступлений. — В кн.: Пространственно-временные факторы в расследовании преступлений. Иркутск, 1988; **Аленин Ю. П., Будиянский Н. Ф.** Восприятие времени и его значение в тактике следственных и судебных действий. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 33. Киев, 1986.

предметом серьезных монографических исследований⁴⁷. Этапным событием в этой области стала монография В. М. Мешкова «Основы криминалистической теории временных связей» (М., 1994) и его докторская диссертация «Криминалистическое учение о временных связях и отношениях при расследовании преступлений» (М., 1995). Следует признать, что его усилиями заложены основы этой частной криминалистической теории и определены перспективы ее развития и использования в доказывании.

По мнению В. М. Мешкова, предметом этой частной криминалистической теории служат закономерности отражения течения времени материальными объектами и сознанием живых лиц, как носителями криминалистически значимой информации, и возможности превращения этих отражений в доказательственную информацию при расследовании преступлений, объектом же — соотношение временных связей между уже установленными двумя или более временными характеристиками исследуемого события. «Он (объект) относится к высшему уровню проявления взаимосвязи во времени любых событий, фактов, явлений. Такой подход позволяет собрать фрагментарные, казалось бы, разрозненные изменения, зафиксировавшие в себе течение времени, в одно целое, подвести их «под общий знаменатель», доказав тем самым принадлежность ряда событий к одной временной шкале, или же, наоборот, удостовериться в простом, случайном совпадении этих событий, явлений, фактов во времени»⁴⁸. Им предложены определения основных понятий этой теории:

- ◆ **момент времени** — точка отсчета при определении основных свойств времени: длительности и последовательности (понятие характеризует «нахождение в пространстве объекта либо степень его изменения, а также отражение взаимодействия в сознании человека»)⁴⁹;
- ◆ **временной интервал** — временная характеристика события, явления с точки зрения его длительности (к этому понятию примыкает понятие «скорость» — характеристика равномерного движения тела, равная отношению пройденного пути к промежутку времени);

⁴⁷ См. *Тельцов А. П.* Криминалистические проблемы пространственно-временных связей и отношений на предварительном следствии. Дисс... канд. юрид. наук. Томск, 1992; *Мешков В. М.* Криминалистические аспекты времени при расследовании преступлений. Н. Новгород, 1992 и др. работы.

⁴⁸ *Мешков В. М.* Основы криминалистической теории временных связей, М., 1994, с. 63.

⁴⁹ Там же, с. 68.

- ◆ **временные отношения** — характеристика событий, явлений в аспекте их последовательности, взаимосвязи, то есть хронология их возникновения, развития и исчезновения. Он не выделяет в этом контексте временные связи в самостоятельное понятие, но в рамках временных отношений различает два вида связи во времени — **синхроническую** и **полихроническую**: синхроническая связь характерна для отношений сосуществования, полихроническая — для причинно-следственных отношений⁵⁰;
- ◆ **фактор времени** — “обобщенная характеристика влияния течения времени на изменение объектов, событий, явлений”⁵¹;
- ◆ **след времени** — “такое изменение в живой и неживой природе, вовлеченное в сферу деятельности субъекта по выявлению и раскрытию преступной деятельности, которое отражает момент времени, длительность и последовательность протекания определенных процессов, явлений или их фаз, периодов”⁵²;
- ◆ **криминалистический аспект времени** — характеристика преступной деятельности с позиции существования ее во времени, отражающая длительность преступной деятельности с момента зарождения преступного замысла до сокрытия следов преступления⁵³.

Определение основных понятий рассматриваемой теории позволяет составить представление о направлениях использования ее положений в доказывании, о значении фактора времени для установления всех обстоятельств, составляющих предмет доказывания. Эти направления могут быть представлены в следующем виде:

- 1) установление моментов времени, характеризующих фазы развития преступной деятельности, вплоть до времени совершения преступления — существенного элемента предмета доказывания;
- 2) разделение во времени момента завершения преступной деятельности и момента сокрытия ее следов в целях различения субъекта совершения преступления и субъекта его сокрытия и определения таким образом круга причастных к преступлению лиц;
- 3) установление полихронической связи, подтверждающей причинно-следственные отношения, имеющие значение для дела;
- 4) выявление связи временных отношений с конкретным местом при доказывании;

⁵⁰ Там же, сс. 71, 72.

⁵¹ Там же, с. 76.

⁵² Там же, с. 84.

⁵³ Там же, с. 77.

- 5) выявление следов времени, свидетельствующих о наличии инсценировки события преступления или подтверждающих событие преступления, как элемент предмета доказывания;
- 6) использование следов времени для проверки заявленного алиби, установления мотивов преступления как элемента предмета доказывания;
- 7) установление временных отношений, подтверждающих виновную связь субъекта с событием преступления, характеризующих виновность субъекта преступления как элемент предмета доказывания.

Этот перечень не исчерпывает направлений использования временных отношений при доказывании, возможны и иные варианты их использования. Представляется необходимым, чтобы субъект доказывания постоянно держал в поле зрения как одну из задач доказывания всестороннее исследование временных отношений, порожденных событием преступления.

Но криминалистический аспект времени не исчерпывается временной характеристикой преступной деятельности, как полагает В. М. Мешков. Он должен включать в себя и временную характеристику процесса доказывания, процесса выявления, раскрытия и расследования преступления.

Применительно к процессу доказывания криминалистический аспект времени означает:

- ◆ а) зафиксированные моменты времени обнаружения признаков совершенного преступления и принятия предписанных законом процессуальных решений (возбуждения уголовного дела, привлечения в качестве обвиняемого, приостановления производства по делу и др.);
- ◆ б) выдвижение версий о полихронических связях обстоятельств дела, о хронологии преступной деятельности;
- ◆ в) определение очередности и последовательности действий по выявлению, исследованию и фиксации следов времени и содержащейся в них доказательственной информации;
- ◆ г) определение длительности планируемых действий при составлении плана расследования;
- ◆ д) установление моментов времени в причинно-следственных связях с целью определения обстоятельств, способствовавших совершению преступления.

Разработка теории временных связей и отношений еще только началась, преждевременно считать эту криминалистическую теорию полностью сформированной, однако формулирование ее концептуальных основ и определение ее основных понятий позволяет считать, что она

уже вышла за рамки отдельной теоретической концепции и может быть с полным правом включена в систему частных криминалистических теорий, переживающих этап своего формирования и становления.

12. ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО СОБИРАНИЮ, ИССЛЕДОВАНИЮ, ОЦЕНКЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

12.1. Понятие и уровни организации работы с доказательствами

В современных условиях особую важность приобретает научное управление как обществом в целом, протекающими в нем процессами, так и отдельными социальными системами, в том числе следственным аппаратом, органами дознания, экспертными учреждениями, судом, то есть теми органами государства, которые осуществляют уголовное судопроизводство, а в его рамках — работу с доказательствами: их собирание, исследование, оценку и использование.

Управление в сфере уголовного судопроизводства обладает рядом специфических особенностей. Эти особенности определяются характером управляемой деятельности — процесса судебного исследования и его элементов, протекающего под действием определенных закономерностей объективной действительности, независимых от субъекта управления; процессуальной независимостью лиц, осуществляющих судебное исследование; регламентацией пределов воздействия субъекта управления — прокурора, руководителя следственного подразделения или экспертного учреждения, начальника органа внутренних дел или органа юстиции — на управляемую деятельность.

Управление в сфере уголовного судопроизводства выражается, в первую очередь, в организации работы с доказательствами на стадии предварительного расследования.

Вопросы организации расследования не являются новыми для криминалистической науки. Об организации расследования, организованности действий следователя, организации его труда писали многие кри-

миналисты и процессуалисты. О необходимости высокой организованности работы следователя еще в 1961 г. писали Л. М. Карнеева и В. И. Ключанский, которые отметили, что при этом «речь идет о необходимости правильно определить предпосылки для нормального ведения расследования, обеспечить наиболее целесообразное чередование по времени действий следователя, каждое из которых должно носить продуманный и целесообразный характер с тем, чтобы ни один час не проходил даром, все дела расследовались полно и в срок, ни один участок деятельности не страдал бы»¹. В качестве основных организационных принципов работы следователя ими были названы участковая система и специализация².

В более поздних работах об организации применительно к деятельности следователя говорится в самых различных аспектах. А. И. Колесниченко писал об организационных мерах по подготовке следственных действий и их координации с оперативно-розыскными мероприятиями³. А. В. Дулов и П. Д. Нестеренко считали, что существует принцип оптимальной организованности следственного действия, которая «должна выражаться в предварительной плановости проведения действия, в отсутствии излишней суеты, в предельном предварительном знании каждым участником своих обязанностей, подлежащих выполнению действий»⁴, то есть, по сути дела, в качественной подготовке к проведению следственного действия. И. М. Лузгин писал об организационных формах расследования, производимого одним следователем или бригадой следователей⁵.

В 1970 г. А. М. Ларин предложил общее определение организации расследования, под которой он понимает «рациональный выбор, расстановку и приложение сил, орудий и средств, которыми располагает следователь, создание и использование оптимальных условий для достижения целей судопроизводства»⁶. По непонятным для нас причинам это определение, несомненно, являющееся конструктивным и заслужи-

¹ Карнеева Л. М., Ключанский В. И. Организация работы следователя. М., 1961, с. 3.

² Там же, с. 5.

³ Колесниченко А. Н. Актуальные проблемы методики расследования преступлений. — В кн.: Вопросы государства и права. М., 1970, с. 333.

⁴ Дулов А. В., Нестеренко П. Д. Тактика следственных действий. Минск, 1971, с. 18.

⁵ Лузгин И. М. Методологические проблемы расследования. М., 1973, с. 126.

⁶ Ларин А. М. Расследование по уголовному делу. Планирование, организация. М., 1970, с. 59.

вающим внимания, не вызвало отклика в более поздних работах, затрагивающих вопросы организации расследования. Их авторы, не формулируя понятия организации расследования, пошли по пути характеристики элементов организации, ее принципов и роли.

Первой наиболее полно сформулировала принципы научной организации следственной деятельности В. Е. Коновалова. К их числу она отнесла: планирование расследования; сочетание оперативно-розыскных и следственных действий; использование научно-технических средств; экономию процессуальных средств; коммуникативность отношений; специфику решения мыслительных задач⁷. Однако, раскрывая содержание этих принципов, В. Е. Коновалова в некоторых случаях фактически поставила знак равенства между организацией расследования и научной организацией труда следователя, а специфику решения мыслительных задач прямо отнесла к принципам НОТ⁸. Аналогичное смещение понятий организации расследования и НОТ следователя допустил, как нам представляется, и А. К. Кавалиерис. Он писал: «Каков же круг вопросов, образующих понятие организации предварительного следствия?... Это в первую очередь все вопросы планирования предварительного следствия, начиная от вопросов планирования расследования конкретного отдельного преступления, вопросов планирования расследования группы дел, одновременно находящихся в производстве, вопросы планирования и организации отдельных следственных действий, вопросы организации рабочего дня следователя и организации взаимодействия следователя с оперативными работниками милиции, а также вопросы, относящиеся к организации работы следственного подразделения в целом, куда также входят вопросы планирования работы внутри следственного подразделения, деятельность начальника следственного подразделения»⁹.

Д. Я. Мирский рассматривал вопросы организации только применительно к начальному этапу расследования. Он считал, что этим понятием охватывается определение круга следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, их последовательности, форм и методов участия общественности в расследовании данного вида преступлений, обеспечение возможности возмещения ущерба и пресечение попыток

⁷ **Коновалова В. Е.** К вопросу о принципах научной организации следственной деятельности. — В кн.: Вопросы государства и права. М., 1970, с. 340.

⁸ Там же, с. 344.

⁹ **Кавалиерис А. К.** Научная организация предварительного следствия — условие реализации ленинских принципов неотвратимости наказания. — В кн.: Криминалистический сборник. Рига, 1970, с. 21.

виновного скрыться или уничтожить доказательства¹⁰. В такой интерпретации организация расследования подменяет собой решение чисто тактических вопросов и отчасти рекомендации криминалистической методики. Наконец, Л. Н. Калинин, подойдя к проблеме с позиции науки управления, выдвинул тезис о разработке “организационных методов раскрытия преступлений”, основанных на творческом соединении криминалистических правил обнаружения и использования доказательств с рекомендациями по формированию управляемых систем. По его мнению, организационные методы раскрытия преступлений могут быть общими, включающими основные принципы и общий порядок организации деятельности органов дознания и предварительного следствия по раскрытию преступлений, и частными, предназначенными для раскрытия отдельных видов преступлений, применительно к различным ситуациям¹¹.

Исследования в области НОТ следователя логически привели к необходимости определить соотношение понятий организации расследования преступлений и научной организации труда следователя. Отправляясь от общего понятия организации, предложенного В. П. Боголеповым¹², Л. А. Соя-Серко предложил включить в понятие “организация следствия” структуру следственного аппарата, подследственность, надзор за следствием, комплекс прав и обязанностей следователя и других лиц, участвующих в производстве следствия, материальное обеспечение работы следователей и их обслуживание, организацию труда сле-

¹⁰ **Мирский Д. Я.** Некоторые вопросы методики расследования отдельных видов преступлений в свете ленинского принципа неотвратимости наказания. — В кн.: Ленинский принцип неотвратимости наказания и задачи советской криминалистики. Свердловск, 1972, с. 42.

¹¹ **Калинин Л. Н.** Об использовании достижений науки управления в разработке методов раскрытия преступлений. — В кн.: Вопросы криминалистической методологии, тактики и методики расследования. М., 1973, с. 32.

¹² В. П. Боголепов рассматривал организацию как “взаиморасположение и взаимосвязи элементов некоторого комплекса (предметная и структурная части организации), их действия и взаимодействия (функциональная часть), обусловленные единством целей или выполняемых ими функций и определенными обстоятельствами места и времени. Поскольку организация обычно нестабильна, то есть может повышать или понижать свой уровень, постольку под ней часто понимается и становление целесообразной системы или структуры как самого комплекса элементов, так и его деятельности” (**Боголепов В. П.** О состоянии и задачах развития общей теории организации. — В кн.: Организация и управление. М., 1968, сс. 44-45. Цитируется по кн.: **Михайлов А. И., Соя-Серко Л. А., Соловьев А. Б.** Научная организация труда следователя. М., 1974, с. 8).

дователя¹³. При такой трактовке в одном понятии оказались не объединенными, а просто перечисленными явления разных уровней — от организации следственного аппарата как определенной системы до организации отдельных трудовых операций.

Лелиан Алексеевич Соя-Серко одним из первых среди отечественных криминалистов обратился к проблеме организации расследования и научной организации труда следователя. Исследование проблем рационализации следственного труда логически привело его к разработке вопросов программирования следственной деятельности, к разработке автоматизированных информационных систем поддержки решений следователя в процессе раскрытия и расследования преступлений, чем успешно занимается руководимая им лаборатория НИИ Генеральной прокуратуры РФ. Небезынтересно заметить, что Лелиан Алексеевич первым защитил кандидатскую диссертацию по организации и тактике проверки и уточнения показаний на месте в те годы, когда оппозиция этому следственному действию была особенно сильна.

Наконец, И. Ф. Крылов фактически свел организацию расследования к правилам научной организации труда следователя. С его точки зрения, «организация расследования — понятие более узкое, чем планирование. Оно включает в себя создание условий, необходимых для эффективной работы следователя: помещение, связь, транспорт, техническое обслуживание, применение научно обоснованного режима работы, правильной постановки учета и отчетности и т. д.»¹⁴.

Для правильного определения понятия организации расследования преступлений следует, на наш взгляд, четко различать уровни этой деятельности.

Мы полагаем, что существует четыре уровня организации расследования преступлений.

Первый, высший, уровень организации расследования имеет своим объектом расследование как специфическую форму деятельности всех компетентных государственных органов, то есть органов предварительного следствия и дознания всех ведомств. Это наиболее общий уровень организации, когда единство системы обусловлено лишь единством целей, процессуальных и криминалистических основ функционирования ее элементов. На этом уровне организацию расследования преступлений можно определить лишь в самой общей форме — как систему мер, обеспечивающих эффективность функционирования элементов системы и достижение поставленных перед ними целей. Но такое общее определение еще не дает представления о содержании понятия в его конкретном выражении, потому что, в сущности, характеризует организацию

¹³ Михайлов А. И., Соя-Серко Л. А., Соловьев А. Б. Научная организация труда следователя. М., 1974, сс. 8-9.

¹⁴ Криминалистика. Л., 1976, с. 297.

деятельности вообще, одной из разновидностей которой является расследование. Абстрактный характер приведенного определения объясняется: отсутствием структурного единства элементов системы, их ведомственной разобщенностью (это относится и к органам предварительного следствия, и к органам дознания, а применительно к работе с доказательствами в целом — и к экспертным учреждениям), что делает невозможным единое управление системой; определенным различием в условиях функционирования отдельных элементов, их материального обеспечения и т. п.

В силу этих причин конкретное определение рассматриваемого понятия может быть дано лишь начиная со следующего, второго, уровня организации расследования, где расследование выступает как основная функция следственного аппарата одного ведомства.

Организация расследования преступлений как основной функции следственного аппарата и подразделений дознания органов внутренних дел есть комплекс мер, обеспечивающих оптимальную структуру органов расследования, необходимый уровень управления ими, эффективность их деятельности и совершенствование ее средств и методов. Это, так сказать, “управленческий” уровень понятия, когда организация расследования преступлений выступает как управление определенным родом деятельности. Здесь — поле для приложения данных науки управления в сфере правопорядка. На этом уровне осуществляется и организация деятельности экспертных учреждений определенного ведомства по исследованию доказательств.

Расследование преступлений, как деятельность, складывается из конкретных актов расследования. Строго говоря, организация расследования есть именно организация конкретного акта расследования, расследования конкретного преступления, Это третий уровень понятия организации расследования — уровень криминалистической методики.

Организация конкретного акта расследования преступлений — это комплекс мер по созданию оптимальных условий для определения и применения наиболее эффективных и целесообразных в конкретной следственной ситуации рекомендаций криминалистической методики в целях достижения максимальных результатов при минимальных затратах времени, средств и сил.

Иначе определял организацию конкретного акта расследования С. И. Цветков. По его мнению, это — “процесс распределения полномочий по собиранию, исследованию, оценке и использованию доказательств во времени, в пространстве и по кругу лиц, привлеченных к расследованию, в целях наиболее эффективного и целесообразного применения в конкретной следственной ситуации приемов и методов расследования,

рационального использования имеющихся сил и средств для скорейшего и полного изобличения лиц, виновных в совершении преступления”¹⁵.

Едва ли правильно сводить организацию конкретного акта расследования лишь к распределению полномочий по работе с доказательствами. Не говоря о том, что работа с доказательствами не исчерпывает всей деятельности по расследованию, только распределение полномочий еще не обеспечивает организации расследования. Распределение полномочий — лишь одна из целого комплекса мер, лишь элемент организации. За этим должна следовать реализация этих полномочий в тех пределах, каких требует обстановка для обеспечения оптимальных условий для расследования.

Последний, четвертый, уровень организации расследования — это организация проведения отдельного следственного действия или организационно-технического мероприятия в рамках конкретного акта расследования. Это — тактический уровень организации расследования.

Организация проведения следственного действия есть комплекс мер, обеспечивающих выбор и применение в конкретной следственной ситуации наиболее эффективных и целесообразных технико-криминалистических и тактических средств и приемов для достижения целей этого следственного действия. Средствами организации служат на этом уровне преимущественно организационные и организационно-технические мероприятия, осуществляемые главным образом на стадии подготовки следственного действия¹⁶. Мы говорим: преимущественно, потому что этим целям могут служить и ранее проведенные следственные действия и даже сложные тактические комбинации.

Важность решения организационных вопросов до начала следственного действия, и в то же время органическая связь такого решения с самим содержанием следственного действия требуют рассматривать подготовку как стадию развития следственного действия. Именно на стадии подготовки к проведению следственного действия решаются та-

¹⁵ **Цветков С. И.** Состояние и перспективы использования данных науки управления в криминалистике. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1977, с. 142.

¹⁶ С. И. Цветков определяет организацию следственного действия “как процесс распределения, согласования и контроля за реализацией полномочий по его подготовке и обеспечению в целях наиболее эффективного в конкретной следственной ситуации применения тактических приемов и технико-криминалистических средств” (Указ. диссертация, с. 109). И здесь организация выступает как внешнее по отношению к следственному действию, а не его неотъемлемая часть, органический элемент его подготовки. Неясным остается и значение термина “обеспечение”, употребляемого автором наряду с термином “подготовка”. Но ведь подготовка и преследует цель обеспечения успешности следственного действия.

кие организационные вопросы, как привлечение и расстановка необходимых сил, формы взаимодействия между ними, обеспечение необходимых технических средств и т. п. Решение этих вопросов может иметь и тактическое значение, но сами они не носят характера тактических приемов, как ошибочно считал А. Н. Васильев¹⁷. Это — организационные или организационно-технические меры.

Но если вопрос о соотношении понятия организации расследования на этом уровне с криминалистической тактикой решается, как мы видим, сравнительно просто, то дело обстоит сложнее при выяснении соотношения организации расследования и криминалистической методики. Неволяно даже возникает вопрос: не подменяется ли криминалистическая методика организацией расследования, хотя бы, допустим, в угоду модной терминологии.

Вопрос этот требует специального рассмотрения.

12.2. Организация расследования и криминалистическая методика

В отечественной криминалистической науке сложились две основные позиции по вопросу о связи и соотношении вопросов организации и методики расследования преступлений. Обе они прямо или косвенно связывают организацию расследования с криминалистической методикой, но формы этой связи представляют по-разному.

Еще в 1959 г. В. И. Теребилов, подчеркивая значение организации расследования, писал: «Важным условием расследования является правильная организация следствия по каждому уголовному делу. Организационные принципы следственной работы дополняют и улучшают систему методических указаний по расследованию преступлений. Именно поэтому методика расследования отдельных видов преступлений обязательно содержит в том или ином объеме указания организационного характера, и в первую очередь по тем вопросам, которые тесно связаны с общими методическими указаниями по расследованию (координация действий следователя и органов дознания, использование бригадного метода работы и т. п.)¹⁸. Руководствуясь этими соображения-

¹⁷ **Васильев А. Н.** Следственная тактика. М., 1976, сс. 176, 182.

¹⁸ **Теребилов В. И.** Основные положения методики расследования отдельных видов преступлений. — В кн.: Криминалистика. М., 1959, с. 353.

ми, В. И. Терехилов определил криминалистическую методику как “наиболее целесообразную совокупность тактических, технических, организационных — (разрядка наша — *Р. Б.*) и некоторых других приемов, а также необходимый комплекс научно-технических средств и способов их использования, рекомендуемый криминалистикой для расследования той или иной категории преступлений”¹⁹.

Значительно дальше по пути утверждения важности вопросов организации расследования для криминалистики пошел М. П. Шаламов. Он выдвинул тезис, что организация деятельности органов следствия и дознания, направленной на раскрытие преступлений, составляет ядро предмета криминалистики и является поэтому важнейшей линией разграничения между уголовно-процессуальной и криминалистической науками: “Наука уголовного процесса имеет предметом своего изучения определенные стороны деятельности органов следствия и дознания, а криминастика — организацию этой деятельности”²⁰. В содержание понятия организации деятельности органов следствия и дознания он включил планирование следствия, учение о версии, предупреждение преступлений и возмещение материального ущерба, формы и методы использования помощи общественности при расследовании и розыске, взаимодействие органов следствия и дознания. Применение общих принципов организации с учетом специфики расследования отдельных видов преступлений, по мнению М. П. Шаламова, составляет существенный элемент основы криминалистической методики²¹.

В более поздних работах сущность первой из рассматриваемых нами позиций определилась более выпукло. Она заключается в том, что вопросы организации расследования включаются в содержание криминалистической методики в целом, без выделения их в самостоятельный структурный элемент этого раздела криминалистики.

Выражается эта позиция двояко. Одна группа криминалистов, не употребляя термин “организация расследования”, включает в содержание методики положения явно организационного характера, например, вопросы координации действий следователя и органов дознания, осо-

¹⁹ Там же, с. 348.

²⁰ *Шаламов М. П.* Некоторые проблемы советской криминалистики. М., 1965, с. 31. Не останавливаясь на детальном анализе концепции М. П. Шаламова, поскольку понятие предмета криминалистики и ее соотношение с наукой уголовного процесса рассматривались в первом томе Курса, заметим лишь, что предложенная им формула разграничения представляется нам весьма неопределенной, поскольку организация также является одной из сторон деятельности, одной из ее характеристик.

²¹ Там же, с. 32.

бенности планирования расследования в зависимости от вида преступлений и т. п. По такому пути идут А. Н. Колесниченко²², И. Ф. Пантелеев²³, Б. Л. Зотов²⁴, Н. А. Селиванов²⁵ и некоторые другие криминалисты.

Другая группа авторов прямо пишет об организации расследования, организационной деятельности следователя, организационных мероприятиях при рассмотрении проблем криминалистической методики. Так, С. П. Митричев указывал, что процесс расследования, помимо прочего, включает в себя "определение правильного направления и умелую организацию расследования"²⁶. И. А. Возгрин считает, что в предмет криминалистической методики входит разработка общих вопросов организации расследования и профилактики преступлений²⁷. А. Н. Васильев включал организацию начального и последующих периодов расследования в определение криминалистической методики²⁸. На важное значение вопросов организации для методики расследования неоднократно обращал внимание В. Г. Танасевич, который, правда, в их число включал и вопросы научной организации труда следователя, а не только организации процесса расследования²⁹.

²² **Колесниченко А. Н.** Общие положения методики расследования отдельных видов преступления. Харьков, 1965; **Колесниченко А. Н.** Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Харьков, 1976.

²³ **Пантелеев И. Ф.** Методика расследования преступлений. М., 1975.

²⁴ **Зотов Б. Л.** Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. М., 1955.

²⁵ **Селиванов Н. А.** Сущность методики расследования и ее принципы. — Соц. законность, 1976, № 5.

²⁶ **Митричев С. П.** Методика расследования отдельных видов преступлений. М., 1973, с. 7.

²⁷ См. **Возгрин И. А.:**

- Методика расследования преступлений и ее значение для преподавания криминалистики. — В кн.: Научно-технический прогресс и вопросы дальнейшего совершенствования подготовки политработников для внутренних войск и органов внутренних дел. Л., 1974, сс. 258-259;
- Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Л., 1976, сс. 18-19;
- Научные основы криминалистической методики расследования преступлений, ч. 1. СПб., 1992, сс. 57-61.

²⁸ **Васильев А. Н.** Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. — Соц. законность, 1975, № 4, с. 63.

²⁹ **Танасевич В. Г.** О предмете советской криминалистики (в порядке обсуждения). — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью, вып. 24, М., 1976, с. 117; **Танасевич В. Г.** *см. след. стр.*

Сущность второй из рассматриваемых позиций заключена в предложении выделить в криминалистической методике специальный раздел, посвященный проблемам организации либо начального этапа расследования, либо всего процесса расследования в целом. Этим взглядом, как уже указывалось, придерживался Д. Я. Мирский; их разделял А. М. Ларин, который считал, что в криминалистическую методику должна включаться «теория планирования и организации расследования»³⁰.

Мы полагаем, что вопросы организации расследования преступлений на уровне криминалистической методики как раздела науки должны составлять органическую часть всех ее составных элементов, но не выделяться из них в самостоятельный подраздел или теорию. Именно поэтому нельзя согласиться с А. Г. Филипповым, по инициативе которого в учебнике по криминалистике для вузов МВД был выделен самостоятельный раздел III между разделами тактики и методики — «Криминалистические вопросы организации раскрытия и расследования преступлений»³¹. В этот раздел, помимо других, включены главы о взаимодействии участников расследования, розыскной деятельности следователя и планировании расследования, которые большинство криминалистов вообще относят к криминалистической тактике. Представляется, что в таком серьезном вопросе, как система курса криминалистики, в соответствии с которой должна строиться структура учебника, едва ли допустимы подобные волюнтаристские решения.

Известно, что криминалистическая методика содержит общие рекомендации по расследованию всех вообще и отдельных видов преступлений. Разработанные на основе положений криминалистической науки, ее общей теории, реализующие средства и приемы криминалистической техники и тактики, опирающиеся на передовую следственную практику и учитывающие отрицательный опыт расследования, рекомендации криминалистической методики носят типовой характер, рассчитаны на некую типичную следственную ситуацию. Однако каждая следственная ситуация характеризуется как общими с другими однородными ситуациями, так и особенными, свойственными только ей чертами. Поэтому рекомендации методики не могут быть применены механически, стереотипно; они требуют учета ситуации, соответствующей корректировки, приспособления к условиям конкретного акта расследования ли-

насевич В. Г. Теоретические основы методики расследования преступлений. — Сов. государство и право, 1976, № 6, с. 92.

³⁰ *Ларин А. М.* Проблема общей методики расследования преступлений. М., 1976, с. 22.

³¹ Криминалистика, т. 2. Омск, 1993.

бо приложения определенных усилий для изменения следственной ситуации в благоприятную для применения рекомендаций криминалистической методики сторону.

О следственной ситуации и значении ее учета для эффективного использования рекомендаций криминалистической методики мы писали еще в 1959 г. Позднее мы неоднократно отмечали ситуационный характер работы с доказательствами и проявления закономерностей, “управляющих” этой деятельностью³². С середины 70-х гг. проблема следственной ситуации привлекала внимание многих криминалистов. Появились определения следственной ситуации В. К. Гавло, И. Ф. Герасимова, Л. Я. Драпкина и других, носящие противоречивый и взаимоисключающий характер. Так, В. К. Гавло определил следственную ситуацию “как совокупность фактических данных, которые отражают существенные черты события, каким оно представляется на том или ином этапе расследования”³³, то есть свел ее к совокупности доказательств по делу и их оценке. Такой “количественный” подход к следственной ситуации в значительной степени лишает ее детерминирующего по отношению к действиям следователя значения.

И. Ф. Герасимов пришел к выводу, что следственная ситуация — “это совокупность обстоятельств по делу (обстановка, положение), которая может быть благоприятной или неблагоприятной (в различной степени) для каких-либо выводов и действий следователя”³⁴. Впоследствии он отказался от этого определения и предложил иное: “Следственная ситуация — это сложившаяся на определенный момент расследования, внутренне необходимо склонная к изменению совокупность характеризующих расследование материальных, информационных и иных факторов и их оценка, которая обуславливает основные направления расследования, принятие решений и выбор способов дейст-

³² См. **Белкин Р. С.:**

- Криминалистика. М., 1959, сс. 331, 333;
- Собрание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М., 1966;
- Ленинская теория отражения и методологические проблемы криминалистики. М., 1970;
- Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. М. 1988.

³³ **Гавло В. К.** О следственной ситуации и методике расследования хищений, совершаемых с участием должностных лиц. — В кн.: Вопросы криминалистической методологии, тактики и методики расследования. М., 1973, с. 90.

³⁴ **Герасимов И. Ф.** Принципы построения методики раскрытия преступлений. — В кн.: Вопросы криминалистической методологии, тактики и методики расследования. М., 1973, с. 82.

вий”³⁵. Как в определении В. К. Гавло, так и в обоих определениях И. Ф. Герасимова следственная ситуация лежит как бы “внутри” процесса расследования, выступая либо как совокупность фактических данных **дела**, либо как совокупность обстоятельств по **делу**, либо как совокупность характеризующих непосредственно само расследование факторов. Этого не избежал и Л. Я. Драпкин, который попытался определить не реальную следственную ситуацию, а ее “информационную модель”³⁶. Между тем при таком понимании следственной ситуации становится неясным, почему следователь должен соотносить с ней свои действия.

Проблематика следственных ситуаций — одно из главных направлений исследований выдающегося уральского криминалиста **Леонида Яковлевича Драпкина**, широко известного своими работами в области теории следственных ситуаций и вообще ситуационного подхода к расследованию, теории криминалистических версий, проблем конфликтного взаимодействия, тактического риска, криминалистической характеристики преступлений. Ряд высказанных Л. Я. Драпкиным идей был с одобрением встречен научной общественностью и получил дальнейшее развитие в трудах многих криминалистов.

Проблемы следственной ситуации мы предполагаем специально рассмотреть в следующем томе Курса. Здесь же остановимся лишь на некоторых вопросах этой проблемы, рассмотрение которых представляется необходимым для уяснения соотношения организации и методики расследования.

Мы полагаем, что следственная ситуация по отношению к процессу расследования носит преимущественно внешний характер. Это совокупность условий, в которых в данный момент осуществляется расследование. Они складываются, формируются под воздействием ряда объективных и субъективных факторов.

К числу объективных факторов, влияющих на формирование следственной ситуации, относятся:

- ♦ наличие и характер имеющейся в распоряжении следователя доказательственной и ориентирующей информации, что зависит от меха-

³⁵ **Герасимов И. Ф.** Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск, 1975, с. 178.

³⁶ **Драпкин Л. Я.** Понятие и классификация следственных ситуаций. — В кн.: Следственные ситуации и раскрытие преступлений. — Научные труды Свердловского юрид. института, вып. 41. Свердловск, 1975, сс. 28-29; **Драпкин Л. Я.** Основы теории следственных ситуаций. Свердловск, 1987, сс. 13-14.

низма расследуемого события и условий возникновения его следов в окружающей среде;

- ◆ наличие и устойчивость существования еще неиспользованных источников доказательственной информации и надежных каналов поступления ориентирующей информации;
- ◆ интенсивность процессов исчезновения доказательств и сила влияющих на эти процессы факторов;
- ◆ наличие в данный момент в распоряжении следователя, точнее, органа расследования, необходимых сил, средств и возможность их использования оптимальным образом.

К числу субъективных факторов, влияющих на формирование следственной ситуации, следует, на наш взгляд, отнести:

- ◆ противодействие установлению истины со стороны преступника и его связей, а иногда и потерпевшего;
- ◆ усилия следователя, направленные на изменение следственной ситуации в благоприятную для следствия сторону;
- ◆ последствия ошибочных действий следователя и оперативного работника;
- ◆ непредвиденные действия потерпевшего или лиц, непричастных к событию.

Сочетание и результаты воздействия всех этих факторов обуславливают индивидуальность следственной ситуации в каждый данный момент расследования, ее благоприятный или неблагоприятный для следствия характер. Благоприятная следственная ситуация учитывается и используется непосредственно в целях решения стоящих перед следователем задач; неблагоприятная — учитывается для воздействия на нее с целью, прежде всего, ее изменения в благоприятную сторону. Учет существующей следственной ситуации с целью приспособления к ней типовой криминалистической методики, диктуемая ситуацией корректировка этой методики, целенаправленное воздействие на следственную ситуацию и составляют сущность организации конкретного акта расследования. Таким образом, можно сделать вывод, что организация расследования в этом случае выступает как необходимое условие эффективного применения конкретной частной криминалистической методики, ибо «сочинить такой рецепт или такое общее правило... которое бы годилось на все случаи, есть нелепость. Надо иметь собственную голову на плечах, чтобы в каждом отдельном случае уметь разобраться»³⁷.

³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 52.

На основе учета следственной ситуации реализуются такие принципы организации расследования, как планирование конкретного акта расследования, экономичность его осуществления, обеспечение условий для применения криминалистических средств и методов, взаимодействие привлеченных к расследованию сил. Свою материализацию организация конкретного акта расследования получает в плане расследования, который не случайно называют **организующим** началом расследования.

Разумеется, организация конкретного акта расследования не сводится к составлению плана расследования. “Продуктом” организации являются конкретные меры, направленные на обеспечение выполнения запланированной программы, на обеспечение реализации плана расследования. В принципе любая организационная деятельность есть обеспечение достижения определенных целей, в рассматриваемом случае — целей расследования конкретного преступления.

Организацию конкретного акта расследования нельзя смешивать или сводить, таким образом, к организационным или организационно-техническим мероприятиям по делу, как это делает А. М. Ларин³⁸. Они — лишь один из инструментов, средств организации расследования. Кроме них, в качестве средства организации конкретного акта расследования может быть использована ориентирующая информация, полученная из оперативных источников, материалы предварительной проверки, данные криминалистической науки и т. п. Средством организации конкретного акта расследования после возбуждения уголовного дела может служить и тактическая комбинация, если ее целью является создание условий, необходимых для производства успешного расследования, то есть воздействие на следственную ситуацию для изменения ее в благоприятную для следствия сторону³⁹.

Тактическая комбинация — это определенное сочетание тактических приемов или следственных действий, преследующее цель решения конкретной задачи и обусловленное этой целью и следственной ситуацией. Мы различаем простые (элементарные) и сложные тактические комбинации. Простая тактическая комбинация ограничена рамками одного следственного действия, сложная тактическая комбинация — рамками

³⁸ Ларин А. М. Указ. работа, с. 59.

³⁹ Проблематику тактических комбинаций предполагается подробно рассмотреть в третьем тома Курса.

конкретного акта расследования. В аспекте организации расследования целью тактической комбинации является воздействие на факторы, формирующие следственную ситуацию, в направлении, отвечающем интересам следствия. Это может быть создание условий, ослабляющих или снимающих противодействие лица, незаинтересованного в установлении истины по делу, либо создание условий, необходимых вообще для проведения следственных действий или обеспечивающих их результативность, обеспечение следственной тайны, в том числе сохранение в тайне источника используемой информации, обеспечение сохранности до необходимого момента еще не использованных источников доказательственной информации и т. п.

Таково, с нашей точки зрения, принципиальное решение вопроса о соотношении организации расследования и криминалистической методики.

12.3. Организация экспертного исследования доказательств

Наряду со следователем эксперт может быть субъектом исследования доказательств, поэтому его деятельность также охватывается понятием организации работы с доказательствами.

С точки зрения организации, экспертное исследование доказательств можно рассматривать в трех аспектах. Во-первых, как организационные начала построения и функционирования системы экспертных учреждений или деятельности отдельного экспертного учреждения — его структуры, функций, места в системе органов, осуществляющих судебное исследование, и т. п. Это — область науки управления, которая сейчас не является предметом нашего исследования. Во-вторых, как организацию трудовой деятельности эксперта, определение режима его рабочего времени, совершенствование последовательности и структуры его трудовых операций, организацию необходимых условий труда и т. п. Это — область научной организации труда эксперта как специального раздела науки управления. И, наконец, в-третьих, как организация процесса экспертизы и принципы, лежащие в ее основе, то есть как деятельность, обеспечивающую выполнение экспертом его основной процессуальной функции — исследование доказательств и дачу

заключения. Именно этот аспект и является объектом нашего рассмотрения.

Организация экспертного исследования доказательств осуществляется на двух уровнях: на уровне руководителя экспертного учреждения и на уровне эксперта, осуществляющего исследование.

Организация на уровне руководителя экспертного учреждения выражается в распределении между сотрудниками экспертных заданий, в обеспечении необходимых условий для их выполнения, контроле за сроками и качеством выполнения экспертных заданий, в обеспечении необходимых условий для их выполнения. Сюда же входит и комплектование групп экспертов для производства комиссионных и комплексных экспертиз и организация в этих целях при необходимости взаимодействия с другими экспертными учреждениями. Как правильно отмечал А. Р. Шляхов, “в судебно-следственной практике часто возникают вопросы, решить которые можно лишь путем комплексного исследования специалистов различных отраслей науки и техники. Такие исследования трудно организовать силами одного учреждения. Участие в производстве экспертиз высококвалифицированных специалистов разных учреждений сделало бы исследования более глубокими, а заключения — более достоверными. Было бы полезным, чтобы в производстве сложных экспертиз принимали участие не только эксперты институтов или лабораторий судебной экспертизы, но и работники оперативно-технических отделов (отделений)”⁴⁰, то есть эксперты разных ведомств.

Организация экспертного исследования на уровне эксперта-исполнителя преследует цель обеспечения выполнения экспертного задания. Она включает в себя:

- ◆ а) определение выполнимости экспертного задания;
- ◆ б) проверку полноты и качества объектов исследования;
- ◆ в) решение вопроса о достаточности материалов для исследования;
- ◆ г) установление материальной обеспеченности применения избранной методики экспертного исследования;
- ◆ д) планирование экспертного исследования;
- ◆ е) организацию обмена информацией при проведении комиссионных и комплексных экспертиз;
- ◆ ж) обеспечение необходимыми справочными и общенаучными данными.

⁴⁰ Шляхов А. Р. Процессуальные и организационные основы криминалистической экспертизы. М., 1972, с. 51.

В основе организации экспертного исследования доказательств на обоих указанных уровнях лежат принципы специализации и планирования⁴¹.

Принцип специализации может быть реализован в системе экспертных учреждений, в структуре отдельного экспертного учреждения, в направлении деятельности эксперта. В первом случае речь идет о таком построении системы экспертных учреждений, когда каждое из них выполняет лишь определенный род исследований: криминалистические, судебно-бухгалтерские и т. п. Во втором случае специализация осуществляется внутри экспертного учреждения — по отделам, секторам, лабораториям. Такая специализация может быть предметной — по родам или видам экспертиз и по методам исследования⁴². В конечном счете специализация выражается в деятельности каждого конкретного эксперта, отражая комплекс его знаний и навыков.

В циркулярном письме ОТУ МВД СССР за № 13/1587 от 15 августа 1969 г., адресованном начальникам ОТО, НТО, рекомендуется специализировать сотрудников по таким направлениям, как: исследование документов, дактилоскопические исследования, трасологические и баллистические исследования, специальные виды исследований (физико-химические и биологические). Соответственно рекомендуется в зависимости от количества сотрудников и объема выполняемой работы организовать четыре сектора-отделения⁴³.

Специализация экспертов может быть родовой, когда эксперт специализируется на производстве всех видов экспертиз данного рода, и видовой, то есть более узкой (в криминалистике — почерковеды, баллисты, трасологи и т. п.). Основываясь на различии между этими видами специализации, А. Р. Шляхов, как нам кажется, справедливо выделяет две формы комплексных экспертиз: “Разнородные, при производстве которых решаются пограничные вопросы нескольких видов судебной экспертизы, и разнородные, которые чаще всего проводятся несколькими экспертами, специалистами в одной и той же области знания”⁴⁴.

⁴¹ О планировании экспертного исследования доказательств см. гл. 9 настоящего тома.

⁴² Шляхов А. Р. Указ. работа, с. 56.

⁴³ Приводится по кн.: Зуев Е. И. Организация работы криминалистических подразделений органов внутренних дел. М., 1971, с. 19.

⁴⁴ Шляхов А. Р. Указ. работа, с. 109.

В концепциях общей теории судебной экспертизы вопросы организации процесса экспертного исследования специально обозначены в моделях структуры этой теории⁴⁵.

⁴⁵ См. **Аверьянова Т. В.** Содержание и характеристика методов судебно-экспертных исследований. Алма-Ата, 1991, с. 13; **Бычкова С. Ф.** Становление и тенденции развития науки о судебной экспертизе, Алма-Ата, 1994, с. 186 и др. работы.

Указатель биографических описаний

<i>Драпкин</i> Леонид Яковлевич	428
<i>Дулов</i> Андрей Васильевич	219
<i>Кирсанов</i> Зиновий Иванович	310
<i>Комаринец</i> Борис Максимович	25
<i>Корухов</i> Юрий Георгиевич	261
<i>Лузгин</i> Игорь Михайлович	376
<i>Митричев</i> Виталий Степанович	251
<i>Селиванов</i> Николай Алексеевич	81
<i>Соя-Серко</i> Лелиан Алексеевич	420
<i>Шевченко</i> Борис Иванович	26
<i>Шляхов</i> Александр Романович	293
<i>Эйсман</i> Алексей Александрович	81

Оглавление

1. Система частных криминалистических теорий и тенденции ее развития	3
1.1. Общая характеристика системы частных криминалистических теорий.....	3
1.2. Тенденции развития системы частных криминалистических теорий.....	8
1.2.1. Пополнение системы частных криминалистических теорий.	9
1.2.2. Обновление (модернизация) системы частных криминалистических теорий.	23
1.2.3. Формализация системы частных криминалистических теорий.	28
1.2.4. Адаптация системы частных криминалистических теорий.	29
2. Криминалистическое учение о механизмах следообразования	31
2.1. Развитие научных представлений о механизмах следообразования.....	31
2.2. Понятийная часть учения о механизмах следообразования.....	39
2.2.1. Понятие следа	39
2.2.2. Механизм следообразования.....	43
2.3. Классификационная часть учения о механизмах следообразования.....	49
2.4. Функциональная часть учения о механизмах следообразования.....	54
3. Криминалистическое учение о признаках	64
3.1. Понятие признака в криминалистике.....	64
3.2. Классификации признаков в криминалистике.....	78

3.2.1. Общие субстанциональные классификации.....	79
3.2.2. Общие объемные классификации.....	89
3.2.3. Общие функциональные классификации	91
3.2.4. Объектовые классификации признаков	93
3.3. Совокупности и системы признаков	97
4. Криминалистическое учение о фиксации	
доказательственной информации.....	101
4.1. Понятие фиксации доказательственной информации.....	101
4.2. Общая характеристика форм, методов и средств	
фиксации доказательственной информации.....	109
4.3. Вербальная и графическая формы фиксации	
доказательственной информации.....	121
4.4. Предметная и наглядно-образная формы	
фиксации доказательственной информации.....	138
4.5. Перспективы развития криминалистического учения	
о фиксации доказательственной информации.....	157
5. Учение о криминалистической регистрации	162
5.1. Развитие научных основ криминалистической	
регистрации.....	162
5.2. Современное состояние учения	
о криминалистической регистрации.....	167
5.3. Перспективы развития учения о криминалистической	
регистрации и практики функционирования	
криминалистических учетов	176
6. Криминалистическое учение о розыске	191
6.1. Понятие и содержание криминалистического учения	
о розыске.....	191
6.2. Проявление закономерностей возникновения	
доказательств и работы с ними в розыскной	
деятельности следователя	204
6.3. Характеристика содержательной стороны розыска	
как объекта криминалистической теории.....	216

6.4. Тенденции и перспективы развития криминалистического учения о розыске	227

7. Теории криминалистической идентификации и криминалистической диагностики	234
7.1. Формирование теории криминалистической идентификации.....	234
7.2. Терминологический аппарат теории криминалистической идентификации	247
7.3. Криминалистическая идентификация или идентификация в криминалистике?	251
7.4. Групповая (видовая, родовая) идентификация или установление групповой принадлежности?	259
7.5. Формы (виды) криминалистической идентификации	268
7.6. Теория криминалистической диагностики	273
8. Криминалистическая экспертиза и криминалистическая теория	281
8.1. Идея науки об экспертизе, ее возникновение и развитие.....	281
8.2. Общие принципы методики криминалистических экспертных исследований как частная криминалистическая теория.....	296
8.3. Предмет и объект криминалистической экспертизы	303
8.4. Классификация видов криминалистической экспертизы. Проблема новых видов криминалистической экспертизы	311
8.5. О внутреннем убеждении судебного эксперта и экспертных ошибках.....	323
9. Учение о криминалистической версии и планировании судебного исследования.....	338
9.1. Развитие учения о криминалистической версии и планировании судебного исследования	338
9.2. Понятийный и классификационный аппарат учения: криминалистическая версия	346
9.3. Понятийный и классификационный аппарат учения: планирование судебного исследования	367
9.3.1. Планирование расследования	367
9.3.2. Планирование судебного следствия	379

9.3.3. Планирование экспертного исследования	381
10. Криминалистическая теория причинности.....	387
10.1. Содержание криминалистической теории причинности	387
10.2. Проблемные вопросы установления механизма события с помощью следственных (судебных) действий	399
10.3. Проблемные вопросы экспертного установления причинно-следственных связей	408
11. Теория криминалистического прогнозирования и временных связей и отношений	415
11.1. Содержание теории криминалистического прогнозирования	415
11.2. Основные элементы теории криминалистического прогнозирования.....	421
11.2.1. Понятие и методологические основы криминалистического прогнозирования.	421
11.2.2. Основные направления криминалистического прогнозирования.	425
11.3. Криминалистическая теория временных связей и отношений.	436
12. Общие принципы организации деятельности по сборанию, исследованию, оценке и использованию доказательств	441
12.1. Понятие и уровни организации работы с доказательствами.....	441
12.2. Организация расследования и криминалистическая методика.....	448
12.3. Организация экспертного исследования доказательств.....	456
Указатель биографических описаний.....	460

Оглавление 461